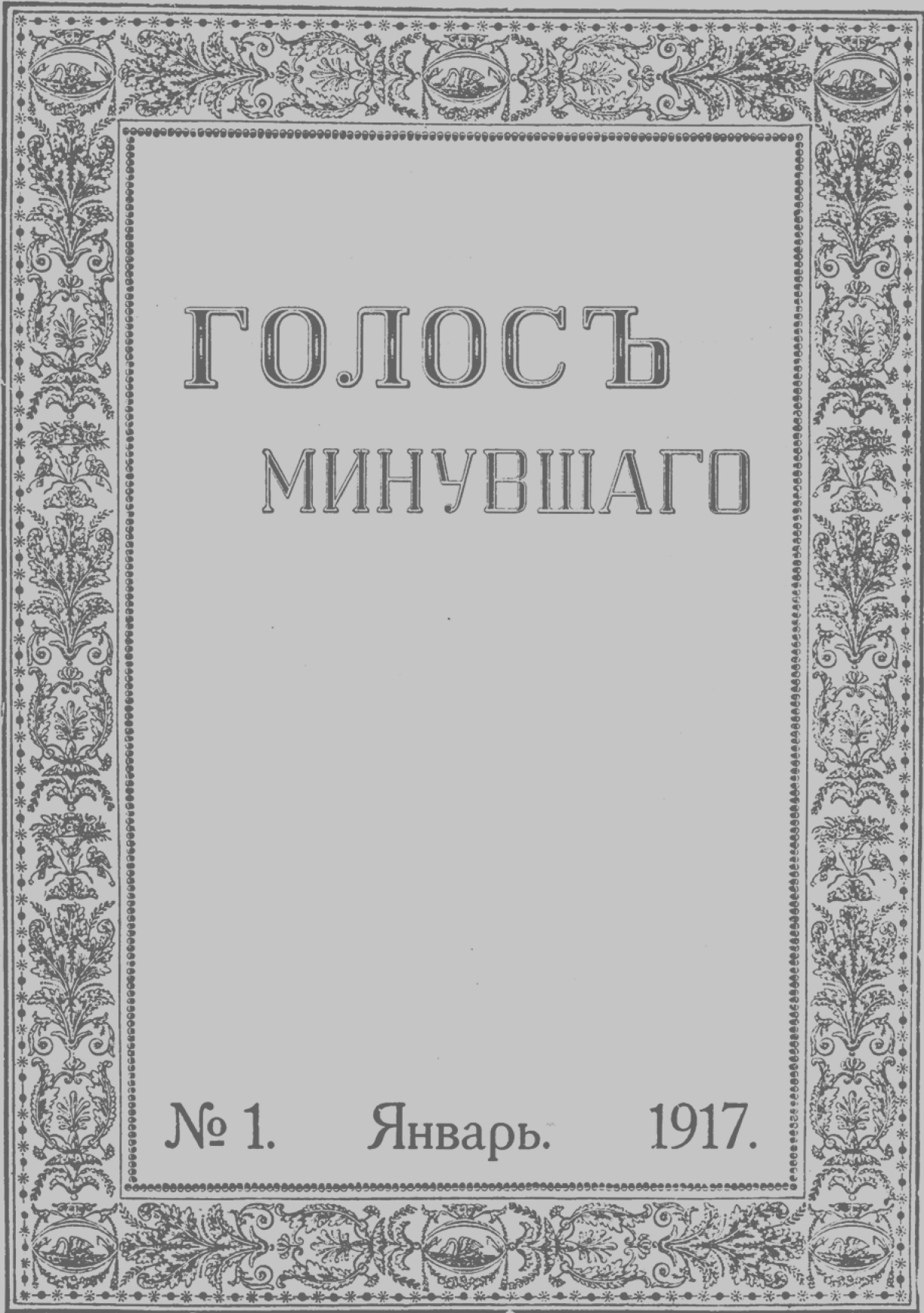

ГОЛОСЪ МИНУВШАГО

№ 1. Январь. 1917.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Стран.
I. Н. В. Давыдовъ. Изъ прошлаго: Кн. С. Н. Трубецкой.	5
II. Н. Роминскій. Наркизь-воинъ (воспоминанія изъ военнаго быта)	35
III. С. П. Мельгуновъ. Одинъ изъ русскихъ розенкрейцеровъ (П. И. Сафоновъ).	73
IV. О. И. Покровскій. Поиски П. А. Кропоткина за границей въ 1876 г. (Изъ бумагъ ген. Смѣльского).	84
V. Массонъ. Русское общество въ концѣ XVIII вѣка. Пер. П. Степаповой.	94
VI. И. А. Линиченко. Политическія воззрѣнія Н. М. Карамзина.	116
VII. Б. А. Модзалевскій. Изъ исторіи петербургскаго университета 1857—59 г.г. (Изъ бумагъ Л. И. Модзалевскаго).	135
VIII. С. А. Ефремовъ. Иванъ Франко.	171
IX. Н. А. Морозовъ. Любомирскій (разсказъ изъ жизни 70 г.г.). .	185
X. А. А. Кизеветтеръ. В. И. Семевскій въ его ученыхъ трудахъ. . .	199
XI. Г. И. Потанинъ. Памяти В. И. Семевского.	223
XII. И. П. Бѣлоконскій. Отрывки изъ воспоминаній.	227
XII. А. Ильинскій. Духоборы въ Якутской области (1897—1905 г.г.)	243
XIV. Матеріалы по исторіи русской общественности и журналистики. 1. О. В. Покровская. Изъ переписки Н. И. Костомарова съ В. И. Ламанскимъ. 2. Н. О. Лернеръ. Письмо А. А. Дельвига къ В. И. Григоровичу. 3. Н. О. Лернеръ. Письма А. А. Бестужева-Марлинскаго. 4. В. П. Науменко. Изъ исторіи возникновенія «Московского Наблюдателя» (съ предисловіемъ В. И. Семевского).	264
XV. Мелочи прошлаго. 1. К. В. Сивковъ. Пѣсня о Павлѣ I. 2. Сосѣдская любезность въ эпоху крѣпостного права. 3. К. В. Сивковъ. Стологаданіе въ 1853 г. 4. И. Н. Розановъ. Сатира кн. П. А. Вяземскаго на Каткова. 5. А. А. Г. Антонъ Горемыка.	278
XVI. Б. Д. Федоровъ. Цензоръ Кассовичъ объ изданіи Герцена. .	287
XVII. Критика и библиографія.	293
XVIII. Письмо въ Редакцію Н. Г. Высоцкаго.	323
XIX. О фондѣ имени В. И. Семевского.	324
XX. Объявленія.	
Рисунки: 1) Портретъ кн. С. Н. Трубецкого и В. С. Соловьева; 2) не- изданный портретъ А. И. Герцена; 3) портретъ Ивана Франко. Заставки изъ изданія 1742 г. «Oeuvres de Fontenelle» (рис. Picart).	

ГОЛОСЪ МИНУВШАГО

ЖУРНАЛЪ ИСТОРИИ и ИСТОРИИ ЛИТЕРАТУРЫ.

(Годъ изданія V)

*Свѣтлой памяти
В. И. Семевского.*

№ 1. Январь. 1917.

МОСКВА.
Типографія Т-ва Рябушинскихъ. Страстной бул., Путинковскій пер., соб. домъ.
1917.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Стр.
I. Н. В. Давыдовъ. Изъ прошлаго: Кн. С. Н. Трубецкой	5
II. Н. Роминскій. Наркизь-воинъ (воспоминанія изъ военного быт)	35
III. С. П. Мельгуновъ. Одинъ изъ русскихъ розенкрейцеровъ (П. И. Сафоновъ)	73
IV. О. И. Покровский. Поиски П. А. Кропоткина за границей въ 1876 г. (Изъ бумагъ ген. Смѣльского)	84
V. Массонъ. Русское общество въ концѣ XVIII вѣка. Пер. П. Степановой	94
VI. И. А. Линниченко. Политическія воззрѣнія Н. М. Карамзина .	116
VII. Б. А. Модзалевскій. Изъ исторіи петербургскаго университета 1857—59 г.г. (Изъ бумагъ Л. И. Модзалевскаго)	135
VIII. С. А. Ефремовъ. Иванъ Франко	171
IX. Н. А. Морозовъ. Любомирскій (разсказъ изъ жизни 70 г.г.) . .	185
X. А. А. Кизеветтеръ. В. И. Семевскій въ его ученыхъ трудахъ . . .	199
XI. Г. И. Потанинъ. Памяти В. И. Семевского	223
XII. И. П. Бѣлоконскій. Отрывки изъ воспоминаній	227
XIII. А. Ильинскій. Духоборы въ Якутской области (1897—1905 г.г.)	243
XIV. Матеріалы по исторіи русской общественности и журналистики. 1. О. В. Покровская. Изъ переписки Н. И. Костомарова съ В. И. Ламанскимъ. 2. Н. О. Лернеръ. Письмо А. А. Дельвига къ В. И. Григоровичу. 3. Н. О. Лернеръ. Письма А. А. Бестужева-Марлинскаго. 4. В. П. Науменко. Изъ исторіи возникновенія «Московского Наблю- дателя» (съ предисловіемъ В. И. Семевского)	264
XV. Мелочи прошлаго. 1. К. В. Сивковъ. Пѣсня о Павлѣ I. 2. Сосѣдская любезность въ эпоху крѣпостного права. 3. К. В. Сивковъ. Стологаданіе въ 1853 г. 4. И. Н. Розановъ. Сатира кн. П. А. Вяземскаго на Каткова. 5. А. А. Г. Антонъ Горемыка	278
XVI. Б. Д. Федоровъ. Цензоръ Кассовичъ объ изданіи Герцена . .	287
XVII. Критика и библіографія. Н. К. Пиксановъ. Алексѣй Веселовскій. Западное вліяніе въ новой русской литературѣ. П. И. Зайцевъ. Памяти И. И. Срезневскаго Ю. Оксманъ. Б. Рапофъ. Павлова. А. Л. Фовицкій. Н. Долговъ. А. Е. Мартыновъ. С. П. Мельгуновъ. Россія и ея союзники въ борьбѣ за цивилизацію. Г. И. Шрейдеръ. Е. В. Тарле. Экономическая жизнь королевства Италіи въ	

	<i>Стр.</i>
царствованіе Наполеона I. С. И. Радцигъ. Фукидидъ.	
Исторія. Н. Р. Вѣнокъ Врангелю. В. И. Сторожевъ.	
Новѣйшій опытъ обзора правительственной дѣятельности	
Павла I.	293
XVIII. Письмо въ Редацію Н. Г. Высоцкаго	323
XIX. О фондѣ имени В. И. Семевского	324
XX. Объявленія .	
Рисунки: 1) Портретъ кн. С. Н. Трубецкаго и В. С. Соловьева; 2) не-	
изданный портретъ А. И. Герцена; 3) портретъ Ивана Франко.	
Заставки изъ изданія 1742 г. «Oeuvres de Fontenelle» (рис. Picart).	

Изъ прошлаго ¹⁾.

Князь С. Н. Трубецкой.

Слишкомъ значительна и духовно богата личность Сергѣя Николаевича Трубецкого, чтобы забыть о ней; чувствуется потребность хотя на время вернуть ее изъ прошлаго и дать себѣ отчетъ въ томъ, каковъ именно былъ Трубецкой, чего можно было отъ него ожидать и чего мы лишились, потерявъ его. Къ счастью, С. Н. не весь ушелъ; многое оставилъ онъ намъ въ своихъ твореніяхъ; въ нихъ отразилась лишь часть его мыслей, онъ не успѣлъ печатнымъ словомъ высказать все свое міросозерцаніе, коснуться всѣхъ сторонъ нашей жизни, не все написанное имъ къ тому же легко доступно читателю, стоящему въ сторонѣ отъ философіи, но тѣмъ не менѣе, литературное богатство, оставленное намъ въ наслѣдіе С. Н., велико и важно.

Въ моихъ воспоминаніяхъ я не задаюсь цѣлью дать критическій очеркъ его творчества, анализъ его работъ и дополнить картину его міросозерцанія. Я просто изложу то, что знаю о немъ, опишу его какъ человѣка.

С. Н. я зналъ еще въ дѣтствѣ его; насъ связывали, помимо дружбы, родственныя узы, но искреннѣйшая моя привязанность къ нему и почитаніе памяти его не вызоветъ съ моей стороны преувеличенія его достоинствъ; я передамъ совершенно объективно все мнѣ о немъ извѣстное, и близость моя съ нимъ послужитъ лишь достовѣрнымъ источникомъ, изъ котораго я буду черпать мои воспоминанія.

Родители С. Н. хорошо извѣстны Москвѣ. Они еще не такъ

¹⁾ См. «Гол. М н.» 1916 г. № 12.

давно сошли въ могилу. Много Москвичей и теперь безъ сомнѣнія помнятъ высокую, но уже сутуловатую, фигуру отца С. Н. князя Николая Петровича Трубецкого,—состоявшаго съ основанія Московскаго отдѣленія русскаго музыкальнаго Общества безсмѣннымъ директоромъ его,—медленно входящаго въ Дворянское Собраніе, а позднѣе въ залъ Консерваторіи во время исполнительныхъ собраній Общества. Николай Петровичъ—коренной Москвичъ, проживая въ Москвѣ (лѣтъ 10 онъ провелъ съ семьею въ Калугѣ), былъ извѣстенъ какъ дѣйствительный любитель и знатокъ музыки. Онъ въ значительной степени содѣйствовалъ открытію въ Москвѣ музыкальнаго Общества и учрежденію Консерваторіи, энергично работая на этомъ поприщѣ съ Н. Г. Рубинштейномъ, съ которымъ его связывала близкая дружба. У. Н. П. собирались, впрочемъ, не только музыкальные дѣятели Москвы, но и представители другихъ отдѣловъ искусства. Супруга князя и мать С. Н. Софья Алексѣевна, рожденная Лопухина (о семьѣ Лопухиныхъ я говорилъ въ моей книгѣ «Изъ прошлаго»), выдающаяся умомъ, развитіемъ и общей талантливостью, жила исключительно въ тѣсномъ семейномъ кругу, посвятивъ себя полностью воспитанію своихъ дѣтей. Она далеко не ограничивалась обычными заботами о физическомъ здоровьѣ дѣтей, но столько же, если не больше, вниманія удѣляла ихъ нравственному и умственному развитію, сама непосредственно заботясь о немъ и входя во всѣ интересы и самую жизнь дѣтей. Слѣдя за ходомъ ученія сыновей, она сама изучала, напримѣръ, латинскую грамматику. Эти ея заботы не были напрасны; вліяніе Софьи Алексѣевны на дѣтей было велико и благотворно, авторитетность ея не пала, когда они уже вышли изъ дѣтства и, конечно, во многомъ ея вліяніе сказалось на нихъ въ зрѣломъ возрастѣ. Впрочемъ, и физически, и духовнымъ складомъ многіе изъ молодыхъ Трубецкихъ, а въ особенности С. Н., походили на Софью Алексѣевну, воплотивъ въ себѣ черты Лопухинской семьи, а также лучшія свойства отца.

С. Н. унаслѣдовалъ отъ родителей музыкальность и любовь ко всему художественному, соединенную съ тонкимъ его пониманіемъ. Но не эта сторона духовной жизни влекла его къ себѣ. По мѣрѣ развитія, въ немъ все болѣе и болѣе сказывалась склонность къ отвлеченному мышленію, къ философіи и охватывала горячая, я готовъ сказать, страстная жажда знанія, стремленіе къ наукѣ. Знаніе давалось ему легко, и прирожденные способности вѣрно указывали ему уже въ ранней молодости путь, которымъ надо итти, чтобы пріобщиться къ наукѣ. Еще въ гимназическіе годы (С. Н. учился въ Калужской гимназіи) онъ, независимо отъ занятій въ гимназіи, какъ бы не чувствовавшихся

даже имъ, работалъ по интересующимъ его предметамъ, а именно по философіи, богословію, и отчасти классическимъ языкамъ и литературѣ, не разбрасываясь, не какъ случайный диллетантъ, а методично, серьёзно, благодаря чему, вступая въ 1881 году на историко-филологическій факультетъ Московскаго Университета, онъ не былъ новичкомъ въ дѣлѣ усвоенія научныхъ истинъ и по многимъ отдѣламъ университетской программы могъ, да и работалъ самостоятельно, не нуждаясь въ посторонней помощи. Характернѣйшей чертой С. Н. была любовь къ наукѣ въ самомъ широкомъ и полномъ значеніи этого слова. Онъ любилъ науку не только какъ нѣчто стоящее внѣ его, привлекательное, но трудно доступное, дающееся лишь при утомительномъ, тяжеломъ трудѣ; наука была его стихіей; работая научно онъ «былъ дома», въ своей сферѣ, работа эта не мучила, не утомляла его, а напротивъ въ ней онъ находилъ полное удовлетвореніе и отдохновеніе отъ тяжело давившей его, временами, окружающей общественности и иныхъ трудовъ и заботъ, взваленныхъ въ послѣдствіи судьбою на его плечи. С. Н. обладалъ выдающеюся работоспособностью и усидчивостью, на первый взглядъ какъ бы противорѣчившей даже его подвижной, впечатлительной натурѣ и нѣкоторой страстности. Но всѣ эти черты уживались въ немъ, уравниваясь и регулируясь, при научныхъ работахъ, его любовью къ наукѣ.

Часто наука, постоянная работа въ ней и для нея беретъ у человѣка все, составляетъ его исключительное содержаніе и одна господствуетъ въ жизни, подчиняя себѣ все остальное и отчуждая отъ другихъ факторовъ. Но не таковъ былъ С. Н. Сухости, научнаго педантизма, отчужденія отъ жизни и высокомернаго презрѣнія къ ней въ немъ не было и слѣда. Напротивъ, жизненность была въ немъ ключомъ, и душа его давала отзвукъ на все прекрасное, истинное, не замыкалась въ одной какой-либо области. Кропотливый работникъ въ тѣ моменты научнаго изслѣдованія, когда это требовалось для успѣха работы, философъ и глубокій религіозный мыслитель, въ теченіе всей своей жизни проводившій большую часть времени за книгами и творческой научной работой, С. Н. не отказывался однако отъ міра и людей, не отряхалъ жизненнаго праха, его идеально чистое, благородное сердце не теряло потребности въ общеніи съ людьми, въ дѣятельной любви къ нимъ. Поэзія, музыка, живопись, скульптура, театръ, красота—въ чемъ бы она ни проявлялась, если только она не была мишурной, все это было близко ему, волновало и увлекало его. Казалось, духовными очами онъ, не будучи специалистомъ, проникалъ въ самую сущность заинтересовавшаго его отдѣла человѣческаго творчества и вѣрно оцѣнивалъ его,

легко находя драгоцѣнную крупицу тамъ, гдѣ она существовала, и откидывая все ненужное, наносное, иногда пошлое и мелкое, что окружало и скрывало ее отъ глазъ большинства. Послѣ упорной, требовавшей умственного напряженія работы, онъ умѣлъ перейти, не нарушая своего душевнаго равновѣсія, къ веселой бесѣдѣ среди друзей, оживляя ее присущимъ ему блестящимъ юморомъ, увлекаая всѣхъ своею живостью и талантливостью. Рядомъ съ такимъ замѣчательнымъ, выдающимся научнымъ трудомъ какъ его «Логосъ» С. Н. написалъ, для семейнаго или интимнаго круга друзей, не мало юмористическихъ вещей, благозвучныхъ, остроумныхъ, иногда ѣдкихъ и справедливо гнѣвныхъ, бичующихъ стиховъ. Такихъ, носящихъ характеръ гнѣвныхъ памфлетовъ, произведеній не мало у С. Н. и въ прозѣ. Часть ихъ имѣется въ посмертномъ изданіи его сочиненій. С. Н. не относился вообще безразлично къ совершавшемуся вокругъ него; гнѣвъ и негодованіе были не чужды ему, и онъ умѣлъ, никогда впрочемъ не нарушая надлежащихъ границъ, давать имъ исходъ. Будучи человекомъ безусловно добрымъ и обычно мягкимъ, онъ умѣлъ, однако, въ случаѣ необходимости дать рѣзкій отпоръ и высказать прямо въ лицо свое негодованіе тому, кто его заслуживалъ.

Экспансивнымъ С. Н. не былъ, онъ никому не навязывался, но также никого и не чуждался, а съ людьми, сколько-нибудь ему близкими, былъ всегда откровененъ; скрытность, что-либо подобное хитрости, были совершенно чужды С. Н.,—онъ былъ человекъ въ полной мѣрѣ правдивый и довѣрчивый. Практичность обыденная, сказывающаяся въ умѣломъ устройствѣ личныхъ дѣлъ матеріальныхъ и карьерныхъ, не была свойственна С. Н., но онъ обладалъ совершенно иной практичностью, проявлявшейся въ его общественной дѣятельности. Онъ умѣлъ на этомъ поприщѣ достигать положительныхъ результатовъ, умѣлъ объединять людей разныхъ взглядовъ и направлять ихъ дѣятельность къ одной общей цѣли; онъ былъ удачный организаторъ и умѣлъ, будучи идеалистомъ чистой воды, итти для осуществленія задуманнаго благого дѣла на извѣстные компромиссы именно въ той степени, при которой они не грозили искаженіемъ заложенныхъ въ дѣло принциповъ. Громадную помощь въ этомъ отношеніи оказывала С. Н. его обаятельность и убѣжденіе лицъ, къ которымъ онъ обращался, и цѣлыхъ общественныхъ группъ, въ его искренности, умѣ и благородствѣ мыслей. С. Н. убѣждалъ и побуждалъ слушателей своими выступленіями и рѣчами, хотя краснорѣчіемъ онъ не обладалъ. Рѣчь его не отличалась ни красотой выраженій и образовъ, ни плавностью, но въ ней звучала глубокая убѣжденность, вѣра въ дѣло, за которое онъ ратовалъ.

неотразимая логика и та особенная духовная сила, не поддающаяся учету, неуловимая, зависящая отъ особой талантливости, но властно покоряющая слушателей. Мы многократно приходилось присутствовать при словесныхъ выступленіяхъ С. Н. въ совершенно различныхъ по личному составу собраніяхъ и быть свидѣтелемъ производимаго имъ на слушателей впечатлѣнія, склонявшаго принципиальныхъ противниковъ его къ уступкамъ и даже принятію полностью его мнѣній. Особенно рельефно сказывалась эта, свойственная С. Н., сила убѣжденія на студенческихъ собраніяхъ и, между прочимъ, имъ же организованнаго студенческаго историко-филологическаго общества. Въ то время (1902—1904 г.г.) «политическія» теченія проникли и въ академическую жизнь и, волнуя и возбуждая университетскую молодежь, вызывали съ ея стороны, радикальныя выступленія, протесты и всевозможныя нападки даже на бюро историко-филологическаго общества, въ сущности вызываемыя только охватившимъ студенчество возбужденіемъ, потребностью протеста, во что бы то ни стало. Во главѣ бюро стоялъ основатель и руководитель общества Трубецкой, а слѣдовательно протесты направлялись и противъ него. Но стоило только Трубецкому выступить въ засѣданіи общества съ рѣчью, съ увѣщаніемъ, и протесты и нападки падали сами собой, и нападавшіе, въ числѣ другихъ, бурно аплодировали и привѣтствовали слова С. Н., такъ они всегда были искренни, убѣдительно и будили въ сердцахъ молодыхъ слушателей и оппонентовъ лишь благородныя чувства.

Одинъ изъ бывшихъ слушателей С. Н. профессоръ С. А. Котляревскій, вспоминая объ университетскихъ лекціяхъ С. Н. по греческой философіи и о впечатлѣніи, производимомъ имъ на аудиторію, говоритъ между прочимъ: «Передъ нимъ (слушателемъ) раскрывалась глава изъ исторіи человѣческой мысли,—одна изъ самыхъ важныхъ, интересныхъ главъ,—но раскрывалось и нѣчто большее. Передъ его взоромъ наивный мифологическій образъ давалъ толчокъ къ первымъ философскимъ исканіямъ; проходили художественные образы Гераклита и Демокрита, софистовъ и Сократа, Платона и Аристотеля, и у слушателя постепенно укрѣплялось сознаніе, что здѣсь дается нѣкоторое откровеніе мірового разума, что здѣсь поднимаются вопросы, которые являются самыми жизненными и для современнаго человѣчества. И это откровеніе говорило, конечно, не только уму; я никогда не забуду лекціи, посвященной Фэдону, въ которой С. Н. смогъ поднять аудиторію до переживанія истиннаго пафоса—это была уже не лекція, это былъ истинный гимнъ безсмертію»...

Характерной чертой личности С. Н. было его расположеніе и любовь къ молодежи. Это чувство проявлялось въ С. Н. очень сильно и побуждало его къ ряду дѣйствій на пользу молодежи, далеко не легкихъ. Любовь эта не была просто прирожденнымъ, безотчетнымъ чувствомъ, она связывалась съ любовью С. Н. къ наукѣ, со стремленіемъ ко всему тому, что дѣйствительно цѣнно въ жизни,—къ прогрессу. Въ молодежи С. Н. видѣлъ наиболѣе воспріимчивую для добраго сѣмени почву, тотъ сосудъ, въ которомъ наилучше можетъ сохраниться и усовершенствоваться та драгоцѣнная влага, которой суждено со временемъ утолить испытываемую человѣчествомъ духовную жажду.

Во всѣхъ публичныхъ выступленіяхъ С. Н. увлекалъ своихъ слушателей, и я вспоминаю лишь нѣсколько, носившихъ частный характеръ, но весьма многолюдныхъ, вечернихъ собесѣдованій Московскаго дворянства (кажется, въ 1903 году), имѣвшихъ мѣсто во время губернскаго очереднаго собранія, на которыхъ (я говорю про большинство) все сказанное С. Н. не только не имѣло успѣха, но напротивъ вызывало совершенно отрицательное отношеніе. На этихъ собраніяхъ обсуждалось внутреннее состояніе Россіи въ связи съ начавшимся въ населеніи броженіемъ и способы улучшенія этого положенія, казавшагося С. Н. грознымъ, при чемъ имъ указывались необходимыя для этого мѣры общаго характера и касавшіяся спеціально воспитанія подрастающаго поколѣнія. Какія были эти мѣры мы знаемъ изъ статей и рѣчей С. Н., имѣющихся въ печати,—суть ихъ сводилась къ указанію на необходимость введенія у насъ народнаго представительства, перехода къ правовому строю и строго закономѣрному управленію. Помню, что наиболѣе энергичными противниками С. Н. на этихъ собраніяхъ были братья Самарины и Иловайскій, извѣстный составленными имъ учебными книжками по исторіи.

Будучи не только ученымъ, но мыслителемъ-философомъ, С. Н. не могъ не страдать разсѣянностью, этимъ недостаткомъ, свойственнымъ большинству людей, живущихъ внѣ мелкихъ житейскихъ заботъ и интересовъ. И дѣйствительно, разсѣянность его была весьма значительна, усиливаясь на внѣшній видъ еще тѣмъ, что С. Н. былъ нѣсколько близорукъ. Случалось, что онъ вызывалъ чье-либо недовольство, не узнавъ, напримѣръ, при встрѣчѣ знакомаго, забывъ о приглашеніи или о часѣ назначеннаго дѣловаго свиданія и не явившись на таковое. Я знаю случай, когда онъ, взявъ съ одной своей родственницей билеты на какой-то спектакль, долго не могъ добраться до него, ибо по разсѣянности дважды попадалъ не въ надлежащій театръ, откуда ему разумѣется приходилось быстро отступать, при чемъ онъ забрелъ

Кн. С. Н. Трубецкой и В. С. Соловьевъ.

даже въ существовавшій тогда архи-легкомысленный театр Омона, надъ чѣмъ самъ впослѣдствіи много смѣялся. Сколько разъ С. Н., уходя, надѣвалъ мое пальто и галоши, къ которымъ онъ, казалось, питалъ особое расположеніе! Какъ-то лѣтомъ, которое С. Н. проводилъ съ семьей въ подмосковномъ имѣніи, но по дѣламъ пріѣзжалъ въ Москву, гдѣ квартира его стояла пустой, онъ уже вечеромъ зашелъ ко мнѣ и долго съ жаромъ бесѣдовалъ объ университетскихъ дѣлахъ, стараясь однако при этомъ вспомнить о чемъ-то нужномъ, что ускользнуло изъ его памяти. Наконецъ, уже собираясь уходить, онъ вспомнилъ, въ чемъ дѣло; оказалось, что онъ въ этотъ день не успѣлъ, да и все забывалъ, пообѣдать и хотѣлъ попросить меня дать ему чѣмъ-нибудь закусить; но и эта потребность, хотя онъ въ теченіе цѣлаго дня оставался безъ пищи, исчезла изъ его памяти.

С. Н. вообще совсѣмъ не берегъ себя и постоянно переутомлялся физически и духовно, между тѣмъ какъ даже небольшое утомленіе было для него губительно. Онъ не обладалъ крѣпкимъ организмомъ, физическая сторона его личности не соответствовала его духовной мощи; онъ казался хрупкимъ, недостаточно крѣпкого, слишкомъ утонченнаго сложенія; въ глазахъ его, полныхъ духовной энергіи, мыслей, а временами и вдохновенія, не отражалась физическая сила,—напротивъ, часто въ нихъ сказывалось утомленіе, также какъ на его всегда блѣдномъ лицѣ. Сердце у С. Н. тоже было не изъ крѣпкихъ, но нервная система его не была слабой и помогала не замѣчать или побуждать физическое утомленіе. Въ послѣдніе годы жизни С. Н. страдалъ очень часто сердечными перебоями, требовавшими хотя бы для временнаго успокоенія сердца, полнаго отдыха, физическаго и умственнаго, устраненія себя отъ сколько-нибудь волнующей и утомляющей работы. Но именно въ это время судьба властно толкнула С. Н. въ круговоротъ лихорадочной, въ высшей степени обостренной общественной дѣятельности и борьбы, потребовавшей, вмѣсто отдыха, напряженія силъ и способностей С. Н., и онъ не счелъ возможнымъ уклониться отъ общественнаго призыва а, сознавая всю неминуемую опасность для себя этого пути, пошелъ тѣмъ не менѣе имъ.

Разсѣянность, о которой я говорилъ, и постоянная потребность работы мысли, благодаря которой С. Н. всегда былъ умственно занятъ и казался лицамъ, которыя мало его знали, отсутствующимъ, не замѣчающимъ ихъ, создавали фикцію равнодушія С. Н. ко всему, непосредственно его не касавшемуся, даже фикцію эгоизма. Но эта была именно фикція, ибо на самомъ дѣлѣ Трубецкой обладалъ любвеобильнымъ сердцемъ.

и добротой, сказывавшейся не въ сантиментальныхъ фразѣхъ и настроеніяхъ, а въ дѣйствіяхъ, направленныхъ на оказаніе помощи лицамъ, къ нему обратившимся. И помощь эта оказывалась наиболѣе пріемлемымъ для нуждающагося способомъ. Я лично знаю, какихъ хлопотъ иной разъ стоили С. Н. старанія пособить очень многимъ обращающимся къ нему, наиболѣе изъ среды молодежи. Даже живя за границей, нигдѣ не бывая, погруженный исключительно въ научныя занятія, онъ не отказывалъ въ помощи и самыхъ разнообразныхъ хлопотъ за обращающихся къ нему и за границей соотечественниковъ; мнѣ это хорошо извѣстно, такъ какъ С. Н. часто въ подобныхъ случаяхъ писалъ именно мнѣ, давая разные порученія.

Въ чувствахъ своихъ С. Н. оставался всегда неизмѣннымъ; онъ умѣлъ быть настоящимъ другомъ. Поэтому всѣ, близко знавшіе Трубецкого, чувствовали къ нему, кромѣ уваженія, дружеское расположеніе, а многіе прямо любовь и безграничную преданность.

Въ интимномъ обществѣ, въ серьезномъ научномъ спорѣ и за веселой бесѣдой С. Н. былъ незамѣнимъ. Онъ легко оживлялся, остроумная шутка поднимала его настроеніе, которое въ часы, когда онъ не работалъ, и не имѣлось налицо печальныхъ или возмутительныхъ событій, дѣйствовавшихъ на него удручающе, бывало бодрымъ и веселымъ, и тогда С. Н. становился центромъ бесѣды, блестящей юморомъ, сопровождавшейся импровизациями, иногда декламацией, рассказами,—бесѣды, разстаться съ которой было прямо трудно, почему она иногда дѣйствительно затягивалась «далеко за полночь». Подобныя собесѣдованія возникали нерѣдко по окончаніи засѣданія какого-либо ученаго общества, чаще всего психологическаго, гдѣ-нибудь въ скромномъ ресторанѣ. Собесѣдниками бывали въ большинствѣ случаевъ профессора Университета и другіе члены разнообразныхъ обществъ, засѣданія которыхъ посѣщалъ С. Н.—Въ числѣ собесѣдниковъ бывали часто покойные—близкій другъ Трубецкого В. С. Соловьевъ, В. П. Преображенскій, В. О. Ключевскій, Н. Я. Гротъ, Ѳ. Е. Коршъ, В. А. Гольцевъ и понынѣ здравствующие Л. М. Лопатинъ, Г. А. Рачинскій, Н. А. Иванцовъ. Тѣ же лица и многія другія встрѣчались нерѣдко въ теченіе зимы вечерами у М. Н. Лопатина, а позднѣе у меня, и всегда присутствіе С. Н. придавало особую прелесть и оживленіе этимъ частнымъ собраніямъ. Между прочимъ на одномъ изъ нихъ, сопровождавшемъ засѣданіе психологическаго общества, послѣ долгихъ прений былъ подвергнутъ закрытой баллотировкѣ вопросъ о безсмертіи души и рѣшенъ въ положительномъ смыслѣ, но лишь большинствомъ одного голоса.

По окончаніи курса въ Калужской гимназіи и вступленіи въ Университетъ, С. Н., семья котораго еще оставалась въ Калугѣ, жилъ нѣкоторое время у занимавшаго тогда должность попечителя Московскаго учебнаго округа графа П. А. Капниста, женатаго на родной теткѣ С. Н.—Эмилиі Алексѣевнѣ, рожденной Лопухиной. Въ теченіе этого юношескаго періода жизни С. Н. въ свободное отъ усиленныхъ научныхъ занятій время, часто видался съ Ф. Л. Соллогубомъ, при чемъ совместно съ нимъ, а также и одинъ, создалъ рядъ стихотворныхъ юмористическихкихъ произведеній въ драматической формѣ, а также въ прозѣ. Произведенія эти, къ сожалѣнію сохранившіяся далеко не полнотой, были представлены въ самой простой постановкѣ, какъ шутки, каковыми онѣ и были, безъ сцены, у Капнистовъ, гдѣ въ то время вечерами довольно часто собиралась молодежь, въ числѣ которой было много талантливыхъ юношей. Эти шуточные и миниатюрныя драмы, оперы и шарады, полныя остроумія, веселья, были не чужды вопросамъ, интересовавшихъ въ то время общество. Въ нихъ, даже и въ легкой шуточной формѣ, сказывались способности С. Н. какъ писателя.

Трубецкой, такъ же какъ близкій другъ и во многомъ единомышленникъ его В. С. Соловьевъ, цѣнилъ шуточно-сатирический жанръ литературы въ духѣ многочисленныхъ произведеній графа А. Толстого, А. Жемчужникова («Кузьма Прутковъ») и графа Ф. Л. Соллогуба. Соловьевъ, какъ извѣстно, написалъ немало прекрасныхъ, изданныхъ уже теперь, стихотвореній этого направленія и даже цѣлую пьесу «Бѣлая лилія», а Соллогубъ кромѣ массы мелкихъ произведеній сочинилъ крупную вещь «Соловьевъ въ Фиваидѣ». С. Н. не только въ юношескіе годы, но и позднѣе, было создано много такихъ же произведеній. Часть ихъ, хотя и облеченная въ юмористическую форму, полна крупнаго значенія; въ такихъ статьяхъ С. Н. затрогивалъ насущные общественные вопросы, нападая, какъ всегда, на общественное и политическое зло, неправду и лицемеріе. Нѣкоторыя изъ этихъ произведеній имѣются въ собраніи сочиненій Трубецкого. Изъ нихъ я назову: «Правдивую исторію живого слова», «Сказку объ ошипанной жарь-птицѣ» и «Фрейлейнъ». Но много вещей не были опубликованы, а между тѣмъ ихъ нельзя не признать выдающимися по существу и формѣ. Такова, напримѣръ, серьезная по замыслу и трагическая по глубинѣ ея мысли, «сказка объ Аримаспахъ» или шуточная, веселая «Исторія о принцѣ Шарманѣ».

Одно время онъ и Соллогубъ помѣщали шуточные сочиненія въ составлявшемся дѣтми С. Н. (когда имъ было лѣтъ около

десяти) домашнемъ журналѣ; я позволю себѣ привести сохранившіеся у меня три разсказа С. Н., появившіеся своевременно въ этомъ журналѣ.

I.

Сѣрная кислота есть вредный и крѣпкій напитокъ, употребляемый обычно при обработкѣ металловъ.

Однажды родители маленькаго Коли, дабы испытать его, удаляясь на прогулку, оставили на столѣ сосудъ съ сѣрной кислотой, которую маленький Коля не замедлилъ выпить. Но, о ужасъ, сѣрная кислота сожгла не только его передникъ и новое платье, но и всѣ его внутренности, вслѣдствіе чего маленький Коля опасно заболѣлъ и непременно бы умеръ, если бы ему не была своевременно оказана медицинская помощь.

— Не вредный и крѣпкій напитокъ, а твое воздержаніе и непослушаніе были причиной твоего злоключенія—сказали родители маленькаго Коли, вернувшись домой.

II.

Маленькій математикъ.

Маленькій Петя былъ чрезвычайно острый ребенокъ. Однажды извѣстный математикъ, желая испытать его умственные способности, спросилъ его: сколько тебѣ лѣтъ, мой милый?

— Если бы восемь лѣтъ тому назадъ,—отвѣчалъ онъ,—вы сложили бы моего папеньку съ моею маменькой и, помноживъ на бабушку, раздѣлили бы на дѣдушку,—у васъ ничего бы не получилось.

Родители строго наказали маленькаго Петю за его необдуманный отвѣтъ.

III.

Маленькій лѣнтяй.

Маленькій Андруша былъ чрезвычайно лѣнивый ребенокъ. Однажды, желая устыдить его, отецъ, указывая при прогулкѣ на муравейникъ, сказалъ:—Посмотри, мой милый, во сколько разъ это маленькое животное меньше тебя и во сколько же трудолюбивѣе!

На другой день, проходя мимо означеннаго муравейника, изумленный отецъ увидалъ другой, вдвое больше перваго.

Его насыпалъ исправившійся малютка.

Новый портретъ А. И. Герцена.

На оборотѣ портрета имѣется подпись: «Портретъ подаренъ 24 ноября 1834 г. А. И. Герценомъ матери моей Екатерины Ивановны Пассекъ, Богданъ Пассекъ».

По окончаніи въ 1885 году курса на историко-филологическомъ факультетѣ, С. Н. былъ оставленъ при Университетѣ по кафедрѣ философіи и въ 1888 году зачисленъ приватъ-доцентомъ съ возложеніемъ на него чтенія курса по философіи, а въ 1890 году, по представленіи и защитѣ диссертациі на тему «метафизика въ древней Греціи», получилъ ученую степень магистра. За это время, проживая въ Москвѣ, С. Н. женился на княжнѣ Прасковѣ Владиміровнѣ Оболенской, а затѣмъ въ теченіе трехъ лѣтъ (съ перерывомъ) работалъ въ научномъ отношеніи за границей, въ Германіи. Въ 1900 году С. Н. защитилъ съ выдающимся успѣхомъ, превратившимся въ громадную овацію, сдѣланную ему переполнившей актовъ залъ публикой изъ студентовъ и постороннихъ лицъ, диссертацию «Ученіе о логосѣ въ его исторіи, томъ I», и, получивъ степень доктора философіи, былъ назначенъ профессоромъ.

Въ 1905 году С. Н. былъ избранъ Совѣтомъ Московскаго Университета на должность ректора. 7 сентября послѣдовало утвержденіе его, а 29 сентября онъ скончался.

Вотъ сухое формулярообразное описаніе жизни и университетской дѣятельности С. Н.; оно какъ будто ничего не говоритъ читателю, но для современника С. Н. и для того, кто знаетъ внутреннюю исторію Россіи за годы съ 1890 по 1906, и сколько-нибудь знакомъ съ теченіемъ за это время отечественной академической жизни, оно полно быстро возраставшимъ значеніемъ С. Н. какъ кабинетнаго ученаго, какъ руководителя университетской молодежи и члена Московской профессорской коллегіи, какъ публициста и наконецъ общественнаго дѣятеля.

При С. Н. во все время его преподавательской дѣятельности въ университетѣ составлялся кружокъ болѣе другихъ интересующихся философіей слушателей, его непосредственныхъ учениковъ, съ которыми онъ занимался разъ или два въ недѣлю у себя на дому. Изъ нихъ помню Поливанова, Фохта, Кубицкаго, Эрн и другихъ.

Со временемъ у С. Н. явилась мысль образовать студенческое научное общество, ядромъ котораго долженъ былъ послужить кружокъ его учениковъ. Мысль эта была съ восторгомъ принята его ближайшими слушателями, и вскорѣ возникло историко-филологическое студенческое общество, предсѣдательское мѣсто въ бюро котораго занялъ С. Н., а секретаремъ былъ избранъ А. И. Анисимовъ. Общество это, задавшееся цѣлью содѣйствовать общенію на научной почвѣ студентовъ и служить культурнымъ центромъ тѣмъ, кто серьезно относился къ дѣлу просвѣщенія, очень скоро приобрѣло симпатіи университетской моло-

дежи, разрослось численно и должно организовалось, положивъ основаніе библіотеки, создавъ читальню и устраивая засѣданія съ докладами членовъ его на научныя темы,—секціонныя и общія. Общество вскорѣ же послѣ его основанія разбилось на нѣсколько секцій: экономическую, криминалистическую, секцію социальныхъ наукъ, цивилистическую, литературную и другія, при чемъ во всѣхъ отдѣлахъ общества занятія шли вплоть до волненій 1905 года непрерывно, и засѣданія охотно посѣщались студентами. Первое публичное торжественное собраніе общества (публичное, т.-е. открытое не для однихъ членовъ общества, а для всего студенчества) прошло, я помню, въ переполненной большій аудиторіи блистательно и стало крупнымъ событіемъ академической жизни. Въ числѣ ораторовъ выступали профессора и студенты; особенно сильное впечатлѣніе произвела рѣчь профессора П. И. Новгородцева. Не только радостью, счастьемъ сіяло лицо С. Н. когда на этомъ, а потомъ на секціонныхъ собраніяхъ, ученики его и другіе студенты выступали съ научными рефератами, когда между ними завязывался горячій научный споръ, поднимались интересныя пренія и на почвѣ академической науки воочию зарождалась органическая связь и извѣстная близость между преподавателями и слушателями. Эта эпоха, предшествовавшая потрясеніямъ 1905 года, была полна интереса, и, казалось, обѣщала направить теченіе академической жизни въ надлежащее русло. Мнѣ пришлось тогда взять на себя предсѣдательство въ криминалистической секціи общества, а позднѣе быть товарищемъ предсѣдателя Общества и наконецъ исправлять должность предсѣдателя; но это было уже въ 1904 году, когда настроеніе студенчества круто измѣнилось, и вопросы внутренней политики поглотили (конечно временно) интересы научныя. Общество, при такомъ настроеніи студенчества распадалось, засѣданія его, проходившія слишкомъ бурно, не могли собираться и наконецъ—послѣ смерти С. Н. и декабрьскихъ событій,—Общество совсѣмъ замерло и само собой ликвидировалось. Оно возродилось было въ 1910 году, назвавшись студенческимъ научнымъ обществомъ памяти С. Н. Трубецкого, къ нему перешла и библіотека прежняго общества, открытіе его дѣятельности сопровождалось общимъ сочувствіемъ студенчества и профессуры, молодое общество, принявъ программу прежняго, пошло дѣятельно и удачно по его стопамъ, но академическая судьба не пощадила и его. Общество процвѣтало при новомъ режимѣ во время ректорства А. А. Мануилова и наступившемъ, было, нормальномъ теченіи научныхъ занятій, но возникшія на почвѣ удаленія изъ университета вольныхъ слушательницъ, воспрещенія собраній и вслѣдствіе подоб-

ныхъ же причинъ, волненія и безпорядки, окончившіеся, уже при министрѣ народнаго просвѣщенія Л. А. Кассо, исключеніемъ изъ профессорской коллегіи гг. Мануилова, Мензбира и Минакова и добровольнымъ оставленіемъ, при этихъ условіяхъ, университета профессорами и другими лицами преподавательскаго персонала въ количествѣ болѣе ста человекъ, вызвали крушеніе и этого, связаннаго съ именемъ Трубецкаго, общества, которое ликвидировалось формально постановленіемъ общаго собранія его членовъ, передавшимъ въ городской Университетъ имени Шанявскаго всю свою бібліотеку.

Но въ 1903 году историко-филологическое общество жило полной жизнью и въ этомъ именно году С. Н. удалось осуществить давно задуманную имъ для членовъ Общества, но съ правомъ и для другихъ студентовъ присоединиться къ ней, экскурсію въ Грецію. Культурное значеніе непосредственнаго ознакомленія съ памятниками зодчества и ваянья и другими художественными произведеніями классической Греціи, посѣщеніе такихъ мѣстъ, какъ Дельфы, Олимпія, Микены, не могло подлежать сомнѣнію и представлялось желательнымъ не только для слушателей С. Н., занимавшихся подъ его руководствомъ изученіемъ исторіи эллинской культуры и древне-греческой философіи, но и для другихъ студентовъ, серьезно преданныхъ научной работѣ и стремившихся къ духовному развитію. Наконецъ, путешествіе по Греціи представлялось и лично С. Н., не бывавшему еще въ Элладѣ, весьма заманчивымъ. Въ теченіе всей почти зимы 1902—1903 гг. Трубецкой, при содѣйствіи нѣсколькихъ ближайшихъ учениковъ, занимался разработкой плана и программы этого путешествія; оно, конечно, не должно было носить характера увеселительной поѣздки; важно было придать ему интересъ научный. Въ этомъ направленіи и была С. Н. создана программа поѣздки и было обеспечено участіе въ ней специалистовъ профессоровъ Никитскаго, Мальмберга и секретаря русскаго археологическаго общества въ Константинополѣ Леппера. Устройство экскурсіи, первой въ этомъ родѣ у насъ, потребовало много напряженной работы и хлопотъ. С. Н. сносился съ министерствами Народнаго Просвѣщенія, Иностранныхъ Дѣлъ и Путей Сообщенія, съ Управленіемъ желѣзныхъ дорогъ, Обществомъ пароходства и торговли, съ правительствомъ Греціи и нашимъ тамошнимъ посольствомъ. Находившійся въ этомъ году въ Греціи, гдѣ онъ заканчивалъ одну научную работу, профессоръ Н. китскій озабочился тамъ заблаговременно не только пріисканіемъ помѣщенія экскурсантамъ въ Аѣинахъ и другихъ мѣстностяхъ, но имъ были подготовлены всѣ условія и мелочи, необходимыя для удобнаго

посѣщенія и осмотра большимъ количествомъ людей заразъ такихъ, сравнительно отдаленныхъ и не обладающихъ ни гостиницами, ни средствами сообщенія мѣстъ, какъ на примѣръ Дельфы. С. Н. выхлопоталъ даже небольшую субсидію изъ Министерства Народнаго Просвѣщенія и добился значительнаго пониженія какъ желѣзнодорожнаго, такъ и пароходнаго тарифа, благодаря чему участіе въ длившейся болѣе мѣсяца экскурсіи съ платою за весь проѣздъ, пребываніе въ Греціи, разъѣзды, полное содержаніе и другіе расходы обошлось каждому студенту всего около 60 рублей. Хозяйственная сторона была тоже настолько оборудована, что были заказаны и выписаны изъ Вѣны для всѣхъ участниковъ экскурсіи дешевые и удобные дорожные костюмы.

Въ іюлѣ всѣ приготовленія были закончены, и экскурсія историко-филологическаго общества выѣхала изъ Москвы 29 іюля (1903 г.) по Московско-Курской желѣзной дорогѣ въ четырехъ, специально отведенныхъ намъ (я былъ однимъ изъ участниковъ поѣздки) до Одессы, вагонахъ—трехъ III класса и одного II. Общее количество экскурсантовъ было 140 или нѣсколько больше; профессоровъ и приватъ-доцентовъ было семь человѣкъ, кажется, два оставленныхъ при университетѣ, одинъ лаборантъ, священникъ, читавшій лекціи въ Московскомъ университетѣ—Н. А. Поповъ, нѣсколько врачей, а остальные были студенты, изъ коихъ 45 человѣкъ историко-филологическаго факультета. Преподавательскій персоналъ былъ таковъ: Трубецкой, Л. М. Лопатинъ, Мальмбергъ, И. Ф. Огневъ, уже названный Н. А. Поповъ и я. Профессоръ Никитскій присоединился къ намъ уже въ Афинахъ, а г. Лепперъ въ Константинополѣ.

Экскурсія по составу своему представляла какъ бы университетскій микрокосмъ,—московское студенчество во всемъ его разнообразіи; въ числѣ студентовъ, принимавшихъ участіе въ поѣздкѣ, были представители кажется всѣхъ народностей Россійской имперіи, посылающихъ своихъ сыновъ въ Московскій Университетъ; были молодые люди изъ богатыхъ семей, изъ достаточнаго класса, и студенты, существующіе исключительно на средства, добываемыя личнымъ заработкомъ. Но, несмотря на такое разнообразіе, общество наше въ цѣломъ было едино и быстро организовалось въ общественную единицу, всѣ члены которой, какъ только дѣло касалось общаго интереса, дѣйствовали заодно. Во все время путешествія молодое общество, безусловно представленное само себѣ, держало себя съ величайшимъ тактомъ и достоинствомъ. А тактъ и сдержанность были необходимы, ибо вездѣ молодые экскурсанты обращали на себя вниманіе, не смѣшиваясь съ аборигенами, благодаря уже численности своей и

внѣшности,—всѣ были одѣты въ одинаковые костюмы. Въ Аѳинахъ за членами экскурсіи очень внимательно слѣдили и вначалѣ даже недружелюбно (при входѣ въ Пирей намъ съ одного встрѣчнаго парохода свистали), предполагая, кажется, что москвичи все-таки варвары; о каждомъ шагѣ экскурсантовъ печаталось въ мѣстныхъ газетахъ. Но всѣмъ, кто желалъ видѣть въ нашихъ юношахъ варваровъ, пришлось разочароваться, ибо нельзя было лучше поддержать на чужбинѣ честь и достоинство московскаго студенчества, что и отразилось въ концѣ-концовъ на отзывахъ греческой ежедневной печати и въ измѣнившемся отношеніи къ экскурсантамъ аѳинскаго населенія. Надо замѣтить, что проявленная по отношенію къ намъ греческимъ обществомъ холодность зависѣла отъ причинъ внѣшне политическаго характера, вліяющихъ на тамошнее населеніе въ гораздо большей степени, чѣмъ, напримѣръ, у насъ. Отсутствіе столкновений въ средѣ экскурсантовъ, веселое, неизмѣнно бодрое, радостное настроеніе молодежи, серьезное отношеніе ко всему, что требовало вниманія и терпѣливаго осмотра, искренній горячій спросъ на научныя разъясненія,—все это дѣлало нашу экскурсію поистинѣ исключительной и увлекательной. Это былъ созданный Трубецкимъ долгій и чудный праздникъ, не грубый разгульный, а праздникъ интеллигентной молодежи, сознательно радовавшейся и увлекавшейся и дивной красотой южной природы, и тѣмъ, что мы на классической почвѣ Эллады, между уцѣлѣвшими еще развалинами и остатками этой удивительной античной культуры, давно знакомой, но лишь по книгамъ. А всѣхъ болѣе, надо думать, радовался успѣху поѣздки и такой оцѣнкѣ ея молодежью инициаторъ ея—Трубецкой. Я не сомнѣваюсь, что эти 5 недѣль были однимъ изъ наиболѣе счастливыхъ періодовъ жизни С. Н. Онъ лично во все время экскурсіи былъ неутомимъ и, вмѣстѣ съ гг. Мальмбергомъ, Никитскимъ и Лепперомъ, руководилъ молодежью при осмотрахъ, не пропуская рѣшительно ничего, входилъ въ сношенія съ представителями мѣстной власти, съ учеными обществами, произносилъ официальные рѣчи и тосты, а въ небольшой деревнѣ,—недалеко отъ Дельфы, гдѣ мы остановились для краткаго отдыха, отвѣчалъ на привѣтствіе старика сельскаго учителя, выражавшаго радость по поводу того, что ему пришлось наконецъ встрѣтиться съ русскими,—содѣйствовавшими освобожденію отъ турецкаго ига его родины,—отвѣчалъ рѣчью на древне-греческомъ языкѣ.

Много интереснаго дала всѣмъ участникамъ ея наша экскурсія, и я увѣренъ, что у всѣхъ членовъ ея сохранились наилучшія воспоминанія о ней и благодарное чувство къ организатору ея—

Трубецкому. Оживленно и весело и началось и кончилось это путешествіе. Тотчасъ же по выѣздѣ изъ Москвы въ студенческихъ вагонахъ водворился удивительный порядокъ: мѣста распредѣлились, студенты разбились на группы съ выборными старостами, тутъ же въ вагонахъ были устроены почтовое отдѣленіе, фотографія, справочное бюро, чайная съ тремя громадными самоварами, кладовая и аптека,—гдѣ помѣстились ѣхавшіе съ нами врачи, наладился стройный хоръ. Шумно и весело проходили общіе обѣды, заказываемые заблаговременно по телеграфу казначеємъ и главнымъ хозяйственнымъ распорядителемъ,—тогда еще студентомъ,—Н. А. Гейнике, обладающимъ, какъ оказалось, блистательными административными способностями, энергіей и неутомимостью, а также зычнымъ голосомъ, раздававшимся на далеко, когда онъ созывалъ старостъ на засѣданіе или всѣхъ членовъ экскурсіи на общее собраніе, а то возглашалъ: «гг. старосты, пожалуйста виноградъ принимать!»

За время пребыванія въ Греціи экскурсанты прослушали 2 интересныя лекціи о раскопкахъ Трои и на островѣ Кефалоніи (бывшая Итака), прочитанныя специально намъ извѣстнымъ нѣмецкимъ археологомъ профессоромъ Дерпфельдомъ. А на развалинахъ храма въ Олимпіи давалъ объясненіе и тоже прочелъ очень содержательную и живую лекцію (по-французски) главный директоръ всѣхъ музеевъ въ Греціи извѣстный ученый Кавадіасъ, которому правительствомъ была поручена забота объ ознакомленіи насъ со всѣмъ, достойнымъ вниманія въ художественномъ и научномъ отношеніяхъ. Вообще официальная Греція проявила большую заботливость о насъ; намъ для плаванія вокругъ береговъ Греціи былъ предоставленъ военный пароходъ «Канарисъ», капитанъ и офицеры котораго были какъ нельзя болѣе любезны. Въ Коринфѣ насъ встрѣтилъ мѣстный губернаторъ, а въ Олимпіи всему нашему обществу былъ предложенъ торжественный обѣдъ съ рѣчами и тостами, послѣ котораго развеселившіеся студенты пѣли и Gaudeamus, и русскія пѣсни и плясали и, вѣроятно, впервые огласили священную долину Алфея переливами «Вдоль по матушкѣ по Волгѣ». Въ Элевзинѣ намъ устроилъ пріемъ и угощеніе греческій коммерсантъ и поставщикъ русскихъ судовъ, стоявшихъ тогда въ Греціи, г. Вріонисъ. На самомъ берегу моря, тамъ, гдѣ нѣкогда происходили извѣстныя религіозныя торжества, были поставлены простые столы и скамьи, тутъ же на вертелѣ жарился цѣлый баранъ, столы были завалены всевозможными фруктами, и мѣстное, очень вкусное, легкое вино, стоявшее въ глиняныхъ кувшинахъ-амфорахъ, не оскудѣвало. Мы, старшіе, угощали съ своей стороны въ Коринфѣ мѣстнаго губернатора,

сопровождавшаго насъ повсюду уполномоченнаго греческаго археологическаго общества г. Николаидиса и офицеровъ «Канариса», изъ которыхъ назову весьма развитога и интереснаго врача греческаго флота г. Апостолидиса. Рестораторъ, которому мы заказывали ужинъ, оказался немного говорящимъ по-русски; онъ содержалъ во время нашей войны съ Турціей 1878 года ресторанъ въ Санъ-Стефано, и смѣло объявилъ намъ, что онъ все хорошо устроить, такъ какъ знаетъ русскій вкусъ,—нужно, чтобы была икра въ видѣ закуски и, чтобы съ перваго же блюда, подавалось шампанское. Помню, что сидѣвшій за этимъ ужиномъ рядомъ со мною, Коринфскій губернаторъ очень удивлялся тому, что не только князь Трубецкой, но и я говоримъ свободно по-французски и по-нѣмецки; онъ, повидимому, тоже не очень вѣрилъ въ нашу культурность, хотя бы и въ профессорской средѣ.

Припоминаю лекцію, прочитанную экскурсантамъ докторомъ богословія священникомъ, ѣздившимъ съ нами, Н. А. Поповымъ, о Константинопольскихъ старинныхъ православныхъ храмахъ, использованныхъ турками въ качествѣ мечетей, и о другихъ памятникахъ Царьграда. Обстановка ея была вполне оригинальная: читалась лекція въ морѣ, на пароходѣ Россійскаго общества «Николай II», вечеромъ, наканунѣ нашего прихода въ Константинополь. Большую часть времени, при переходѣ изъ Одессы въ Константинополь, все наше общество проводило на верхней палубѣ, гдѣ студенты за длиннѣйшимъ столомъ и обѣдали, благо погода во все время нашей поѣздки была прекрасная, но на ночь студенты уходили въ отведенное исключительно имъ помѣщеніе въ трюмѣ, состоявшее изъ длиннаго коридора съ нарами, передъ которымъ имѣлось пустое помѣщеніе, съ примыкавшимъ къ нему съ одной стороны чѣмъ то въ родѣ полка или полатей (это было переселенческое, или вѣрнѣе паломническое отдѣленіе). И вотъ въ этой первой комнатѣ-каютѣ и учредилась аудиторія: профессоръ устроился на легкомъ складномъ стулѣ въ центрѣ помѣщенія, а слушатели, въ томъ числѣ конечно Трубецкой и остальные профессора, размѣстились въ большинствѣ кругомъ него, сидя прямо на полу; кое-кто стоялъ у поддерживавшихъ верхъ каюты желѣзныхъ шестовъ, а остальные, такъ какъ больше не было мѣста, залегли на полатахъ. Наступалъ уже вечеръ, и все помѣщеніе довольно скудно освѣщалось лампой, висѣвшей у потолка. Лекція была интересна, и аудиторія слушала ее съ вниманіемъ въ полумракѣ и полной тишинѣ, нарушавшейся лишь звуками, свойственными находящемуся въ движеніи пароходу, и плескомъ волнъ о борта его.

Былъ съ нами на обратномъ пути изъ Одессы такой забавный

случай: въ Одессѣ Трубецкой покинулъ экскурсію, поручивъ заботу о ней мнѣ, а въ Кіевѣ часть экскурсантовъ отдѣлилась отъ главной партіи, и тутъ передъ отходомъ поѣзда, на вокзалѣ, оставшіеся въ Кіевѣ, при прощаніи съ нами, ѣхавшими въ Москву, сказали нѣсколько теплыхъ словъ завѣдывавшимъ поѣздною и, спросивъ вина, выпили по бокалу вмѣстѣ съ отъѣзжавшими за наше здоровье; кто-то изъ нашихъ отвѣчалъ Кіевлянамъ, но въ это время раздался второй звонокъ, и мы бросились на платформу. Однако, къ нашему ужасу оказалось, что выходная дверь заперта, и у нея стоятъ два жандарма, строго объявившіе намъ, что насъ не выпустятъ и что мы арестованы, такъ какъ митинги Кіевскимъ студентамъ запрещены, и жандармы обязаны составить о происшедшемъ протоколъ. Мы конечно стали объясняться, но время шло и, вѣроятно, поѣздъ ушелъ бы безъ насъ, если бы кто-то изъ старостъ не догадался показать бывшіе у него въ сумкѣ наши проѣздные билеты. Жандармы повѣрили тутъ, что мы мирные путешественники, совершенно ни на что не посягающіе, двери платформы открылись и мы, добѣжавъ до нашихъ вагоновъ, успѣли все-таки попасть въ нихъ при кликахъ «ура» провожавшихъ насъ товарищей.

Припоминается мнѣ тоже такой эпизодъ изъ нашего морского путешествія: мы шли уже изъ Смирны въ Пирей; былъ канунъ какого-то праздника, и у команды парохода «Николай II» возникла мысль попросить ѣхавшаго съ нами священника Н. А. Попова отслужить всенощную; Н. А., съ которымъ были крестъ, евангеліе и епитрахиль, охотно согласился, а между экскурсантами нашлось достаточное количество лицъ, знакомыхъ съ церковными напѣвами, пожелавшихъ принять участіе пѣніемъ въ служеніи всенощной, а въ ихъ числѣ студентъ, раньше, въ бытность свою учителемъ, дирижировавшій церковнымъ хоромъ. Подъ его водительство и при содѣйствіи Н. А. устроилась спѣвка, и вечеромъ, при наступившей уже темнотѣ, на открытой палубѣ, на кормѣ, у аналоя, освѣщеннаго сверху электрической лампой, была отслужена всенощная. Картина этого вечерняго, въ открытомъ морѣ, богослуженія была въ высшей степени интересна, а съ внѣшней стороны оригинальна и красива. Хорошо исполненные хоромъ молодыхъ голосовъ мелодичные церковные напѣвы уносились вдаль съ нашего парохода и были слышны встрѣчнымъ и шедшимъ въ одномъ съ нами направленіи судамъ, которыя, въ виду близости береговъ Греціи, часто попадались намъ.

Экскурсанты, разставаясь съ Трубецкимъ въ Одессѣ, устроили ему, провожая его на поѣздъ, горячую шумную овацію съ рѣчами, въ которыхъ выражалась благодарность за всѣ его хлопоты

и сказывалась искренняя любовь молодежи къ С. Н. Эта благодарность была, конечно, въ полной мѣрѣ заслужена С. Н., лишь при удивительной энергіи и настойчивости котораго могла состояться и столь блистательно пройти Аѳинская экскурсія. Я подробно остановился на описаніи ея, потому что это путешествіе въ моей памяти тѣсно, нераздѣлимо связывается съ С. Н., воплощавшимъ тутъ въ дѣло свою мечту приобщить нашу университетскую молодежь къ дѣйствительной культурѣ, развитію и поддержать въ ней вкусъ и стремленіе къ духовной сторонѣ жизни, къ красотѣ въ мирѣ художествъ и въ природѣ, къ научному изслѣдованію, а также къ общественности. Прощаясь со студентами, Трубецкой съ своей стороны высказалъ имъ благодарность за ихъ отношеніе къ экскурсіи и за вѣрное пониманіе ея значенія и цѣли. Во мнѣ лично Аѳинская экскурсія оставила впечатлѣніе свѣтлаго, радостнаго, ничѣмъ не омрачившагося, а въ то же время полнаго серьезнаго значенія, времени, проведеннаго въ исключительномъ,—въ качественномъ отношеніи,—обществѣ, и при выдающейся по интересу и красотѣ обстановкѣ, которой содѣйствовала даже погода, ни разу намъ не измѣнившая и не омрачившаяся.

Не только въ недавнемъ, но и въ отдаленномъ прошломъ жизни Московскаго Университета мы не найдемъ академическаго дѣятеля въ званіи простаго профессора, имѣвшаго такое значительное вліяніе на положеніе нашей высшей школы, какъ С. Н. Мы можемъ, къ счастью, назвать много именъ ученыхъ, прославившихъ Московскій Университетъ, содѣйствовавшихъ установленію лучшихъ его традицій и имѣвшихъ выдающееся вліяніе на учащуюся молодежь; достаточно вспомнить Грановскаго, Чичерина, Чупрова, но имъ не пришлось пережить тотъ особенно острый періодъ университетскихъ волненій и безпорядковъ, завершившихся всеобщей студенческой забастовкой и сопровождавшихся такими правительственными мѣропріятіями, какъ отдача студентовъ «въ солдаты», массовыя административныя ссылки на дальній Сѣверъ и тому подобное. Эти безпорядки вынудили профессорскую коллегію выступить наконецъ самостоятельно, не какъ правленіе, носящее характеръ обычнаго «начальства», а какъ коллегію, дѣйствительно, по самому своему назначенію, стоящую во главѣ Университета, долженствующую поэтому управлять имъ и вліять на его судьбу, а не быть случайнымъ, безправнымъ собраніемъ лицъ, читающихъ лекціи студентамъ и получающихъ за это каждое 20-е число жалованье. Эта обязанность выпала на долю болѣе прогрессивной части профессоровъ того времени, въ числѣ которыхъ былъ конечно и Трубецкой. Лозунгомъ его было «Университетъ для науки, а не для политики», но университетъ автоном-

ный, авторитетный въ лицѣ профессоръ среди студенчества, обладающій Совѣтомъ, самостоятельно и безъ вмѣшательства педелей и инспекціи вершающій судьбы свои. Лозунгъ этотъ объединилъ большинство профессоръ и выдвинулъ на первое мѣсто С. Н. Вопросы университетской жизни, возможные способы успокоенія студенческихъ волненій и прекращенія такого ненормальнаго явленія какъ забастовка высшихъ учебныхъ заведеній, горячо обсуждались на совершенно частныхъ собраніяхъ профессоръ, имѣвшихъ мѣсто первоначально, до отъѣзда его за границу, у П. Г. Виноградова, а потомъ обыкновенно у А. Б. Фохта, и нерѣдко затѣмъ отражались на постановленіяхъ Совѣта. Кружокъ этотъ не имѣлъ въ себѣ ничего формальнаго—это было просто собраніе хорошо между собой знакомыхъ и единомышленно настроенныхъ лицъ, а потому въ немъ не было официальнаго предсѣдателя, но первенствующее значеніе въ немъ имѣлъ именно Трубецкой.

Въ результатъ собесѣдованій и какъ плодъ общей работы и мысли явилась извѣстная записка Трубецкого по университетскому вопросу, имѣвшая рѣшающее вліяніе на поворотъ правительственной политики по отношенію къ высшей школѣ, выразившійся, между прочимъ, въ дарованіи университетамъ, если не полной академической автономіи, то признанія за совѣтами обязанности дѣйствительнаго управленія университетомъ, права на выборъ ректора и декановъ и уничтоженіе инспекціи. Записка, о которой мы говоримъ, имѣется въ I томѣ твореній С. Н. Въ ней Трубецкой указывалъ, какъ на самую необходимую мѣру для упорядоченія и поднятія нашей высшей школы, на немедленное введеніе «коренной реформы, которая уничтожила бы вышеуказанные недостатки академическаго строя, вернула бы совѣтамъ ихъ корпоративное устройство, ихъ прежнюю самостоятельность и авторитетъ, ввѣривъ имъ веденіе университетскаго дѣла и устроеніе студенчества. Это первый необходимый шагъ для умиротворенія университетовъ, для ихъ нравственнаго подъема, необходимое условіе внутренняго порядка высшей школы». Въ концѣ записки Трубецкой останавливался на положеніи у насъ средней школы, настоятельно требующей, по его мнѣнію, реформы, при чемъ высказалъ, что «пока средняя школа будетъ давать университетамъ молодыхъ людей, недостаточно подготовленныхъ къ высшему научному образованію, пока въ ней не будетъ той здоровой дисциплины, которая дается правильнымъ и серьезнымъ умственнымъ трудомъ, и поддерживается довѣріемъ къ школѣ со стороны общества и семьи,—не можетъ быть прочнаго фундамента и у высшей школы. Здѣсь потребуется громадная и

продолжительная созидательная работа, къ которой государство должно привлечь всѣ просвѣщенныя силы страны»... «Въ школѣ— все будущее Россіи, и никакія жертвы, необходимыя для ея устроенія и подъема, не должны останавливать правительство, которое хочетъ блага страны и пожелаетъ поднять свой авторитетъ».

Въ сознаніи того, что университетъ обязанъ послѣдовавшей реформой именно Трубецкому, добивавшемуся улучшенія академическаго строя не только путемъ составленія и представленія въ надлежащія сферы докладной записки, но и путемъ переговоровъ и личнаго воздѣйствія на лицъ, стоявшихъ близко у власти, Совѣтъ московскаго университета избралъ С. Н. первымъ своимъ выборнымъ ректоромъ. Къ этому времени авторитетъ Трубецкого въ профессорской средѣ установился совершенно твердо, и къ нему, какъ къ руководителю Университета, относились съ полнымъ довѣріемъ члены Совѣта различныхъ взглядовъ и направленія,— полное единодушіе въ Совѣтѣ было достигнуто благодаря вліянію С. Н. и довѣрію къ нему. Вотъ какъ описываетъ профессоръ П. И. Новгородцевъ вступленіе Трубецкого на должность ректора: «Мнѣ вспоминается вечеръ, когда въ Совѣтѣ Московскаго Университета мы избрали С. Н. въ ректоры. Всѣ мы въ тотъ памятный вечеръ переживали свѣтлое, радостное, но вмѣстѣ и тревожное настроеніе. Мы чувствовали, что среди насъ рождается новая жизнь, что въ наши руки отдано великое дѣло, но мы испытывали также и тревогу за будущее. А онъ, нашъ новый ректоръ, самъ глубоко взволнованный и глубоко волнуя насъ чарующей силой своего слова, говорилъ: чего бояться намъ? Университетъ одержалъ великую нравственную побѣду. Мы получили разомъ то, чего желали; мы побѣдили силы реакціи. Неужели бояться намъ общества, нашей молодежи? Вѣдь не останутся же они слѣпыми къ торжеству свѣтлаго начала въ университетѣ. Правда, все бушуетъ вокругъ, волны захлестываютъ; мы ждемъ, чтобы онѣ успокоились... Будемъ вѣрить въ наше дѣло и въ нашу молодежь».

Я лично вспоминаю вечеръ наканунѣ засѣданія Совѣта, имѣвшаго избрать ректора. С. Н. еще не переѣзжалъ въ Москву изъ подмосковнаго имѣнія, гдѣ онъ проводилъ то лѣто съ семьей, но вечеромъ долженъ былъ пріѣхать прямо съ поѣзда ко мнѣ. Въ Фохтовскомъ кружкѣ, да и между другими профессорами, съ полною опредѣленностью выяснилось къ тому времени, что ректорство на новыхъ началахъ будетъ предложено Трубецкому. Такой выборъ былъ неизбѣженъ: борцомъ за автономію университета, по молчаливому согласію всѣхъ, выступилъ Трубецкой, и въ этой борьбѣ именно онъ, благодаря своей убѣжденности, вѣрѣ

въ университетское дѣло и присущимъ ему способностямъ, побѣдилъ. Ему и надлежало передать побѣдные лавры и неизбѣжныя тернія, ожидавшія перваго руководителя реформировавшагося университета. Никто другой въ этотъ моментъ не могъ, помимо Трубецкого, получить большинство голосовъ, ничье имя даже не называлось какъ возможнаго втораго кандидата. С. Н. о такомъ молчаливомъ рѣшеніи всей профессорской коллегіи не зналъ, хотя, конечно онъ предвидѣлъ возможность и даже вѣроятность постановки его кандидатуры и по этому поводу выслушалъ уже со стороны членовъ своей семьи не мало убѣжденій въ необходимости отказаться отъ принятія ректорства въ виду плохого состоянія за послѣднее время его здоровья, а именно разнообразныхъ сердечныхъ недомоганій на почвѣ склероза. Въ числѣ собравшихся у меня въ тотъ вечеръ профессоровъ находились, если память мнѣ не измѣняетъ, А. Б. Фохтъ, А. А. Мануиловъ, В. М. Хвостовъ, Б. К. Млодзѣевскій, П. И. Новгородцевъ, В. И. Вернадскій, И. К. Спижарный. С. Н. долго не пріѣзжалъ, такъ какъ поѣздъ почему-то опоздалъ. Раздался звонокъ у входной двери; было ясно, что это Трубецкой; всѣ мы примолкли и въ великомъ волненіи ждали его появленія; а когда онъ вошелъ,—то всѣ, не сговариваясь, по какому-то общему неудержимому побужденію, встрѣтили его аплодисментами. С. Н. понялъ надлежаше это общее привѣтствіе, поблагодарилъ и тутъ же совершенно просто передалъ о томъ, что его лично влечетъ открывающаяся перспектива широкой дѣятельности на пользу Университета, что онъ, независимо отъ этого, сознаетъ своей обязанностью, разъ рѣшеніе Совѣта таково, принять должность ректора, но что его страшитъ мысль, что онъ физически не въ состояніи будетъ надлежаше выполнить новыя служебныя функціи вслѣдствіе плохого состоянія здоровья. Присутствующіе знали о болѣзни сердца и зависящей отъ этого постоянной угрозы С. Н.; объ этомъ и ему и коллегамъ говорилъ не разъ, предупреждая ихъ, лечившій С. Н. профессоръ Фохтъ, и въ этотъ вечеръ говорившій о необходимости для Трубецкого не новой работы, а отдыха, но избраніе его, хотя бы съ тѣмъ, чтобы онъ лишь въ теченіе нѣкотораго времени отправлялъ обязанности ректора, казалось всѣмъ, да и самому Трубецкому, необходимымъ. Да всѣ къ тому же сознавали, что это избраніе неизбѣжно, ибо Совѣтъ уже окончательно предрѣшилъ его. Остатокъ вечера прошелъ въ бесѣдѣ о ректорствѣ, и тутъ же С. Н., самъ волнуясь и при большомъ волненіи всѣхъ присутствовавшихъ, сознававшихъ важность рѣшавшагося вопроса, заявилъ, что онъ не откажется отъ выборовъ и приметъ назначеніе. На слѣдующій день Трубецкой былъ избранъ.

Сказанная имъ тогда рѣчь также помѣщена въ сборникъ его сочиненій.

За короткій срокъ ректорства Трубецкого ему съ выбраннымъ тогда же въ помощники ректора А. А. Мануиловымъ пришлось пережить не мало волненій и хлопотъ. Студенчество не успокоилось и при новомъ режимѣ, что было понятно и ожидалось Трубецкимъ, такъ какъ движеніе университетской молодежи къ этому времени уже вышло изъ рамокъ академическихъ требованій и, отражая на себѣ общее настроеніе, приняло характеръ политическій. Но чѣмъ бы студенческія выступленія ни были вызваны, съ ними надо было бороться, считаясь въ то же время съ требованіями администраціи, и, наконецъ, приходилось вводить новый режимъ. Всему этому С. Н. отдался полностью. Это время профессоръ Мануиловъ описываетъ такъ: ...«Трубецкой не былъ только теоретикомъ университетской автономіи. Когда наступило время проводить ее въ жизнь, онъ не остановился передъ практическимъ дѣломъ, вполнѣ сознавая его громадныя трудности. Онъ имѣлъ мужественную рѣшимость взяться за него и, сдѣлавшись ректоромъ, со всей страстностью своей натуры сталъ проводить принципы, отъ осуществленія которыхъ ожидалъ возрожденія школы. Эти принципы стали традиціей Московскаго университета. Убѣжденный защитникъ идеи, что университетъ долженъ служить только наукѣ, С. Н. не страшился открыто высказывать и проводить эту идею, которая въ то время далеко не была популярной. Мужество и прямота были его отличительными чертами. Онъ не боялся высказывать своихъ взглядовъ, какъ бы они ни расходились съ мнѣніями и настроеніемъ большинства. Онъ былъ въ этомъ отношеніи человекомъ исключительной силы. Этимъ свойствомъ С. Н. объясняется крупное значеніе его кратковременнаго ректорства: извѣстно, что онъ былъ ректоромъ всего 27 дней. Мнѣ вспоминается послѣдняя поѣздка С. Н. въ Петербургъ. Она была связана съ дѣломъ устройства университета на новыхъ началахъ. Мы возлагали на нее большія надежды. Въ день отъѣзда С. Н. происходило засѣданіе правленія, послѣднее подъ его предсѣдательствомъ. Засѣданіе кончилось поздно, онъ спѣшилъ. Мы напутствовали его добрыми пожеланіями и простились съ нимъ. Мы не знали, что простились навсегда»...

Скончался С. Н. въ Петербургѣ 29 сентября, на второй день своего пріѣзда. Онъ былъ какъ разъ у Министра Народнаго Просвѣщенія и развивалъ предъ нимъ планъ намѣченныхъ имъ реформъ, и тутъ вдругъ его собесѣдникъ замѣтилъ, что С. Н. сталъ говорить невнятно, а затѣмъ опустилъ голову и словно задремалъ. Присутствовавшіе послали немедленно за врачомъ и С. Н., бывшаго

въ полубезсознательномъ состояніи, отвезли въ больницу, гдѣ онъ, не приходя въ полное сознаніе, къ вечеру того же дня скончался, какъ выяснилось при произведенномъ вскрытіи тѣла, отъ кровоизліянія въ полость мозга, вызваннаго, на почвѣ сильнаго склероза сосудовъ, общимъ переутомленіемъ.

Смерть С. Н. была жестокимъ ударомъ, поразившимъ не только семью его, близкихъ друзей, профессуру и студенчество Московскаго университета, но и все русское общество, наиболѣе прогрессивная часть котораго провидѣла въ лицѣ Трубецкаго своего вождя, того, кто въ нужнѣйшій историческій моментъ сумѣлъ бы объединить только что зародившіяся, но уже начавшія взаимную борьбу, партіи и создать пріемлемую для представителей власти съ одной стороны, и общества съ другой, политическую программу и могъ бы съ достаточнымъ авторитетомъ занять, при ожидавшемся введеніи представительнаго строя, выдающійся постъ. Похороны Трубецкаго еще памятны, думается, москвичамъ; эта церемонія, длившаяся съ утра до поздняго вечера, грандіозностью своей по массѣ народа, принявшаго въ ней участіе, превзошла все бывавшее прежде при отдачѣ послѣдняго долга выдающемуся человѣку. Это не было прощаніе съ человѣкомъ науки, съ первымъ выборнымъ ректоромъ, толпа казалось чествовала наиболѣе память отошедшаго въ вѣчность политическаго дѣятеля. Этотъ отгѣнокъ, даже со стороны части студенчества, вызывался между прочимъ возбужденнымъ настроеніемъ населенія, въ то время уже близкомъ революціонному. Во время медленнаго движенія похоронной процессіи въ рядахъ, сопровождавшихъ ее, раздавалось молитвенное пѣніе, но временами звучали такія пѣсни какъ «марсельеза» и «Вы жертвою пали», что отнюдь не совпадало съ направленіемъ покойнаго, такъ же какъ то обстоятельство, что во время его отпѣванія въ университетской церкви, въ томъ же зданіи, въ нѣсколькихъ аудиторіяхъ, раздавались такія же пѣсни. На гробъ С. Н. были возложены и вѣнки съ бѣлыми лиліями и вѣнки съ ярко красными лентами,—цвѣтъ, который С. Н. никогда не признавалъ «своимъ». Эти явленія, хотя они и сопровождали похороны С. Н., не относились лично къ нему, они были неизбѣжной тогда данью времени.

Я уже говорилъ о томъ, что научная работа, хотя и составлявшая главное содержаніе жизни С. Н., не поглощала его полностью, и его впечатлительная натура не оставалась равнодушной къ тому, что совершалось кругомъ него въ общественномъ отношеніи и не только по дѣламъ университета, но и въ другихъ сферахъ. А все, что совершалось въ то время,—я говорю про періодъ съ 1896 по 1905 годъ,—вызывало энергичные протесты со стороны С. Н.,

направлявшіеся имъ одинаково и въ сторону реакціонной политики правительства, и въ сторону той части общества, настроеніе и выступленія которой представлялись С. Н. ошибочными, вредными и преувеличенными, могущими затормозить или даже остановить начавшееся поступательное движеніе. Трубецкой говорилъ про себя, что онъ «консерваторъ», что выражалось въ томъ, что онъ въ религіозномъ отношеніи былъ человѣкъ глубоко вѣрующій, а въ отношеніи общественнаго и политическаго прогресса стоялъ за достиженіе его путемъ эволюціи, а не революціи. Взгляды и убѣжденія Трубецкого по общественнымъ вопросамъ хорошо извѣстны, и я на изложеніи ихъ останавливаться не буду, сославшись на многочисленныя статьи С. Н. по этимъ вопросамъ, печатавшіяся въ свое время въ газетахъ и журналахъ и включенныя въ настоящее время въ полное собраніе его сочиненій. Приведу лишь небольшія выдержки изъ статьи, написанной имъ всего за 3 мѣсяца до кончины, въ маѣ 1905 года для журнала «Московская недѣля», редакторство котораго С. Н. взялъ было на себя.

«Среди военной грозы, среди тяжкихъ внутреннихъ потрясеній взошла заря нашего обновленія, заря великихъ и трудныхъ дней. Есть сознаніе, что необъятное поле раскрывается предъ нами все шире и шире, что оно зоветъ работниковъ, что теперь можно жить и умереть для великаго, свѣтлаго дѣла... Мы не знаемъ еще, каковъ будетъ разливъ, но мы знаемъ, что и воды разлива сойдутъ. Намъ нуженъ внѣшній и внутренній миръ, миръ центра и миръ нашихъ окраинъ, миръ политическій и социальный. И во главѣ вопросовъ внутренней жизни сталъ вопросъ о коренной политической реформѣ, объ устроеніи политической свободы Россіи на началахъ народнаго представительства... Только такая реформа выведетъ насъ изъ того состоянія анархіи и смуты, въ которомъ мы живемъ, дастъ намъ истинный, прочный государственный порядокъ и сильную, авторитетную правительственную власть, столь необходимую для осуществленія всѣхъ прочихъ неотложныхъ реформъ... Народное представительство должно обезпечить внутренній миръ страны, столь глубоко возмущенный, и скрѣпить внутренними узами единство разнообразныхъ частей великой Имперіи; оно должно обезпечить прочный государственный порядокъ, свободу и права всѣхъ гражданъ безъ различія племени и вѣроисповѣданія и оно должно служить залогомъ широкаго развитія мѣстнаго и областного самоуправленія».

Въ приведенныхъ словахъ сказывается политическое credo Трубецкого. Оно было высказано въ передовой статьѣ перваго номера отъ 12 мая 1905 г. задуманнаго С. Н. еженедѣльнаго періодическаго изданія «Московская недѣля». Оно должно было

служить печатнымъ органомъ кружка прогрессистовъ, собравшагося подъ знаменемъ Трубецкого, въ которомъ участвовали, работая непосредственно въ журналѣ, слѣдующія лица: профессоръ В. И. Вернадскій, профессоръ М. Я. Герценштейнъ, Ф. А. Головинъ, приватъ-доцентъ Н. В. Давыдовъ, князя Павелъ и Петръ Д. Долгоруковы, приватъ-доцентъ Ф. Ф. Кокошкинъ, А. А. Корниловъ, приватъ-доцентъ С. А. Котляревскій, Н. Н. Львовъ, профессоръ А. А. Мануиловъ, С. А. Муромцевъ, профессоръ П. И. Новгородцевъ, приватъ-доцентъ Г. К. Рахмановъ, Ю. А. Новосильцевъ, И. И. Петрункевичъ, В. А. Розенбергъ, профессора князь С. Н. и Е. Н. Трубецкіе, профессоръ В. М. Хвостовъ, князь Д. И. Шаховской и В. Е. Якушкинъ. Журналъ долженъ былъ служить, будучи независимымъ, правдивымъ, безпартійнымъ, къ укрѣпленію порядка, установленію въ Россіи правового режима, дѣйствительной свободы совѣсти, слова и печати, къ уничтоженію абсолютизма, произвола и насилія, откуда бы они ни исходили, къ упорядоченію низшей, средней и высшей школы и проведенію необходимыхъ реформъ въ администраціи, церкви, судѣ и мѣстномъ самоуправленіи. Но какъ ни странно,—мирно и правомѣрно настроенный органъ печати не могъ осуществиться: первый же напечатанный № вызвалъ арестъ его цензурнымъ вѣдомствомъ и возбужденіе преслѣдованія противъ Трубецкого по 1035 ст. Уложенія о наказаніяхъ, при чемъ той же участи подверглись и послѣдующіе 2 и 3 №№ «Недѣли». Для выясненія причины столь свирѣлаго и явно несоотвѣтствующаго содержанію журнала отношенія правительственной цензуры къ «Московской недѣлѣ», С. Н. отправился въ Петербургъ, гдѣ въ Главномъ управленіи по дѣламъ печати ему было высказано, что журналъ признается вѣдомствомъ вреднымъ на томъ основаніи, что онъ, идя по курсу нежелательному съ точки зрѣнія правительства, слишкомъ умѣренъ, вѣрнѣе недостаточно радикаленъ и, будучи органомъ солиднымъ, тѣмъ самымъ (т.-е. своею умѣренностью) и опасенъ, что еще усугубляется именами лицъ, принимающихъ въ немъ участіе. Трубецкой и члены редакціи, убѣдившись такимъ образомъ въ тщетѣ своего начинанія, рѣшили прекратить изданіе; преслѣдованіе Трубецкого по 1035 ст. Уложенія о наказаніяхъ, оказавшееся какимъ-то «академическимъ», ибо, какъ говорили въ цензурномъ вѣдомствѣ, оно было возбуждено лишь для рѣшенія судомъ вопроса о томъ, представляется ли содержаніе № 1 «Недѣли» преступнымъ,—было, конечно, судомъ прекращено, и арестъ съ «Недѣли» снятъ; но послѣднее состоялось уже послѣ смерти С. Н.

Дѣятельность С. Н. по общественнымъ вопросамъ не ограни-

чилась, какъ извѣстно, университетской реформой и многочисленными статьями; группа общественныхъ работниковъ, къ которой въ началѣ ея организаціи принадлежалъ,—вѣрнѣе даже создалъ ее,—Д. Н. Шиповъ, устроившая извѣстные земскіе съѣзды и позднѣйшія собранія, привлекла С. Н. въ виду выдающихся качествъ его, какъ смѣлаго и твердаго борца за идею и правое дѣло, въ свою среду, гдѣ онъ не разъ выступалъ, произнося рѣчи, и въ молчаливомъ согласіи признала его своимъ предсѣдателемъ. Съ выдающимся успѣхомъ имъ было исполнено порученіе этой группы представить Государю во время аудіенціи членовъ ея въ Царскомъ селѣ, словесный докладъ объ общемъ положеніи Россіи и о желательныхъ реформахъ.

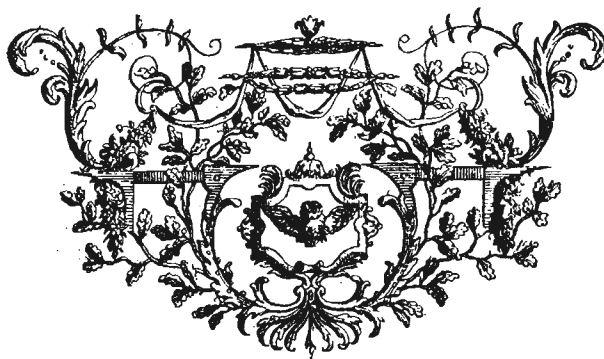
Законченныя научныя работы С. Н. напечатаны въ посмертномъ изданіи его твореній, но смерть, унесшая его въ возрастѣ сорока трехъ лѣтъ, оборвала его творчество и работу его философской мысли въ моментъ ея полного развитія, далекаго еще до послѣдняго слова. Изъ-за преждевременной смерти С. Н. наука и религіозная мысль понесли тяжелую и невознаградимую потерю.

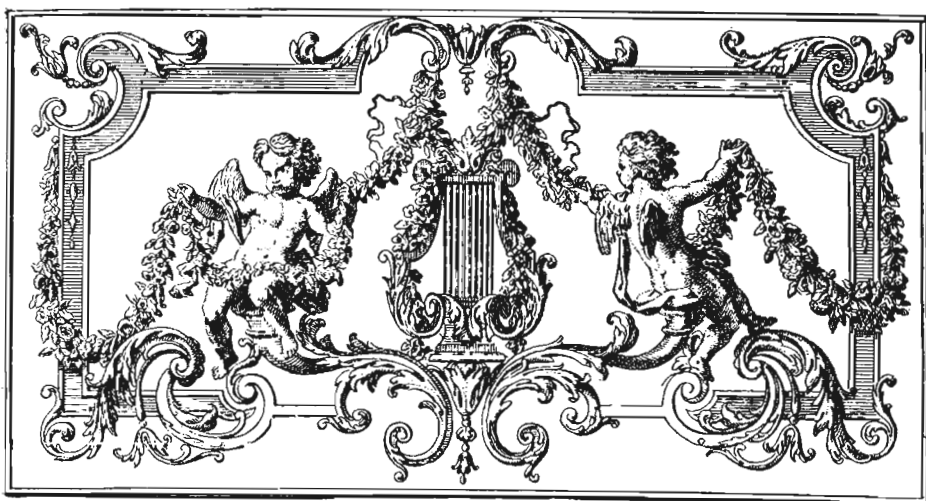
И еще черта: отдаваясь научной работѣ, отчасти публицистикѣ, университету, участвуя въ общественной дѣятельности, а въ то же время не запираясь отъ сношеній съ коллегами и друзьями, С. Н. находилъ достаточно времени и для своей семьи, въ тѣсномъ кругу которой онъ особенно любилъ проводить сколько нибудь свободные часы, лично слѣдя за воспитаніемъ дѣтей. Супруга С. Н.—Прасковья Владиміровна (она скончалась 24 ноября 1914 года, богато одаренная отъ природы духовными качествами, была ближайшимъ другомъ и совѣтникомъ мужа не только во всѣхъ обстоятельствахъ ихъ личной жизни и по вопросамъ воспитанія дѣтей, но и по отдѣлу научныхъ и литературныхъ работъ его. Обладая твердымъ характеромъ, выдающеюся правдивостью,—какъ бы культомъ правды,—сознаніемъ необходимости строгаго исполненія лежащихъ на человѣкѣ прирожденныхъ и принятыхъ на себя обязанностей, Прасковья Владиміровна благотворно вліяла на С. Н., помогая ему въ разрѣшеніи встрѣчавшихся на его пути сложныхъ жизненныхъ вопросовъ, поддерживая въ немъ бодрость и энергію въ борьбѣ съ тѣмъ, что она правильно и въ полномъ единеніи съ нимъ считала зломъ. Людямъ постороннимъ, мало знавшимъ Прасковью Владиміровну, она казалась женщиной гордой, холодной, чуждой всякой общественности, заинтересованной только своимъ семейнымъ кругомъ. Но на самомъ дѣлѣ это было далеко не такъ: Прасковья Владиміровна обладала несомнѣнной добротой и человѣколюбіемъ, которыя и проявляла

въ заботахъ и хлопотахъ о лицахъ, нуждавшихся въ помощи; она раздѣляла чувство дружбы мужа къ людямъ, близкимъ ему, и внѣ ихъ семейнаго круга, и въ обществѣ ихъ была обаятельна, привлекая хорошо знавшихъ ее природнымъ умомъ, благородствомъ мыслей и серьезнымъ развитіемъ. Она обладала выдающимися музыкальными способностями и вкусомъ и виртуозно играла на фортепіано.

Оканчивая этотъ очеркъ, посвященный дорогому и близкому мнѣ С. Н. Трубецкому, я боюсь, что мнѣ не удалось оживить предъ читателемъ личность его, дать почувствовать удивительную его обаятельность и человѣчность, привлекавшую къ нему сердца и умы людей; задача эта, пожалуй, вообще не по силамъ печатному слову, и можетъ быть выполнена лишь на почвѣ художественнаго творчества.

Н. Давыдовъ.

Наркизь-воинъ.

(Воспоминанія изъ военного быта).

1. Въ юнкерскомъ училищѣ.

Наркизь въ раннемъ дѣтствѣ хотѣлъ быть генераломъ, но о военной карьерѣ онъ никогда не мечталъ. О генералѣ онъ въ то время думалъ по своему:—это была ходячая энциклопедія, человѣкъ, который все знаетъ и все умѣетъ. Съ годами это понятіе измѣнялось, жизнь кое-чему научила Наркиза, и ко времени поступленія на военную службу онъ не сомнѣвался ни въ малыхъ знаніяхъ ни въ еще меньшемъ умѣніи генераловъ.

Красивое слово больше не обманывало.

Къ 17 годамъ у него явились другія мечты, но жизнь заставила его быть воиномъ, и онъ имъ сталъ. Раньше онъ видѣлъ офицеровъ, но въ своей квартирѣ или въ гостяхъ, теперь познакомился съ ними на службѣ, и это знакомство поразило его. За три недѣли, проведенныя имъ въ полку до поступленія въ юнкерское училище, онъ видѣлъ офицеровъ всего два раза, но при такой торжественной обстановкѣ, которая заставила все видѣнное твердо засѣсть въ памяти.

Въ первый разъ въ то время, когда солдаты послѣшно, въ промежуткѣ между классами и строемъ, приготавливались и надѣвали для строя ранцы и амуницію. Наркизь, какъ еще необмундированный, оставался въ казармѣ и не ходилъ ни въ классы, ни на строевыя занятія. Онъ этимъ пользовался и готовился въ юнкера,—счастливый случай позволилъ ему внѣ правилъ держать экзаменъ въ училище въ половинѣ ноября: племянникъ начальника училища, разсорившійся съ гимназической наукой, нынѣ

вольноопредѣляющійся того же полка, что и Наркизь, былъ допущенъ внѣ всѣхъ правилъ, съ разрѣшенія высшаго начальства, держать экзаменъ. И вотъ Наркизь, случайно поговорившій съ однимъ изъ любознательныхъ писарей полковой канцеляріи о новой тогда теоріи Дарвина, заслужилъ этимъ покровительство писаря, который подложилъ вмѣстѣ съ докладной запиской племянника начальника училища и докладную записку Наркиза. Начальство сочло неудобнымъ одному разрѣшить, а другому отказать, и Наркизь, державшій экзаменъ во много разъ лучше своего товарища, очевидно очень недовольнаго вообще всякой наукой, неожиданно для себя и для всѣхъ его родныхъ и знакомыхъ, 21 ноября уже былъ юнкеромъ.

Но особое уваженіе къ офицерамъ онъ получилъ еще въ учебной командѣ, именно во время паузы между классами и строевыми занятіями.

Каждый день происходила эта пятиминутная бѣготня, и Наркизь къ ней привыкъ, но въ этотъ разъ вышло иначе:—дневальный, непонятно для чего стоявшій всегда у наружныхъ дверей, вдругъ заоралъ «смирррно» такъ пронзительно, точно ему плеснули въ лицо кипяткомъ. По этому крику случилось нѣчто сказочное,—всѣ замерли въ тѣхъ же позахъ, въ какихъ ихъ засталъ окрикъ:—кто имѣлъ въ рукѣ подсумокъ для патроновъ или поясъ,—остался съ ними и, напримѣръ, сосѣдъ Наркиза, переобувавшій сапогъ, поднялся въ одномъ сапогѣ, и портянка безпомощно упала, полузакрывъ его босую ногу.

Почти тотчасъ вошелъ младшій офицеръ команды подпоручикъ Сатановичъ, что-то спросилъ и вышелъ.

Тогда Наркизь понялъ, что за важная штука младшій офицеръ! Вскорѣ ему пришлось узнать, что такое ротный командиръ.

Несмотря на такое видимое, осязательное уваженіе, все-таки младшіе офицеры команды были болѣе или менѣе свои люди, и въ разговорѣ между собою ихъ не особенно жаловали, о командирѣ же роты,—его обычно звали ротнымъ, хотя онъ официально назывался завѣдывающимъ учебной командой,—отзывались не иначе, какъ со страхомъ и трепетомъ. Наркизь еще не видѣлъ этого «ротнаго», но если бы онъ судилъ только по впечатлѣнію, вынесенному изъ разговоровъ окружающихъ его солдатъ, то не могъ бы его представить въ видѣ сбыкновеннаго человека. Слово «ротный» имѣло почти мистическій смыслъ; гсворили не о челсвѣкѣ, но о бсжествѣ, подобномъ библейскому Іеговѣ, наказующему до седьмого колѣна.

Пришло время, и Наркизь увидѣлъ и этого бога: запыхавшись вбѣжалъ учитель Наркиза, ефрейторъ Грыцюкъ, говорившій

обыкновенно со своимъ ученикомъ только короткими крикливыми фразами, и торопливо крикнулъ самымъ сердечнымъ образомъ:—Идить, паньчу, скорійше,—ротный требуютъ!..

И у Наркиза невольно сильно забилося сердце.

Рота была выстроена, и впереди ея стоялъ самъ Григорій Васильевичъ, «господынь пидфебель». Едва вошелъ Наркизь, какъ онъ его испугалъ своей командой: высоко и тягуче, но съ извѣстной красотой и изяществомъ онъ затянулъ «смирррно» и потомъ «равненіе направо».

Но это былъ только подпоручикъ Сатановичъ. Григорій Васильевичъ ушелъ зароту, и Сатановичъ остался одинъ впереди ея, да сбоку, поодаль, Наркизь и неподвижный, вытянутый, какъ палка, со странно выпяченной грудью, ефрейторъ Грыцюкъ.

Отъ всего этого Наркизу было страшно, но очень интересно.

Нѣкоторое время была полная тишина, вдругъ подпоручикъ Сатановичъ испуганно ринулся впередъ, поднялся на носки, закинулъ голову назадъ и громко запѣлъ:—Смирррно! Равненіе направо!

Послѣ этого онъ отбѣжалъ назадъ, и въ заранѣ широко раскрытую дневальнымъ дверь вошелъ высокій красивый молодой офицеръ. Это и былъ ротный.

Вся обстановка такъ взволновала никогда ничего подобного не видѣвшаго Наркиза, что если бы ротный обратился къ нему, сразу онъ бы навѣрно ничего не смогъ ему отвѣтить.

Въ училищѣ Наркизу выпало несчастье попасть въ ученики самому глупому юнкеру всего училища, нѣкому Горскому. Этотъ Горскій долженъ былъ въ мѣсяць пройти съ Наркизомъ то, что другіе юнкера проходили въ четыре мѣсяца. И вотъ Горскій приступилъ къ своей трудной задачѣ слѣдующимъ образомъ:—Какъ бы позабывъ, что его ученикъ человѣкъ грамотный, онъ въ часы «словесности» сажился противъ Наркиза, бралъ въ руки маленькую брошюру: «Вопросникъ съ необходимыми свѣдѣніями для молодыхъ солдатъ» и начиналъ медленно читать:

— Что есть солдатъ?

Смотрѣлъ испытующе въ лицо Наркиза и самъ же отвѣчалъ:

— Солдатъ есть слуга царю и отечеству и долженъ защищать ихъ, не жалѣя живота своего, отъ враговъ внѣшнихъ и внутреннихъ.

Затѣмъ дѣлалъ суровое лицо и строгимъ тономъ говорилъ:

— Повторите, юнкеръ Инскій!

И Наркизь повторялъ слово въ слово, такъ какъ въ то время обладалъ превосходной памятью:

— Солдаты есть слуга царю и отечеству и должны защищать ихъ, не жалѣя живота своего, отъ враговъ внѣшнихъ и внутреннихъ.

— Хорошо,—хвалилъ Горскій и начиналъ медленно читать новый вопросъ:

— Что есть знамя?

Опять смотрѣлъ испытующе въ лицо Наркиза и, изрѣдка заглядывая въ книжку, медленно говорилъ:

— Знамя есть священная хоругвь, съ которой вѣрные воины идутъ въ бой.

Потомъ, когда Наркизъ уже зналъ, что солдаты и что знамя, онъ пытался отвѣчать сейчасъ послѣ вопроса, но Горскій строго его останавливалъ:

— Отвѣчайте только тогда, когда вамъ прикажутъ!

Иногда Наркизъ просилъ:

— Быть можетъ вы мнѣ дадите эту книжку, и я выучу и отвѣчу вамъ...

Но Горскаго только сердили подобныя просьбы, и онъ внушительно, какъ бы обдумывая каждое слово, говорилъ:

— Вы все еще шпакъ, юнкеръ Инскій. Извините, но я обязанъ вамъ это сказать. Вы все еще шпакъ, а между тѣмъ должны бы гордиться высокимъ званіемъ юнкера, которое носите теперь.

Онъ замолкалъ и давалъ Наркизу время вдуматься въ сказанное, но сколько тотъ ни напрягалъ свой умъ, не могъ опредѣлить, почему онъ шпакъ и чѣмъ высказалъ неуваженіе къ высокому званію юнкера.

Горскій смотрѣлъ на него сначала строго, потомъ съ сожалѣніемъ,—онъ былъ хорошій человѣкъ, и ему было жалъ ограниченнаго ученика.

— Никогда, ни при какихъ обстоятельствахъ не смѣйте говорить юнкеру старшаго класса просто вы! Онъ для васъ не вы!

И Наркизъ недоумѣвалъ: какъ ему титуловать лицъ, носящихъ высокое званіе юнкеровъ старшаго класса? Господинъ юнкеръ старшаго класса? Или можно сказать просто господинъ Горскій?

Впрочемъ, и самъ Горскій этого не зналъ, въ чемъ въ послѣдствіи Наркизъ убѣдился.

Со «словесностью» потомъ пошло лучше: взводный Наркиза, котораго за красоту и снисходительную ко всему лѣнь его товарищи, юнкера старшаго класса, звали «мазочкой» и просто Поля, далъ Наркизу ту книжку, по которой училъ его Горскій и которую тотъ такъ заботливо пряталъ отъ своего ученика, и какъ только бывало Горскій начнетъ свое медленное:—что есть знамя?—Наркизъ уже быстро говорить:

— Знамя есть священная хоругвь, съ которой вѣрные воины идутъ въ бой.

Горскій морщилъ брови, старался придумать, что ему слѣдуетъ сдѣлать, чтобы поднять нарушенный авторитетъ, и въ концѣ, ничего не придумавъ, соглашался.

Несчастье Наркиза было въ... маршировкѣ! Онъ ходилъ съ ранняго дѣтства и совершенно не зналъ, что не имѣетъ никакого понятія о хожденіи! Въ преподаваніи Горскаго это была очень сложная наука: надо было по командѣ поднимать одну ногу и одну руку и такъ стоять до другой команды. Стоять было трудно, такъ какъ подавшись всѣмъ тѣломъ впередъ, невозможно было долго держать равновѣсіе. Горскій, съ серьезнымъ видомъ и потнымъ отъ усилія лицомъ отбѣгалъ въ сторону и отрывисто командовалъ:—Ать!

Наркизь поднималъ лѣвую ногу и выдвигалъ впередъ правую руку, думая при этомъ:—почему «ать», когда въ уставѣ стоитъ «разъ»?

Горскій подбѣгалъ къ нему и исправлялъ «стойку»: поднималъ ему голову, приказывалъ убрать животъ (куда?—думалъ Наркизь), выставить грудь впередъ, носокъ ноги держать не вверхъ, но параллельно полу, правую руку убрать назадъ или нѣсколько выдвинуть впередъ, при чемъ Наркизь положительно не могъ замѣтить, гдѣ собственно должна быть рука,—она никогда не была на своемъ мѣстѣ.

Поправивъ, Горскій быстро прыгалъ назадъ и при этомъ вскрикивалъ—два!

По этой командѣ надо было поспѣшно стать на всю подошву и каблукъ висѣвшей въ воздухѣ ноги, но встать непременно сразу всей поверхностью, затѣмъ еще поспѣшнѣ пронести правую ногу мимо лѣвой, при чемъ Горскій озабоченно кричалъ:

— Не останавливайте ноги, не останавливайте ноги, не останавливайте ноги!

И сильно пугалъ этимъ неожиданнымъ крикомъ.

Одновременно съ выносомъ правой ноги, наблюдая, чтобы носокъ былъ параллельно землѣ, и колѣно, Боже сохрани, не согнулось, надо было убрать правую руку назадъ, а лѣвую выдвинуть впередъ, дѣлая это какъ-то такъ особенно, что Наркизь и впослѣдствіи, уже командуя ротой, не могъ сообразить: чего, собственно, отъ него требовалъ «строевикъ»,—(это большая похвала!)—Горскій.

Иногда Наркизь еще не поспѣвалъ поставить ноги, какъ Горскій пронзительно кричалъ:—ать!—и, слѣдовательно, надо было «выносить» лѣвую ногу.

Съ переходомъ въ общій строй Наркизу стало легче,—его начали наравнѣ съ другими юнкерами пускать въ отпускъ «до восьми съ четвертью вечера», онъ освоился немного со строгостью дисциплины, которая вначалѣ его просто оглушила, и началъ получать по научнымъ предметамъ все лучшіе и лучшіе баллы. Тогда же онъ удивилъ своихъ товарищей тѣмъ, что, отвѣчая ротному командиру, читавшему воинскіе уставы, строевое ученье роты, подробно и точно рассказывалъ всѣ сложныя въ то время построения и перестроения.

За этотъ отвѣтъ онъ получилъ одиннадцать балловъ, то-есть высшій баллъ, который ставили въ училищѣ, да еще у такого строгаго преподавателя, какимъ былъ ротный командиръ. Среди юнкеровъ было глубокое убѣжденіе, что строй можно понять, только находясь въ строю, и съ насмѣшкой смотрѣли на тѣ спички, которыя ставилъ Наркизъ, воображая взводы и отдѣленія. Взявъ разъ спички, онъ вызвалъ столько насмѣшекъ, что больше не рѣшался продѣлывать на спичкахъ при товарищахъ и долженъ былъ стараться воображать мѣста чиновъ роты въ умѣ. Его великолѣпный отвѣтъ явился поэтому загадкой, и послѣ долгихъ дебатовъ пришли къ убѣжденію, что онъ видѣлъ это учение такъ много разъ, что, интересуясь имъ, тогда уже понималъ, въ чемъ дѣло. На увѣренія Наркиза, что онъ никогда не видѣлъ строя, не обращали вниманія и смѣялись.

Полгода послѣ этого Наркизъ не рѣшался высказывать своихъ мнѣній, но вопіющаго, по его мнѣнію, было очень много: напримѣръ, изготовка къ стрѣльбѣ въ то время еще дѣлалась въ четыре пріема, сначала надѣ было повернуться въ полъ-оборота направо, въ слѣдующую секунду приставить ногу, въ третью секунду подкинуть ружье и только въ четвертую взять на изготовку; другими словами употребить четыре секунды на то, что можно сдѣлать въ одну секунду, что на войнѣ, конечно, всегда и будетъ дѣлаться. Колонны строились и перестраивались съ особыми церемоніями, напримѣръ для того, чтобы развернутой ротѣ двинуться впередъ взводами, надѣ было подать одиннадцать командъ: сначала ротный выводилъ,—«рота справа во взводную колонну стройся!» Потомъ взводные, стараясь скомандовать вмѣстѣ, одновременно выходили впередъ,—опять-таки съ особымъ церемоніаломъ,—въ три такта,—и, прислушиваясь къ голосу командира четвертаго взвода, кричали:—«взводъ направо! На плечо!»

Потомъ тихо добавляли:—«лѣвое плечо впередъ!»

Командиръ роты, видя, что все готово, командовалъ:—«шагомъ маршъ!»

Младшіе офицеры опять тихо говорили:—«правое плечо впе-

редъ!» и потомъ:—«прямо!» Затѣмъ поворачивались къ своему взводу и уже громко кричали:—«такой-то взводъ (первый, второй или третій) стой! Во фронтъ!»

Ротный или командоваль:—рота смири! Направо равняйся! Смири! или, желая двинуть роту впередъ, командоваль:—рота смири! На плечо! Рота равненіе направо, шагомъ маршъ!

Въ бою постоянно можетъ представиться случай подобнаго перестроенія, и неужели и тамъ надо было продѣлывать всѣ эти церемоніи во вкусъ Павла и Николая Перваго? Очевидно, что тамъ никто объ этомъ и не подумаетъ. А между тѣмъ этому придавалось огромное значеніе и даже въ ихъ ротѣ офицеры командовали «въ аккордъ», что звучало дѣйствительно очень красиво, но для войны было совершенно непригодно.

Еще больше возмущала Наркиза маршировка,—вытягиваніе носковъ, давно уже отмѣненное уставомъ, или пріемъ «на краулъ», въ которомъ упражнялись передъ смотрами цѣлыми часами.

— Войско для боя! Времени такъ мало, что дай Богъ выучить только то, что окажется необходимымъ въ бою. Крайняя тишина въ строю, полная согласованность движеній въ небоевыхъ упражненіяхъ необходимы для того, чтобы дисциплина вошла въ плоть и кровь солдата,—иначе бы милиція была бы не хуже регулярныхъ войскъ, но и логика и, главное,—военная исторія ясно говорятъ, что милиція нигдѣ и никогда не могла справиться съ регулярнымъ войскомъ.

Итакъ, нужны и ружейные пріемы,—для дисциплины и для того, чтобы ружье въ рукахъ солдата казалось легкимъ, какъ игрушка; нужны даже и сложныя перестроенія, но исключительно для развитія вниманія, такъ сказать во второмъ ряду, для солдата, который уже знаетъ, что ему дѣлать въ бою. Какой толкъ съ дисциплинированнаго манекена,—это хуже всякой милиціи!

Нѣчто подобное Наркизь все-таки высказалъ, но уже тогда, когда самъ былъ портупей-юнкеромъ. Высказалъ и вызвалъ взрывъ негодованія: нѣтъ,—очевидно онъ никогда не будетъ военнымъ! Шпакомъ былъ и шпакомъ останется!

И товарищи язвили его:

— Обратитесь, Инскій, съ всеподданѣйшимъ прошеніемъ къ государю: пусть уволятъ военного министра и назначаютъ васъ! То-то будетъ армія! То, чего не смогли выдумать сотни и тысячи генераловъ, кончившихъ академію генеральнаго штаба, сообразилъ одинъ только Инскій,—младшій портупей-юнкеръ и геній!

И Наркизь смущался—а если они правы? Вѣдь думаютъ же въ самомъ дѣлѣ эти тысячи специалистовъ въ важныхъ чинахъ,

кончившихъ академіи генеральнаго штаба, вмѣстилище всей военной мудрости?!

А между тѣмъ такъ было ясно, что на войнѣ нельзя дѣлать изготровку къ стрѣльбѣ въ четыре такта, нельзя подъ огнемъ двигать и поворачивать роту съ помощью многочисленныхъ и сложныхъ командъ, нельзя на маршировку тратить 500 часовъ въ годъ и на дѣйствія боевой цѣпью 30 часовъ или заканчивать обученіе сторожевой службы въ три дня! Даже маневры дѣлались совершенно безтолково: выступить тогда-то, идти туда-то, тамъ столкнуться и послѣ боя такому-то продѣлать отступательное движеніе, а такому-то стать бивакомъ! Очевидно явная ерунда. Но вѣдь и молодой лошади кажется ерундой движеніе подъ гору шагомъ, сдерживая телѣгу всей силой.

Наркизъ вѣрилъ не себѣ, а старымъ опытнымъ важнымъ генераламъ, кончившимъ вмѣстилище военной премудрости,—академію генеральнаго штаба.

Но прошли года, и большинство того, о чемъ говорилъ юный Наркизъ, за что его прозвали презрѣнной кличкой «шпакъ», прошло въ жизнь: послѣ немалой борьбы на изготровку къ стрѣльбѣ стали брать въ одинъ пріемъ, рота перестраивалась только по командамъ командира роты, и взводные уже не пѣли въ «аккордъ», что было такъ красиво на учебномъ плацу, но только мѣшало въ бою. Даже на маневрахъ начали допускать до извѣстной степени инициативу. Жизнь шла, и Наркизъ все больше преклонялся передъ силой ея величества Глупости, передъ которой уже преклонился Эразмъ Роттердамскій въ своей «Похвалѣ». Она, царица вселенной, была и, вѣроятно всегда будетъ, властительницей министерскихъ кабинетовъ, всѣхъ винтовъ, пружинъ и колесъ огромной и сложной бюрократической машины, цѣпко придерживающей всякое разумное начинаніе.

Тогда Наркизъ вѣрилъ другимъ, а себѣ не вѣрилъ, ея же величества Глупости не читилъ и считалъ, что она не ея величество и не властительница міра, а простая дура. Неопытенъ былъ Наркизъ, молодъ!.. Но зато ему жрецы этой великой богини не мало залили сала за шкуру, начиная съ того презрѣнія, которымъ его клеймили «боевые» товарищи.

Словомъ «боевой» выражалась наивысшая похвала, и это была полная противоположность презрѣнному «шпаку». Боевой, то есть юнкеръ въ мундирѣ въ обтяжку, чтобы швы были натянуты до послѣднихъ предѣловъ, грудь колесомъ, голова кверху, голосъ звонкій, шагъ твердый, учится плохо, но по строю первый, великолѣпный гимнастъ, ружейные пріемы «щелкаетъ», въ строю держитъ равненіе, какъ по шнуру, непременно пьяница и разврат-

никъ. Боевой нигдѣ и никогда не долженъ быть съ книжкой. Въ сущности это былъ идеалъ бойца прежняго времени, когда бой рѣшала личная храбрость и выносливость отдѣльныхъ бойцовъ.

«Шпакъ» же презрѣнное существо, зубрила, плохой гимнастъ, «баба», то-есть, боящійся холоду и сырости, не могущій или не хотящій пить много водки, путающій строй, не могущій захватски командовать и нахально соврать начальству, дѣлающій ружейные приемы безъ треска, не развратникъ.

Сначала Наркизь,—маленькій и худенькій, плохой гимнастъ, непьющій и некурящій, абсолютный дѣвственникъ, проводящій все свободное время съ книжкой,—какъ смягчающее обстоятельство—не съ учебникомъ,—къ тому же ученикъ Горскаго, никакъ не могущій сообразить, какъ слѣдуетъ молодецки выкидывать руку, вынося ее въ локтѣ,—за все это онъ былъ окончательно и безповоротно зачисленъ въ разрядъ презрѣнныхъ шпаковъ. Его странныя разсужденія,—напримѣръ, о ненужности лихого прохожденія церемоніальнымъ маршемъ,—только подчеркивали эту шпаковость. Къ тому же Наркизь былъ заика. Странный какой-то заика, непохожій на другихъ заикъ,—тогда какъ другіе заикались всегда и одинаково, Наркизь то заикался черезчуръ сильно, то говорилъ гладко, точно книгу читалъ.

Потомъ у него явились нѣкоторые признаки боевитости: онъ былъ хорошій гимнастъ, прекрасно дѣлалъ ружейные приемы, при маршировкѣ отлично держалъ равненіе, былъ однимъ изъ самыхъ лучшихъ пловцовъ во всемъ училищѣ, командовалъ звонко, правильно и не путалъ команды: за все это, а также за отличные баллы и поведеніе, онъ, несмотря на то, что пробылъ въ училищѣ всего девять мѣсяцевъ, былъ назначенъ младшимъ портупей-юнкеромъ.

Къ сожалѣнію, онъ и въ этомъ высокомъ званіи продолжалъ говорить шпаковскую ересь, находя, что многое совершенно не годится для боя, многое надо учить, а многое выкинуть. За это «боевые» юнкера продолжали его звать шпакомъ.

Его, кстати, и потомъ, уже офицеромъ, звали шпакомъ: во время японской кампаніи онъ командовалъ ротой, и къ этой ротѣ прикомандировали двѣсти солдатъ, зачисленныхъ въ полки, находящіеся на войнѣ. Эти солдаты должны были быть здѣсь обучены и послѣ обученія отправлены въ свои части. Всего въ полку, гдѣ служилъ Наркизь, было четыре такихъ роты. Одной изъ нихъ командовалъ любимецъ командира полка, «выдающійся» и «боевой» капитанъ Рефьевъ. Онъ все время гонялъ своихъ людей въ одиночку подъ барабанъ. Они ходили гуськомъ, подкатавши шинели, ставя ногу всей подошвой и продѣлывая другія подоб-

ныя же тонкости, «вырабатывали широкій молодецкій красивый шагъ». Наркизъ же въ это время училъ своихъ людей разсыпаться незамѣтно отъ непріятеля, поражать врага, не выдавая себя, дисциплинѣ огня и точности выстрѣла,—однимъ словомъ тому, что они должны были продѣлывать черезъ три мѣсяца.

Фельдфебель Наркиза, озабоченно глядя на людей Рефьева, гуськомъ ходившихъ по двору и «вырабатывавшихъ молодецкій шагъ» часто подходилъ къ своему ротному командиру и почтительно докладывалъ:

— Какъ бы намъ не попасться, ваше высокоблагородіе? Смотрѣть то вѣдь будутъ только сомкнутый строй. Пропустятъ церемоніаломъ, сдѣлаютъ два три построенія, ружейные приемы да и конецъ. Вамъ, ваше высокоблагородіе, вновѣ, а я знаю нашего командира полка.

Фельдфебель былъ пророкомъ, что, впрочемъ, Наркизъ заранѣе зналъ: начальство смотрѣло лишь церемоніаль, особенно приемъ на краулъ,—для встрѣчи начальства,—и тому подобныя необходимыя для боя вещи. Казалось война не только не шла, но и вообще мы никогда и никакой войны не предполагали вести.

Рефьевъ торжествовалъ и говорилъ:

— Инскій, комикъ, думалъ, что будутъ смотрѣть разсыпной строй и сторожевку! Нѣтъ, братъ, ты сначала сдѣлай изъ нихъ солдатъ, а потомъ и учи, чему захочется! Нѣтъ, я старый воробей, у меня комаръ носу не подточить! А Инскій шпакомъ былъ, шпакомъ и останется! Строй, другъ мой, не англійскій языкъ!

За этотъ смотръ Рефьевъ получилъ орденъ.

Но это было потомъ, и объ этомъ еще будетъ рѣчь, пока же Наркизъ находится въ училищѣ и живетъ училищной жизнью.

Надъ русскими учебными заведеніями лежитъ какой-то рокъ, какъ и надъ всей русской жизнью,—и тамъ и здѣсь учатъ и управляютъ какъ разъ не тѣ, кому слѣдовало бы учить и управлять. Вотъ, напримѣръ, два монстра изъ числа наставниковъ Наркиза: преподаватель фортификаціи полковникъ Мосинскій и преподаватель топографіи полковникъ Дунаевъ, по прозванію Моржъ. Первый не имѣлъ прозванія,—его слишкомъ ненавидѣли.

Оба были безусловно ненормальные люди, что не мѣшало имъ оставаться въ училищѣ больше десяти лѣтъ и выпустить больше тысячи офицеровъ, не имѣющихъ никакого понятія ни о фортификаціи, ни о топографіи.

Мосинскій былъ маниакъ. Его идеаломъ были чистенькіе, выглаженные окопы, видные на многія версты. Юнкера, копая подъ его руководствомъ, копали окопы, все время измѣряя футами и дюймами. Кончивши, засыпали внутри и снаружи желтымъ пескомъ,

а если было приказано маскировать окопъ, то, кромѣ песочку, еще обсаживали елочками, уравнивая ихъ верхушки. Уходя юнкера за двѣ версты еще отлично видѣли свои «маскированные» окопы, а Мосинскій восхищался:

— Да, это офицерская отдѣлка!

Его предметъ былъ важнѣе всего въ мірѣ. Въ классѣ онъ былъ безпощаденъ. Обыкновенно онъ садился, клалъ около себя бумагу и карандашъ, вызывалъ несчастную жертву и безстрастно слушалъ. При каждой запинкѣ онъ ставилъ на бумажкѣ черточку. По окончаніи отвѣта считалъ черточки, высчитывалъ изъ двѣнадцати и ставилъ баллъ. Если было восемь черточекъ, то за отличный отвѣтъ онъ ставилъ четыре балла, то есть два по пятибалльной системѣ. И при этомъ всегда говорилъ:

— Я справедливъ! Я щепетильно справедливъ!

По фортификаціи, какъ и по другимъ главнымъ предметамъ, надо было имѣть для выпуска не менѣе восьми, но онъ самъ всегда говорилъ:

— Пять балловъ превосходный баллъ! Пять балловъ это офицеръ!

И онъ былъ правъ: на педагогическомъ совѣтѣ всѣмъ, кто имѣлъ пять балловъ, ставили восемь и выпускали. Иначе нельзя было дѣлать, такъ какъ пришлось бы выпускать вмѣсто ста пятидесяти какихъ-нибудь десять—пятнадцать человѣкъ.

Это былъ злобный маніакъ, изъ-за котораго каждый годъ кто-нибудь изъ юнкеровъ покушался на самоубійство. Онъ никогда не улыбался,—высота преподаваемой имъ науки не допускала никакихъ фпривольностей.

Каждый годъ происходила та же исторія: новые юнкера набрасывались на фортификацію, но уже къ Рождеству ее никто не училъ. Къ чему?—когда больше восьми никто и никогда не получалъ! Были юнкера, которые принципиально не отвѣчали по фортификаціи. Ничего и никогда, просто молчали, какъ пень. Мосинскій тоже молчалъ и черезъ четверть часа ставилъ единицу. Если такой юнкеръ на экзаменѣ отвѣчалъ хорошо, то его выпускали, ставя мѣсячные баллы заднимъ числомъ. Это былъ псдлогъ, но что же было дѣлать? Если юнкеръ вралъ и путался, то онъ ему ставилъ отрицательный баллъ: минусъ одинъ или минусъ два.

Имѣлъ ли онъ протекцію, просто ли импонировалъ своей постоянной серьезностью, но мученія его учениковъ продолжались десять лѣтъ.

На долю Наркиза выпало счастье, и онъ не попалъ къ этому злому маніаку. Командующій войсками генералъ Дрентельнъ на смотру юнкеровъ замѣтилъ:

— Что за странность? Варшавское училище по первому разряду кончаетъ 50 %, Петербургское 40 %, а Кіевское 4%! Юнкера тѣ же вездѣ, значить, что-то не ладно въ преподавательскомъ персоналѣ.

Это замѣчаніе было принято во вниманіе, и въ слѣдующемъ году по первому разряду кончило 10 %. Чтобы достигнуть этого результата, посягнули на Мосинскаго и въ классѣ Наркиза фортификацію прекрасно преподавалъ поручикъ Пушечниковъ.

Ненависть къ Мосинскому выражалась въ ежегодномъ сжиганіи, конечно тайно отъ начальства, учебника фортификаціи и портрета Мосинскаго. Это было цѣлое шествіе, обставленное особымъ цермоніаломъ.

По окончаніи экзамена, когда уже было извѣстно, кто перейдетъ, кто кончить, кто останется на второй годъ и кто «приметь участіе въ майскомъ парадѣ», то-есть, покинетъ училище и возвратится въ полкъ, чтобы осенью опять держать экзаменъ въ младшій классъ,—происходили похороны «фортификаціи и съ нею двенадцати языкъ».

Наркизъ слышалъ объ этомъ, но когда это будетъ, не зналъ. Въ училищѣ онъ еще не былъ и полугода, закадычныхъ друзей не имѣлъ и поэтому въ знаменитый вечеръ спокойно легъ спать.

Говорятъ, что начальство было предупреждено и нарочно не мѣшало церемоніалу. Возможно и то, но фактъ, что дежурнымъ былъ самый добрый изъ офицеровъ, и въ этотъ день дѣйствительно не приходилъ ни ротный ни батальонный.

Зданіе Кіевского училища поражаетъ своей длиною. Это бывшая оборонительная казарма длиною почти въ полверсты. Спальни помѣщаются наверху и тянутся на протяженіи пятисотъ шаговъ.

Наркизъ уже началъ дремать, когда его разбудило стройное пѣніе.

Это хоронили портреты «составителя учебника фортификаціи эфіопа каторжнаго Плюцинскаго и его помощника проклятаго мандрила Мосинскаго». Превосходный юнкерскій хоръ пѣлъ имъ «вѣчно каторжную память», и хоръ трубачей, великолѣпно имитировавшихъ духовой оркестръ, на гребенкахъ съ положенной на нихъ папиросной бумагой и прямо горломъ, игралъ похоронный маршъ. Особенно отличались какія-то басистыя трубы съ ихъ пррр! пррр! Барабаномъ была чертежная доска, въ которую били специально сдѣланнымъ толкачомъ. Почетный караулъ былъ въ кальсонахъ, надѣтыхъ на руки и въ рубашкахъ, надѣтыхъ на ноги, все для вящаго посрамленія вѣчно каторжнаго эфіопа Плюцинскаго и его помощника проклятаго мандрила Мосинскаго.

Всѣ, кромѣ того, были въ опоркахъ, именуемыхъ въ училищѣ очень неприличнымъ словомъ, и ружья прикладами имѣли кверху.

Шествіе началось въ первомъ взводѣ первой роты, и въ каждомъ взводѣ къ процессіи присоединялись новые участники: очевидно былъ какой-то организаторъ, опытный и знающій свое дѣло. Въ каждомъ взводѣ пѣли вѣчную память и происходилъ обрядъ помазанія портретовъ вонючимъ опоркомъ...

Дойдя до крайняго пункта, до курьлки послѣдней роты, было отслужено погребеніе, и стройный юнкерскій хоръ, сопровождаемый тихими рыдающими звуками оркестра, жалобно пѣлъ:

— Съ с.... сынами упокой проклятую нахабу пекельную и дай имъ всѣ муки адовы! Ему, эфіопу каторжному, Плюинскому и его помощнику проклятому мандрилу Мосинскому!

При этомъ рвали листки новенькой, въ складчину купленной восьмирублевой фортификаціи, бросали ихъ въ огонь и тихо, жалобно и тягуче припѣвали:

— Аууу, ауууу, ауууу!

И потомъ опять:

— Съ с.... сынами упокой проклятую нахабу и дай имъ всѣ муки пекельная!... Вѣчная и проклятая память!.... Вѣчная и проклятая память!.... Вѣчная и проклятая память!... Ему, эфіопу каторжному и его помощнику, мандрилу проклятому!

Вторымъ монстромъ былъ Моржъ.

Мосинскій былъ непроницаемъ и свирѣпъ, его боялись и ненавидѣли, Моржъ же добродушенъ, и за это ему многое прощалось. Онъ, на примѣръ, единственный изъ преподавателей училища ставилъ полный баллъ—12. Рѣдко, но ставилъ. Мосинскій никогда не ставилъ больше восьми, Квицинскій—товарищъ военнаго прокурора, читавшій законовѣдѣніе, какъ высшій баллъ считалъ девять,—по знаменитой формулѣ: Богъ знаетъ на 12, преподаватель, если подготовится, на 11, и наилучшій ученикъ за наилучшій отвѣтъ можетъ получить девять, что по пятибалльной системѣ равняется примѣрно четыремъ съ минусомъ. Остальные преподаватели въ первое полугодіе ставили не больше десяти и во второе не больше одиннадцати.

Такъ какъ по закону на экзаменѣ не могли поставить больше двухъ балловъ сверхъ годового, то ученикъ Квицинскаго при всегда отличномъ знаніи на экзаменѣ не могъ получить болѣе 11 и, слѣдовательно, въ среднемъ больше десяти балловъ, то-есть, самый меньшій баллъ для окончанія училища по первому разряду.

Еще больше, разумѣется, понижала общій баллъ фортификація въ преподаваніи большаго Мосинскаго.

Моржъ традицій училища не признавалъ, и когда былъ въ хорошемъ настроеніи, ставилъ 12.

Это былъ короткій толстый полковникъ съ висячими усами, удивительно похожій на настоящаго моржа.

Сначала Наркизь слышалъ о немъ только легенды, но въ старшемъ классѣ увидѣлъ кое-что и самъ.

Изъ своихъ учениковъ Моржъ зналъ въ лицо только двухъ,— красавца Каллонея и огромнаго Халявина. Одного за постоянныя проказы и другого специально за «горки». Наркизь чертилъ превосходно, но не могъ постигнуть тайну горокъ Халявина. Моржъ любовался его черченіемъ, говорилъ;—«ишь, ты, новоявленный художникъ» и ставилъ 11, тогда какъ Халявину за горки постоянный баллъ былъ двѣнадцать. Но зато устнаго отвѣта Халявинъ не признавалъ и вызванный на любимый вопросъ:—куда теперь пойдеть съемщикъ?—упорно молчалъ. Моржъ ждалъ, вздыхалъ и сокрушенно говорилъ: «Такой глупый, какъ ты, никуда не пойдеть». Говоря всѣмъ юнкерамъ вы—что требовалось и по закону—Моржъ Халявину и Каллонею почти постоянно говорилъ ты.

Топографія преподавалась Моржемъ какъ то вдохновенно, и онъ самъ говорилъ:

— Тутъ нужна голова, а не система!

Каллонея Моржъ зналъ за шалости. Это былъ красавецъ, потерявшій, благодаря Мосинскому и Моржу, всякую охоту учиться. Этихъ двухъ учебниковъ онъ не бралъ въ руки и, хотя и просидѣлъ въ старшемъ классѣ два года, кончилъ училище, «Фуксомъ», какъ говорили юнкера.

Зато онъ мстилъ обоимъ, гдѣ только могъ, — онъ никакъ не могъ предполагать, что кончить, и для него было все равно уѣхать въ полкъ мѣсяцемъ раньше или позже. Мосинскому было трудно досадить, но Моржа онъ изводилъ очень много разъ. Изводилъ до того, что тотъ наконецъ выдѣлилъ его изъ общей массы юнкеровъ и началъ узнавать въ классѣ и даже на улицѣ.

Одинъ разъ Моржъ пришелъ въ классъ, поставилъ стулъ спинкой впередъ, сѣлъ на стулъ верхомъ, положилъ на спинку руки и на нихъ свой жирный подбородокъ, на который свисались моржевые усы. Усѣвшись, серьезно уставился на классъ.

Это было крайне комично, и юнкера начали фыркать то здѣсь то тамъ. Моржъ разсердился, поднялъ голову и свистнулъ. На этотъ свистъ въ тотъ же моментъ свистнулъ и Каллонею. Тогда Моржъ вспылить.

Не слѣдуетъ забывать, что здѣсь были юнкера, то-есть, нижніе чины, и полковникъ при исполненіи служебныхъ обязанностей. За малѣйшій проступокъ противъ дисциплины полага-

лись тягчайшія наказанія, и юнкера, изучавшіе дисциплинарный уставъ и законовѣдѣніе, конечно, это превосходно знали. Такъ на примѣръ, за нанесеніе удара или даже за простое поднятіе руки для нанесенія удара,—если другіе успѣли удержать,—каторжная работа не менѣе восьми лѣтъ; за «неприличное дѣйствіе», въ данномъ случаѣ свистъ,—разжалованіе, тюрьма и тому подобное.

Вспыливши, Моржъ вскочилъ и крикнулъ:

— Кто свистнулъ?

И Каллоней немедленно всталъ.

— Ты, свинья, почему это свистнулъ?

Каллоней на грубый вопросъ отвѣтилъ съ изысканной вѣжливостью:

— Я полагалъ, что это вамъ пріятно, г. полковникъ.

Моржъ изумился:

— Пріятно?!—Ну и свинья же ты! Выдь съ класса!

Это было тяжелое наказаніе, такъ какъ въ классномъ коридорѣ былъ дежурный офицеръ. Онъ былъ обязанъ выгнаннаго юнкера представить инспектору классовъ, и поэтому за изгнаніемъ всегда слѣдовало длинное слѣдствіе, кончавшееся въ лучшемъ случаѣ карцеромъ и въ худшемъ изгнаніемъ юнкера изъ училища и отправленіемъ его въ полкъ, что было сопряжено въ лучшемъ же случаѣ съ потерей всего учебного года.

Между Каллонеемъ и дежурнымъ офицеромъ произошелъ примѣрно такой разговоръ:

— За что это васъ выгналъ полковникъ Дунаевъ?

— Не могу знать, г. капитанъ.

— Тогда идите въ инспекторскую.

— Слушаюсь, г. капитанъ.

Но капитану стало жаль:

— Вы бы помирились съ Мор... полковникомъ Дунаевымъ?!

Но Каллоней холодно отвѣчалъ:

— Никакъ нѣтъ, г. капитанъ,—онъ меня назвалъ свиньей.

Офицеръ вздохнулъ. Онъ зналъ Моржа, но зналъ и Каллоней.

— Вы бы все-таки какъ-нибудь помирились?

— Никакъ нѣтъ, г. капитанъ. Я не могу,—развѣ онъ попросить извиненія...

Въ это время дверь изъ класса отворилась, показались длинныя обвисшіе усы Моржа, и онъ позвалъ:

— Каллоней!

Тотъ подошелъ. Дежурный офицеръ, добрейшій капитанъ Барановъ, желая ихъ помирить, также подошелъ. И онъ и весь

классъ, въ которомъ былъ Наркизь, стали свидѣтелями такого діалога:

— Каллоней, идите въ классъ.

— Не пойду.

Съ просьбой и извиненіемъ въ голосъ:

— Почему же ты не пойдешь?

— Вы меня называли свиньей.

— Ахъ ты, свинья этакая! А кто это свистѣлъ?

— Вы свистѣли...

Моржъ нѣсколько смутился:

— Ну да... мы оба свистѣли...

И онъ добавилъ примирительнымъ и просительнымъ тономъ:

— Ну иди же, иди,—я больше не буду.

Но если зимой съ Моржомъ надо было быть очень осторожнымъ, то во время лѣтнихъ съемокъ онъ былъ безусловно хорошъ. Онъ самъ былъ за панибрата, и съ нимъ обращались также.

Кромѣ этихъ двухъ монстровъ-преподавателей было еще нѣсколько хотя и не вредныхъ, но зато совершенно бесполезныхъ. Напримѣръ, капитанъ Курскій, читавшій артиллерію, просто заучивалъ десять-пятнадцать страницъ наизусть и въ тѣ часы, которые были предназначены для объясненія урока, ходилъ по классу и, изрѣдка заглядывая въ книжку и перелистывая страницы, на память говорилъ то, что было напечатано въ книгѣ. Какъ только онъ отрывался отъ книги и начиналъ говорить свое, то сейчасъ же запутывался въ словахъ «очевидно—видно» и шелъ къ книгѣ распутываться. Каллоней, никакъ не ожидавшій, что сможетъ кончить, относился къ нему прямо презрительно. Одинъ разъ онъ хорошо выучилъ урокъ, но отвѣчая все вставлялъ слова «очевидно—видно»,—напримѣръ: очевидно—видно, что чѣмъ круче нарѣзы, тѣмъ вращеніе снаряда будетъ быстрѣе, но также очевидно—видно, что существуетъ предѣлъ крутости нарѣзовъ сообразно съ силой заряда и вѣсомъ снаряда.

Курскій слушалъ терпѣливо, но когда тотъ кончилъ, онъ ему сказалъ:

— Вы отвѣчали хорошо, но зачѣмъ эти постоянныя повторенія словъ очевидно—видно?

И Каллоней спокойно отвѣтилъ:

— Очевидно—видно, г. капитанъ, что я хорошо выучилъ урокъ.

Курскій долго колебался, но все-таки поставилъ десять.

У преподавателя законовѣдѣнія тоже были «не вси дома», какъ говорили юнкера. И дѣйствительно онъ былъ какой-то странный. Его предмета почти никто не зналъ, но меньше шести

онъ не ставилъ, и потому по его предмету кончали всѣ. Къ сожалѣнію, онъ никогда не ставилъ больше девяти и этимъ сильно понижалъ общій баллъ, пониженный уже Мосинскимъ и Моржомъ.

Разумѣется, были и хорошіе преподаватели, но ихъ было мало.

Составъ юнкеровъ былъ самый разношерстный. Тогда въ военныя училища принимали только кадетовъ. поэтому кончившіе гимназисты, реалисты и студенты, если выбирали военную карьеру, поступали въ старшій классъ юнкерскихъ училищъ. Среди юнкеровъ были изгнанные кадеты и даже пажи. Были сыновья аристократовъ, попавшихъ въ училище какими-то неведомыми путями, князья и графы со звонкими фамиліями, были сыновья генераловъ и важныхъ чиновниковъ, но были и мѣщане, крестьяне и, наконецъ, солдаты, дослужившіеся въ полкахъ до унтеръ-офицера или фельдфебеля и по окончаніи службы поступившіе въ училище, для чего имъ надо было держать полный вступительный экзаменъ.

Крайне интересно было прослѣдить, какъ училище нивелировало и давало внѣшній лоскъ этимъ дѣтямъ народа.

Много дѣйствовали юнкерскіе анекдоты про хамовъ-юнкеровъ, которые начинали говорить тогда, когда его партнеръ еще не кончилъ, или которые отвѣчали сидя около стоящей возлѣ нихъ дамы, которые сѣли раньше хозяина, бросили на полъ спичку, закуривши папиросу, курившіе въ дамскомъ обществѣ, иногда даже не спрашивая разрѣшенія; про юнкера, который, въ трамваѣ полировалъ свои ногти, и про другого, который, идя на улицѣ съ дамой, плевалъ или даже харкалъ. Каждый подобный случай рассказывался и вновь пересказывался, и если онъ случался съ настоящимъ юнкеромъ, а не миѣическимъ, то тому было крайне неудобно, потому что его съ усмѣшками спрашивали, правда ли это?

Зато училище полировало поразительно. Наркизь особенно помнить одного молодого человѣка. Тотъ пріѣхалъ изъ учительскаго института, гдѣ ему, во-первыхъ, внушили, что онъ кончилъ высшее учебное заведеніе, а, во-вторыхъ, въ этомъ институтѣ были какія-то «традиціи демократизма»: онъ харкалъ на полъ, былъ грубъ, никому не уступалъ дороги, перебивалъ говорившаго, поднимая для этого голосъ, закуривалъ далеко при этомъ отбрасывая на землю горящую спичку, вытягивалъ ноги, почти ложась въ кресло и, говоря со стоящей рядомъ дамой, даже и не подумывалъ встать.

На Пасху Наркизь увидѣлъ этого молодого человѣка уже юнкеромъ, слѣдовательно, онъ пробылъ въ училищѣ семь мѣсяцевъ,—бывшаго поборника крайняго демократизма невозможна

было узнать: во-первыхъ, отъ прежняго костромскаго «оканья» не осталось и слѣда; во-вторыхъ, онъ ходилъ не умышленнымъ разгильдяемъ, какъ прежде, колыхаясь во всѣ стороны, но такъ ровно, что казалось стаканъ воды, поставленный на его головѣ, остался бы такимъ же полнымъ, какъ былъ и вначалѣ. Онъ превосходно танцевалъ, скользилъ по паркету, какъ это было въ модѣ того времени, въ разговорѣ пріятно улыбался и на полусловѣ останавливался, если его собесѣдникъ почему бы то ни было начиналъ гворить. И все это за семь мѣсяцевъ! Прямо какъ будто онъ прошелъ какой-то спеціальныи курсъ вѣжливости! Еще черезъ годъ нѣкоторая преувеличенная вѣжливость исчезла, и онъ сталъ дѣйствительно хорошо воспитаннымъ челоѣкомъ.

Но зато, наряду съ этимъ хорошимъ вліяніемъ, шли другія традиціи, странныя и уродливыя, напримѣръ, традиціи презрѣнія ко всему не-военному. Челоѣкъ—это лишь военный! Всѣ остальные каксе-то дополненіе. Идеаломъ было при малѣйшемъ столкновеніи со «шпакомъ» «набить ему морду». Конечно, «морды шпаковъ» такъ часто не бились, и иногда выходило наоборотъ, но такіе случаи тщательно скрывались, и если доходили до товарищей, то кончались непремѣннымъ уходомъ юнкера изъ училища и даже военной службы. Зато если скандалъ кончался побѣдой юнкера, то, какъ бы онъ ни былъ великъ, и товарищи и начальство были крайне снисходительны, и юнкеръ отдѣлялся самымъ пустячнымъ наказаніемъ, имѣя при томъ вѣчную славу.

Наркизъ, котораго коробило самое слово «мрда», часто ставалъ противъ неправильности такого взгляда, и только уваженіе, которое онъ, теперь уже портупей-юнкеръ и хорошій строевикъ, сумѣлъ заслужить, спасло его отъ серьезныхъ послѣдствій.

II. Въ полку.

Не повезло и Наркизу сфицеру: едва онъ прибылъ въ полкъ, какъ явился новый командиръ полка. Это былъ мужчина очень высокаго роста, георгіевскій кавалеръ, имѣвшій золотое оружіе, но рѣдкій по своей ограниченности челоѣкъ даже на всенной службѣ, гдѣ, благодаря протекціи, на высокихъ постахъ сплошь и рядомъ сидѣли крайне ограниченные люди.

Этотъ новый командиръ своимъ умомъ додумался только до одной мысли:—«геній это терпѣніе», но очевидно Бсѣффонъ, говоря эти слова, совершенно не имѣлъ въ виду полковника, потомъ генерала Сембецкаго.

Въ полку его прозвали «балбесомъ», и это имя утвердилось за нимъ, лишь въ концѣ его карьеры уступивъ имени «оболтуса».

Почему-то было рѣшено, что послѣднее болѣе соотвѣтствуетъ характеру и дѣятельности браваго боевого генерала.

Явился въ полкъ онъ лѣтомъ и сейчасъ же «началъ учить по-своему». «Я покажу, на что можетъ быть похожъ полкъ!» Вотъ были гордые слова при вступленіи оболтуса въ должность.

День при новомъ командирѣ распредѣлялся такъ: солдатъ будили въ четыре часа утра, и черезъ полчаса фельдфебеля уже гоняли ихъ по полю передъ лагеремъ. Черезъ полтора часа ихъ распускали, чтобы, послѣ получасовой передышки, выводить на ученье уже въ полномъ снаряженіи. Тогда выходили и офицеры.

Ученье по закону должно было продолжаться отъ семи до одиннадцати и отъ четырехъ до семи. Исключеніе было только для стрѣльбы, которая, если обстоятельства этого требовали, продолжалась цѣлый день. Чтобы не нарушать законъ и вмѣстѣ съ тѣмъ «не терять драгоцѣннаго времени», Сембецкій выводилъ на ученье на полчаса раньше,—кто станетъ спорить изъ-за полчаса?—а въ одиннадцать по утрамъ и въ семь по вечерамъ выходилъ на плацъ, гдѣ учились роты или батальоны. Конечно ни одинъ ротный не рѣшался увести свою роту, пока командиръ полка не ушелъ съ плаца, и такимъ образомъ «сами ротные,—командиръ былъ не при чемъ,—затягивали ученье».

Въ общемъ выходило такъ: отъ половины пятаго до шести часовъ утра ученье подъ командой фельдфебелей. Отъ половины седьмого до двѣнадцати подъ командой офицеровъ. Отъ двухъ часовъ дня до трехъ подъ командой фельдфебелей и отъ половины четвертаго до восьми—офицеровъ. Отъ десяти и до двѣнадцати часовъ вечера—фельдфебелей. Во время «отдыха» солдаты чистили ружья, убирали лагерь, поливали капусту, ходили «подъ барабанъ и съ ломкой фронта» купаться. Чтобы не пропадало напрасно время обѣда и ужина, сигналисты играли сигналы или барабанщики били бои. Послѣднее было не глупо, но при общей постоянной усталости не приносило никакой пользы. Однимъ словомъ, время было использовано въ совершенствѣ.

Къ сожалѣнію, результатъ совершенно не оправдалъ разсужденій Оболтуса: люди были настолько изнурены, что въ полку развилась небывалая смертность, количество больныхъ куриной слѣпотой увеличилось въ устрашающемъ количествѣ, люди ходили блѣдные, апатичные, заспанные. Даже офицеры, которыхъ новый режимъ коснулся въ меньшей степени, потеряли охоту не только къ службѣ, но вообще ко всему на свѣтѣ, даже къ приличной одеждѣ, и офицеровъ полка Наркиза можно было узнать издали по небрежной, часто грязной одеждѣ.

— Ахъ! не все ли равно?

Они исчезли изъ театровъ и концертовъ и даже рѣдко попадались на улицѣ.

Дисциплина въ полку ослабѣла, несмотря на строгія и постоянныя взысканія, и служба, длинная, тягучая служба отъ ранняго утра до поздняго вечера, тянулась, какъ будто черезъ пень переваливали колоду. Командиръ полка волновался, суетился, взыскивалъ, наказывалъ, кричалъ, — не помогало ничего, и полкъ опускался все ниже и ниже. На смотрахъ онъ рѣзко отличался отъ другихъ полковъ дивизіи выправкой и одеждой: она была грязна и небрежно пригнана, и не было не только щеголеватости, но и простого приличія. И это относилось одинаково къ нижнимъ чинамъ и офицерамъ. Они апатично стояли около своихъ частей, ихъ энергія иногда вспыхивала, но сейчасъ же и потухала. Начальникъ дивизіи и корпусный командиръ, дойдя до несчастнаго полка, хмурили брови, и начинался очередной разносъ:

— Это не полкъ, какіе-то оборванцы, необученная толпа...

— Я не знаю, учите ли вы чему, полковникъ, свой полкъ?

А если учите, то скажите чему?

Иногда, бывало, что полкъ просто прогоняли съ плаца:

— Ведите полкъ назадъ! Я не могу его смотрѣть!

И смотръ откладывался на недѣлю.

Конечно, всю эту недѣлю командиръ полка не выходилъ изъ казармъ, и сонные люди, которымъ теперь совершенно не давали отдыхать, учились, учились и учились...

Командиръ же полка, Оболтусъ, изумлялся:

— Да что это за подборъ офицеровъ?! Ни одного дѣльнаго! Не могу же я разорваться на 16 ротъ?!

Новый смотръ обыкновенно проходилъ хуже прежняго, но энергія командира отъ этого не ослабѣвала. Если бы не орденъ св. Георгія и не золотое оружіе въ связи съ представительной фигурой почтеннаго полковника, онъ бы давно вылетѣлъ, но, благодаря орденамъ, высшее начальство не признавало никакихъ жалобъ, — тогда георгіевскіе кавалеры были рѣдки, и ими очень дорожили.

Интересна дальнѣйшая судьба храбраго генерала: въ свое время онъ получилъ бригаду, потомъ дивизію. Дивизія эта, какъ прежде полки, которыми онъ командовалъ, поражала огромнымъ процентомъ болѣзненности и смертности, отсутствіемъ дисциплины и неряшливостью одежды.

Однажды военный министръ, — тогда генералъ Куропаткинъ, — проѣзжалъ въ поѣздѣ въ районѣ лагеря, гдѣ стояла дивизія Оболтуса.

Вотъ разсказъ одного изъ адъютантовъ.

Было около пяти часовъ утра. Мы, адъютанты, дремали, изрѣдка взглядывая на министра, стоявшаго около окна. Вдругъ онъ откинулся назадъ, и на его лицѣ изобразилось крайнее изумленіе. Мы бросились къ окнамъ: нѣсколько тысячъ солдатъ, въ походномъ снаряженіи, привязавъ сапоги къ штыкамъ и закатавъ шаровары выше колѣна, медленно ходили, низко опустивъ головы, по полю.

Почему они были босякомъ? Чего они искали?

Оказалось, что это дивизія Сембецкаго. Онъ прочелъ про то, какъ здорово ходить босякомъ по утренней росѣ. Что это развиваетъ бодрость и вливаетъ энергію, попутно закаляя отъ простуды. И такъ какъ въ его дивизіи именно и не хватало бодрости и энергіи, онъ приказалъ опредѣленное время ходить по травѣ босякомъ, а ружья они держали на плечахъ, чтобы соединить службу съ гигиеной, ученіе съ удовольствіемъ. Однимъ словомъ, не терять времени даромъ.

Уже готовились пустить Оболтуса на покой, но онъ не дождался этого и со спокойной совѣстью—твердо исполненнаго долга,—отправился отдать отчетъ въ своихъ заблужденіяхъ Высшему Судьѣ.

Хотя не слѣдовало бы разбрасываться и забѣгать впередъ, но интересно прослѣдить, какъ другіе Оболтусы готовили русскія войска къ борьбѣ съ Японіей.

Наркизъ въ то время былъ уже въ другомъ полку, которымъ во время войны командовалъ полковникъ генеральнаго штаба П. Онъ былъ хорошій человѣкъ, но совершенно не на своемъ мѣстѣ.

Наркизъ былъ дежурнымъ по полку, когда передали о назначеніи П. комендантомъ печальной памяти города Туккума. Въ Туккумѣ какъ разъ передъ этимъ было перебито нѣсколько сотъ человѣкъ, но въ моментъ назначенія П. тамъ было лишь небольшое стадо напуганныхъ жителей.

И вотъ П. отъ страха заплакалъ... Голосъ его въ телефонѣ дрожалъ и вздрагивалъ.

Разъ упомянувъ про Туккумъ, невозможно не сказать нѣсколько словъ объ этомъ несчастномъ городѣ.

Во время революціи онъ былъ занятъ сотней драгунъ. Это былъ эскадронъ, но неполнаго состава. Часть ихъ стояла въ замкѣ, и часть, съ подполковникомъ Миллеромъ, комендантомъ города, въ центрѣ города. Латыши подожгли казармы драгунъ со всѣхъ сторонъ, и подъ пулями и въ огнѣ погибли какъ самъ Миллеръ, такъ и около двадцати драгунъ. Ненависть латышей была такъ велика, что они изуродовали трупы убитыхъ до не-

узнаваемости: выкололи глаза, порубили топоромъ грудь, поотрѣзывали носы и такъ далѣе. Про Туккумъ рассказывали ужасныя вещи: говорили, что пятнадцати-тысячная латышская армія, вооруженная японцами, съ большимъ количествомъ артиллеріи собралась въ Туккумъ и оттуда двинется на Ригу.

Генераль-губернаторъ Экманъ, корпусный командиръ Наркиза, отвѣтилъ актомъ большой силы и рѣшительности,—онъ послалъ отрядъ изъ трехъ родовъ оружія, подъ командой генерала Х., для взятія Туккума штурмомъ. Отрядъ этотъ состоялъ изъ одного батальона пѣхоты (260 штыковъ), эскадрона драгунъ (около 120 сабель) и взвода артиллеріи, то-есть два орудія при двухъ снарядахъ на каждое орудіе. По полученнымъ свѣдѣніямъ Туккумъ былъ прекрасно укрѣпленъ и затянута проволокой.

Къ вечеру правительственныя войска подошли къ городу, и генераль Х. послалъ офицера съ требованіемъ безусловной сдачи. Латыши на это отвѣтили пальбою по драгунамъ. Тогда генераль послалъ весь эскадронъ съ приказаніемъ взять крѣпость штурмомъ въ конномъ строю. Генерала въ этомъ трудно винить: онъ не вѣрилъ сообщаемымъ ему свѣдѣніямъ и имѣлъ къ этому основанія.

Улицы, однако, оказались дѣйствительно перетянутыми проволокой, снятой съ телеграфа, и хотя драгуны рубили ее шашками и не безъ успѣха, но жители города открыли пальбу изъ оконъ, нѣсколькихъ драгунъ убили и многихъ ранили.—Тогда командиръ эскадрона отступилъ, подобравши убитыхъ и раненыхъ.

Что сдѣлалъ бы на мѣстѣ генерала Х., тучнаго и милаго человѣка, Александръ Македонскій? Юлій Цезарь? Ганнибалъ? Суворовъ? Наполеонъ? Если бы они имѣли тѣ свѣдѣнія о противникѣ, которыя имѣлъ генераль, и двѣ пушки съ четырьмя снарядами? Что можно сдѣлать съ укрѣпленнымъ проволокой городомъ, имѣя 260 человѣкъ пѣхоты, сто кавалеристовъ и четыре снаряда? Про Туккумъ онъ зналъ навѣрно одно: въ послѣдніе дни туда стремились массы вооруженныхъ крестьянъ. Но чѣмъ они были вооружены и сколько ихъ, онъ не могъ знать даже приблизительно.

Хорошо обдумавъ, или, что также можетъ быть, совершенно не думая, генераль пустилъ въ ходъ свою артиллерію:—большой «бумм!» эхомъ разнесшійся по окрестностямъ, и граната со свистомъ полетѣла въ городъ. Бомбардировка Туккума началась.

«Второй «бумм!» и, свистя и жужжа, полетѣла вторая. Ей выпала доля попасть въ двухъэтажный домъ латышскаго собранія, гдѣ засѣдало главное правленіе революціоннаго латышскаго комитета. Она вырвала уголь дома и навела на правленіе ужасъ.

Генераль имѣлъ остроуміе дальше не стрѣлять, приберегая вторую половину своихъ снарядовъ на всякій случай. Затѣмъ онъ разставилъ вокругъ Туккума часовыхъ, напугалъ ихъ возможностью вылазки осажденныхъ и приказалъ стрѣлять въ каждаго, кто покажется изъ города.

Началось ужасное дѣло: крестьяне, стремившіеся въ Туккумъ, теперь бѣжали изъ него. Бѣжали поодинокѣ и бѣжали пачками. Часовые, напуганные возможностью вылазки непріятеля, уже извѣстнаго своею жестокостію (изуродованіе труповъ драгунъ), стрѣляли въ каждую появляющуюся во тьмѣ ночи фигуру. Многіе успѣвали пробѣгать, многіе падали. Раненые ползли обратно въ городъ и падали по дорогѣ. И всю ночь раздавались выстрѣлы, убивая мятущихся отъ страха людей.

Сколько было убито, невозможно выяснить, потому что товарищи скрывали раненыхъ и трупы убитыхъ. Въ тихую ночь поминутно вспыхивали огоньки, раздавался выстрѣлъ и за нимъ иногда дикій крикъ. Это кричали застрѣленные и подстрѣленные люди.

Такъ какъ городокъ очень не великъ, то въ тишинѣ ночи каждый выстрѣлъ былъ слышенъ ясно и отчетливо во всѣхъ углахъ города, возбуждая все большую и большую панику. По улицамъ бѣжали, спотыкаясь, падая и поднимаясь, оставляя за собою кровавый слѣдъ, раненые. Паника росла, и число бѣглецовъ увеличивалось. Часовые, ярославскіе и тамбовскіе мужики, напуганные темнотой ночи, своими и чужими выстрѣлами,—такъ какъ стрѣляли и латыши,—впрочемъ почти безуспѣшно—видя бѣгущихъ «на вылазку» людей, дрожа за свою жизнь, стрѣляли и стрѣляли... Одни опредѣляютъ число жертвъ въ пятьсотъ, другіе въ восемьсотъ человекъ, но подлинная цифра такъ и осталась неизвѣстной.

На утро изъ города вышла депутація: православное духовенство съ крестомъ, въ ризахъ и съ хоругвями, городской голова и наиболѣе уважаемые граждане. Городъ сдался на милость побѣдителя.

Теперь вопросъ: что сдѣлалъ генераль, и что онъ, при данныхъ обстоятельствахъ, могъ сдѣлать? Начальство въ Петербургѣ рѣшило, что его дѣйствія ниже всякой критики, и въ пять дней онъ былъ уволенъ въ отставку.

Пока шло дѣло о его увольненіи, онъ, ничего объ этомъ не зная, двинулся дальше и безъ выстрѣла успокоилъ весь край: революціонные комитеты вездѣ исчезали, и населеніе сдавало оружіе,—дрянные крестьянскіе охотничьи ружья. Говорили, что это было все, что они имѣли, но другіе говорили, что латыши

не дураки сдавать превосходные маузеры и браунинги, и что хорошее оружіе,—по нѣкоторымъ слухамъ—вплоть до пушекъ,—тщательно ими припрятано.

Вотъ въ это время и назначенъ былъ комендантомъ Туккума полковникъ генеральнаго штаба П., командиръ Наркизова полка. Тогда же онъ и заплакалъ.

Таковъ былъ командиръ Наркизова полка во время войны и революціи. О немъ еще будетъ нѣсколько строчекъ потомъ.

Не менѣе интересенъ и начальникъ дивизіи генераль Оппенъ.

Когда началась война, онъ командовалъ девятой дивизіей. Это былъ веселый и удивительно моложавый генераль, состоявшій въ генеральномъ штабѣ, какъ и командиръ полка и командиръ корпуса генераль Экманъ, о которомъ тоже еще будетъ упомянуто. Все люди, получившіе высшую подготовку для занятія руководящихъ постовъ въ русской арміи.

Генераль Оппенъ, несмотря на его жизнерадостность и моложавость, на кажущееся здоровье и специальную подготовку, къ которой онъ очевидно стремился, не любилъ войны и, когда его дивизія была назначена на театръ военныхъ дѣйствій, уступилъ мѣсто другому и самъ принялъ дивизію Наркиза, про которую было достовѣрно извѣстно, что ее не тронуть изъ Риги въ виду могущихъ быть безпорядковъ.

Очевидно то, что начальникъ части, назначенной на войну, предпочитаетъ сидѣть дома, въ Петербургѣ никого не удивило, и только Наркизъ и его товарищи были изумлены новымъ назначеніемъ.

Еще меньше сочувствовалъ войнѣ командиръ корпуса генераль Экманъ. Онъ и Оппенъ были очень милые и воспитанные люди, но не на своемъ мѣстѣ. Впрочемъ о несочувствіи войнѣ со стороны генерала Экмана слѣдуетъ сказать нѣсколько подробнѣе.

Наркизъ въ то время командовалъ ротой. Какъ и во всѣ роты къ нему прибыло пятьдесятъ новобранцевъ. Но кромѣ этихъ восьмисотъ новобранцевъ, предназначенныхъ для полка, было прислано еще восьмисотъ для одного изъ полковъ, находящихся въ Манджуріи. Этихъ людей надо было обучить и уже обученныхъ, готовыхъ къ бою, послать въ полкъ, стоящій лицомъ къ лицу противъ такого серьезнаго противника, какимъ уже оказались японцы.

Здѣсь и выяснились всѣ блестящія качества гг. офицеровъ генеральнаго штаба Павлова, Оппена и Экмана,—командира полка, начальника дивизіи и командира корпуса. Эти «чужіе» были отданы для обученія въ четыре роты. Ихъ отдали и забыли

о нихъ. Ротные командиры, получивъ по двѣсти чужихъ людей, смотрѣли на нихъ враждебно, начальство же совершенно не интересовалось. Да и къ чему? Черезъ нѣсколько времени они уѣдутъ, и это не могло повліять на карьеру.

Наркизь получилъ двѣсти человѣкъ, постригъ ихъ, помылъ въ банѣ, записалъ, напоилъ и накормилъ и пошелъ къ командиру полка узнать, въ какой срокъ слѣдуетъ обучать этихъ людей. Дѣло въ томъ, что существовало три срока для обученія людей въ случаѣ мобилизаціи: въ два мѣсяца, въ четыре и пять мѣсяцевъ. Последняя та же, что и для всѣхъ нижнихъ чинсвъ мирнаго времени. Въ нее не включена стрѣльба и вообще по этой программѣ курсъ обученія полностью рассчитанъ на девять мѣсяцевъ. Последняя очевидно не годилась, и надо было рѣшить, по какой программѣ слѣдовало обучать: по двухъ или четырехмѣсячной?

Но прямого отвѣта Наркизу никто не далъ,—временно командующій баталіономъ сказалъ: «А мнѣ собственно какое дѣло? Мои люди—нашего полка, а по обученію этихъ людей вы подчинены прямо командиру полка». Командиръ же полка отправилъ къ батальонному: «у васъ есть командиръ батальона и со всѣми мелочами обращайтесь къ нему».

— Но вѣдь это не мелочь,—возразилъ Наркизь и этимъ отвѣтомъ разсердилъ командира:

— Прошу, капитанъ, мнѣ не указывать!

Не получивъ прямого отвѣта, Наркизь пустился на хитрости и спросилъ сначала адъютанта, а потомъ, при удобномъ случаѣ, и командира полка: когда думаютъ этихъ солдатъ отправить въ ихъ полки? Оказалось, что никто и ничего не думаетъ. Пять разъ ходилъ Наркизь ради этого къ командиру полка и, наконецъ, получилъ такой отвѣтъ:

— Вы самый безпокойный офицеръ полка!

И Наркизь взмолился:

— Но вѣдь долженъ же я, г. полковникъ, знать, какъ мнѣ учить? И затѣмъ еще: у меня совершенно нѣтъ учебниковъ,—разрѣшите купить двадцать книжекъ,—это будетъ стоить шесть рублей,—и хотя бы четыре дисциплинарныхъ, четыре строевыхъ, четыре внутреннихъ, четыре наставленія стрѣльбы и четыре полевыхъ устава,—только для взводныхъ. Въ общемъ это обойдется около пятнадцати рублей.

Командиръ сухо отвѣтилъ:

— На это не отпущены деньги, а полковыхъ суммъ на чужой полкъ я не имѣю права тратить.

— Но изъ суммъ полковой экономіи?..

Командиръ разсердился:

— Прошу васъ, капитанъ, не указывать мнѣ, куда слѣдуетъ тратить суммы полка. Можете идти. И еще разъ повторяю: въ полку вы самый безпокойный человѣкъ!

Смѣялись надъ нимъ и товарищи; даже тѣ, которые, какъ и онъ, получили по двѣсти новобранцевъ для обученія.

— Ну что? Такъ и не уломали командира?

И, поворачиваясь къ другимъ, говорили съ улыбкой:

— Инскій все пристаётъ къ командиру, чтобы онъ далъ ему книжки для обученія солдатъ чужого полка!

И Наркизь, какъ тогда, такъ и потомъ, уже уйдя со службы, не могъ понять, почему товарищи смѣялись надъ нимъ? Казалось бы, дѣло общее, и полкъ хоть не свой, но русскій, дѣлающій то же дѣло, что и мы...

Не добившись отъ командира полка, Наркизь спрашивалъ у командировъ тѣхъ ротъ, которые, какъ и онъ, получили по двѣсти чужихъ людей: что они учатъ и какъ, во сколько мѣсяцевъ рассчитываютъ кончить? Аттестованный «выдающимся», капитанъ Рефьевъ только улыбался, — у него всегда были тайны. Другой ротный сердился: «чортъ бы ихъ забралъ, — не было печали, черти накачали». — Далѣе положительнаго онъ не сказалъ. Третій ротный сказалъ: «я ничего не знаю. Дѣлайте, какъ хотите. Я вамъ скажу, а вы потомъ доложите командиру, что я васъ научилъ!»

Наркизь обидѣлся:

— Развѣ я когда-нибудь на кого-нибудь что-нибудь докладывалъ командиру?

— Про васъ не скажу, но съ другими у меня уже былъ опытъ...

Не добившись отъ ротныхъ командировъ, Наркизь приказалъ своему фельдфебелю разузнать, гдѣ они достали учебники, и въ какой срокъ обучаютъ. Оказалось такъ: одна рота учить вмѣстѣ со своими, то-есть въ пятимѣсячный срокъ. Учебники ротный просто приказалъ купить всѣмъ нижнимъ чинамъ, распредѣливъ, сколько человѣкъ должно купить какой учебникъ. Тому, кто не имѣлъ денегъ, было разрѣшено взять въ счетъ жалованья (50 коп. въ мѣсяцъ), — поэтому въ ротѣ учебники въ избыткѣ. Въ другой ротѣ проходятъ четырехмѣсячное образованіе. Учебники купили также сами солдаты черезъ своихъ взводныхъ. Въ третьей ротѣ ротный купилъ на свои деньги самое ограниченное количество учебниковъ. Обучаютъ также въ четырехмѣсячный срокъ.

Тогда Наркизь пошелъ въ магазинъ и купилъ на шестнадцать рублей всѣ необходимые учебники. Учить онъ рѣшилъ сначала по двухмѣсячной программѣ, а потомъ, если людей еще не отправятъ, продолжать дальше со своими людьми, то-есть по пяти-

мѣсячной. Онъ находилъ такъ удобнѣе всего потому, что въ двухмѣсячной программѣ взято лишь самое главное: когда бы людей ни вырвали, они самое необходимое уже будутъ знать, а въ случаѣ возможности повторенія и расширенія программы старыя знанія только укрѣплятся. Къ начальству онъ больше не ходилъ и его не беспокоилъ, поэтому внѣшнія отношенія ихъ улучшились,— оно стало мягче.

Итакъ, Наркизь былъ полный хозяинъ своей роты,—начальство въ его роту, стоящую совсѣмъ отдѣльно, совершенно не заглядывало. Лишь къ концу двухъ мѣсяцевъ заѣхалъ командиръ полка. Вѣроятно время отправки чужихъ людей на войну было уже извѣстно, потому что командиръ пріѣхалъ строгій, говорилъ только короткими фразами и повелительнымъ тономъ,— видимо онъ пріѣхалъ подтянуть Наркиза.

— Какая недѣля проходитъ у васъ?

Наркизь, полагая, что его спрашиваютъ о своихъ новобранцахъ, а не двухстахъ, предназначенныхъ къ отправкѣ на войну, отвѣтилъ:

— Восьмая недѣля, г. полковникъ.

Командиръ взялъ въ руки программу и спросилъ нѣсколькихъ солдатъ. Тѣ отвѣчали хорошо. Онъ прошелъ дальше, все съ программой въ рукахъ, и обратился къ новобранцу сибирскаго полка съ какимъ-то мелочнымъ вопросомъ, котораго нѣтъ въ программѣ съ двухмѣсячнымъ обученіемъ.

Солдатъ молчалъ и то смотрѣлъ на командира полка, то на командира роты. Командиръ полка строго взглянулъ на Наркиза и сказалъ:

— Не знаетъ!

Наркизь молча взялъ подъ козырекъ.

Вопроса не зналъ и слѣдующій солдатъ, и опять строгій взглядъ командира. Не зналъ и третій, четвертый и пятый. Скрывать было немыслимо, и Наркизь доложилъ:

— Эти люди обучались по двухмѣсячной программѣ и того вопроса тамъ нѣтъ...

Онъ еще не кончилъ, какъ командиръ его перебилъ:

— Поэтому они вообще ничего не знаютъ! Вы кажется предпочли съ чужими людьми совершенно не заниматься! Это очень патріотично съ вашей стороны!..

Наркиза передернуло, но онъ спокойно отвѣчалъ:

— Никакъ нѣтъ, двухмѣсячную программу они знаютъ, прошу убѣдиться.

— Я васъ прошу не указывать, что мнѣ слѣдуетъ и чего не слѣдуетъ спрашивать! Я вамъ не въ первый разъ уже дѣлаю это замѣчаніе!

Командиръ былъ человѣкъ очень добрый и такимъ тономъ почти никогда не говорилъ. Наркизъ молчалъ и держалъ подъ козырекъ. Это смягчило командира, и онъ уже ласковѣе сказалъ:

— Видите,—книжки есть! Пожелали, и книжки нашлись.

— Такъ точно, я ихъ купилъ на свой счетъ.

Командиръ перемѣнился въ лицѣ и сухо спросилъ:

— Это упрекъ?

— Никакъ нѣтъ,—докладъ.

Послѣ отъѣзда командира Наркизъ приказалъ такъ: проходить дальше со всѣми людьми по пятимѣсячной программѣ, повторяя вмѣстѣ съ тѣмъ и прошлое.

Дня черезъ четыре командиръ пріѣхалъ опять. Пріѣхалъ и прежде всего спросилъ:

— Какая недѣля?

— Девятая, г. полковникъ.

— У всѣхъ людей?

— Такъ точно, у всѣхъ.

— Смотрите,—я больше не намѣренъ вамъ потакать.

Наркизъ такъ никогда и не узналъ, въ чемъ ему потакалъ командиръ полка.

Въ этотъ разъ онъ произвелъ настоящій экзаменъ и пробылъ больше часу, подробно спрашивая людей. Люди отвѣчали хорошо, и онъ уѣхалъ довольный,—онъ былъ добрый человѣкъ и былъ больше всего доволенъ, когда ему не мѣшали жить тихо и спокойно.

Въ числѣ четырехъ ротныхъ командировъ, которымъ выпало на долю учить чужихъ людей, былъ и капитанъ Рефьевъ. Онъ считался образцовымъ ротнымъ и аттестовался каждый годъ выдающимся. Это былъ выпивоха, картежникъ и большой крикунъ. Вездѣ и всюду онъ кричалъ, что его рота превосходно обучена, и что въ ней великолѣпный порядокъ. Когда командиръ полка о чемъ-нибудь говорилъ съ ротными и батальонными командирами, Рефьевъ, по окончаніи разговоровъ, приглашалъ его въ свою роту,—то посмотреть необыкновеннаго гимнаста, то убѣдиться, какъ молодые превосходно держатъ на крауль...

Въ результатѣ эти приглашенія сдѣлали свое дѣло, и командиръ полка былъ убѣжденъ въ совершенствѣ роты и талантливости ротнаго командира. Этотъ Рефьевъ отлично понималъ требованія начальства: войско должно быть красивой декорацией, балетной труппой. На представленія этой труппы можно приглашать дамъ, а на большихъ парадныхъ спектакляхъ, именуемыхъ смотрами, массы народа должны приходить въ восторгъ отъ красоты движеній ротъ, батальоновъ и полковъ. Отдѣльные

люди должны быть хорошими «строевиками», то-есть единицами балетнаго хора—«кор-де-балета». Они должны уметь вытягивать носокъ, ходить церемоніальнымъ маршемъ, звонко и дружно брать на краулъ и «ѣсть глазами начальство». Это была альфа и омега обученія солдатъ.

Исходя изъ этой точки зрѣнія, раздѣляемой вполне и командиромъ полка, и начальникомъ дивизіи, и командиромъ корпуса, онъ и своихъ и «чужихъ» училъ только «строю»: часами они ходили гуськомъ, подоткнувъ шинели,—чтобы учителя могли видѣть, не гнетъ ли обучаемый колѣно, не задерживаетъ ли ногу при переносѣ ея мимо стоящей на землѣ ноги. Барабанъ бьетъ разъ въ двѣ секунды, люди надуваются, выпячиваютъ грудь, таращатъ глаза и вырабатываютъ «молодецкій шагъ»,—чтобы носокъ не лѣзъ кверху, и нога ставилась на землю не каблукомъ, но всей подошвой. Такъ какъ это противно всѣмъ физическимъ законамъ, то на обученіе подобному шагу уходитъ половина всего времени, предназначеннаго на подготовку людей къ бою. Но бой когда еще будетъ! А начальство тутъ все время, и чѣмъ балетъ разыгранъ красивѣе, тѣмъ въ большей чести балетмейстеръ.

Въ полку 800 человекъ, въ дивизіи 3200 и въ корпусѣ 6400 человекъ готовились быть отправленными черезъ нѣсколько мѣсяцевъ на войну съ Японіей, чтобы поддержать славу мощи Россіи.

Всякому было ясно, что они тамъ будутъ дѣлать. Почему же начальство, три офицера генеральнаго штаба,—командиръ полка, начальникъ дивизіи и командиръ корпуса,—почему они палецъ о палецъ не ударили, чтобы подготовить этихъ людей? Этого Наркизь не понималъ тогда, не могъ понять и потомъ, уже расквитавшись съ военной службой. Не понимаетъ и теперь.

Была это измѣна? Были эти люди подкуплены японцами? Или просто это было «а мнѣ какое дѣло»? И полковникъ Павловъ, впоследствии генералъ, и генералы Оппенъ и Экманъ были въ обществѣ очень милые люди, пріятные и хорошо воспитанные. Неужели они были настолько глупы, что не сознавали страшнаго зла, наносимаго ими Россіи?

Капитанъ Рефьевъ говорилъ:—я человекъ маленькій,—что требуютъ то и сдѣлаю!

Но вѣдь они были большіе люди, особенно Экманъ, что онъ могъ сказать въ свое оправданіе?

Когда люди уже были отправлены, и Наркизь какъ-то упрекнулъ Рефьева, что люди того посланы имъ на убой, что они не умѣютъ даже рассыпаться въ цѣпь, то онъ привелъ два оправданія:

— Э! батенька! Какъ попадетъ подъ пули, сразу смекнетъ, какъ надо прятаться! А разсыпаніе они у меня знаютъ, я имъ два раза показывалъ; а мои два раза стоятъ десяти разъ другого показыванья. Послѣднія слова относились къ Наркизу, но Рефьеву показалось, что это не совсѣмъ ясно, и онъ добавилъ:

— Надо умѣть учить. Иной только и занимается, что разсыпаніемъ въ цѣпь, да сторожевкой, а его люди ничего не знаютъ,—ни строя, ни сторожевки.

Другіе ротные смотрѣли на людей Рефьева, ходившихъ гуськомъ и вытягивавшихъ носокъ, и грустно говорили:

— Да! Что тамъ ни говори, а люди Рефьева будутъ умѣть ходить!

Подразумѣвалось ходить тѣмъ страннымъ, неестественнымъ шагомъ, который такъ любили генералы, выросшіе еще въ традиціяхъ воинскаго обученія блаженной памяти Николая Павловича.

Рефьевъ такъ рѣшительно водилъ своихъ людей этимъ гусинымъ шагомъ, что самые выдержанные ротные командиры и своихъ людей начали хотъ по получасу водить «учебнымъ шагомъ». Командиръ полка это видѣлъ, но молчалъ, не хвалилъ, но и не ругалъ. Наркизу предстояла задача: отстать въ красотѣ шага отъ всѣхъ или тоже ходить гусинымъ шагомъ? Вопросъ былъ важнѣе, чѣмъ кажется: если онъ будетъ дѣлать, какъ всѣ, и начальникъ дивизіи,—генераль Оппенъ,—или командиръ корпуса,—генераль Экманъ,—провѣряя выучку молодыхъ, найдутъ, что полкъ учень неправильно, и что центръ обученія долженъ лежать не въ балетѣ, а въ подготовкѣ къ бою, то ротные будутъ не при чемъ, и пострадаетъ только командиръ полка. А онъ человѣкъ добрый, не изъ тѣхъ, что «шкуры спускаютъ». Слѣдовательно опасности не было никакой.

Зато, если они посмотрятъ то, что обыкновенно смотреть всѣ, то-есть балетъ, то ему, Наркизу, придется плохо! Его люди будутъ знать службу связи, сторожевое охраненіе, поведеніе стрѣлка въ разсыпномъ строю, но въ «учебномъ шагѣ», разумѣется, отстанутъ. Тогда, очень возможно, его не аттестуютъ, отнимутъ роту, а то и совсѣмъ предложить уйти...

Нѣсколько дней Наркизъ мучительно думалъ объ этомъ и наконецъ рѣшилъ такъ: вопросъ о пенсіи скоро будетъ рѣшенъ. Если онъ уйдетъ, то будетъ получать пятьдесятъ съ чѣмъ-то рублей. Имѣетъ ли онъ право, думая только о себѣ, посылать на войну, почти на вѣрную смерть, двѣсти необученныхъ людей? Онъ рѣшилъ, что нѣтъ, и вотъ рота Наркиза, единственная въ полку, разсыпалась въ цѣпь, учила сохранять связь, перебѣгала, пряталась, окапывалась, сигнализировала, а другія роты, за-

катавъ шинели, ходили подъ медленные удары барабана,—разъ въ двѣ секунды,—учебнымъ шагомъ.

Вышло собственно не то и не другое: людей смотрѣлъ только командиръ полка, высшее начальство какъ-то не удосужилось, а командиръ полка, хотя и смотрѣлъ только «стрѣй», то-есть балетъ, но рота Наркиза «прикинулась молодцами», какъ остроумно замѣтилъ Рефьевъ, и ходила не хуже многихъ другихъ ротъ. На смотру командиръ полка даже нѣсколько разъ хвалилъ роту и сказалъ Наркизу: я почему-то полагалъ, что ваша рота будетъ одна изъ самыхъ плохихъ... Но въ приказѣ, къ удивленію Наркиза, все-таки было написано, что хуже другихъ представились такая-то и такая-то рота,—и въ числѣ этихъ худшихъ ротъ стояла и рота Наркиза.

Съ людьми, предназначенными къ отправкѣ на войну, все-таки вышелъ казусъ, но не въ ротѣ и даже не въ полку, а въ корпусѣ: по телеграммѣ главнаго штаба было приказано отправить людей въ свои полки. Ихъ бы и отправили, не сдѣлавъ съ ними ни одного выстрѣла изъ боевой винтовки, но черезъ полчаса послѣ первой пришла вторая: обучены ли люди стрѣльбѣ, и гдѣ и когда они проходили курсъ стрѣльбы? Прошли они полный или сокращенный курсъ стрѣльбы?

Здѣсь оказались «всѣ лучше»: главный штабъ не зналъ, что проходили люди, какъ будто это было не его дѣло—приказавъ обучать людей, объяснить во сколько времени и чему они должны были быть обучены. Корпусъ и округъ совершенно не думали про тѣ десятки тысячъ бойцовъ, которыхъ имъ было поручено приготовить. Всѣ лучше!

800 человекъ ночью подняли и послали въ лагеря. Тамъ ничто не было сдѣлано, и люди сразу массами начали заболѣвать. Часть ихъ пришлось отправить назадъ, и они ушли на войну, совершенно не имѣя понятія о стрѣльбѣ! Это былъ достойный финалъ, артистическое завершеніе зданія, построеннаго капитанами Рефьевыми, полковниками Павловыми, генералами Оппенами и Экманами!

Къ счастью для совѣсти этихъ господъ, на войну они уже не попали: только постояли противъ японцевъ, пока графъ Витте хлопоталъ о мирѣ всего міра. За все время генералъ Оппенъ ни разу не смотрѣлъ этихъ людей, а генералъ Экманъ хотя и былъ одинъ разъ, но интересовался совершенно другимъ: проходя по ротѣ Наркиза, онъ увидѣлъ табличку съ кубическимъ содержаніемъ воздуха въ комнатѣ.

— Вы сами мѣрили или поручали кому?

Наркизь отвѣтилъ чистую правду:

— Длину и ширину помѣрилъ самъ, а высоту фельдфебель.

— При васъ?

— Такъ точно, при мнѣ.

Генераль прищурилъ глаза и хитро засмѣялся:

— А если я провѣрю?

И на завѣреніе Наркиза, что можно и провѣрить, успокоительно и добродушно замѣтилъ:

— Я вамъ вѣрю — у васъ честное лицо.

Потомъ, обратясь къ командиру полка, сказалъ:

— Правда у него честное лицо?

Послѣ этого генераль, все еще добродушно улыбаясь, вышелъ, сѣлъ въ экипажъ, взялъ подъ козырекъ и уѣхалъ.

Генераль Экманъ былъ хорошій человѣкъ, онъ никому не сдѣлалъ зла, и за это его любили. Если бы не подвернулась война, нраво, лучшаго корпуснаго нельзя было бы и желать! Хорошъ былъ и генераль Оппенъ, — все это прекрасные люди, но только совершенно не на своемъ мѣстѣ. Гораздо вреднѣе ихъ такой типъ, какъ генераль Малаковъ. Этотъ былъ вреденъ всегда — и въ мирное и въ военное время. Тѣ двое хоть вѣжливы и воспитаны, этотъ же искренній хамъ. Напримѣръ, онъ почему-то не терпѣлъ людей съ высшимъ образованіемъ и издѣвался надъ ними, сколько могъ. Вольноопредѣляющіеся съ академическимъ значкомъ на шинели или мундирѣ были его личные враги. Инженеровъ онъ звалъ «полутехниками» и, проходя мимо такого вольноопредѣляющагося, кричалъ:

— Ты, полутехникъ, морду выше! Ты чего какъ жидъ смотришь въ землю!

Или же:

— Ишь, глаза твои не глядятъ на русскаго генерала!

И свирѣпо прибавлялъ:

— Ёшь, морда, меня глазами!

Или же, проходя мимо вольноопредѣляющагося съ университетскимъ значкомъ, спрашивалъ:

— Ты кто? Юристъ?

— Такъ точно, ваше превосходительство.

— А! Аблакать, продажная совѣсть!

Онъ былъ всегда немного подъ хмелькомъ и въ этомъ отношеніи любилъ ссылаться на Евангеліе:

— Христось на бракѣ въ Канѣ Галилейской претворилъ воду въ вино! А въ церкви поютъ: пиво піемъ новое. Про водку же только потому не сказано, что ея еще не было!

Какъ командиръ бригады, онъ мало вмѣшивался въ дѣла, и солдаты любили его за звонкій шагъ, закинутую назадъ голову,

грудь колесомъ, веселый смѣхъ и остроты. Они его звали молодчагою.

Одинъ офицеръ былъ свидѣтелемъ: слушающаго разговора генерала со своимъ кучеромъ.

Генераль подходитъ къ своей каретѣ. Сзади его проходить и, заинтересованный діалогомъ, слегка пріостанавливается офицеръ въ дверяхъ дома, передавшій потомъ сказанное:

— Кого везешь?

Кучеръ подумалъ и, казалось бы, резонно отвѣтилъ:

— Васъ, ваше превосходительство!

Но генераль былъ недоволенъ:

— Дуракъ!—Кого ты везешь?

Кучеръ подтянулся и отчетливо отвѣтилъ:

— Его превосходительство командира второй бригады двадцать девятой дивизіи генераль-майора Малакова!

Въ этотъ разъ онъ былъ увѣренъ, что сказалъ правильно, но генераль былъ недоволенъ и въ этотъ разъ:

— Дуракъ!—Кого ты везешь?

И кучеръ признался:

— Не могу знать, ваше превосходительство.

Генераль тогда сказалъ своимъ внушительнымъ и молодецкимъ тономъ:

— Генерала російской арміи везешь! Понимаешь?

И кучеръ почтительно согласился:

— Такъ точно, ваше превосходительство,—генерала російской арміи.

Офицеръ, бывшій невольнымъ свидѣтелемъ этого діалога, разсказалъ слышанное и видѣнное въ офицерскомъ собраніи, и черезъ два дня разговоръ уже былъ извѣстенъ всей военной Ригѣ.

Съ этимъ бравымъ генераломъ вышло однажды серьезное и непріятное недоразумѣніе:

Лагерь полка былъ на самомъ берегу Двины, но къ рѣкѣ былъ обращенъ тылъ лагеря. Если бы генераль подошелъ съ фронта, то первый увидѣвшій его дневальный заоралъ бы свирѣпо и испуганно:

— Дежурные на линіюююю!

Этотъ бы крикъ подхватили всѣ остальные дневальные полка, и Наркизь, въ этотъ день дежурный по полку, а также всѣ дежурные по ротамъ унтеръ-офицеры побѣжали бы на переднюю линію. Дежурные по ротамъ стали впереди дневальныхъ и, такъ же какъ дневальные, вытянулись, взяли подъ козырекъ, замерли на мѣстѣ и повернули головы въ сторону подходящаго

молодчаги. Наркизь, поспѣшно натягивая перчатки, пошелъ бы ему навстрѣчу и, не дойдя два шага, остановился бы, какъ вкопанный, и, взявъ подъ козырекъ и глядя, не мигая, въ глаза начальнику, страпортоваль:

— Ваше превосходительство! Въ такомъ-то полку все обстсить благопслучно!

Затѣмъ сдѣлалъ бы шагъ въ сторону и ходилъ за генераломъ все время, пока тому угодно было бы оставаться въ полку.

Но это въ томъ случаѣ, если бы генераль появился съ фронта лагеря. Онъ же пришелъ съ тыла, отъ Двины, оттуда, гдѣ нѣтъ никакихъ парадныхъ дневальныхъ. И хотя Наркизь его видѣлъ и по закону долженъ бы былъ рапортовать о благополучіи, но онъ разсуждалъ такъ: онъ, дежурный по полку, могъ бы находиться въ это время въ другой части полка, и хотя первый изъ увидѣвшихъ генерала дежурныхъ нижнихъ чиновъ обязанъ былъ извѣстить Наркиза о приходѣ молодчаги, но этотъ посланный могъ его и не найти,—однимъ словомъ, съ формальной стороны онъ могъ всегда найти оправданіе; ради этого Наркизь стоялъ среди палатокъ музыкантской команды, и наблюдалъ за молодчагой.

Генераль медленно пробирался среди капустныхъ грядъ, поражая и пугая встрѣчныхъ нижнихъ чиновъ. Очевидно, онъ хотѣлъ захватить полкъ врасплохъ, потому что, вопреки своему обыкновенію—громко здороваться съ нижними чинами, не здоровался ни съ кѣмъ,—иначе бы они своимъ крикомъ:—здравіа желаю вашему превосходительству!—взбудоражили весь лагерь.

Генераль шелъ прямо на кухню, и Наркизь былъ свидѣтелемъ слѣдующей странно-комической сцены.

Обѣдъ только что кончился. Кухня уже подметена и посыпана свѣжимъ пескомъ, что ввело генерала въ заблужденіе, такъ какъ, видя абсолютную чистоту, онъ думалъ, что нижніе чины еще не обѣдали.

Остатки пищи,—борща, каши, горячая вода послѣ мытья кухонной посуды, обрѣзки картошки, кости,—все это было слито въ одинъ котелъ и прикрыто крышкой.

Генераль-молодчага появился внезапно, какъ привидѣніе. Кашеваръ, его помощникъ, дежурный по кухнѣ,—высокій расторопный и толковый унтеръ-сфицеръ, одинъ изъ лучшихъ въ полку,—замерли... Первый оправился дежурный: крикнувъ «смиррно!»—онъ вытянулся, подошелъ къ молодчагѣ и отрапортовалъ. Генераль, продолжая выполненіе своей мысли,—застать полкъ врасплохъ,—не поздорсвался и здѣсь, отстранилъ дежурнаго рукой и скомандовалъ:—ложку!

Дежурный вытеръ чистымъ полотенцемъ чистую ложку и подалъ ее генералу. Но когда тотъ съ этой ложкой направился къ котлу съ помоями, пришелъ въ ужасъ, быстро загородилъ молодчагъ дорогу и, заикаясь при мысли, что могло бы случиться, началъ:

— Ваше превосходительство, разрѣшите доложить...

Но генераль объяснилъ страхъ дежурнаго тѣмъ, что пища была плоха, и что онъ хочетъ воспрепятствовать ее попробовать изъ котла.

Онъ сурово оттолкнулъ унтеръ-офицера и крикнулъ:

— Молчать! Тебя не спрашиваютъ!

Но дежурный съ еще большимъ ужасомъ загородилъ дорогу и быстро проговорилъ:

— Ваше превосходительство, позвольте доложить...

Это нахальство вывело молодчагу изъ себя. Онъ повернулся къ дежурному и гнѣвно крикнулъ:

— Молчать! Я тебя сгною подъ арестомъ!.. Полное отсутствіе воинской дисциплины и воспитанія!

Дрожащій унтеръ-офицеръ отошелъ въ сторону и генераль, уже никѣмъ не сдерживаемый, подошелъ къ котлу съ помоями. Когда онъ поднялъ ложку, дежурный сдѣлалъ послѣднюю попытку: онъ ринулся впередъ и упавшимъ голосомъ произнесъ свою стереотипную фразу:

— Ваше превосходительство, позвольте доложить...

Генераль повернулся къ нему и уже такъ крикнулъ «молчать!» что дежурный вздрогнулъ и, весь блѣдный, попятился назадъ.

Молодчага спокойно подошелъ къ котлу, кашеваръ механическимъ движеніемъ снялъ крышку, генераль зачерпнулъ помой, проглотилъ и скривился:

— Это не щи, а помой!

Онъ грозно повернулся къ дежурному, но лицо того уже изображало радость,—дальше не случится ничего! кризисъ прошелъ!—и онъ отвѣтилъ почти весело:

— Такъ точно, ваше превосходительство, помои! Онѣ были слиты послѣ обѣда нижнихъ чиновъ.

Молодчага сплюнулъ, повернулся и молча пошелъ опять къ Двинѣ по капустнымъ огородамъ.

Наркизъ вернулся къ себѣ, и по его губамъ изрѣдка пробѣгала усмѣшка.

Все на свѣтѣ проходить, и кости браваго генерала покоятся на какомъ-то кладбищѣ...

Какъ то вышло такъ странно, что военная служба Наркиза оставила послѣ себя главнымъ образомъ рядъ анекдотовъ. Оче-

видно, что отъ времени горечь потеряла свою остроту, и всѣ обезьяны кривлянія обыкновенныхъ дюжинныхъ людей, поставленныхъ на большіе посты, гдѣ они вліяютъ на удобство, счастье и даже жизнь, (во время войны и политическихъ процессовъ), многихъ людей—всѣ эти кривлянія съ теченіемъ времени отходятъ куда-то вдаль и остается только анекдотъ, подернутый скорбно-комической пеленой: вотъ шефъ жандармовъ генералъ К., кругомъ котораго жандармскіе штабъ-офицеры берутся цѣпью, взявшись за руки. Боже, какъ это трогательно! А вотъ генералъ Б., ѣдущій съ высочайшаго смотра. Обгоняя офицеровъ своей бригады, онъ высовывается изъ экипажа и кричитъ:

— Вы, господа, видѣли, какъ мнѣ сегодня Государь подаль руку?

Болѣе невиннаго свойства, уже безъ всякой трогательности, слѣдующій случай:

Генералъ Г., начальникъ унтеръ-офицерскаго батальона, извѣстный своей свирѣпостью, стоитъ въ центрѣ Риги у православнаго собора въ то время, когда тамъ гуляютъ массы народа. Мимо проходитъ вольноопредѣляющійся съ инженернымъ значкомъ. Онъ отдаетъ честь, но или недостаточно почтительно или неправильно. Проходитъ, но генералъ кричитъ ему вслѣдъ повелительнымъ тономъ, свойственнымъ однимъ военнымъ, у которыхъ этотъ тонъ вырабатывается привычкой командовать:

— Вольноопредѣляющійся, кругомъ!

Здѣсь слѣдуетъ сдѣлать небольшое отступленіе: если солдатъ стоитъ на мѣстѣ, то надо скомандовать: кругомъ! и онъ повернется. Но если идетъ, то команда «кругомъ» является только предварительной, исполненіе же дѣлается по командѣ «маршъ».

Очевидно генералъ, крича «кругомъ», думалъ только о томъ, чтобы вольноопредѣляющійся вернулся къ нему, но тотъ, воспользовавшись оплошностью генерала, продолжалъ уходить. Возбѣшенный генералъ крикнулъ вторично:

— Вольноопредѣляющійся, кругомъ!

Но тотъ, не обращая никакого вниманія, продолжалъ удаляться отъ генерала. Публика, массами идущая по тротуару, остановилась и съ любопытствомъ смотрѣла, что изъ этого выйдетъ..Слѣдуетъ напомнить, что нижнему чину за неисполненіе приказанія начальника полагается дисциплинарный батальонъ.

Генералъ крикнулъ въ третій разъ, и голосъ его уже задышался: во всю службу онъ не встрѣчалъ такого грубаго нарушенія дисциплины.

— Вольноопредѣляющійся, кругомъ!

Публика улыбается. Раздается чей-то голосъ:

— А ты побѣги за нимъ!

Эти слова приводятъ публику совсѣмъ въ хорошее настроеніе.

Генераль среди толпы замѣчаетъ унтеръ-офицера и зоветъ его:

— Поди приведи ко мнѣ этого вольноопредѣляющагося!

Тотъ бѣжитъ и черезъ нѣсколько времени оба уже стоятъ около блѣднаго отъ гнѣва генерала.

— Почему ты не вернулся?

— Я ждалъ команды «маршъ», ваше превосходительство.

Длинная пауза....

— Ннндаа... Можешь итти.

Вольноопредѣляющійся молодецки поворачивается и уходитъ. Генераль садится на перваго попавшагося извозчика и уѣзжаетъ.

Хотя рассказъ о полковникѣ Добромудровѣ и касается больше службы, да еще и въ очень недавнее время, но онъ тоже глубоко анекдотиченъ и невольно просится въ серію простыхъ невинныхъ анекдотовъ.

Въ 1903 г., за полгода до войны съ Японіей, подъ Псковомъ были большіе маневры въ высочайшемъ присутствіи. Волею providѣнія на этихъ маневрахъ полкомъ Наркиза командовалъ подполковникъ Добромудровъ. Вся забота этого командующаго полкомъ, то-есть, человѣка, на отвѣтственности котораго въ военное время легло бы 4,000 жизней, сосредоточилась на томъ, чтобы достать за какія угодно деньги (конечно казенныя) такую лошадь, которая бы сама, безъ помощи ѣздока, сумѣла бы сдѣлать правильный заѣздъ передъ государемъ.

И въ этомъ отношеніи ему повезло: командиръ нестроевой роты досталъ коня, который двадцать лѣтъ ходилъ подъ командиромъ драгунскаго полка. Этотъ конь дѣлалъ идеальный заѣздъ: онъ шелъ шагомъ, переходилъ въ манежный галопъ, заѣзжалъ, останавливался около начальника точно по уставу,—справа и на шагъ сзади.

Добромудровъ торжественно обѣщалъ:

— Ну! Если конь меня счастливо вынесетъ,—вамъ Станиславъ на шею!

И конь вынесъ,—Наркизь, назначенный охранять часть пути какъ разъ противъ государя, самъ это видѣлъ.

Когда показался четырехугольникъ его полка и впереди Добромудровъ на знаменитомъ конѣ, сердце Наркиза екнуло: какъ никакъ, а свой полкъ, родной, съ которымъ онъ двадцать лѣтъ дѣлилъ радость и горе, пережилъ оболтуса Сембецкаго, молодчагу Малакова и много другихъ звѣздъ, болѣе или менѣе яркихъ; пережилъ крайнее паденіе полка и его возрожденіе при рядѣ умныхъ и толковыхъ командировъ, когда полкъ съ послѣд-

няго мѣста переѣхалъ потихоньку на первое и на смотрахъ не выходилъ изъ отличныхъ.

Это была заслуга полковниковъ Кондырева, Ордынского и Олохова, людей безусловно стоявшихъ высоко надъ толпой.

Въ сущности Добромудровъ былъ правъ: полкъ былъ хорошъ, и не хватало лишь командирской лошади!

Все это подумалъ Наркизь, глядя на приближающійся четырехугольникъ родного полка.

Полкъ бойко отбивалъ ногу и равнялся очень недурно. Впереди ѣхалъ Добромудровъ, по уставу повернувъ голову въ сторону государя: правое ухо выше лѣваго.

Конь былъ великолѣпенъ: шея—колесо, морда внизъ и немножко вправо—впечатлѣніе, что его съ трудомъ сдерживаютъ, а онъ рвется—хотя поводья висѣли.

Вотъ онъ вздрогнулъ и поднялся въ галопъ. Даже вздрогнулъ, точно получилъ короткій ударъ шпоръ!... Это былъ не конь, а картинка, бронзовый конь съ памятника Николая работы Клодта!

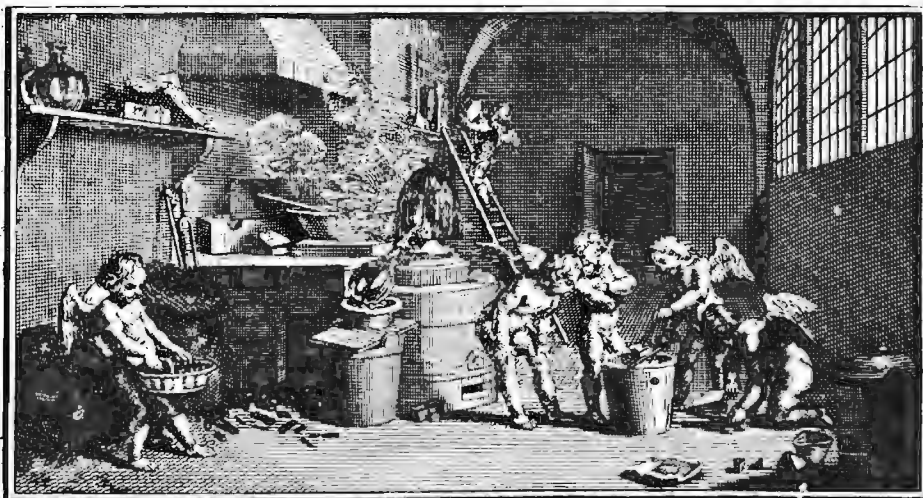
И это было отмѣчено: черезъ два мѣсяца подполковникъ Добромудровъ былъ уже полковникомъ! Онъ исполнилъ свое обѣщаніе—и командиръ нестроевой роты,—не въ примѣръ прочимъ,—получилъ Станислава на шею!

Конецъ блестящей карьеры полковника былъ, впрочемъ, печальный: онъ, ссылаясь на болѣзнь, струсилъ принять полкъ на японской войнѣ и окончательно былъ вычеркнутъ изъ списковъ кандидатовъ на командира полка.... Онъ вышелъ въ отставку, говорятъ даже всплакнулъ, жалуясь на несправедливость судьбы, и въ настоящее время находится въ оппозиціи, критикуя всѣ дѣйствія правительства.

Николай Роминскій.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Одинъ изъ русскиѣхъ розенкрейцеровъ.

Изданная не такъ давно Я. Л. Барсковымъ «Переписка московскихъ масоновъ XVIII в.» очень убѣдительно подчеркиваетъ вышесказанную уже не разъ мысль, что русскіе масоны отнюдь не были передовыми борцами за культуру и за новые общественные идеалы. Даже въ лицѣ лучшихъ своихъ представителей—розенкрейцеровъ новиковскаго кружка—старое русское масонство въ сущности не шло далѣе проповѣди обыденной житейской морали. Исканія великихъ «масонскихъ истинъ», идеи нравственнаго обновленія человѣчества не преломлялись у нашихъ теософовъ и мистиковъ въ требованія новой жизни—политическіе консерваторы, какими въ дѣйствительности были страшные «формазоны», всей своей сущностью въ значительномъ большинствѣ прилѣплялись къ старому социальному и религіозному укладу.

Едва ли можно теперь поколебать эту безспорную уже истину, долгое время затуманенную для изслѣдователей масонства казовой стороной дѣйствительно гипнотизирующихъ умъ и чувство таинственныхъ завѣтовъ и традицій всечеловѣческаго равенства, которое несло съ собой яко бы масонское братство. Поиски «истиннаго масонства» гипнотизировали и современниковъ. Тщетно Новиковъ искалъ реальнаго признака для безошибочнаго распознаванія «истиннаго масонства отъ ложнаго». Это былъ призракъ, постоянно ускользавшій, по мѣткому выраженію Я. Л. Барскова, отъ вопрошающаго, и масоны въ поискахъ незримаго свѣта, открывавшагося лишь посвященнымъ на высшихъ ступеняхъ масонскихъ знаній, въ концѣ-концовъ запутывались въ цѣпкихъ тенетахъ мистицизма, теософіи и кабалистики. За просвѣтительной

дѣятельностью новиковского кружка останутся, конечно, большія историческія заслуги, но эту плодотворную дѣятельность едва ли можно ставить въ связь съ увлеченіемъ масонствомъ ¹⁾. Не облекись въ модную масонскую тогу дѣятельность просвѣтителей XVIII в., она была бы гораздо болѣе плодотворна для русской общественности и направилась бы въ другую социальную среду. «Рабства врагъ» Радищевъ стоялъ бы не такъ одиноко на рубежѣ XIX вѣка, если бы дебри розенкрейцерскихъ премудростей не увлекли за собой такихъ выдающихся для своего времени людей, какимъ былъ Н. И. Новиковъ.

«Философія надѣлала имъ много вреда»—сказалъ Грановскій по поводу гегелевскихъ исканій Бѣлинскаго и его друзей. И это была правда. Пожалуй, то же можно сказать и про новиковский кружокъ—масонство надѣлало имъ много вреда. Конечно, никакія алхимическія и кабалистическія выкладки не могли затушевывать моральной цѣнности такихъ крупныхъ индивидуальностей, какою былъ въ годы расцвѣта своей дѣятельности Новиковъ. Но не то обстоятельство, что Новиковъ былъ риторомъ «теоретическаго градуса соломоновыхъ наукъ», поставило его въ ряды родоначальниковъ русской интеллигенціи. Новиковъ-масонъ въ исторіи русской мысли стоитъ гдѣ-то на второмъ планѣ, такъ какъ и само масонство оказалось явленіемъ скоропреходящимъ, явленіемъ наноснымъ. Хотя русскіе—по отзыву извѣстнаго масона бар. Шредера—и очень любили теософію и мистическія книги, хотя увлеченія мистикой много разъ періодически возрождались съ разными оттѣнками въ извѣстныхъ слояхъ русскаго общества,—они никогда не дѣлались господствующими умственными теченіями. Если мистика въ эпоху Александра I послѣ отечественной войны и захватила широкіе общественные круги, если на Штилинговъ, Энкартсгаузеновъ проявлялся необычайный спросъ, то причины этого лежали въ иной плоскости (соціальной) ²⁾—мистика не была той органической потребностью духа, которая дѣлаетъ жизненными идеи. Поэтому модное теченіе и оказалось столь мимолетнымъ.

Но даже во времена наибольшей углубленности, искреннихъ, быть можетъ, исканій тѣхъ градусовъ познанія, когда передъ просвѣтленнымъ человѣческимъ взоромъ должны были открыться загадочныя тайны природы; во времена, когда масонство ограничивалось узкимъ кругомъ близкихъ людей и не проникало еще въ обывательскую среду, какъ это было позднѣе въ александров-

¹⁾ Новиковъ сдѣлался масономъ въ 1775 г.

²⁾ См. мою статью «Правительство и общество послѣ войны» въ сборникѣ «Отечественная война и русское общество» т. VII.

ское время—и тогда въ небольшомъ новиковскомъ кружкѣ было очень немного лицъ, на которыхъ сказалось бы реально благотворное вліяніе масонскаго ученія.

Если мы о вождяхъ русскихъ масоновъ XVIII в. въ сущности знаемъ еще очень немного, то еще меньше знаемъ о тѣхъ, которые, не обладая творческой инициативой и не представляя собой крупной индивидуальности сами по себѣ, были какъ бы тѣломъ того всечеловѣческаго братства, которое должно было обновить міръ. Въ этомъ отношеніи всегда интересно познакомиться съ рядовымъ дѣятелемъ. Такимъ и былъ Петръ Илларионовичъ Сафоновъ, чело­вѣкъ близкій Новикову и Гамалѣѣ, гвардіи поручикъ при Екатеринѣ, крупный ливенскій помѣщикъ, посвященный въ свое время во всѣ «орденскія обязанности», одинъ изъ хранителей старыхъ масонскихъ традицій въ александровское время.

Сафоновъ—типичный представитель того барственнаго русскаго масонства, наиболѣе яркимъ идейнымъ выразителемъ котораго былъ И. В. Лопухинъ ¹⁾, состоявшій въ дружественныхъ отношеніяхъ съ нашимъ масономъ. Его фигура уже наклонѣ лѣтъ прекрасно зарисована въ воспоминаніяхъ Д. Н. Свербеева (Сафоновъ былъ его опекуномъ).

Въ «пышномъ степномъ баринѣ»,—пишетъ Свербеевъ,—«не сохранилось, кажется, и слѣдовъ благотворнаго въ нѣкоторомъ отношеніи масонскаго ученія. Онъ былъ весь проникнутъ и пропитанъ своимъ подубарскимъ достоинствомъ, имѣлъ своихъ живописцевъ, музыкантовъ, пѣвчихъ; лакеямъ у него не было числа; садъ у него былъ стриженный. Стая борзыхъ и гончихъ и полуголодные и полуодѣтые ловчіе и доѣзжачіе выбивали озимыя зелени помѣщицъ, крестьянскія и однодворческія безъ разбора; зато говорилъ онъ всегда пышно, красно, а при случаѣ для пріѣзжаго издалека гостя, сколько-нибудь грамотнаго, не позабывалъ прочитать какую-то оду на Благовѣщеніе, когда-то имъ сочиненную по образцу Хераскова» ²⁾. Счастливая случайность даетъ возможность добавить нѣкоторыя детали къ небольшой, но выразительной характеристикѣ Свербеева. Сохранились груды дневниковъ, писемъ и литературныхъ произведеній П. И. Сафонова (собраніе бумагъ П. В. Шапова въ Румянцевскомъ музеѣ). Пышный степной баринъ по образцу Хераскова, излюбленнаго маѣонскаго поэта и самого масона, сочинилъ не одну только оду на Благовѣщеніе, которую преподносилъ своимъ посѣтителемъ по примѣру другого любителя просвѣщенія екатеринин-

¹⁾ См. статью Н. К. Пиксанова въ сборникѣ «Масонство въ его прошломъ и настоящемъ» т. I.

²⁾ Воспоминанія I. 31—32.

скихъ временъ и бездарнаго поэта—извѣстнаго Струйскаго. Деревенскій досугъ давалъ просторъ для обильнаго поэтическаго творчества. На пѣсняхъ, элегіяхъ, даже на комедіяхъ («Опытъ дружбы») испытывалъ терпѣніе музъ въ деревенской тиши до послѣднихъ дней своихъ одинъ изъ немногихъ оставшихся розенкрейцеровъ.

Въ 1798 году въ стихотворной формѣ Сафоновъ изобразилъ даже масонскія «Правила Мудрости», которыми по его мнѣнію, долженъ руководиться просвѣтленный человѣкъ. Вотъ они эти свособразные и житейскіе постулаты, облеченные въ формы, въ сущности очень мало напоминающія стихи.

«Для выгоды не люби и слабъ не будь прощая.

Чуждайся подлости, вельможу почитая.

Безъ нужды о дѣлахъ чужихъ знать не старайся.

И въ собственныхъ своихъ не вѣдь ты открывайся.

Съ разборомъ дай взаймы, однакъ со всей охотой.

И бѣднымъ помогай по мѣрѣ силъ твоихъ.

Душевную печаль въ себѣ одолевай.

Гдѣ нужно мстить, отмщай.

Во всякомъ званіи ты человѣка чти.

Для денегъ не играй, а развѣ для забавы.

Люби и выиграть, люби и проиграть.

Начальству всякому покорень будь и вѣренъ.

Бѣги псзорной мысли. Распутства удаляйся,

Будь добрый гражданинъ, законамъ покорись

И христіанскую вкусити смерть потщись.

Любопытно, что эти плоскія моральныя сентенціи, не всегда основанныя даже на христіанскомъ смиренномудріи, сочинены Сафоновымъ въ видѣ прописей для своего семилѣтняго сына. О христіанскихъ чувствахъ Сафоновъ любилъ говорить много и часто на страницахъ своего дневника. Правда, у него углубленное пониманіе христіанства приводило къ весьма упрощенной формулѣ въ прописяхъ: «гдѣ нужно мстить, отмщай». Но надо сказать, что у огромнаго большинства екатерининскихъ масоновъ идеи «внутренняго христіанства» вообще были близки къ традиціонной церковности, т.-е. къ своего рода начетчеству. Отъ обычной церковности не ушелъ и самъ идеологъ «внутренней церкви»—Лопухинъ, какъ указываетъ это опредѣленно въ своей статьѣ Н. К. Пиксановъ. У людей, вервиі ума которыхъ были короче, мистика просто была ненужнымъ, моднымъ придаткомъ. Таковъ именно и былъ Сафоновъ, пропитанный обычной суевѣрной религіозностью малокультурной помѣщичьей среды. Когда читаешь его переписку, то думаешь, что это письма священника, начетчика, а не «пышнаго

степного барина». Сафоновъ, его дѣти, даже внуки всѣ сплошь пишутъ проповѣдническимъ слогомъ, словами «богемудраго Апостола Христова Павла». Немало разсужденій на божественныя темы, на темы христіанской морали и тлѣнности мірскаго бытія и въ дневникахъ Сафонова, начиная съ 80 гг. XVIII в. и кончая годомъ его смерти (1829 г.) «Жизнь наша—записываетъ Сафоновъ 16 іюля 1787 г.—въ суетѣ и кончится здѣсь ничѣмъ, о будущемъ попейся душа моя, чтобы вѣчно могла ты жить, слава Отца, и Сына, и Св. Духа. Аминь».

Что такое время—разсуждаетъ авторъ дневника 2 декабря 1820 г. въ письмѣ къ сыну. «Единый мигъ—прошедшее уже намъ не принадлежитъ, будущее неизвѣстно, одно настоящее наше, но и то мгновенно и симъ-то мгновеніемъ мы должны воспользоваться и во времена и въ вѣчность». Итакъ, ни одной живой мысли,—все трафаретъ: заговорить ли Сафоновъ объ обязанностяхъ истиннаго христіанина или о томъ, что человѣкъ не долженъ давать воли страстямъ своимъ. Очень любитъ Сафоновъ разсуждать на нравственно-религіозныя и богословскія темы въ письмахъ къ Гамалѣѣ. Но въ письмахъ и видна разниа въ міросозерцаніи Гамалѣи, этого по истинѣ «Божьяго человѣка», и «пышнаго степного барина», разсуждающаго о религіи по традиціи и, какъ увидимъ, въ значительной степени отъ скуки. Черезъ богосмолку—столь обычную принадлежность помѣщичьей семьи,—Сафоновъ отправляетъ Гамалѣѣ письмецо съ разсужденіемъ о человѣческомъ знаніи. Человѣкъ, по паденіи своемъ, потерявъ свѣтъ небесный, ищетъ его во тьмѣ; онъ «мечтаетъ знать натуру, себя и творца своего, священное писаніе толкуетъ падшимъ разумомъ своимъ.... и таковыхъ философовъ въ нынѣшнемъ просвѣщенномъ вѣкѣ много. По моему понятно—пишетъ Сафоновъ—истинныхъ философовъ всегда было мало; полагаю того истиннымъ философъ, который въ свѣтѣ благодати соединяетъ себя съ творцомъ своимъ и его божественною премудростью по духу, душѣ и тѣлу, чтобы духъ его обновлялся духомъ Божіимъ... Отсюда выводъ, обычный для масоновъ-мистиковъ: «знанія наши безъ духа Христова воспламеняютъ одну гордость въ насъ». Это «разбойничье знаніе служитъ къ большой пагубѣ»... Но для Гамалѣи всякая нетерпимость противна христіанству, и онъ безуспѣшно въ этомъ убѣждаетъ своего корреспондента: не надо презирать «школьную философію», «все происходитъ отъ Бога, и Господь сказалъ: «не судите и не судимы будете» (3 сент. 1820 г.).

Въ одномъ изъ своихъ писемъ незлобивый Гамалѣя, далекій отъ какихъ-либо заднихъ мыслей, давая Сафонову совѣтъ, что надо дѣлать въ жизни, попадаетъ не въ бровь, а прямо въ глаза:

«одно словесное обтесываніе дикаго камня—пишетъ онъ—безполезно. а нужно самимъ дѣломъ исполнить оное».... Сафоновъ былъ очень далекъ отъ дѣлъ, предписываемыхъ постулатамъ христіанской морали. Не достаточно ли просто сопоставить христіанскія разсужденія Сафонова съ дѣйствительнымъ образомъ жизни пышнаго степного барина, какимъ онъ представленъ въ изображеніи Свербеева? Дворянъ съ собственными живописцами, музыкантами и пѣвчими—все это въ такомъ масштабѣ, что гостящему у дѣда-масона внуку казалось, что любовшинскіе шуты лучше, чѣмъ московскіе (подъ шутами подразумѣвается домашній театр)—едва ли могла содѣйствовать обтесыванію дикаго камня не только словесно, но и дѣломъ. «Прошедшее намъ не принадлежитъ, будущее неизвѣстно». Отсюда надо думать только о настоящемъ—какъ мы знаемъ, это былъ девизъ орловскаго барина въ масонской тогѣ. Настоящее связано съ крѣпостничествомъ. И послѣднее наилучшимъ образомъ уживается съ масонской моралью братства и равенства. Ловчіе и доѣзжачіе Сафонова выбиваютъ озимыя крестьянскія поля.... Помѣщикъ покупаетъ и продаетъ рабовъ; какъ на рынкѣ торгуется въ 1824 г. съ генеральшей Игельстромъ, желая пріобрѣсти садовника съ женой и сыномъ, за которыхъ генеральша проситъ 1500 руб.; подвергаетъ, когда нужно, своихъ «мужичковъ» наказанію лозами, характерно выражаясь въ письмѣ къ сыну: «попоролъ по сидѣнію», отправляетъ «бунтовщиковъ» въ городъ и т. д. Однимъ словомъ производитъ всѣ неизбѣжныя хозяйственныя операціи, не задумываясь даже о сущности крѣпостного права и его соотвѣтствіи съ требованіями орденскихъ завѣтовъ.

Для оцѣнки христіанскихъ добродѣтелей стараго масона очень характеренъ инцидентъ, происшедшій въ его семьѣ и связанный съ правомъ помѣщика на человѣческую душу. Старшій сынъ Сафонова, Дмитрій, соблазнилъ чужую крѣпостную дѣвку и добивается для нея вольной. Другой сынъ, Николай, тестю котораго принадлежитъ соблазненная дѣвка, пишетъ объ этомъ отцу. Отвѣтъ слѣдуетъ любопытный (5 февраля 1817 г.): «Шалости брата твоего Дмитрія очень непріятны мнѣ, и я не согласился бы за таковую выслугу дѣвокъ отпускать на волю; такимъ образомъ не останется ни одной дѣвки не довольно на дворѣ, ниже въ деревнѣ и честность ихъ лишь на то устремится, чтобы соблазнять бояръ.... Сія же Наташка прежде Дмитрія волочилась съ Семкою. Попроси отъ меня Николая Дмитриевича, чтобы онъ не прежде далъ ей отпускную, когда она найдетъ себѣ жениха, а иначе согрѣшимъ, ежели заставимъ ее непотребничать въ Москвѣ и можетъ въ Петербургѣ... Ты пишешь, что не могъ не уважать сей....

добродѣтели и благородства въ Дмитріи. Какъ ты ошибаешься въ семь! Не благородная добродѣтель дѣйствуетъ въ немъ, а самодуръ, исполненный страстей, которыя его братію заставляютъ иногда распутныхъ дѣвокъ дѣлать ихъ женами. Берегись, чтобы Наташка не была твоей невѣсткой. Я узналъ, что планъ сей быть вольной Наташкинъ, и его она проповѣдовала еще тогда, когда Екатерина Дмитриевна жива была».

Но, пожалуй, наиболѣе характерное для масона, познаваго всѣ высшія «орденскія обязанности», это самый дневникъ Сафонова, дневникъ, который онъ велъ изъ года въ годъ, изо дня въ день... Казалось бы, какой кладезъ долженъ представлять для исторіи масонства подобный дневникъ. Но здѣсь постигаетъ насъ глубочайшее разочарованіе. Изъ всѣхъ этихъ толстыхъ тетрадей получишь представленіе развѣ только о погодѣ и о помѣщичьей охотѣ, которая заполняетъ все время орловскаго масона. Систематически, съ 80 гг. XVIII в., когда поручикъ измайловскаго гвардейскаго полка переѣхалъ въ деревню и сдѣлался ливенскимъ предводителемъ дворянства, въ дневникъ заносятся данныя о травлѣ зайцевъ и прочей живности, находящейся въ изобиліи въ поляхъ и лѣсахъ сафоновскихъ угодій. Каждый день происходитъ псовая охота съ большей или меньшей удачей. Мы узнаемъ, напр., что 31 августа 1803 г. Сафоновъ со своими ловчими и доѣзжачими затравилъ 5 волковъ, 3 лисицы, 29 русаковъ. Охота 31 октября еще болѣе успѣшна; трофеи Сафонова выразились 5 волкахъ, 14 лисицахъ, 107 русакахъ. Въ дни такихъ удачъ Сафоновъ веселъ и не думаетъ о бренности житейской—ему некогда предаваться навѣвающей грусти мистикѣ. Надо сказать, что звѣря, повидимому, въ тѣ времена въ ливенскомъ уѣздѣ водилось много, и охотничьи выѣзды Сафонова почти всегда происходятъ подъ счастливой звѣздой. И очень рѣдко въ дневникъ попадаютъ лаконическія записи: «Бздилъ съ собаками, ничего не затравилъ». Такъ было, напр., 30 сентября 1812 года. Когда судьба сталкиваетъ Сафонова съ такими днями, тотчасъ же его охватываетъ тоска... Послѣдняя гложетъ ливенскаго охотника особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда вовсе нельзя ѣхать на охоту. «Хотѣлъ было ѣхать съ собаками—записываетъ Сафоновъ въ 1799 г.—ибо время прекрасное для ѣзды, но вдругъ десять собакъ взбѣсилось».... Что же тутъ дѣлать? «Послѣ обѣда—продолжаетъ свою запись авторъ дневника—часа два спалъ. Тетушка возвратилась отъ Самойловыхъ. Мнѣ очень скучно и не знаю тому причинъ, но знаю, что страдаю, тѣло не болитъ». Въ такіе-то дни, неудачливые для охоты, когда отъ праздности Сафоновъ не зналъ, что съ собой дѣлать, на сцену и выступаетъ мистика. Въ такіе-то скучные

дни и начинается чтеніе произведеній г-жи Гюйонъ или книгъ, въ родѣ «Исусъ Утѣшитель». Тогда то въ дневникѣ и появляются евангельскія цитаты или краткія разсужденія о смиреніи, объ обязанностяхъ истинныхъ христіанъ, о вѣчности и т. п.

Иногда съ этой безпросвѣтной скуки начинается день: «Куда ни пойду, что ни дѣлаю, все мнѣ скучно»—записываетъ Сафоновъ 21 августа 1812 г. Пусть не подумаетъ читатель, что скука охватила ливенскаго помѣщика отъ сознанія своей бездѣятельности въ тяжелую годину внѣшняго испытанія, когда на войнѣ находится его сынъ Дмитрій. Нѣтъ, ларчикъ открывается просто, и легко усмотрѣть истинную причину скуки степного барина. Плохая погода лишаетъ всякой надежды на возможность охоты въ этотъ день. Не утѣшаетъ и г-жа Гюйонъ, ибо мистика можетъ утѣшить лишь на очень короткое время борзятника. Но счастье и здѣсь улыбнулось. Послѣ обѣда погода разясняется. Брошены разсужденія о вѣчности, о бренности жизни—Сафоновъ вновь скачетъ со своими полуодѣтыми и полуголодными ловчими и доѣзжачими, со сворами своихъ сытыхъ гончихъ и борзыхъ, вновь улюлюкаетъ по озимымъ крестьянскимъ полямъ и травитъ лисицъ и зайцевъ. Скука, какъ рукой, снята, и уже нѣтъ вѣчныхъ, неразрѣшенныхъ вопросовъ, нѣтъ уже болѣе и «досады на себя»...

Дневники показываютъ, какъ въ сущности мало интересовъ у передового, казалось бы, человѣка для той эпохи, у масса, въ свое время окунувшася въ самыя глубокія мистическія познанія. Передъ нимъ текутъ событія общегосударственной важности, и они даже не отмѣчаются въ каждодневной записи, куда заносятся тщательнѣйшимъ образомъ свѣдѣнія о затравленномъ на охотѣ звѣрѣ и пр. Умираетъ императоръ Павелъ, болѣе, чѣмъ кто-либо изъ царей связанный невидимыми нитями съ массовымъ. Ливенскій предводитель дворянства вставитъ въ дневникъ лишь нѣсколько словъ: «23 марта 1801 г.—получилъ извѣстіе, что скончался императоръ Павелъ: царствовалъ 4 года, 4 мѣсяца и 6 дней». 1812 годъ—удивительно, что и здѣсь даже за цѣлый годъ попадаетъ одна только запись: «Дмитрій мой перешелъ въ полкъ Рахманова». Больше ничего объ отечественной войнѣ—все остальное заполнено собаками, затравленными зайцами и обѣдами. Впрочемъ, есть еще одна замѣтка о томъ, что надо отдать въ рекруты крестьянина, находящагося въ тюрьмѣ.

Неожиданно, однако, и этотъ скудный по содержанію дневникъ за 1812 г. пріобрѣтаетъ нѣкоторую цѣнность историческую, а именно для исторіи отечественной войны. У Сафонова былъ хорошій обычай записывать каждый день погоду. Это дѣлалось, конечно, не съ научными цѣлями, не для потомства, а потому

что это, быть можетъ, важно было для охотническихъ и псмѣщичьихъ наблюденій; да и повелось уже такъ издавна—авторы подобныхъ дневниковъ всегда записываютъ о погодѣ; это самое важное для нихъ: да и что записывать при бездѣліи? Но эти записи, больше отъ нечего дѣлать, могутъ быть использованы для исторіи. Извѣстно, какое большое значеніе имѣла погода при отступленіи наполеоновской арміи. Сколько копій въ былые годы было сломлено историками въ спорахъ о роли морозовъ, оттепелей и пр. въ неудачѣ великой арміи. Липранди написалъ даже цѣлую книгу съ почтенной цѣлью доказать, что Наполеона сломали не морозъ и голодъ арміи, а патріотическое воодушевленіе русскаго народа. Слишкомъ унижительнымъ казалось патріотической исторіографіи приписать лишь силамъ природы, климатическимъ и географическимъ условіямъ изгнаніе изъ предѣловъ отечества врага. Какъ бы то ни было, споръ этотъ о вліяніи погоды на стратегію не разрѣшенъ и понынѣ. Мемуары участниковъ великой арміи въ одинъ голосъ говорятъ о пагубномъ вліяніи на ходъ дѣла наступившихъ преждевременно морозовъ, а еще болѣе непостоянства погоды—смѣны сильнѣйшихъ морозовъ, мятелей оттепелью. Отечественная исторіографія пытается доказать, что погода въ 1812 г. была обычная и преждевременныхъ холодовъ не наступало. Дневникъ Сафонова въ этомъ отношеніи показателенъ. Вотъ нѣкоторыя метеорологическія записи изъ его дневника за октябрь и ноябрь 1812 года. 19 октября—морозъ большой и солнце. 26—мятель большая. 27—мятель и вѣтеръ при добромъ морозѣ, 28—мятель продолжается ¹⁾, 29—мятель утихла, но морозъ, 2 ноября—мятель продолжается, 10—тепло, 12—морозъ добрый, 27—морозъ 28°, 28—мятель большая. 7 декабря—морозъ 30°.

Во всякомъ случаѣ приведенныя данныя свидѣтельствуютъ, что зима, по крайней мѣрѣ, въ Орловской губ. была исключительно суровая, и притомъ дѣйствительно ранняя. Хорошо, что по крайней мѣрѣ хоть въ одномъ отношеніи изъ долготнаго труда Сафонова по веденію дневника можно извлечь крупицу пользы. Иначе вчуже становится жаль труда по бесплоднымъ записямъ затравленныхъ зайцевъ.

Въ періодъ своего наибольшаго масонства, живого общенія съ главарями русскаго розенкрейцерства, Сафоновъ однажды подвелъ итогъ того, что сдѣлано за истекшій годъ. 31 декабря 1787 г. онъ записалъ: «сей протекшій годъ проведенъ большую половину во снѣ, третья часть въ бездѣльи, а послѣдняя почти

¹⁾ Это какъ разъ тѣ три дня, которые нанесли Наполеоновской арміи страшный ущербъ—падежъ лошадей.

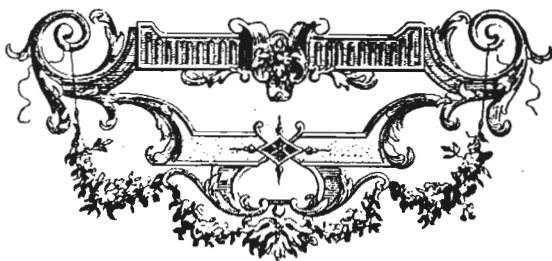
вся въ удовольствіи плоти, весь же годъ въ скверныхъ помыслахъ». Подъ вліяніемъ угрызенія совѣсти о безвозвратно потерянномъ годѣ онъ и напишетъ свою оду на Благосвѣщеніе и въ назиданіе будетъ заставлятъ каждого посѣтителя выслушивать свои плохіе стихи. Но далѣе этого угрызенія совѣсти не пойдутъ. Годъ течетъ за годомъ. Старѣетъ поручикъ измайловскаго полка. Наступаетъ время большого думанія о грѣховности міра и своей личн. Но Сафонову въ сущности и некогда даже углубиться въ самоанализъ. Барств. житейскій обиходъ самъ по себѣ отвлекаетъ отъ излишняго и вреднаго для хорошаго самочувствія углубленія въ моралистику. Да и постороннія причины этому мѣшаютъ. Только что Сафоновъ, «вошедши въ кабинетъ» 28 декабря 1822 г. займется «размышленіями, до какой бѣдности дошелъ человѣкъ паденіемъ своимъ, онъ плачетъ, но не о потерѣ блаженства своего, а о лишеніи чѣго-либо ему пріятнаго» (эти глубокія мысли Сафоновъ сталъ записывать по поводу плачущаго объ отъѣздѣ отца внука),—какъ христіанскія размышленія прерываются дѣйствительностью, житейской прозой: Сафонову подають бумагу съ вызовомъ явиться лично или черезъ управляющаго для объясненія о «неподачи объявленія объ урожаѣ хлѣба» и не сообщенія книгъ «о заведеніи магазиновъ». «Пышный степной баринъ», какъ и большинство помѣщиковъ, какъ оказывается, избѣгалъ выполненія невыгодныхъ для себя обязательствъ по отношенію къ своему крѣпостному люду: онъ, какъ и Пздѣвъ — другой представитель крѣпостническаго масснства, былъ совершенно убѣжденъ, что необходимо «постоянно держать ихъ (т.-е. крестьянъ) въ черномъ тѣлѣ» — тогда они лучше работаютъ и лучше повинуются. И приходится ли послѣ этого удивляться, что у богатаго черноземнаго помѣщика-масона, окруженнаго многочисленною дворней, травящаго своими сворами поля крестьянскія даже въ іюнѣ, когда неубранъ хлѣбъ, народъ бѣдствуетъ во время голода. И нашъ мистикъ лишь съ сентиментальн. горечью запишетъ въ 1815 г. въ письмѣ къ свсему брату: «мужички мои умирають и мнѣ горе большесѣмъ дѣлають». Это горе вызывается лишь разстройствомъ хозяйства, о благополучіи котораго всегда помышляетъ степной баринъ, не дошедшій еще однако до сознанія истины, воспринятой уже другими болѣе прозорливыми хозяевами: благосостояніе помѣщика зиждется на благосостояніи крестьянина; крѣпостной трудъ непригоденъ въ интенсивномъ хозяйствѣ.

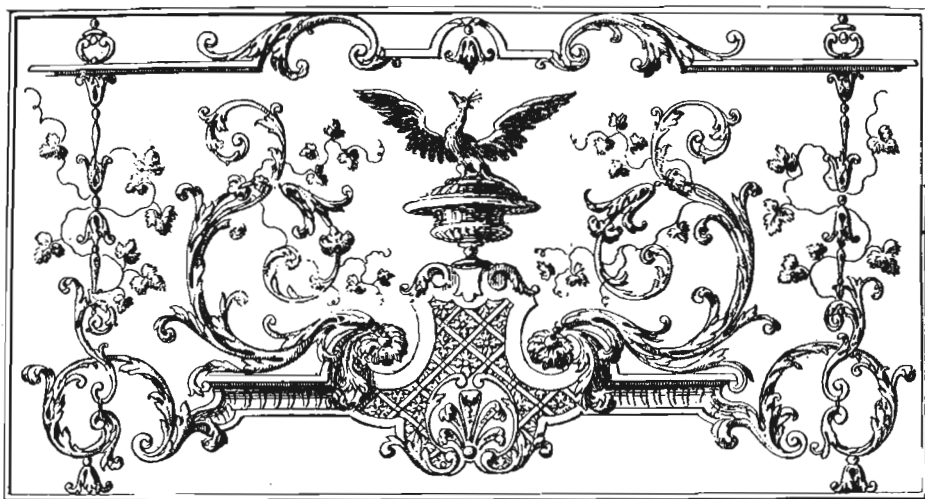
Экономическіе интересы всегда на первомъ планѣ у настроеннаго по временамъ на мистическій ладъ орловскаго барина. Онъ даже не пойдетъ на свадьбу сына — это можетъ нанести ущербъ

хозяйству. А убытокъ не по нутру расчетливому хозяину. Впрочемъ, для внѣшняго оправданія нежланія ѣхать на свадьбу сына будетъ выдвинута болѣе сильная аргументація, чѣмъ мотивы житейскаго свойства. Это, конечно, аргументъ отъ религіи: бракъ—«грѣховное дѣло». Высшія соображенія христіанской морали всегда служатъ роль успокоительныхъ тарановъ противъ непріятностей. Привезли Сафонову въ 1817 г. покупки изъ города, а вмѣстѣ съ тѣмъ письмо, извѣщающее о смерти друга юности Д. А. Хозяинцева. «Онъ росъ—пишетъ старикъ сыну своему Николаю,—въ моихъ глазахъ, съ нимъ провелъ я дни моей молодости, былъ нѣкогда уважаемъ имъ и любилъ его, какъ родного брата, да и до конца жизни любить не перестану». Но въ моментъ полученія письма о смерти друга хозяину нужно разсмотрѣть привезенныя изъ города покупки. Отсюда коллизія между чувствомъ и дѣломъ. Опять на помощь является мистика. «Но такъ какъ сей путь (т.-е. смерть) необходима всѣмъ намъ, то, пожелавъ ему благополучной вѣчности, принялся—заканчиваетъ свою мораль Сафоновъ—разсматривать покупки». И смерть друга такимъ образомъ лишь «немного потревожила» умудреннаго житейскимъ опытомъ мыслителя, пребывающаго въ думахъ лишь о вѣчности и презирающаго все брѣнное.

Дѣйствительно большимъ спокойствіемъ и житейской мудростью вѣетъ отъ этихъ былыхъ записей. Здѣсь можно научиться, какъ надо сочетать познаніе великихъ истинъ самоуглубленнаго пониманія мірозданія съ жизненнымъ обиходомъ самоуслаждающагося барства. Недаромъ покорный сынъ екатерининскаго масона, Николай, переплелъ послѣ смерти отца его писанія въ сафьяновый переплетъ съ трогательною надписью: «Письма покойнаго моего Ангела Папиньки».

С. Мельгуновъ.

Розыски П. А. Кропоткина въ 1876 г.

(Изъ бумагъ В. Н. Смѣльскаго).

П. А. Кропоткинъ сѣжалъ изъ Николаевскаго военнаго госпиталя 30 іюня 1876 г. ¹⁾ Нѣсколько дней онъ прожилъ въ деревнѣ въ окрестностяхъ Петрограда и затѣмъ, съ паспортомъ одного изъ пріятелей, проѣхалъ, въ сопровожденіи товарища, Финляндію, добрался до отдаленнаго порта въ Ботническомъ заливѣ и оттуда переправился въ Швецію. Не останавливаясь въ ней, онъ доехалъ до Христианіи, ждалъ въ ней нѣсколько дней парохода въ Англію, высадился въ Гулль и подъ фимиліей Левашева проѣхалъ въ Эдинбургъ. Проживъ здѣсь нѣсколько недѣль, онъ переѣхалъ въ Лондонъ, но оставался здѣсь недолго и уѣхалъ въ Швейцарію, гдѣ поселился въ Шодефонѣ.

Императоръ Александръ II, по словамъ Кропоткина, былъ взбѣшенъ тѣмъ, что побѣгъ могъ совершиться въ его столицѣ, среди бѣла дня, и отдалъ приказъ: «разыскать, во что бы то ни стало». Тогдашній градоначальникъ О. О. Треповъ поручилъ розыски своему чиновнику особыхъ порученій В. Н. Смѣльскому ²⁾, состоявшему при секретномъ отдѣленіи градоначальства. Смѣльскій былъ командированъ въ Восточную Пруссію, гдѣ у него, по предыдущей службѣ начальникомъ Вильковъшскаго уѣзда Сувалкской губерніи, были знакомства въ полицейскомъ мірѣ, и во второй половинѣ іюля мѣсяца, т.-е. когда Кропоткинъ жилъ, вѣроятно,

¹⁾ См. его «Записки революціонера», Спб. 1906 г., стр. 332—349.

²⁾ О немъ см. «Голосъ Мирушага», январь 1906 г., стр. 222—225. Выдержки изъ его дневника о Священной Дружинѣ напечатаны тамъ же, №№ 1—6.

уже въ Единбургѣ, объѣхалъ приграничныя съ Польшей и Ковенской губерніей мѣстности, а также прибрежную полосу Пруссіи отъ Мемеля до Штетина. Повидимому, по возвращеніи оттуда, въ началѣ августа, онъ произвелъ еще дознаніе въ Выборгской губерніи, но напасть на слѣдъ Кропоткина такъ и не могъ. О ходѣ своихъ розысковъ за границей онъ писалъ въ письмахъ къ женѣ, а также сдѣлалъ два доклада Трепову.

Несмотря на строгій приказъ императора, со стороны Трепова розыскамъ придавалась, повидимому, не особенно большая важность, такъ какъ обставлены они были поразительно бѣдно: Смѣльскій жалуется женѣ, что ему дано слишкомъ мало денегъ, стѣсняется въ тратахъ, боясь перерасхода (ужасается, что *уже* израсходовалъ 151 р.), и въ концѣ-концовъ все-таки долженъ былъ издержать собственныхъ денегъ 123 р. 50 к. Любопытно также въ этихъ розыскахъ то тѣсное и дружественное сотрудничество, въ какомъ находились полиціи прусская и русская: Смѣльскій ждетъ успѣха въ своемъ дѣлѣ главнымъ образомъ отъ участія въ немъ бывшаго его помощника, пруссака изъ Эйдкунена; самому ему оказываютъ въ Пруссіи содѣйствіе: и полицей-президентъ Кенигсберга, и мѣстная полицейская знаменитость—начальникъ Кенигсбергской сыскной полиціи Ягельскій, и Гумбиненскій губернаторъ, и Кенигсбергскій прокуроръ; ими не только посланы телеграммы и фотографіи Кропоткина во всѣ главныя германскія полицейскія управленія, но даже командировано въ Швейцарію, для производства розысковъ, особое лицо, такъ что, можно сказать, германская полиція трудилась въ этомъ дѣлѣ даже больше, чѣмъ русская, хотя и не съ большимъ, чѣмъ она, успѣхомъ: по донесеніямъ германскихъ полицейскихъ агентовъ Кропоткинъ пріѣзжалъ изъ Геттингена въ Мемель около 12 іюля, между тѣмъ какъ на самомъ дѣлѣ онъ вовсе и не былъ тогда въ Германіи.

Θ. Покровскій.

Дневникъ В. Н. Смѣльскаго.

19/31 іюля 1876 г., Кенигсбергъ. Дѣла мои еще почти ничего не двигаются, а это жаль, потому, что Кирилловъ ¹⁾ сказалъ мнѣ, что Треповъ говорилъ: «кто найдетъ К(ропоткина), тотъ получитъ тысячу рублей и Высочайшую награду». Господи Боже, помоги мнѣ! Вотъ молитва, которая не сходитъ съ моихъ устъ. Авось хоть теперь да чѣмъ-нибудь я буду полезенъ тебѣ и нашей семьѣ.

¹⁾ Гр. Гр., начальникъ секретнаго отдѣленія градоначальства.

Завтра буду я у Вышемерскаго ¹⁾; сегодня жду приѣзда ко мнѣ стараго помощника моего пруссакъ изъ Эйдкунсена. Если онъ приѣдетъ и рѣшится помогать мнѣ, тогда навѣрное будетъ успѣхъ; Вышемерскій врядъ ли въ силахъ мнѣ помочь.

19/31 июля 1876 г., Кенигсбергъ. Хочу купить себѣ что-нибудь легкое, статское, а то пожалуй въ военной формѣ ²⁾ примелькнусь моимъ нѣмцамъ, и тогда, увы, ничего не раздобудешь по моему дѣлу, особенно если приѣдетъ ко мнѣ мой давнишній пруссакъ—помощникъ для подобныхъ дѣлъ. Я только брюкъ не буду покупать; въ Пруссіи многіе ходятъ въ военныхъ штанахъ: дѣло обыденное.

20 июля. Вчера весь день прошелъ безпутно; только ѣлъ, да гулялъ по городу. Что-то сегодня будетъ? Сейчас пойду къ Вышемерскому. Авось хоть онъ поможетъ; нѣмца моего все еще нѣтъ и приѣдетъ ли? Это еще вопросъ...

Вышемерскій принялъ меня превосходно, обѣщался мнѣ оказать полное содѣйствіе, то же самое обѣщалъ мнѣ статсъ-анвальдтъ хейфъ (т.-е. прокуроръ), который оказался моимъ старымъ Сталюпененскимъ знакомымъ. Ну, если они выполнятъ обѣщаніе, то я сдѣлаю дѣло и получу Треповскую благодарность. Отъ всей души хлопочу, и что-то изъ этого будетъ.

20 июля 1876 г. Кенигсбергъ. Еще не имѣю никакого отвѣта отъ Вышемерскаго, а уже 5 часовъ, видно ничего и не узнаю отъ него ранѣ свиданія съ нимъ въ Eörsengarten...

Сейчасъ приходилъ изъ магазина портной примѣрять шьющееся мнѣ платье. Кажется, будетъ хорошее; долго-ли только будетъ носиться.

Придется купить галстухъ, воротнички и что-нибудь въ родѣ шляпы. Опять буду какимъ-нибудь рабочимъ, сапожникомъ, выглядывать; а все же лучше для моихъ дѣлъ быть въ статскомъ, чѣмъ въ военномъ. На военнаго всѣ смотрятъ, а на статскаго никто и ничто.

21 июля 1876 г. Погулялъ же я вчера! былъ верстахъ въ 10 отъ города и все-таки не нашелъ тѣхъ лицъ, которыя могли бы помочь мнѣ. И Богъ ихъ знаетъ, куда подѣвались социалисты—русскіе, жившіе въ Кенигсбергѣ и его окрестностяхъ! Видѣлся я вечеромъ, часу въ 10-мъ въ Eörsengarten съ Вышемерскимъ, и онъ только и сообщилъ мнѣ, что полиція здѣшняя согласилась помогать мнѣ и навѣрное поможетъ. Но что изъ этого будетъ, вотъ вопросъ.

Безъ точнаго выполненія приказанія Трепова я не могу къ

¹⁾ Русскій консулъ.

²⁾ В. Н. Смѣльскій былъ тогда въ чинѣ подполковника.

нему явиться. Сегодня зайду къ г. Ягельскому, къ бывшему знаменитому Кенигсбергскому полицейскому. Быть можетъ, онъ мнѣ поможетъ. Пускаюсь на всякія штуки, лишь бы угодить Трепову.

21 іюля 1876 г., Кенигсбергъ, 1 часть дня. Былъ я сегодня у своего милаго Ягельскаго, извѣстнаго Кенигсбергскаго полицейскаго и сыщика; онъ обѣщалъ мнѣ помочь и сказалъ, что онъ, вслѣдствіе просьбы Вышемерскаго, еще вчера сдѣлалъ распоряженіе о розыскѣ К(ропоткина). Онъ не отчаявается и полагаетъ, что дастъ мнѣ хорошій отвѣтъ. Сегодня по моему приглашенію о розыскѣ К(ропоткина) онъ послалъ отъ себя телеграммы въ Стутгардтъ, Берлинъ, Лейпцигъ, Данцигъ, Дрезденъ, Франкфуртъ-а-Майнъ и Гамбургъ. О дѣйствіяхъ своихъ я пишу сегодня Трепову...

21 іюля, деревня Альбрехтъ близъ Кенигсберга. Покинулъ я Кенигсбергъ и поселился въ деревнѣ; впрочемъ, я буду часто въ городѣ и даже буду въ немъ обѣдать.

22 іюля. Сегодня или завтра поѣду въ Пилау и затѣмъ вернусь въ Кенигсбергъ.

21 іюля, деревня Альбрехтъ близъ Кенигсберга. Копія донесенія Трепову: Имѣю честь донести Вашему Превосходительству, что, объѣхавъ почти всѣ мѣста границы Пруссіи съ Польшею, гдѣ скрываются и также проходятъ за границу наши политическіе и другіе преступники, дозналъ я отъ евреевъ и извѣстныхъ мнѣ пруссаковъ, что недавно прошелъ слухъ о проѣздѣ какого-то важнаго русскаго социалиста, и что онъ изъ Петербурга скрывается теперь въ Лейпцигъ, Гамбургъ или Франкфуртъ-на-Майнъ.

Въ виду этого обстоятельства я обратился къ хорошо знакомымъ мнѣ и извѣстностямъ германскимъ полицейскимъ, и они уже сдѣлали распоряженіе о разысканіи бѣжавшаго. На-дняхъ я буду имѣть положительный отвѣтъ, который получу въ Кенигсбергъ, по пріѣздѣ туда около *25 іюля*, къ *31 іюля* и затѣмъ вернусь въ Петербургъ 6 августа. Судя по ходу порученнаго мнѣ дѣла, надѣюсь, что если я и не задержу князя К(ропоткина), то буду имѣть точныя свѣдѣнія о мѣстѣ его нахождения. Здѣшніе полицейскіе сообщили мнѣ, что большинство нашихъ социалистовъ направились черезъ Гамбургъ въ Филадельфію, гдѣ собираются подобныя лица изъ разныхъ государствъ, для пропагандирования между пріѣхавшими въ этотъ городъ.

23 іюля, Кенигсбергъ. Покаместъ еще не имѣю никакихъ утѣшительныхъ свѣдѣній о Кропоткинѣ, да вѣрно что нибудь не такъ: ужъ не живетъ ли онъ гдѣ-либо въ Питерѣ, а Кирилловъ съ своею геніальностью и не вѣдаетъ сего. При крикѣ врядъ ли

что найдешь. Вѣришь ли: я съ ужасомъ помышляю о томъ, что опять придется мнѣ заниматься у Кириллова.

23 іюля 1876 г. Кенигсбергъ. Являлся кенигсбергскому оберъ-полицеймейстеру, и онъ, оставшись очень довольнымъ моимъ визитомъ, принялъ меня радостно и общался сдѣлать все возможное. Говоря съ Ягельскимъ, онъ сообщил мнѣ, что есть депеши изъ Дрездена, Брауншвейга, и тамъ Кропоткинъ не оказался. Изъ другихъ мѣстъ еще нѣтъ отвѣтовъ, и ихъ ждутъ не ранѣе послѣзавтра. Ягельскій, взявъ меня за руку: «хотите быть знаменитымъ для вашего отечества? Я готовъ вамъ въ этомъ помочь».

Здѣсь (по Европѣ) такая масса фальшивыхъ русскихъ денегъ, что открытіе ихъ будетъ истинное благо для Россіи, но это нельзя открыть безъ того, чтобы кто-нибудь изъ опытныхъ русскихъ не велъ этого дѣла въ Россіи совмѣстно съ иностранцами. Ягельскій проситъ меня доложить объ этомъ Трепову и что онъ, Ягельскій, дастъ русскому правительству свое благородное слово (Ehrenwort), что онъ, при моемъ съ нимъ трудѣ, откроетъ массу зла по этому дѣлу, которое уже въ ходу у нихъ, но безъ помощи честнаго русскаго чиновника не можетъ быть выяснено вполнѣ. Я просилъ его написать мнѣ офиціально объ этомъ и тогда я отдамъ рукопись Трепову; при этомъ я просилъ Ягельскаго ни слова не говорить обо мнѣ въ запискѣ. Да, видно, не изловить мнѣ Кропоткина, а можетъ быть, и въ самомъ дѣлѣ нѣтъ его за границую, и быть можетъ, преспокойно скитается по Петербургу или гдѣ въ Россіи.

Не везетъ мнѣ, что дѣлать! неудача за неудачей валить. Далѣе 28 не хочу оставаться здѣсь; уже если здѣсь въ Германіи ничего не узналъ, то врядъ ли что дальше найду, да къ тому и денегъ столь мало дали, что не на что и ѣхать-то въ другія государства. Я такъ и боюсь, что передержу все, и не съ чѣмъ будетъ вернуться домой.

Я уже израсходовалъ 151 руб., чѣмъ же далѣе-то жить?

23 іюля, 12 часовъ вечера, Кенигсбергъ. Завтра я поѣду въ Штетинъ и вернусь оттуда въ Кенигсбергъ поздно ночью или вечеромъ. Окрестныя мѣста уже всѣ провѣрены мною; еще намѣренъ объѣхать Брамбергскую сторону.

24 іюля 1876 г., Кенигсбергъ, 12 часовъ дня. Сегодня опять мнѣ сообщено радостное извѣстіе: по телеграммамъ изъ Франкфурта-а-Майнъ Кропоткинъ оказался за границею; на дняхъ онъ проѣхалъ въ этотъ городъ, и въ скорости полиція этого города общалась сообщить, гдѣ нынѣ Кропоткинъ. Получились также лично мною свѣдѣнія, что есть какіе-то трое русскихъ въ Кранцѣ или въ деревняхъ вдоль нѣмецкаго моря, а потому я поѣду сего-

дня въ Штетинъ черезъ Кранцъ, Нейкурень, Пилау и другія мѣста. Вернусь въ Кенигсбергъ не ранѣе вторника или среды. Кенигсбергская полиція снабдила меня билетами для разныхъ мѣстъ объ оказаніи мнѣ пособія, въ случаѣ я въ этомъ буду нуждаться. Итакъ дѣла мои хоть нѣсколько исправились.

26 *юля*, Neukuhren. Ъзжу и ѣзжу, а покамѣстъ еще мало толку отъ моихъ хлопотъ. Въ Кранцѣ много нашихъ эмигрантовъ, и всѣ изъ жидовъ и польскихъ крестьянъ, но не изъ тѣхъ, которыхъ мнѣ нужно. Въ Нейкурень тоже нѣтъ тѣхъ, кого я ищу, слышалъ только, что были какіе-то русскіе подозрительные. Чго-то скажетъ мнѣ Neuhaus? быть можетъ тамъ найду что, а если не найду, то вернусь въ Кенигсбергъ. Въ Штетинѣ тоже ничего не нашель. Имѣй я денегъ побольше, то конечно все бы разузналъ: за деньги чго не дѣлають, а знакомство хотя и помогаетъ, но мало, и знакомые деньги любятъ или угощеніе хорошее.

28 *юля 1876 г.*, Кенигсбергъ. Не могу малѣйшаго вѣрнаго слѣда найти, точно провалился куда Кропоткинъ. Надо думать, что нѣтъ его тутъ; вѣрнѣе, онъ въ Швейцаріи или черезъ Финляндію перебрался въ Англію. Что я ни быюсь, никакъ ничего не могу сдѣлать. Даже страхъ меня беретъ: ну, какъ я явлюсь Трепову? онъ навѣрное разругаетъ меня. Но что же дѣлать? я употреблялъ всѣ мѣры, а пруссаки, мои знакомые чиновники, всюду послали официальные секретныя бумаги и фотографіи. Стало быть, все сдѣлано, а между тѣмъ я ужасаюсь пріѣзда своего къ Трепову. Мои неудачи чистый праздникъ для Кириллова, и онъ навѣрное наскажетъ Трепову обо мнѣ. Вторая командировка, и обѣ неудачны; ну что подумаетъ Треповъ обо мнѣ? Не везетъ и не везетъ...

Завтра вечеромъ въ 8¼ часовъ я уѣду изъ Кенигсберга въ Вержболово, а 30 или 31 вечеромъ изъ Вержболова поѣду къ тебѣ, моя милѣйшая женушка. Деньги выходятъ въ конецъ, стало быть, надо возвратиться, иначе въ долгъ влѣзу, а при неудачѣ нельзя у Трепова просить о возвратѣ передержанныхъ денегъ.

28 *юля 1876 г.*, Кенигсбергъ. Пославъ къ тебѣ письмо, я отправился къ Polizei—Presidium и къ Вышемерскому. Оба они сказали, что я все сдѣлалъ, что могъ, и что Треповъ не можетъ мнѣ сдѣлать какое-либо замѣчаніе, тѣмъ болѣе, что ранѣе, 10/23 августа нельзя и знать результата моихъ дѣйствій, такъ какъ лишь къ этому времени послѣдуютъ отвѣты на секретныя бумаги Кенигсбергскаго оберъ-полицеймейстера, пославшаго такъ-выя въ 32 города и въ Швейцарію, съ командированіемъ туда особаго благонадежнаго полицейскаго чиновника. За фотографіи и за почтовые издержки я заплатилъ 33 марки, т.-е. болѣе 13 рублей. Быть можетъ, и будетъ какой-либо успѣхъ.

29 іюля 1876 г., Кенигсбергъ. Сегодня вечеромъ, если почта не измѣнится, поѣду въ Вержболово. Polizei-Præsidium сегодня объявилъ мнѣ, что большинство нѣмецкой полиціи (изъ разныхъ городовъ) сообщило ему, что Кропоткинъ вовсе не пріѣзжалъ въ Германію, и если гдѣ укрывается, такъ это въ Англію, куда онъ перебрался вѣроятно черезъ Швецію или пароходомъ, шедшимъ изъ Финляндіи въ Штетинъ, а оттуда въ Англію.

Итакъ, мнѣ дѣлать больше нечего: съ чѣмъ пріѣхалъ, съ тѣмъ и уѣду. Сегодня я простился съ Вышемерскимъ и уѣду въ Вержболово, откуда вѣроятно завтра вечеромъ поѣду къ тебѣ, моя милая, а Трепову явлюсь во вторникъ на будущей недѣлѣ.

Донесеніе Трепову: Обѣхавъ со стороны Пруссіи приграничныя мѣстности Польши и Ковенской губерніи, а также прибрежныя мѣстности Пруссіи отъ Мемеля до Штетина и часть Выборгской губерніи (въ Финляндіи), оказалось, что въ Финляндіи вовсе не имѣется мѣстности, называемой «Бѣлая Кирка», въ которую будто бы бѣжалъ и тамъ укрывается князь Петръ Кропоткинъ. Изъ дознанія выяснилось, что на границѣ Финляндіи, около станціи желѣзной дороги «Бѣлоостровъ», на рѣчкѣ Сестрѣ, имѣется дача наслѣдниковъ полковника Филимонова, и въ ней по объясненію багажного означенной станціи, финляндца Нюстрема, часто бываетъ и даже живетъ по временамъ г-жа Савостьянова (родная сестра бѣжавшаго Кропоткина), а также бывалъ и тотъ, который изображенъ на предъявленной мною ему фотографической карточкѣ (я ему, Нюстрему, показывалъ фотографію Кропоткина). Кромѣ сего дознано мною, что въ 6 верстахъ отъ деревни Новая-Кирка, на берегу озера Рискале и въ 16 верстахъ отъ станціи желѣзной дороги «Новая Кирка», живетъ четвертый годъ на собственной мызѣ отставной подполковникъ Лавровъ, женатый на другой сестрѣ Кропоткина. Этотъ Лавровъ часто бываетъ въ отставной военной формѣ и въ день побѣга Кропоткина былъ въ Петербургѣ, откуда вернулся въ тотъ же день на мызу вечернимъ поѣздомъ Финляндской желѣзной дороги. Лавровъ чрезвычайно вспыльчивъ, прислугу свою мѣняетъ безпрерывно, скрытничаетъ отъ нея, и отъ этого черезъ прислугу его невозможно дознать, былъ ли у него на мызѣ по побѣгѣ князь Кропоткинъ, нѣкоторые же изъ финляндцевъ, по предъявленіи имъ фотографіи Кропоткина, увѣряютъ, что именно такое самое лицо 30 іюня поздно вечеромъ проѣзжало по желѣзной дорогѣ черезъ станцію «Новая Кирка» съ поѣздомъ, шедшимъ въ Гельсингфорсъ. Въ этой мѣстности извѣстно о побѣгѣ Кропоткина, и ходитъ молва, что онъ бѣжалъ черезъ Гельсингфорсъ въ Швецію и затѣмъ направился въ Англію или Америку.

Въ Германіи, при особомъ содѣйствіи мнѣ полицей-президента (оберъ полицеймейстера), г. Кенигсберга г. Девенсъ, Гумбленскаго губернатора графа Весларпъ, начальника кенигсбергской сыскной полиціи г. Ягельскаго, русскаго консула г. Вышемерскаго и статсъ-анвальдта (прокурора) г. Хевтъ, положительно дознано, что князь Кропоткинъ по сіе время не появлялся ни въ одной изъ мѣстностей всей Германіи, и о розысканіи его сообщено секретно, съ приложеніемъ фотографіи, во всѣ главныя германскія полицейскія управленія. О побѣгѣ Кропоткина извѣстно за границу уже давно, и объ этомъ въ первыхъ числахъ іюля было напечатано почти во всѣхъ иностранныхъ газетахъ.

Въ Швейцаріи производитъ розыскъ одинъ изъ мнѣ знакомыхъ полицейскихъ г. Кенигсберга, отправившійся туда недавно, и покаместъ я еще не имѣю отъ него свѣдѣній о результатѣ розыска. Сообщенныя мнѣ свѣдѣнія пруссаками и евреями, живущими около польскаго граничнаго города Райгрода, о томъ, что будто бы въ недавнее время около Вержболова тайно пробрался за границу бѣжавшій изъ Петербурга важный преступникъ, я провѣрялъ и дозналъ, что эта личность называется Фарберъ, участникъ въ воровствѣ купоновъ, пропавшихъ изъ нашего Государственнаго Банка.

Онъ уже задержанъ и находится нынѣ арестованнымъ въ г. Кенигсбергѣ впредь до тѣхъ поръ, пока не получитъ отъ С.-Петербургскаго прокурора обвинительный актъ, и затѣмъ онъ будетъ переданъ намъ. Въ преступленіи своемъ онъ сознался и указалъ сообщника своего Яфору, который тоже арестованъ и преданъ судебной отвѣтственности. Яфора бывшій нашъ подданный, но какъ онъ бѣжалъ отъ насъ въ давнее время, то онъ уже натурализованъ и считается нынѣ прусскимъ подданнымъ.

Вышеозначенный отставной подполковникъ Лавровъ, со дня побѣга Кропоткина, уже три раза ѣздилъ съ своей мызы въ Петербургъ и послѣдній разъ вернулся изъ него 31 минувшаго іюля. Производя по Финляндіи секретный сборъ свѣдѣній о Кропоткинѣ, я повстрѣчалъ тамъ агента III Отдѣленія Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи, назвавшего себя г. Смирновымъ. Агентъ этотъ уже третій разъ здѣсь и ничего не раскрылъ; нынѣ онъ дознаетъ, не живетъ ли при Лавровѣ жена и не есть ли она та самая, которая была у Кропоткина въ день его побѣга. Лавровъ уже 10 лѣтъ, какъ разошелся съ женой, и она никогда не бывала на мызѣ ея мужа. Лавровъ живетъ съ другою женщиною и имѣетъ отъ нея нѣсколько маленькихъ дѣтей. Въ настоящее время у Лаврова живетъ законная 16 или

17-лѣтняя дочь его, воспитывающаяся въ институтѣ; она пріѣхала къ нему на вакаціонное время отъ ея матери.

Поиски Кропоткина III Отдѣленіемъ за границую покажеться не привели ни къ какимъ результатамъ. Если Лавровъ будетъ обстоятельно допрошенъ, то, несомнѣнно, онъ укажетъ, гдѣ нынѣ находится Кропоткинъ, и мнѣ кажется, что вызовъ его въ С.-Петербургъ совершенно необходимъ теперь же. Г. Лавровъ уже запродастъ свою мызу и, быть можетъ, по продажѣ имущества тоже уѣдетъ за границу.

По слухамъ, социалисты всѣхъ государствъ собрались нынѣ въ Филадельфію для обсужденія какихъ-то вопросовъ, а потому Кропоткинъ навѣрное нынѣ находится въ Америкѣ; съ наступленіемъ же осени вѣроятно прибудетъ въ Швейцарію, гдѣ, какъ говорятъ, въ ноябрѣ будетъ тоже съѣздъ социалистовъ въ Женевѣ, Цюрихѣ или какомъ-либо другомъ изъ тамошнихъ городовъ.

Докладъ представленъ лично мною ген. Трепову 6 августа. По этой командировкѣ перерасходовано мною изъ моей собственности 123 руб. 50 коп.

Телеграмма и объявленіе о розыскѣ Кропоткина въ Германію.

Телеграмма.

Прошу произвести разслѣдованіе и немедленно извѣстить телеграммой о томъ, находится-ли тамъ, или, если находился, то когда, социалистъ князь Петръ Кропоткинъ. Возрастъ около 40 лѣтъ, средняго роста, темные, длинные волосы, очень высокій лобъ, небольшія руки и ноги, элегантная походка, вѣроятно бросающаяся въ глаза длинная, темная борода, нѣсколько злые глаза и очки въ золотой оправѣ.

Около 12 іюля бѣжалъ изъ Петербурга.

К(енигсбергъ), 2 августа 1876 г.

Объявленіе.

Здѣсь желаютъ знать, находится-ли тамъ, и если находился, то когда, князь Петръ Кропоткинъ; его фотографія при семъ прилагается.

Возрастъ около 40 лѣтъ, средняго роста, длинные, темные волосы, очень высокій лобъ, небольшія руки и ноги, элегантная походка, вѣроятно бросающаяся въ глаза длинная, темная борода, нѣсколько злые глаза и очки въ золотой оправѣ.

Около 12-го ч. того мѣсяца бѣжалъ изъ Петербурга.

.....Покорнѣйше просятъ произвести разслѣдованіе и дать возможно скорый отвѣтъ.

К(енигсбергъ), 5 августа 1876 г.

Изъ официальной бумаги, сегодня Вамъ препровождаемой, Вы благосклонно усмотрите, что Кропоткинъ, прибывъ изъ Гёттингена тотчасъ послѣ Мемельской ярмарки, которая продолжалась съ 5 по 12 іюля, проживалъ въ Мемелѣ вмѣстѣ съ Azothiker'омъ и Schoenberg'омъ. Затѣмъ, должно быть, вмѣстѣ съ Schoenberg'омъ вновь уѣхалъ въ Гёттингенъ. Если только мнѣ это не кажется, а дѣйствительно должно считать донесенія Мемельскаго полицейскаго управленія безусловно точными, тогда я едва-ли могу думать, что Кропоткинъ возвратился въ Россію, а не воспользовался представившимся случаемъ и не продолжилъ свой путь на пароходѣ. Необходимо, чтобы независимо отъ предпринятыхъ, главнымъ образомъ Вами, розысковъ, начиная отъ Гёттингена и до русской границы, былъ введенъ особенный надзоръ и въ нашихъ пограничныхъ мѣстностяхъ. Насколько было возможно, это требованіе уже исполнено, а при случаѣ будетъ развито и дальше. Вы же будьте такъ любезны поставить меня въ извѣстность на случай появленія Вашихъ особыхъ распоряженій. Также хотѣлось бы мнѣ, сверхъ всего, предоставить возможность ввести надзоръ и на дипломатическомъ пути.

Впрочемъ, мнѣ кажется едва ли допустимымъ, чтобы Кропоткинъ проживалъ или впредь будетъ проживать долгое время въ одной и той же мѣстности Пруссіи. Во всякомъ случаѣ разслѣдованія здѣсь будутъ продолжаться непрерывно.

Ягельскій, Совѣтникъ полиціи.

Кенигсбергъ, 17 августа 1876 г.

Русское общество конца XVIII в. по мемуарамъ Массона¹⁾.

1. Какая революція возможна въ Россіи.

Если французской революціи суждено обойти весь міръ, несомнѣнно, Россію она посѣтитъ послѣ всѣхъ. Французскій Геркулесъ какъ разъ на границѣ этой обширной имперіи поставитъ двѣ колонны съ надписью: *Non plus ultra*, и надолго остановится тутъ свобода, читая надпись, скрывающую невѣдомый ей міръ...

Я вовсе, не хочу сказать, что въ Россіи нѣтъ ни просвѣщенія, ни стремленія къ истинѣ, но тамъ всѣ просвѣщенные, вкусившіе истины люди, осторожнѣй Фонтенеля²⁾, они стараются скрывать, а никакъ не распространять свои познанія. Объясняется же это тѣмъ, что для самихъ просвѣщенныхъ выгодно покровительствовать невѣжеству и доказывать цѣлесообразность рабства и тираніи. Въ Россіи до тѣхъ поръ не вспыхнетъ стихійная революція, пока тамъ не образуется многочисленный просвѣщенный классъ, страдающій за угнетенный рабствомъ народъ.

¹⁾ См. «Гол. Мин». №№ 4, 5—6, 7—8, 10, 12 за 1916 г.

Мы не считаемъ нужнымъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ оговаривать нѣкоторыя неточности въ разсказѣ Массона. Напр., при изложеніи правительственныхъ указовъ или передачъ придворныхъ слуховъ—въ послѣднемъ случаѣ слухи такъ же характерны, какъ и факты. Въ общемъ правдивыя воспоминанія Массона несомнѣнно нѣсколько ступаютъ раски въ передачѣ современной имъ столь переполненной русской дѣйствительности. *Ред.*

²⁾ Онъ гдѣ-то говоритъ: Если бы въ рукѣ моей были зажаты истины, я не разжалъ бы ее. *Авт.*

Если же возможно ускорить ее, то это сдѣлаетъ указъ Павла, только что изданный имъ *отъ большого ума*. Указомъ этимъ онъ уничтожилъ право получать дворянство за военныя и гражданскія должности и такимъ образомъ создалъ настоящее Третье Сословіе (*Tiers Etat*), котораго совѣмъ не было въ Россіи, потому что нельзя считать сословіемъ нѣсколько купцовъ изъ вольноотпущенныхъ и нѣсколько иностранцевъ-ремесленниковъ: до сихъ поръ въ Россіи были только крѣпостные и дворяне. Всякій, у кого былъ какой-нибудь военный или гражданскій чинъ, т.-е. тотъ, кто имѣлъ немного денегъ и былъ слегка образованъ, получалъ дворянство или всѣ его привилегіи и спѣшилъ воспринять духъ и предрасудки этого сословія; но какъ только эта просвѣщенная часть націи лишится своей доли въ почестяхъ и преимуществахъ тирана, въ злоупотребленіяхъ правительства и униженіи народа, она сейчасъ же обратится къ свободѣ. Бездушный деспотизмъ самъ создаетъ себѣ враговъ и рсетъ яму. Теперь, наконецъ, заполнено то огромное пространство, которымъ онъ отдѣлилъ раба или крестьянина отъ свободного или дворянина. Третье сословіе воспрянетъ, какъ великанъ: могучей рукой онъ подыметъ раба, а другой сразитъ дворянство—не пройдетъ и ста лѣтъ, какъ онъ ихъ уже уравниетъ.¹⁾

Другой шагъ императора, по принципу тоже *московскій*, а по результатамъ столь же удачный—это указъ объ уничтоженіи всѣхъ типографій имперіи: оставлено было только три для отпечатки *указовъ*, церковныхъ книгъ и книгъ, выдержавшихъ тройную цензуру представителей правительства, просвѣщенія и святой православной церкви ¹⁾. Желая подавить просвѣщеніе и науки, онъ оказалъ имъ величайшую услугу, какую только возможно. Съ момента, когда науки начинаютъ пользоваться свободой печати, лучшее, что можно для нихъ сдѣлать—уничтожить эту свободу. Всѣ книги, способствовавшія революціи нашего вѣка, имѣются въ Россіи и даже въ большомъ количествѣ; а то, что еще проскользнетъ туда, хотя бы изъ Вѣны, несомнѣнно окажется лучше всего, разрѣшеннаго тамъ къ печати ²⁾.

¹⁾ Съ тѣхъ поръ онъ пошелъ еще дальше въ вопросѣ уничтоженія книгъ: онъ загребилъ ввозъ даже иностранныхъ каталоговъ и повелѣлъ книгоиздателямъ на книгахъ, выдержавшихъ тройную цензуру, обозначать: *по разрѣшенію императора*, вмѣсто употреблявшагося раньше выраженія: *съ государственнаго дозволенія* (*liberté imperiale*). *Авт.*

²⁾ Вотъ образецъ строгости русской цензуры еще до утробенія ея Павломъ. При Екатеринѣ книги, выходявшія въ Петербургѣ на иностранныхъ языкахъ, цензуровалъ полицейскій чинъ, прозванный *Le gendarme*. Изъ одного поэтическаго произведенія, гдѣ рѣчь шла о любви, онъ вычеркнулъ слова: *этотъ хитрый богъ*, отмѣтивъ, что неприлично лавать богу такой эпитетъ. Онъ все же разрѣшилъ автору замѣнить его

Итакъ, повторяю, Павелъ оказалъ большое благодѣяніе и наукамъ, и свободѣ. Да простятся ему его намѣренія во имя результатовъ.

Но Россія еще очень далека отъ того, чтобы сумѣть использовать эти благодѣянія, и напрасно деспотизмъ въ своемъ глупомъ предвидѣніи, стремясь отдалить опасность, только навлекаетъ ее...

Подъ вліяніемъ отчаянія будутъ еще время отъ времени, какъ и раньше, вспыхивать мѣстные крестьянскіе мятежи противъ господъ, но общая революція въ Россіи—химера. Россія слишкомъ обширна, слишкомъ мало населена, чтобы подняться всей громадой, да и громада эта, растянутая и тонкая, была бы быстро прорвана. Желкія мѣстечки съ населеніемъ въ нѣсколько тысячъ обычно отстоятъ другъ отъ друга на пятьдесятъ французскихъ миль (200 верстъ), и сообщаются между собою только черезъ разбросанныя среди лѣсовъ деревни. Разстояніе же между деревнями не меньше шести-семи миль, и почти въ каждой изъ нихъ имѣется свой собственный маленькій тиранъ. Можетъ ли такой разсѣянный народъ когда-либо сплотиться въ одно цѣлое? Для полного избіенія населенія цѣлой губерніи хватило бы одного Фанагорійскаго полка ¹⁾ подъ командой Суворова.

Кромѣ естественныхъ препятствій, которыя *московскій духъ* (moscovitisme) долго еще будетъ выдвигать противъ всякихъ нововведеній, навѣянныхъ французской революціей, онъ получаетъ еще постоянную поддержку изъ-за границы. Невѣжество, варварство, суевѣрія и всякія предрасудки, преслѣдуемые въ Европѣ, находятъ здѣсь теперь постоянное пристанище. Люди, пропитанные всѣмъ этимъ, лучше всего принимаются въ Россіи, тамъ они снова находятъ свою родину, но въ младенческомъ состояніи золотого вѣка феодализма. Они приходятъ въ восхищеніе и чувствуютъ себя даже слишкомъ просвѣщенными и передовыми въ столь счастливой странѣ: боясь показаться опасными, они съ наслажденіемъ погружаются въ невѣжество и варварство, среди которыхъ и сами родились... Немного просвѣщенный и чувствующій человѣкъ, попавъ въ русскій климатъ, начинаетъ

словомъ *шутникъ*. Въ другой разъ онъ вычеркнулъ изъ оды въ честь Екатерины строфу со слѣдующими стихами:

Всюду громъ гремитъ, мечъ заостряется; царь съ трона свергается, и скипетръ его разбивается.

(Partout la foudre gronde et le glaive s'aiguise;

Un roi tombe du trône, et son sceptre se brise).

Онъ увидѣлъ тутъ намекъ на подготовку войны 1790 г. и на начало революцій. А предвидѣть тогда паденіе Людовика XVI было политическимъ богохульствомъ... *Авт.*

¹⁾ Полкъ, прославившійся въ послѣднихъ войнахъ; шефомъ его былъ Суворовъ. *Авт.*

замѣчать, какъ постепенно въ сердцѣ его все меркнетъ; а если деспотъ купить его душу, подаривъ ему нѣсколько сотъ крѣпостныхъ, онъ начинаетъ считать рабство вполне справедливымъ и видѣть свое счастье въ томъ, что и онъ сталъ однимъ изъ рабовъ...

Однако жъ среди русской знати и даже при дворѣ есть гордые, великодушныя личности; не будучи послѣдователями системы равенства и свободы они все же возмущаются тѣмъ позорнымъ самоотреченьемъ, которое отъ нихъ требуется. Деспотизмъ пригоденъ только варварамъ, а русское дворянство уже вышло изъ этого состоянія. По мѣрѣ того, какъ нравы смягчаются, деспотизмъ долженъ бы былъ переходить къ менѣе возмутительнымъ формамъ, онъ же, напротивъ, все больше ожесточается и гнетъ его становится все смѣшнѣе и гнуснѣе: онъ силится вернуться къ варварству, когда народы приближаются къ цивилизаціи...

Можетъ ли молодой человѣкъ, полный лучшихъ порывовъ, не чувствовать глубокаго униженія, когда его ежеминутно заставляютъ преклонять колѣни и цѣловать руку не отца, не благодѣтеля, а того, кто не внушаетъ ему никакой любви, уваженія или благодарности, того, къ кому въ глубинѣ души онъ чувствуетъ, можетъ быть, презрѣніе? А когда изъявленію вѣрно-подданническихъ чувствъ наносится еще съ невѣроятнымъ безстыдствомъ оскорбленіе смѣшными мелочами и притворствомъ, — не станетъ ли все это въ концѣ-концовъ невыносимо? ¹⁾..

Хотя знать и привыкла падать ницъ передъ деспотомъ, вымѣщая униженіе это на рабахъ своихъ, но все же она просвѣщена и продолжаетъ просвѣщаться. Конечно, развращенность замѣнила у нея цивилизацію, но и тысячелѣтнее рабство и тиранія не смогли вытравить изъ нея нѣкоторыхъ достоинствъ. Знать эта, вполне заслуживая менѣе варварскаго правительства, захочетъ имѣть законы, начертанные не въ однихъ тронутыхъ мозгахъ своихъ самодержцевъ. Она начинаетъ тяготиться своими унижительными цѣпями, и въ одинъ прекрасный день разобьетъ ихъ, а вслѣдъ за тѣмъ облегчитъ и цѣпи рабовъ своихъ. Она выполнитъ то, къ чему стремилась благородная Польша, чтобы стереть со лба человечества давнишнее клеймо и очиститься отъ преступленія, соучастницей котораго ее сдѣлали самодержцы. Можетъ быть,

¹⁾ Я видѣлъ, какъ Павелъ на вахтпарадѣ, когда колѣнопреклоненный офицеръ ожидалъ руки его для поцѣлуя, медленно вынулъ изъ кармана платокъ, высморкался, вытеръ лобъ, обернулся взглянуть на солдатъ, медленно сложилъ и спряталъ платокъ и тогда только протянулъ свою августѣйшую руку все еще колѣнопреклоненному офицеру, намѣренно заставивъ его простоять такъ лишнихъ пять минутъ. Офицеръ этотъ былъ швейцарецъ. *Авт.*

время это и не такъ далеко. Многія молодыя головы питаются примѣрами древности, тайно размышляютъ надъ прекраснымъ Жанъ Жакомъ, и, забывшись на мигъ въ исторіи народовъ, съ ужасомъ обращаютъ взоры на исторію своей родины и на самихъ себя...

Когда я указываю въ Россіи на знать, какъ на единственное сословіе, на которое свобода можетъ прежде всего опереться, я вовсе не подразумѣваю подъ ней ту презрѣнную толпу, которая слѣдуетъ за дворомъ, какъ стая мерзкихъ вороновъ за лагеремъ въ надеждѣ поживиться трупами. Толпа эта вездѣ низка, и лакеи-выскочки въ ней еще ниже прирожденныхъ придворныхъ. Не тронъ, алтарь или священная особа деспота, привязываетъ ихъ, а самая гнусная подлость: человѣкъ, пользующійся властью, для нихъ богъ, и ему они поклоняются. У всѣхъ на глазахъ они ползали то передъ однимъ, то передъ другимъ фаворитомъ, какъ ползаетъ гусеница отъ листа къ листу, истачивая ихъ и оставляя на нихъ только свои экскременты. И среди всѣхъ этихъ подлецовъ, благоговѣнно лгущихъ нынѣ руки Павла, нѣтъ, быть можетъ, ни одного, который нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ не отрѣзалъ бы эту самую руку по приказу Потемкина. Отъ такихъ подлецовъ только и можно ждать интригъ и дворцовыхъ переворотовъ, столь обычныхъ въ Россіи и содѣйствующихъ только продленію варварства и нищеты. Но нѣкоторые именитыя семьи, куда проникло просвѣщеніе, какъ чужестранецъ подъ гостепріимную кровлю,¹⁾ нѣкоторые мужественные, талантливые, честолюбивые молодые люди, можетъ быть, и воспользуются счастливыми условіями, въ родѣ только что упущенныхъ, чтобы, въ ожиданіи лучшаго, по крайней мѣрѣ измѣнить самодержавныя формы управленія, возвести на тронъ хорошаго государя, придать сенату или какому-нибудь совѣту большее значеніе и тѣмъ возвысить его надъ лакеями и ограничить хоть сколько-нибудь безграничныя теперь злоупотребленія. То, что Долгорукіе могли осуществить полвѣка тому назадъ, другіе сумѣютъ теперь лучше провести²⁾....

¹⁾ У многихъ изъ этихъ семей больше двадцати тысячъ имѣстностей, города, пушки, огромныя богатства и, главное, родственныя генералы и цѣлыя полковы. Это больше, чѣмъ нужно. Одна битва рѣшила бы дѣло въ ихъ пользу. *Авт.*

²⁾ Семьи Долгорукихъ, Голицыныхъ, Салтыковыхъ и др. много сдѣлали для Россіи. Онѣ главнымъ образомъ, сгержли гелостоиную тиранію Меншикова, Бирона, отъ же, послѣ смерти Петра II, хотѣли ограничить самодержавіе. Теперь случай повторяется и при болѣе благоприятныхъ условіяхъ, чѣмъ когда-либо. Пачель послѣдетъ армію сражаться за семьсотъ миль. Какой подходящій моментъ для добрыхъ Россіянъ? *Авт.*

2. Національный характеръ.

Говорятъ, что у русскихъ нѣтъ своего характера, что его замѣняетъ умѣніе прекрасно усваивать характеръ другихъ націй. Если при этомъ подразумѣвается только высшій классъ, то это вѣрно, но то же можно въ равной мѣрѣ сказать и о всѣхъ полуобразованныхъ народахъ и даже о жителяхъ всѣхъ большихъ городовъ, нравы которыхъ столь же сходны между собой, какъ внѣшній видъ этихъ городовъ,—вѣдь и учрежденія, и пищу они получаютъ изъ однихъ источниковъ, а раса ихъ смѣшана и образъ жизни одинаковъ.

За границей можно встрѣтить только русскаго дворянина, на родинѣ только его и можно хорошо узнать,—и онъ, дѣйствительно, обладаетъ большими способностями сливаться во мнѣніяхъ, нравахъ, манерахъ и языкѣ съ другими націями. Онъ будетъ фриволютъ, какъ прежній французскій птимеръ, будетъ сходить съ ума отъ музыки, какъ итальянецъ, будетъ разсудителенъ, какъ нѣмецъ, своеобразенъ, какъ англичанинъ, низокъ, какъ рабъ и гордъ, какъ республиканецъ. Вкусы и характеръ онъ будетъ мѣнять такъ же легко, какъ моды, и, несомнѣнно, эта физическая и умственная гибкость—его отличительная черта.

Русскій крестьянинъ, лишенный собственности, религій, моральныхъ основъ и чести, гостепріименъ, человѣченъ, услужливъ, веселъ, честенъ и мужественъ; чѣмъ дальше отъ городовъ, тѣмъ онъ добрѣе; самый дикій всегда лучше всѣхъ—чѣмъ дальше отъ тирана, тѣмъ больше хорошаго. Однимъ словомъ, онъ отъ природы одаренъ всѣми достоинствами, напоминающими патріархальные нравы, пороки же его порождены рабствомъ. Остатки варварства въ наиболѣе просвѣщенной части общества служатъ этому отвратительнымъ контрастомъ. Варварство выражается въ грубости нравовъ, въ оскорбительномъ презрѣніи къ людямъ вообще, въ пренебреженіи къ низшимъ и рабскомъ страхѣ передъ высшими, въ равнодушіи ко всякому усовершенствованію, въ незнаніи соціальныхъ отношеній, въ наглой надменности, низости, непристойности, отсутствіи общественности и патріотизма, а главное въ отсутствіи той чести, которая подчасъ замѣняетъ честность и даже добродѣтель. Полуобразованный русскій самый презрѣнный человѣкъ; онъ ползетъ, какъ червь, онъ пресмыкается; въ немъ больше рабства, чѣмъ деспотизма въ его правительствѣ: его хозяинъ неизбежно становится тираномъ.

Такому полуварвару особенно пристало ремесло вельможи, потому что онъ равно жестокъ, завистливъ, подлъ и хитеръ; но, говоря о Россіи, ошибочно было бы связывать со словомъ

вельможа представленье учтивости, изящества, тонкости ума, съ которыми оно связано въ другихъ странахъ. Въ Россіи, при дворѣ и особенно у сановниковъ, часто преуспѣваетъ самый наглый и безчестный, именно тотъ, кто готовъ подставить спину лягушечьему царю (чурбану), не валяющемуся въ болотѣ, а извлеченному оттуда могучей дланью Петра I. Человѣкъ здраво-мыслящій, съ благородной душой и развитымъ умомъ не понравится при дворѣ и, если происхожденіе или обстоятельства привяжутъ его тамъ, къ нему будутъ относиться съ опаской и лишатъ милостей, какъ только распознаютъ. Русскіе вообще любятъ учиться и уважаютъ иностранцевъ, которыхъ не видятъ только совершенно необразованные, да завистливо соперничающіе съ ними...

Въ русскомъ солдатѣ, несмотря на его варварство и скотство, сохранилось много достоинствъ, которыя часто обнаруживаются среди всѣхъ его буйствъ. Бывали случаи, когда молодые люди на колѣняхъ умоляли вербовщиковъ взять ихъ, вмѣсто ихъ семейныхъ братьевъ ¹⁾. Поступки эти никакъ нельзя сравнивать съ самоотверженностью французъ, вызвавшагося замѣнить родственника: онъ жертвовалъ только восьмью годами свободы, а русскій жертвуетъ всею жизнью. Оторванный отъ своей избы и близкихъ онъ состарится подъ игомъ самой жестокой дисциплины или падетъ отъ вражеской шпаги. Если онъ женатъ, хозяинъ тотчасъ послѣ его ухода можетъ отдать его жену за другого ²⁾, если у него есть дѣти, онъ никогда ихъ больше не увидитъ ³⁾.

¹⁾ Я принялъ участіе въ одномъ молодомъ человѣкѣ, который пришелъ за двѣсти миль умолять, чтобы его взяли вмѣсто брата, у котораго была многочисленная семья. Я говорилъ о немъ съ военнымъ министромъ, рассказалъ ему подробно о самоотверженіи, которымъ молодой человѣкъ, по-моему, заслужилъ свободу и брату и себѣ. Можетъ быть, я бы и добился своего, но бывшій тутъ же родственникъ министра воскликнулъ: «Тогда пришлось бы отпустить всѣхъ солдатъ, я тысячу разъ присутствовалъ при случаяхъ, подобныхъ удивившему васъ». Я смутился и не зналъ, чему больше удивляться ли душѣ русскихъ рабовъ или черствости вельможъ. Говорившій пострадалъ отъ Пугачева, онъ былъ посаженъ въ мѣшокъ и его готовились бросить въ рѣку, когда подоспѣвшій отрядъ освободилъ его.

Авт.

²⁾ Несмотря на запрещеніе это часто практикуется хозяевами, чтобы не терять доходовъ, иначе имъ пришлось бы кормить оставшуюся жену и дѣтей; выдавъ же ее замужъ, хозяинъ получаетъ прежнія подати съ преемника ея мужа, который кромѣ того обрабатываетъ тѣ же поля. Часто баринъ выдаетъ здоровую двадцатилѣтнюю дѣвушку за десяти-двѣнадцатилѣтняго ребенка, чтобы создать новый дворъ. Иногда отецъ, сыновья у котораго еще не подросли, изнемогая отъ работы, проситъ въ жены одному изъ сыновей сильную дѣвушку, и въ ожиданіи, пока сынъ подрастетъ, свекоръ самъ живетъ съ ней. Такія ненормальности обычны въ деревнѣ. *Авт.*

³⁾ Солдаты никогда не получаютъ ни отпуска, ни отставки. Въ одномъ изъ указовъ Екатерина общала имъ свободу послѣ двадцатипятилѣтней службы, но указъ этотъ не исполняется. *Авт.*

Для семьи онъ потерянь, мертвъ; самъ же онъ становится убійцей и, наконецъ, доходить до того, что привязывается къ своему ремеслу.

Онъ начинаетъ обнаруживать мужество и вѣрность своимъ генераламъ; чувства эти замѣняютъ ему патриотизмъ ¹⁾. Такъ хорошо выдрессированная собака изъ послушанія проявляетъ мужество льва, защищающаго свою жизнь или свободу. Храбростью, природной веселостью, ухватками и чистоплотностью русскій солдатъ ближе всѣхъ къ французскому. Нѣкоторые полки вотъ уже шестьдесятъ лѣтъ находятся въ непрерывномъ соприкосновеніи съ непріателемъ; постоянныя войны закалили русскихъ, но Очаковская, Измаильская и Пражская рѣзня, отъ которыхъ до сихъ поръ содрагается Европа, и опустошеніе несчастной Польши придали ихъ заслугамъ самый жестокой и варварскій характеръ; впрочемъ таковъ характеръ ихъ генераловъ и, пожалуй, даже скорѣй характеръ Екатерины, всегда поощрявшей ихъ. Она издѣвалась надъ *святой человѣчностью* медлившаго въ Литвѣ Репнина, палачъ же Суворовъ сдѣлался ея героемъ. Но все же...мы видимъ Репниныхъ, Голицыныхъ, Буксгевденовъ, Ферзеновъ, молодого Толстого и рядъ старшихъ офицеровъ, человѣчность и даже учтивость которыхъ прямо противоположны варварству ихъ товарищей. Русскіе, столь ожесточившіеся при Екатеринѣ, не были такими при кроткой Елизаветѣ. Въ Пруссіи объ нихъ до сихъ поръ сохранилась добрая память: населеніе признательно имъ за ихъ поведеніе и дисциплину въ теченіе двухъ лѣтъ. Ясно, что вся нація не отвѣтственна за эти войны. Русскій человѣкъ—рабъ; онъ слѣдуетъ внушенію, онъ то, чѣмъ его хотятъ сдѣлать ²⁾. Только нерегулярные казацы,

¹⁾ При осадѣ Очакова одинъ пикетъ, шедшій на передовой постъ, встрѣтилъ траншейнаго офицера. «Турки сдѣлали вылазку, сказалъ онъ имъ, они уже заняли назначенный вамъ постъ, вернитесь, а то всѣхъ васъ перерѣжутъ».—«Это насъ не касается, отвѣтилъ одинъ изъ солдатъ, за насъ отвѣчаетъ князь Долгорукин». Несмотря на уговоръ офицера, они пошли и не вернулись. При попыткѣ турокъ атаковать Кимбургъ, пьяный Суворовъ вышелъ во главѣ гарнизона, чтобы дать врагу отпоръ. Но при первомъ столкновеніи русскіе отступили, и многіе пустились уже въ бѣгство. Одинъ изъ солдатъ, возмущенный этимъ, штыкомъ остановилъ бѣгущихъ, заставилъ вернуться въ бой, и самъ, какъ офицеръ, побѣлъ ихъ въ атаку. Узнавъ объ этой причинѣ первой побѣды въ послѣднюю войну, Екатерина пожелала произвести солдата въ офицеры. Но онъ отказался, говоря, что не умѣетъ писать и предпочитаетъ быть хорошимъ солдатомъ, чѣмъ плохимъ офицеромъ. Императрица послала ему золотую медаль и назначила пенсію въ триста рублей. *Авт.*

²⁾ Во время ужасной Брестской битвы, проложившей Суворову дорогу къ Варшавѣ, послѣдній обратился къ своимъ солдатамъ со слѣдующими словами: «Товарищи и братья! наша добрая мать повелѣла мнѣ перерѣзать всѣхъ поляковъ: перерѣжемъ же ихъ». Цѣлый день русская армія рѣзала бѣглецовъ и плѣнныхъ, а Суворовъ, во главѣ казаковъ, кричалъ вслѣдъ тѣмъ, кого не могли схватить: «Бѣгите, бѣгите и скажите, что идетъ

башкирскіе, киргизскіе и калмыцкіе легкіе полки являются недисциплинированными варварами.

Генію Екатерины нужна была такая молодая податливая нація, о которой она можетъ сказать то же, что Лафонтеновскій ваятель говорилъ о своей мраморной глыбѣ: «Что выйдетъ изъ нея? богъ, стоѣль или лоханка?» Екатерина не могла сдѣлать изъ русскаго—бога, но человѣка—несомнѣнно; ея величайшее преступленіе, что не въ этомъ она полагала славу свою:—она сдѣлала изъ него себѣ лоханку. Вытерпѣвъ царствованіе Екатерины и ея двѣнадцати фаворитовъ, русскій народъ доказалъ, что онъ самый униженный изъ народовъ, если же онъ вынесетъ до конца тиранію Павла, онъ окажется и самымъ подлымъ изъ всѣхъ....

3. Религія.

... Кромѣ пятидесяти двухъ воскресеній русскіе праздновали еще шестьдесятъ три праздника, изъ которыхъ двадцать пять были посвящены особому культу богини Екатерины и ея семьи. При дворѣ это были дни Те Деум или вѣрнѣе Те Деам, дни пышныхъ баловъ, дни милостей и пировъ; въ городахъ—дни безпутства и пьянства. Въ деревняхъ дни эти могли бы быть отдыхомъ для несчастныхъ, но, если послѣ обѣдни хозяева не гнали ихъ на обычную барщину, они пользовались свободными минутами, чтобы на-спѣхъ убрать поля свои; въ этомъ отношеніи такіе праздники были для нихъ благодѣяніемъ. Пять праздниковъ было въ честь самой Екатерины: первый—ея рожденіе 21-го апрѣля стараго стиля; второй—восшествіе на престолъ 28-го іюня; третій—коронація 22-го сентября; четвертый—оспопрививаніе 21-го ноября, и пятый—именины 24-го ноября. Въ эти торжественные дни каждый генералъ старался пріятнѣйшимъ для нея образомъ выразить свое уваженіе и послать ей *кровавый букетъ*, я разумѣю извѣстіе объ избіеніи. Передъ этими праздниками непріятелю приходилось быть особенно на сторожѣ—тутъ на него обычно нападали.

Священники въ Россіи въ большемъ презрѣніи. Многіе изъ нихъ безграмотны; ихъ безпутство и грубое невѣжество только увеличиваютъ презрѣніе къ нимъ. Для обученія ихъ, правда, существуетъ семинарія, но стать священникомъ можно и не учась тамъ. Отецъ передаетъ сыну приходъ, церковь и паству,

Суворовъ». Унававъ объ этомъ сраженіи Екатерина, внѣ себя отъ восторга, вышла изъ кабинета и, увидавъ двухъ вельможъ, игравшихъ въ шашки въ прихожей, воскликнула: «О, господа, моя игра получше вашихъ шашекъ—я забавляюсь избіеніемъ поляковъ, слушайте», и она патетически прочла имъ рапортъ. *Авт.*

для чего требуется только согласіе помѣщика, который уже самъ добывается согласія архіерея. Если сынъ, какъ и отецъ, умѣетъ немного читать по-славянски, знаетъ обѣдню и вечерню, онъ уже считается знатокомъ своего дѣла и берется за него. Скоро онъ начинаетъ напиваться и драться съ прихожанами, которые, даже избивъ его, подходятъ къ нему подъ благословеніе и цѣлуютъ руку. На улицахъ Москвы и Петербурга часто встрѣчаются пьяные попы и монахи, они ходятъ съ пѣнъемъ, пошатываясь, ругаясь, говоря глупости прохожимъ и оскорбительно хватая женщинъ...

Эти служители Христа священнодѣйствуютъ съ такой непристойностью, что обращаютъ въ посмѣшище всѣ церемоніи, въ дѣйствительности вовсе не смѣшныя. Нѣкоторые священники ругаются въ алтарѣ, бьютъ причтъ и громко по-гренадерски командуютъ, какую свѣчу зажечь, какой образъ придвинуть или изъ какой книги читать...

Многіе баре имѣютъ домовыхъ священниковъ, которые и служатъ у нихъ на дому; живутъ же они обычно съ челядью и не допускаются къ господскому столу, хотя они вовсе не крѣпостные. Во время шведской войны, когда была большая недохватка въ людяхъ, забрали нѣсколько тысячъ поповскихъ сыновей и сформировали изъ нихъ артиллерійскіе батальоны, хотя многіе изъ нихъ были уже священниками. Ихъ, какъ рабовъ, оторвали отъ алтарей и женъ и заставили изучать пушку въ лагерь генерала Мелиссино...

Митрополитъ московскій Платонъ и петербургскій—Гавріиль пользуются всеобщимъ уваженіемъ, какъ за характеръ свой и поведеніе, такъ особенно за стараніе улучшить нравы своихъ собратій. Духовникъ великихъ князей, отецъ Симборскій дѣлаетъ честь не только своему сану, но и всей націи. Это единственный русскій безбородый священникъ: живя въ Лондонѣ, онъ хотъ и съ трудомъ, но добился разрѣшенія не носить бороды, а вернувшись оттуда, дерзнулъ продолжать бриться. Оставивъ въ Англіи бороду, онъ вывезъ оттуда полезные для своей родины знанія и вкусы. Онъ старается поднять сельское хозяйство въ окрестностяхъ Царскаго Села, гдѣ распахалъ пустыри и осушилъ болота, превративъ ихъ въ плодородныя поля и англійскіе сады. Таковъ его отвѣтъ на презрѣніе ханжей-собратій, считающихъ его еретикомъ...

Народъ добросовѣстно блюдетъ четыре длинныхъ поста, предписанныхъ церковью: исполнительность при этомъ такъ велика, что воздержаніе распространяется на сношенія съ женой и на куреніе табака. Кража или убійство, легко отпущаемое

попомъ, въ глазахъ ханжи меньшій грѣхъ, чѣмъ вкушеніе яицъ, мяса или молока постомъ. Конопляное масло, рыба, зелень, коренья и грибы служатъ ему единственной пищей, и черезъ нѣсколько недѣль такого воздержанія наступаетъ полное истощеніе. У богатыхъ столъ постомъ роскошный съ рыбой и прекрасными фруктами; у нѣкоторыхъ подается даже скоромное изъ вниманія къ иностранцамъ или больнымъ; но я видѣлъ ханжу, который отказался ѣсть рыбный супъ, который ему налили ложкой, спущенной передъ тѣмъ въ скоромный бульонъ. Кто-то по повсду строгости постовъ сказалъ, что русскіе добиваются рая глосдовкой.

Каждый русскій, кромѣ освященнаго при крещеніи креста, котораго онъ никогда не снимаетъ съ шеи, носить еще обычно въ карманѣ мѣдный образъ Николая Чудотворца или своего святого. Онъ носить сбразъ съ собой повсюду, какъ благочестивый Эней своихъ пенатовъ. У крестьянина или солдата въ дорогѣ часто кромѣ образа совершенно ничего не бываетъ. И кажется страннымъ, когда такой крестьянинъ или солдатъ вытаскиваетъ своего божка изъ кармана, плюетъ на него, вытираетъ рукой, чтобы вымыть, потомъ ставитъ передъ собой и, вдругъ простершись, со вздохами осѣняетъ себя тысячу разъ крестнымъ знаменемъ и сорокъ разъ повторяетъ ¹⁾: «Господи помилуй!» Помолвившись, онъ закрываетъ коробку и прячетъ бога въ карманъ. У дворянина все это обставляется торжественнѣй. Въ путешествіяхъ его тоже сопровождаетъ богъ, но онъ облаченъ въ золото и серебро; на станціяхъ слуга первымъ долгомъ вынимаетъ его изъ ящика и ставитъ въ комнату своего господина, а тотъ, простершись, начинаетъ молиться.

Я знавалъ княгиню, пенатомъ которой было большое серебряное распятіе, всегда сопровождавшее ее въ особомъ экипажѣ и обычно стоявшее у нея въ спальнѣ. Когда въ теченіе дня съ ней случалось что-либо пріятное и она бывала довольна своими любовниками, она приказывала зажигать вокругъ распятія свѣчи и по-престу говорила ему: «Ну, вотъ видишь, ты былъ сегодня добръ и тебѣ будетъ хорошо: свѣчи прогорятъ всю ночь; я буду лисбить тебя и молиться тебѣ, мсему милерькому, маленькому боженькѣ». Но когда съ ней случалась непріятность, она приказывала тушить свѣчи, запрещала слугамъ молиться распятію и осыпала его грубой руганью.

Сама Екатерина притворно чтитъ иконы. Часто, кладя земные поклоны на паперти своей часовни, она пачкала въ пыли брилльян-

¹⁾ Число сорокъ считается у русскаго духовенства священнымъ.

Авт.

ты вѣнчавшей ее короны. Однажды у нея изъ часовни украли обрамленный брилльянтами образъ Богородицы — подарокъ императрицы Елизаветы при ея миропомазаніи. Вся полиція была поднята на ноги, чтобы разыскать виновника дерзкой кражи, но все было тщетно. Екатерина разахалась: «не брилльянтовъ мнѣ жаль, а святой иконѣ! За находку я бы охотно дала ея двойную цѣну». Желаніе ея исполнилось: черезъ нѣсколько дней, послѣ многихъ поисковъ и арестовъ Пресвятая Дѣва была найдена, но безъ своего богатаго убранства—икона валялась въ снѣгу около адмиралтейства. Обрадованная Екатерина наградила нашедшаго, велѣла отдѣлать ее еще богаче, чѣмъ раньше, и съ большимъ торжествомъ поставить на прежнее мѣсто.

Публичныя женщины тоже очень набожны и чтутъ святыхъ. Когда у нихъ бываютъ гости, онѣ передъ началомъ веселья задерживаютъ иконы кисеей и тушатъ передъ ними свѣчи: это знакъ жертвоприношенія Венерѣ.

Я не буду вдаваться во всѣ подробности предразсудковъ, порождаемыхъ въ темномъ и рабскомъ народѣ такой религіей. Грубая политика теперешняго царя только сгущаетъ ту тучу невѣжества и глупости, которую стремились хоть отчасти разсѣять и гений Петра, и человѣчность Елизаветы, и философія Екатерины. Такъ жаба взбаламучиваетъ тину въ своей лужѣ, чтобы лучше спрятаться. Сожалѣя съ уничиженіемъ, въ которомъ коснѣетъ великій народъ, надо отдать справедливость просвѣщеннымъ русскимъ, которые стонутъ отъ этого уничиженія. Но они и сами еще скованы предразсудками...

4. Гунекскратія.

...Въ царствованіе Екатерины женщины уже заняли первенствующее мѣсто при дворѣ, откуда первенство ихъ распространилось и на семью, и на общество. Княгиня Дашкова, — эта «Томирисъ (Tsmiris) съ французскимъ діалектомъ», какъ прозвалъ ее Вольтеръ, не только усвоила мужскіе вкусы и манеры, но обратилась совсѣмъ въ мужчину, занявъ должности и неся обязанности *Директора Академіи Наукъ* и *Президента Русской Академіи*. Всѣмъ извѣстно, что она усиленно простила Екатерину назначить ее гвардейскимъ полковникомъ, и несомнѣнно была бы въ гвардіи больше на мѣстѣ, чѣмъ большинство теперешнихъ полковниковъ. Но Екатерина не могла довѣрить ей такую должность—слишкомъ мало полагалась она на эту женщину, хваставшуюся тѣмъ, что довела ее на престолъ. Впрочемъ, если бы на тронъ послѣ Екатерины вступила еще одна женщина, можно съ увѣренностью сказать,

что среди армейскихъ генераловъ попадались бы дѣвицы, и женщины—среди министровъ.

Многіе хорошо извѣстные въ Европѣ генералы были въ эту эпоху въ полномъ подчиненіи у женъ своихъ. Управлявшій Финляндіей графъ В. Пушкинъ не смѣлъ шелохнуться, не пославъ курьера къ женѣ своей за совѣтомъ. Графъ Иванъ Салтыковъ и нравственно, и физически стоялъ ниже жены своей, а военный министръ прямо дрожалъ передъ своей свирѣпой половиной. Но не подумайте, чтобъ это почти всеобщее подчиненіе происходило отъ рыцарскаго отношенія, которое иногда мужчины питаютъ къ дамамъ,—женщины, упомянутыя, мною здѣсь для примѣра, все старыя, некрасивыя и злыя. Подчиненіе это въ буквальномъ смыслѣ слова было подчиненіемъ слабого сильному, малодушіемъ передъ храбростью, глупостью или даже безуміемъ. На сторонѣ женскаго пола было естественное превосходство. Уваженіе и страхъ, внушаемые Екатериной вельможамъ, казалось, распространились на весь ея полъ.

Вдали отъ двора частенько встрѣчалось то же самое. Многія полковничьи жены входили во всѣ мелочи полковой жизни: отдавали офицерамъ приказанія, пользовались ими для личныхъ услугъ, увольняли ихъ, а порой, и повышали чинами. Г-жа Меллейнъ, *полковница* Тобольскаго полка, командовала имъ съ настоящей военной выправкой; рапорты она принимала за туалетомъ, сама назначала въ Нарвѣ караулы, а благодушный супругъ ея занимался тѣмъ временемъ въ другомъ мѣстѣ. Когда шведы попытались напасть врасплохъ, она, по свидѣтельству очевидцевъ, вышла въ полной формѣ изъ своей палатки, стала во главѣ батальона и двинулась на врага. Многія женщины послѣдовали за арміей, посланной на турокъ. Гаремъ Потемкина всегда состоялъ изъ прекрасныхъ амазонокъ, охотно посѣщавшихъ поля битвъ...

Въ деревнѣ мужеподобность женщины была еще замѣтнѣе. Конечно, это встрѣчается вездѣ, гдѣ мужчины поработены; вдовамъ и совершеннолѣтнимъ дѣвицамъ часто приходится управлять имѣніями, гдѣ, какъ стадо, живутъ ихъ крѣпостные, т.-е. ихъ собственность, ихъ добро. Въ такихъ случаяхъ имъ приходится вдаваться въ подробности, мало подходящія ихъ полу. Покупка, продажа и мѣна рабовъ, распределеніе между ними работы, наконецъ, присутствіе при сѣченіи—все это претило бы женской чувствительности и стыдливости въ странѣ, гдѣ мужчины не сведены до уровня домашнихъ животныхъ, и гдѣ обращеніе съ ними не такъ сурово. Въ Россіи же многимъ женщинамъ приходится часто заниматься этимъ, и нѣкоторымъ это доставляетъ удовольствіе.

Присущая женщинамъ стыдливость притупляется, какъ благодаря привычкѣ къ такому обращенію съ мужчинами, такъ и благодаря совмѣстному посѣщенію бань съ дѣтства. Я встрѣчалъ женщинъ сравнившихся въ этомъ отношеніи съ самыми распущенными мужчинами. Но извѣстное безстыдство нѣкоторыхъ русскихъ женщинъ вовсе не надо приписывать распутству или грубому сластолюбію. Съ дѣтства онѣ живутъ въ самомъ тѣсномъ общеніи съ толпой рабовъ. Не считая крѣпостныхъ за мужчинъ, онѣ заставляютъ ихъ оказывать себѣ тысячи самыхъ интимныхъ услугъ. Любопытство ихъ относительно всего таинственного въ любви не только удовлетворяется, но даже предупреждается самой домашней обстановкой, всякая же болѣзненная раздражаемость въ этомъ отношеніи притупляется въ зародышѣ. Надо быть ихъ ровней, чтобы заставить ихъ покраснѣть: рабъ для нихъ существо другой породы.

Я уже отмѣчалъ, какъ возмутительно въ Россіи обращеніе съ людьми. Присутствовать хотя бы минуту при наказаніяхъ, которымъ часто подвергаются рабы, и выдержать это безъ ужаса и негодованія, можно только въ томъ случаѣ, если чувствительность уже притупилась и сердце окаменѣло отъ жестокихъ зрѣлищъ. Но признаюсь, что еще возмутительнѣе, когда при экзекуціяхъ присутствуютъ и даже распоряжаются женщины, которыя иногда самолично налагаютъ тѣлесныя наказанія. Я самъ бывалъ свидѣтелемъ, какъ хозяинъ во время обѣда за легкій проступокъ холодно приказывалъ, какъ нѣчто обычное, отсчитать лакею сто *палочныхъ* ударовъ. Провинившагося сейчасъ же уводятъ на дворъ или просто въ переднюю, и наказаніе приводится въ исполненіе въ присутствіи женщинъ и дѣвушекъ, которыя подъ шумъ бѣды и смѣха слышатъ вопли несчастнаго.

Не я первый замѣтилъ, что русскія женщины въ общемъ жесточе мужчинъ: онѣ вѣдь гораздо невѣжественнѣй и суевѣрнѣй послѣднихъ. Онѣ почти не путешествуютъ, мало учатся и совсѣмъ не работаютъ. Русскія дамы проводятъ время, лежа на диванѣ окруженныя рабами, которые должны не только исполнять, но и угадывать каждое ихъ желаніе ¹⁾...

Обнаруженное нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ Москвѣ сообщество, подъ названіемъ физическій клубъ, ясно показываетъ всю испорченность, скотство и паденіе нравовъ и вкусовъ въ царствованіе Екатерины. По своей гнусности орденъ этотъ превосходилъ

¹⁾ Дама, лежащая такимъ образомъ на диванѣ или софѣ, часто бываетъ окружена толпой рабынь; одна изъ нихъ рассказываетъ ей что-нибудь, карлица чешетъ голову или пятки, а шутъ смѣшитъ ее. Это персидскіе нравы изъ арабскихъ сказокъ. *Авт.*

все, что рассказывалось о самых распутныхъ учрежденіяхъ и тайнствахъ. Посвященные мужчины и женщины собирались въ опредѣленные дни и безпорядочно предавались самому постыдному разврату. Мужья вводили туда своихъ женъ, братья—сестеръ. Отъ мужчинъ требовалась крѣпость и здоровье, отъ женщинъ—красота и молодость. Вступающій посвящался только послѣ испытанія и освидѣтельствованія. Мужчины принимали женщинъ, а женщины—мужчинъ. Послѣ блестящаго пиршества пары распредѣлялись по жребію. Во время французской революціи полиція былъ данъ приказъ разыскивать и закрывать всякаго рода ордена и сборища; тогда-то и обнаружился физическій клубъ; членовъ принудили открыть его тайны. Въ виду того, что его сочлены обоихъ половъ принадлежали къ самымъ богатымъ и знатымъ семьямъ, и что на ихъ сборищахъ и рѣчи не было о политическихъ вопросахъ, скандальную ложу только закрыли и запретили.

Хотя русскія бани и описывались много разъ, но я все же считаю нелишнимъ поговорить о нихъ здѣсь, такъ какъ онѣ сильно вліяютъ на характеръ и нравы женщинъ изъ простонародья. Пріѣхавъ въ Россію, я рѣшилъ самъ лично провѣрить то представленіе, которое у меня сложилось на основаніи рассказовъ путешественниковъ, и которому я не очень довѣрялъ... Итакъ однажды съ однимъ изъ друзей я отправился на берегъ Невки къ общественнымъ купальнямъ; итти далеко не пришлось, чтобы убѣдиться, что русскія красавицы привыкли выставлять свои прелести передъ прохожими. Толпа женщинъ всѣхъ возрастовъ, привлеченныхъ іюньской жарой, не сочла даже нужнымъ итти въ ограду купальни. Раздѣвшись на берегу, онѣ тутъ же плавали и рѣзвились...

Съ тѣхъ поръ я много разъ бывалъ въ баняхъ и видѣлъ то же, что и на берегу острововъ Невы. Но послѣ набросанной выше картины болѣшія подробности были бы слишкомъ непристойны. Правда, цѣломудренная Екатерина издала указъ, предписывающій предпринимателямъ публичныхъ бань строить ихъ для обоихъ половъ раздѣльно и въ женскія пускать только тѣхъ мужчинъ, которые необходимы для ихъ обслуживанія, да еще художниковъ и врачей, приходящихъ туда для изученія своего искусства; чтобы проникнуть туда, охотники по-просту присваиваютъ себѣ одно изъ этихъ званій. Итакъ, въ Петербургѣ бани и купальни раздѣлены для обоихъ половъ перегородкой, но многія старыя женщины всегда предпочитаютъ вмѣшиваться въ толпу мужчинъ; да кромѣ того, вымывшись въ банѣ, и мужчины и женщины гнѣбають голышомъ и вмѣстѣ бѣгутъ окунуться въ протекающей

сзади бани рѣкъ. Тутъ самыя цѣломудренныя женщины прикрываются березовымъ вѣникомъ, которымъ онѣ парились въ банѣ. Когда мужчина хочетъ вымыться отдѣльно, его часто моетъ и паритъ женщина: она тщательно и съ полнымъ равнодушіемъ исполняетъ эти обязанности. Въ деревнѣ устройство банъ старинное, т.-е. тамъ всѣ полы и возрасты моются вмѣстѣ, и семья, состоящая изъ сорокалѣтняго отца, тридцатипятилѣтней матери, двадцатилѣтняго сына и пятнадцатилѣтней дочери ходитъ въ баню вся вмѣстѣ, и члены ея взаимно моютъ и парятъ другъ друга въ состояніи невинности первыхъ человѣковъ.

Эти обычаи не только кажутся намъ оскорбительными, но они и дѣйствительно оскорбительны у не-дикаго народа, уже носящаго одежду, но въ сущности они вовсе не являются результатомъ развращенности и не свидѣтельствуютъ о распутствѣ. Скажу больше, вовсе не эти бани доводятъ народъ до распутства, наоборотъ, онѣ, несомнѣнно, очень полезны для него. Сердце русскаго юноши не трепещетъ и кровь не кипитъ при мысли о формирующей груди. Ему нечего вздыхать о тайныхъ, невѣдомыхъ прелестяхъ,—онѣ уже съ дѣтства все видѣлъ и все знаетъ. Никогда молодая русская дѣвушка не краснѣетъ отъ любопытства или отъ нескромной мысли, отъ мужа она не узнаетъ ничего для себя новаго...

И надо сказать правду, насколько непристойно держатся женщины, настолько же дѣвушки сдержанны и скромны. Въ нихъ отъ природы заложены запатки глубокихъ и нѣжныхъ чувствъ. Только съ трудомъ развращаются онѣ подъ вліяніемъ окружающей испорченности. Почти всѣ дѣвушки обладаютъ природнымъ умомъ и прелестью; ихъ глаза, ноги и руки не оставляютъ желать лучшаго; въ нихъ есть та непринужденность, тотъ вкусъ къ нарядамъ и пріятность въ разговорахъ, которые встрѣчаются только у француженокъ.

Умныя и любезныя русскія дамы не чужды искусству. Онѣ смѣются на представленіи хорошей комедіи, прекрасно чувствуютъ злую остроту, понимаютъ двусмысленность и аплодируютъ блестящимъ стихамъ; только чувствительность невѣдома имъ, никогда не приходилось мнѣ видѣть, чтобы онѣ плакали на трагедіи. Матери, дочери и любовницы безъ слезъ смотрѣли во французскомъ театрѣ въ Петербургѣ *Меропу*, *Антигону* и *Заиру*, въ которыхъ еще подвизались *Флоридоръ*, *Офренъ* и *ла-Гюсъ*.

Въ русскихъ женщинахъ мало семейныхъ добродѣтелей; онѣ не способны къ порядку и экономіи, столь необходимымъ для женщины средняго уровня. Онѣ очаровательны въ обществѣ, но мало

склонны къ хозяйству, и способны скорѣе доставлять удовольствіе многимъ, чѣмъ сдѣлать счастье одного. Красота молодыхъ дамъ еще больше подчеркивается достоинствами, воспитанными роскошью, и очаровательными талантами, развивающимися благодаря свойственной имъ непринужденности. Обыкновенно онѣ хорошо знаютъ языки, и многія изъ нихъ свободно владѣютъ тремя или четырьмя.

Тѣ изъ нихъ, которыя тщательно воспитаны въ здоровой семейной обстановкѣ подъ руководствомъ умной гувернантки, или почтенной матери, развивавшей въ нихъ всѣ хорошія наклонности и подавлявшей порочныя, и особенно тѣ, которыя развивали себя чтеніемъ или путешествіями—достойны занять одно изъ первыхъ мѣстъ среди милыхъ женщинъ Европы и напоминаютъ блестящихъ женщинъ Франціи. Но это рѣдкіе цвѣты, распускающіеся въ тиши. Онѣ подвергаются ожесточеннымъ нападкамъ суевѣрныхъ, завистливыхъ клеветниковъ. Случается, что онѣ не выносятъ пытки, въ которую повергаетъ ихъ болтовня кумушекъ-соотечественницъ, и создаютъ себѣ отдѣльный кружокъ изъ избранныхъ женщинъ и особенно изъ иностранцевъ, но это только удваиваетъ ненависть и гоненіе на нихъ...

5. Воспитаніе.

..... Люди со средствами обычно ввѣряютъ воспитаніе дѣтей своихъ особымъ гувернерамъ, извѣстнымъ въ Россіи подъ презрительнымъ прозвищемъ *учителей, преподавателей*. Большинство гувернеровъ иностранцы, преимущественно французы и швейцарцы. Нѣмцы, несмотря на свои достоинства и педагогическую эрудицію, не могутъ конкурировать съ ними, такъ какъ характеромъ они слишкомъ не сходятся съ русскими; попытка же нѣкоторыхъ родителей взять гувернеровъ изъ соотечественниковъ, кончившихъ московскій университетъ или петербургскіе институты, кончилась весьма плачевно. Здѣсь умѣстно вспомнить знаменитый отвѣтъ греческаго философа. Кто-то сказалъ ему: «На тѣ деньги, которыя ты съ меня спрашиваешь за воспитаніе сына, я куплю хорошаго раба, который и дома воспитаетъ его».—«Покупай раба, отвѣтилъ философъ, ихъ съ твоимъ сыномъ станетъ двое».

Просвѣщенію въ Россіи больше всего способствовали тѣ самые учителя, надъ которыми потѣшаются легкомысленные люди, и про подозрительность которыхъ старательно нашептываютъ всѣмъ старыя матроны. Они-то и обучали русскихъ въ розницу, одного за другимъ. На нихъ однихъ лежала обязанность зна-

комить Россію съ философіей, моралію и добродѣтелью и хотѣ отчасти распространять тамъ просвѣщеніе, о внушеніи любви къ которому, какъ мы видѣли, вовсе не заботилась православная церковь. Въ дальнѣйшемъ же единственнымъ наставникомъ молодежи дѣлается полковникъ, который, какъ и церковь, мало вмѣшивается въ вопросы образованія. Начиная со знаменитаго Лесфорта, внушившаго Петру I любовь къ ученію, и кончая послѣднимъ писцомъ французскаго прокурора, преподающимъ спряженіе нѣсколькихъ глаголовъ на родномъ языкѣ—все это и есть тѣ самые учителя, которые развили у русскихъ и вкусъ, и знанія, и таланты до такой степени, что многими изъ нихъ восхищались даже за границей. Какъ это ни грустно, но среди домашнихъ воспитателей, работающихъ надъ созданіемъ новыхъ людей, встрѣчаются недостойные этого званія; ихъ безнравственность и невѣжество бросаетъ тѣнь на всѣхъ и дѣлаетъ учителей всеобщимъ посмѣшищемъ. Впрочемъ, теперь такіе воспитатели уже съ трудомъ находятъ мѣста, развѣ гдѣ-нибудь въ глухой провинціи у старозавѣтныхъ, добрыхъ россіянъ, которые воображаютъ, что дѣти ихъ хорошо воспитаны, если говорятъ на иностранномъ языкѣ. Въ Петербургѣ же стали гораздо разборчивѣй въ выборѣ гувернеровъ, и среди нихъ встрѣчаются уважаемые и дѣйствительно достойные люди. Въ Россіи это былъ единственный классъ, не исключая и академиковъ, который немного занимался науками и литературой. Такіе люди, какъ Брюкнеръ у кн. Куракина, Гранмонъ (Granmont) у кн. Долгорукой, Линдквистъ (Lindqwist), аббатъ Николь (Nicole) и нѣкоторые другіе, занимавшіе болѣе скромныя мѣста ¹⁾, съ честью и успѣшно исполняли свои обязанности, отдавшись имъ по призванію, и неся ихъ съ большимъ достоинствомъ.

Богатые русскіе вельможи, занимающіе значительныя должности, не вмѣшиваются въ воспитаніе дѣтей своихъ: они либо слишкомъ невѣжественны для этого, либо всецѣло поглощены игрой и интригами; а такъ какъ въ Россіи мало гимназій и университетовъ, они пришли къ весьма разумному рѣшенію: выбравъ челоѣка, они передаютъ ему свои родительскія обязанности и власть. Но разборчивость при выборѣ гувернера проявляли только наиболѣе образованные. Впрочемъ, рѣдкій гувернеръ настолько лишенъ здраваго смысла и безчестенъ, чтобы злоупотреблять своими обязанностями; воспитатель находится въ самомъ выгодномъ положеніи по отношенію къ своему ученику.

¹⁾ Г-нъ Брюкнеръ получилъ тридцать пять тысячъ рублей за четырнадцать лѣтъ, посвященныхъ воспитанію молодыхъ кн. Куракиныхъ, а Гранмонъ двадцать пять за воспитаніе кн. Долгорукихъ. *Авт.*

Онъ всѣмъ сердцемъ стремится обучить его, наставить, привязаться къ нему и его заставить полюбить себя. Если онъ у хорошихъ, зажиточныхъ людей, ему нечего жалѣть о потерѣ десяти-двѣнадцати лѣтъ жизни—судьба его обезпечена ¹⁾. Часто онъ становится настоящимъ другомъ и всегда руководителемъ своего питомца. Собственная выгода побуждаетъ его развивать въ ученикѣ благородныя, справедливыя чувства и прививать ему любовь къ наукамъ, что гораздо важнѣе преподаванія ихъ первоосновъ. Такимъ образомъ большинство русской молодежи проводить юность въ обществѣ иностранца, ставшаго для нихъ вторымъ отцомъ; справедливая благодарность къ нему сохраняется въ душѣ всякаго отъ природы хорошаго молодого человека...

Въ такомъ иностранномъ воспитаніи есть одинъ недостатокъ, не вредный впрочемъ для Россіи. Почти всѣ русскіе, подъ вліяніемъ воспитателей французовъ, съ дѣтства проникаются любовью къ Франціи; ея языкъ, ея исторію они знаютъ лучше своихъ; не имѣя настоящей родины, они и сердцемъ и воображеніемъ начинаютъ считать Францію таковой... Вѣдь они узнаютъ Францію только съ хорошей стороны, какой она кажется издали, когда объ ней тоскуешь. Они смотрятъ на нее, какъ на родину вкуса, вѣжливости, искусствъ, утонченныхъ удовольствій и любезныхъ людей; они смотрятъ на нее, какъ на пристанище свободы и разума, какъ на очагъ того священнаго огня, у котораго и они когда-нибудь зажгутъ факель, который освѣтитъ ихъ темную родину. Французскіе эмигранты, добравшіеся въ своемъ изгнаніи до страны современныхъ киммерійцевъ ²⁾, были очень удивлены, когда встрѣтили тамъ людей, болѣе нихъ самихъ освѣдомленныхъ въ дѣлахъ ихъ родины, ибо среди русской молодежи многіе размышляютъ надъ Руссо и изучаютъ рѣчи Мирабо, эмигранты же ничего не читали и весь идейный багажъ ихъ состоитъ изъ однихъ предразсудковъ. Оказалось, что многіе русскіе знаютъ Парижъ лучше тѣхъ, кто всю жизнь шатался по его улицамъ. Вообще надо замѣтить, что русскіе очень способны и обладаютъ поразительной легкостью воспріятія, поэтому въ наукахъ они дѣлаютъ очень быстрые успѣхи. Русскія же дѣти самыя милыя и занятныя. Законченное домашнее воспи-

¹⁾ ... Русскіе часто подражаютъ французскимъ вельможамъ и англійскимъ богачамъ: гутеріеры, уѣзжая получаютъ пожизненную пенсію или, оставшись въ Россіи, должности и чины. Такъ по крайней мѣрѣ, поступаютъ тѣ, кто не считаетъ своихъ наставниковъ первыми слугами.

Авт.

²⁾ Баснословый народъ у Гомера, не выдавший никогда солнца.

Перевод.

таніе часто даетъ молодымъ людямъ болѣе широкія и систематическія познанія, чѣмъ нѣмецкіе университеты своимъ питомцамъ; къ тому же русскіе всегда умѣютъ блеснуть своими познаніями. Но эти ранніе цвѣты часто не даютъ плодовъ: русскіе рѣдко путешествуютъ, какъ Анахарсисъ ¹⁾, а возвращеніе на родину становится для большинства не только концомъ ученія, но даже и всѣхъ стремленій къ наукамъ и литературѣ.

Противъ теченія могутъ плыть только сильныя духомъ да тѣ, кто увлеченъ прелестью философіи или очарованъ истинной славой, потому что познанія, которымъ якобы покровительствуетъ самодержавіе, въ концѣ концовъ влекутъ за собой лишеніе придворныхъ должностей и почестей. Такъ европейскіе нравы и даже самый характеръ Екатерины были въ постоянномъ противорѣчій съ варварскими формами и направленіемъ разъ навсегда даннымъ русскому правительству; его реакціонность разрушала все, что вносилось гуманностью и философіей. Деспотизмъ требуетъ постояннаго самоотреченія и даже отказа отъ просвѣщенія, которому онъ порой покровительствуетъ. Игакъ вліяніе иностранныхъ преподавателей на характеръ и нравственность русскихъ постоянно тормозится предразсудками и другими почти непреодолимыми препятствіями: но это вліяніе постоянно и непрерывно, оно незамѣтно проникаетъ въ души, и медленные, какъ ходъ времени, результаты его дѣлаются еще болѣе вѣрными. Молодая русская знать, можетъ быть, самая образованная и философски развитая во всей Европѣ; впрочемъ, въ воспитаніи только что произошла контрреволюція: движеніе человѣческаго разума въ Россіи пошло вспять со временъ торжества свободы, а особенно съ начала мрачнаго царствованія Павла и пріѣзда эмигрантовъ. Теперь большинство учительскихъ мѣстъ занимаютъ рыцари, графы, маркизы и священники, ибо съ эмигрантами случилось то же, что когда-то произошло съ колонистами, вызванными Екатериной для обработки русскихъ пустынь: всѣ грамотные бросили поля и пошли въ преподаватели. Теперь это врядъ ли долго протянется: господа эмигранты подъ вліяніемъ новаго занятія либо станутъ мыслителями, либо быстро бросятъ его. Ставъ учителемъ, почти неизбежно остепеняешься: все то, что ежедневно слышишь, видишь и испытываешь въ Россіи, говоритъ гораздо убѣдительнѣе въ пользу свободы, чѣмъ всѣ побѣды и все краснорѣчіе французовъ. Какой-нибудь Мэнморанси, сдѣлавшись учителемъ, навѣрно превратится въ демократа.

Въ книгѣ *«Путешествіе двухъ французовъ по Россіи»* встрѣ-

¹⁾ Anacharsis en Grèce (Voyage du jeune) произведеніе аббата Бартеlemi (1788 г.) Переводч.

чаются очень странныя разсужденія объ учителяхъ. Авторъ удивляется, что они, будучи почти поголовно демократами, живутъ въ свое удовольствіе въ домахъ большихъ баръ, и издѣвается надъ ними за то, что они не отказываются отъ этого, чтобы пожертвовать жизнью свободѣ...

Теперь его Московское величество старается смѣшными, тираническими, но достаточно послѣдовательными мѣрами воспрепятствовать всякимъ сношеніямъ Европы съ его благословеннымъ государствомъ, благодаря чему остановилось или, по крайней мѣрѣ, замедлилось развитіе человѣческаго разума въ Россіи. Никогда Петръ I не заботился такъ о реформированіи и просвѣщеніи своего государства, какъ теперь старается Павелъ о прекращеніи доступа всякаго свѣта къ своимъ киммерійцамъ...

Если бы собрать всѣ указы Павла съ момента его вѣнчанія, то вышелъ бы самый смѣшной кодексъ, когда-либо виданный Европой. Въ концѣ концовъ онъ запретилъ всѣмъ своимъ подданнымъ, особенно лифляндцамъ и курляндцамъ псылать дѣтей учиться въ Германію, гдѣ они наберутся развращающихъ принциповъ. Онъ призываетъ всѣхъ вернуться изъ иностранныхъ университетовъ подъ угрозой конфискаціи имущества ¹⁾; онъ обѣщаетъ дать разрѣшеніе на учрежденіе университета въ своихъ нѣмецкихъ провинціяхъ, гдѣ молодежь будетъ проходить важнѣйшія науки. А пока этотъ университетъ будетъ основанъ подъ его покровительствомъ, пока послѣдователи Канта удалятся изъ Германіи, чтобы тутъ почерпнуть болѣе блестящія философскія истины,—финны, эстонцы, латыши и курляндцы остаются безъ всякаго образованія, потому что въ ихъ обширныхъ провинціяхъ нѣтъ даже начальныхъ школъ. Верхъ премудрости Павла проявился въ запретѣ давать иностранцамъ судебныя должности и приходы. Но онъ идетъ еще дальше, и однимъ указомъ запрещаетъ всякому иностранцу вѣздить въ свои владѣнія безъ спеціальнаго разрѣшенія его величества; и въ томъ, что *именной указъ* этотъ не былъ даже опубликованъ, сказалось истинное варварство. Иностранные купцы, имѣющіе собственность въ Россіи, молодые люди, приглашенные туда—всѣ арестованы на границахъ или на привезшихъ ихъ корабляхъ и отправлены обратно, при чемъ они понесли большіе расходы и претерпѣли всѣ опасности дальняго пути.

Другимъ указомъ запрещается чтеніе всякихъ печатныхъ произведеній на французскомъ языкѣ; указъ этотъ наполненъ

¹⁾ Въ Лейпцигѣ было тридцать семь студентовъ, а въ Іенѣ шестьдесятъ пять изъ подданныхъ царя: они спѣшно уѣхали въ силу этого указа.

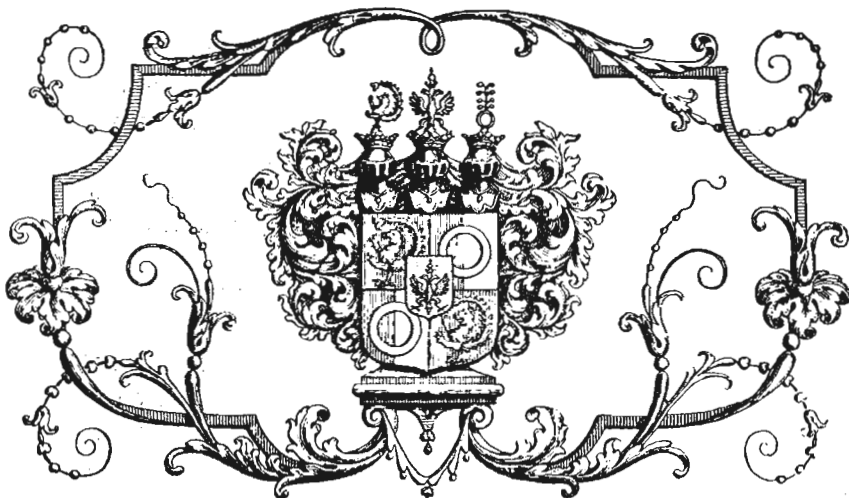
Авт.

бранью противъ Франціи и даже противъ дружественныхъ ей державъ. Ни одна газета не попадаетъ въ Россію безъ просмотра и штемпеля цензурнаго комитета, и всякому, кто бы ни получилъ почтой ли, курьеромъ или съ путешественникомъ газету либо другое печатное произведеніе, вмѣняется въ обязанность немедленно представить его въ эту цензуру подъ страхомъ наказанія, грозящаго всякому мятежнику...

Надо замѣтить, что въ царствованіе Екатерины въ теченіе нѣкотораго времени Россія была единственнымъ государствомъ Европы, гдѣ не было запрещено французское печатное слово. Послѣ того, какъ «*Moniteur*» нѣсколько разъ прошелся на счетъ императрицы и особенно Павла и его двора, Екатерина приказала, чтобы передъ разсылкой его представляли ей на прсмотръ. Черезъ нѣсколько недѣль ей попалась тамъ статья, въ которой ее называютъ сѣвѣрной Мессалиной и т. п. Такъ какъ это касается лично меня, пусть его разылаютъ», сказала она, прочтя статью. Интересно то, что въ то время, какъ французскія газеты, кокарды, пѣсни были изгнаны у всѣхъ наипаче варварскихъ народовъ, въ то время, какъ въ Туринѣ арестовывали поющихъ *Ça ira*, а въ Англіи наказывали птицелововъ, птицы которыхъ повторяли эти слова, въ Вѣнѣ же просто запрещалось говорить по-французски—русское правительство стояло выше этихъ мелкихъ розысковъ, а ученики полковника Лагарпа распѣвали во дворцѣ царей пѣсни свободы. Одинъ изъ нихъ носилъ въ карманѣ національную кокарду, съ торжествомъ показывая ее и дразня ею самыхъ трусливыхъ вельможъ. Только послѣ смерти Людовика XVI и убійства Густава III, Екатерина, потрясенная ужасомъ, стала поддаваться наущеніямъ своихъ подлыхъ фаворитовъ и осаждавшихъ ее эмигрантовъ; только тогда она проявила осторожность, подчеркнувшую ея страхи, угрызенія совѣсти и дряхлость... ¹⁾

Пер. П. Степановой.

¹⁾ Въ доказательство благородной безпечности Екатерины приведемъ слѣдующій фактъ. Воспитателемъ у камергера Салтыкова въ Петербургѣ былъ братъ знаменитаго Марата. Осуждая неистовства своего брата, онъ все же не скрывалъ отъ друзей своихъ республиканскихъ чувствъ. Онъ мирно жилъ и порой сопровождалъ даже своего ученика ко двору. Однако-же послѣ смерти короля, опасаясь оскорбленій изъ-за имени своего, онъ испросилъ у Екатерины разрѣшеніе перемѣнить его, и назвался Будри по мѣсту своего рожденія.

Политическія воззрѣнія Н. М. Карамзина.

(Къ столѣтію выхода изъ свѣтъ «Исторіи Государства Россійскаго»).

Оцѣнка писателей и вообще дѣятелей общества у насъ менѣе всего можетъ быть названа безпристрастной. Не объективное значеніе писателя, а его соотвѣтствіе, или противорѣчіе, тѣмъ или инымъ общественнымъ теченіямъ или литературнымъ направленіямъ, служитъ исходной точкой оцѣнки. И это во-первыхъ потому, что тѣ взгляды, которые одни считаютъ благими, плюсомъ къ прогрессу, признаются другими вредными—задерживающими прогрессъ; во-вторыхъ потому, что вражда направленной всегда получаетъ особенно рѣзкій характеръ тамъ, гдѣ только одна сторона имѣетъ свободу слова, и противорѣчія обостряются, когда представители одного направленія или стоятъ у власти, или согласуются въ своихъ словахъ и дѣйствіяхъ съ партией власти. Между тѣмъ на извѣстномъ разстояніи можно отдѣлать значеніе объективной стороны произведенія отъ сторонъ субъективныхъ: каковы бы ни были взгляды художника или ученаго, но если въ его произведеніи есть что-нибудь истинно художественное, или истинно-научное, оно всегда будетъ имѣть объективную цѣну.

Съ психологической точки зрѣнія вражда къ большому художнику противоположнаго лагеря вполне понятна—большой художественный талантъ крупная общественная сила; талантливое художественное произведеніе покоряетъ массу; художественное изображеніе самый легкій, доступный всѣмъ, и самый вліятельный, проводникъ идей. Вотъ почему крупные писатели въ

качествѣ представителей опредѣленныхъ общественныхъ воззрѣній, надолго сохраняютъ блестящій ореолъ въ своемъ лагерѣ и спустя цѣлые вѣка могутъ еще возбуждать чувства вражды въ лагерѣ противоположномъ, и безпристрастная оцѣнка возможна лишь, когда въ обоихъ лагеряхъ наступитъ перемиріе, или когда за оцѣнку возьмутся люди, не стоящіе ни въ одномъ лагерѣ.

Подобную участь испытали историческіе труды Н. М. Карамзина. Общее литературное его значеніе, его реформа русскаго литературнаго языка, приближеніе литературы къ жизни, означеніе общества съ главными литературными теченіями Зап. Европы, если не созданіе, то перенесеніе къ намъ опредѣленнаго литературнаго жанра, имѣвшаго много недостатковъ, но несомнѣнно и извѣстныя достоинства—признаются всѣми. Совершенно иное, когда дѣло идетъ объ его историческихъ трудахъ. Тутъ мнѣнія радикально расходятся, и до сихъ поръ «Исторія Государства Россійскаго» имѣетъ горячихъ и неумѣренныхъ въ восхваленіи поклонниковъ и ярыхъ, не всегда справедливыхъ, противниковъ.

И причина этому лежитъ не столько во взглядахъ Карамзина, сколько въ силѣ его таланта, имѣвшаго огромное значеніе въ проведеніи этихъ взглядовъ. Вѣдь и многіе взгляды Карамзина были не новы; общественная партія, къ которой онъ принадлежалъ, была создана не имъ, а у историковъ—предшественниковъ Карамзина, какъ у Щербатова, найдемъ многія изъ его общественныхъ идей; но дѣло въ томъ, что сочиненія Щербатова, писанныя авторомъ—начетчикомъ языкомъ тяжелымъ и неуклюжимъ, лежали только на полкахъ любителей старины, а «Исторія Государства Россійскаго», сочиненная уже знаменитымъ авторомъ «Бѣдной Лизы», «Натальи—боярской дочери», «Писемъ русскаго путешественника» и издателемъ «Вѣстника Европы», разошлась въ одинъ мѣсяцъ въ количествѣ 3000 экз., и взгляды автора, отмѣченнаго крупнымъ талантомъ, надолго внѣдрились въ массу, такъ любящую и привыкающую къ авторитетамъ. Еще кн. Одоевскій заявлялъ Погодину, что писать противъ Карамзина—значитъ писать противъ русскаго просвѣщенія, разрушать дѣйствіе, произведенное Карамзинымъ на читателей—то, что онъ ввелъ литературу въ моду, въ лучшее общество, за коимъ обыкновенно тянутся прочіе, приобрѣлъ привязанность и уваженіе публики ¹⁾.

Но кромѣ общественныхъ причинъ нерасположенія къ Ка-

¹⁾ Барсуковъ, II, 262.

рамзину, есть еще одна частная, открыто или замаскированно, отражающаяся на отзывахъ объ его трудахъ. Карамзинъ не только авторъ «Исторіи Государства Россійскаго», но и авторъ Записки о старей и новей Россіи, записки, въ которой онъ ясно и опредѣленно высказываетъ свои мысли и относительно прошлаго Руси, и относительно ссвременнаго ея состоянія. Эта записка долго не была достояніемъ общества; она была написана специально для Александра I тогда, когда подъ вліяніемъ Сперанскаго, былъ произведенъ цѣлый рядъ реформъ, но затѣмъ, подъ другими вліяніями, направление дѣятельности Александра измѣнилось въ реакціонную сторону. Авторитету Карамзина, его запискѣ съ весьма рѣзкимъ реакціоннымъ характеромъ, придавали большое значеніе въ исторіи умственныхъ и политическихъ скитаній «сфинкса» на престолѣ (что значеніе Записки сильно преувеличено, свидѣтельствуеетъ временное охлажденіе Александра къ Карамзину послѣ представленія ему Записки), что дѣлаеетъ его отвѣтственнымъ за реакцію, а идеи Записки, только въ другой формѣ, находятъ въ его «Исторіи Государства Россійскаго». Высказанныя если не такъ ясно, но зато въ художественной формѣ, подъ авторитетомъ учености, подъ ореоломъ крупнаго таланта, эти идеи, благодаря всему этому, проникли въ массу срсдняго читателя и надолго воспитали его общественные и политическіе взгляды.

Въ этихъ отзывахъ есть не мало вѣрнаго—но я опять настаиваю—въ оцѣнкѣ научнаго труда слѣдуетъ отличать его сторону публицистическую отъ стороны научной: если обѣ неодинаковы по глубинѣ и съектамъ своего воздѣйствія, то зато вліяніе одной кратковременно, а другой гораздо продолжительнѣе. Но отсюда вытекаетъ конечно прежде всего вопросъ—есть ли «Исторія Государства Россійскаго» трудъ публицистическій, или ученый?

Разсмотрѣніемъ этого вопроса мы займемся въ другомъ мѣстѣ, но пока скажемъ нѣсколько словъ о литературной физіономіи Карамзина вообще.

22-ній юнѡша (1789) ѣдетъ за границу «единственно для того, чтобы собрать нѣкоторыя пріятныя впечатлѣнія и обогатить свое воображеніе новыми идеями, чтобы потомъ жить въ мирѣ съ натурой и съ добрыми, любить изящное и наслаждаться имъ» ¹⁾. Несмотря на молодость, онъ очень по тому времени начитанъ и имѣетъ уже опредѣленные идеалы.

Но и его излюбленная духовная пища, и его идеалы, разу-

¹⁾ П. Р. П. 139.

мѣется, соотвѣтствовали его природнымъ склонностямъ. Это характеръ мягкій, чувствительный, мечтательный, нѣсколько меланхолическій, оптимистическій, вѣрующій. «Прекрасный лужокъ, прекрасная рощица, прекрасная женщина, однимъ словомъ, все прекрасное радуеть его». Онъ увѣренъ, что мы созданы наслаждаться и быть счастливыми¹⁾. Человѣкъ ищетъ вездѣ наслажденій и находитъ ихъ, вездѣ бываетъ любимымъ гостемъ природы, повсюду отверзающей для него новые источники удовольствія, вездѣ радуется бытіемъ своимъ и благословляетъ свое человѣчество²⁾. Довѣренность къ Провидѣнію, довѣренность къ той невидимой рукѣ, которая бережетъ и червя, и человѣка, должна быть основаніемъ нашего спокойствія³⁾. Его мягкая натура не переноситъ ничего рѣзкаго, яркаго, сильнаго—онъ ищетъ вездѣ полутѣней, сладкихъ звуковъ, голубинаго воркованія рѣчей—рѣзкая мысль, сильное слово, даже величественныя явленія природы, поражаютъ его слабые нервы, и онъ долго не можетъ притти въ себя отъ сильнаго впечатлѣнія. И оттого его любимыми произведеніями будутъ сантиментальныя нѣмецкія оды; его любимымъ философомъ будетъ не Кантъ, «у котораго все просто, кромѣ его метафизики⁴⁾» (прочеть и понять которую онъ не былъ въ состояніи), а натурфилософы съ мистическимъ оттѣнкомъ, какъ Лафатеръ, Бэннетъ, съ которыми онъ часто велъ безконечные разговоры на тему—«какая есть всеобщая цѣль бытія нашего, равно достижимая».

Въ путешествіи его будетъ болѣе всего тянуть въ ту идиллическую страну, которую такъ чудно воспѣлъ Геснеръ, гдѣ такъ увлекательна природа, гдѣ глаза радуютъ мирныя пажити, гдѣ на вершинахъ горъ благоденствуютъ и наслаждаются скромными плодами трудовъ своихъ идиллическіе поселяне, гдѣ живутъ добродѣтельные пасторы и цѣломудренныя дѣвы—въ прекрасную Швейцарію. Онъ будетъ лежать на зеленой муравѣ, читать любимыя оды, или задумчиво, какъ будущіе читатели его Бѣдной Лизы, искать «ту равнину, которая была столь привлекательна для несчастнаго Сень-Пре»⁵⁾.

Онъ, какъ губка, будетъ впитывать только то, что сродни его душѣ: Вейсову элегію на смерть Генерта, Крамерову и Дэнисову оду; ихъ онъ будетъ читать, чувствовать и можетъ-быть плакать⁶⁾. «Confessions Руссо, Stillings Iugends Gedichte и Anton

¹⁾ 91.

²⁾ 101.

³⁾ 173.

⁴⁾ 310.

⁵⁾ 33.

⁶⁾ 281.

Reiser'a «онъ предпочитаетъ всѣмъ психологіямъ на свѣтѣ» ¹⁾. Но у Руссо его увлекаетъ только чувствительность и мысли о счастья первобытнаго человѣка. Онъ читаетъ и съ наслажденіемъ смотритъ трагедіи Шиллера, но въ Шиллеровскомъ «Фіеско» его трогаетъ только монологъ Фіеско, когда онъ, уединясь въ тихій часъ утра, размышляетъ, лучше ли ему остаться простымъ гражданиномъ и за услуги, оказанныя имъ отечеству, не требовать никакой награды, кромѣ любви своихъ согражданъ, или воспользоваться обстоятельствами и присвоить себѣ верховную власть въ республикѣ. Онъ готовъ былъ упасть на колѣни и воскликнуть: «избери первое» ²⁾. Для него тотъ есть истинный философъ, кто со всѣми можетъ ужиться въ мирѣ, кто любитъ и несогласныхъ съ его образомъ мыслей ³⁾. Онъ вмѣстѣ съ Лагарпомъ думаетъ, что знаменитая фраза Вольтера: «Si Dieu n'existait pas, il faudrait l'inventer» служить доказательствомъ, что Вольтеръ былъ однимъ изъ ревностныхъ почитателей Божества, а въ надписи на Фернейскомъ храмѣ «Вольтеръ—Богу» онъ не замѣчаетъ обращенія потентата къ потентату.

Трепетно восхищаясь природой (натурой), проливая слезы надъ любовными страданіями Сент-Пре, разсматривая издали мрачные замки феодаловъ и благоговѣйно вступая въ молитвенные храмы, посѣщая библіотеки и кунсткамеры, мирно бесѣдуя съ добродѣтельными пасторами, молодой писатель не пытался заглянуть вглубь западно-европейской жизни. Весь проникнутый нѣмецкими идилліями, онъ не замѣтилъ народа, а видѣлъ только поселянъ—молодежь, предающуюся утѣхамъ любви, зрѣлыхъ, воздѣлывающихъ свои тучныя нивы и старыхъ, окруженныхъ многочисленнымъ любящимъ потомствомъ ⁴⁾.

И вотъ на порогѣ Франціи до него доносятся отдаленные раскаты французской революціи. Въ Эльзасѣ почтмейстеры, постилліоны, бабы говорятъ о революціи, а въ Страсбургѣ начинается настоящій бунтъ—но онъ идетъ въ театръ и «кромѣ веселости ничего не примѣчаетъ въ жителяхъ» ⁵⁾. Но въ Базелѣ его поражаетъ суета, неожиданность встрѣчи бѣжавшихъ изъ Франціи отъ бунта родителей съ дѣтьми. Онъ не можетъ, конечно, не замѣтить въ Парижѣ народнаго движенія, но для него это только бунтъ черни и онъ жалѣетъ, что французы думаютъ нынѣ

¹⁾ 114.

²⁾ 81.

³⁾ 153.

⁴⁾ 66.

⁵⁾ 102. Ео Франкфуртѣ онъ пытался зайти въ еврейское Гетто, но нестерпимая вонь заставила его бѣжать оттуда.

²⁾ 174.

о революціи, а не о памятникахъ любви и нѣжности. «Дерзкіе смѣльчаки подняли сѣкиру на священное дерево, подъ сѣнью котораго все благоденствовало». Эту мысль онъ позже развиваетъ подробнѣе ¹⁾.

Молодой путникъ возвращается домой и становится писателемъ. Мы заранее уже можемъ предсказать, какіе звуки будетъ издавать его лира—это будутъ сладкія пѣсни нѣмецкой идиллической поэзіи. Въ нихъ будутъ поэтическія описанія природы, любовныя тревоженія и умѣренно практичныя моральныя сентенціи, много нѣжности и чувствительности, и ничего рѣзкаго, непристойнаго, оскорбительнаго для слуха и чувства. Карамзинъ принесъ и укрѣпилъ у насъ тотъ жанръ писательства, который извѣстенъ подъ именемъ сентиментализма, то повышенное настроеніе, которое одинаково льетъ слезы и надъ раздавленной букашкой, и надъ разбитой жизнью, въ которомъ не знаешь, гдѣ оканчивается манера и начинается чувство.

И впечатлительность тогдашняго читателя, съ которымъ впервые заговорили не на неуклюжемъ церковно-славянскомъ, а на плавномъ, почти русскомъ, языкѣ, была такова, что всѣ современные барышни и юноши навзрыдъ рыдали при чтеніи «Бѣдной Лизы», въ мысляхъ, рѣчахъ и обстановкѣ которой не было не только ничего русскаго, но не было ни одной вѣрной ноты. И все же заслуга этой сентиментальной повѣсти была та, что быть можетъ не одна молодая женщина въ своей дотолѣ только дѣвкѣ Дунѣкѣ начала искать чертъ бѣдной Лизы.

Послѣ десяти съ небольшимъ лѣтъ журнальной и литературной дѣятельности, составившій себѣ уже блестящую славу, писатель оставляетъ свою литературно-общественную дѣятельность и въ уединеніи посвящаетъ свой трудъ исключительно одной работѣ—сочиненію «Исторіи Государства Россійскаго».

Карамзинъ приступилъ къ своему труду уже человѣкомъ зрѣлымъ (1803 г., т.-е., 37 л.), вполне сложившимся. И однако, сравнивая основныя мысли его исторіи, а особенно записки о старой и новой Россіи, съ предыдущей его журнальной дѣятельностью, критики находятъ въ двухъ періодахъ его дѣятельности большую разницу и отмѣчаютъ рѣшительный поворотъ въ его убѣжденіяхъ—отъ умѣренно-либеральныхъ къ рѣзко-реакціоннымъ. Но такого рѣзкаго поворота въ сущности не было. Мы знаемъ его взгляды на французскія дѣла конца XVIII в.; и въ будущемъ онъ будетъ стоять противъ новшествъ, онъ ихъ признаетъ, пока они характера невиннаго, но его приводитъ въ

¹ Ср. Пыпинъ, Общ. движеніе, 204.

ужась все, что сопровождается шумомъ, что грозитъ потрясеніемъ. Быть въ мирѣ со всѣми, быть довольнымъ своимъ состояніемъ и положиться на Провидѣніе—вотъ его девизъ. И если онъ привѣтствовалъ вначалѣ реформы Александра I, то потому, что видѣлъ въ нихъ только перемѣну винтиковъ государственнаго механизма, но, когда замѣтилъ, что и весь механизмъ можетъ рухнуть, онъ пришелъ въ ужась и выразилъ его своей запиской.

Еще въ 1790 г. Карамзинъ въ Парижѣ лично узналъ Левека, автора Россійской исторіи (на франц. языкѣ), и по этому поводу высказалъ свои мысли, какъ должна быть написана хорошая Россійская исторія ¹⁾.

Но тогда вѣроятно онъ еще и не мечталъ стать русскимъ Юмомъ или Робертсономъ. Вернувшись въ Россію, Карамзинъ отдался литературно-журнальной дѣятельности. Только съ 1800 г. у него явилось намѣреніе заниматься русской исторіей—онъ пишетъ Дмитріеву, что «по уши влѣзь въ русскую исторію, сплю и вижу Никона съ Несторомъ». Съ этого времени, до прекращенія В. Г., Карамзинъ печатаетъ статьи по русской исторіи въ своемъ журналѣ: историческія воспоминанія и замѣчанія по пути въ Троицу, статьи о Тайной канцеляріи, о московскомъ мятежѣ въ царствованіе Алексѣя Михайловича, о Мирѣ Посадницѣ. Направленіе его статей опредѣляется заглавіемъ одной «О нѣкоторыхъ случаяхъ и характерахъ въ Русской исторіи, которые могутъ быть предметомъ художества»; это какъ бы приложеніе тѣхъ мыслей, которыя онъ высказалъ еще изъ Парижа. «Съ умомъ, вкусомъ и талантомъ можно одушевить и раскрасить и событія, и лица, нашей исторіи». Въ 1804 г. Карамзинъ прекращаетъ Вѣстникъ Европы, удаляется въ село Остафьево подъ Москвою и здѣсь, въ теченіе 12 лѣтъ, составляетъ первые 8 томовъ своей исторіи ²⁾. Въ 1816 г., послѣ различныхъ затрудненій, онъ ее печатаетъ. Успѣхъ исторіи былъ колоссальный—въ 25 дней было раскуплено 3000 экземпляровъ, хотя цѣна была по 55 руб. Появился рядъ рецензій—русскихъ и иностранныхъ, переводы французскій, нѣмецкій и итальянскій. Въ концѣ года понадобилось новое изданіе ³⁾, и такой громоздкій трудъ былъ перепечатываемъ каждые 5 л., Во всѣхъ русскихъ, и многихъ иностранныхъ (французскихъ и нѣмецкихъ) журналахъ появились рецензіи на Исторію. Отношеніе къ труду Карамзина опредѣлилось сразу тѣми общественными партіями, которыя боролись

¹⁾ Письма Русск. Путешественн. II, 144.

²⁾ Иконниковъ, Скептическая школа, I.

³⁾ Томъ IX выпущенъ въ 1821 г., X и XI — въ 1824 г., XII—въ 1829 г.

между собою у насъ. Люди, приближавшіеся по своимъ воззрѣніямъ къ Запискѣ, встрѣтили его съ восторгомъ, либералы Александровской эпохи возненавидѣли его, и эта ненависть отразилась и въ извѣстной эпиграммѣ Пушкина: «Въ его исторіи изящность, простота доказываютъ намъ безъ всякаго пристрастія необходимость самовластія и прелести кнута». Пушкинъ написалъ даже цѣлую пародію на исторію Государства Россійскаго, — «Исторія села Горохова» ¹⁾. Но кромѣ крайнихъ представителей того или другого направленія было еще два круга: одинъ широкій, — другой очень узкій, для которыхъ Исторія Карамзина имѣла особое значеніе — съ одной стороны средняя читающая публика, — съ другой очень немногочисленные люди науки. Разнообразный интересъ, возбужденный Исторіей Карамзина, объясняется тѣмъ, что его трудъ вышелъ не двуликимъ, а даже треликимъ янусомъ: съ одной стороны это было художественное произведеніе знаменитаго уже писателя и лучшаго современнаго русскаго стилиста. Съ другой стороны, произведеніе, благодаря приложенію обширныхъ примѣчаній, въ которыхъ находится не только подтвержденіе текста, но и масса новаго, до того неизвѣстнаго, матеріала, пріобрѣтало престижъ научности. Наконецъ, основныя идеи, неуклонно проходящія черезъ всѣ 12 томовъ труда, дѣлають его и публицистически-патріотическимъ трактатомъ. Критикѣ было надъ чѣмъ поработать съ какой угодно стороны. Поклонники Карамзинскаго образа мыслей превозносили его исторію какъ патріотическій подвигъ, какъ утвержденіе на историческихъ основахъ русскаго самодержавія и единства государства, закрывая глаза, или намеренно, или, вслѣдствіе недостатка научныхъ знаній, на ея несомнѣнно крупныя съ исторической точки зрѣнія недостатки. Противники взглядовъ Карамзина разбирали съ ожесточеніемъ его публицистическія воззрѣнія, оставляя въ тѣни несомнѣнныя достоинства, научность нѣкоторыхъ частей исторіи. Оба лагеря сходились лишь въ одномъ — въ признаніи блестящихъ литературныхъ достоинствъ труда. И замѣчательно, что и теперь, чуть ли не черезъ столѣтіе послѣ появленія труда знаменитаго исторіографа, тѣ же причины мѣшаютъ спокойной оцѣнкѣ достоинствъ и недостатковъ труда, имѣвшаго во всякомъ случаѣ огромное значеніе и для литературы, и для исторической науки. Спустя много лѣтъ послѣ перваго изданія исторіи мы находимъ въ числѣ критиковъ его такихъ неумѣренныхъ поклонниковъ,

¹⁾ Впрочемъ, нѣкоторые считаютъ «Исторію села Горохова» пародіей на исторію русскаго народа Полевого.

какъ Погодинъ и Кояловичъ ¹⁾, и такіе рѣзкіе приговоры, какъ у П. Н. Милокова. Среди критиковъ одиноко почти стоитъ по своему безпристрастію и осторожности другой исторіографъ, С. М. Соловьевъ.

Первую основательную критику исторіи Карамзина при жизни автора далъ польскій ученый Лелевель ²⁾, но критика его ограничилась только древнимъ періодомъ, да едва ли Л. и былъ въ состояніи продолжать дальше—онъ самъ въ письмѣ къ Булгарину сознается, что плохо знаетъ русскій языкъ и интересуется знать, скоро ли появится нѣмецкій переводъ Карамзина. Трудъ Карамзина Лелевель сравниваетъ съ исторіей Польши Нарушевича и конечно, какъ полякъ-патріотъ, отдаетъ предпочтеніе послѣднему. Но та часть критики, въ которой Л. могъ исходить изъ знакомства съ иностранными источниками, заслуживаетъ вниманія. Другіе критики разбираютъ только общія точки зрѣнія, указываютъ на ложный патріотизмъ автора, доказывая, что исторія Россіи не можетъ имѣть общечеловѣческаго значенія, на которое даетъ право государству участіе въ образованности и т. д.

Особенно много занимаются введеніемъ, заключающимъ въ себѣ общіе взгляды автора на исторію вообще и на исторію Россіи въ частности. Такому разбору введенія посвятилъ нѣсколько статей и М. Т. Каченовскій—основатель скептической школы въ русской исторіографіи.

Предисловіе Карамзина состоитъ въ доказательствахъ пользы и удовольствія исторіи вообще и отечественной въ частности. Но предисловіе это, конечно, извѣстно всѣмъ.

Я постараюсь здѣсь сравнить основные политическіе взгляды Карамзина въ его Запискѣ съ его ранними воззрѣніями, разсѣянными въ разныхъ мѣстахъ его «Писемъ Русскаго Путешественника». Этимъ сопоставленіемъ мы рѣшимъ вопросъ объ эволюціи политическихъ воззрѣній исторіографа и постараемся установить, былъ ли въ его основныхъ воззрѣніяхъ переломъ, или только развитіе тѣхъ воззрѣній, которыя всегда соотвѣтствовали его внутреннему «я»—отъ ранней юности и до зрѣлаго возраста.

¹⁾ Однажды я помѣстилъ въ газетѣ замѣтку чисто хронологическаго характера («По поводу предложенія «Кіевской Старины» праздновать тысячелѣтіе Кіева»), въ которой, сопоставленіемъ разныхъ лѣтописныхъ текстовъ доказывалъ неточность хронологіи лѣтописи и старался опредѣлить годъ занятія Кіева Олегомъ. Статейка моя вызвала отвѣтную замѣтку Гилярова-Платонова. Вся сущность критической замѣтки состояла въ одной фразѣ: не слѣдуетъ мудрить противъ Шлецера и Кагановича. Авторитетъ Карамзина былъ непогрѣшимъ для автора, считавшаго исторію государства Россійскаго послѣднимъ и окончательнымъ словомъ русской исторической науки.

²⁾ Сбв. Арх. 1822—24.

Читая теперь Записку о древней и новой Россіи, мы легко можемъ себѣ представить то озлобленіе, которое она могла вызвать въ эпоху своего появленія среди свободомыслящей интеллигенціи, и даже при Дворѣ, въ кружкѣ лицъ, близкихъ Александру, и наконецъ въ самомъ императорѣ. Она раздражала не только своимъ ультра-реакціоннымъ характеромъ, но и рѣзкой критикой всей правительственной политики первыхъ лѣтъ времени Александра, политики, всецѣло исходившей изъ среды интимнаго совѣта Александра.

Насъ теперь, на разстояніи столѣтія, Записка поражаетъ не только крайней узостью взглядовъ, но своей дѣтской наивностью; не только слабостью политической мысли, но слабостью мысли вообще; неумѣлостью въ защитѣ своихъ основныхъ положеній, рядомъ крупнѣйшихъ противорѣчій, и не только непониманіемъ основныхъ чертъ нашего древнерусскаго строя, но совершенно непонятнымъ для историка, какимъ уже тогда сталъ Карамзинъ (какъ мы видѣли, занятію нашей исторіей онъ отдался съ 1803 г., а записка написана въ 1811 г.), умолчаніемъ о крупныхъ фактахъ въ нашей государственной жизни прошлаго.

И любопытиѣ всего, что, настаивая постоянно на необходимости строить государство на національныхъ основахъ, на опасности прикасаться къ древнимъ государственнымъ зданіямъ, на соответствіи учрежденій кореннымъ народнымъ обычаямъ, народному духу, Карамзинъ очеркъ этихъ нашихъ національныхъ основъ прямо скопировалъ, конечно безсознательно, съ основныхъ чертъ старой монархической Франціи, той монархіи, блескомъ прошлаго которой молодой писатель такъ увлекался въ своемъ путешествіи по Франціи. «Французская монархія производила великихъ государей, великихъ министровъ, великихъ людей въ разныхъ родахъ; подъ ея мирной сѣнью возростали науки и художества; жизнь общественная украшалась цвѣтами пріятностей; бѣдный народъ находилъ себѣ хлѣбъ, богатый наслаждался своимъ избыткомъ. Но дерзкіе подняли сѣкиру на священное древо, говоря: мы лучше сдѣлаемъ».

Все русское государственное устройство выражается для Карамзина въ одномъ словѣ: самодержавіе (Самодержавіе есть палладіумъ Россіи, цѣлость его необходима для ея счастья. Государь есть единственный источникъ власти (126)¹⁾. «Народъ работаетъ, купцы торгуютъ, дворяне служатъ, награждаемые отличіями и выгодами, уваженіемъ и достаткомъ». Возставая противъ отчужденія крѣпостного права, противъ выслуги, какъ ти-

¹⁾ Записку мы цитируемъ по изданію Сиповскаго.

тула для полученія дворянства (не чинъ долженъ давать дворянство, а, наоборотъ, условіемъ полученія чина должно быть наслѣдственное дворянство), Карамзинъ рисуеъ нашу Русь какъ наслѣдственную монархію съ сословнымъ строемъ населенія, т.-е. типомъ монархіи Людовика XIV. Единый источникъ власти—Государь, Государь Божіей милостію, получившій свою наслѣдственную власть по Божьему произволенію. Органы управленія: дворянство и духовенство, Сенать и Синодъ, какъ хранилище законовъ; надъ всѣми Государь, единственный законодатель, единственный источникъ властей. «Вотъ основаніе Россійской монархіи, которое можетъ быть утверждено, или ослаблено правилами царствующихъ».

Подвергая рѣзкой критикѣ политику Петра I, съ котораго у насъ появилось подражаніе иноземному, исторіографъ, къ нашему удивленію, не замѣчаетъ, что тѣ старыя зданія, которыхъ опасно касаться, какъ разъ зданія Петровской эпохи, и при томъ выстроенныя по иноземнымъ планамъ—дворянство (шляхетство), сословному строю котораго положилъ начало Петръ (хотя начала таблицы о рангахъ исторіографъ считаетъ нарушеніемъ правъ благородныхъ), Сенать, замѣнившій Боярскую Думу, и Синодъ, упразднившій патріарха.

Считая единственной причиной могущества Россіи самодержавіе, исторіографъ, разумѣется, долженъ былъ придавать огромное, исключительное, значеніе въ исторіи роли личности. Тутъ онъ, однако, наталкивается на Іоанна Грознаго, а слѣдовательно на вопросъ, что властью можно пользоваться и на благо и на зло подданныхъ. Выходитъ онъ изъ затрудненія, примыкая къ точкѣ зрѣнія лѣтописца. «Мудрость вѣковъ и благо народное утвердили сіе правило, что законъ долженъ располагать трномъ, а Богъ, одинъ Богъ—жизнью царей. Кто вѣритъ Провидѣнію, да видитъ въ зломъ Самодержцѣ бичъ гнѣва небеснаго» (44—45). Любопытно, что, говоря о законномъ престолонаслѣдіи, исторіографъ закрываетъ глаза на нашъ XVIII в., въ которомъ судьбу трона рѣшали наши преторіанцы. Считая заговоръ противъ лицъ, злоупотребляющихъ властью, столь же опаснымъ для народа, какъ и для правителей, исторіографъ, однако, совершенно неожиданно замѣчаетъ: Государь, не менѣе подданныхъ, долженъ исполнять свои святыя обязанности, *коихъ нарушеніе уничтожаетъ древній завѣтъ власти съ повиновеніемъ* и низвергаетъ народъ съ степени гражданственности въ хаосъ частнаго естественнаго права (42).

Но какимъ же образомъ возможно мирнымъ путемъ предотвратить злоупотребленіе власти? Ограничить ее, поставить законъ

выше Государя? Но если народъ работаетъ и долженъ, для блага государства, оставаться въ рабскомъ состояніи, то ограниченіе власти могло бы исходить только изъ среды дворянства, а въ такомъ случаѣ мы бы, вмѣсто монархіи, получили олигархію, или двѣ власти, какъ грозные львы, готовые терзать другъ друга. Каковъ выходъ при конфликтѣ властей? Революція (47). И вотъ представитель прекраснодушія, вѣря въ значеніе личности, въ спасительность благихъ примѣровъ, находитъ для представителя власти одинъ вѣрный способъ обуздать своихъ наслѣдниковъ въ злоупотребленіяхъ властью: «да царствуетъ добродѣтельно, да приучитъ подданныхъ къ благу» (48). Тогда родятся обычаи спасительные, правила, мысли народныя, которыя лучше всѣхъ формъ удержать будущихъ Государей въ предѣлахъ законной власти. Чѣмъ? Страхомъ возбудить всеобщую ненависть въ случаѣ противной системы царствованія. Тиранъ можетъ иногда безопасно господствовать послѣ тирана, но послѣ Государя мудраго—никогда. (ib.). Но какъ же исторіографъ могъ забыть, что Павелъ появился непосредственно послѣ мудрой Екатерины, «истинной преемницы величія Петрова и второй образовательницы новой Россіи»?

Карамзинъ не противникъ реформъ вообще, но, возставая противъ революцій народныхъ, онъ возстаетъ и противъ революцій сверху, а такими революціями онъ считаетъ всякія крупныя государственныя реформы.

Для стараго народа не надобно новыхъ законовъ (110). Гораздо легче отмѣнить новое, чѣмъ старое (69), законодатель, власть, долженъ проявить болѣе мудрости хранительной, нежели творческой (68); всякая новостъ въ государственномъ дѣлѣ есть зло, къ коему надо прибѣгать только въ необходимости, ибо одно время даетъ надлежащую твердость уставамъ, ибо болѣе уважаемъ то, что давно уважаемъ, и вседѣлаемъ лучше отъ привычки (58). Реформы должны производиться постепенно, тихо, едва замѣтно, какъ естественное возрастаніе, безъ порывовъ и насилій. (22).

Но страннымъ образомъ, упрекая Петра за насильственное введеніе реформъ государственныхъ, взятыхъ съ чужого образца, несогласныхъ съ духомъ народа, осуждая замѣну старой Боярской Думы Сенатомъ, и замѣну Патріаршества Синодомъ, исторіографъ, къ нашему удивленію, въ тѣхъ же Сенатѣ и Синодѣ видитъ «основаніе Россійской монархіи» (131). Не потому ли, что эти учрежденія уже стали стариной, отъ времени получили твердость? Но вѣдь они были когда-то опаснымъ новшествомъ, введены насильственно съ его точки зрѣнія, были новой построй-

кой на мѣстѣ тѣхъ старыхъ государственныхъ зданій, касаться которыхъ опасно.

Исторіографъ подвергаетъ очень суровой критикѣ всю внѣшнюю и внутреннюю политику Александра I. Критика эта писана не только очень смѣло, но въ тонѣ рѣзкомъ, и даже раздражительномъ, и въ ней не мало умолчаній, въ ней многое нужно читать между строкъ.

Извѣстны мысли Карамзина о значеніи изученія исторіи: она есть священная книга народовъ, главная, необходимая; зеркало ихъ бытія, скрижаль откровеній и правилъ, завѣтъ предковъ къ потомству, дополненіе, изъясненіе настоящаго, и примѣръ будущаго.

Правители, законодатели, дѣйствуютъ по указаніямъ Исторіи и смотрятъ на ея листы, какъ мореплаватель на чертежи моря. Мудрость человѣческая имѣетъ нужду въ опытахъ, а жизнь кратковременна. Должно знать, какъ искони мятежныя страсти волновали гражданское общество, и какими способами благотворная власть ума обуздывала ихъ бурное стремленіе, чтобы учредить порядокъ, согласить выгоды людей и даровать имъ возможное на землѣ счастье.

Но и простой гражданинъ долженъ читать исторію. Она миритъ его съ несовершенствомъ видимаго порядка вещей, какъ съ обыкновеннымъ явленіемъ во всѣхъ вѣкахъ, утѣшаетъ въ государственныхъ бѣдствіяхъ, свидѣтельствуя, что и прежде бывали подобныя, бывали еще ужаснѣйшія, и Государство не разрушалось. Она питаетъ нравственное чувство и праведнымъ судомъ своимъ располагаетъ душу къ справедливости, которая утверждаетъ наше благо и согласіе общества (Предисловіе къ Исторіи Государства Россійскаго).

Но если таково значеніе знанія исторіи, то кто же можетъ быть самымъ надежнымъ руководителемъ законодателя, его незамѣнимымъ и необходимымъ совѣтникомъ въ дѣлахъ правленія? Разумѣется тотъ, кто можетъ глядѣть въ заднія и переднія—историкъ.

И вотъ почему нашъ исторіографъ считаетъ не только своимъ правомъ, но и своей обязанностью, дать рядъ совѣтовъ молодому Императору, недостаточно знакомому съ опытомъ прошлаго. Что даетъ ему право на такіе совѣты, спрашиваетъ ученый историкъ? «Любовь къ отечеству и Монарху, нѣкоторыя, быть можетъ, данныя мнѣ Богомъ способности, нѣкоторыя знанія, пріобрѣтенныя мною въ лѣтописяхъ міра и въ бесѣдахъ съ мужами великими, т.-е. въ ихъ твореніяхъ» (46). И исторіографъ настолько увѣренъ въ непреложности своихъ основныхъ взглядовъ, въ радикальной

спасительности своихъ совѣтовъ, въ безусловной справедливости своего строгаго суда надъ настоящимъ, что свой судъ отождествляетъ съ судомъ исторіи: «Чего хочу? Съ добрымъ намѣреніемъ испытать великодушіе Александра и сказать, что *мнѣ кажется справедливымъ, и что нѣкогда скажетъ исторія*» (ib.).

Но почему же тонъ его критики не спокойное и безстрастное слово объективнаго судьи, въ приказахъ посѣдѣвшаго дьяка, равнодушно внимающаго добру и злу, а страстное нападеніе, горячее обличеніе, ѣдкое, и порой даже презрительное, осужденіе?

Намъ кажется, для этого существуетъ нѣсколько причинъ, которыя легко прочесть между строкъ.

Мы уже знаемъ взглядъ исторіографа на дворянство, какъ одинъ изъ столповъ русскаго государственнаго строя, и именно дворянство наслѣдственное, благородныхъ отъ рожденія. Карамзинъ горячо возстаетъ противъ проникновенія въ среду дворянства разночинцевъ. Свои мысли по этому вопросу онъ развиваетъ подробно слѣд. словами (стр. 127):

«Надлежало бы не дворянству быть по чинамъ, но чинамъ по дворянству, т.-е. для пріобрѣтенія нѣкоторыхъ чиновъ надлежало бы необходимо требовать благородства... Не должно для превосходныхъ дарованій, возможныхъ во всякомъ состояніи, (уступка, вызванная вѣроятно примѣромъ Ломоносова), заграждать пути къ высшимъ степенямъ, но пусть Государь дастъ Дворянство прежде чина и съ нѣкоторыми торжественными обрядами, вообще рѣдко, и съ выборомъ строгимъ. Польза ощутительна: 1) Если часто будете выводить простолюдиновъ въ Министры, въ вельможи, въ Генералы, то съ знатностью приведется давать имъ и богатство, необходимое для ея сіянія—казна истощается. Напротивъ того, Дворяне, имѣя наслѣдственный достатокъ, могутъ въ высшихъ чинахъ обойтись безъ казенныхъ денежныхъ пособій. 2) Оскорбляете дворянство, представляя ему людей низкаго происхожденія на ступеняхъ трона, гдѣ мы издревле обyklи видѣть Бояръ сановитыхъ. Ни слова, буде сіи люди ознаменованы способностями рѣдкими, выпренными, но буде они весьма обыкновенны, то лучше, если бы сіи высшія мѣста занимались Дворянами. 3) Природа даетъ умъ и сердце, но воспитаніе образуетъ ихъ. Дворянинъ, облагодѣтельствованный судьбою, навываетъ отъ самой колыбели уважать себя, любить Отечество и Государя, за выгоды своего рожденія (sic!), плѣняться знатностью, удѣломъ его предковъ, и наградою личныхъ будущихъ (sic) заслугъ его. Сей образъ мыслей и чувствованій даетъ ему то благородство духа, которое сверхъ иныхъ намѣреній, было цѣлью при учрежденіи наслѣдственнаго Дворянства—пре-

имушество важное, рѣдко замѣняемое естественными дарами простолюдина, который, въ самой знатности, боится презрѣнія, обыкновенно не любитъ Дворянъ и мыслить личной надменностію изгладить изъ памяти людей свое низшее происхожденіе».

А между тѣмъ проектъ реформъ и произведенныхъ до 1811 г. (Министерства, Госуд. Совѣтъ), а еще болѣе неосуществленныхъ, но конечно извѣстныхъ ему по близости ко Двору (Записку свою Карамзинъ представилъ черезъ вел. княгиню Екатерину Павловну), былъ составленъ именно геніальнымъ разночинцемъ, такъ неожиданно ставшимъ ближайшимъ совѣтникомъ Александра въ дѣлахъ крупнѣйшихъ государственныхъ реформъ. Вся горячая филиппика исторіографа противъ втсрженія черни въ среду благородныхъ—несомнѣнный отголосокъ той ненависти, которую въ эту эпоху возбудилъ противъ себя вдохновитель молодого Императора ¹⁾.

Реформы для исторіографа непріемлемы прежде всего потому, что онѣ составлены не въ духѣ національномъ. Однако, ученый историкъ, отстаивающій и Сенатъ, и Синодъ, и сословную монархію, очень бы затруднился нарисовать типъ нашего государственнаго, въ національномъ духѣ, строя.

Исторіографъ ни слова не говоритъ о томъ вѣнцѣ, которымъ Александръ и его вдохновитель мечтали завершить зданіе государственныхъ реформъ, но что онъ объ этихъ мечтаніяхъ зналъ, это несомнѣнно видно изъ его опасеній, какъ бы реформы не подорвали цѣлости и силы самодержавія, палладіума Россіи. Это ясно видно изъ его пророчества: «вижу еще обширное поле для всякихъ новыхъ твореній *самолюбиваго неопытнаго ума*, но не печальна ли сія возможность» (115), и изъ рѣзкой критики проекта Новаго Уложенія, для котораго «набрали многихъ секретарей, редакторовъ, помощниковъ, не сыскали только одного и самаго необходимѣйшаго—человѣка, способнаго быть его душой, изобрѣсти лучшій планъ, лучшія средства и привести оныя въ исполненіе наилучшимъ образомъ» (105).

Для него, горячаго поклонника палладіума Россіи, наши реформаторы были тѣми дерзкими смѣльчаками, которые подняли сѣкиру на священное древо, подъ сѣнью котораго все благоденствовало, и болѣе всего было ему то, что древко сѣкиры было вырублено изъ этого же заповѣднаго священнаго древа.

Для исторіографа, врага великихъ крупныхъ потрясеній въ государственной жизни, коренныхъ средствъ въ лѣченіи госу-

¹⁾ И которая была причиной его паденія.

дарственныхъ недуговъ, казалось достаточнымъ кое-что исправить въ стройной государственной машинѣ, такъ превосходно устроенной Екатериной, и имѣвшей за собой давность 34-лѣтнюю, и отмѣнить единственно излишнее, прибавить нужное, однимъ словомъ, исправить по основательному разсмотрѣнію (58).

Но исторіографъ не ограничивается одной критикой опасныхъ, съ его точки зрѣнія, реформъ молодого царствованія.

Если исторія, по мнѣнію исторіографа, подобна той морской картѣ, которою необходимо должны руководствоваться мореплаватели, дабы держать правильный курсъ корабля, избѣгать рифовъ и скалъ подводныхъ, если исторія не только изъясняетъ настоящее, но и предсказываетъ будущее, то кто же лучше историка можетъ и сдѣлать діагнозъ болѣзни государства, и, зная, какими способами благотворная власть учреждаетъ порядокъ и обуздываетъ бурное стремленіе страстей, предложить наиболѣе дѣйствительныя средства для лѣченія государственныхъ недуговъ?

Естественно, что мужъ такого историческаго опыта, какъ нашъ исторіографъ, поставивъ раньше діагнозъ болѣзни, знаетъ и средства къ ея уврачеванію, и средства эти простѣйшія (115). «Самолюбіе царскихъ совѣтниковъ хотѣло своей творческой мудростью затмить жену Екатерину и мужа Петра. Дѣло сдѣлано, признаться въ десятилѣтнихъ заблужденіяхъ вредно, но надобно искать средствъ, пригоднѣйшихъ къ настоящему» (116).

Исторіографъ, какъ мы знаемъ, считаетъ главнымъ двигателемъ въ исторіи *личность*. Исторія народа принадлежитъ Царю. Исторія передаетъ дѣянія великодушныхъ царей и въ самое отдаленное потомство вселяетъ любовь къ ихъ священной памяти (Предисловіе къ Ист. Госуд. Росс.). А посему не учрежденіями правится государство, а людьми. Главная ошибка нашего законодательства излишнее уваженіе формъ. Но не формы, а люди важны (116).

Петръ имѣлъ страсть къ людямъ способнымъ, и поэтому главное правило для монарха—искать людей, главное его достоинство—умѣть распознавать достоинство людей. Въ данномъ случаѣ исторіографъ отступаетъ даже отъ своего основного правила—постепенности—постоянная постепенность есть законъ для множества, а не для всѣхъ. Кто имѣетъ умъ министра, не долженъ посѣдѣть въ столоначальникахъ и секретаряхъ ¹⁾ (117). Петръ находилъ способныхъ людей въ кельяхъ монастырскихъ и въ каютахъ—онъ нашелъ тамъ Феофана и Остермана. Исторіо-

¹⁾ Здѣсь К. зсмрываетъ глаза на нахожденіе Петромъ талантовъ не въ одной средѣ дворянской.

графъ, правда, забываетъ улицу, на которой Петръ нашелъ Меншикова. Но мы знаемъ уже его высокое представленіе о дворянскомъ сословіи—естественныхъ помощникахъ Государя въ дѣлахъ правленія; было бы удивительно, если бы онъ счелъ возможнымъ приближеніе улицы къ трону.

Итакъ, найдемъ прежде всего способныхъ министровъ—царскихъ помощниковъ. Но это еще не самое главное.

Наше правленіе есть отеческое патріархальное (122). Обширное государство раздѣлено на 50, или болѣе, частей—губерній—если тамъ дѣла пойдутъ, какъ должно, то министры и Совѣтъ, (а прибавимъ и Государь), могутъ отдыхать на лаврахъ, а дѣла пойдутъ, какъ должно, если вы найдете въ Россіи 50 мужей умныхъ, добросовѣстныхъ, которые ревностно станутъ блюсти вѣренное каждому изъ нихъ благо полумилліона Россіянъ, обуздають хищное корыстолюбіе нижнихъ чиновниковъ и господъ жестокихъ, возстановятъ правосудіе, успокоятъ землевладѣльцевъ, ободрятъ купечество и промышленность, сохранятъ пользу казны и народа (118). Итакъ, все спасеніе, все благо Россіи въ хорошихъ губернаторахъ. Но для того, чтобы губернаторы могли дѣйствительно исполнять столь важныя и сложныя функціи, власть ихъ должна быть возвышена. Они, подобно старымъ намѣстникамъ, должны на мѣстахъ имѣть всю полноту власти—имъ должны быть подчинены школы, удѣльныя имѣнія, казенные лѣса, дороги, воды, почты, и предъ ними должны быть отвѣтственны всѣ провинціальныя чиновники—губернаторъ, такимъ образомъ, есть вмѣстѣ и администраторъ, и судья, и даже законодатель. Онъ отвѣтствененъ самъ только передъ Государемъ, такъ какъ и министры должны превратиться только въ простыхъ секретарей государевыхъ (119, 120).

Такимъ образомъ нашъ исторіографъ, видяшій главную задачу и смыслъ самодержавія въ единствѣ дѣйствія, предлагаетъ теперь для упорядоченія государственнаго правленія разбить Русь на 50 сатрапій, 50 маленькихъ феодальныхъ владѣній, почти монархій, связанныхъ между собою одною личностью сюзерена.

Что же остается монарху? Выборъ этихъ вассаловъ и умѣнье обходиться съ ними—находить способъ усиливать въ нихъ побужденіе добра или сбуждывать стремленіе къ злу—для первыхъ есть награды, отличія, для вторыхъ—боязнь наказанія. Итакъ единственныя функціи высшей власти, помимо выбора и утвержденія вассаловъ, милости и казни.

Дѣтская наивность политическихъ взглядовъ исторіографа настолько ясна, что подвергать ихъ критикѣ, разумѣется, нѣтъ

никакой нужды. Отмѣтимъ лишь одно: историкъ проглядѣлъ стремленіе, красной нитью проходящее по всей нашей исторіи съ начала XVIII ст., стремленіе отъ порядковъ правленія патріархальнаго перейти къ правленію правовому, къ замѣнѣ патріархальнаго государства государствомъ правовымъ. Отмѣчу еще и то, что въ своей обширной запискѣ, въ обзорѣ нашего прошлаго, его политическаго устройства, исторіографъ ни словомъ не обмолвился о столь характерномъ явленіи въ нашемъ прошломъ, какъ Земскіе Соборы. И это умолчаніе весьма знаменательно—вѣдь Земскіе Соборы были нашей стариной, частью древняго государственнаго зданія, разрушенной великимъ реформаторомъ. Самолюбивые и славолубивые царскіе совѣтники съ царскаго одобренія хотѣли возстановить эту старину, и потому критику ихъ новшествъ, ихъ творческой дѣятельности пришлось бы сказать, какъ нашимъ старообрядцамъ, что въ этихъ новинахъ онъ узнаетъ нашу родную старину. На такое признаніе у него мужества и историческаго безпристрастія не хватило.

Исторіи Карамзина теперь не читаютъ. Она устарѣла во всемъ—въ слогѣ, идеяхъ, пониманіи хода и смысла нашего историческаго процесса. Она стала уже достояніемъ исторіи и историковъ—послѣдніе еще пользуются ея примѣчаніями, въ которыхъ находятъ массу выписокъ изъ источниковъ и мелкой кропотливой надъ ними работы.

Начало исторіи появилось въ свѣтъ 100 л. тому назадъ и пять лѣтъ послѣ составленія Записки. За 5 лѣтъ основныя взгляды исторіографа не измѣнились. Идеи основныя Исторіи Государства Россійскаго тѣ же, что и Записки о др. и нов. Россіи, а тѣ только развиваютъ мысли Русскаго Путешественника.

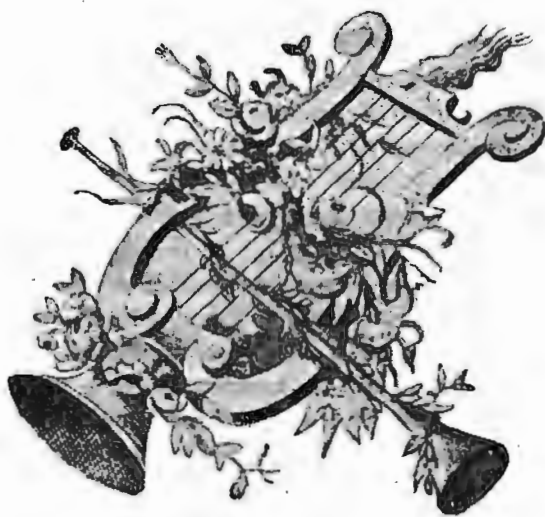
Критикъ Исторіи Государства Россійскаго, польскій историкъ Лелевель въ своей многотомной исторіи Польши проводитъ одну идею: Золотымъ вѣкомъ Польши была эпоха шляхетскаго господства, или шляхетской вольности, какъ онъ это господство характеризуетъ. Пала эта вольность, пала и независимая Польша. Для Карамзина эпохами силы нашего государства были эпохи силы самодержавной власти¹⁾. Ему показалось, что власть сама себя хочетъ ограничить, и онъ въ своей Запискѣ, подобно древнему Римлянину, угрожалъ намъ сакраментальной фразой—*Caveant consules*.

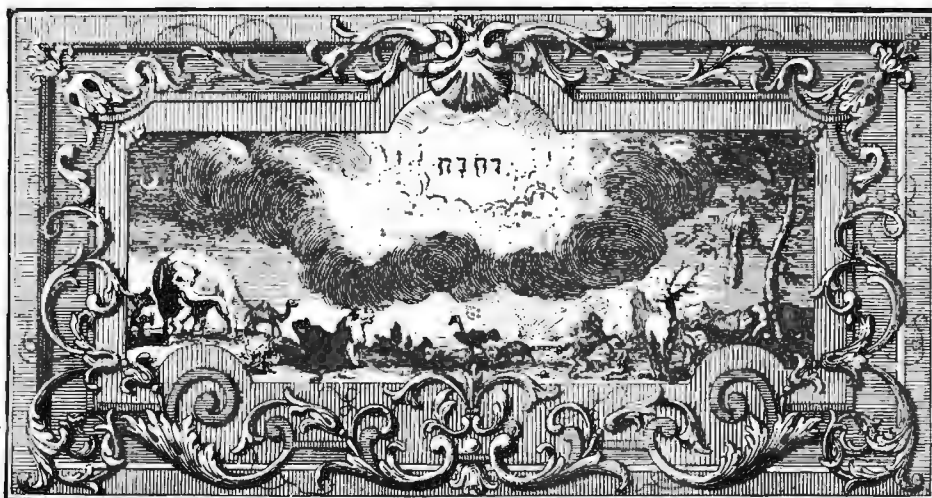
Для Карамзина, какъ для нашихъ старыхъ звѣздочетовъ, не земля вращалась около солнца, а твердь небесная обращалась

¹⁾ Точка зрѣнія, усвоенная для прошлаго Польши историкомъ Бобржинскимъ.

кругомъ земли. Политическій строй для него нѣчто незыблемое, мошнсе зданіе, къ которому касаться опасно—появятся трещины, и зданію грозитъ гибель. Опасенія его оказались напрасными. Мы уже два вѣка перестраиваемъ наше государственное зданіе, чтобы приспособить его къ новымъ требованіямъ жизни—сдѣлать уютѣе, свѣтлѣе, теплѣе и здоровѣе. Перестройка еще не кончена, но въ новомъ помѣщеніи мы все-же дышимъ болѣе здоровымъ и свободнымъ воздухомъ, чѣмъ въ старой приказной избѣ крѣпостного Московскаго Государства.

И. А. Линниченко.

Къ исторіи петербургскаго университета.

1857—1859 г.

(Изъ бумагъ Л. Н. Модзалевскаго).

Приближается столѣтіе существованія Петербургскаго Университета. Историкъ этого учрежденія, давшаго Россіи не одинъ десятокъ тысячъ дѣятелей, несомнѣнно, съ особымъ вниманіемъ остановится на эпохѣ пробужденія университетской жизни, послѣдовавшаго въ концѣ 1850-хъ годовъ, вслѣдъ за вступленіемъ на престолъ Императора Александра II, когда вся русская жизнь, потрясенная сверху до низу Севастопольскою эпопеею, всколыхнулась, и всѣ слои населенія въ той или иной формѣ стали проявлять жизнь и волноваться. Не остались чужды этому волненію и наши университеты,—эти чуткіе барометры, всегда одними изъ первыхъ откликающіеся на крупныя событія и на перемѣны общественныхъ настроеній и вѣяній.

Въ этомъ отношеніи и С.-Петербургскій Университетъ внесъ свою долю участія въ общественныя движенія эпохи.

Въ главныхъ чертахъ тогдашнія настроенія университетовъ извѣстны и отмѣчены всѣми историками общественнаго движенія въ Россіи; нѣкоторые изъ нашихъ мемуаристовъ, бывшіе въ то время студентами, сохранили для насъ въ своихъ воспоминаніяхъ рассказы о той порѣ—непосредственной предшественницѣ «эпохи великихъ реформъ»,—передали различные эпизоды, подробности нѣкоторыхъ событій университетской жизни. Но историкъ почти не располагаетъ конкретными документами, которые съ несомнѣнными точностью и опредѣленностью рисовали бы событія

чернымъ по бѣлому, давали бы намъ возможность ближе и непосредственнѣе познакомиться съ тогдашними настроеніями студенчества, такъ сказать, «пріобщиться» къ нимъ. Вотъ почему я полагаю, что, при указанной бѣдности документальныхъ источниковъ для исторіи внутренней жизни Петербургскаго Университета эпохи, о которой я говорю, представляютъ несомнѣнный интересъ и значеніе тѣ немногіе письменные памятники, которые сохранились въ бумагахъ одного изъ студентовъ этого Университета, моего отца—Льва Николаевича Модзалевскаго (род. 1837 г., ум. 1896 г.), прошедшаго въ немъ курсъ какъ разъ въ переходную, переломную пору (1855—1859 гг.) и бывшаго, по выраженію Л. О. Пантелѣева («Изъ воспоминаній прошлаго», С.-Пб. 1905 г., стр. 138) «типичнымъ представителемъ» группы «студентовъ перваго пробужденія новой жизни въ Университетѣ».

Вступивъ въ Университетъ въ августѣ 1855 г. 18-лѣтнимъ юношей, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ смерти императора Николая, и едва не осуществивъ своего порыва тотчасъ по окончаніи курса въ 3-й Петербургской Гимназіи поступить въ военную службу и принять участіе въ войнѣ,—онъ пробылъ въ Университетѣ, на Историко-Филологическомъ факультетѣ 4 полныхъ учебныхъ года, до старости сохранивъ объ этомъ времени самыя теплыя, свѣтлыя и живыя воспоминанія. Такъ въ своей «Педагогической автобіографіи»¹⁾ онъ говорить, что, окончивъ курсъ университета онъ съ радостью вступилъ во вновь устроенные при Университетѣ педагогическіе курсы, такъ какъ «не могъ разорвать всякую связь съ нимъ (университетомъ) и желалъ даже не студентомъ продолжать старую студенческую жизнь, къ которой такъ привыкъ, которую такъ полюбилъ»²⁾.

Вообще о времени своего студенчества онъ пишетъ въ свей автобіографіи слѣдующее: «Въ началѣ Александровскаго царствованія все русское общество переживало трудности рѣшительнаго, крутого перехода отъ Николаевскаго царствованія къ новой благодатной жизни, богатой самыми радужными надеждами. Вдругъ пала стѣна между Россіей и Западной Европой; рухнулъ мертвый формализмъ вмѣстѣ съ многими стѣсненіями; на всѣхъ пахнуло вѣяніе большей свободы мысли и слова. Вмѣстѣ съ правительствомъ и само общество ринулось къ реформамъ, кото-

¹⁾ См. «Русск. Школа» 1897 г., № 3 и 4, а также въ «Очеркѣ исторіи воспитанія и обученія» Л. Н. Модзалевскаго, изд. 3-е, т. II, С.-Пб. 1899, и отд. отт., С.-Пб. 1899, 45 стр.

²⁾ Назв. соч., стр. 20.

рымъ должна была предшествовать повѣрка старыхъ началъ и отрицаніе старыхъ заблужденій и пороковъ. Университетъ нашъ, имѣвшій по уставу только 350 студентовъ, скоро принялъ до 1.000 новыхъ членовъ изъ всякихъ сословій, званій и возрастовъ,—и жизнь зашумѣла, и именно *зашумѣла*, тогда какъ для науки необходимы тишина и спокойствіе. Отрицаніе самое безпощадное, необходимое для обновленія старой жизни, изъ общества проникло въ университетъ и нашло здѣсь самую благопріятную почву. Прежніе принципы нравственности и гражданственности, особенно не удовлетворявшіе насъ—молодежь,—были смѣло и торжественно отвергнуты нами, а новые еще не были отысканы. Да ихъ никто и не спѣшилъ искать и всю энергію расточалъ на отрицаніе. Если же и были приняты нѣкоторыя новыя начала, то ихъ надо было еще провѣрить,—и вотъ мы принялись за ихъ осуществленіе въ жизни, ничего не щадя для ихъ торжества... Пользуясь предоставленною намъ свободою, къ которой такъ не привыкли, мы скоро перестали посѣщать лекціи строгихъ и скучныхъ профессоровъ, дававшихъ науку въ какихъ-то мертвыхъ формахъ, а ходили въ аудиторію только къ тѣмъ, которые старались примѣнить науку къ рѣшенію насущныхъ вопросовъ, къ разрушенію стараго зла, и раскрывали передъ нами новыя, свѣжіе идеалы, отъ скорѣйшаго осуществленія которыхъ, казалось, зависѣло все счастье нашей государственной, общественной, семейной и индивидуальной жизни¹⁾.

¹⁾ Наиболѣе вліятельными профессорами у филологовъ въ то время были: по русской литературѣ—А. В. Никитенко и М. И. Сухомлиновъ; по славянскимъ нарѣчіямъ И. И. Срезневскій; по древнимъ языкамъ—Н. М. Благовѣщенскій и И. Б. Штейнманъ; по исторіи—М. С. Куторга, М. М. Стасюлевичъ и Н. И. Костомаровъ; педагогію читалъ А. И. Фишеръ, а богословіе, логику и психологію—протоіерей Янышевъ, въ обширную аудиторію котораго стскались всѣ факультеты и при томъ безъ всякихъ принудительныхъ мѣръ. Студенты вообще любили слушать продуманную и прочувствованную рѣчь о. Янышева, который, къ сожалѣнію, недолго оставался на своей кафедрѣ. Имена вышеназванныхъ профессоровъ, большинство которыхъ оставило глубокіе слѣды и въ наукѣ, и въ умахъ своихъ слушателей, достаточно опредѣляютъ то строго-научное и въ то-же время вполне жизненное направленіе, которое тогда господствовало и не у однихъ филологовъ. Куторгу, Костомарова, Сухомлинова, Стасюлевича приходили слушать и юристы, и камералисты, и «восточники», а филологи нерѣдко заглядывали къ Ценковскому (по ботаникѣ) или Куторгѣ старшему (по зоологіи), или къ Андреевскому (по законовѣдѣнію). Научные интересы съ одной стороны и жизненные вопросы новаго, столь богатаго надеждами царствованія, держали университетскую молодежь въ самомъ возбужденномъ состояніи. У каждаго изъ профессоровъ (мы разумѣемъ преимущественно Филологическій Факультетъ) была группа своихъ приверженцевъ и послѣдователей, и профессора, принимая во вниманіе разнообразіе и громадность факультетскихъ предметовъ, предоставляли студентамъ возможность предаваться по преимуществу той или другой спеціальности, при чемъ по другимъ обязательнымъ предметамъ оказывалось возможное снисхожденіе. Такъ, одни особенно увлекались исторіей, другіе по преимуществу любили

«Переходный возрастъ совпалъ съ переходнымъ броженіемъ самаго русскаго общества. Сходки литературныя и нелитературныя бесѣды, споры, благотворительность, изданіе разныхъ рукописныхъ журналовъ и статей сатирическаго характера—вотъ, что занимало насъ и поглощало всю нашу пылкую дѣятельность.

«Предприняли даже издавать печатный періодическій «Сборникъ» изъ серьезныхъ статей самихъ студентовъ разныхъ факультетовъ. Я на одинъ годъ былъ выбранъ редакторомъ отъ Филологическаго Факультета, но редактировать было почти нечего: спокойное занятіе наукой было невозможно въ это бурное время (ea tempestate). Мы спѣшили завести собственный студенческій судъ, свою кассу для вспоможенія бѣднымъ товарищамъ, свою больницу, свою библіотеку, бесплатныя школы для бѣдныхъ дѣтей,—однимъ словомъ, мы,—самые крайніе идеалисты, кинулись въ практическую дѣятельность. Начальство сначала одобряло наши благородныя стремленія, помогало намъ хорошенько устроиться. Но мало-по-малу наша студенческая жизнь со сходками и журналами стала принимать нѣсколько политическій характеръ, ибо мы стали толковать не объ однихъ своихъ, но и объ общественныхъ дѣлахъ, а въ своихъ школахъ видѣли прекрасное средство вести новую пропаганду, образовывать новое, свѣжее поколѣніе. Къ этому направляла насъ и вся текущая литература. Особенный ходъ получили у насъ проникавшія съ Запада начала социализма, матеріализма и даже атеизма. Сентъ-Симонъ, Бюхнеръ, Фейербахъ—были любимымъ предметомъ чтенія и въ секретныхъ изданіяхъ расходились между студентами. Вообще мы много читали, особенно запрещеннаго, много писали, много говорили и хлопотали, но учились мало. Хорошихъ руководителей у насъ не было, а начальству и многимъ профессорамъ мы не вѣрили. Иные профессора сами стали заискивать нашего расположенія. Для сношенія съ начальствомъ въ общихъ дѣлахъ избирались постоянные или экстренные депутаты, и я то и дѣло ходилъ вмѣстѣ съ другими депутатами по начальству, чтобы выпросить новую льготу или отстоять уже пріобрѣтенную. Представительство такое хотя и угрожало мнѣ опасностью, ибо начальство смотрѣло на такихъ депутатовъ, какъ на безпокойныхъ и вредныхъ зачинщиковъ, но льстило

славянскіе языки, третьи посвящали себя древне-классической литературѣ и т. д. Но самымъ близкимъ и вліятельнымъ профессоромъ, душою филологовъ въ концѣ 50-хъ годовъ былъ тогда еще молодой, скромный и замѣчательно трудолюбивый М. И. Сухомлиновъ, преподававшій сравнительную грамматику, древне-русскую литературу и русскія древности. Около него преимущественно группировались тогдашніе, столь еще немногочисленные филологи, а отчасти студенты и иныхъ факультетовъ, питавшіе интересъ къ литературнымъ занятіямъ.

моему самолюбію. Мнѣ было даже не страшно пострадать за общее дѣло...

«Въ университетѣ, какъ и въ гимназіи, я жилъ исключительно въ товарищескомъ кружкѣ, сильно огрубѣвшемъ отъ своей замкнутости, отъ недостатка благотворнаго вліянія женскаго общества. При всеобщемъ отрицательномъ направленіи, въ жизни нашей явилась какая-то распушенность, уживавшаяся съ самыми благородными стремленіями и псрывами. При томъ же мы незамѣтно отвыкли и отъ всякаго спокойнаго, суроваго труда, который не блестѣлъ, не давалъ скорыхъ плодовъ. Наша односторонность и нѣкоторая испорченность была несознаваема нами, но со стороны правительства, всегда недовѣрчиваго, а теперь въ особенности, а слѣдовательно и со стороны университетскаго начальства уже началась реакція.

«Мы замѣтили желаніе сдержать насъ, отнять наши лучшія права и вогнать насъ въ прежнюю колею,—и вотъ мы рѣшились самоотверженно отстаивать нашу свободу. Но эти подвиги предстояли уже не мнѣ, а моимъ младшимъ товарищамъ»...

Строки эти могутъ служить лучшимъ введеніемъ въ серію печатаемыхъ ниже документовъ; послѣдніе же даютъ возможность приподнять завѣсу прошлаго и заглянуть въ тотъ кипящій котелъ, который шумѣлъ и бурлилъ въ тѣ, уже давнія времена въ Петербургскомъ университетѣ. Во всѣхъ документахъ,—особенно въ рѣчахъ Л. Н. Модзалевскаго на сходкахъ,—много крайностей, много юношескаго задсра и пыла, но все проникнуто идеалистическимъ настроеніемъ, согрѣто любовію къ товарищамъ и товариществу, которое авторъ призывалъ къ единенію и къ сплоченной дѣятельности. Среди своихъ коллегъ Л. Н. Модзалевскій пользовался неизмѣнными симпатіями за свой живой, отзывчивый характеръ, за преданность студенческимъ интересамъ, за любовь къ университету и за вѣру въ силу и значеніе молодежи. Но нечего удивляться, что и среди крайне настроенныхъ элементовъ студенчества, и среди тѣхъ, кого онъ въ своихъ призывахъ старался заклеить, какъ недостойныхъ носителей званія студента, были люди, къ нему нерасположенные, питавшіе къ нему чувства недобрыя и не останавливавшіеся даже передъ клеветою, въ намѣреніи подсрвать къ нему довѣріе и очернить его въ глазахъ товарищей. Одинъ изъ такихъ выпадовъ далъ поводъ младшему товарищу Л. Н. Модзалевскаго по Историко-Филологическому Факультету, впослѣдствіи извѣстному Д. И. Писареву, выступить на его защиту и выразить свою съ нимъ солидарность,—о чемъ свидѣлствуетъ его письмо къ редакторамъ студенче-

скаго рукописнаго журнала «Вѣстникъ свободныхъ мнѣній», опубликованное въ «Русской Старинѣ» 1900 г. (т. 104, стр 111 — 114), въ письмѣ этомъ Писаревъ присоединяется къ печатаемому нами ниже мнѣнію Л. Н. Модзалевскаго о «Вѣстникѣ свободныхъ мнѣній» и, безъ его вѣдома и согласія, горячо и убѣжденно защищаетъ отъ клеветы товарища, «пользующагося общимъ уваженіемъ».

Публикуемые документы относятся, насколько можно судить по ихъ содержанію и датамъ, въ нѣкоторыхъ изъ нихъ находящимся, къ 1857, 1858 и 1859 годамъ; они соединяются въ VI отдѣльныхъ группъ: документы, касающіеся изданія «Студенческаго Сборника»; литературныя бесѣды; рѣчи на сходкахъ; «Вѣстникъ свободныхъ мнѣній»; касса для пособій нуждающимся студентамъ; столкновенія съ полиціей.

Къ документамъ нами даны необходимыя краткія объясненія.

Б. Модзалевскій.

Изданіе «Студенческаго Сборника».

«Студенческій Сборникъ» былъ первымъ общественнымъ предприятиемъ студентовъ Петербургскаго Университета, и о немъ имѣются довольно подробныя литературныя данныя,—между прочимъ, въ самомъ «Сборникѣ», на стр. 382—390 его Перваго выпуска, въ отдѣлѣ «Лѣтопись внутренней жизни университета», а также въ Отчетѣ университета за 1857 г. и въ цѣнныхъ Воспоминаніяхъ А. М. Скабичевскаго въ «Русскомъ Богатствѣ» 1907 г. (№ 7, стр. 31—33). Выборъ редакторовъ отъ Факультетовъ для изданія Перваго выпуска происходилъ 23 февраля 1857 г., при чемъ было избрано 12 студентовъ-редакторовъ (по 2 отъ Факультета); одинъ изъ нихъ, филологъ Александръ Тихменевъ, заведывалъ изданіемъ Перваго выпуска; профессоромъ-редакторомъ былъ адъюнктъ М. И. Сухомлиновъ. Книга вышла въ концѣ 1857 г.: она была дозволена цензурою 2 октября 1857 года.

Въ своей «Педагогической автобіографіи» Л. Н. Модзалевскій, рассказывая о времени своего студенчества, пишетъ: «Подъ руководствомъ профессора Сухомлинова въ 1857 г. было предпринято изданіе особаго печатнаго органа подъ названіемъ «Студенческій Сборникъ», въ числѣ редакторовъ котораго состоялъ и я. Этотъ «Сборникъ», въ которомъ, между прочимъ, было напечатано едва-ли не первое литературное произведеніе Д. И. Писарева, имѣлъ строго научный характеръ; впрочемъ, за недостаткомъ средствъ и научнаго матеріала, «Сборникъ»

послѣ двухъ книжекъ прекратился». Этому-то оскудѣнію и сожалѣнію о научной бездѣятельности студентовъ и посвящена печатаемая ниже, подъ № 3, записка Л. Н. Модзалевскаго, прочитанная имъ на одномъ изъ собраній студентовъ-редакторовъ.

[*Протоколъ сходки 20-го октября 1857 г. ¹⁾*].

На сходкѣ студентовъ Восточнаго факультета 20 октября 1857 года студентовъ было 21.

Студентами редакторами избраны:

Максимовъ ²⁾ и Бсгушевичъ ³⁾.

(Подписи:) Каѳаровъ, Обермиллеръ, Ивановъ, Цивильковъ, Казазъ, Михайловъ ⁴⁾, Бсгушевичъ, Енгальчевъ, Гладкій, Турминскій, Исаевъ, Максимовъ, Лисовскій, Волковъ, Каленовъ, Сниткинъ, Лыткинъ, Броссе, Пономаревъ, Тимаевъ, (Вейнбергъ), (Макаровъ), I. Бушъ.

Рѣчь Л. Н. Модзалевскаго въ собраніи редакторовъ «Студенческаго Сборника».

Господа!

Образованіе не есть принадлежность одной касты... Въ нашъ вѣкъ—вѣкъ истребленія менсплій и всѣхъ исключительныхъ правъ, оно тѣмъ менѣе можетъ имѣть такой уединенный характеръ. Передъ лицомъ науки нѣтъ ни сословій, ни званій, ни мундирсвъ, и слава Богу, что у насъ образовалась уже та сфера, гдѣ вышнія принадлежности человѣка не поглощаютъ самого человѣка... Намъ кажется, что университетъ есть именно та сфера, въ которой должны быть только адепты науки, а не мѣщане, не купцы, не чиновники, не сфицеры, не благородные русскіе дворяне... Быть же такимъ адептомъ можетъ всякій, кого не обидѣла природа.

¹⁾ Выборы редакторовъ для изданія второго выпуска «Студенческаго Сборника» пропущеннаго цензурою 8-го февраля 1860 г. и вышедшаго въ свѣтъ въ 1860 г.

²⁾ Викторъ Александровичъ, впоследствии генеральный консулъ нашъ въ Эрзерумѣ (1893).

³⁾ Юрій Михайловичъ (род. 1835 г., ум. 1901), впоследствии журналистъ и библиографъ, редакторъ «Сельскаго Вѣстника». Въ первомъ выпускѣ «Студенческаго Сборника» (стр. 179—254) была помѣщена его статья «Гюлистанъ, Саади». Въ студенческомъ журналѣ «Свѣточъ» было осмѣяно его низкопоклонство: онъ былъ изображенъ танцующимъ мазурку, а подъ каррикатурою стояла подпись:

Узнаю тебя я, авторъ Гюлистана. По этой гибкости архилакейской стана (Сообщ. К. Н. Модзалевскій).

⁴⁾ Александръ Степановичъ, другъ Л. Н. Модзалевскаго; впоследствии долго служилъ въ Тифлисѣ по учебному вѣдомству. Умеръ лѣтъ 10 тому назадъ, въ Пятигорскѣ.

Итакъ, вы не удивитесь, что я поведу рѣчь объ офицерѣ, забывая его офицерство, имѣя въ виду только ту жажду благо-роднаго, университетскаго образованія, особенно почтенную въ офицерѣ, которая мучить его, не давая впереди утѣшенія. Но чтобы уяснить вамъ дѣло, я начну издалика.

Въ одномъ изъ здѣшнихъ корпусовъ въ прошломъ году случались шумныя исторіи. Громилось начальство, писаны были частныя письма къ Главному Начальнику Военно-Учебныхъ Заведеній. Между кадетами былъ въ то время кадетъ Изановъ, который пусть и остановитъ на себѣ ваше вниманіе.

Онъ давно былъ на худомъ счету у начальства, какъ умный малый и отчасти литераторъ. Частныя письма предполагали смысленнаго автора. Онъ, какъ «упражнявшійся въ стилѣ», естественно заподозрѣнъ начальствомъ. Не имѣя повода открыто возстать на него, съ нимъ раздѣлялись особеннымъ образомъ. Изановъ былъ во 2 специальномъ классѣ и думалъ идти въ третій. Но для поступленія въ третій классъ нужно имѣть на переходномъ экзаменѣ не менѣе 10-ти балловъ, и эта магическая цифра срѣзала нашего кадета. Милостивый начальникъ оттягалъ у него одинъ баллъ и—выпустилъ изъ корпуса первымъ чиномъ. Судьба толкнула его въ глушь, и онъ долженъ былъ отправиться въ полкъ, припоминая извѣстные стихи Бенедиктова:

Изъ милыхъ даровъ не дала мнѣ судьба

Ни черстваго сердца, ни мѣднаго лба...

Еще бывши въ корпусѣ, Изановъ думалъ объ университетѣ; выйдя изъ третьяго специальнаго класса, онъ съ большимъ удобствомъ могъ исполнить свое желаніе, получая жилованье поручика. Но теперь—другое дѣло. Вы знаете, господа, мизерныя средства гг. военныхъ, но не знаете хорошо того ужаснаго положенія, въ которое они поставлены въ такомъ захолустѣ, куда попалъ нашъ бѣдный юноша. Ближайшій къ нему городъ—какіе-то *Вязники*, общество—армейскіе офицеры, способные только тянуть водку, бить денщиковъ и оттопывать свои бѣдныя ноженьки на провинціальныхъ вечерахъ. Чистыя пожертвованія—то въ пользу живыхъ, то умершихъ—окончательно разстраиваютъ карманъ. Кочеванье изъ одной деревни въ другую по милой прихоти отца-командира, вѣроятно, любящаго моціонъ, заканчиваетъ эту картину офицерскаго быта. Большое счастье, если найдется теплая, порядочная изба, гдѣ можно было бы офицеру жить хотя хорошо по-крестьянски; часто же нѣтъ и этого удобства: «Ляжешь на печь»,—пишетъ намъ Изановъ: «опасно изжариться; свѣсишь ноги—ноги мерзнуть». Трудно повѣрить, на что вызвала его пустынночическая жизнь эта: въ сосѣдствѣ

съ нимъ есть раскольникъ, почтенная борода, имѣющая свою православную (sic!) библіотеку,—и изъ этой-то библіотеки Ивановъ вычитываетъ, отъ нечего дѣлать, полезныя свѣдѣнія объ Антихристѣ и соблазнахъ міра сего... Чего не сдѣлаетъ скука!

Въ письмахъ Иванова къ его близкимъ товарищамъ постоянно звучать жалобы на то убійственное положеніе, которое такъ приучаетъ человѣка къ лѣности, раболѣпству, нравственной спячкѣ. Его жалобы такъ искренни и такъ справедливы, что возбуждаютъ полное къ нему участіе. Онъ говоритъ, что не будь у него надежды на освобожденіе изъ-подъ этого гнета без-полезной жизни армейскаго офицера, на вступленіе въ университетъ,—онъ бы даже не задумался наложить на себя руку.

Господа,—мнѣ кажется, что если Редакція рѣшится помочь этому благородному юношѣ, она достигнетъ еще полнѣе своей филантропической цѣли,—она дастъ дорогу человѣку, который даетъ столько залоговъ быть впослѣдствіи однимъ изъ честнѣйшихъ и образованнѣйшихъ гражданъ Россіи. Неужели одинъ студенческій сюртукъ даетъ право на иногда вовсе не заслуженное участіе нашихъ товарищей? Г-на же Иванова мы не можемъ считать совершенно чужимъ для нашего университета, интересамъ котораго чужды многіе и многіе изъ нашихъ общихъ товарищей.

(Речь Л. Н. Модзалевскаго въ собраніи редакторовъ «Студенческаго Сборника»).

М. Г.! Я имѣлъ честь пригласить Васъ сюда съ цѣлію передать вамъ отъ имени Редакціи живительное слово того любимаго и близкаго къ намъ человѣка, отсутствіе котораго болѣе, нежели когда-либо, чувствуется и сознается въ настоящее время. Разумѣю письмо нашего Профессора Редактора Михаила Иванов. Сухомлинова ¹⁾. Вотъ оно ²⁾.

И въ какомъ грустномъ положеніи застало насъ это письмо?! Сердце преданнаго нашему университету человѣка, самоотверженно посвятившаго его благу главную свою дѣятельность,—сердце этого человѣка какъ будто чувствовало, какъ близки къ паденію всѣ лучшія учрежденія наши, которыми мы когда-то справедливо гордились и которыя теперь обратились въ укоръ

¹⁾ О М. И. Сухомлиновѣ, какъ профессорѣ-редакторѣ, см. въ «Студенческомъ Сборникѣ», вып. II, Лѣтопись внутренней жизни Университета, стр. 6, а также въ статьѣ Е. В. Пѣтухова: «Матеріалы для біографіи М. И. Сухомлинова» въ «Изв. Отд. Русск. языка и словесности Имп. Академіи Наукъ», т. XVI, 1911 г., кн. 3, стр. 195—197.

²⁾ Письма этого въ черновики рѣчи не приложено, и оно неизвѣстно.

намъ. Сборникъ забытъ! Касса пуста, факультетскія сходки и литературныя чтенія совсѣмъ разрушились! Весь пылъ юношескій обращенъ на разбирательство уличныхъ скандаловъ или грязныхъ поступковъ недостойныхъ товарищей, на сплетни, на личности,—и мелочному, частному, принесено въ жертву общее, которое болѣе достойно занимать наше вниманіе. Господа! мы измелъчали, мы отказались отъ своего идеала и забрызгали его грязью...

Я не имѣю права обвинять васъ,—но взгляните на окружающія васъ обстоятельства, загляните въ ваше собственное сердце, парализованное, мертвое для возвышенной любви къ общему и частному благу вашихъ товарищей,—и ваша собственная совѣсть сильнѣе моихъ словъ обвинитъ васъ. Вѣдь вы сами живете (хотя и не такъ, какъ бы слѣдовало). Форма и преданіе еще не успѣли убить въ васъ движеніе къ лучшему и здравый смыслъ въ настоящемъ. Хорошо ли это настоящее? Все лучшее, въ чемъ только проявилъ себя университетъ нашъ, уже расшатано вами въ самомъ основаніи, и готово рухнуть. Никто не хочетъ поддержать его! Новые, непризванные, непосвященные члены нашего общества, довольные своимъ студенческимъ костюмомъ, кажется, вовсе не даютъ себѣ вопроса, студенты ли они по сущности, по призванію, по участію ихъ въ интересахъ нашего университета. Все посвящено угожденію собственной личности, а ближній забыть, хотя бы онъ погибалъ отъ нужды и лишеній... Горько! Не того ожидалъ университетъ отъ своихъ новыхъ гражданъ, молодое сердце которыхъ еще не растлѣно темными сторонами жизни и должно быть открыто добру.

Но правы ли и тѣ, которымъ время прежняго процвѣтанія внутренней жизни нашего университета раскрыло призваніе студента къ наукѣ и социальности? Не должны ли они были вести своихъ новыхъ товарищей въ ту сферу, въ которой должна была обращаться ихъ дѣятельность? Факультетскія сходки представляли прекрасное къ этому средство. Нѣтъ! Эти студенты еще сами подкапываютъ старое, хотятъ убить прогрессъ, вернуться къ прежнему порядку вещей, къ днямъ младенчества нашего университета и въ заблужденіи даютъ этому времени привлекательное имя спокойствія и порядка.

Но возможно ль намъ думать теперь

О довольствѣ, покоѣ, о счастьѣ?

Мы покоемъ назвали *застой*

А довольствомъ—*дрему* иль безстрастье...

И вотъ въ то время, когда всѣ лучшіе люди нашего отечества самоотверженно борются со старымъ общественнымъ зломъ,

порожденнымъ лѣнью и невѣжествомъ,—мы робко, униженно кладемъ оружіе именно въ тотъ моментъ, когда взоры всѣхъ обращены на нашъ университетъ, напоминавшій въ прошломъ году Россіи и другимъ университетамъ о своемъ существованіи.

Нашъ новый Попечитель ¹⁾, преемникъ нашего незабвеннаго князя Щербатова ²⁾, недовольный безпорядочнымъ въ университетѣ шумомъ и его мелочными, по его мнѣнію, причинами,—съ радостію узналъ о существованіи у насъ Сборника, общественной кассы, литературныхъ бесѣдъ—и сочувствіе свое выразилъ участіемъ въ дѣлѣ вспоможенія нуждающимся студентамъ по представленію Редакціи. Онъ призналъ необходимость существованія у насъ общественнаго мнѣнія, какъ нравственной цензуры; онъ не желаетъ разрушать что-либо изъ прекрасныхъ учреждений университета Щербатовской эпохи, готовъ поддерживать зависящими отъ него средствами всякое благое начинаніе студентовъ, еще недавно обратившихся къ нѣкоторымъ изъ своихъ профессоровъ съ просьбою объ учрежденіи при университетѣ публичныхъ лекцій.

Что же останавливаетъ насъ въ нашихъ стремленіяхъ и въ нашей дѣятельности? Все благопріятствуетъ внутреннему процвѣтанію университета—кромѣ насъ самихъ.

Въ насъ самихъ заглохло человѣческое чувство общественнаго прогресса. И отъ чего?—Отъ недостатка единства, убитаго мелочными партіями, раздѣленными взаимнымъ недоразумѣніемъ. Есть у насъ завѣтные кружки, отрѣшенные отъ цѣлаго общества и потому зраженные односторонностью, дикостью, угловатостью убѣжденій. Общительность, возникавшая прошлаго года на сходкахъ, не освѣжаетъ, не колышетъ ихъ застою. Развелось много какихъ-то мнимыхъ Чацкихъ, недовольныхъ честными предпріи-

¹⁾ Иванъ Давидовичъ Деляновъ, назначенный Попечителемъ въ іюнѣ 1858 г.

²⁾ По поводу ухода князя Григорія Алексѣевича Щербатова изъ попечителей въ «Студенческомъ Сборникѣ» записали: Зиговоравъ объ одномъ лицѣ (М. И. Сухомлиновѣ), такъ много принимавшемъ участія въ общемъ дѣлѣ студентовъ, мы не можемъ умолчать о другомъ, не можемъ не вспомнить имени, которое въ непродолжительное время студенты привыкли уважать и любить, которое и теперь часто раздается въ стѣнахъ Университета. Мы говоримъ о бывшемъ попечителѣ Петербургскаго Округа, о князѣ Григоріи Алексѣевичѣ Щербатовѣ. Въ первомъ выпускѣ Сборника упомянуто уже о содѣйствіи кн. Щербатова въ изданіи Сборника. Понимая хорошо значеніе Университета, сознавая потребность его образованія, онъ неутомимо заботился о средствахъ къ развитію внутренней университетской жизни,—и его заботы не потрачены даромъ. Онъ любилъ студентовъ, это высказалось во всѣхъ его дѣйствіяхъ, и студенты платили ему взаимною любовью. Оттого намъ и было такъ грустно услышать вѣсть объ оставленіи имъ должности Попечителя. Князь Щербатовъ былъ попечителемъ съ 22 октября 1857 по 24 іюня 1858 г. Онъ самъ былъ питомцемъ Петербургскаго университета, какъ и его два сына—князья Алексѣй и Александръ.

тіями студентовъ, недовольныхъ не по здоровому убѣжденію, а по жалкому фанфаронству и безграничному слѣпому себялюбію. Одни влісблены въ свое имя, грѣмѣе только для ихъ собственныхъ ушей; другіе—въ свое фамильное достоинство, отдѣляющее ихъ отъ толпы каретными стѣнками, а стальное челоуѣчество забыто въ его нуждахъ, трудахъ, борьбѣ съ окружающею средою. Но эти люди и не понимаютъ нашихъ стремленій,—и пусть нашъ храмъ закрыть для прѣфансовъ!

Знаю, Гг., многіе готовы обвинить Редакцію въ томъ, въ чемъ они сами виноваты.—Это такъ свойственно челоуѣку искать причины зла въ другихъ и обходить себя. Но скажите, кто отъ кого зависитъ: вы отъ Редакціи или Редакція отъ васъ? Чѣмъ вы откликнулись на призывы Редакціи поддержать кассу и сходки? Равнодушіемъ и двусмысленными улыбками. Вы недовольны иными редакторами, иными депутатами?—Большинство вашихъ голосовъ можетъ смѣнить, наказать ихъ. Вы можете уничтожить неблагопріятныя вамъ личности,—но зачѣмъ же разрушать самое дѣло въ его идеѣ, въ его основаніи? Каждый изъ васъ, интересующійся состояніемъ дѣла въ Редакціи, въ правѣ спрашивать отчета у своего товарища, удостоеннаго довѣріемъ большинства, или слушать этотъ отчетъ на факультетской сходкѣ.—Вы сами не хотите этого, вы сами чуждаетесь общаго дѣла,—и когда оно падаетъ, рѣшаетесь несправедливо взваливать вину на другого. Дѣла Редакціи всегда будутъ настолько успѣшны, насколько принимаетъ въ нихъ участіе само студенческое общество. Какимъ образомъ можетъ существовать Сборникъ, если никто не хочетъ писать и трудиться на поприщѣ науки? Чѣмъ будетъ помогать касса, если каждый скупится удѣлить хотя *сотую* часть своего имущества въ пользу своего нуждающагося товарищества? Что поддержитъ нравственную чистоту нашего общества,—если не будетъ общественного мнѣнія,—этого страшнаго, непреклоннаго судьи?

Товарищи, вы видите, что намъ теперь необходимо обновленіе всего прекраснаго, заявившаго себя въ прошедшемъ, чтобы, утвердившись въ немъ, неуклонно идти къ прекрасному въ будущемъ. Пусть злые или глупые, умышленно или въ невѣдѣніи, порицаютъ наше движеніе, нашъ громкій говоръ, полный смысла. Мы живемъ,—слѣдовательно необходимы и движеніе и говоръ. Были бы честны и благородны наши движенія, порожденныя любовью къ родимѣ и ближнему,—никто не повредитъ намъ. А люди, отъ которыхъ зависимъ мы, поймутъ насъ и помогутъ намъ выйти на открытую дорогу къ совершенству.

Гг.! Вы еще не окрѣпли въ борьбѣ съ нашими недоброже-

лателями,—но вѣдь это къ вамъ относится ободрительный голосъ поэта ¹⁾.

Мужайтесь! Пусть язвятъ они насмѣшкой злою
Первы страстные возвышенной любви
И называютъ мысль—ребяческой мечтою,
А пыль сердечныхъ чувствъ—волненіемъ въ крови.
Пусть, какъ Апостолу въ минуту истомленья,
Въ минуту слабости, вамъ пѣтель пропоеть,—
Рскаья слеза вамъ будетъ въ облегченье
И къ новымъ подвигамъ васъ мощно воззоветъ,—
И ваши тайныя, невидимыя слезы
Полють сокрытыя блаженства сѣмена;
Для міра вырастутъ изъ вашихъ терній—розы
И ваша мысль всплыветъ нетлѣнна и ясна!

Щ.

II. Литературныя бесѣды (1857—1858).

«Существовали между филологами»,—пишетъ Л. Н. Модзаевскій въ свсей автобіографіи, «такъ называемыя литературныя бесѣды, происходившія сперва въ помѣщеніи самого университета, а затѣмъ, благодаря поддержкѣ учебнаго начальства, въ залѣ 5-ой гимназіи. На этихъ бесѣдахъ бывалъ и М. И. Сухомлиновъ, бывший душою и этого предпріятія. На литературныхъ бесѣдахъ особенно дѣятельное участіе своими трудами или ихъ обсужденіемъ принимали студенты-филологи: А. М. Скабичевскій, Макушевъ (Викентій Васильевичъ, извѣстный славистъ), Л. Н. Майковъ, П. Н. Распоповъ, а также Вс. Вл. Крестовскій, А. П. Пятковскій и др., а я былъ избранъ товарищами распорядителемъ этихъ вечеровъ, устраивавшихся на товарищескую складчину».—«Филелогическія сходки у Аларчина моста», говоритъ А. М. Скабичевскій: «оставили во мнѣ самыя свѣтлыя и теплыя воспоминаія. Это былъ расцвѣтъ трійственной весны: весны, стсявшей въ то время въ природѣ, весны нашей молодой жизни и тей общественной весны, которая ставится обыкновенно въ кавычкахъ въ смыслѣ новыхъ вѣяній и ожиданій. Хотя сходки имѣли специальное назначеніе—читать статьи, предназначавшіяся для сборниковъ, и рѣшать, годятся ли онѣ для напечатанія, но я что-то не помню ни одного такого чтенія, но зато помню безконечные разговоры, молодые мечты и споры, помню

¹⁾ Стихотвореніе Н. Ф. Щербины «Поколѣнію» (1848 г.); здѣсь приведена вторая его половина. Б. М.

чтенія то новыхъ выпусковъ «Колокола» Герцена, то тѣхъ или другихъ запрещенныхъ стихотвореній и статей, распространявшихся въ то время обильно въ рукописныхъ спискахъ. Такъ, на одной изъ этихъ сходовъ я впервые познакомился съ поэмой Некрасова «Бѣлинскій». Нашъ однокурсникъ Всеволодъ Крестовскій, въ свою очередь, читалъ свои ультра-радикальныя стихотворенія»¹⁾.

Приводимая ниже подписка точно опредѣляетъ кругъ участниковъ, среди которыхъ встрѣчаемъ немало именъ лицъ, ставшихъ впоследствии извѣстными.

Подписка на ежемѣсячный взносъ для хозяйственныхъ расходовъ на бесѣды студентовъ Историко-Филологическаго Факультета ²⁾.

Новиковъ ³⁾, Майковъ ⁴⁾, Писаревъ ⁵⁾, Борисовъ, Саларскій, Скабичевскій ⁶⁾, Модзалевскій, Сорокинъ, Замысловскій ⁷⁾, Ординъ ⁸⁾, Макушевъ ⁹⁾, Полевой ¹⁰⁾, Крестовскій ¹¹⁾, Шиховскій ¹²⁾, Алаевъ, Длотовскій, Менжинскій, Головинъ, Лобановъ, Енгельчевъ, Трескинъ ¹³⁾, Утинъ, Вильсонъ, Погребовъ, Лазаревскій ¹⁴⁾, Вестенрихъ, Бильбасовъ ¹⁵⁾, Макъ, Синельниковъ, Распоповъ ¹⁶⁾. Размѣръ взносовъ для 2 бесѣдъ 29 ноября и 12 декабря былъ добровольный—отъ 30 к. до 1 р. 50 к. Изъ письменныхъ отчетовъ Л. Н. Модзалевскаго товарищамъ видно, что 1-я бесѣда изъ (23 человекъ) была 29 ноября, 2-я—(изъ 36 человекъ) 12 декабря 1857 г., 4-я (изъ 16 человекъ)—27 февраля и 5-я (изъ 13 человекъ)—9 апрѣля 1858 г.

¹⁾ «Русское Богатство» 1907 г.; № 7, стр. 33—34.

²⁾ Все писано рукою Л. Н. Модзалевскаго.

³⁾ Ив. Новиковъ, сотрудникъ «Студенческаго Сборника» (вып. I) и одинъ изъ его редакторовъ, впоследствии учительствовавшій.

⁴⁾ Л. Н. Майковъ, впоследствии академикъ, Вице-Президентъ Академіи Наукъ.

⁵⁾ Д. И. Писаревъ, извѣстный критикъ.

⁶⁾ А. М. Скабичевскій, критикъ и публицистъ; его воспоминанія о студенческой жизни въ журналѣ «Русское Богатство» 1907 г.

⁷⁾ Е. Е. Замысловскій, профессоръ историкъ.

⁸⁾ Ф. Ф. Ординъ, впоследствии присяжный повѣренный.

⁹⁾ В. В. Макушевъ, впоследствии профессоръ-славистъ.

¹⁰⁾ П. Н. Полевой, извѣстный писатель; ум. 1902 г.

¹¹⁾ Всев. В. Крестовскій, извѣстный писатель.

¹²⁾ И. И. Шиховскій, впоследствии преподаватель исторіи въ разныхъ учебныхъ заведеніяхъ.

¹³⁾ Н. А. Трескинъ, товарищъ Писарева, впоследствии зять Л. Н. Майкова, цензоръ въ Москвѣ, умершій 20 мая 1894 г.; писатель.

¹⁴⁾ Извѣстный историкъ Малороссіи А. М. Лазаревскій, ум. 1902 г.

¹⁵⁾ В. А. Бильбасовъ, профессоръ-историкъ.

¹⁶⁾ П. Н. Распоповъ, товарищъ Л. Н. Модзалевскаго по 3-й петербургской гимназіи, затѣмъ оренбургскій дѣятель.

III. Рѣчи Л. Н. Модзалевскаго на сходкахъ.

Общая картина университетскихъ сходовъ конца 1850-хъ годовъ, равно какъ и отдѣльныя сходки по опредѣленнымъ поводамъ живо нарисованы двумя студентами той эпохи—А. М. Скабичевскимъ ¹⁾ и Л. О. Пантелѣевымъ; послѣдній въ своихъ Воспоминаніяхъ особо рассказываетъ объ одномъ выступленіи Л. Н. Модзалевскаго ²⁾ на сходкѣ, собранной по поводу сильно взволновавшаго студентовъ избіенія ихъ товарищей матросами на пожарѣ 14 декабря 1858 г. (см. ниже). Здѣсь приводимъ сохранившіяся въ бумагахъ Л. Н. Модзалевскаго три его рѣчи, написанныя, очевидно, для произнесенія на сходкахъ; онѣ относятся, по всей вѣроятности, къ 1858—1859 гг.

1.

Почему въ Петербургскомъ университетѣ не бываетъ громкихъ происшествій, сильныхъ реакцій? Почему вся его внутренняя жизнь течетъ такъ тихо и незамѣтно, какъ болотный ручей, который такъ же тускло отражаетъ окружающіе его предметы, какъ Петербургскій университетъ—жизнь общественную? Что такъ обезличило, такъ омертвечило петербургскихъ студентовъ?

Вотъ вопросы, которые являются сами собою въ наше время, когда зачастую слышишь, что въ такомъ-то университетѣ досталось дураку и небѣжѣ-попечителю; тамъ-то студенты выгнали безсовѣстнаго, тупоумнаго профессора; тамъ сбили спѣсь съ генерала изъ генераловъ, тамъ выпорсли подлеца-инспектора и т. п.,—въ это время повсемѣстной и энергической реакціи застарѣлому злу—Петербургскій университетъ «пребываетъ въ житіи мирномъ, по Апостолу»³⁾. Многихъ наивныхъ квіетистовъ это радуетъ. «Наше петербургское молодое поколѣніе держитъ себя примѣрно», говорятъ они; «оно знаетъ, что начальство и правительство желаетъ ему добра и ведетъ его къ должной цѣли; оно занимается наукой—и ему некогда пускаться въ разрѣшеніе опасныхъ вопросовъ,—вольнодумство рождается всегда отъ праздности!»—Другіе старцы, болѣе подловатыя, потираютъ руки отъ удовольствія и шепчутъ другъ другу: «Какъ много старческаго благоразумія въ нашей молодежи! Она не рвется къ высокому и благородному, а идетъ мѣрно и твердо, ничего не сокрушая на пути; въ немъ много благороднаго чувства самоохраненія; оно

¹⁾ «Русское Богатство» 1907 г., № 7, стр. 36—37.

²⁾ Изъ воспоминаній прошлаго, СГБ. 1905 г., стр. 37—40.

³⁾ Слова г. Делянова, этого человѣка, «пріятнаго во всѣхъ отношеніяхъ».

знаеть, что «сила солому ломить»—и сознаеть, что оно солома. Время само все поправить!»

Наши студенты разсуждаютъ и сами не лучше. «Мы не хотимъ исторій, волненій, слѣдствій,—что за удовольствіе; мы поступили въ университетъ, чтобъ узнать науку, получить степень и, выключивъ теплое мѣстечко, превратиться въ дѣятельныхъ и почти-тельныхъ чиновниковъ». Но это—фраза: они не узнаюгъ и науки и выходятъ съ такими же темными понятіями о ней, съ какими поступили; они ходятъ на лекціи, чтобы поторчать на глазахъ у профессора, долбятъ къ экзамену записки, низко и при всякой встрѣчѣ кланяются Фицгуму ¹⁾, получаютъ при выпускѣ чинъ и дѣлаются такими чиновниками до ногтей, что въ нихъ не остается ровно ничего студенческаго, потому что ничего и не было, кромѣ одного сюртука, глупой треуголки и умерительной шпаги. Сняли они эти украшенія,—и нѣтъ болѣе студента. Изъ нашего университета не выйдутъ даже и Калиновичи,—а прямо Бгушевичи. Все третье Отдѣленіе состоитъ большею частію изъ бывшихъ Петербургскихъ студентовъ. Петербургскій университетъ не любитъ исторій, борьбы,—онъ благоговѣнно стоитъ подъ Николаевскимъ знаменемъ православія, самодержавія и народности.

Да не оскорбятся моимъ приговоромъ тѣ изъ гг. студентовъ, которые составляютъ счастливое исключеніе изъ обезличенной, притупленной и оподленной массы, надъ которой вѣетъ геній Ивана Давидовича! ²⁾ Я только хочу сказать отъ лица общества, какъ членъ его, что какъ ничтоженъ, несамостоятеленъ, хилъ каждый индивидуумъ въ сословіи студентовъ,—такъ незамѣтенъ, безличенъ и Петербургскій университетъ наряду съ другими заведеніями. Оттого нѣтъ въ петербургской жизни и благороднаго

¹⁾ Инспекторъ студентовъ А. И. Фицгумъ-фонъ-Экстедтъ; о немъ см. въ «Педагогической автобіографіи» Л. Н. Модзалевскаго, въ Воспоминаніяхъ А. М. Скабичевскаго, Л. О. Пантелѣва и др.

²⁾ Попечителя (съ 18 іюля 1853 по 4 августа 1861 г.) Делянова, впоследствии долготѣняго Министра Народнаго Просвѣщенія и графа. Деляновъ со временъ студенчества Л. Н. Модзалевскаго сохранялъ къ нему чувство недоброжелательства и во все послѣдующее время его долготѣней службы по министерству народнаго просвѣщенія; когда Л. Н., по выходѣ въ вынужденную отставку съ должности Предсѣдателя Кавказскаго Цензурнаго Комитета (которую онъ принялъ, какъ временную, по *личной* просьбѣ Намѣстника Кавказскаго Великаго Князя Михаила Николаевича)—юстъ того, какъ онъ, за свое свободное отношеніе къ печати, особенно мѣстной, получилъ нѣсколько письменныхъ выговоровъ, а Катковъ и Князь В. П. Мещерскій въ «Моск. Вѣд.» и «Гражданинѣ» (см., напр., 1883, № 3, стр. 13) открыто требовали его отставки, какъ опаснаго человѣка,—старался вновь поступить на службу въ это министерство, Деляновъ, тогда министр, систематически ему отказывалъ, благовидно ссылаясь на неизмѣніе вакансій, и держалъ опытнаго ученаго педагога и администратора «причисленнымъ» къ министерству. Б. М.

типа студента, и онъ не могъ до сихъ поръ явиться въ нашей литературѣ.—Студенты Петербургскаго университета — не студенты, а тѣ же кадеты, гимназисты, правовѣды, лицеисты,—только съ голубымъ воротникомъ и неприличной шпагой. Петербургскій Университетъ ничего не значитъ для общества, которое его не только не уважаетъ, но даже и знать не хочетъ; онъ ничего и не вноситъ новаго въ русскую жизнь, а разрабатываетъ тѣ же пороки, которыя воспринялъ изъ нея съ молокомъ матери: эгоизмъ, робость, апатію, индифферентизмъ, лѣность, страсть къ роскоши и къ карьерѣ, почтеніе къ старшему,—хотя бы онъ былъ индѣйскій пѣтухъ или сивый меринъ,—благословеніе къ попамъ и къ ихъ затхлому ученію, уваженіе къ породѣ, презрѣніе къ низшему, легонькій либерализмъ на словахъ и обскурантизмъ въ поступкахъ, легкая уступка изъ-за своихъ скудныхъ убѣжденій, промышленный взглядъ на науку, которая является только въ однихъ профессорскихъ лекціяхъ, и тому подобнаго.

Теперь уже ясно, почему не является у здѣшнихъ студентовъ смѣлой, благородной реакціи окружающему злу, а является у провинціальныхъ студентовъ. Въ провинціи, при всей ложности общественнаго и семейнаго воспитанія, нѣтъ, однако, того обезличиванія, оупленія молодежи, какъ въ Петербургѣ, этомъ якорѣ монархизма. Тамъ чувство свободы сохраняется сильнѣе, и оно даетъ возможность молодому человѣку выработать свою личность, убѣжденія и твердость характера, силу воли на борьбу и вѣрованіе, что безъ борьбы нѣтъ прогресса. У насъ въ Петербургѣ наука по высочайшему повелѣнію не должна увлекать молодежь къ вопросамъ жизни, а являются только холодною, отвлеченною, мертвою, которую можно долбить только съ отвращеніемъ и за этотъ подвигъ получить чинъ 10-го класса. Профессора чиновники, бюрократы, формалисты, взяточники,—студенты терпятъ ихъ, не умѣя даже различать добро отъ зла,—и потомъ сами дѣлаются тѣмъ же. Наши студенты шумятъ только въ публичныхъ домахъ, не подозревая, что не всякій шумъ имѣетъ то грязное значеніе, какъ ихъ циническій шумъ во время оргій, что шумъ иногда можетъ имѣть высокій, благородный смыслъ. Гнилая кровь нашей молодежи не закипаетъ, не погрѣтая виномъ и распутной женщиной. Благородныя и возвышенныя цѣли, патріотизмъ, отвращеніе ко злу живутъ только въ умѣ немногихъ нашихъ студентовъ, не касаясь сердца, не переливаясь въ кровь и потомъ не переходя въ жизнь.

2.

Петербургскій университетъ есть трупъ для петербургскаго общества, который не можетъ обновить жизни этого общества,

а можетъ только гнить и удобрять тукомъ петербургскую почву. Но все же общество имѣетъ какой-то благой инстинктъ и высылаетъ изъ себя лучшихъ молодыхъ членовъ,—не по убѣжденію, а по преданію ожидая отъ университета чего-то хорошаго, помня, что все хорошее для Россіи выходило въ послѣдній вѣкъ изъ университетовъ. Но петербургскій университетъ не стоитъ и этого инстинктивнаго довѣрія; онъ съ каждымъ годомъ доказываетъ обществу, что его растлѣнная молодежь выходитъ изъ его стѣнъ еще съ болѣе растлѣннымъ духомъ и тѣломъ, что цвѣтъ нашего юношества есть пустоцвѣтъ, что наша молодежь неспособна къ благородной энергической борьбѣ, къ патріотическимъ тенденціямъ, къ самоотверженію ради идеи, что, наконецъ, большинство не только не сумѣетъ постоять за свои убѣжденія,—но даже и вовсе не имѣетъ убѣжденій, что у этого большинства нѣтъ чувства нравственнаго долга, а одного насильственнаго ¹⁾, по котрсему оно съ одинаковымъ скотскимъ равнодушіемъ бродитъ на лекціи и къ Костомарову—и къ Касторскому, и къ Кавелину—и къ Пелисадсу ²⁾: ему все равно, гдѣ хлопать ушами, а если оно и захлопаетъ руками, то развѣ потѣхи ради, и вмѣсто того, чтбы сумѣть высказать свое уваженіе къ личности почтеннаго прсфессора, сумѣетъ только оскорбить его своею глупостью. Вотъ такой шумъ петербургская молодежь любитъ; она будетъ каждый разъ хлопать—и кому угодно, но учиться все-таки не будетъ. Послушать и поговорить наши студенты еще не прочь иногда, но дѣйствовать они не любятъ, не хотятъ, не умѣютъ. Для этого въ нихъ «вымеръ духъ, одрябло тѣло».

Спи же, спи безпробудно, петербургское студенчество,—и не просыпайся! Этого желаютъ тебѣ твои Мухановы ³⁾, Деляновы, Фицтумы,—эти достойные органы нашего правительства. Называй свою мертвую дѣятельность въ наукѣ и въ жизни—благоразуміемъ и желаніемъ покоя. Ты никогда не поймешь, что ты, по словамъ поэта,

Покоемъ назвало—застой,

А довольствомъ—дрему иль безстрастье.

Зимній Дворецъ спокойно смотритъ на храмъ науки, зная, что въ этомъ храмѣ, какъ и во всѣхъ православныхъ, живутъ только рутина, обрядъ, скука, застой,—и стараясь всѣ другіе храмы науки подвести подъ эту мѣрку тупости и безстрастія. Христіанлюбивые Деляновы могутъ спокойно подличать въ Петербургъ—

¹⁾ Т. е., есть одно чувство насильственнаго долга. Б. М.

²⁾ Прсфессоръ богословія.

³⁾ Товарищъ Министра Народнаго Просвѣщенія.

скомъ Университетѣ, радуясь своимъ успѣхамъ и объявляя Правительству, что хотя

Аудиторія далеко не полна,
Но царствуетъ зато святая тишина
И—никакихъ исторій.

3. По поводу вопроса о корпораціяхъ въ нашемъ университетѣ¹⁾.

Нѣмцы наши — это чужездныя растенія.
Все тотъ же Руси жребій странный!
Нашъ край обильный и пространный.
И нѣмцевъ—эка благодать!!—
А все порядка не владать!—

Рылѣевъ.

Почему же?—

Авторъ.

Внѣшнія проявленія исторической жизни народовъ, прослѣженные въ ихъ послѣдовательности, приводятъ насъ къ заключенію, что политическая и нравственная жизнь народа въ ея развитіи подлежитъ какимъ-то общимъ, неизмѣннымъ законамъ, которыхъ не въ силѣ миновать произволъ человѣческій.—Испытующій разумъ, стремящійся все частное подвести подъ общее и угадать таинственный смыслъ этого общаго,—находитъ много аналогіи въ историческихъ судьбахъ отдѣльныхъ народовъ. Такъ, онъ убѣждаетъ насъ, что каждый правильно развивающійся народъ имѣетъ всѣ одинаковые съ человѣкомъ возрасты и переходы, съ ихъ обычнымъ характеромъ.

Рано, современно съ самымъ появленіемъ своимъ, народъ инстинктивно уже стремится выполнить предназначенное ему въ исторіи назначеніе,—и находитъ къ этому всѣ нужныя для него средства. Иногда, въ годину несчастій, онъ вступаетъ въ долгую, отчаянную борьбу за свою самостоятельность, ниспровергаетъ всѣ преграды и выходитъ побѣдителемъ,—или гибнетъ подъ гнетомъ враждебныхъ ему элементовъ. Чѣмъ мощнѣе народъ, чѣмъ возвышеннѣе и совершеннѣе симптомы его нравственной организации,—тѣмъ упорнѣе бываетъ борьба, тѣмъ громче, блестящѣе побѣда.

Теченіе исторической жизни народа можно безъ натяжки сравнить съ теченіемъ потока, котораго непреодолимая сила тяжести влечетъ однимъ неизмѣнимымъ путемъ, заставляетъ тысячи разъ измѣнять свое направленіе, бросаться туда и сюда, прорывать землю, ниспровергать скалы...., и если источникъ обилень,—потокъ не изсякнетъ; съ ревомъ и пѣной онъ проложитъ себѣ путь, пока не выйдетъ на ровную, гладкую поверхность.

¹⁾ О студенческихъ корпораціяхъ русской и польской см. въ Воспоминаніяхъ Л. О. Пантелѣева, гл. VI и X.

луговъ и полей.—Тогда шумъ борьбы утихаетъ, и теченіе его принимаетъ характеръ спокойной рѣки. Но это раннее спокойствіе чаще и губитъ новую, такъ сказать, еще не возмужавшую рѣку: широко разлившись въ низкихъ берегахъ,—она расплывается, мельчаетъ, дробится на рукава и наконецъ гибнетъ отъ знойныхъ лучей солнца или, при неподвижности, зарастая травой, образуетъ болото.—

Та же потребность борьбы и движенія и для народа,—но движенія сознательнаго, разумнаго.

Правда, сперва народъ не сознаетъ еще, какъ ребенокъ, ни своихъ силъ, ни своего назначенія; имъ руководить какой-то инстинктъ въ трудной борьбѣ за свое существованіе; его дѣятельность состоитъ изъ какихъ-то безсвязныхъ порывовъ и грустныхъ ошибокъ, изъ какой-то, повидимому, аномаліи,—но и въ самой этой аномаліи историческій прагматизмъ находитъ глубокій смыслъ непреложности.

И вотъ, наконецъ, мы чувствуемъ свое неловкое положеніе, изъ котораго пытаемся выйти.—Эго уже состояніе юношеское, переходное,—когда убѣжденія только-что вырабатываются, покупаемыя дорогою цѣною утратъ и заблужденій, когда разумъ болѣе и болѣе приводитъ намъ въ сознаніе наше высокое земное назначеніе. Обращаясь къ близкому еще къ намъ прошедшему,—мы видимъ въ немъ рядъ невѣрныхъ колебаній, ложныхъ пріемовъ, которые упорно держатся въ насъ и, обратясь въ привычку, хотятъ переломить нашу волю.

Въ этомъ возрастѣ внутренней борьбы и недовѣрчивости къ окружающему находится въ настоящее время наше отечество. Оно уже начинаетъ сознавать ошибки своего дѣтства и первой юности, старается залѣчить свои наболѣвшія язвы, стряхнуть съ себя бремя вредныхъ привычекъ, оттолкнуть отъ груди своихъ ложныхъ друзей, истощающихъ, сосущихъ ея жизненные соки...

И, благодаря живительной силѣ нравственной природы своей, Русь уже залѣчила себѣ нѣсколько глубокихъ ранъ, сила воли и новыхъ убѣжденій помогла ей отказаться отъ многихъ пошлыхъ, рабскихъ привычекъ,—но что же до сихъ поръ она не въ силахъ отвязаться отъ своихъ ложныхъ, лицемерныхъ друзей, которые душатъ ее въ своихъ предательскихъ объятіяхъ. Но кто же эти друзья?—Эго нѣмцы, это тихіе, кроткіе нѣмцы,—и о нихъ-то мы хотимъ сказать кое-что.

Во избѣжаніе какихъ-либо контroversій нашего мнѣнія,—спѣшимъ открыто заявить полное уваженіе къ абсолютнымъ достоинствамъ вообще нѣмецкаго племени, такъ высоко стоящаго нынѣ въ области науки и цивилизаціи, которыя много обязаны

своимъ развитіемъ трудолюбію нѣмца. Нѣтъ! Мы далеки отъ этой не гуманной мысли, и въ каждомъ готовы уважать человѣка. Намъ только хотѣлось-бы съ русской точки зрѣнія взглянуть на нашихъ германскихъ пріятелей и коснуться правъ и гражданскаго значенія этихъ *нѣмцевъ въ русской шкурѣ*¹⁾, наводняющихъ собою всѣ сословія нашего народа и стоящихъ на всевозможныхъ ступеняхъ земного величія,—начиная отъ лакейскаго прилавка,—до министерскаго кресла.....

Пробѣгая печальныя страницы нашей исторіи, видимъ, что зародышъ этой тѣсной связи съ чуждымъ намъ германскимъ племенемъ лежитъ еще въ опрометчивомъ поступкѣ первыхъ славянскихъ общинъ, не совладавшихъ съ броженіемъ своихъ внутреннихъ силъ. И вотъ призваны норманны, и вотъ—ихъ гордыя замашки и притѣсненія получили quasi законный характеръ верховной власти.

Но лишь только началъ славянинъ свykаться съ своимъ добровольнымъ ярмомъ,—какъ на него легло другое ярмо, еще тягчайшее, пригнувшее къ землѣ его когда-то свободную голову. И было послѣднее горше перваго, тутъ ужъ было не до нѣмцевъ, которые и сами перетрусили.

Дза вѣка метался народъ въ мучительной агоніи, но духъ свободы и героизма спасъ Россію отъ одного ига,—съ тѣмъ, чтобы принять ей другое, правда болѣе нравственное,—но не менѣе тягостное.—Еще до Петровской катастрофы толпы западныхъ учителей нахлынули въ Русь,—а со времени Петра уже стали систематически душить ее своимъ продажнымъ усердіемъ²⁾. Спасибо имъ,—они, конечно, научили насъ многому порядочному,—но зато какъ дорого мы платили имъ за уроки! Платили свободою, народностью, правами, самолюбіемъ, мы унижались, кланялись въ поясъ, били лбомъ³⁾ какому-нибудь выходцу,—а въ душѣ ненавидѣли, да и ненавидѣть-то часто боялись. Бѣдный народъ русскій! Огъ кого терпѣлъ и терпишь ты?! Ужъ пусть бы отъ своего единокровнаго, все-жъ было бы легче....⁴⁾. Нѣтъ, чужой гнететъ тебя, чужой хлещетъ кнутомъ твою благородную спину, чужой зарываетъ тебя заживо въ могилу.....

.... Уже второй вѣкъ подъ сѣною деспотизма, подъ этою нано-

¹⁾ Выраженіе одной польской народной пѣсни:

Wara Niemcy w Russkiej Skuze
Wara dumny wrogi и т. д.

²⁾ «Онъ, какъ чума сосѣднихъ странъ», выразился поэтъ о нѣмцѣ. Этимъ отчасти подтверждается вѣрность нашего взгляда.

³⁾ *Бить челомъ* не то-ли-же, что *бить лбомъ*? Выраженіе, сложившееся, конечно, во время рабства.

⁴⁾ По моему мнѣнію, я скорѣе простилъ бы обиду, нанесенную мнѣ братомъ, нежели чужимъ, постороннимъ человѣкомъ.

сною язвою, отъ которой въ мучительныхъ корчахъ гибнетъ народъ нашъ,—спокойно гнѣзятся хищныя стаи Нахально завладѣвъ всѣми правами и привилегіями тѣхъ, кому должны быть обязаны за пристанище, цѣломудренныя нѣмцы потихоньку, съ свойственнымъ имъ хладнокровіемъ берутъ взятки, лѣзутъ вверхъ по лѣстницѣ почестей, ведя за собою тысячи своихъ голодныхъ соотечественниковъ ¹⁾ и сталкивая съ каждой ступеньки честнаго русскаго ²⁾ бѣдняка.

Добровольно, изъ однихъ эгоистическихъ расчетовъ, отказавшись отъ своего германскаго отечества и давъ клятву блюсти интересы своей адоптивной родины,—эти пріемыши остаются не только холодными ко всѣмъ движеніямъ и задушевнымъ желаніямъ своихъ благодѣтелей,—но отдаляются отъ нихъ съ какою-то китайскою гордостью, даже съ пренебреженіемъ, и за кружкой кислаго пива горячатся о поддержаніи своей продажной національности, завѣщая то же и дѣтямъ и внукамъ своимъ въ родъ и родъ ³⁾.

Такимъ образомъ мы дошли до молодого поколѣнія нашихъ нѣмцевъ, отъ которыхъ Русь ждетъ раскаянія и желанія загладить всѣ пакости отцовъ ихъ, и которыхъ отчасти нашъ университетъ великодушно воспитываетъ въ средѣ своей, не пренебрегая ими по человѣчеству и даже забывая всѣ тяжкія прегрѣшенія этого прилипчиваго племени—предъ святыней нашей свободы и народности. Да, славянинъ не злопамятенъ! Но, братья, осторожность—или презрѣніе!... Вспомните, что нѣмцы уже стерли съ лица земли нашихъ Балтійскихъ единоплеменниковъ, что гнетутъ остальныхъ, пользуясь ихъ слабостью, что, не довольствуясь прошедшимъ, хотятъ и въ настоящемъ господствовать. Что касается до университета, вспомните Дерптскія происшествія въ пршломъ году, взгляните вокругъ себя; въ то время, когда мы хлопочемъ о единствѣ, о братствѣ, о стремленіи къ одной общей, родной цѣли, когда съ затаенными слезами взаимно протягиваемъ руку нашимъ оскорбленнымъ братьямъ послѣ лѣтковой вражды нашихъ предковъ,—студенты-нѣмцы, по большей части дѣти нашихъ чиновниковъ, родившіеся въ Россіи,

¹⁾ Извѣстно, что нѣмецъ—начальникъ всегда покровительствуетъ нѣмцу-подчиненному; извѣстно, что нѣмецъ—профессоръ, поговоря съ студентомъ по-нѣмецки, всегда ставитъ ему хорошій баллъ на экзаменѣ.

²⁾ Безчестнаго они не столкнутъ, по пословицѣ: S. milis simili gaudet.

³⁾ Конечно, есть и такіе нѣмцы, которые, послѣ многихъ генераций сдѣлались уже русскими и душою, и тѣломъ. О нихъ мы не говоримъ, оставляя въ покоѣ и ихъ предковъ-эмигрантовъ. Въ нашихъ мнѣніяхъ мы не осуждаемъ этихъ эмигрантовъ, господствовавшихъ на Руси: тогда было уже такое время, когда самъ русскій допускалъ это господство и отчужденіе нѣмцевъ отъ всего русскаго,—но мы говоримъ о новыхъ, нынѣшнихъ нѣмцахъ.

обязанные ей воспитаніемъ и тѣла и духа, присягавшіе посвятить ей всѣ свои силы, быть русскими гражданами,—эти студенты холодно, даже насмѣшливо смотрятъ на наши возвышенные порывы, отдаляются отъ насъ, снюхиваются между собою и сформировываютъ нѣмецкую корпорацію въ русскомъ университетѣ. Этого мало. Они увлекаютъ за собою нѣкоторыхъ, правда ничтожныхъ, русскихъ и, приучая ихъ тянуть Bier и National-Lieden, отчуждаютъ ихъ отъ нашего общества.

Приступая къ выполнению своего обидно-уродливаго предпріятія, студенты-нѣмцы остаются вѣрными своему природному характеру; они съ подобострастіемъ испрашиваютъ у милостиваго начальства благосклонное соизволеніе на устройство ихъ дикой корпораціи и секретно открываютъ попечителю ея цѣли или основную идею (если только она есть у нихъ). Но какого же рода должна быть эта идея? Конечно—самообращеніе служить народному благу Россіи и содѣйствовать освобожденію ея отъ мертвящихъ оковъ азіатскаго деспотизма!....

Если такъ, то почему же Фицтумъ покровительствуетъ, какъ мы слышали, ихъ начинаніямъ, а что можетъ быть столь дорого и лестно, какъ покровительство начальства? При томъ же вѣдь оно всегда желаетъ лучшаго студенту,—особенно, если онъ не хочетъ знать и раздѣлять чистыхъ убѣжденій большинства своихъ лучшихъ товарищей.

И почему же студенты-нѣмцы, уважая разрѣшеніе благосклоннаго начальства,—не считаютъ за нужное *открыто*, какъ свойственно честнымъ людямъ, объявить объ этой корпораціи другимъ своимъ товарищамъ, которые скорѣе, нежели тупоумное начальство, будутъ сочувствовать всему доброму, прекрасному и полезному.

Но нѣмцы не любятъ дѣйствовать открыто, вѣроятно чувствуя себя неправыми, неблагодарными предъ своимъ адоптивнымъ отечествомъ. Они себѣ на умѣ,—и что имъ за дѣло до нашихъ нуждъ?.. Они хлопочутъ, нельзя ли воскресить свою продажную и вымершую народность и во время университетской жизни вырабатываютъ правила обирать русскія деньги, ордена, взятки; окружать родной имъ тронъ, и, ради его, подъ часъ давить русскаго ¹⁾,—а подчасъ подличать предъ нимъ и кланяться.

Братья! И если все это такъ,—вѣдь мы вскармливаемъ

¹⁾ Приди съ просьбой къ нѣмцу съ Владиміромъ на шеѣ бѣднякъ-русскій и приди зажиточный нѣмецъ,—послѣднему всегда будетъ отдано предпочтеніе. Не грѣшно также будетъ согнать русскаго съ мѣста,—отдать его нѣмцу; а тамъ,—

Какъ станешь представлять къ крестикъ или къ мѣстечку,—
Ну какъ не poradѣть родному человѣчку!

въ нашей средѣ нашихъ же недоброжелателей, хитрыхъ и скрытныхъ. Но,—зато мы всегда можемъ, мы въ правѣ потребовать ихъ на судъ, разоблачить ихъ (можетъ быть, гнусныя) тайны; наконецъ, найдя что-либо недостойное, изгнать ихъ изъ нашего братства, какъ вѣчныхъ побсрниковъ стараго зла, псбсрниковъ, отъ которыхъ Руси нечего ждать добраго. Намъ нужны теперь не наемники: «наемникъ бо не радить о пастѣхъ»,—а самоотверженные граждане; не тайные совѣтники,—а явные.

Если же наши подозрѣнія, а слѣдовательно и выводы не вѣрны и не согласны съ достоинствомъ нашихъ братьевъ по наукѣ,—то пусть они сами открыто объясняютъ намъ цѣль и значеніе своей двусмысленной лиги, разрѣшенной высшимъ начальствомъ,—и пусть будутъ увѣрены, что въ насъ не будетъ недостатка въ сочувствіи всему, достойному современнаго Русскаго Студента.

Въ нашемъ университетѣ не должно быть корпорацій,—онъ весь, всецѣло длженъ составлять одну возвышенную корпорацію,—чтобы ни одинъ звукъ не нарушалъ гармоніи нашихъ чувствъ и желаній.

Настало время дружнаго труда и единства,—а не мелкаго разединенія.

«Concordia res parvae crescunt; discordia et magnae dilabuntur».

IV. «Вѣстникъ свободныхъ мнѣній».

«Едва началось освободительное движеніе въ университетѣ»,—пишетъ въ своихъ Воспоминаніяхъ А. М. Скабичевскій, «студенты тотчасъ же раздѣлились на партіи — правыхъ, лѣвыхъ и центра. Правыхъ, собственно говоря, нельзя было назвать и партіей... Такимъ образомъ, въ студенческомъ движеніи участвовали лишь двѣ партіи: умѣренный центръ и крайніе лѣвые, которыхъ прозывали «волками». Умѣренные желали мирно и спокойно пользоваться дарованными студентамъ вольностями, по возможности избѣгать шума и относиться къ начальству не съ настойчивыми требованіями, а съ почтительными просьбами. Волки же, щеголяя, нарочно въ пику бѣложилетникамъ, всклокоченными волосами и ветхими, никогда не чищенными сюртуками, являлись представителями самыхъ радикальныхъ требованій, любителями крутыхъ мѣръ и скандальныхъ демонстрацій. Каждая партія начала выпускать свой особенный органъ, въ видѣ рукописныхъ газетокъ: умѣренные—«Вѣстникъ свободныхъ мнѣній», «волки»—«Колокольчикъ». Въ листкахъ этихъ помѣщались свѣдѣнія о

томъ, что обсуждали и на чемъ порѣшили на той или другой сходкѣ, отчеты о дѣйствіяхъ кассы, распоряженія старостъ, партійная полемика, сатиры на профессоровъ и студентовъ и т. п.»¹⁾ Были и литературные журналы. «Литературное оживленіе между студентами того времени было столь велико»,— пишетъ Л. Н. Модзалевскій въ свей автобіографіи: «что въ средѣ ихъ издавался рукописный юмористическій журналъ «Сѣточъ», въ которомъ принимали участіе главнымъ образомъ студенты П. Н. Распоповъ, Соковнинъ..., Боголюбовъ и др.; я былъ также въ ихъ числѣ. Экземпляръ «Сѣточа» посылался и тогдашнему просвѣщенному попечителю князю Щербатову, зерно и съ любовью слѣдившему за направлениемъ университетской молодежи». Въ частности о «Вѣстникѣ свободныхъ мнѣній» сохранилось вышеупомянутое любопытное письмо Д. И. Писарева, адресованное къ редакторамъ «Вѣстника» и содержащее въ себѣ защиту Л. Н. Модзалевскаго отъ нападокъ «Вѣстника» въ отвѣтъ на печатаемую ниже его записку, которая была составлена и писана имъ, но подписана группою студентовъ-единомышленниковъ,— въ томъ числѣ и Писаревымъ. Вотъ эта записка:

Вполнѣ увѣренные, что судьба «Вѣстника свободныхъ мнѣній» болѣе, нежели другихъ, должна интересовать самихъ гг. издателей его, которые,—инкогнито, конечно,—уже прислушиваются къ разнороднымъ толкамъ, спорамъ и возгласамъ, то лестнымъ, то обиднымъ для ихъ «Вѣстника»,—мы рѣшились свести всѣ эти мнѣнія въ одно цѣлое, опредѣленное, и, отъ лица большинства, высказать его, по возможности точно и безпристрастно.

Давно уже таилось въ нашемъ кругу какое-то болѣе или менѣе сознательное желаніе единства, давно уже чувствовалось, что всѣ мы имѣемъ много общаго, соединяющаго насъ въ одно дружное братство и, разными путями науки, ведущаго къ одной общей цѣли—просвѣщенію.—«Вѣстнику», казалось, выпала счастливая доля осуществить это желаніе, завязать этотъ узелъ единства и уже неуклонно служить этой цѣли.— Но да не оскорбится самолюбіе его издателей, если мы открыто скажемъ, что онъ не выполнилъ этого высокаго призванія, что онъ горько обманулъ наши лучшія надежды, вмѣсто дѣла увлекшись вещами ничтожными или совершенно посторонними въ предѣлахъ университета.

Въ первомъ отношеніи можно указать на далеко неостроумную статейку: «Дѣятельность Его Высокородія». Другія статьи,

¹⁾ «Русское Богатство» 1907 г., № 7, стр. 40—41.

еще повторяемъ, совершенно выходятъ изъ сферы насущныхъ студенческихъ интересовъ и заводятъ слишкомъ далеко.... По крайней мѣрѣ онѣ неумѣстны въ официальномъ студенческомъ изданіи... Самая вывѣска: «Вѣстникъ свободныхъ мнѣній» уже достаточно обнаруживаетъ какую-то ребячески-необдуманную пылкость, гибельную для всѣхъ студентовъ вообще и для издателей «Вѣстника» въ особенности: замѣтно какое-то безсильное поползновеніе подражать неподражаемымъ журналамъ Искандера или пустому «Voix des Ecoles».—

Считаемъ долгомъ предупредить издателей, считая даже лишнимъ доказывать, что всѣ свободныя мнѣнія могутъ жить въ насъ и безъ письменныхъ ихъ «Вѣстниковъ», что это—злоупотребленіе начавшейся у насъ свободы, соединенное съ рискомъ потерять ее, и т. под. Да слѣдствія ихъ увлеченія отчасти уже обнаруживаются. Пусть только проповѣдники свободныхъ мнѣній прислушаются повнимательнѣе къ опасеніямъ и совѣтамъ доброжелательнѣйшихъ изъ профессоровъ и всѣхъ жаркихъ поборниковъ нашего юнаго, расцвѣтающаго университета,—и они убѣдятся въ истинности нашихъ словъ.

Неужели издатели «Вѣстника свободныхъ мнѣній» раньше не подумали о послѣдствіяхъ затѣяннаго ими дѣла?.. Кто они? Доброжелатели или враги нашего братства? Если доброжелатели,—то пусть оставляютъ гибельное направленіе своего журнала, чтобы не содѣлаться виновниками несчастія цѣлаго университета.

Въ противномъ случаѣ, насъ ожидаютъ преслѣдованія начальства и правительства, подсматриваніе, подслушиваніе, квартирные посѣщенія, распространеніе вредныхъ слуховъ въ городѣ, донесенія, паденіе нашего «Сборника», ограниченіе числа студентовъ комплектомъ и нравственные кандалы и т. д. и т. д.—Перспектива, приводящая въ содроганіе cadaго, горячо любящаго университетъ!

Или вы думаете, проповѣдники своихъ ничтожно-свободныхъ мнѣній, что можно сохранить въ вѣчной тайнѣ ваши тетрадошки?—Еще хорошо, если бы да.—Но развѣ вы можете ручаться, что кто-нибудь изъ нашей же среды, низкій отступникъ чести, не предастъ васъ?... Да если бы даже и нѣтъ,—то развѣ инспекторъ и профессора не замѣтятъ этихъ таинственныхъ чтеній, этихъ карауловъ въ дверяхъ, робкаго шиканья и смущенія.... И это-то свобода?!... А для начальства будетъ достаточно подобныхъ фактовъ, чтобы заподозрѣть студентовъ въ какихъ-нибудь небывалыхъ умыслахъ и, безъ дальнѣйшихъ уликъ, принять противъ этого мѣры, пагубныя и гибельныя для насъ всѣхъ!...

Да, гг. издатели и сотрудники «Вѣстника свободныхъ мнѣній»,—не тѣмъ мы желали-бы видѣть вашъ журналъ и не такихъ ожидать отъ него послѣдствій!—Мы желали бы, чтобы онъ былъ живымъ отраженіемъ внутренней жизни нашего дорогого университета, чтобы онъ былъ отголоскомъ всѣхъ интересовъ, чтобы онъ крѣпко связалъ наше, еще безсвязное общество и смѣло возсталъ противъ злоупотребленій и недостойныхъ поступковъ каждаго изъ насъ (по возможности, устраняя личности), дѣйствуя убѣдительно, а не ругательными мѣрами. Это несравненно возвысило бы его нравственную цѣну и заставило бы каждаго изъ насъ отъ чистаго сердца поблагодарить безкорыстныхъ и благоразумныхъ издателей за ихъ доброе дѣло, съ усердною просьбою продолжать и продолжать ихъ изданіе, передавая его другимъ и принимая новыхъ сотрудниковъ, чтобы этотъ «Вѣстникъ мнѣній» (только безъ излишняго эпитета «свободныхъ») никогда не умиралъ подъ сводами нашего университета.

Если же нѣтъ, если издатели пренебрегутъ нашими совѣтами, просьбами и ожиданіями,—тогда остается всѣми силами и средствами противостать этому безразсудному дѣлу и не допустить, чтобы зря нашей свободы погасла безвременно, чтобы звѣзда общественнаго развитія, такъ ярко восходящая на горизонтѣ нашего университета,—закатилась опять надолго, если только не навсегда...

Съ нетерпѣніемъ ожидаемъ слѣдующаго выпуска «Вѣстника».

II. Касса для пособій нуждающимся студентамъ.

Объ учрежденіи этой кассы, состоявшей при «Студенческомъ Сборникѣ», было сообщено еще въ хроникѣ университетской жизни, помѣщенной въ Первомъ выпускѣ «Сборника» (1857 г., стр. 391), а во Второмъ его выпускѣ, въ хроникѣ за 1857—1859 г. (1860 г., стр. 1—3), были опубликованы правила кассы и указаны источники ея фондовъ; первымъ изъ нихъ были «взносы достаточныхъ студентовъ произвольной суммы» въ пользу своихъ недостаточныхъ товарищей. Въ числѣ участниковъ подписки, какъ видно изъ сохранившагося въ бумагахъ Л. Н. Мадзалева подписного листа по Историко-философическому факультету, были и люди весьма небогатые, ограничившіеся уплатою 50 копеекъ (Замысловскій, Скабичевскій, Шиховскій, Плевоу и др.); наибольшая величина взноса—3 р. была подписана лишь двумя лицами изъ пятнадцати подписавшихся; самъ инициаторъ сбора, Л. Н. Мадзалева, подписавшій 1 р., какъ Л. Майковъ и В. Бильбасовъ, былъ въ числѣ нуждающихся студен-

товъ. «Со 2-го курса», рассказываетъ онъ: «я по ходатайству Факультета и во вниманіе къ мсей бѣдности и отличнымъ успѣхамъ, былъ удостоенъ Совѣтомъ университетской стипендіи по 7 рублей въ мѣсяцъ, что привело молодого студента, пробывавшагся частными уроками ¹⁾, переводами, статейками и даже перепиской, въ неописанный восторгъ».

VI. Столкновение съ полиціей.

А. М. Скабичевскій въ своихъ Воспоминаніяхъ ²⁾ отмѣчаетъ то общее «особое озлобленіе» противъ полиціи, которое въ концѣ 1850-хъ годовъ чувствовалось въ Петербургѣ, когда «очень часто происходили стычки съ полиціею не однихъ студентовъ, а публики вообще». Разумѣется, что пылкая молодежь рѣзче проявляла свое негодование и чаще платилась за это. Слѣдомъ двухъ такихъ столкновеній студентовъ являются три печатаемые ниже документа. Намъ неизвѣстна причина перваго столкновенія и вызванной имъ депутаціи студентовъ къ попечителю Делянову; но полагаемъ, что оно относится къ сентябрю 1858 г. 16-го числа этого мѣсяца Никитенко записалъ въ своемъ дневникѣ: «Студенты бурлятъ и накликаютъ на университетъ бѣду. Произошла какая-то стычка съ полиціей. Оберъ-полицеймейстеръ жаловался попечителю на неприличное поведеніе студентовъ. Произошелъ взаимный обмѣнъ рѣзкостей»... «Сегодня», записываетъ Никитенко 21-го сентября: «говорилъ со студентомъ Боголюбовымъ, который имѣетъ вліяніе на своихъ товарищей. Старался внушить ему, чтобы онъ дѣйствовалъ на нихъ въ примирительномъ духѣ, склонялъ ихъ къ тому, чтобы они вели себя скромнѣе, больше думали о наукѣ и не давали врагамъ университета поводовъ вредить ему въ глазахъ государя и общества». 25-го числа онъ пишетъ: «Дѣло о студентахъ производитъ много шума. Жаль. Это заставляетъ молодыхъ людей придавать себѣ слишкомъ много значенія, все больше и больше отвлекаетъ ихъ отъ науки, которая должна одна всевластно царствовать въ стѣнахъ университета»...

Что касается втораго эпизода, представленнаго ниже прошеніемъ Л. Н. Модзалевскаго на имя И. Д. Делянова и копіей съ отношеній Департамента Министерства Народнаго Просвѣщенія Всенному Министру и Попечителя Петербургскаго Учебнаго Округа Ректору Петербургскаго Университета,—то эпизодъ этотъ,

¹⁾ Между прочимъ, у М. Д. Скобелева: см. «Русск. Стар». 1898 г., т. 95, іюль, стр. 65—67.

²⁾ «Русск. Богатство» 1907 г., № 7, стр. 39.

въ которомъ Л. Н. Модзалевскій сыгралъ главную роль,—избіеніе студентовъ на пожарѣ 14 декабря 1858 г.—отмѣченъ Никитенкомъ въ его Дневникѣ (подъ 17—22 декабря 1858 г.) и рассказанъ въ Воспоминаніяхъ Л. О. Пантелѣева, который подробно передаетъ о возбужденіи, царившемъ въ университетѣ по этому случаю и вылившемся въ рядъ бурныхъ сходовъ. «Разъ прихожу въ университетъ», пишетъ Л. О. Пантелѣевъ: «и при всей моей неопытности замѣчаю какое-то необычное настроеніе въ разныхъ группахъ студентовъ. Вдругъ цѣлой толпой студенты направились въ большую аудиторію, пользуясь тѣмъ, что она была свободна. На кафедре взобрались нѣсколько студентовъ и между ними мой знакомый Модзалевскій; я понялъ, что происходитъ сходка. Когда аудиторія нѣсколько поуспокоилась, Модзалевскій, крайне возбужденный, началъ держать рѣчь. Дѣло было такое. На Островѣ гдѣ-то случился пожаръ; кромѣ пожарныхъ была обычная цѣпь, на этотъ разъ морского гвардейскаго экипажа; на пожаръ случайно пришла компанія студентовъ; они вспомнили, что въ домѣ живетъ ихъ товарищъ, и при томъ знали, что его въ то время, кажется, и въ городѣ не было; тогда они рѣшились проникнуть въ домъ, чтобы спасти его имущество. Тутъ произошло столкновеніе съ цѣпью, и нѣкоторымъ студентамъ пришлось испытать на себѣ удары холоднаго оружія. Какъ теперь слышу Модзалевскаго: «Студенты! Анцъ получилъ два удара въ бокъ и одинъ въ грудь, студентъ Максимовъ—тоже куда-то и столько-то». Модзалевскій, Боголюбовъ и другіе ораторы доказывали, что нападеніе на студентовъ ничѣмъ не было вызвано съ ихъ стороны, что студенты только желали спасти имущество отсутствовавшаго товарища; что такое обращеніе со студентами нельзя оставить безъ протеста, что всѣ студенты должны просить начальство, чтобы оно вступилось за пострадавшихъ и потребовало наказанія виноватыхъ. Конечно, никакихъ возраженій эти рѣчи не вызвали,—напротивъ того, сходка,—на ней особенно много было первокурсниковъ,—выразила полное сочувствіе ораторамъ; но въ концѣ-концовъ всѣ разошлись, не постановивъ какого-нибудь опредѣленнаго рѣшенія. На другой день опять сходка по тому же предмету, тѣ же рѣчи и тотъ же безрезультатный конецъ. Но вотъ, можетъ быть, на третій день на кафедрѣ появляется Ю. Богушевичъ, студентъ IV курса Восточнаго Факультета... Богушевичъ прочелъ заранѣе заготовленную рѣчь; въ ней онъ доказываетъ, что студенты, какъ люди взрослые и совершеннолѣтніе, какъ полноправные граждане, а не мальчишки, первые должны подавать примѣръ уваженія къ законамъ, что на пожарѣ они нарушили ясное требованіе закона: никто

изъ постороннихъ людей черезъ цѣпь не пропускается; поэтому, если они при этомъ и пострадали, такъ по своей собственной винѣ. Слѣдовательно, всякія сходки по этому дѣлу надо прекратить, а студентамъ нужно вообще вести себя осмотрительно. Рѣчь Богушевича была встрѣчена болѣе, чѣмъ несочувственно, и все дѣло сразу получило другой оборотъ: о пострадавшихъ на пожарѣ не только перестали говорить, но и совсѣмъ забыли, а принялись за Богушевича. Раздались крики: «Вонъ, вонъ, кто говоритъ такія рѣчи, тотъ недостоинъ званія студента». Богушевичъ съ трудомъ защищался, говоря, что онъ совсѣмъ не думалъ наносить оскорбленія студентамъ. Послѣ долгаго шума сходка разошлась, но съ рѣшеніемъ завтра вновь собраться для сужденія о Богушевичѣ. На другой день явилось уже менѣе студентовъ; на третій день—опять сходка, все о томъ же Богушевичѣ, при еще меньшемъ числѣ студентовъ. Наконецъ, все успокоилось... Цѣлая недѣля сходокъ не дала никакого положительнаго результата. Когда приходилось говорить объ этомъ со старыми студентами, напримѣръ, Модзалевскимъ и другими ораторами, отъ нихъ получался одинъ отвѣтъ: нѣтъ между студентами единодушія, нѣтъ горячаго сочувствія къ общимъ интересамъ. Ахъ; если бы теперь былъ здѣсь М. И. Сухомлиновъ (онъ тогда находился въ заграничной командировкѣ),—при немъ всѣ бы студенты были заодно,—онъ умѣлъ поддерживать духъ товарищества и единенія»¹⁾.

Изъ приводимаго ниже прошенія Л. Н. Модзалевскаго видно, какъ происходило дѣло на пожарѣ 14 декабря 1858 г., а изъ отношенія попечителя округа къ ректору университета отъ 18 іюня 1859 г. явствуетъ, къ чему привело полугодовое слѣдствіе по дѣлу, и чѣмъ оно окончилось.

1.

Г. Деляновъ пригласилъ студентовъ: Соковнина, Аверкіева²⁾, Сорокина и Боголюбсва,—какъ говорившихъ рѣчи и «акки», по его выраженію, «раздувальщиковъ дѣла». Къ нимъ присоединился я,—не какъ приглашенный, а какъ избранный довѣріемъ товарищей, что очень не нравилось гг. Соковнину, Аверкіеву и Боголюбову.

На наши вопросы: былъ-ли онъ у Шувалова³⁾ и вступился ли,

¹⁾ Изъ воспоминаній прошлаго, С.-Пб. 1905 г., стр. 37—40.

²⁾ Дм. Вас. Аверкіевъ, окончившій курсъ университета въ 1859 г. кандидатомъ естественныхъ наукъ, впоследствии извѣстный писатель-драматургъ.

³⁾ Петеръбургскій Оберъ-Полицмейстеръ.

по обѣщанію, за обиженныхъ дерзкими выходками полиціи противъ всѣхъ студентовъ, въ лицѣ г. Рашевскаго? Попечитель заявилъ:

Что, дѣйствительно, былъ у Шувалова и говорилъ о студентахъ, призналъ, что Шуваловъ, хотя и прекрасный человѣкъ, но могъ погорячиться, т.-е., наговорить многое, чего не слѣдовало, и, слѣдсательно, слова г. Рашевскаго справедливы. Что ошибка г. Рашевскаго состоитъ въ томъ, что онъ не долженъ былъ отправиться прямо къ Шувалову, — а къ своему начальству. Наконецъ, говорилъ, что городская полиція можетъ брать студентовъ по собственному произволу, — но потомъ согласился, что, въ случаѣ скандала, студентъ прежде всего самъ долженъ дать знать своей университетской полиціи.

Затѣмъ слѣдовали со стороны г. попечителя обѣщанія служить интересамъ университета и студентовъ всѣми силами и защищать послѣднихъ во всѣхъ столкновеніяхъ съ внѣшнею полиціею, — и намъ осталось только ожидать отъ г. Делянова исполненія всѣхъ прекрасныхъ его обѣщаній.

Въ дѣлахъ частныхъ, внутреннихъ, онъ допустилъ наши собранія, но только въ видѣ литературныхъ сходовъ, и просилъ студентовъ не производить шума по коридорамъ во время лекцій, но пребывать, по Апостолу, «въ житіи мирномъ».

Главная цѣль его (по моему мнѣнію) — разъединить студентовъ. Онъ — себѣ на умѣ, — и намъ надо быть себѣ на умѣ.

На насъ онъ желалъ смотрѣть, какъ на своихъ наперсниковъ, или въ нѣкоторомъ родѣ агентовъ, бралъ съ насъ слово успокоить студентовъ, за что мы, будто бы, будемъ отвѣчать передъ нимъ, — но мы не дали слова и высказали ему, что мы — только депутаты, соблюдающіе интересы своего сословія, что считаемъ своею обязанностью только передать его слова и обѣщанія гг. студентамъ и ни за что дальнѣйшее не ручаемся.

На Факультетскія сходы безъ малѣйшаго прекословія разрѣшено собираться въ университетѣ, равно и для музыкальныхъ упражненій.

Въ сближеніи Делянова было много свѣтски-учтиваго, иногда нѣжнаго, иногда — отеческаго, но слово «любезнѣйшій» напоминало, что всячески дѣло имѣется съ Превосходительствомъ.

Во все время объясненія присутствовалъ Алекс. Иван. Фицтумъ, съ сердечнымъ умиленіемъ слушая слова Его Превосходительства, которое само назвало *подлыми людьми* всевозможныхъ шпионовъ и агентовъ, если они имѣются между студентами. Какъ бы то ни было, Делянову извѣстно не только все, что дѣлается и говорится между студентами, и къмъ именно, — но даже

то, чего и не думали студенты, напр., будто бы Ковалевскому помимо его подносить адресъ.

Изъ правъ, пріобрѣтенныхъ университетомъ при Щербатовѣ, не утрачено ничего, кромѣ права прогресса и гласности,—по крайней мѣрѣ они сильно не по сердцу г. Делянову.

2.

Его Превосходительству

Господину Попечителю С.-Петербургскаго Университета Тайному Совѣтнику и Кавалеру Ивану Давидовичу Делянову
Студента IV Курса Ист.-Филол. Факультета
Льва Модзалевскаго

Прошеніе.

Декабря 14 дня былъ псжаръ въ 3 линіи Васильевск. Острова, на которомъ нѣкоторые Студенты Университета, а именно гг. Прохоровъ, Якимовъ, Даманскій, Анцъ, Соболевскій, Ешевскій, Бѣловъ и др. помогали выносить вещи изъ квартиръ находившихся въ опасности обывателей, при чемъ обратили на себя вниманіе Государя Императора и Великаго Князя. Полицейскія власти изъявили имъ свою благодарность за участіе. Г. Даманскій, проходя мимо цѣпи Гвардейскихъ солдатъ, назначенныхъ для охраненія вещей, получилъ ударъ прикладомъ въ грудь отъ солдата, назвавшего себя Аккерманомъ. Студентъ Анцъ, замѣтившій солдату о нанесенной студенту обидѣ, получилъ ударъ рукою. Привлеченные ихъ криками проходившіе мимо студенты: Максимовъ ¹⁾, Распоповъ, Ссрокинъ, Денисовъ, Енгальчевъ, Стефановичъ ²⁾, студентъ Мед.-Хирург. Академіи Коновъ, я и другіе потребовали сфицера для объясненія поступковъ его команды. Оробѣвшіе солдаты медлили призвать сфицера, не защищая поступка ихъ товарища, пускавшего въ дѣло прикладъ и кулаки, а одинъ изъ нихъ на наши вопросы даже заявилъ, что «сказать-де можно, а драться нельзя». Минуть черезъ 20 явился офицеръ и рѣзко требовалъ отъ насъ объясненія, но, не давши намъ говорить, закричалъ на насъ: «первое дѣло не кричать! Здѣсь цѣпь!» Студенты замѣтили, что они вовсе не заходятъ за нее, и требовали разсудить дѣло. Тогда сфицеръ, обратившись къ своей командѣ, крикнулъ: «Ребята! что тутъ разсуждать? Исполняйте свою сязанность: валяйте ихъ штыками и прикладами!»... Ободренные солдаты съ азартомъ бриси-

¹⁾ Викторъ Александровичъ, впоследствии Генеральный Консулъ въ Эрзерумѣ.

²⁾ Платонъ Константиновичъ, впоследствии Гдовскій Уѣздный Предводитель дворянства и Предсѣдатель Гдовской Уѣздной Земской Управы.

лись исполнять приказаніе начальника, по нѣскольку человѣкъ на одного, и нанесли многимъ изъ насъ сильныя удары, болѣе въ грудь и плечи; а именно: я получилъ 5 или 6 ударовъ въ грудь и плечи прикладами и въ настоящее время чувствую сильную боль въ лѣвомъ боку; Распоповъ—въ грудь и животъ три удара штыками; Стефановичъ въ плечо штыкомъ, Максимовъ также; Ст. Даманскій получилъ 2 удара въ грудь штыками, при чемъ было прорвано его пальто.—Студентъ *Θ. Коневъ*, бывший вмѣстѣ съ нами, былъ сбитъ съ ногъ штыками и прикладами, и лежа, прося пощады у солдатъ, получилъ еще нѣсколько сильныхъ ударовъ въ бокъ, грудь и плечи. Удары эти были такъ сильны, что, когда, преслѣдуемые солдатами, товарищи, наконецъ, услышали его голосъ и бросились на помощь,—г. Коневъ отчаянно стоналъ отъ сильной боли въ груди. Мы, сами избитые, подняли его и перенесли въ сосѣдній домъ Кранигфельда, при чемъ, на дорогѣ, были нагло останавливаемы солдатами Преображенскаго полка. Немедленно призванный докторъ г. Дель нашель необходимымъ поставить ему на грудь и ниже 8 банокъ.—Студенты *Дзенисовъ* и *Бѣловъ* были толкаемы въ грудь стволами и курками. Работая ружьями и кулаками, солдаты произносили ругательства и ободряли другъ друга: «Бей ихъ, ребята, ничего не будетъ!» Подоспѣвшій конный жандармъ предлагалъ пустить въ дѣло нагайки противъ беззащитной группы студентовъ, изъ которыхъ ни одинъ не защищался. Насъ гнали шаговъ на 20 отъ цѣпи и нѣкоторыхъ прижали къ воротамъ и стѣнамъ сосѣдняго дома. Городская полиція не сочла нужнымъ принять въ насъ участіе.

Послѣ этого мы всѣ, за исключеніемъ оставшихся при больномъ, въ 2 часа ночи явились къ Вашему Превосходительству и засвидѣтельствовали о всемъ случившемся;—почему покорнѣйше прошу Ваше Превосходительство ходатайствовать объ отысканіи офицера, виновника буйнаго насилія солдатъ¹⁾, и оградить впредь гг. Студентовъ отъ подобныхъ обидъ. Прилагаю при семъ удостовѣреніе отъ обывателей о помощи, оказанной имъ студентами²⁾, и имена лицъ, бывшихъ свидѣтелями всего дѣла и готовыхъ письменно подтвердить это: Чиновникъ Министерства Внутреннихъ дѣлъ Г. Минаевъ, Дворянинъ Карповъ.

Студентъ *Левъ Модзалевскій*³⁾.

¹⁾ Этотъ офицеръ былъ лейтенантъ Гвардейскаго Экипажа Иванъ Федоровичъ Николевъ. *Б. М.*

²⁾ Отъ вдовы ст. сов. Коржевской и отъ дочери тайн. сов. Софіи Якубовской. *Б. М.*

³⁾ Одновременно Делянову были поданы, 18 декабря 1853 г., прошенія объ изслѣдованіи дѣла отъ пострадавшихъ студентовъ: Павла Распо-

3.

М. Н. П.
 Попечителя
 СПБ. Учебнаго Округа.
 Канцелярія, Соль І.
 В. С. Петербургъ.
 18 Іюня 1859 г. № 2295.
 По Высочайшему повелѣнію.

Копія¹⁾.

Г. Исправляющему должность Ректора Студентовъ СПБ. Университета.

По разсмотрѣніи произведеннаго по Высочайшему повелѣнію слѣдственнаго дѣла о нанесеніи побоевъ студентамъ СПБ. Университета и Медико-Хирургической Академіи *оскорбленій и побоевъ на пожарѣ*, бывшемъ 14(15) декабря 1858 года на Васильевскомъ островѣ, нижними чинами Гвардейскаго Экипажа, державшими на этомъ пожарѣ цѣпь подъ командою *Лейтенанта Николева*,— Военный Министръ, принявъ въ основаніе показанія *двухъ* (отчего же не пятерыхъ, когда ихъ было столько?) ²⁾ свидѣтелей, утверждавшихъ, что Лейтенантъ Николевъ, *не выслушавъ принесенной ему Студентами жалобы* на нижнихъ чиновъ, далъ командѣ своей приказаніе *разогнать ихъ прикладами*,—призналъ дѣйствіе Лейтенанта Николева *произвольными, подвергающими его ответственности*, и потому полагалъ подлинное слѣдственное дѣло передать къ Генералъ-Адъютанту Плаутину, *для взысканія съ этого офицера по его усмотрѣнію* (а отчего же не по закону, когда на это существуетъ законъ? Всюду произволь!...).

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу Его Величеству такого заключенія Всеннаго Министра, въ 25 день минувшаго мая Высочайше повелѣтъ соизволилъ заключеніе это исполнить.

пова (филол.), Виктора Максимова (вост.), князя Енгальчева (вост.), Гавріила Соколина (филол.), Александра Гостковского (матем.), Густава Волловича (юристъ), Владлава Даманскаго (юристъ), Іосифа Стемпень (юристъ), Фегонта Денисова (естеств.), Болеслава Ашъ (юристъ), Дмитрія Бѣлога (юристъ) и Платона Стефановича (естеств.).—По *Высочайшему повелѣнію* была назначена слѣдственная комиссия при Петербургской полиціи, съ назначеніемъ депутатовъ отъ Всеннаго министерства и Министерства народнаго просвѣщенія. Депутатомъ отъ Университета Деляновъ назначилъ В. Д. Спасовича. 16 января 1859 г. Л. Н. Модзалевскій писалъ своей матери: «31-го у насъ выборы,—и я за окончаніемъ курса и годового срока смѣняюсь съ редакторовъ («Студенческаго Сборника»). Слѣдственное дѣло идетъ хорошо: было въ Управѣ Благочинія, потомъшло къ начальнику Гвардіи, потомъ—въ Военный Совѣтъ и теперь можетъ быть, у Государя на конфирмаціи. Въ ожиданіи, что окончится въ нашу пользу». Чѣмъ дѣло окончилось—см. ниже.

¹⁾ Снята Л. Н. Модзалевскимъ.

²⁾ Замѣчанія въ скобкахъ сдѣланы Л. Н. Модзалевскимъ.

О таковомъ Высочайшемъ повелѣніи, сообщенномъ мнѣ въ предложеніи Г. Управляющаго Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія отъ 9-го сего Іюня за № 4281, я имѣю честь Васъ, Милостивый Государь, увѣдомить, съ приложеніемъ копіи съ отношенія Г. Министра за № 2916 для объявленія всего, здѣсь вышеизложеннаго, Г. Студентамъ СПБ. Университета Модзалевскому, Распопову, Максимову, Енгальчеву, Сорокину, Гестковскому, Волловичу, Стемпеву, Денисову, Анцу, Бѣлову и Стефановичу въ отвѣтъ на поданныя ими мнѣ просьбы въ декабрѣ 1858 г. по сему предмету.

На подлинномъ: Попечитель *И. Деляновъ.*

Правитель Канцеляріи *Симанскій.*

Копія.

М. Н. П.
Департаментъ. Отдѣленіе 1.
Столъ 1. 27 А. р. 1859 г.
№ 2916.

Господину Военному Министру.

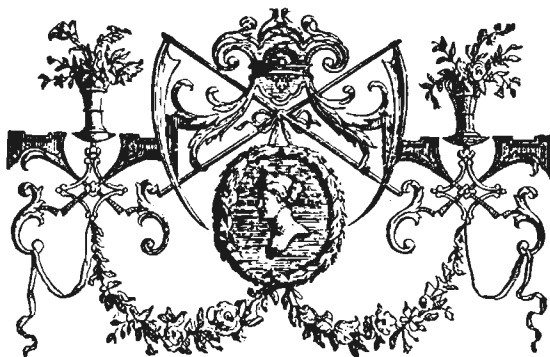
Возвращая у сего сообщенное мнѣ Вашимъ Высокопревосходительствомъ на заключеніе слѣдственное дѣло, произведенное по Высочайшему повелѣнію, вслѣдствіе жалобъ Студентовъ Императорскаго С.-Петербургскаго Университета и Медико-Хирургической Академіи о нанесеніи имъ оскорбленій и побоевъ нижними чинами Гвардейскаго Экипажа, содержащими, подъ начальствомъ Лейтенанта Николева, цѣпь во время пожара, бывшаго 15 (отчего же не 14, когда это такъ было?) ¹⁾ Декабря 1858 г. въ 3 линіи Васильевскаго Острова, имѣю честь увѣдомить Васъ, Милостивый Государь, что, хотя въ произведенномъ изслѣдованіи не усматривается прямыхъ и полныхъ юридическихъ доказательствъ и уликъ въ нанесеніи Студентамъ оскорбленій и побоевъ, тѣмъ не менѣе, нельзя, по мнѣнію моему, не принять во вниманіе, во-1-хъ) единогласное показаніе Студентовъ, бывшихъ на пожарѣ, въ нанесеніи имъ оскорбленій и побоевъ, во 2-хъ) отправленіе нѣкоторыхъ изъ нихъ, вслѣдъ за совершившимся событіемъ, въ Больницы для пользованія, а именно: Студента Медико-Хирургической Академіи Конева—во 2 Всенный Сухопутный Госпиталь, а Студента Университета Модзалевскаго—въ Клинику Медико-Хирургической Академіи, при чемъ, по медицинскому освидѣтельствованію, на Модзалевскомъ найдены очевидные признаки наружныхъ ушибовъ, *безъ поврежденія,*

¹⁾ Замѣчанія въ скобкахъ сдѣланы Л. Н. Модзалевскимъ.

впрѣчемъ, внутреннихъ органовъ (а это, вѣрно, нужно было?...), и въ 3-хъ) показанія спрошенныхъ подъ присягою свидѣтелей и въ особенности коллежскаго регистратора Минаева, видѣвшаго, какъ солдаты, по приказанію офицера, разгоняли студентовъ прикладами и поднимали штыки ружей вверхъ, и дворянина Карпова, подтверждавшаго показанія Минаева и удостовѣрившаго, сверхъ того, что онъ видѣлъ, какъ 3 солдата устави́ли штыки противъ груди Студента Модзалевскаго и одинъ, перевернувши ружье, ударилъ Конева прикладомъ въ грудь, отчего онъ упалъ на землю. Наконецъ, нельзя умолчать и о неправильномъ домогательствѣ офицера и команды къ отводу представленныхъ Студентами свидѣтелей, каковое домогательство признано всѣми слѣдователями *недѣйствительнымъ* и несогласнымъ съ законами, поставленными на отводъ свидѣтелей. По всѣмъ обстоятельствамъ настоящаго дѣла, совокупно взятымъ, *я не могу не признавать* дѣйствительности событія и справедливости въ главныхъ основаніяхъ жалобъ Студентовъ въ нанесеніи имъ оскорбленій и побоевъ и затѣмъ не полагаю съ своей стороны, чтобы офицеръ и команда, содержавшая при пожарѣ цѣпь, дѣйствовали въ настоящемъ случаѣ согласно требованіямъ долга и службы и не подлежали никакой (еще бы!) отвѣтственности и взысканію.

Подписалъ: Министръ Народнаго Просвѣщенія *Ковалевскій*.

Скрѣпилъ: Директоръ *Ревиндеръ*.

Иванъ Франко.

I.

«Будучи сыномъ украинскаго мужика, вскормленный чернымъ мужицкимъ хлѣбомъ и трудомъ корявыхъ рукъ мужицкихъ—обязанъ я собственнымъ трудомъ всей своей жизни возвратить тѣ гроши, которые истратила мужицкая рука, чтобы я могъ взобраться на высоты, гдѣ сіяетъ свѣтъ, гдѣ духъ свободы витаетъ, и гдѣ пламенѣютъ общечеловѣческіе идеалы».

Въ этихъ словахъ недавно почившаго украинскаго писателя и общественнаго дѣятеля Ивана Франка заключена не только внѣшняя схема его жизненнаго пути. Дѣйствительно, вся его жизнь была однимъ сплошнымъ трудомъ, неустаннымъ и не прерывавшимся до послѣдняго вздоха, на пользу родного народа. Дѣйствительно, онъ съ лихвой возвратилъ тѣ гроши, которые на него истратила «мужицкая рука». Дѣйствительно, вся его дѣятельность протекла на высотахъ духа, гдѣ «пламенѣютъ общечеловѣческіе идеалы»... Но и помимо этого, приведенныя сейчасъ слова чрезвычайно характерны для ихъ автора—въ смыслѣ обрисовки его внутренней личности, какъ цѣнное показаніе относительно происхожденія и развитія того общественнаго настроенія, лучшимъ и наиболѣе яркимъ представителемъ котораго въ Галичинѣ былъ Франко.

Съ этой стороны трудно найти слова, которыя болѣе удачно обрисовывали бы внутренній обликъ писателя и отгѣняли значеніе дѣла всей его жизни. Можно сказать—весь Франко въ нихъ, и изъ нихъ могутъ быть выведены всѣ черты этого неутомимаго борца и труженика, какимъ неизгладимо вписалъ свое имя Франко въ новѣйшую исторію своей родины. И не только это. Въ нихъ сказалось и то чувство поэта, большого художника, который самыя отвлеченныя истины умѣетъ воплощать въ яркихъ образахъ, заражая ими читателя. Этой стороны дѣятельности покойнаго я уже имѣлъ случай мимоходомъ коснуться на страницахъ «Голсса Минувшаго», говоря о товарищѣ его Михаилѣ Павлыкѣ. «Представители одного движенія,—писалъ я тогда,—пріобщившаго Галичину къ истинно демократической Европѣ,

Франко и Павлыкъ, выражали двѣ стороны этого движенія,—и разница между ними не только въ силѣ отпущенныхъ имъ природой талантовъ, не только въ напряженіи умственной работы, не только въ приѣмахъ и методахъ ея. Разница прежде всего въ настроеніяхъ, съ которыми подходили къ общему дѣлу близкіе товарищи, въ характерѣ, который соотвѣтственно отражался и на поступкахъ. Франко, выдающійся художественный талантъ,

Иванъ Франко.

извѣстный далеко за предѣлами свей родины, вносилъ въ движеніе кипучій темпераментъ борца, острый анализъ скептика, можетъ быть—неуравновѣшенность поэта. Это былъ дѣятельный бродильный элементъ движенія, его мятущаяся, ищущая душа, стремящаяся всегда впередъ и далѣе въ своихъ исканіяхъ истины¹⁾. Его историческая заслуга предъ родиной въ томъ, что онъ сумѣлъ стать дѣйствительной душой опредѣленнаго общественнаго теченія, занявшаго доминирующее положеніе въ украинской жизни. Въ Галичинѣ это движеніе и до него проявляло

себя, находя вѣрныхъ послѣдователей и работниковъ, но душу живу вдохнулъ въ него только Франко. Вдохнулъ съ такой горячностью и страстностью, которая долгое время препятствовали съ должной объективностью относиться къ его работѣ, которая само имя писателя сдѣлала центромъ борьбы, окруживъ его атмосферой извѣстной отчужденности въ офиціозныхъ, такъ сказать, кругахъ украинскаго движенія въ Галичинѣ. Но та же страстность убѣжденія и горячность подвига въ концѣ концовъ завоевали ему и всеобщее признаніе въ родной странѣ. Почти одинокій, «еретикъ», «изгой» въ началѣ своей дѣятельности,—по прошествіи 40 лѣтъ упорной борьбы и труда становится общепризнаннымъ идейнымъ вождемъ родного народа, выразителемъ его надеждъ и чаяній. И это даже въ то тяжелое время, когда жестокій

¹⁾ «Голосъ Минувшаго», 1915 г., кн. VI, стр. 238—239.

недугъ нанесъ писателю непоправимый ударъ, сломивъ въ сущности его могучее дарованіе и выбивъ изъ строя активныхъ работниковъ.

Франко (родился 3 августа 1856 г.¹⁾ былъ лучшимъ представителемъ той нарождающейся рабочей интеллигенціи, которая въ условіяхъ европейской жизни неудержимымъ порывомъ стремится къ свѣту, свободѣ и истинно-человѣческому существованію. Сынъ крестьянина, прошедшій тяжелую школу и суровый закалъ трудовой жизни, онъ до мельчайшихъ подробностей испыталъ на себѣ самомъ гнетущія условія жизни трудящихся массъ. Но достигнувъ вершинъ человѣческаго знанія и интеллигентности, онъ и сюда принесъ ту чисто-мужицкую выдержку, то упорство и трудовую дисциплину, которыя являются наслѣдственнымъ достояніемъ рабочихъ круговъ. Въ характерѣ Франка мы видимъ знаменательный синтезъ, гармоническое сліяніе—качествъ сейчасъ упомянутыхъ и высшей интеллигентности: послѣдняя послужила основаніемъ для широкой постановки вопросовъ соціальной жизни, тогда какъ трудовой опытъ далъ для этой постановки богатое реальное содержаніе, неисчерпаемый запасъ жизненнаго матеріала и аргументовъ. И еще одно условіе внѣшней жизни Франка ярко отразилось на его дѣятельности—это принадлежность къ народности угнетенныхъ, къ той «плебейской» національности, для которой его учитель Драгмановъ спроектировалъ особыя требованія національно-демократическаго роста и развитія. Крестьянское происхожденіе и принадлежность къ украинской національности, переведенныя черезъ горнило разума и науки, и создали схему жизненнаго дѣла Франка. Содержаніе, наполнившее эту схему, составилъ тотъ «трудъ всей жизни», который Франко поднялъ на себя, какъ долгъ чести и совѣсти предъ вскрмившимъ и воспитавшимъ его народомъ.

Я син народа,
Що вгору йде, хоч був запѣртий в льох.
Мій поклик: праця, щастя і свобода;
Я є мужик, пролог—не епілог,—

(«я сынъ народа, который стремится ввысь, хотя былъ запертъ въ подземельи. Мей кличъ: трудъ, счастье и свобода; я—мужикъ, прологъ, а не эпилогъ»). Этимъ гордымъ за все крестьянское происхожденіе—вспомнимъ Прудона съ его четырнадцатью поколѣніями предковъ—крестьянъ—возгласомъ отвѣтилъ Франко на укисриженный эпитетъ декадента, припиленный ему однажды

¹⁾ Біографія Франка въ связи съ общественнымъ движеніемъ въ Галичинѣ дана въ моей книгѣ «Співець боротьби; контрастів», Кієвъ, 1913.

увлекающимся критикомъ. И для Франко его крестьянское происхождение и принадлежность къ возрождающемуся народу составляли дѣйственную поруку за будущія достиженія этихъ вдвойнѣ угнетенныхъ массъ. Въ себѣ, въ своей личности онъ видѣлъ залогъ того, что можетъ быть достигнуто роднымъ народомъ; въ своей дѣятельности онъ усматривалъ лишь «прологъ» будущихъ великихъ достижений на аренѣ разума и свободы. «Украинскій патріотизмъ мой,—пишетъ Франко непосредственно за словами, поставленными въ началѣ настоящей статьи,—это не сантиментъ и не національная гордость, но тяжелое бремя, возложенное судьбой на мои плечи. Подъ его тяжестью я могу изнывать, могу проклинать судьбу за то, что возложила это бремя на мои плечи, но сбросить его и искать иной родины—этого я не могу, не сдѣлавшись преступникомъ предъ своею совѣстью. И если что уменьшаетъ тяготу названнаго бремени—такъ это образъ украинскаго народа: испытывая лишь гнѣтъ, темноту и деморализацію въ теченіе долгихъ вѣковъ, да и теперь убогій, слабый и безпомощный—онъ начинаетъ, однако, пробуждаться, все сильнѣе проявлять влеченіе къ свѣту правды и справедливости и искать путей къ нимъ. Конечно,—заканчиваетъ Франко,—для *такого* народа слѣдуетъ работать, и искренній трудъ для него не пропадетъ даромъ» ¹⁾.

Мотивъ чести и совѣсти, мотивъ долга предъ народомъ и опредѣленныхъ обязанностей въ отношеніи массъ—слишкомъ знакомый это мотивъ для русскаго читателя. Цѣлая блестящая полоса русской общественности прошла подъ знакомъ указанныхъ сейчасъ лозунговъ, заставлявшихъ ярче загораться глаза, живѣе биться сердца у лучшихъ представителей того поколѣнія, которое осознало, наконецъ, неправоту соціальныхъ отношеній и смѣло ринулось на бой съ послѣдствіями вѣковой несправедливости. На галицкой почвѣ Франко былъ наиболѣе яркимъ проповѣдникомъ этихъ новыхъ началъ. Выступивъ, говоря его же словами, «въ моментъ тяжелаго перелома» въ исторіи родного края, онъ не только эту психологію критическаго момента воплотилъ въ своей дѣятельности. «Обрываются медленно путы,—писалъ онъ въ одномъ изъ наиболѣе раннихъ своихъ произведеній,—связывавшія насъ съ прошлымъ! Расковывается мысль отъ старой скверны,—оживемъ, братья, оживемъ!» И для раскованной, ожившей и почувствовавшей трепетъ новаго мысли Франко находить примѣненіе, вполнѣ отвѣчающее непреклонному времени перваго натиска на проявленіе вѣкового зла и неправды.

¹⁾ Franko—*Obrazki galicyjskie*, Lwów, стр. IV—V.

Суровый образъ работника съ молотомъ въ рукахъ, добровольно взявшаго на себя подвигъ неустаннаго труда и служащаго лишь «каменщикомъ на пути прогресса» (на шляху поступу ми лиш каменяріі)—этотъ собразъ такъ характерно освѣщаетъ исходный пунктъ идеологіи Франка. Новые работники, рабы долга, «каменщики прогресса» гсрятъ непреклонной убѣжденностью въ томъ, что своими руками

Розіб'ємо скалу, роздробимо граніт
І кров'ю власною і власними кістками
Твердий змуруємо гостинець і за нами
Прийде нове життя, добро нове у світ.

(«сокрушимъ скалу, раздробимъ гранитъ и собственной кровью и костями вымостимъ прочный путь, которымъ въ міръ поидеть новая жизнь и благо новое»). И при томъ эти люди непреклоннаго долга знаютъ, что на ихъ долю выпадетъ лишь трудъ и страданія, что «глашатаямъ и работникамъ «новой жизни» не придется ея благами пользоваться, что «всеобщее счастье по нашимъ лишь костямъ придетъ». И все-таки стоятъ они въ полной боевой готовности—«и молоты въ рукахъ»... И идутъ они сплоченной массой, скованные сознаніемъ неумолимаго долга на тяжелый, невидный подвигъ рядовыхъ работниковъ для общаго блага... И подъ дружнымъ напоромъ самоотверженныхъ тружениковъ рушится вѣковая скала темноты и предразсудковъ, тысячами осколковъ разлетаясь во всѣ стороны...

Образъ, данный въ одномъ изъ самыхъ раннихъ произведеній Франка («Каменяріі») и лозунги, которыми онъ освѣтилъ свой будущій путь, слишкомъ, говорю, знакомы русскому читателю, слишкомъ родственны и близки ему. И это потому, что изъ всѣхъ галицкихъ писателей Франко по своему міросозерцанію и настроеніямъ наиболѣе близко подошелъ къ міросозерцанію и настроеніямъ російскаго интеллигента; наиболѣе полно усвоилъ то лучшее, чѣмъ болѣлъ и что выстрадалъ этотъ интеллигентъ; наиболѣе ярко проникся тѣми началами, которыя создали въ русской литературѣ, съ одной стороны музу мести и печали Некрасова, а съ другой—задушевное творчество Глѣба Успенскаго. Характерно, что всѣ галицкіе «москвофилы» вмѣстѣ взятые, начиная какимъ-нибудь Зубрицкимъ и оканчивая современными Вергунами и Свистунами, не сдѣлали для ознакомленія галицко-украинскаго общества съ подлинной Россіей и сотою доли того, что сдѣлалъ этотъ одинъ «сепаратистъ» Франко. Это нужно приписать не только тому, что по таланту онъ превосходилъ ихъ, какъ колоссъ пигмеевъ, но и тому, что онъ дѣйствительно зналъ Россію и одно въ ней любилъ активной, дѣятельною лю-

бовью, а другое также активно ненавидѣлъ... Онъ никогда, употребляя его же выраженіе, не покоился «на постелѣ безучастья», холоднаго равнодушія къ людямъ и идеямъ, а стремился вмѣшаться въ жизнь, и не только ближайшую къ нему, но и отдаленную, если чувствовалъ въ ней созвучныя своимъ стремленія. Уже юношескія его работы (въ журналѣ «Світ» 1881—82 г.г.) объ освободительномъ движеніи въ Россіи обнаружили какъ это знаніе и пониманіе, такъ и то, по какимъ радіусамъ расположены его симпатіи и антипатіи. И съ того времени Франко непрерывно знакомилъ своихъ читателей съ подлинной Россіей, выступая то какъ переводчикъ лучшихъ произведеній русской литературы, то какъ чуткій и проникательный публицистъ, удѣляя мѣсто въ редактируемыхъ имъ изданіяхъ голосамъ изъ Россіи не только на украинскія, но и на общерусскія темы. Съ этой стороны дѣятельность Франка внесла дѣйствительно новую струю въ отношенія галицкаго общества къ Россіи, будучи равно далекой и отъ безкритическаго восхищенія всѣмъ русскимъ, вплоть до слугъ официальной Россіи, котораго придерживались москвофилы, и отъ огульнаго осужденія, которое одно время проявляли національные круги Галичины. Въ своихъ отношеніяхъ Франко руководствовался не національными симпатіями и антипатіями, а тѣмъ безошибочнымъ критеріемъ, который давали ему его основательное знаніе Россіи, ясное и отчетливое представленіе о соотношеніи ея общественныхъ силъ и его общее демократическое міровоззрѣніе.

Самыя основы этого міровоззрѣнія заложены были у Франка отчасти подъ русскіими вліяніями. Ученикъ Драгоманова, этого серьезнаго политическаго мыслителя и знатока общественныхъ отношеній въ Россіи, Франко усвоилъ то уваженіе къ лучшимъ представителямъ русской мысли, которое было такъ характерно для Драгоманова. Мимолетное вліяніе Писарева и болѣе глубокое Чернышевскаго и Добролюбова несомнѣнно сказываются на раннихъ работахъ Франка. За русской литературой, особенно въ области критики и исторіи литературы, Франко не устаетъ слѣдить до послѣднихъ лѣтъ, откликаясь на интересовавшіе его въ этой области вопросы своими живыми статьями и обзорами. Все это, вмѣстѣ взятое, послужило къ тому, что этотъ виднѣйшій въ Галичинѣ дѣятель украинскаго движенія одновременно былъ и лучшимъ знатокомъ русской литературы и жизни, горячимъ апостоломъ ея положительныхъ сторонъ среди своихъ земляковъ. И любопытно, что таковымъ онъ былъ вовсе не тогда, когда, въ началѣ своей дѣятельности, находился подъ москвофильскими вліяніями: это былъ періодъ исканій въ жизни

выдающагося писателя, характеризуемый отсутствіемъ ясно выраженной сознательности. Насбродъ, лишь путемъ сложнаго духовнаго прсцесса перешель Франко отъ своего безсознательнаго москвифильства къ украинству, но вмѣстѣ съ тѣмъ и къ тсму пониманію основъ русской литературы и жизни, которое приблизило его къ русскимъ общественнымъ кругамъ. Познакомился съ ними и понималъ ихъ Франко, лишь переставъ быть москвофиломъ, на почвѣ работы для родного народа и широкаго демократическаго міросозерцанія. Въ упоминавшейся уже статьѣ о Павлыкѣ я подрбно останавливался на этсмъ прсцессѣ и роли въ немъ Драгсмансва и здѣсь не буду повтсряться. Скажу лишь, что среди дѣятелей истинно-демократическаго движенія въ Галичинѣ, которое считаетъ свое начало съ половины 70-хъ годовъ, Франко занялъ первое мѣсто и съ того времени, въ теченіе десятилѣтій, съ честью стоялъ во главѣ движенія, какъ лучшій и талантливѣйшій его выразитель, всждь и направляющій нервъ. Сціалистическіе прсцессы вторсой половины 70-хъ годовъ, въ которыхъ Франку отведено былъ особо выдающееся мѣсто, поставили предъ нимъ на выборъ два пути—сдинъ, традиціонный, путь лойяльнаго австрійскаго гражданина и «прсрядочнагс» члена сбщества; дї угсй, революціонный, путь борьбы съ традиціями «прсрядочности», путь систематическаго протеста противъ спокойнаго, но сѣраго существованія, путь неустаннаго движенія впередъ въ поискахъ правды и идеала. Франко предпочелъ второй путь.

II.

Выйдя на свободу послѣ перваго тюремнаго заключенія въ 1878 г., Франко, по его собственнымъ словамъ, почувствовалъ себя совершенно отрѣшеннымъ отъ какихъ-либо традиціонныхъ обязательствъ—какъ ученикъ, вырвавшійся изъ ненавистной школы «съ хрсшимъ свидѣтельствомъ» въ рукѣ. Съ этого времени открывается предъ нимъ тяжелое, но почетное поприще труда и борьбы, на которомъ Франко оставался въ теченіе десятилѣтій, не отступая, подвергаясь нападкамъ враговъ и самъ отвѣчая на всѣ стороны кѣлкими ударами. Среди самыхъ неблагопріятныхъ условій личнаго существованія, среди постояннсей нужды и борьбы за хлѣбъ насущный буквально «въ потѣ лица» онъ развиваетъ чрезвычайно интенсивную, изумительную по размаху и напряженію дѣятельность. Литературная продукція всѣхъ родовъ чередуется у Франка съ политической и сбщественнсей работой, въ прсцессѣ котсрсй онъ вырастаетъ духовно, оттачиваетъ свое оружіе—слово, вырабатываетъ основы міросозерцанія, приобрѣ-

таетъ упорнымъ трудомъ—университетъ, конечно, выбросилъ его послѣ политическаго процесса—знанія истиннаго ученаго и расширяетъ границы своего вліянія далеко за предѣлы Галичины и родной литературы. Выдающійся поэтъ и беллетристъ, отзывчивый публицистъ, вдумчивый критикъ, талантливый популяризаторъ и вмѣстѣ съ тѣмъ піонеръ во многихъ областяхъ научнаго изслѣдованія, несравненный полемистъ, отстаивавшій пылкимъ, горячимъ, убѣжденнымъ словомъ свою правду—Франко во всѣхъ отмѣченныхъ областяхъ оставилъ слѣды, превосходящіе обычные размѣры повседневной работы. Работая изо дня въ день на поприщѣ газетной публицистики, не гнушаясь никакой «черной» работой, какъ бы ни казалась она незначительной, онъ и здѣсь давалъ произведенія, до сихъ поръ не потерявшія своего значенія, и находилъ время для работъ въ художественной и научной областяхъ. Изъ оставленнаго Франкомъ огромнаго литературнаго наслѣдія многое несомнѣнно выходитъ за рамки текущей литературы и въ качествѣ достоянія непреходящей цѣнности достанется въ наслѣдство грядущимъ поколѣніямъ. Въ особенности это относится къ его поэтической дѣятельности. Человѣкъ, чутко слѣдившій за біеніемъ повседневной жизни и откликавшійся на всѣ ея злобы, можно сказать, распявшій себя на требованіяхъ текущаго момента—умѣлъ говорить и настоящимъ «языкомъ боговъ». Быть можетъ, нигдѣ не выражалась такъ полно глубокая, яркая и оригинальная индивидуальность этого разносторонняго дѣятеля, какъ въ его поэтическихъ произведеніяхъ. И здѣсь ему принадлежитъ особое мѣсто.

Какъ поэтъ, Франко началъ съ гражданскихъ мотивовъ и гражданская струна всегда звучала сильно въ его поэзіи, трепетно откликаясь на боли своего времени и чаянія современниковъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ это отнюдь не была стихотворная публицистика. «Истинная поэзія должна быть всегда строго моральною», такъ формулировалъ самъ Франко свой взглядъ на значеніе поэзіи, и эта моральная струя, вѣчное исканіе высшей правды сообщаетъ и его поэзіи то непреходящее значеніе, которое не удовлетворяется требованіями момента, а заставляетъ искать въ нихъ проявленій высшаго смысла, синтеза жизненныхъ положеній, той истинной человѣчности, которой всегда овѣяны созданія крупныхъ дарованій. Богатство образовъ, широкая сфера чувствованій, сила выраженія и глубина настроенія—обычныя свойства поэтическихъ произведеній Франка, особенно его лирики—нѣжной, задушевной, отражающей всю глубину переживаній самого автора, затрагивающей часто кардинальные вопросы человѣческаго существованія. Закончилъ Франко свою

поэтическую дѣятельность такимъ полнымъ аккордомъ, какъ его знаменитая поэма «Моисей», эта новая и оригинальная постановка вопроса о цѣнности и смыслѣ жизни: именно въ вѣчномъ, неустанномъ исканіи идеала, въ ненасытности духа, не удовлетворяющагося временными достиженіями, видитъ Франко смыслъ жизни, и его Моисей является своего рода титанической фигурой даже въ тѣ трагическіе моменты, когда страстная вѣра въ выстраданный идеалъ смѣняется столь же страстными приступами сомнѣній и отчаянія. Великій гуманистъ, Франко зналъ и понималъ душу человѣка съ его разнообразными, часто противорѣчивыми стремленіями, и яркое отображеніе ихъ далъ въ своей поэзіи, носящей въ одно и то же время и печать своей эпохи, и прозирающей въ будущее.

Какъ беллетристъ, Франко является изобразителемъ реальной жизни своей родины, ея правдивымъ бытописателемъ и часто истолкователемъ, вскрывавшимъ глубокія основанія и скрытыя пружины современныхъ отношеній, не отступавшимъ предъ ихъ язвами. Еще въ молодости Франко задался цѣлью—не безъ вліянія, по всей вѣроятности, Эмиля Золя,—дать художественную, такъ сказать, фیزیологію родной страны, представивъ всестороннее ея изображеніе съ точки зрѣнія трудового міросозерцанія. Эта мечта юности осталась, конечно, невыполненной, но Франко оставилъ огромный художественный матеріалъ, дѣйствительно во многомъ раскрывающій и поясняющій галицкую жизнь. Какъ беллетриста, Франка больше всего интересуетъ міръ труда и трудящихся—не даромъ одинъ изъ его сборниковъ носить названіе «Въ потѣ лица» («В поті чола»): это выраженіе могло бы служить общимъ эпиграфомъ ко всѣмъ почти беллетристическимъ произведеніямъ Франка. Но изслѣдуя, какъ художникъ, этотъ привлекательный для него міръ, Франко вездѣ наталкивается на проявленія эксплуатаціи труда. Трудящимся въ потѣ лица всегда сопутствуетъ въ жизни та особая разновидность человѣческой породы, которая можетъ быть названа хищниками въ общественномъ и личномъ смыслѣ. Естественно, что художникъ долженъ былъ заняться и этимъ своеобразнымъ придаткомъ къ міру труда. Въ произведеніяхъ Франка мы и находимъ рядомъ великолѣпныя, крупными штрихами изображенныя фигуры и трудящихся въ потѣ лица, и живущихъ на ихъ счетъ хищниковъ. Авторъ внимательно прослѣдилъ движеніе общественного хищничества—отъ первоначальныхъ стадій его зарожденія и до превращенія въ своего рода соціальныхъ удавовъ (напр. повѣсть «Вся constrictor») которые, опутывая все вокругъ, и сами задыхаются подъ бременемъ своихъ хищническихъ инстинктовъ.

Борьба за человѣческую личность и ея достоинство, стремленіе къ свѣту и расширенію отведенныхъ судьбой рамокъ существованія, поиски смысла жизни и правды человѣческихъ отношеній—такое обычное содержаніе беллетристическихъ произведеній Франка, представляющихъ въ общей сложности широкую картину общественной борьбы на галицкой почвѣ, богатую какъ бытовыми чертами, такъ и психологическими положеніями. Въ нихъ мы имѣемъ подлинныя документы человѣческой души, въ особенности характеризующіе моментъ перелома общественныхъ отношеній, упадка одной формы жизни и рожденія другой, — новыхъ, но не всегда лучшихъ. Оцѣнка этихъ перемѣнъ производилась Франкомъ въ зависимости отъ общаго его міровоззрѣнія, сложившагся, какъ уже было указано, въ демократическомъ направленіи. На помощь крупному художнику для правильной оцѣнки дѣйствительности приходитъ и крупный же публицистъ, съ его критическимъ чутьемъ и ясными воззрѣніями на жизнь.

Публицистика Франка и его критика, носящая по преимуществу также публицистическій характеръ, являются отраженіемъ его общаго политическаго и общественнаго міросозерцанія. Особеннаго развитія и блеска эта сторона въ дѣятельности Франка достигла къ началу 90-хъ годовъ, когда имъ, въ сотрудничествѣ съ другими демократическими элементами Галичины, было положено основаніе украинской радикальной партіи, первой истинно-европейской политической организаціи на Галицкой почвѣ. Основанная съ цѣлью «нести въ народныя массы сознаніе экономическихъ, политическихъ и національныхъ интересовъ и публицистическимъ путемъ разъяснять и защищать эти интересы»¹⁾, какъ позже формулировалъ ея задачи самъ Франко, эта партія давала широкій просторъ его публицистическому дарованію. Соотвѣтственно съ общимъ міровоззрѣніемъ Франка, она въ основаніе своей дѣятельности полагала того, «кто всѣхъ насъ вскормилъ своимъ потомъ — народъ, трудящихся»²⁾. «Теперь,—писалъ Франко въ разъясненіе тактики партіи,—мы всѣ понимаемъ, что первой и главнѣйшей основой народнаго развитія является работа надъ сознаніемъ и пробужденіемъ массъ, надъ ихъ просвѣщеніемъ во всѣхъ направленіяхъ,—следовательно, не только въ экономическомъ и исторически-національномъ, но прежде всего въ политическомъ и общественномъ. Создать изъ этихъ массъ политическую силу (а такой силой темныя массы не могутъ быть)—вотъ въ чемъ лежитъ главная

¹⁾ *Ив. Франко*—3 останніхъ десятиліть XIX в., «Л. Н. Вістникъ», 1901 кн. VIII, стр. 65.

²⁾ «Народъ», 1890 г., № 1.

цѣль, какую поставила себѣ украинская радикальная партія, и къ какой, по мѣрѣ своихъ силъ, она стремится всѣми возможными путями» ¹⁾). Печать индивидуальности Франка, его ссціалистически народническіе взгляды лежали на программѣ и тактикѣ партіи, и можно сказать, что онъ былъ ея главнѣйшимъ теоретикомъ и основоположникомъ, создавъ затѣмъ и то широкое ссціалистическое движеніе, которое вышло въ послѣдствіи изъ нѣдръ радикальной партіи. Въ время народненія и расцвѣта ея изъ-подъ пера Франка выходитъ много блестящихъ публицистическихъ работъ, программныхъ статей, остроумныхъ памфлетовъ, въ которыхъ онъ язвительно бичевалъ «неполитическую политику» своихъ противниковъ, ихъ оппортунизмъ, узкое міровоззрѣніе, недостатокъ политическаго такта и яснаго пониманія дѣйствительныхъ интересовъ народа. Талантливое слово Франка раздавалось по всей Галичинѣ и, прорывая кордонъ, залетало на Украину, привлекая новыхъ адептовъ къ направленію, пропагандируемому авторитетнымъ писателемъ. И даже въ послѣдствіи, когда Франко уже отошелъ отъ чисто партійной жизни, хотя и сохранилъ неприкосновеннымъ «свой стягъ стараго, истинно-человѣческаго ссціализма» ²⁾, украинское общество отъ него ожидало всегда оцѣнки тѣхъ или иныхъ вызывающихъ общественный интересъ явленій и прислушивалось къ каждому его слову. Такою же авторитетностью обладали и его литературныя сужденія, всегда обставленныя богатымъ арсеналомъ историческихъ параллелей и аргументовъ. Являясь послѣдователемъ реальной школы, Франко однако съ большимъ вниманіемъ и пытливостью относился и къ новымъ литературнымъ исканіямъ, поскольку въ нихъ видѣлъ талантъ и искренность. Безпощадный врагъ фальшивой позы и пустой фразы, онъ всегда разоблачалъ всякую неискренность и ходульность, и его многочисленныя критическія статьи были для молодыхъ писателей своего рода практической школой, какъ его произведенія служили имъ образцами. На произведенія Франка воспитались цѣлыя поколѣнія украинскихъ писателей, и ему многіе обязаны правильнымъ развитіемъ своихъ литературныхъ силъ.

Рядомъ съ литературными интересами, отчасти и въ зависимости отъ нихъ, идутъ научныя занятія Франка, въ особенности по исторіи литературы и фольклору. Выше было уже отмѣчено, что послѣ перваго же политическаго процесса, въ который былъ замѣшанъ Франко, дверь университета оказалась для него закрытой. Но, порвавъ на время съ официальнымъ храмомъ науки,

¹⁾ *Ів. Франко*—З кінцем року. «Житє і Слово», 1896 г., т. V, стр. 403.

²⁾ *Франко Ів.*—Мій ізмарагд, Львов, 1898, стр. VIII.

Франко не порвалъ съ наукой, посвящая свободное отъ литературныхъ занятій и общественной дѣятельности время научнымъ изысканіямъ, преимущественно изъ прошлаго Галичины. Періодъ кипучей его политической дѣятельности—90-е годы—совпадаетъ и съ усиленными научными занятіями. Франко вновь проходитъ университетскій курсъ, работаетъ въ Вѣнѣ подъ руководствомъ академика Ягича и, начиная съ 1895 г., издаетъ цѣлый рядъ научныхъ трудовъ, обратившихъ на него вниманіе ученаго міра (избраніе членомъ-корреспондентомъ Петербургской Академіи Наукъ и присужденіе докторской степени *honoris causa* харьковскимъ университетомъ). Послѣ смерти историка украинскій литературы, проф. Огановскаго, Франко былъ избранъ профессорскою коллегіей Львовскаго университета на кафедру украинскій литературы, но галицкій намѣстникъ, извѣстный Бадени, опротестовалъ избраніе чловѣка, «трижды сидѣвшаго въ тюрьмѣ...»¹⁾. Рука насильника отстранила Франка отъ кафедры, воспрепятствовала ему занять офиціально мѣсто учителя молодежи, но она оказалась безсильной, чтобы уничтожить вліяніе этого истиннаго учителя поколѣній, на произведеніяхъ котораго воспитались кадры работниковъ общественнаго дѣла въ Галичинѣ и на Украинѣ.

Въ самомъ дѣлѣ—при всемъ разнообразіи литературныхъ трудовъ Франка все огромное ихъ количество объединяетъ одна черта—проникающій ихъ учительный элементъ въ лучшемъ смыслѣ этого слова. «Я самъ,—говорилъ въ своей юбилейной рѣчи Франко,—въ своей дѣятельности всегда стремился быть не поэтомъ, не ученымъ, не публицистомъ, а прежде всего чловѣкомъ»²⁾. Эта широкая чловѣчность, проникающая всю дѣятельность Франка, всѣ его произведенія, являющаяся второй натурой его, и сообщаетъ его работамъ тотъ воспитательный характеръ, который украинская публика давно оцѣнила, поставивъ Франка въ ряду наиболѣе любимыхъ и наиболѣе читаемыхъ писателей. О чемъ бы ни писалъ Франко, какихъ бы темъ онъ ни касался—а рѣдко у кого найдется подобное обиліе и разнообразіе интересовъ,—всегда изъ страницъ его книгъ проглядываетъ бодрый обликъ борца противъ личной и общественной несправедливости, раздается голосъ гуманиста, проповѣдника любви, самопожертвованія и всепрощенія, чувствуется, по мѣткому выраженію проф. А. Е. Крымскаго, «идеалистическая грусть на широкіе общечловѣческіе мотивы». Франко не только развѣтываетъ предъ читателемъ широкія картины жизни, какъ она есть, но

¹⁾ *Ів. Франко*—Історія моєї габілітації, «Діло», 1912 г., № 251 и 252.

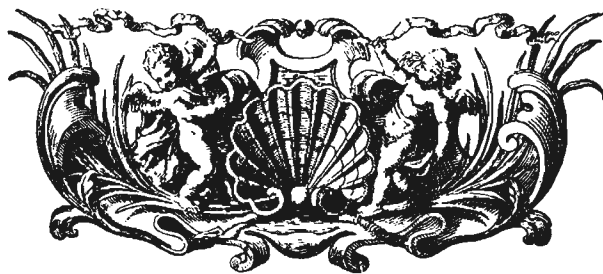
²⁾ «Л.-Н. Вістникъ», 1898 г., кн. XI, стр. 129.

никогда не упуститъ случая показать, какой она должна быть, не впадая при этомъ ни въ грубую тенденціозность, ни въ нарочитую искусственность. Поэтому читатель не только получаетъ эстетическое удовлетвореніе отъ его произведеній, какъ созданій истиннаго художника, но и подчиняется его моральному воздѣйствію, чувствуетъ основательность его афоризма, что «истинная поэзія всегда должна быть строго моральной» и, прибавлю, учительною безъ намѣренія псучать, безъ тѣни доктринерства, дидактизма и тенденціозности. Такимъ именно и является Франко въ лучшихъ своихъ произведеніяхъ, служащихъ украшеніемъ и гордостью украинской литературы и въ переводахъ широко извѣстныхъ культурному міру. Это былъ дѣйствительно, «трудъ всей его жизни»,—которымъ онъ, какъ мы видѣли, сознательно отдавалъ долгъ родному народу.

Есть у Франка небольшой прелестный рассказъ (къ слову сказать, неоднократно переводившійся между прочимъ и на русскій языкъ)—«Малій Мирінъ», заключающій повѣствованіе о первыхъ проблескахъ мысли въ ребенкѣ, о зарожденіи сознательнаго отношенія къ окружающему. Содержащій несомнѣнно автобіографическія черты, этотъ «первый младенческій крикъ въ человѣкѣ родившейся мысли» оканчивается свсего рода пророчествомъ автора по адресу его маленькаго героя. «Въ школѣ ребенокъ будетъ на удивленіе всѣмъ схватывать знанія, упиваться ими, какъ больной свѣжимъ воздухомъ, и окончитъ тѣмъ, что проникнется истинами науки и пожелаетъ осуществить ихъ въ жизни. И станетъ маленький Миронъ горячимъ проповѣдникомъ этихъ истинъ, понесетъ ихъ въ среду темныхъ и погибающихъ, подъ родныя сельскія крыши... Ну, и незавидная участь его ожидаетъ! Посѣтитъ онъ и тюремныя стѣны, и всякія подземелья, муки и насилія людей надъ людьми, а окончитъ тѣмъ, что или погибнетъ, забытый въ бѣдности и одиночествѣ гдѣ-нибудь на чердакѣ, или вынесетъ изъ тюремныхъ стѣнъ зародышъ смертельнаго недуга, который преждевременно сведетъ его въ могилу, или, утративъ вѣру въ святую, высшую истину, станетъ заливать гложущаго червя виномъ до полнаго одурѣнія. Бѣдный маленький Миронъ!». Во многомъ эти слова дѣйствительно оказались пророческими и въ отношеніи самого автора ихъ. Франко дѣйствительно жадно пилъ изъ источника знаній, прсникся до самозабвенія истинами подлинной науки и дѣятельно воплощалъ ихъ въ жизни, неся свѣтъ свободы, знанія и любви подъ родныя сельскія крыши. И его личная судьба точно такъ же оказалась болѣе чѣмъ незавидной: и стѣны тюремныя, и темныя закулки жизни съ ея насиліями, и мрачныя стороны души человѣческой—все это

онъ видѣлъ и на себѣ самомъ испыталъ въ полной мѣрѣ,—можетъ быть, даже больше, чѣмъ предсказалъ своему маленькому Мирону. Имѣлъ основаніе Драгомановъ въ предисловіи къ сборнику разсказовъ Франка «В поті чола» отмѣтить: «сколько пота, и даже кроваваго пота, потекло съ чела самого писателя, пока онъ принялся изображать поты лица другихъ людей»... Но въ одномъ отношеніи указанное пророчество отошло отъ дѣйствительности: никто по адресу Франка не произнесетъ соболѣзнующаго эпитета—«бѣдный», никто не оскорбитъ его памяти неумѣстнымъ сожалѣніемъ. Какъ бы ни сложилась его личная судьба, этотъ большой человѣкъ жилъ и большой, полной жизнью, въ результатѣ которой оставилъ большое наслѣдіе, рассчитанное на рядъ поколѣній. Съ чувствомъ не сожалѣнія, а изумленія и благодарности останавливаемся предъ этимъ человѣкомъ, сумѣвшимъ дать максимумъ творческаго напряженія при минимумѣ способствующихъ этому личныхъ и общественныхъ условій. И то обстоятельство, что писатель своимъ участіемъ художника отиралъ «поты лица» другихъ людей въ то время, когда кровавымъ потомъ покрывалось собственное чело—это лишь увеличиваетъ цѣнность и высоту его жизненнаго подвига. «Собственнымъ трудомъ всей своей жизни» Франко дѣйствительно уплатилъ то, что считалъ долгомъ чести и совѣсти...

С. Ефремовъ.

Любомирскій.

Разсказъ изъ жизни семидесятихъ годовъ XIX вѣка ¹⁾.

I. Былое.

Небольшой морозъ наступилъ внезапно въ Петербургъ послѣ долгой оттепели. Онъ украсилъ серебристыми иглами деревья Лѣтняго сада, превративъ всѣ ихъ вѣтки въ пушистыя бѣлыя лапки.

Я шелъ среди этого серебристаго тумана въ главной аллеѣ по направленію отъ заиндивѣвшей Невской набережной къ Инженерному замку, гдѣ трагически погибъ когда-то императоръ Павелъ I.

Надо мною было слегка мглистое, кой-гдѣ голубоватое, кой-гдѣ бѣлосоватое зимнее сѣверное небо, съ южной стороны котораго смотрѣлъ на меня большій красный глазъ, низко висѣвшій надъ горизонтомъ и окруженный на нѣкоторомъ разстояніи большой свѣтлой дугой съ ореоломъ на ея внѣшней сторонѣ. Онъ освѣщалъ своимъ розоватымъ свѣтомъ волшебную картину всеобщаго обледенѣнія, и я, тоже покрытый бѣлымъ пухомъ на приподнятомъ воротникѣ своего пальто, старался представить, что живу на какой-то новой планетѣ, гдѣ деревья растутъ съ серебристыми иглами вмѣсто нашихъ зеленыхъ листьевъ, а чуждое намъ солнце вѣчно-розовое, но вскорѣ воз-

¹⁾ Въ автобіографическомъ разсказѣ Н. А. Морозова, примыкающемъ къ вышедшему первому тому «Повѣсти моей жизни» (изд. «Задруга»), описывается покушеніе въ 1879 г. на начальника III отдѣленія ген. Дрентельна.

Ред.

вратился къ мыслямъ о своей реальной жизни, гдѣ тоже все было такъ необычайно и не похоже на жизнь остальныхъ людей.

Фантазія, какъ всегда, стала рисовать мнѣ одинъ за другимъ всевозможные головокружительные подвиги на томъ пути, по которому мнѣ только и можно было идти въ началѣ моей жизни, потому что всѣ иные пути, кромѣ этого, революціоннаго, были тщательно заперты тогда для меня и моихъ товарищей въ Россіи какъ министерствомъ народнаго просвѣщенія, во главѣ котораго стоялъ жестокой графъ Дмитрій Толстой, такъ и всѣми другими тогдашними русскими властями.

Инстинктивно я направился къ Александру Михайлову, какъ къ товарищу, котораго я болѣе всѣхъ любилъ и цѣнилъ послѣ Кравчинскаго. Я зналъ, что у него всегда сходились нити всѣхъ намѣчающихся практическихъ предпріятій.

Если можно теперь стѣлать что-нибудь особенное, мечталъ я — то вмѣстѣ съ нимъ я легче всего придумаю.

А мнѣ именно тогда очень хотѣлось совершить нѣчто героическое. Я только что влюбился, получилъ признаніе во взаимности, и мнѣ хотѣлось быть достойнымъ предмета своей любви, котораго я нѣсколько дней тому назадъ проводилъ въ далекій путь—за границу, чтобы спасти отъ гибели въ политической темницѣ.

Я думалъ, что въ этотъ часъ дня я легче всего застану Михайлова въ Измайловскомъ полку, у Малиновской, но его тамъ не оказалось. Вмѣсто него я нашелъ нѣсколько другихъ товарищей, сильно возбужденныхъ произведенными въ ту же самую ночь многочисленными арестами въ радикальныхъ студенческихъ кружкахъ. Всѣ говорили, что этого нельзя болѣе оставлять безнаказаннымъ и необходимо тотчасъ же отомстить новсму начальнику «Третьяго отдѣленія», завѣдывавшаго тогда политическими дознаніями и арестами.

Взволнованный всѣмъ слышаннымъ и напрасно прождавъ злѣсь прихода Михайлова до поздняго вечера, я рѣшилъ, наконецъ, самъ идти къ нему на квартиру.

Я вышелъ въ туманную черную мглу, смѣнившую волшебную картину окончившагося дня, незамѣтно наблюдая по привычкѣ, не идетъ ли за мной какая-нибудь подозрительная личность. Но никого не было сзади.

Я сѣлъ на вершину конки у Технологическаго Института, поѣхалъ на ней по Загородному, а затѣмъ и по Литейному проспекту вплоть до Кировной улицы, гдѣ Михайловъ занималъ въ одномъ знакомомъ семействѣ, большую меблированную комнату.

Было одиннадцать часовъ вечера—совсѣмъ еще не поздно,

по петербургскимъ нравамъ, и потому я нисколько не удивился, когда, войдя къ Михайлову, засталъ у него стройнаго и красиваго молодого человѣка съ изящными аристократическими манерами, вставшаго при моемъ приходѣ.

— Любомирскій,—сказалъ мнѣ Михайловъ, рекомендуя эту новую для меня личнсть.

Мы поздоровались за руку и сѣли.

— Я только что выпущенъ изъ заключенія,—сказалъ мнѣ Любомирскій, какъ только Михайловъ сообщилъ ему, что при мнѣ можно продолжать начатый имъ разговоръ.—Меня возили вчера къ Дриттену, новому начальнику Третьяго отдѣленія, и я вынесъ заключеніе, что онъ еще вреднѣе прежняго—убитаго Печорина. Всѣ безчисленные обыски и аресты послѣднихъ дней руководились непосредственно имъ. Вы сами понимаете, что нельзя ничѣмъ не реагировать на гибель столькихъ товарищей.

— Да. То же самое говорили у Малиновской.

— Любомирскій отлично ѣздитъ верхомъ и хочетъ стрѣлять въ него на улицѣ,—сказалъ мнѣ Михайловъ.—Надо будетъ выслѣдить, когда Дриттенъ выѣзжаетъ съ докладами.

— А гдѣ же вы найдете хорошую верховую лошадь?—спросилъ я, нисколько не удивленный его словами, такъ обычными въ разгарѣ нашей тогдашней борьбы съ абсолютизмомъ.

— Въ татарсалѣ. Любомирскій возьметъ сначала для проформы нѣсколько уроковъ, а потомъ будетъ выѣзжать ежедневно на прогулки по городу на лучш ихъ изъ татарсальскихъ скакунахъ, сставивъ залогъ, чтобы не давали сопровождающаго мальчика. А затѣмъ, въ удобный часъ, въ удобномъ мѣстѣ снѣ и встрѣтитъ Дриттена.

— Такъ будетъ всего лучше,—согласился Любомирскій и, взглянувъ на часы, началъ прощаться съ нами.

— Чрезвычайно смѣлый и рѣшительный человѣкъ,—сказалъ мнѣ Михайловъ, какъ только онъ ушелъ.—У него здѣсь невѣста, Лилиант-де-Шатсбрень, съ которой тебѣ необходимо познакомиться. Она изъ аристократическаго круга и можетъ доставлять намъ очень цѣнныя свѣдѣнія.

— Она молодая?

— Да, лѣтъ девятнадцати и очень хорошенькая. Но это завтра, а теперь давай-ка лучше спать.

Но мнѣ плохо спалось въ эту ночь. Передъ моими глазами то стояла черная, сырая, непроглядная мгла съ расплывавшимися въ ней сгѣнками отдаленныхъ фонарей, въ которой скрылся нѣсколько дней назадъ поѣздъ, увлекшій отъ меня Ольгу и разлучившій насъ, казалось, навсегда, то рисовались блѣдныя

лица товарищей, заточенныхъ въ политическихъ темницахъ, то возникали картины всевозможныхъ полвиговъ въ начавшейся неравной борьбѣ за гражданскую свободу.

II. На вахтъ.

На слѣдующій день, какъ только стало смеркаться, я и Михайловъ пошли съ визитомъ къ Лилианъ-де-Шатобренъ.

Насъ провели сначала въ большую залу, увѣшанную бронзовыми люстрами и картинами въ золоченыхъ рамахъ, потомъ въ одну изъ гостиныхъ, затѣмъ въ другую и наконецъ ввели въ голубой будуаръ, гдѣ на кушеткѣ съ вытянутыми на ней ножками, въ изящномъ костюмѣ, полулежала молодая дѣвушка съ тонкой таліей и съ французскимъ романомъ въ рукѣ.

Не поднимаясь, она лѣниво протянула свою ручку Михайлову, который затѣмъ представилъ ей меня. Мы оба осторожно пожали ея ручку, не прикладываясь къ ней, хотя выдержанный здѣсь стиль французскаго двора конца XVIII вѣка и требовалъ того, а затѣмъ, подвинувъ къ ея кушеткѣ два низенькіе пуфа, обитые голубой матеріей, сѣли передъ ней, положивъ локти рукъ на свои колѣни, какъ два доктора передъ постелью больной, и начали разговоръ прямо съ сути дѣла.

— Значитъ, вы намъ сочувствуете?—спросилъ Михайловъ.

— Да, очень!—отвѣтила она.

Мы помолчали, какъ бы обдумывая важность сказаннаго. Наконецъ Михайловъ многосзначительно посмотрѣлъ на меня, какъ бы говоря своимъ краснорѣчивымъ взглядомъ: «да поддержи же разговоръ!»

Я началъ рѣчь о томъ, какое хорошее впечатлѣніе произвелъ на меня Любомирскій, и какъ я неожиданно познакомился съ нимъ вчера. Разговоръ съ отвлеченныхъ идей перешелъ на болѣе легкую тему о лицахъ: кто, гдѣ, когда и почему видѣлъ впервые того или другого, и какъ потомъ продолжалось ихъ знакомство.

Намъ подали кофе въ хорошенькихъ крошечныхъ фарфоровыхъ чашечкахъ, и мы черезъ полчаса распрощались.

— Развѣ можетъ такая изнѣженная барышня,—спросилъ я Михайлова, какъ только мы очутились съ нимъ на улицѣ,—быть серьезной заговсрщицей?

— Конечно нѣтъ,—отвѣтилъ онъ.—Но она можетъ быть очень намъ полезна своими связями въ придворныхъ сферахъ.

— Не думаю. Для всякой дѣятельности нуженъ внутренній огонь и сила. А здѣсь специально выработанная воспитаньемъ слабость. У меня нѣтъ на нее никакой надежды. Вотъ если бы она вскочила при видѣ насъ со своей кушетки и протанцовала вальсъ, я бы сразу перемѣнилъ о ней мнѣніе на самое лучшее.

— Ты слишкомъ строгъ,—сказалъ онъ смѣясь.

Но по его фizioноміи я видѣлъ, что и онъ не ожидалъ отъ нея ничего, кромѣ пассивнаго сочувствія.

— А между тѣмъ Любомирскій боготворить ее,—сказалъ онъ мнѣ,—и кто знаетъ, не ея ли чисто романтическій восторгъ передъ Кравчинскимъ внушилъ ему идею сдѣлать то же самое. Удивительно и своеобразно иногда сказывается женское вліяніе на нашемъ братѣ. Не мало героическихъ дѣлъ совершалось для прекрасныхъ глазъ, хотя бы они украшали и такихъ изыѣженныхъ тѣломъ и духомъ особъ, какъ ты представляешь себѣ эту.

Мнѣ показалось, что въ данномъ случаѣ Михайловъ могъ быть правъ, хотя бы и отчасти. Любомирскій призвелъ на меня впечатлѣніе рыцаря турнировъ при той первой моей съ нимъ встрѣчѣ.

«И здѣсь—подумалъ я, шагая съ Михайловымъ по улицѣ,—какъ будто подтверждается моя идея, что влеченіе одного пола къ другому является однимъ изъ могучихъ стимуловъ великодушныхъ и героическихъ дѣлъ и родоначальникомъ всякой другой любви и альтруизма».

Мы подошли къ Цѣпному мосту, гдѣ находилось уничтоженное теперь Третье отдѣленіе собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи.

— Вотъ первое мѣсто моего заточенія въ Петербургѣ,—сказалъ я Михайлову, показывая на зданіе, гдѣ сосредоточивались въ продолженіе многихъ десятилѣтій политическія гоненія.—Тогда я былъ еще очень наивенъ и думалъ, что здѣсь мнѣ будутъ вытягивать жилы и рвать изъ пальцевъ ногти.

— И вѣрно ты тогда не представлялъ себѣ,—прибавилъ онъ со своей приѣзливой улыбкой,—что черезъ четыре года будешь ходить около него тайнымъ часовымъ. Мы вѣдь съ Любомирскимъ сегодня утромъ рѣшили просить и тебя понаблюдать за временами выѣздовъ Дриттена и ты, конечно, не откажешь. Такъ все мѣняется на свѣтѣ. Будутъ, навѣрно и болѣе крупныя измѣненія въ русской жизни, только нами ли они будутъ сдѣланы или на нашихъ костяхъ?

— На нашихъ костяхъ! — отвѣтилъ я безъ колебаній хотя еще и не подозревалъ, что черезъ три года эшафотъ унесетъ уже большинство моихъ теперешнихъ друзей.

— Все равно,—отвѣтилъ мнѣ Михайловъ.—Нами или на нашихъ костяхъ произойдутъ перемѣны къ лучшему. Ты начинай теперь ихъ подготавливать!

Мы перешли черезъ Цѣпной мостъ къ Инженерному Замку.

Тамъ было мало газовыхъ фонарей, и потому на набережной

Фонтанки, отдѣлявшей насъ отъ входа въ домъ, возвышавшійся на противоположномъ берегу и бывший домомъ Третьяго отдѣленія, гдѣ жилъ Дриттенъ, стоялъ почти полный мракъ. Сзади за нами высилась на нѣкоторомъ разстояніи темная мрачная громада Инженернаго Замка, въ которомъ почти восемьдесятъ лѣтъ тому назадъ былъ задушенъ императоръ Павелъ I. Передъ нами поднимался рядъ жиденькихъ, лишенныхъ листьевъ деревьевъ, окаймлявшихъ набережную, на которой мы стояли. Прямо передо мной была черная во мракъ ночи вода оттаявшей Фонтанки, въ которой смутно отражались огни фонарей и освѣщенныхъ оконъ у домовъ противоположнаго берега. И надъ всѣмъ этимъ съ темнаго, слегка красноватаго отъ зарева фонарей неба, густо и медленно падали большіе мокрые хлопья снѣга, прикрывавшіе бѣлыми шапками наши цилиндры, въ которыхъ мы тогда ходили по улицамъ, чтобъ насъ принимали за чиновниковъ.

Впечатлѣніе картины получилось таинственное и зловѣщее, словно сейчасъ изъ романа. А между тѣмъ это была дѣйствительность.

— Видишь напротивъ насъ на той сторонѣ Фонтанки подъѣздъ, съ боковъ котораго горятъ два фонаря?

— Вижу.

— Это его подъѣздъ. Ходи тутъ и наблюдай за нимъ. Все интересное для насъ записывай по часамъ и минутамъ. Особенно, если подадутъ ему карету. Сейчасъ же отмѣть время, куда поѣдетъ и, если нужно, возьми извозчика и вели ему ѣхать за нимъ, сказавъ, что ты изъ сыскаго отдѣленія.

— Хорошо.

— Черезъ два часа я тебя смѣню,—окончилъ онъ, и, пожавъ мнѣ руку, скрылся во тьмѣ.

Я началъ неспѣшно ходить взадъ и впередъ вдоль набережной Фонтанки, начиная отъ Цѣпнаго моста и уходя настолько далеко мимо Инженернаго Замка, насколько было можно для того, чтобы не терять изъ виду подъѣзда, на который я взглядывалъ время отъ времени черезъ рѣку.

Я чувствовалъ себя чѣмъ-то въ родѣ часового, на часахъ Грядущей Свободы.

Мнѣ не было жалко руководителя политическихъ гоненій. Тѣни казенныхъ товарищей вставали передъ моими глазами въ этой полужимней тусклой мглѣ между бѣлыми мокрыми хлопьями падающаго снѣга и, казалось, зывали ко мнѣ объ отмщеніи.

— Владѣющій мечомъ, отъ меча и погибнетъ!—припомина-

лось старинное евангельское изреченіе.—Это роковой законъ возмездія. Конечно, мое теперешнее выслѣживаніе возмутить его и ему подобныхъ. То, что они считаютъ правильнымъ и законнымъ для себя противъ другихъ, они считаютъ возмутительнымъ и преступнымъ, когда это дѣлаютъ другіе противъ нихъ, хотя бы и въ отвѣтъ на ихъ собственныя уже совершенныя дѣйствія. Онъ будетъ говорить о насъ, какъ говорилъ одинъ французскій путешественникъ, очерчивая нравы австралійскихъ кенгуру: «Эти кенгуру чрезвычайно свирѣпы: они защищаются, когда на нихъ нападаютъ». Но что намъ за дѣло до того, какого мнѣнія будутъ о насъ наши враги? Пусть лучше считаютъ насъ свирѣпыми крокодилами, чѣмъ кроткими тюленями, съ изумленіемъ смотрящими, по словамъ полярныхъ путешественниковъ, какъ ихъ избиваютъ.

Мой взглядъ вдругъ упалъ на карету, подъѣхавшую къ подъѣзду, за которымъ я наблюдалъ. Были видны въ полутьмѣ только силуэты ея лошадей и кучеръ на козлахъ да ярко свѣтились два фонаря.

— Уѣзжаетъ куда-то!—подумалъ я и посмотрѣлъ на свои часы.

Было четверть седьмого.

— Велѣлъ приготовить къ половинѣ седьмого,—догадался я.—Можно еще походить минутъ десять.

И я прошелся еще разъ вдоль всей моей дистанціи.

На возвратномъ пути я увидѣлъ еще новое измѣненіе на противоположной сторонѣ. На нѣкоторомъ разстояніи отъ кареты, почти у входа въ сосѣдній домъ, остановился шарабанъ, запряженный высокой, явно рысистой, лошадыю. Изъ него вышелъ господинъ въ шубѣ, но, вмѣсто того, чтобы войти въ домъ, началъ прохаживаться взадъ и впередъ по тротуару, не отходя далеко отъ своего экипажа.

— Чго это значить?—съ любопытствомъ приглядывался я, еще не отдавая себѣ отчета.

Парадная дверь третьестѣпенскаго дома открылась и выбѣжавшій швейцаръ усадилъ кого-то въ карету.

Она двинулась къ Цѣпному мосту, у котораго я остановился недалеко отъ дежурившаго городского, и я увидѣлъ, какъ вслѣдъ за посадкой въ карету начальника Третьяго отдѣленія, сѣлъ въ свой шарабанъ и замѣченный мною господинъ, и его кучеръ, безо всякихъ разговоровъ поѣхалъ вслѣдъ за каретой на разстояніи около сотни шаговъ.

Маѣ стало сразу все ясно.

— За нимъ слѣдятъ и помимо меня! — подумалъ я, и

потому вмѣсто того, чтобъ нанимать стоящаго поблизости извозчика и ѣхать третьимъ въ этой свитѣ, я пошелъ далѣе по направленію къ Михайловской площади и, отмѣтивъ, что карета отправилась туда, возвратился обратно ожидать Михайлова, который явился почти тотчасъ вслѣдъ за моимъ возвращеніемъ къ Цѣписному мѣсту.

— Ну что?—спросилъ онъ, подходя ко мнѣ.

— Уѣхалъ куда-то черезъ Михайловскую площадь въ половинѣ седьмого.

— Во дворецъ,—догадался Михайловъ.—Больше некуда по этому направленію. У него должно быть въ этотъ день ежедневный докладъ въ восемь часовъ вечера. Надо провѣрить черезъ недѣлю. А почему ты не поѣхалъ за нимъ?

— Потому что за нимъ ужъ и безъ меня ѣхали!

— Кто?

— Его собственный шпіонъ, больше некому!

И я, смѣясь, рассказалъ ему о господинѣ въ шарабанѣ.

— Это услаживаетъ дѣла!—замѣтилъ онъ серьезно.

— Почему? Рысакъ въ шарабанѣ никогда не догонитъ хорошую скаковую лошадь.

— Но у этого господина можетъ быть въ карманѣ огнестрѣльное оружіе. Впрочемъ надо еще убѣдиться, дѣйствительно ли за нимъ всегда ѣздить.

Несмотря на конецъ моей вахты и на сырую свѣжнюю погоду, я не хотѣлъ сейчасъ же уходить отъ Михайлова, не обмѣнявшись съ нимъ своими мыслями.

Нѣсколько времени назадъ меня сильно возмутило названіе «террористы», приложенное къ намъ въ какъ-то газетѣ, такъ какъ я былъ убѣжденъ въ то время, что мы не только не террористы, но, наоборотъ, сами боремся съ режимомъ политическаго террора.

— Могутъ ли назваться борющіеся съ чужимъ терроромъ террористами?—спросилъ его я.

И мнѣ показалось удивительнымъ, что Михайловъ не раздѣлил моего отвращенія къ этому слову.

— Почему же нѣтъ?—отвѣтилъ онъ въ раздумьи.—Вѣдь названіе «террористы» впервые было примѣнено къ самымъ энергичнымъ изъ дѣятелей великой французской революціи. Я ничего не имѣю противъ, если и насъ будутъ называть такъ въ память Сент-Жюста и Робеспьера.

— Но вѣдь и они себя такъ не называли. Это укоризненная кличка, данная имъ ихъ врагами. Тогдашніе корсели были истинными приверженцами узаконеннаго террора, т.-е. карательныхъ экспедицій, массовыхъ разстрѣловъ и тому подобнаго.

— Такова,—отвѣтилъ онъ,—судьба. Всѣ клички обыкновенно даются врагами. Вотъ, на примѣръ, хоть слово нигилисты. Кто у насъ нигилисты? Конечно бюрократія, у которой нѣтъ никакихъ общественныхъ идеаловъ, которая желаетъ только чиновъ да денегъ. А кличку эту вмѣсто нихъ дали именно намъ, готсвымъ отдать жизнь за свои гражданскія убѣжденія.

— Но не всегда же,—отвѣтилъ я,—враги даютъ названія. Вотъ на примѣръ въ Германіи общество, боровшееся съ произволомъ и угнетеніемъ, въ первой четверти девятнадцатаго вѣка называлось тугендбундомъ, т.-е. союзомъ добродѣтели. Почему бы не называть себя такъ и намъ?

— Но мы и называемъ себя не террористами, а землевольцами. Названіе не дурное. Однако же ты самъ видишь, что въ обществѣ оно мало прививается, потому что наши враги въ легальной литературѣ могутъ невозбранно распространять свои клички во всю ширину Россіи, а мы не можемъ. И мы не уйдемъ отъ даваемыхъ намъ противъ нашей воли именъ, какъ не ушли и французскіе якобинцы. Такъ примиримся же съ именемъ. Это все равно, какъ если бы на бутылкахъ съ виномъ было приказано правительствомъ наклеивать ярлыкъ «Деготь». Ярлыкъ служилъ бы только въ первую минуту причиной смущенія для тѣхъ, кто еще не попробовалъ напитка. Всякій попробовавшій сейчасъ же узналъ бы, что тутъ вино, а не деготь. Такъ будетъ и съ нами, несмотря ни на какія клички.

Мы замолчали. Подулъ порывистый вѣтеръ и закрутилъ въ воздухѣ летящіе хлопья. Мало-по-малу и я самъ пришелъ къ тому же мнѣнію, какъ Михайловъ.

— Не стоитъ спорить о словахъ и заботиться о правильныхъ именахъ,—подумалъ я.—Будемъ дѣлать свое дѣло по существу, а не по названію и предоставимъ здравому смыслу человѣчества разбираться въ томъ, кто былъ дѣйствительнымъ террористомъ.

— Прощай,—сказалъ я Михайлову, не дождавшись обратнаго возвращенія кареты.

— Прощай! покойной ночи,—отвѣтилъ онъ.

И я пошелъ домой, а онъ остался во тьмѣ, подъ крупными хлопьями сырого крутящагося снѣга, новый часовой «на стражѣ Грядущей Свободы».

III. Выстрѣлы на улицѣ.

Мой «домъ» въ это время былъ недалеко оттуда. На углу Литейнаго проспекта и Пантелеймонской улицы всзвышался огромное шестиэтажное зданіе, гдѣ, въ большомъ флигелѣ внутренняго двора, жилъ извѣстный публицистъ того времени, бывшій ре-

дакторъ газеты «Сѣверный Вѣстникъ», присяжный повѣренный Коршъ, вмѣстѣ со своей женой, ея сестрой и тремя маленькими дѣтьми.

Онъ уже давно приглашалъ меня всегда приходить къ нему ночевать или даже тайно поселиться въ его большой квартирѣ, подъ видомъ его помощника, живущаго особо, но часто принужденнаго обиліемъ дѣлъ оставаться у него на ночь. Все это оказалось чрезвычайно легко и просто. Возвращаясь домой послѣ начала моихъ ночевокъ, Коршъ нѣсколько разъ спросилъ у швейцара: «пришелъ ли мой помощникъ?» Швейцаръ называлъ меня такъ дворникомъ, и потому никого не удивляло, что каждый день я приходилъ и уходилъ изъ этого дома. Никому не приходило даже и въ голову наблюдать, ночью я здѣсь или хожу къ себѣ домой, тѣмъ болѣе, что черная лѣстница квартиры Корша выводила на другой дворъ этого огромнаго зданія, и я всегда могъ выйти и на Литейный проспектъ, а не на Пантелеймоновскую улицу, куда велъ парадный входъ.

Красивый молодой блондинъ съ очень интеллигентными чертами лица, Коршъ былъ всегда трогательно привѣтливъ со мною. И все его семейство, узнавъ, что меня разыскиваетъ полиція, и что я принимаю близкое участіе въ начавшихся тогда вооруженныхъ дѣйствіяхъ заговорщиковъ, отнеслось ко мнѣ, какъ къ герою таинственнаго романа, невидимо происходящаго передъ ними.

На ночь мнѣ приготовляли постель на мягкомъ диванѣ въ столовой, а для того, чтобы я могъ писать статьи или редактировать чужія произведенія для нашего печатавшагося въ тайной типографіи журнала «Земля и Воля», мнѣ предоставленъ былъ рабочій кабинетъ Корша, за исключеніемъ трехъ часовъ, когда онъ принималъ въ немъ своихъ кліентовъ. Въ этомъ кабинетѣ происходили время отъ времени и совѣщанія всѣхъ, слѣдившихъ за выѣздами Дриттена, медленно устанавливавшія, въ какіе дни и часы онъ обязательно выѣзжаетъ въ тѣ или другія постоянныя мѣста.

Любомирскій тѣмъ временемъ практиковался въ верховой ѣздѣ въ татерсалѣ и, какъ искусный наѣздникъ, вскорѣ получилъ тамъ для прогулокъ по городу самую быструю изъ скаковыхъ лошадей.

Одинъ разъ, проходя по Морской улицѣ въ тѣ часы, когда тамъ толпится фешенебельное общество, я видѣлъ его прѣзжающимъ; подъ видомъ молодого денди, на стройной, нервной англійской кобылѣ. Онъ былъ очень эффектенъ въ такомъ видѣ, и всѣ свѣтскія и полусвѣтскія дамы, медленно проѣзжающія въ эти часы въ своихъ открытыхъ коляскахъ, заглядывались на

него въ свои лорнеты. Однако редакціонныя дѣла, секретарскія и казначейскія обязанности, которыя были всегда возложены на меня, мѣшали мнѣ принимать болѣе активное участіе въ предпринимаемомъ дѣлѣ.

Моя прирожденная общительность и способность чувствовать себя одинаково легко какъ въ роскошныхъ салонахъ, такъ и въ студенческой комнаткѣ, какъ съ расфранченными дамами, такъ и со скромными курсистками, привела къ тому, что мои товарищи, большинство которыхъ выросли въ скромной обстановкѣ и чувствовали стѣсненіе въ пышныхъ залахъ, начали направлять меня къ «либераламъ», т.-е. къ пассивно сочувствовавшимъ намъ «людямъ съ положеніемъ», всякій разъ, когда приходилось имѣть съ ними дѣло, и такимъ образомъ незамѣтно специализировали меня въ этой области.

— Онъ дѣйствуетъ среди либераловъ,—говорили обо мнѣ, какъ говорили, что мой товарищъ Плехановъ «дѣйствуетъ среди рабочихъ».

Либералы же намъ были по временамъ очень нужны. Такъ у извѣстнаго историка литературы, Зотова, я держалъ на сохраненіи уставъ «Земли и Воли» и всѣ необходимые документы. На имя своего теперешняго хозяина—Корша я устроилъ текушій счетъ въ банкѣ для нашихъ расходовъ. Другіе «либералы» доставляли намъ цѣнныя свѣдѣнія о дѣйствіяхъ высшей администраціи, на адресъ третьихъ получались наши письма, у четвертыхъ происходили различныя конспиративныя собранія. Всѣ они сочувствовали исключительно *политической* (а не соціальной) части нашей дѣятельности и были готовы помогать намъ лишь, поскольку мы способствовали расшатыванью абсолютизма въ Россіи.

А такъ какъ борьба съ произволомъ была и моя главная задача, то мы очень хорошо ладили другъ съ другомъ, а, главное, «либералы» мнѣ почему-то особенно довѣряли. Они были убѣждены, что я не подведу ихъ подъ судъ какою-нибудь неосторожностью и не выболтаю никому о нашихъ тайныхъ сношеніяхъ.

Михайловъ часто заходилъ ко мнѣ на квартиру Корша и сообщалъ о ходѣ предпріятія Любомирскаго. Тотъ уже два раза выѣзжалъ навстрѣчу Дриттена, вооруженный тѣмъ самымъ револьверомъ-медвѣжатникомъ, который былъ пріобрѣтенъ во время моего перваго визита къ доктору Веймару и потомъ фигурировалъ и въ другихъ дѣлахъ. Но каждый разъ условія встрѣчи казались Любомирскому неподходящими и онъ проѣзжалъ мимо кареты.

Въ тотъ день, о которомъ я хочу теперь рассказать, я писалъ въ кабинетѣ Корша рассказъ для «Земли и Воли» подъ названіемъ «Попытка освобожденія Войнаральскаго». Я написалъ его

по своимъ личнымъ воспоминаніямъ, которыя тогда были еще совсѣмъ свѣжи въ моей памяти, какъ вдругъ ко мнѣ почти вбѣжалъ Михайловъ.

— Все кончено!—сказалъ онъ мнѣ слегка задыхаясь.—Пол-
часа назадъ Любомирскій стрѣлялъ въ Дриттена!

— Онъ спасся?

— Кто?

— Конечно Любомирскій!

— Да. Онъ ускакалъ, но спасся также и Дриттенъ: Любо-
мирскій не попалъ въ него.

— Навѣрное?

— Я самъ былъ на мѣстѣ встрѣчи. Ходилъ по тротуару по-
близости. Любомирскій далъ его каретѣ проѣхать мимо себя,
потомъ догналъ ее и выстрѣлилъ въ окно черезъ стекло. Его
лошадь, непривычная къ стрѣльбѣ встала на дыбы и готсва
была пнести, но онъ ловко повернулъ ее назадъ и поскакалъ
къ Литейному проспекту. Городовые и часть прехожихъ погна-
лись было за нимъ, но конечно, сейчасъ же остались далеко назадъ.

— А самъ Дриттенъ?

— И у него лошади сначала понесли, но кучеръ быстро ихъ
сдержалъ. Дриттенъ сначала отворилъ дверку кареты, какъ бы
готовясь выскочить, но увидѣвъ, что лошади успокоились,
и что Любомирскій ускакалъ изъ виду по Пантелеймоновской
улицѣ, велѣлъ повернуть карету и погнался за нимъ.

— А гдѣ же былъ его шпіонъ на рысакѣ?

— Я не видѣлъ. Онъ кажется, умчался прочь съ испугу.
Сѣвъ на перваго свободнаго извѣзчика, я велѣлъ ему гнаться
за каретой Дриттена между бѣжавшими городскими и дворниками,
кричавшими: «Лѣви! держи!» Я все время не отставалъ отъ него.
Наконецъ вижу городского, который стоитъ, держа подъ уздцы
лошадь Лисбмирскаго. И я и Дриттенъ почти одновременно подѣ-
ѣхали къ нему.—Гдѣ же всадникъ?—спрашиваетъ онъ.—Не изволь-
те беспокоиться ваше выссокопревосходительство,—прорапporto-
валъ молсдецки городской.—Они совсѣмъ не ушиблись. Когда ло-
шадь подскользнулась при пѣвротѣ и упала, они счѣнь лсвоко
ссскочили на землю.—Ну и что же потомъ?—спросилъ Дрит-
тенъ.—Потомъ они отдали мнѣ уздцы и говорятъ: «подержи,
братецъ, я пойду поправиться», и ушли вотъ туда за уголь.

— Дураки!—сердито крикнулъ ему Дриттенъ.—Этотъ челсвѣкъ
въ меня стрѣлялъ, это Лисбмирскій, я его хорошо знаю въ лицо,
его надо было сейчасъ же арестовать! Куда онъ пошелъ?—Тутъ
они сба брссились въ переулокъ: Дриттенъ въ растреренскій ка-
ретѣ, городской съ лсшадью, а я за ними на извѣзчикѣ между
всей сбравшейся толпой. Видимъ, въ переулкѣ никого нѣтъ.

Генераль разнесъ еще разъ сконфуженнаго городского, велѣлъ ему вести лошадь Любомирскаго въ Третье отдѣленіе, а самъ повернулъ назадъ, строго сказавъ намъ: «расходитесь, расходитесь, господа»!

— А гдѣ же теперь Любомирскій?—спросилъ я.

— Сидитъ у меня цѣлехонекъ! Завернувъ за уголъ, онъ сначала не зналъ, что дѣлать, и, войдя въ первый попавшійся табачный магазинъ, спросилъ пачку папиросъ. Затѣмъ, сообразивъ, что тутъ его сейчасъ же найдутъ, онъ вышелъ, сѣлъ на перваго извозчика и велѣлъ ему ѣхать черезъ Литейный мостъ. Потомъ отпустилъ извозчика и пришелъ ко мнѣ.

— Его надо какъ можно скорѣе отправить изъ Петербурга,—сказалъ я, сильно встревоженный.—Ему опасно здѣсь оставаться, разъ Дриттенъ его узналъ.

— Да!—отвѣтилъ онъ.—Я и самъ такъ думаю. Ему теперь нельзя болѣе показываться днемъ на петербургскихъ улицахъ.

— Пусть пока сидитъ у тебя, а затѣмъ я дамъ тебѣ адресъ какого-нибудь изъ моихъ либераловъ, у котораго безопасно будетъ посидѣть, пока пройдутъ первые поиски во всѣхъ отходящихъ изъ Петербурга поѣздахъ.

— Хорошо,—отвѣтилъ онъ,—а пока пиши скорѣе прокламацію объ этомъ событіи. Надо отпечатать ночью и завтра утромъ уже разсылать.

— Черезъ часъ будетъ готова,—поспѣшно отвѣтилъ я, такъ какъ это была тогда моя специальность. Принесу тебѣ показать.

Онъ собрался уходить.

— Любомирскій, — сказалъ онъ, собираясь уходить отъ меня,—прежде всего хотѣлъ повидаться со своей невѣстой, Лиліанъ-де-Шатабрень. Я думаю, что это теперь не безопасно, но надо устроить. Я немедленно отправляюсь къ ней.

Черезъ три часа, съ готовой прокламаціей, я вошелъ въ квартиру Михайлова. Тамъ на диванѣ полулежалъ Любомирскій, все еще въ своемъ спортсменскомъ костюмѣ, и поигрывалъ своимъ хлыстикомъ.

Онъ замѣчательно хорошо владѣлъ собою. Никому и въ голову не пришло бы, глядя на его беззаботный видъ, что онъ только что стрѣлялъ въ главу грознаго политическаго сыска и едва не сломилъ себѣ шею при паденіи своей лошади.

При уходѣ отъ него я узналъ и еще одну новость. Михайловъ, вышедшій вмѣстѣ со мной, чтобъ отнести прокламацію въ нашу тайную типографію для печати, сказалъ мнѣ:

— Можешь себѣ вообразить, Лиліанъ-де-Шатабрень, для прекрасныхъ глазъ которой по твоему прежнему мнѣнію пошелъ на такую смертельную опасность Любомирскій, до того перепу-

галась, узнавъ о его современномъ положеніи, что съ ней сдѣлался припадокъ истерики, и родные уложили ее въ постель. Нечего было и думать теперь объ устройствѣ ихъ свиданья. Она, вѣроятно, никогда на него не рѣшится. Тревоги дѣйствительной жизни не такъ-то легко переносятся, какъ тревоги читаемыхъ на кушеткѣ романовъ.

— Да, конечно, она останется при нихъ,—согласился я.— Это было видно съ перваго взгляда. Странно, что Любомирскій не замѣтилъ, что тутъ была съ ея стороны одна мечтательность. Впрочемъ я не думаю теперь, что онъ это сдѣлалъ только для того, чтобъ показаться героемъ въ ея глазахъ. Если эти псбужденія и были, то какъ одинъ изъ многихъ поводовъ. Несомнѣнно онъ человѣкъ идейный и героическій по натурѣ. Ну, а какъ онъ отнесся самъ къ ея неспособности распространять рыцарскіе романы на дѣйствительную жизнь?

— Ты видѣлъ самъ,—отвѣтилъ онъ.—Когда я ему сказалъ о происшедшемъ съ нею, онъ только проговорилъ вполголоса: «очень жаль», и перемѣнилъ разговоръ.

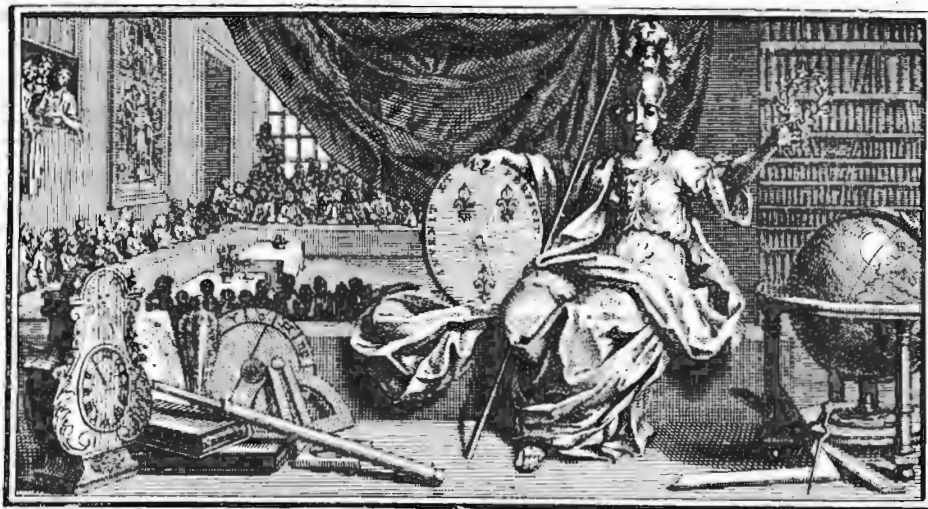
Разставшись съ Михайловымъ на полдорогѣ въ типографію, я пошелъ обратно къ Коршу, и меланхолическія мысли зашевелились въ моемъ умѣ.

— Да,—думалъ я,—продолжая нить своихъ первоначальныхъ размышленій, приведшихъ меня къ косвенному участію въ этомъ дѣлѣ,—любовь одного пола къ другому несомнѣнно была въ біологическомъ развитіи всего живого міра первоисточникомъ всѣхъ альтруистическихъ чувствъ. Но она была только первоначальный ростокъ, изъ котораго выросло въ душахъ наиболѣе развитыхъ представителей современнаго человѣчества большое, пышно цвѣтущее дерево. И если бъ Любомирскій духовно остановился на этомъ первичномъ росткѣ, то что оставалось бы теперь ему дѣлать послѣ обнаружившейся слабости предмета своей любви? Ничего, кромѣ полнаго отчаянья! И какъ я былъ правъ, говоря Михайлову свое первое впечатлѣніе, что такая изнѣженная воспитаніемъ дѣвушка способна восторгаться героизмомъ и самопожертвованіемъ только въ воображеніи послѣ чтенія романовъ, но съ ужасомъ и слезами убѣдить отъ нихъ въ дѣйствительной жизни!

И мнѣ вспомнились наши сильныя дѣвушки, героини дѣйствительности—Фанни, Ольга—и рядъ другихъ одухотворенныхъ женскихъ фигуръ, великія скрытыя силы которыхъ всего ярче обнаруживались подъ покровомъ женственной слабости именно въ тѣ минуты, когда предметы ихъ любви находились на краю гибели.

И на мсей душѣ стало легче.

Николай Морозовъ.

В. И. Семевскій въ его ученыхъ трудахъ.

I.

Интеллигентная Россія, безъ различія партійныхъ и какихъ-либо иныхъ оттѣнковъ, съ единодушнымъ чувствомъ искренняго горя откликнулась на кончину Василия Ивановича Семеваго. Въ чемъ же коренился основной источникъ этого единодушнаго отклика?

В. И. Семевскій оставилъ послѣ себя высокоцѣнное литературное наслѣдство въ видѣ ряда обширныхъ и капитальныхъ изслѣдованій по исторіи русскаго крестьянства и по исторіи русской политической мысли. Но произведенія Семеваго и по своему объему, и по строго-спеціальному характеру своего содержанія, и по изложенію, чуждому какой бы то ни было литературной щеголеватости,—не могли конечно захватывать слишкомъ обширные круги читающей массы. Эти произведенія были на-сущно-необходимы для спеціалистовъ, они усердно читались учащейся молодежью и любителями исторической науки, но, конечно, они не могли стать настольными книгами рядового интеллигентнаго читателя. И вотъ, спрашивается, откуда же взялся этотъ отпечатокъ особой теплоты, который чувствовался въ отношеніи общества къ кончинѣ поминаемаго нами нынѣ историка?

Я увѣренъ, что не ошибусь, если скажу, что Семевскій, столь цѣнимый спеціалистами за его чисто научныя заслуги, въ то же время дорогъ для всего русскаго общества, какъ ученый, умѣвшій въ своей изслѣдовательской дѣятельности *гармонически* сочетать служеніе наукъ съ служеніемъ идеаламъ общественнаго

прогресса. И—что особенно важно—Семевскій умѣлъ быть гражданиномъ именно потому, что онъ былъ настоящимъ и строгимъ въ своихъ изслѣдовательскихъ приѣмахъ ученымъ. Когда человѣкъ обнаруживаетъ одновременно интересъ и къ научной и къ общественной дѣятельности, то сплошь да рядомъ предполагаютъ, что душа такого человѣка какъ будто разгорожена на двѣ половинки: въ одной лежитъ интересъ къ наукѣ, въ другой—интересъ къ вопросамъ общественного блага. А между тѣмъ оба эти интереса—если только они истинно-глубоки—въ сущности представляютъ собою лишь двѣ стороны нераздѣльнаго, цѣлостнаго духовнаго стремленія, до такой степени нераздѣльнаго и цѣлостнаго, что не изъ желанія сказать парадоксъ, а выражая свое дѣйствительное глубокое убѣжденіе, я скажу, что всякій истинный ревнитель общественного блага и прогресса не можетъ не испытывать потребности стать ученымъ и, наоборотъ, всякій истинный ученый не можетъ не проникаться стремленіемъ къ общественному благу. Если эти двѣ сферы духовныхъ интересовъ часто оказываются разъединенными, то лишь въ тѣхъ, впрочемъ не рѣдкихъ случаяхъ, когда ученость не соединяется съ научностью, а понятіе общественного блага и служенія ему принимается поверхностно и чисто-формально. Только поэтому часто предполагаютъ взаимную отчужденность между научными и общественными интересами, на самомъ дѣлѣ тѣсно и гармонически связанными другъ съ другомъ.

Эта связь и эта гармонія между интересами науки и общественного блага и прошла красной чертой чрезъ всю изслѣдовательскую дѣятельность Семевского.

Подъ обаяніемъ опредѣленнаго общественного идеала Семевскій сталъ историкомъ русскаго крестьянства. Онъ выступилъ на поприще научной работы въ ту пору, когда русская интеллигенція—въ противоположность нашему времени—была охвачена удивительно цѣлостнымъ порывомъ общественного идеализма. Всѣ были подъ властью общаго лозунга, который гласилъ о необходимости уплаты долга народу, т.-е. той крестьянской массѣ, которая только что освободилась отъ многовѣковаго гнета юридической неволи. Всѣ объединялись на признаніи того, что уничтоженіемъ юридической неволи крестьянства не исчерпывается задача излеченія Россіи отъ того общаго недуга, который былъ внесенъ въ русскую жизнь крѣпостнымъ правомъ. Всѣ чувствовали живейшій откликъ на вѣщія слова поэта: «народъ освобожденъ, но счастливъ ли народъ?» И всѣ признавали, что дѣло отмены юридическаго закрепощенія народной массы должно быть завершено переустройствомъ всѣхъ сторонъ

русской жизни на началахъ соціальной справедливости, при осуществленіи которыхъ исчезаетъ не только юридическая, но и экономическая и духовная раздѣлительная грань между интеллигенціей и народомъ.

Тогда въ исторіи нашей общественности открывался знаменательный періодъ такъ называемаго «хожденія въ народъ». Это «хожденіе въ народъ» принимало въ 70-хъ годахъ минувшаго вѣка весьма разнообразныя формы. Значительная часть молодежи ринулась непосредственно въ деревню, въ надеждѣ найти въ крестьянахъ носителей тѣхъ самыхъ общественныхъ идеаловъ, которые были почерпнуты этой молодежью изъ книгъ и журнальныхъ статей. Сейчасъ не время говорить о судьбахъ и слѣдствіяхъ этого движенія. Сейчасъ намъ важно отмѣтить, что этими странствованіями молодежи по деревнямъ и селамъ вовсе не ограничивалось тогда хожденіе въ народъ. Вѣдь «ходить въ народъ» можно было, и не выходя изъ своего кабинета, но зато положивъ интересъ къ судьбамъ крестьянской массы въ основу своей дѣятельности административной, литературной, научной, художественной и всякой иной. Не только люди, стремившіеся къ активной политической дѣятельности, занялись хожденіемъ въ народъ, но въ народъ пошли и русская наука, и русская поэзія, и русская живопись, и русская музыка. И если русская живопись въ то время не перестала быть живописью, а русская музыка не перестала быть музыкой оттого, что содержаніе художественныхъ стремленій подсказывалось тогда текущими задачами общественнаго блага, то точно также и русская наука нисколько не стала менѣе научной оттого, что очередныя задачи и вопросы для своего изученія она почерпала изъ того же круга интересовъ и стремленій, какимъ была охвачена тогда вся интеллигентная Россія.

Тогда-то и В. И. Семевскій «пошелъ въ народъ», не выходя изъ своего ученаго кабинета и изъ предѣловъ своей ученой спеціальности. Для него «пойти въ народъ» значило погрузиться въ пучину старинныхъ архивныхъ документовъ, чтобы тамъ, съ перомъ въ рукѣ, подслушать бѣненіе жизненнаго пульса въ этихъ свидѣтельствахъ о былыхъ судьбахъ крестьянской массы и возсоздать на основаніи всѣхъ доступныхъ намъ историческихъ матеріаловъ картину того пути, который достался на долю этой крестьянской массы въ нашемъ историческомъ прошломъ. Такъ Семевскій принялся за свою изслѣдовательскую работу, вдохновленный опредѣленнымъ общественнымъ идеаломъ. Но этотъ идеалъ ставилъ передъ нимъ лишь *вопросы* и *задачи* изслѣдованія. Что же касается *пріемовъ* и *способовъ*, которые

Семевскій примѣнялъ въ своей работѣ для полученія *отвѣтовъ* на эти вопросы и задачи, то ихъ онъ бралъ всецѣло и исключительно изъ арсенала науки, выступая въ своихъ трудахъ не адвокатомъ своего общественнаго идеала, а безпристрастнымъ и потому подлинно-ученымъ изслѣдователемъ и искателемъ истины.

Такимъ то образомъ и устанавливалась въ научной дѣятельности Семевского дѣйствительная гармонія между служеніемъ опредѣленному общественному идеалу и осуществленіемъ строгихъ требованій науки.

II.

Труды Семевского по исторіи русскаго крестьянства и крестьянскаго вопроса въ Россіи составляютъ, не считая длинной вереницы журнальных статей, шесть объемистыхъ томовъ. Это—два тома изслѣдованія: «Крестьяне въ царствованіе императрицы Екатерины II»; два тома изслѣдованія «Крестьянскій вопросъ въ Россіи въ XVIII и въ первой половинѣ XIX в.» и два тома изслѣдованія: «Рабочіе на сибирскихъ золотыхъ промыслахъ». Послѣдній трудъ хотя уже не прямо, но косвенно также можетъ быть причисленъ къ работамъ Семевского по исторіи крестьянъ въ виду той тѣсной соціальной связи, какая существуетъ у насъ между рабочей и крестьянской средой.

Итакъ,—шесть объемистыхъ томовъ, цѣлая библіотечка, вышла изъ-подъ пера Семевского только въ одной, правда, главнѣйшей, области его ученыхъ интересовъ. Какая масса упорнаго труда должна была быть положена на составленіе cadaго изъ этихъ томовъ, и какія широкія просѣки были проложены всѣми этими работами въ дремучемъ лѣсу нашей соціальной исторіи,—объ этомъ я попытаюсь сейчасъ дать хотя бы приблизительное представленіе путемъ обзора оставленнаго В. И. Семевскимъ литературнаго наслѣдія.

Приступая къ изслѣдованіямъ по исторіи русскаго крестьянства, Семевскій поставилъ себѣ ближайшей задачей изученіе быта крестьянъ всѣхъ разрядовъ за время царствованія Екатерины II. Очевидно, этотъ хронологическій моментъ былъ избранъ Семевскимъ не случайно. Время Екатерины II есть эпоха окончательнаго завершенія и полнаго развитія закрѣпощенія массы владѣльческихъ крестьянъ. Въ эту эпоху въ положеніи крестьянства передъ нами выступаютъ въ законченной формѣ, въ самомъ всестороннемъ своемъ выраженіи основныя тенденціи нашей былой, соціальной исторіи, зародившіяся еще въ Московскомъ Государствѣ XVI—XVII в.в., послѣдовательно развертывавшіяся затѣмъ подъ сѣнью Имперіи XVIII столѣтія и за время

Екатерины II достигшія полнѣйшей мѣры своего развитія. Именно по этой-то причинѣ вниманіе Семевского и привлекла къ себѣ болѣе всего названная эпоха въ исторіи русскаго крестьянства. При томъ же эта именно эпоха, при всей ея важности, была и наименѣе изучена. Передъ изслѣдователемъ здѣсь лежалъ непахотный край, необозримая по своей громадности пустошь, поистинѣ «дикое поле», никѣмъ еще не обрабатываемое, но таившее въ своихъ недрахъ колоссальныя по размѣрамъ залежи документальнаго историческаго матеріала. Нужна была исключительная ученая отвага, нуженъ былъ чрезвычайный подъемъ изслѣдовательскаго темперамента, чтобы рѣшиться въ одиночку, полагаясь только на собственные силы, поднять плугомъ ученаго анализа эту необозримую новь въ области русской исторической науки. И Семевскій рѣшился. На длинный рядъ лѣтъ онъ посвятилъ себя воздѣлыванію этой нови, вспахалъ все ея труднообозримое пространство, разворотилъ колоссальныя залежи архивнаго матеріала, привелъ въ стройную картину таившіяся въ этихъ залежахъ данныя и, можно сказать, безъ преувеличенія, открылъ для науки внутренній міръ и владѣльческой крѣпостной вотчины и свободной русской деревни въ Россіи второй половины XVIII-го ст.

Чтобы оцѣнить все значеніе подъятыхъ при этомъ В. И. Семевскимъ трудовъ, достаточно бросить взглядъ на то, что было сдѣлано въ этомъ направленіи въ нашей исторіографіи до появленія перваго большаго изслѣдованія Семевского. Это изслѣдованіе вышло въ свѣтъ въ 1881 г. Что же имѣлось уже къ этому времени въ нашей спеціальной литературѣ по исторіи крестьянъ въ русской имперіи XVIII столѣтія? Если взять самыя крупныя и выдающіяся работы, то это будутъ три изслѣдованія, принадлежащія тремъ столь замѣтнымъ представителямъ русской исторической науки, какъ Побѣдоносцевъ, Бѣляевъ и Романовичъ-Славатинскій. «Историческія изслѣдованія» Побѣдоносцева появились въ 1876 г. Въ этомъ сборникѣ статей замѣчательнаго знатока нашего гражданскаго права, имѣется большая статья, посвященная развитію крѣпостнаго права въ Россіи въ теченіе XVIII столѣтія. Въ статьѣ данъ мастерской юридическій анализъ законодательныхъ нормъ, коими опредѣлялся постепенный ростъ владѣльческихъ правъ дворянъ надъ поселенными на ихъ земляхъ крестьянами. Но это—чисто юридическое, а не историческое изслѣдованіе. Это—этюды по исторіи движенія русской юридической мысли въ области развитія и закрѣпленія юридической крестьянской неволи въ русской имперіи XVIII ст. Внутренній міръ русской деревни за указанное время и послѣ появленія

этого превосходнаго труда по-прежнему оставался за семью печатами.

Въ 1860 г. появилось первое изданіе труда И. Д. Бѣляева «Крестьяне на Руси». Въ 1875 г. этотъ трудъ былъ переизданъ. Здѣсь мы находимъ очерки исторіи русскихъ крестьянъ отъ древнѣйшихъ временъ и до конца XVIII ст. Бѣляевъ, такимъ образомъ, захватывалъ и вѣкъ Екатерины II. Задача, поставленная себѣ Бѣляевымъ, живо напоминаетъ задачу Семева. Бѣляевъ стремится сопоставить юридическое и фактическое положеніе различныхъ разрядовъ русскихъ крестьянъ въ различные моменты русской исторіи. Для каждой эпохи онъ даетъ два параллельныхъ очерка: 1) «положеніе крестьянъ по закону» и 2) «положеніе крестьянъ на практикѣ, въ жизни». Но какъ разъ въ заключительной части своего труда, трактующей именно о временахъ Екатерины II, Бѣляевъ почти всецѣло ограничивается первой половиной задачи и разсматриваетъ лишь движеніе Екатерининскаго законодательства о крестьянахъ. Очевидно, онъ былъ вынужденъ поступить такъ вслѣдствіе полной необработанности и даже неприведенія въ извѣстность матеріаловъ, рисующихъ дѣйствительное положеніе русской деревни въ вѣкъ Екатерины II.

Всего ближе къ темамъ Семева подошелъ Романовичъ-Славатинскій въ своемъ трудѣ «Дворянство въ Россіи отъ начала XVIII в. до отмены крѣпостнаго права», появившемся въ 1870 г. Четвертая глава этой книги посвящена крѣпостному праву. Здѣсь разсматриваются вопросы: 1) о кругѣ лицъ, имѣвшихъ право на владѣніе крѣпостными въ XVIII стол., 2) о законодательной разработкѣ въ XVIII ст. вопроса о пространствѣ власти помѣщиковъ надъ крѣпостными людьми въ отношеніи ихъ права на наказанія крѣпостныхъ крестьянъ, на взиманіе съ крѣпостныхъ оброка и барщины и на продажу крѣпостныхъ, 3) о фактическомъ положеніи крѣпостныхъ: фактическія наказанія, фактическіе оброки и издѣльныя повинности, фактическая торговля крѣпостными и 4) о реакціи противъ злоупотребленій помѣщичьей властью со стороны правительства и со стороны самихъ крѣпостныхъ путемъ побѣговъ, самоубійствъ, бунтовъ и убійствъ помѣщиковъ. Достаточно одного этого перечня темъ, затронутыхъ въ четвертой главѣ книги Романовича-Славатинскаго, чтобы притти къ заключенію, что передъ нами—какъ будто предварительный конспектъ будущаго перваго тома труда Семева о крестьянахъ при Екатеринѣ II. Да, но это былъ именно только предварительный конспектъ. Рисуя фактическое положеніе русской деревни за время Екатерины II, Романовичъ-Славатинскій

могъ воспользоваться лишь тѣми скудными данными, которыя можно было извлечь изъ указовъ, помѣщенныхъ въ Полномъ Собраніи Законовъ, и изъ немногихъ другихъ печатныхъ источниковъ. Между тѣмъ, въ архивахъ лежали цѣлыя горы документовъ, относящихся къ этой темѣ.

Приступая къ своимъ работамъ, Семевскій и поставилъ ихъ съ самаго начала на почву широкаго использованія архивныхъ данныхъ. Нѣкоторое понятіе о томъ, въ какихъ громадныхъ размѣрахъ произвелъ онъ это использованіе и какихъ результатовъ удалось ему при этомъ достигнуть, я постараюсь дать въ бѣгломъ обзорѣ содержанія его изслѣдованій.

Первый томъ первой работы Семевского открывается подробнымъ изслѣдованіемъ вопроса, котрый до того никѣмъ еще не былъ поставленъ въ спеціальнѣйшій литературѣ. Это—вопросъ о территоріальномъ распредѣленіи крестьянской крѣпостной массы по Великокорссіи во второй половинѣ XVIII ст. и о среднихъ размѣрахъ земельного надѣла крѣпостныхъ крестьянъ въ различныхъ районахъ Великокорссіи за то же время.

Для изслѣдованія этого новаго вопроса Семевскимъ былъ привлеченъ и новый архивный матеріалъ, впервые введенный Семевскимъ въ ученый сборъ. То были такъ называемыя «экономическія примѣчанія», составленныя по каждому уѣзду при выполненіи въ царствованіе Екатерины II генеральнаго межеванія». Эти «экономическія примѣчанія» хранятся въ чертежномъ отдѣленіи Московскаго Межевого архива и представляютъ драгоцѣнный матеріалъ по статистикѣ землевладѣнія и земледѣльческаго населенія во вторую половину XVIII ст. Для каждаго уѣзда мы имѣемъ здѣсь перечень всѣхъ населенныхъ и ненаселенныхъ дачъ съ обозначеніемъ числа дворовъ и душъ, количества земли усадебной, пахотной, сѣнокосной, лѣсу и неудобной. Тутъ же приводятся свѣдѣнія о положеніи селеній и о промыслахъ жителей и, наконецъ, для помѣщичьихъ имѣній почти всегда сдѣланы отмѣтки, состоятъ ли они на барщинѣ или на оброкѣ. Весь этотъ матеріалъ, заключенный въ 230 томахъ in folio, и былъ впервые подвергнутъ систематической разработкѣ Семевскимъ. Уже одно это придавало его книгѣ первостепенное научное значеніе.

Опираясь на данныя «Экономическихъ примѣчаній», Семевскій производитъ подробный сборъ распредѣленія крѣпостнаго населенія по всѣмъ почти губерніямъ Великокорссіи, опредѣляя вмѣстѣ съ тѣмъ сравнительное количество оброчныхъ и барщинныхъ крестьянъ въ каждой губерніи, равно какъ и количество земли, находившейся въ пользованіи крѣпостныхъ крестьянъ.

По этому послѣднему вопросу Семевскій подвергнулъ учету лишь имѣнія, въ которыхъ было не менѣе 100 душъ крестьянъ.

Это обслѣдованіе показало, что во второй половинѣ XVIII ст. высота крѣпостного процента въ составѣ крестьянскаго населенія существенно измѣнялась по различнымъ районамъ Европейской Россіи; наблюденіе, которое дало возможность В. О. Ключевскому, выступавшему на магистерскомъ диспутѣ Семевского въ качествѣ официального оппонента, развить блестящую теорію о связи этого явленія съ исторіей постепеннаго роста государственной территоріи Московскаго государства. Далѣе, Семевскимъ было выяснено, что уже во второй половинѣ XVIII ст. были налицо явленія, констатированныя Кеппномъ для 30-хъ годовъ XIX вѣка: большинство помѣщиковъ были мелкопомѣстные, 59% всѣхъ помѣщиковъ владѣло менѣе, нежели 20 душами каждый; 25% помѣщиковъ владѣло отъ 20 до 100 душъ, и только 16% имѣло—болѣе 100 душъ. Но въ рукахъ небольшой кучки крупныхъ помѣщиковъ сосредоточивалась наибольшая часть всей крѣпостной массы. Оброчная и барщинная системы уже тогда распредѣлялись довольно правильно по отдѣльнымъ полосамъ Европейской Россіи: оброчная преимущественно въ нечерноземной полосѣ, барщинная—преимущественно въ черноземной. При этомъ въ чисто оброчныхъ имѣніяхъ въ большинствѣ случаевъ почти вся земля находилась тогда въ пользованіи крестьянъ, а въ барщинныхъ—въ большинствѣ случаевъ помѣщикъ удерживалъ за собою $\frac{1}{3}$ земли, предоставляя $\frac{2}{3}$ въ пользованіе крестьянъ. Въ среднемъ это составляло для крестьянъ въ оброчныхъ имѣніяхъ по 13,9 десятинъ на душу, включая и лѣсъ, а въ барщинныхъ имѣніяхъ—по 7 десятинъ на душу тоже со включеніемъ лѣса.

Всѣ эти выводы и стали теперь общимъ мѣстомъ въ нашей исторической литературѣ. Но вѣдь они только потому и стали общимъ мѣстомъ, что безконечный рядъ историковъ, касаясь означенныхъ вопросовъ, беретъ эти данныя все изъ того же труда Семевского. Эти положенія до такой степени превратились уже въ коллективное достояніе всей нашей исторіографіи, что мы часто даже забываемъ о томъ, кто первый, цѣною великаго кропотливаго труда, добылъ и установилъ эти положенія путемъ изученія громаднаго количества матеріала.

Слѣдующая глава разсматриваемой книги посвящена изученію крѣпостныхъ повинностей—оброчныхъ и барщинныхъ. Прежде всего здѣсь собрано большое количество свѣдѣній о размѣрахъ оброчныхъ платежей и барщинныхъ работъ въ различныхъ имѣніяхъ Екатерининской Россіи. Съ этою цѣлью авторомъ исполъ-

зованы многочисленные и весьма разнообразные источники—и путевыя записки академиковъ, путешествовавшихъ въ то время по Россіи, и показанія крестьянъ по различнымъ дѣламъ въ Тайной экспедиціи по документамъ Государственнаго Архива, и данныя нѣкоторыхъ домашнихъ вотчинныхъ архивовъ (въ особенности—вотчинныя дѣла кн. А. М. Голицына, хранящіяся въ Московскомъ Архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ; неизданные документы о крестьянахъ вотчинъ гр. Шереметевыхъ и многочисленные вотчинные документы Куракинскаго архива). Для изученія размѣровъ барщинныхъ повинностей Семевскій кромѣ того систематически использовалъ отвѣты провинціальныхъ прокуроровъ на поставленные при Екатеринѣ II Вольнымъ Экономическимъ Обществомъ «Экономическіе вопросы, касающіеся до земледѣлія». Только часть этой анкеты, и то въ неисправномъ видѣ, была тогда же, при Екатеринѣ II, напечатана въ Трудахъ Вольнаго Экономическаго Общества. Семевскій изучилъ и использовалъ для своего труда «Экономическіе отвѣты» прокуроровъ по рукописному ихъ собранію въ архивахъ Вольнаго Экономическаго Общества и Публичной Библіотеки. Все это дало возможность Семевскому обслѣдовать крѣпостныя повинности Екатерининской эпохи съ такой обстоятельностью, передъ которой три странички весьма разгонистаго шрифта, удѣленные этому вопросу въ книгѣ Романовича-Славатинскаго, представляютъ собою нѣчто, совершенно жалкое.

Основной выводъ этой главы сводится къ тому, что уже въ Екатерининскую эпоху крѣпостная Россія вступила на путь послѣдовательнаго и довольно усиленнаго повышенія крѣпостныхъ повинностей какъ оброчныхъ, такъ и барщинныхъ, которыя уже во второй половинѣ XVIII ст. обнаруживали опредѣленную тенденцію къ количественному росту.

Глава IV представляетъ высокій интересъ: здѣсь собраны документальныя данныя, рисующія распространеніе среди крѣпостныхъ крестьянъ XVIII в. общиннаго землевладѣнія. Семевскій констатируетъ для всей центральной Россіи въ половинѣ XVIII в. существованіе земельныхъ передѣловъ, и частныхъ и общихъ, и подробно рассматриваетъ практиковавшіеся тогда среди крѣпостныхъ крестьянъ порядки общиннаго землепользованія.

Затѣмъ, всѣ остальныя главы рассматриваемаго тома посвящены изслѣдованію разнообразнымъ проявленіямъ помѣщичьей власти надъ различными сторонами быта крѣпостной деревни. Здѣсь передъ нами проходятъ яркія картины крѣпостного быта второй половины XVIII в., какъ то: торговля крѣпостными

душами; наказанія, которымъ помѣщики и ихъ управители подвергали крѣпостныхъ крестьянъ; управленіе крѣпостными вотчинами; вмѣшательство помѣщицѣй власти въ семейный бытъ крѣпостныхъ крестьянъ: насильственные браки, насильственные семейные раздѣлы; помѣщичій развратъ; вліяніе помѣщицѣй власти на фактическое пользованіе крѣпостными крестьянами недвижимымъ и движимымъ имуществомъ. Эта широкая картина крѣпостного быта затѣмъ вставляется, словно въ раму, въ изслѣдованіе о томъ, какъ реагировала крѣпостная масса на свое подневольное положеніе: здѣсь изучаются побѣги и самоубійства крѣпостныхъ крестьянъ, убійства помѣщиковъ и бунты крѣпостныхъ крестьянъ въ различные моменты второй половины XVIII ст.

Вся эта картина, широкая и яркая, представляетъ собою прекрасный образецъ исторической мозаики. Авторъ все время говоритъ фактами, только фактами, сгруппированными имъ въ чрезвычайномъ изобиліи. Судебныя и административныя производства, взятые изъ архивныхъ дѣлъ того времени (изъ Государственнаго Архива и изъ московскаго Архива Министерства Юстиціи); документы частныхъ вотчинныхъ архивовъ, въ особенности составлявшіяся тогда нѣкоторыми помѣщиками «положенія» или «уложенія» объ управленіи ихъ имѣніями; мемуары и записки всякаго рода—все было изучено Семевскимъ съ пристальнымъ вниманіемъ, все пошло въ дѣло, отовсюду онъ камешекъ за камешкомъ вносилъ въ свою мозаическую картину, которая потому и вышла такой выпукло-изобразительной, словно она дышитъ передъ нами, живетъ и трепещетъ подлинными красками былой дѣйствительности.

Три общихъ вывода вытекаютъ изъ представленнаго Семевскимъ богатаго подбора фактическихъ данныхъ. *Во-первыхъ*, Семевскій документально обосновываетъ то положеніе, что крѣпостная неволя крестьянъ во время Екатерины II уже достигла величайшаго напряженія, дошла до высшей ступени развитія. Крѣпостныя вотчины уже въ то время въ большинствѣ случаевъ—фактически, если не юридически—представляли собой настоящія рабовладѣльческія плантаціи по тѣмъ приѣмамъ распоряженія личностью крѣпостного крестьянина, которые входили тогда въ обычный, нормальный жизненный обиходъ барской усадьбы и крѣпостной деревни. *Во-вторыхъ*, Семевскій показалъ, въ какой сильной мѣрѣ этотъ крѣпостной режимъ отучалъ значительную часть владѣльцевъ крѣпостныхъ вотчинъ отъ практической хозяйственной дѣятельности, притуплялъ въ нихъ здравые хозяйственные расчеты и навыки, превращалъ ихъ не столько въ сель-

скихъ хозяевъ, сколько въ повелителей подвластного имъ крѣпостного люда; помѣщики приучались не столько хозяйничать, сколько «княжить и владѣть» надъ своими «подданными», что налагало глубокой отпечатокъ на весь жизненный складъ помѣщичьяго класса. Наконецъ, въ-третьихъ,—Семевскій показалъ, какъ мало весь этотъ крѣпостной режимъ обезпечивалъ и крѣпостную крестьянскую массу въ смыслѣ и моральнаго и даже матеріальнаго благополучія; не рѣдко говорилось, что крѣпостное право, принижая личность крестьянина, зато обезпечивало его матеріально. Семевскій показалъ, сколь преувеличены представленія о томъ, что крѣпостная неволя создавала для крестьянина сытое существованіе, что крестьянинъ жилъ тогда за баринѣмъ, какъ у Христа за пазухой, въ отношеніи удовлетворенія своихъ матеріальныхъ потребностей; Семевскій показалъ, что и подѣлъ крѣпостнаго права, въ эпоху его полнаго развитія, происходила экономическая дифференціация крѣпостной массы: изъ нея выдѣлялись, особенно въ оброчныхъ имѣніяхъ, крѣпкіе элементы, хозяйственные мужики, достигавшіе порой значительнаго матеріальнаго благосостоянія, но 1) это было счастливое меньшинство, бокъ о бокъ съ которымъ стояла масса, сильно бѣдствовавшая во всѣхъ отношеніяхъ, а 2) благосостояніе и самаго этого меньшинства въ сущности висѣло на волоскѣ, или находилось вѣчно подъ дамокловымъ мечомъ барскаго произвола.

Широкое историческое значеніе этихъ выводовъ несомнѣнно, и ихъ вѣскостью опредѣляется научная цѣнность изслѣдованія Семевскаго. Семевскій почти совсѣмъ не затронулъ хозяйственной исторіи крѣпостной деревни въ тѣсномъ, въ непосредственномъ значеніи этого слова. Вопросы, сюда относившіеся, должны были по его замыслу, войти въ III томъ «Исторіи крестьянъ», оставшіеся ненаписаннымъ. Мы теперь предпочли бы обратный порядокъ томовъ, мы предпочли бы, чтобы чисто-хозяйственная исторія крѣпостной деревни была поставлена въ началѣ всего труда, ибо ея изученіе могло бы объяснить многое въ изображенной Семевскимъ картинѣ проявленій помѣщичьей власти. Но здѣсь мы уже касаемся области такихъ вопросовъ, которые были усиленно выдвигаемы въ нашей исторіографіи послѣ выхода трудовъ Семевскаго по исторіи крѣпостнаго крестьянства. Каждаго изслѣдователя нужно оцѣнивать въ тѣхъ предѣлахъ, которые онъ самъ сознательно ставитъ своей работѣ, и все сказанное выше, думается мнѣ, достаточно свидѣтельствуетъ о томъ, что и въ этихъ предѣлахъ результаты, достигнутые Семевскимъ, представляютъ высокое научное значеніе.

Уже въ концѣ перваго тома своего труда Семевскій посвятилъ

большую главу еще одному разряду крестьянскаго населенія Екатерининской Россіи—крестьянамъ посессионнымъ. Ихъ положеніе было изучено Семеvскимъ на основаніи документовъ мануфактуръ-коллегіи въ Архивѣ Департамента Мануфактуръ и Торговли.

Затѣмъ, ровно черезъ 20 лѣтъ, въ 1901 г., Семеvскій выпустилъ второй томъ того же труда, гдѣ было изучено положеніе всѣхъ остальныхъ разрядовъ крестьянскаго населенія Россіи при Екатеринѣ II. А именно здѣсь изучены: дворянскіе и государственные крестьяне—по документамъ архивовъ Министерства Двора и Главнаго Управленія Удѣловъ; крестьяне церковныхъ вотчинъ и экономическіе—преимущественно по дѣламъ Сената и Коллегіи экономіи въ московскомъ Архивѣ министерства юстиціи; здѣсь надо отмѣтить важный экскурсъ въ исторію произведенной при Екатеринѣ II секуляризаціи церковныхъ имѣній¹⁾; государственные крестьяне, приписные къ заводамъ—по дѣламъ бергъ-коллегіи въ архивѣ горнаго департамента; черносочные крестьяне сѣвера Европейской Россіи и Сибири и половники—здѣсь, между прочимъ, Семеvскій широко использовалъ крестьянскіе наказы въ Екатерининскую комиссію 1767 г., печатаніе которыхъ тогда еще не было начато и которые Семеvскій изучилъ по рукописнымъ оригиналамъ въ Архивѣ Государственнаго Свѣта; наконецъ,—однодворцы, старыхъ службъ служилые люди и ямщики. Положеніе каждаго изъ этихъ разрядовъ крестьянскаго населенія изучается по списку и тому же плану; поземельное устройство крестьянъ, крестьянскіе повинности и платежи, управленіе крестьянами, крестьянскія волненія. Двумя крупными экскурсами въ этотъ планъ входятъ—очеркъ секуляризаціи церковныхъ имѣній и исторія поземельной общины у черносочныхъ крестьянъ.

И здѣсь передъ нами, поистинѣ, цѣлая громада фактическихъ свѣдѣній, изъ которой изслѣдователи различныхъ сторонъ жизни Екатерининской Россіи могутъ черпать полными пригоршнями. И здѣсь, надъ этой громадой фактическихъ данныхъ возвышается нѣкоторый обшій выводъ, который, думается мнѣ, можно свести къ слѣдующему положенію: громадное большинство такъ называемаго «свободнаго» крестьянства, не крѣпостнаго, жило въ эпоху, изслѣдованную авторемъ, почти подъ тѣми же нормами крѣпостной неволи. Это наблюденіе всецѣло приложимо къ заводамъ и къ крестьянамъ церковныхъ вотчинъ; въ значительной

¹⁾ Результаты секуляризаціи въ смыслѣ земельного устройства экономическіе ихъ крестьянъ изучены по «Экономическимъ примѣчаніямъ» къ генеральному межеванію.

мѣръ оно примѣнимо и къ крестьянамъ дворцовымъ и государевымъ. Черносошные крестьяне русскаго сѣвера всегда стояли далеко отъ вліянія крѣпостного права, но зато, въ особенности въ XVIII ст., имъ приходилось испытывать на себѣ всю тягость бюрократической волокиты и бюрократическаго произвола при рѣшеніи дѣлъ, затрагивавшихъ ихъ насущнѣйшіе интересы.

Таковъ первый капитальный трудъ Семевского.

Въ 1898 г. вышелъ другой тоже двухтомный трудъ Семевского: «Рабочіе на сибирскихъ золотыхъ промыслахъ». Здѣсь изслѣдованію подвергнуты и другая социальная среда и другая эпоха. XVIII вѣкъ затронутъ здѣсь лишь во вступительной главѣ и затѣмъ все дальнѣйшее изложеніе обнимаетъ собою время отъ 30-хъ и до конца 90-хъ годовъ XIX столѣтія. Въ этихъ хронологическихъ рамкахъ подробно рассмотрѣны и законодательныя и административныя мѣры по урегулированію условій труда на золотыхъ промыслахъ Сибири и фактическое положеніе рабочихъ, занятыхъ на этихъ промыслахъ. Описаны и условія самой работы на золотыхъ промыслахъ и условія жизни промысловыхъ рабочихъ во внѣ-рабочее время. И здѣсь въ основу изложенія положенъ громадный архивный матеріалъ. Всего использованы документы 32 архивовъ. На этотъ разъ это по преимуществу— архивы мѣстные, сибирскіе, для изученія которыхъ Семевскій совершилъ путешествіе по Сибири, длившееся шесть съ половиною мѣсяцевъ. Въ предисловіи къ своему труду онъ вкратцѣ разсказалъ объ этой своей псѣздкѣ. Это, можно сказать, цѣлая поэма. Псѣздка происходила въ 1891 г., когда еще не было Сибирской желѣзной дороги. Историкъ, уже пожилому, приходилось дѣлать по тысячѣ и болѣе верстъ въ тарантасѣ и по сотнямъ верстъ верхомъ на лошади или на почтовой лодкѣ по глухой сибирской тайгѣ. Онъ проѣхалъ отъ Томска до Иркутска съ постоянными заѣздами въ тайгу къ золотымъ промысламъ, былъ и на Ленѣ въ Бодайбо, осматривалъ всюду промыслы и заводы, спускался въ шахты и, главное, нигдѣ не пропускалъ ни одного архива, начиная съ архивовъ Томскаго и Иркутскаго Горныхъ Управленій и кончая архивами волостныхъ правленій и промысловыхъ конторъ. Архивныя дѣла и выписки изъ нихъ онъ пудами отправлялъ къ себѣ въ Петербургъ.

Въ промежуткѣ между двумя названными двухтомными трудами В. И. Семевскій выпустилъ и третій тоже двухтомный трудъ: «Крестьянскій вопросъ въ Россіи въ XVIII и первой половинѣ XIX ст.». Въ этомъ трудѣ мы находимъ тщательное изложеніе въ хронологической послѣдовательности правительственныхъ мѣропріятій по крестьянскому вопросу, обсужденія этого вопроса

въ разныхъ правительственныхъ комиссіяхъ и комитетахъ (между прочимъ, тутъ впервые были разсказаны по документамъ работы всѣхъ секретныхъ комитетовъ по крестьянскому дѣлу при Николаѣ I) и затѣмъ всякаго рода проявленія общественнаго мнѣнія по крестьянскому вопросу: и въ докладныхъ запискахъ, и въ проектахъ, и въ журнальныхъ статьяхъ, и въ научныхъ сочиненіяхъ, и въ беллетристикѣ, и поэзіи. Матеріаль, собранный здѣсь, какъ всегда у Семевского, огроменъ. Его изложеніе тщательно и ясно. Но при чтеніи этого обширнаго труда, читатель все же испытываетъ желаніе, чтобы при изображеніи движенія крестьянскаго вопроса болѣе четко были выставлены вѣхи и поворотные моменты этого движенія и болѣе рельефно была оттънена взаимозависимость его различныхъ факторовъ. Тѣмъ не менѣе, и этотъ трудъ, по полнотѣ данныхъ, по широтѣ захвата использованнаго матеріала, остается до сихъ поръ и, надо думать, останется и въ дальнѣйшемъ, незамѣнимымъ руководящимъ пособиемъ для изученія даннаго вопроса.

Таковъ циклъ ученыхъ работъ Семевского по исторіи крестьянства. Но этимъ цикломъ еще не ограничивается оставленное имъ литературное наслѣдіе. Историкъ русскаго крестьянства былъ въ то же время историкомъ русской политической мысли. Теперь я и перейду къ разсмотрѣнію этой другой серіи работъ Семевского.

III.

Интересъ Семевского къ исторіи политической мысли въ Россіи былъ порожденъ тѣмъ же порывомъ общественнаго идеализма, который охватилъ русскую интеллигенцію въ періодъ расцвѣта народническаго движенія и вдохнулъ въ Семевского стремленіе къ изученію историческихъ судебъ русскаго крестьянства.

Въ народническомъ движеніи 70-хъ годовъ однимъ изъ острыхъ и наиболѣе спорныхъ вопросовъ являлся вопросъ о взаимоотношеніи задачъ соціальной и политической борьбы. Неодинаково ставился и разрѣшался этотъ вопросъ представителями различныхъ теченій народничества. Были такіе, кто думалъ, что соціальныя задачи могутъ быть разрѣшаемы совершенно независимо отъ того, подъ какими формами государственнаго устройства живетъ данная страна. Были и такіе, кто считалъ, что усовершенствованіе политическаго строя можетъ даже вредить прогрессу соціальной жизни, интересамъ соціальной справедливости, ибо, по мнѣнію представителей этого теченія, благами конституціи всегда пользуются въ своихъ классовыхъ интересахъ одни только состоятельные классы. Этими теченіями порождался народниче-

скій аполитизмъ. Семевскій никогда не раздѣлялъ такихъ одностороннихъ увлеченій. Онъ всегда примыкалъ къ такимъ представителямъ народничества, которые не отдѣляли социальный прогрессъ отъ прогресса политическаго, и демократизацію общественной жизни считали возможной лишь при наличности свободныхъ политическихъ формъ. Но самые эти споры по данному вопросу побуждали его заняться изученіемъ того, какъ исторически, въ постепенномъ развитіи русской общественной мысли соприкасались и чередовались другъ съ другомъ интересъ къ социальному переустройству и интересъ къ переустройству политическому. Что оба эти интереса всегда тѣснѣйшимъ образомъ переплетались другъ съ другомъ,—онъ документально убѣдился въ этомъ при изученіи развитія крестьянскаго вопроса въ сознании русскаго общества. И такимъ-то путемъ историкъ русскаго крестьянства сталъ затѣмъ также и историкомъ русской политической мысли.

Работы Семевского въ этой области начались съ небольшою статьею, помѣщенной имъ въ «Историческомъ Обозрѣніи» въ 90-хъ годахъ минувшаго столѣтія. Это былъ бѣглый обзоръ того, какъ въ сознании русскаго общества движеніе въ пользу отмѣны крепостного права отчасти переплеталось, отчасти чередовалось съ движеніемъ въ пользу введенія въ Россіи конституціонныхъ учреждений. Какъ видите, постановка темы прямо примыкала къ идейнымъ спорамъ, столь распространеннымъ среди русской интеллигенціи въ то время, когда формировалось историческое міровоззрѣніе Семевского. А затѣмъ Семевскій приступилъ къ спеціальному, монографическому изученію исторіи политическихъ идей въ русскомъ обществѣ, сосредоточивъ свои изученія въ этой области въ наибольшей степени на первой четверти XIX ст.

Здѣсь отмѣтимъ прежде всего работы Семевского, посвященные Сперанскому. Семевскій открылъ неизвѣстный дотолѣ ранній политическій трактатъ Сперанскаго, относящійся къ 1802 г. Это открытіе было очень важно для установленія той постепенности, съ которой шло развитіе политическихъ воззрѣній Сперанскаго. Въ спеціальной статьѣ (напечатанной въ «Русскомъ Богатствѣ» за 1907 г.), Семевскій далъ подробное сопоставленіе этого ранняго трактата Сперанскаго съ послѣдующими его политическими проектами, и въ результатъ этого сопоставленія ясно обрисовалась эволюція взглядовъ Сперанскаго за время 1802—1809 гг. въ направленіи постепеннаго усиленія политическаго радикализма и демократизма: въ трактатѣ 1802 г. Сперанскій рекомендовалъ для Россіи двухпалатную систему, съ верхней палатой въ стилѣ, напоминающемъ англійскую палату лордовъ, и стоялъ

за созданіе майората, какъ основы земельной аристократіи, тогда какъ въ проектѣ Сперанскаго 1809 г. проведены прямо противоположныя идеи.

Отъ Сперанскаго Семеvскій перешель къ декабристамъ. Исторія декабристовъ привлекла къ себѣ его вниманіе опять-таки не случайно. Во-первыхъ, это было политическое движеніе, въ то время еще совершенно не изученное документально и потому разработка исторіи декабристовъ являлась одною изъ очередныхъ задачъ русской исторической науки. А во-вторыхъ, «декабризмъ» въ исторіи нашихъ общественныхъ движеній былъ первой яркой попыткой какъ разъ *совмѣстнаго* разрѣшенія и политическаго, и соціальнаго вопроса.

Въ проявленіяхъ русской политической мысли, до возникновенія тайныхъ обществъ при Александрѣ I, мы встрѣчаемъ все болѣе теченія, направленные на ограниченіе самодержавія при условіи сохраненія прежняго соціальнаго порядка, основаннаго на крѣпостномъ правѣ. Густо были окрашены въ такой именно цвѣтъ притязанія верховниковъ и проекты шляхетства въ 1730 г. На этой же почвѣ стоитъ дворянскій публицистъ Екатерининской эпохи кн. Щербатовъ. Сперанскій и Мѣрзвиновъ, конечно, не были противниками отмѣны крѣпостного права, но въ ихъ преобразовательныхъ предположеніяхъ вопросъ о крѣпостномъ правѣ отходилъ куда-то далеко на задній планъ, заслоняясь задачами политическаго переустройства. Яркое исключеніе представила знаменитая книга Радищева; но вѣдь то была—первая ласточка, еще не дѣлающая весны. «Декабризмъ» явился у насъ первымъ болѣе или менѣе широкимъ для своего времени общественнымъ теченіемъ, тѣсно связывавшимъ вопросы политическаго и соціальнаго переустройства. Не этимъ ли именно и объясняется то обстоятельство, что Семеvскій отдался изученію этого движенія со всѣмъ увлеченіемъ, которое было свойственно его ученому темпераменту.

Плодомъ этихъ занятій явился сначала рядъ отдѣльных статей, а затѣмъ объемистый, фундаментальный трудъ, носящій названіе «Общественные и политическіе идеалы декабристовъ». Чтобы опредѣлить, какой солидный вкладъ внесенъ этимъ трудомъ Семеvскаго въ нашу исторіографію, достаточно припомнить состояніе нашихъ свѣдѣній по этому вопросу до появленія названнаго труда. Среди предшественниковъ Семеvскаго по изученію декабристовъ надлежитъ упомянуть Богдановича, Пыпина, Шильдера, и вотъ стоитъ лишь сравнить названный выше трудъ Семеvскаго, вышедшій въ 1909 году, съ VI томомъ сочиненія Богдановича: «Исторія царствованія императора Александра I и

Россіи въ его время» и съ извѣстной книгой Пыпина «Общественное движеніе въ царствованіе Александра I» (обѣ книги вышли въ 1871 г.), чтобы съ ясностью убѣдиться въ томъ, что Семевскій и на этотъ разъ, такъ же какъ и въ своихъ изслѣдованіяхъ по исторіи крестьянства и крестьянскаго вопроса, создалъ трудъ, по отношенію къ которому работы его предшественниковъ, даже наиболѣе солидныя, являются не болѣе, какъ предварительными конспективными очерками. Достаточно указать на то, что Пыпину не были еще извѣстны ни дѣла о декабристахъ, хранящіеся въ Государственномъ Архивѣ, ни «Русская Правда» Пестеля, а Богдановичъ, хотя и былъ допущенъ къ обзорѣ дѣлъ въ Государственномъ Архивѣ, но использовалъ ихъ лишь въ небольшихъ отрывкахъ. Богдановичъ ограничился очень неполнымъ изложеніемъ вѣнскихъ фактовъ по исторіи тайныхъ обществъ при Александрѣ I.

Шальдеръ въ своемъ сочиненіи о царствованіи Николая I привелъ болѣе обширныя извлеченія изъ дѣлъ Государственнаго Архива о декабристахъ, но и онъ воспользовался этимъ матеріаломъ лишь въ тѣхъ же чисто повѣствовательныхъ цѣляхъ, какъ и Богдановичъ. Пыпинъ, со свойственной ему ясностью взгляда и осторожностью критическихъ пріемовъ, поставилъ уже рядъ общихъ вопросовъ о происхожденіи и основныхъ особенностяхъ движенія декабристовъ, но въ виду скудости имѣвшагося въ его распоряженіи матеріала, могъ сдѣлать это лишь въ очень общей формѣ, опираясь преимущественно на записки самихъ декабристовъ. Эти записки конечно имѣютъ въ высшей степени важное значеніе, но вѣдь въ нихъ мы находимъ довольно отрывочныя фактическія свѣдѣнія по исторіи тайнаго общества и лишь самыя общія указанія на тѣ условія, которыми было вызвано все это политическое движеніе. И вотъ Пыпинъ давалъ намъ вѣрно схваченный, но лишь самый схематическій рисунокъ этого движенія. Что же касается характеристики политическихъ проектовъ, составленныхъ различными декабристами и прежде всего Пестелемъ и Муравьевымъ, то Пыпинъ могъ представить ее опять-таки въ очень общихъ чертахъ, по многимъ вопросамъ ограничиваясь предположеніями и догадками. Рѣшивъ заняться изученіемъ исторіи декабристовъ, Семевскій и эту свою работу, по всегдашнему своему обыкновенію, тотчасъ поставилъ на широкую *архивную* основу.

Въ 1903 г. онъ получилъ разрѣшеніе пользоваться матеріалами о декабристахъ, хранящимися въ Государственномъ Архивѣ. Затѣмъ онъ раскинулъ свои изысканія на цѣлый рядъ и другихъ архивовъ: Государственнаго Совѣта, Военно-ученый,

Главнаго Военно-Суднаго управленія, Департамента Полиціи (дѣла бывшаго III Отдѣленія Собственной Е. И. В. канцеляріи), Общій архивъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, Общій архивъ Главнаго Штаба, рукописныя отдѣленія Публичной бібліотеки и Академіи Наукъ. Нечего и прибавлять, что вся печатная литература и русская, и иностранная, прямо или косвенно относившаяся къ затронутымъ въ трудѣ Семевского вопросамъ, была имъ изучена съ безукоризненною полнотою.

И вотъ, изъ-подъ пера Семевского опять появился громадный томъ, до краевъ насыщенный новыми фактическими данными, критически проверенными и такимъ образомъ сопоставленными, что въ своей массѣ онъ пролилъ яркій свѣтъ на многія стороны изученнаго тамъ предмета.

Изъ XII-ти главъ, на которыя распадается эта книга, введеніе и три первыя главы посвящены изученію условій, вызвавшихъ движеніе декабристовъ. Столь разносторонне эти условія никѣмъ не были еще разсмотрѣны до Семевского. Прежде всего авторъ даетъ очеркъ движенія русской политической мысли до возникновенія тайныхъ обществъ послѣ Отечественнѣйшей войны, чтобы показать, что вопросы политическаго и ссціальнаго переустройства Россіи не съ неба свалились на русскую передовую интеллигенцію послѣ 1812 года, а имѣли свою предшествующую и довольно сложную исторію въ постепенномъ развитіи русскаго общественнаго сознанія. Семевскій разсматриваетъ здѣсь политическіе проекты верховниковъ и шляхетства 1730 г., Десницкаго, Панина, кн. Щербатова, Радищева, Безбородки, Сперанскаго, Мордвинова. Установивъ и очертивъ традицію политическаго «вольномыслія», уже назрѣвшую къ концу перваго десятилѣтія XIX в., Семевскій переходитъ затѣмъ къ важному вопросу о томъ, какъ вліяли на политическое настроеніе поколѣнія будущихъ декабристовъ текущіе порядки русской жизни того времени. Здѣсь Семевскій даетъ съ чрезвычайной тщательностью подобранную мозаику фактовъ, рисующихъ случаи личнаго столкновенія будущихъ декабристовъ съ разнообразными неустройствами окружающей ихъ русской дѣйствительности. Послѣдовательной вереницей передъ нами проходятъ и недочеты тогдашней администраціи, и ужасное состояніе тогдашняго суда, и тяжесть и нераціональность налоговой системы, и условія жизненной обстановки дворянства, духовенства, купечества, мѣщанства и крестьянства, и тягости тогдашняго военнаго строя, и военныя поселенія и вакханалія цензуры и репрессіи, падавшія на учебныя заведенія, и эксцессы политической полиціи и, наконецъ, колебанія иностранной политики Россіи, часто непонятныя для общества и

тревожившія общественное чувство. Приводя всё эти факты, Семевскій показываетъ на конкретныхъ примѣрахъ, какъ относились къ нимъ будущіе декабристы, какъ изъ критическаго отношенія ко всѣмъ этимъ фактамъ русской дѣйствительности въ нихъ постепенно вырабатывалось оппозиціонное настроеніе и стремленіе къ переустройству русской жизни. Эта любопытная глава, на первый взглядъ дающая одинъ лишь голый перечень фактовъ, на самомъ дѣлѣ неизбежно приводитъ читателя къ важному общему выводу. При свѣтѣ упомянутыхъ фактовъ декабристы перестаютъ казаться малоопытными юнцами, плохо знавшими русскую дѣйствительность и витавшими лишь въ заоблачныхъ высотахъ беспочвенной политической фантазіи, почерпнутой изъ иностранныхъ книжекъ, — какими ихъ нерѣдко изображали. Семевскій, напротивъ того, показываетъ убѣдительно и наглядно, что именно непосредственное столкновеніе будущихъ декабристовъ съ неприглядными сторонами русской дѣйствительности какъ разъ и послужило для многихъ изъ нихъ сильнымъ толчкомъ къ критикѣ русской жизни и къ стремленію къ перемѣнамъ. Этотъ выводъ весьма важенъ, ибо онъ разрушаетъ ходячее представленіе о декабристахъ, какъ о беспочвенныхъ и легкомысленныхъ фантазерахъ, представленіе, еще недавно воспроизведенное на страницахъ романа г. Мережковскаго «Александръ І». Такъ нерѣдко бываетъ у Семевского. Его иногда упрекаютъ въ излишнемъ пристрастіи къ фактамъ, въ томъ, что онъ болѣе рисуетъ и излагаетъ, нежели анализируетъ и умозаключаетъ. Приведенный примѣръ показываетъ, какая поправка должна быть введена въ такіе упреки. Если Семевскій не всегда формулируетъ свои выводы, предоставляя дѣлать это читателю, то это еще не значитъ, что у него этихъ выводовъ нѣтъ; своимъ подборомъ фактическаго матеріала онъ подводитъ читателя вплотную къ тому или иному выводу; остается только отлить уже готовый выводъ въ формулу, и тутъ Семевскій оставляетъ этотъ послѣдній шагъ на долю самодѣятельности читателя.

Какъ бы то ни было, не изъ одной книги не вытекаетъ такъ ясно и убѣдительно, какъ изъ этого труда Семевского, представленіе о близкомъ знакомствѣ декабристовъ съ дѣйствительнымъ положеніемъ Россіи того времени въ различныхъ сторонахъ ея. А правильность такого представленія очень вѣско подкрѣпляется хотя бы тѣмъ фактомъ, что по окончаніи процесса декабристовъ — императоръ Николай І приказалъ составить систематическій экстрактъ изъ показаній декабристовъ о различныхъ недочетахъ русской жизни и всегда держалъ этотъ экстрактъ на своемъ письменномъ столѣ, и нерѣдко заглядывалъ въ него при обдумываніи той

или другой правительственной мѣры. Николай I ни за что не поступалъ бы такъ, если бы показанія декабристовъ были наполнены однѣми фантазіями и книжными теоріями.

Разсмотрѣвъ вопросъ о вліяніи на декабристовъ непримѣтныхъ сторонъ русской дѣйствительности, Семевскій затѣмъ столь же подробно и съ такимъ же тщательнымъ подборомъ фактовъ разсматриваетъ ту роль, которую сыграли въ формированіи политическаго настроенія декабристовъ впечатлѣнія, получавшіяся ими отъ знакомства съ западно-европейской политической литературой и съ текущими фактами западно-европейской политической жизни. Наконецъ, Семевскій задается вопросомъ: существовали ли въ самой Россіи, до возникновенія тайнаго общества будущихъ декабристовъ, какіе-либо прецеденты по части организаціи тайныхъ обществъ и, если таковые прецеденты существовали, то въ какой мѣрѣ они могли воздѣйствовать на дѣятельность въ этомъ направленіи будущихъ декабристовъ. Единственнымъ прецедентомъ этого рода были масонскія ложи, начало которыхъ въ Россіи относится еще къ XVIII столѣтію. И поэтому Семевскій даетъ въ своей книгѣ обширный и чрезвычайно цѣнный этюдъ объ отношеніи «декабризма» къ масонскому движенію въ Россіи того времени. Этимъ изслѣдованіемъ Семевскій прочно устанавливаетъ то положеніе, что многіе будущіе декабристы принимали участіе въ масонскихъ ложахъ, но не нашли тамъ удовлетворенія своимъ общественнымъ запросамъ и въ концѣ концовъ пошли инымъ, своимъ путемъ. Въ объясненіе этого явленія Семевскій производитъ тщательный анализъ идеаловъ русскаго масонства XVIII и первой четверти XIX ст. и путемъ сопоставленія многочисленныхъ соотвѣствующихъ текстовъ онъ приходитъ къ выводу, что хотя въ средѣ русскаго масонства и существовали нѣкоторыя политическія теченія, но въ корнѣ и въ основномъ зернѣ своего идейнаго содержанія русское масонство было аполитично и призывало своихъ послѣдователей искать залогъ человѣческаго блаженства не въ переустройствѣ политическихъ и социальныхъ жизненныхъ формъ, а въ индивидуальномъ нравственномъ усовершенствованіи. Потому-то масонство совершенно примирялось и съ политическимъ абсолютизмомъ, и съ крѣпостнымъ правомъ, и съ другими проявленіями социального неравенства, на томъ основаніи, что человѣкъ долженъ и можетъ быть свободенъ въ духѣ своемъ даже и подъ тяжестью цѣпей, налагаемыхъ на него несовершенствами общественнаго строя. Это былъ совсѣмъ не тотъ путь, на который влеклись будущіе декабристы всѣмъ складомъ своихъ духовныхъ стремленій, всѣмъ направленіемъ своихъ политическихъ воззрѣній.

Вторая часть обширнаго изслѣдованія Семевского посвящена изученію идейнаго движенія въ средѣ тайныхъ обществъ, образованныхъ уже самими будущими декабристами. Отъ источниковъ названнаго движенія изслѣдователь переходитъ здѣсь къ формамъ его проявленія и къ тѣмъ плодамъ его, которые выразились въ политическихъ проектахъ и трактатахъ, составленныхъ различными декабристами. Въѣшнюю исторію тайныхъ обществъ при Александрѣ I Семевскій не включаетъ въ рамки своего изслѣдованія. Его интересуетъ развитіе идеологіи названнаго движенія. Но, какъ во всемъ и всегда, такъ и здѣсь, Семевскій идетъ путемъ микроскопическаго анализа, онъ не довольствуется разсмотрѣніемъ наиболѣе крупныхъ и вполне уже законченныхъ проявленій изучаемаго движенія, онъ стрѣмится уловить процессъ его постепеннаго нарастанія въ мельчайшихъ его извилинахъ и подробностяхъ. И онъ опять кропотливо и тщательно собираетъ всѣ факты, которые могутъ быть использованы съ этою цѣлью. И здѣсь архивный матеріалъ привлекается имъ въ самыхъ обильныхъ дозахъ въ пополненіе всего того, что извѣстно въ печати. И вотъ, въ результатъ такого метода работы Семевскій даетъ попутно рядъ цѣнныхъ указаній и по въѣшной исторіи тайныхъ обществъ. Для исторіи Союза Спасенія, Союза Благоденствія, сѣвернаго и южнаго обществъ и общества соединенныхъ славянъ книга Семевского даетъ твердую опору обильныхъ и критически обслѣдованныхъ фактовъ. Что же касается идеологіи декабризма въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, то въ этомъ отношеніи мы находимъ въ книгѣ Семевского прежде всего подробный анализъ конституціоннаго проекта Никиты Муравьева, «Русской Правды» Пестеля и проектовъ нѣкоторыхъ другихъ декабристовъ. Здѣсь, кромѣ систематическаго изложенія содержанія всѣхъ этихъ проектовъ, Семевскій даетъ сопоставленіе выраженныхъ въ нихъ идей съ другими современными имъ идейными теченіями и, что особенно важно, вскрываетъ весьма обстоятельно непосредственные источники этихъ проектовъ въ тѣхъ западно-европейскихъ и американскихъ конституціяхъ, которыя завѣдомо были извѣстны авторамъ этихъ проектовъ. Но Семевскій всѣмъ этимъ не ограничивается. Онъ старается опредѣлить, насколько идеи, выраженные въ проектахъ и трактатахъ, составленныхъ такими крупными участниками движенія, какъ Муравьевъ и Пестель, захватывали остальную массу декабристовъ. По этому вопросу въ литературѣ были уже предложены нѣкоторыя мнѣнія рѣзко-схематическаго характера. Такъ напримѣръ, г. Ивановъ-Разумникъ въ своей «Исторіи русской общественной мысли» различаетъ въ «декабризмѣ» три рѣзко очерченныя теченія: 1) теченіе, шедшее отъ

Никиты Муравьева, и сводившееся къ тому, что требованіе политическихъ преобразованій сопровождалось недооцѣнкой значенія социальнаго вопроса, при чемъ въ политическихъ стремленіяхъ главное значеніе отводилось аристократіи, какъ уздѣ для самодержавія; 2) теченіе, шедшее отъ Н. Тургенева, въ которомъ на первый планъ выдвигалось требованіе социальныхъ преобразованій, и недооцѣнивалось значеніе политическаго вопроса, такъ какъ самодержавіе цѣнилось, какъ узда для аристократіи, и 3) теченіе, шедшее отъ Пестеля и направлявшееся одинаково и противъ самодержавія и противъ аристократіи. Это-то схематическое построение и опрокинуто микроскопическимъ анализомъ Семевскаго. Семевскій показалъ, что во всѣхъ развѣтвленіяхъ декабризма социальные и политическія преобразованія ставились, какъ неотдѣлимые другъ отъ друга, ибо и Тургеневъ сочувствовалъ республиканскимъ идеаламъ, и Никита Муравьевъ такъ же, какъ Пестель и Тургеневъ требовалъ отмѣны крѣпостного права. Семевскій выставляетъ то положеніе, что членовъ Тайнаго Общества при Александрѣ I слѣдуетъ группировать не по тому, *что* они ставили на первое мѣсто и *чему* отдавали первостепенное значеніе, а по тому, *какъ* они рѣшали всѣхъ ихъ одинаково занимавшіе вопросы. Вотъ въ этомъ отношеніи направленія ихъ мыслей были различны, хотя опять-таки эти оттѣнки и различія не такъ уже симметрично распредѣлялись по двумъ обществамъ—Сѣверному и Южному,—какъ это нерѣдко предполагаютъ на основаніи сравненія проектовъ Муравьева и Пестеля. Въ обоихъ обществахъ существовали и промежуточные теченія, правда, выступавшія не столь выпукло и могущія быть отмѣченными лишь при помощи микроскопическаго анализа, которымъ пользовался Семевскій.

Полагаю, что и вышеприведенныхъ краткихъ указаній достаточно, чтобы видѣть, какъ важны тѣ научные результаты, которые были достигнуты Семевскимъ въ его изслѣдованіи о декабристахъ.

Семевскій удѣляетъ вниманіе также и нѣкоторымъ болѣе позднимъ моментамъ въ исторіи русскаго общественнаго движенія. Такъ, онъ работалъ по исторіи Кирилло-Меѳодіевскаго Общества и пролилъ свѣтъ на важныя подробности въ жизни этой организации. Не мало изслѣдовательскаго труда Семевскій посвятилъ изученію Общества петрашевцевъ.

Смерть застала Семевскаго въ разгаръ его работы какъ разъ въ области этого вопроса. Онъ уже успѣлъ напечатать въ «Голосѣ Минувшаго» обширную монографію о петрашевцахъ, однако оставшуюся еще незаконченной въ печати. Впрочемъ Семевскій оста-

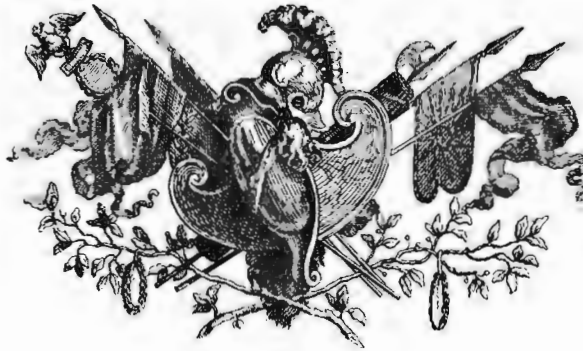
вилъ послѣ себя нѣсколько статей, являющихся продолженіемъ этой монографіи, которыя вскорѣ появятся въ печати. Я уже не буду подробно останавливаться на этой работѣ Семевского и скажу только, что и здѣсь мы находимъ все тѣ же обычные для Семевского приемы изслѣдованія: тотъ же микроскопическій анализъ обильнаго фактическаго матеріала, ту же осторожность въ выводахъ, то же стремленіе охватить предметъ изученія во всѣхъ существенныхъ его подробностяхъ.

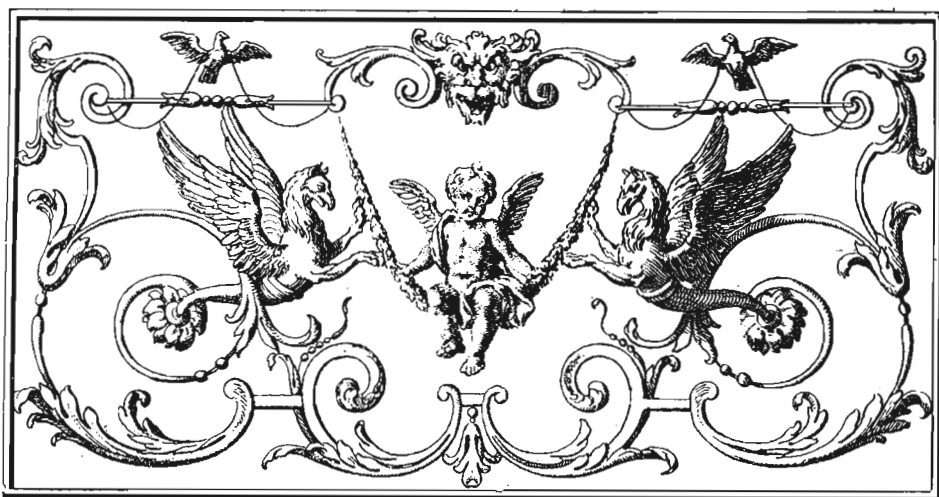
Таковъ былъ научный подвигъ Семевского, таково было дѣло его жизни. Въ своей изслѣдовательской дѣятельности онъ ни на мигъ не превращалъ научнаго творчества въ орудіе для обслуживания какихъ-либо постороннихъ чистой наукѣ цѣлей. Научное творчество имѣло для него всегда самодовлѣющее значеніе, какъ путь къ чистой истинѣ, независимой отъ преходящихъ людскихъ страстей и увлеченій. Да вѣдь и странно было бы ожидать иного отъ писателя, который всю свою изслѣдовательскую энергію вкладывалъ въ создаваніе громадныхъ тяжеловѣсныхъ фоліантовъ. Писатели, стремящіеся превратить историческую науку въ служанку злободневности, пишутъ легко доступные, наукообразные памфлеты. А Семевскій всю свою жизнь писалъ только многообъемистые томы, до краевъ набитые фактами, цифрами, архивными ссылками, всѣмъ тѣмъ, что именуется обыкновенно ученымъ аппаратомъ. И все же русское общество единогласно признало въ этомъ строгомъ и до суровости воздержанномъ отъ всякихъ литературныхъ эксцессовъ изслѣдователѣ горячаго борца за идеалы свободы и соціальной справедливости. И общество было совершенно право въ этомъ признаніи: Семевскій дѣйствительно брался за перо только потому, что онъ былъ одушевленъ идеалами свободы и равенства. Но онъ твердо вѣрилъ въ то, что ученый вовсе не долженъ переставать быть ученымъ или хотя бы въ малой степени понижать строгость научныхъ требованій отъ своей работы, для того чтобы служить названнымъ идеаламъ.— Только глубочайшее недоразумѣніе породило ходячую мысль о противоположности задачъ чистой науки интересамъ общественнаго блага. Наука не есть служанка политики, но она есть путь къ истинѣ, а истина есть солнце, лучи котораго всегда смертельно опасны для всѣхъ тѣхъ микробовъ, которые подтачиваютъ общественное благо. Вотъ что было хорошо понятно Семевскому, и глубокое пониманіе этого и поддерживало его энергію и въ его безконечныхъ архивныхъ поискахъ, и въ его трудахъ по составленію его громадныхъ ученыхъ произведеній.

Безтрепетнымъ и неподкупнымъ оруженосцемъ истины выступалъ онъ во всѣхъ этихъ произведеніяхъ, а являться оруженосцемъ истины—это и значить быть настоящимъ борцомъ за общественное благо.

Историкъ русской культуры почитать въ лицѣ Семева ученаго, который не механически, а органически совмѣстилъ въ своей работѣ служеніе наукъ со служеніемъ общественному прогрессу.

А. Кизеветтеръ.

Памяти Васи́лія Ива́новича Се́мевскаго.

Я получилъ лестное для меня приглашеніе отъ журнала «Голосъ Минувшаго» написать нѣсколько строкъ о Васи́ліи Ива́новичѣ Се́мевскомъ. Задача моя, я думаю, ограничивается указаніемъ на отношеніе покойнаго, которое онъ имѣлъ къ Сибири. Сибирское общество можетъ указать въ рядахъ русскихъ передовыхъ писателей нѣсколько лицъ, которыхъ оно можетъ назвать своими друзьями, какъ напримѣръ, К. Д. Кавелинъ и А. Н. Пыпинъ изъ «Вѣстника Европы»; они хотя ничего о Сибири не писали, но молодые люди, уроженцы Сибири, любили ихъ посѣщать и бесѣдовать съ ними о сибирскихъ вопросахъ; всегда встрѣчали у нихъ теплое отношеніе къ своей родинѣ, глубокий интересъ къ ея судьбѣ и уходили, согрѣтые ихъ сочувствіемъ. Васи́лій Ива́новичъ Се́мевскій ближе стоялъ къ кружку, который собирався около журнала «Русское Богатство», но сибиряки и его причисляли къ своимъ друзьямъ наряду съ Кавелинымъ и Пыпинымъ, и въ ряду воспоминаній о немъ невозможно не отмѣтить его дружелюбное отношеніе къ родинѣ сибиряковъ.

Васи́лій Ива́новичъ рано вошелъ въ соприкосновеніе съ молодой учащейся сибирской молодежью, которая образовала кружокъ около сибирскаго публициста Н. М. Ядринцева, издаваемаго въ Петербургѣ газету «Восточное Обозрѣніе». У Ядринцева были заведены еженедѣльные журъ-фиксы, на которыхъ собиравалась, главнымъ образомъ, молодежь, а также нерѣдко на нихъ можно было встрѣтить и петербургскихъ ученыхъ, интересовавшихся Сибирью, какъ напримѣръ, В. В. Радлова, Ф. Д. Шмидта и другихъ путешественниковъ. Очень часто на этихъ журъ-фиксахъ бывалъ извѣстный педагогъ В. И. Водовозовъ вмѣстѣ съ В. И. Се-

мевскимъ, своимъ ученикомъ. М. И. Семевскій поручилъ воспитаніе своего младшаго брата Василія Ивановича Водовозову, и Семевскій жилъ у послѣдняго; такимъ образомъ Василій Ивановичъ познакомился съ Ядринцевымъ передъ самымъ началомъ своей культурной работы.

Послѣ смерти Водовозова Василій Ивановичъ женился на его вдовѣ, и Ядринцевъ сталъ бывать на журъ-фиксахъ у Семевскихъ. Дружба Ядринцева съ Семевскимъ продолжалась до самой смерти Ядринцева. Я познакомился съ Василиемъ Ивановичемъ на вечерахъ у Ядринцева и видалъ его сидящимъ за однимъ чайнымъ столомъ, рядомъ со своимъ воспитателемъ Водовозовымъ; впоследствии я тоже сталъ посѣщать вечера Семевскихъ, но гораздо позднѣе, когда Водовозова уже не было въ живыхъ, но я много слышалъ о нихъ отъ Ядринцева, который нерѣдко, на другой день послѣ вечера у Семевскихъ, заѣзжалъ ко мнѣ возбужденный, съ разсказами о спорахъ и задорныхъ рѣчахъ молодыхъ людей, которыхъ ему приходилось тамъ слышать. Въ спорахъ и Ядринцевъ принималъ участіе, поднимавшіеся вопросы своеобразно преломлялись въ душѣ сибирскаго патріота. Несомнѣнно вечера у Семевскихъ были для Ядринцева серьезной школой въ политическомъ и философскомъ отношеніи.

Въ свою очередь для Василія Ивановича не прошло безслѣдно его знакомство съ сибиряками, съ домомъ Ядринцева. Свое духовное родство съ этимъ домомъ Василій Ивановичъ запечатлѣлъ въ тѣхъ теплыхъ выраженіяхъ, съ которыми имъ написанъ некрологъ Аделаиды Федоровны, жены Ядринцева ¹⁾.

Вѣроятно черезъ Ядринцева В. И. Семевскій познакомился съ Ин. М. Сибиряковымъ, и послѣдній сдѣлался поклонникомъ Василія Ивановича до самой своей смерти. У Сибирякова было два авторитета, у которыхъ онъ искалъ руководства въ своихъ благотворительныхъ предпріятіяхъ: это—Лесгафтъ, курсамъ котораго Сибиряковъ былъ обязанъ своимъ образованіемъ, и В. И. Семевскій. Послѣдній, занятый изученіемъ исторіи крестьянства и рабочаго класса Россіи, задумалъ часть своего труда посвятить также и изученію положенія рабочихъ на промыслахъ восточной Сибири. Я не имѣю точныхъ данныхъ, но думаю, что средства на поѣздку Семевского въ Сибирь, которую онъ предпринялъ съ цѣлью изученія этого вопроса, далъ ему И. М. Сибиряковъ; я даже думаю, что и самое предпріятіе это было задумано Сибиряковымъ. Характеризуя душевный складъ Сибирякова, Семевскій отмѣчалъ его совѣстливое отношеніе къ той части народной массы,

¹⁾ Біографія самого Н. М. Ядринцева, написанная г. Лемке, обязана своимъ появленіемъ въ свѣтъ инициативѣ и заботамъ В. И. Семевского.

труду которой Сибиряковъ считалъ себя обязаннымъ своимъ благосостояніемъ. То же самое замѣчалъ и я въ своихъ сношеніяхъ съ И. М. Сибиряковымъ. Онъ охотнѣе, чѣмъ на какія-либо другія цѣли, жертвовалъ деньги на дѣла, которыя имѣли какое-нибудь отношеніе къ рабочему классу на ленскихъ золотыхъ промыслахъ. Когда Семевскій слышалъ сожалѣнія, что сибирскій меценатъ не имѣетъ собственной инициативы въ своей благотворительной дѣятельности, а руководствуется чужими внушеніями, В. И. всегда энергично защищалъ Сибирякова отъ этихъ обвиненій, и я думаю, что онъ имѣлъ къ тому большое основаніе.

В. И. Семевскій проѣхалъ по Сибири до Иркутска. Кружокъ Ядринцева снабдилъ его рекомендательными письмами по всей этой дорогѣ, которыя дали ему возможность познакомиться съ сибирской интеллигенціей на мѣстахъ и сдѣлать надъ нею наблюденія. Самымъ интеллигентнымъ городомъ Сибири былъ въ то время Иркутскъ, но ему больше понравился интеллигентный кружокъ г. Красноярска. «Въ Иркутскѣ, — рассказывалъ онъ потомъ, — и больше интеллигентныхъ людей, есть солидныя силы, но онѣ разобщены, сидятъ въ отдѣльныхъ кабинетахъ и работаютъ каждый самъ по себѣ. Въ Красноярскѣ интеллигентныхъ людей далеко меньше, но они плотно соединены въ одинъ кружокъ, вокругъ доктора Крутовскаго. И въ этомъ единомышленномъ красноярскомъ кружкѣ Семевскій нашелъ болѣе теплую встрѣчу, чѣмъ въ Иркутскѣ. Это снѣ мнѣ самъ передавалъ по возвращеніи изъ Сибири въ Петроградъ.

Результатомъ поѣздки въ Сибирь была новая книга Семевского о рабочихъ Сибири. Это былъ, конечно, значительный вкладъ въ литературу Сибири. Правда, трудъ этотъ посвященъ частному сибирскому вопросу и даже съ одинаковымъ правомъ можетъ быть отнесенъ какъ къ литературѣ сибирскихъ рабочихъ, такъ и къ литературѣ о рабочемъ классѣ вообще въ Россіи, такъ какъ огромный процентъ рабочихъ на пріискахъ Восточной Сибири состоялъ изъ ссыльныхъ элементовъ, невольныхъ пришельцевъ изъ Европейской Россіи. Это не мѣшаетъ однако сибирской публицистикѣ признать за работой В. И. Семевского руководящаго значенія.

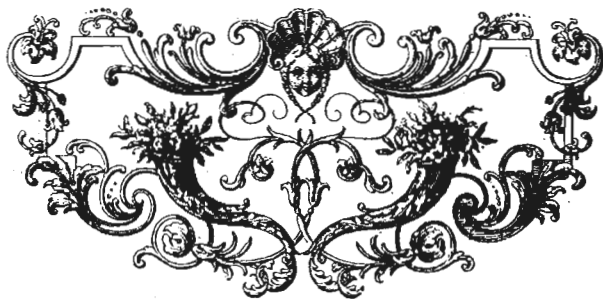
По своимъ ученымъ предпріятіямъ, по выбору темъ для своихъ работъ, Семевскій долженъ быть симпатиченъ для сибиряковъ, которые будутъ работать по сибирской исторіи. Вс-первыхъ, они въ немъ найдутъ примѣръ историка, который все свое вниманіе обратилъ исключительно на исторію народныхъ массъ. Такой примѣръ особенно нуженъ для сибирскаго историка, такъ какъ трехсотлѣтнее существованіе Сибири не отмѣчено яркими полити-

ческими эпизодами и выступленіями отдѣльныхъ выдающихся политическихъ дѣятелей, а представляетъ сѣрую безцвѣтную картину будничныхъ явленій изъ жизни народныхъ массъ. Литературная дѣятельность В. И. Семевского главнымъ образомъ была посвящена русскому крестьянству, но онъ сдѣлалъ одно исключеніе: часть своего времени онъ посвятилъ и исторіи русской интеллигенціи, собственно исторіи политическихъ теченій послѣдняго времени, имѣющихъ, впрочемъ, большое отношеніе къ крестьянскому вопросу. Эта часть литературы Семевского имѣетъ несомнѣнно значеніе для сибирской публицистики. Декабристы и петрашевцы, которыми такъ много занимался Семевскій, имѣли большое воспитательное значеніе для сибирскаго общества. Работы Семевского въ этомъ направленіи составляютъ только одну изъ главъ въ русской исторіи.

Декабристы и петрашевцы несомнѣнно подготовили новое поколѣніе въ Сибири, которому она обязана своимъ общественнымъ пробужденіемъ. Дома декабристовъ въ Ялуторовскѣ, Тобольскѣ, Курганѣ, Томскѣ, Минусинскѣ и особенно въ Иркутскѣ, гдѣ были салоны князей Волконскаго и Трубецкаго, оставили послѣ себя большой слѣдъ. Лица, на которыхъ отразилось вліяніе декабристовъ и петрашевцевъ, могутъ быть указаны въ самыхъ разнообразныхъ слояхъ сибирскаго общества. Тутъ были чиновники (томскіе чиновники Лучшевы, ученики Бзенькова), купцы (братья Бѣлоголовые, ученики декабриста Поджіо); священники (протѣрей Знаменскій, который велъ знакомство съ декабристами въ Ялуторовскѣ). Киргизъ Іоканъ Влихановъ обязанъ своимъ политическимъ просвѣтленіемъ петрашевцу Дурову. Эти люди подвергались или непосредственному вліянію декабристовъ или испытывали вліяніе черезъ посредство другихъ лицъ. На нѣкоторыхъ вліяніе декабристовъ отразилось черезъ поколѣніе. Ядринцевъ былъ обязанъ своимъ направленіемъ своему отцу, политическіе взгляды котораго образовались подъ вліяніемъ декабриста барона Штейнгеля.

Работы В. И. Семевского для Сибири—это цѣлый вступительный томъ будущей ея исторіи.

Г. Потанинъ.

Отрывки изъ воспоминаній.

(Посвящается памяти В. Н. Б.).

III 1).

Орловская жизнь.

Нѣкій англійскій издатель на запросъ одного изъ авторовъ,— какъ расходуется его книга,—отвѣтилъ, что она представляетъ изъ себя какъ бы священную реликвию: къ ней покупатели боятся прикоснуться, и книга лежитъ на полкахъ въ томъ количествѣ, въ какомъ была издана. Нѣчто подобное можно было сказать о моемъ, изданномъ «Орловскимъ Вѣстникомъ» произведеніи: «По тюрьмамъ и этапамъ». Отвратительная внѣшность, безобразная бумага, безграмотная корректура, невѣроятное количество опечатокъ дѣлали мою книгу совершенно неудобоваримою духовною пищею, и она тотчасъ по выходѣ въ свѣтъ сдѣлалась, можно сказать, библиографическою рѣдкостью: книготорговцы сразу оцѣнили ее по достоинству и свалили въ подвалы, чтобы при первомъ удобномъ случаѣ сплавить антикваріямъ. Отзывъ о ней я встрѣтилъ лишь въ «Русской Мысли». Онъ былъ весьма благопріятный, но опасаюсь, что вызванъ сочувствіемъ къ автору. Нужно ли говорить, что книга не прибавила въ мой тощій кошелекъ ни мѣднаго гроша, и не было надежды, что когда-нибудь прибавитъ. Приходилось немедленно искать работы, чтобы, мало-мальски обезпечивъ удовлетвореніе самыхъ элементарныхъ нуждъ, приступить, наконецъ, къ литературному труду.

¹⁾ См. «Голосъ Минувшаго» за мартъ и іюль-августъ 1916 г.

Думать, собственно, долго не приходилось. Какъ русскому мужику, по словамъ знаменитаго поэта нашего, была нѣкогда только «одна дорога торная—дорога къ кабаку», такъ точно для всякаго рода «неблагонадежныхъ», «бывшихъ», «поднадзорныхъ» интеллигентовъ была тогда единственная почти торная дорога—въ земскую статистику. Но и она строго охранялась церберами государственнаго строя. Наиболѣе типичными представителями такой категоріи субъектовъ въ Орлѣ являлись два лица: губернаторъ—Шидловскій и жандармскій полковникъ—Дудкинъ. Первый былъ помѣшанъ на «престижѣ власти», которую понималъ совершенно такъ же, какъ и городской Гл. Успенскаго,—Мымрецовъ: «держатъ и не пускатъ»,—вотъ былъ лозунгъ Шидловскаго. Въ Орлѣ существовала легенда, что, опасаясь, какъ бы кто не увидѣлъ губернатора въ обыкновенномъ человѣческомъ одѣяніи, Шидловскій даже спалъ въ полной формѣ съ орденами, лентою и звѣздою. Во всякомъ случаѣ фактъ, что съ ранняго утра онъ уже былъ во всѣхъ регаліяхъ и принималъ до смѣшнаго напыщенный видъ. Низенькій, кругленькій, тщательно выбритый брѣзетъ Шидловскій, наряженный въ полную форму, напоминалъ янычскаго идола. По принципу онъ никогда не улыбался, даже глядя въ театрѣ оперетку. Шидловскій требовалъ, чтобы всѣ, не исключая и дамъ, на пріемѣ у него стояли и никому не подавали руки. Земство онъ, конечно, не могъ выносить, и весь свой ограниченный умъ изошрялъ на возможномъ приниженіи мѣстнаго самоуправленія, которое въ его понятіи совершенно не совмѣщалось съ «престижемъ власти». Мало того, Шидловскій свысока относился даже къ «первенствующему сословію», не исключая и предводителей дворянства, хотя самъ ранѣе былъ харьковскимъ губернскимъ предводителемъ дворянства. Чтобы показать свое превосходство надъ земствомъ и выборнымъ дворянствомъ, онъ прибѣгалъ къ разнымъ способамъ. Между прочимъ Шидловскій заставлялъ необыкновенно долго ждать себя при открытіи земскихъ собраній. Извѣстятъ его, напримѣръ, о прибытіи законнаго числа гласныхъ часовъ въ 12 дня, а онъ является въ 2—3 часа пополудни. Орловцы говорили, будто земцы однажды возмутились, и гласные разошлись до открытія собранія. Но губернаторъ нисколько не смутился этимъ обстоятельствомъ. Явившись въ пустой залъ дворянскаго дома, онъ... открылъ собраніе!

Втретий яркимъ представителемъ существующаго порядка являлся, какъ я уже сказалъ, жандармскій полковникъ Дудкинъ. Это былъ невѣжественный субъектъ, по слухамъ, изъ кантонистовъ. Онъ прошелъ огонь и воду. Начавъ службу съ низшихъ жандармскихъ чиновъ, Дудкинъ проявилъ такой талантъ въ обла-

сти сыска, что дослужился до полковника. Въ Орелѣ онъ былъ переведенъ, кажется, изъ Москвы, гдѣ особенно отличился по части уловленія крамолы. Въ глазахъ Дудкина все населеніе, кромѣ чиновъ жандармскаго вѣдомства, было совершенно неблагонадежно. Онъ на всѣхъ смотрѣлъ, какъ на необнаруженныхъ государственныхъ преступниковъ. Но излюбленными людьми его были—обнаруженные, т.-е. бывшіе политическіе ссыльные и новые, состоящіе подъ гласнымъ и негласнымъ надзоромъ. Они давали ему чистѣйшій доходъ въ видѣ солидныхъ безконтрольных суммъ, а также—чины и ордена. Передъ каждымъ праздникомъ Рождества Христова и Пасхи у извѣстнаго процента «неблагонадежныхъ» всѣхъ категорій Дудкинъ, пользуясь «временными» правилами 1881 г. объ охранѣ, производилъ обыски и, конечно, кое что находилъ. Это «кое что» въ правовомъ европейскомъ государствѣ не представляло бы никакого повода для преслѣдованія, но у насъ можно было признать преступнымъ даже евангеліе. Восьмидесятые годы въ этомъ отношеніи весьма напоминали режимъ Франціи при Наполеонѣ III. Однажды тамъ извѣстный публицистъ Анри Рошфоръ, издатель и редакторъ знаменитаго «Фэнаря» («Lanterne»), выпустилъ въ свѣтъ подъ фирмою «Фэнаря» нѣкоторыя статьи самого императора, не назвавъ, конечно, автора. Этого было достаточно, чтобы французская цензура наложила veto на произведенія Наполеона III. Тогда Рошфоръ обнаружилъ свою продѣлку и зло высмѣялъ охранителей Франціи. Наполеонъ былъ сконфуженъ, но ничего не могъ подѣлать съ Рошфоромъ, издававшимъ въ то время свой «Lanterne» въ Брюсселѣ, куда бѣжалъ, будучи присужденнымъ въ Парижѣ къ тюремному заключенію на 1 годъ, временному лишенію гражданскихъ политическихъ правъ и штрафу въ 10.000 франковъ. То же самое возможно было въ 80-хъ годахъ и у насъ, при чемъ Дудкинъ, по своему невѣжеству, превзошелъ въ своемъ усердіи многихъ другихъ жандармовъ. Онъ сплошь и рядомъ возбуждалъ самыя нелѣпыя, нестоящія выѣденнаго яйца «дѣла» и не только не пострадалъ отъ этого, а, наоборотъ, быстро шелъ по служебной лѣстницѣ. Нельзя сказать, однако, чтобы орловскіе охранители представляли какое-то исключеніе. Такіе же, и даже много худшіе, властители были во всей Россіи. Во главѣ правительства стояли тогда оберъ-прокуроръ Св. Синода Побѣдоносцевъ, министръ внутреннихъ дѣлъ гр. Д. Толстой и редакторъ «Московскихъ Вѣдомостей» Катковъ.

Они тщательно поддерживали и охраняли тотъ режимъ, который установленъ былъ еще 8 марта 1881 года въ «погребальномъ» засѣданіи Государственнаго Совѣта, собран-

номъ для разсмотрѣнія «куцой» Лорисъ-Меликовской «конституціи». Какіе же властители могли удовлетворить требованіямъ побѣдоносцевской рѣчи, одобренной верховной властью? Конечно только самые мрачные реакціонные карьеристы. Говорили, на-примѣръ, что черниговскій губернаторъ, Анастасьевъ, высѣкъ въ черниговскомъ тюремномъ замкѣ не лишённаго правъ потомственнаго дворянина. Ошеломленное такою расправою черниговское дворянство обратилось къ прокурорскому надзору. Прокуроръ направилъ къ губернатору одного изъ своихъ товарищей. Послѣдній, возвратившись, заявилъ, что Анастасьевъ показалъ ему бумагу, въ силу которой онъ, губернаторъ, «можетъ перепоротъ всѣхъ насъ». *Si n e vero e ben trovato*, но объ этомъ говорили, какъ о фактѣ безусловно достоверномъ.

Судъ въ это время, а слѣдовательно и прокурорскій надзоръ, никакой роли не игралъ, ибо нормальный законъ не только не дѣйствовалъ, но даже ссылка на него почиталась актомъ совершенно неблагонадежнымъ. Законы замѣнялись «правилами» 1881 г. объ охраѣ, да безчисленнымъ множествомъ циркуляровъ. Много удивительнаго, что дворянинъ былъ подвергнутъ тѣлесному наказанію въ моментъ наибольшаго покровительства первенствующему сословію. Какъ изъ рога изобилія въ 80-хъ годахъ сыпались на дворянство благодѣянія. Въ 1885 г. былъ открытъ, по случаю столѣтняго юбилея дворянской грамоты, особый дворянскій банкъ, сопровождавшійся манифестомъ, въ которомъ говорилось, чтобы и впредь «дворяне Россійскіе сохранили первенствующее мѣсто въ предводительствѣ ратномъ, въ дѣлахъ мѣстнаго самоуправленія и суда, въ распространеніи примѣромъ своимъ правилъ вѣры и вѣрности и здравыхъ началъ народнаго образованія». Въ благодарственныхъ адресахъ дворяне заявили, что желаютъ крѣпкой правительственной власти, которая позволила бы имъ «спокойно жить въ деревнѣ». Въ 1889 г. было исполнено и это ихъ желаніе: закономъ 12-го іюня названнаго года вводились земскіе начальники, которымъ дана была чисто помѣщичья надъ крестьянами власть, и, такимъ образомъ, произошло частичное возвращеніе крѣпостного права. Но стоитъ вникнуть во всѣ дворянскія реформы 80-хъ годовъ, чтобы убѣдиться, что онѣ имѣли въ виду исключительно крѣпостническіе элементы. Не дворянство, какъ сословіе, призывалось для разныхъ «охранъ», а лишь сторонники рабовладѣльческихъ взглядовъ. Дворянинъ пользовался силою и вліяніемъ лишь постольку, поскольку онъ проявлялъ крѣпостническую тенденцію и вѣрность возведенному въ культъ лозунгу николаевскихъ временъ: самодержавіе, православіе и народность. Дворянинъ же земецъ, даже

дворянинъ, какъ избранникъ своего сословія, особенно же дворянинъ—либераль не только считались въ привилегій, но и сугубо преслѣдовались. Особенно неблагонадежными считались тѣ изъ земцевъ, которые отстаивали земскія прерогативы въ рамкахъ Положенія 1864 г. Вообще земство было бѣльмомъ на глазу бюрократіи, и она употребляла всѣ усилія избавиться отъ мѣстнаго самоуправленія. Задачу эту охотно взялъ на себя гр. Д. Толстой. Въ своемъ проектѣ онъ низводилъ земство до уровня расширенной губернаторской канцеляріи. Но въ 1889 г., ненавидимый русскимъ обществомъ, гр. Толстой умеръ, не успѣвъ погубить мѣстное самоуправленіе. Возвращаюсь къ Орлу.

Какъ я уже сказалъ, на пути мсей жизни стояли губернаторъ Шидловскій и жандармскій полковникъ Дудкинъ. Говорили, что излюбленнымъ утреннимъ занятіемъ этихъ «государственныхъ» мужей былъ просмотръ фамилій, прибывшихъ или поселившихся въ Орлѣ за предыдущій день лицъ. Они трепетали отъ удовольствія, когда среди послѣднихъ находили фамиліи, упоминаемыя въ проскрипціонныхъ спискахъ. Тотчасъ же Шидловскій и Дудкинъ, каждый на свой манеръ, избѣгали скрпціоны, чтобы уязвить крамольника. Само собой разумѣется, что я былъ у нихъ на примѣтѣ съ самаго момента появленія на орловскомъ горизонтѣ, и они уже имѣли въ виду различныя «мѣры» для пресѣченія моего благополучія, если бы я возымѣлъ желаніе заполучить таковое. Но работа нужна мнѣ была до зарѣза, и я вынужденъ былъ, во что бы то ни стало, преодолѣть всѣ преграды къ ней. Я отправился къ завѣдующему статистическимъ сдѣленіемъ орловскаго губернскаго земства Е. И. П—ву. Онъ принялъ меня чрезвычайно любезно, обѣщалъ сдѣлать все возможное, чтобы дать мнѣ работу, но предупредилъ, что, въ виду моего прошлаго, сдѣлать это будетъ чрезвычайно затруднительно. «На статистиковъ,—пояснилъ онъ,—смотреть болѣе чѣмъ подозрительно,—уже самый фактъ вступленія въ кадры ихъ признается актомъ въ высшей степени предосудительнымъ, а у васъ имѣется еще и собственное слишкомъ яркое клеймо». Пришлось выжидать благопріятнаго момента. Между тѣмъ средства нужны были ежедневно. При такихъ условіяхъ жить съ семьею было бы невозможно, если бы не орловское общество. Оно-то и вывезло меня.

Помимо Н—овой и Ц—выхъ, о которыхъ говорилось ранѣе, я приобрѣлъ еще много знакомствъ среди прекрасныхъ людей, относившихся ко мнѣ и моему семейству съ рѣдкой искренностью и теплотою. Я съ женою близко сошелъ съ семействами: В—ыхъ, В—чь, Лео—выхъ, Аб—ъ, инженера Королева, Ч—ыхъ, Баж—хъ,

матерью редактора «Русскихъ Вѣдомостей» С. А. Соболевской, съ учительницами гимназіи В—ой и Дмитрюковой; съ Р—мъ и Б—скими. Знакомство съ послѣдними началось при характерныхъ россійскихъ условіяхъ. При первомъ визитѣ къ Б—мъ я наткнулся на обыскъ, при которомъ распеленали даже новорожденнаго ребенка. Вслѣдствіе такого обстоятельства пришлось знакомство съ Б—ми отложить до болѣе удобнаго времени. Большую роль въ моей орловской жизни сыграла встрѣча съ бывшимъ моимъ учителемъ словесности, Н. А. Вербицкимъ, о которомъ я говорилъ и въ первой части моихъ мемуаровъ. Изъ черниговской гимназіи Вербицкій былъ переведенъ въ Рязань, а оттуда въ Орелъ. Онъ выказалъ самое горячее сочувствіе мнѣ и просилъ обращаться къ нему при всякаго рода тяжкихъ обстоятельствахъ. Особенно цѣнны были услуги Вербицкаго посябъ выхода моего изъ орловской тюрьмы, о чемъ рѣчь будетъ впереди. Благодаря перечисленнымъ знакомствамъ, я могъ бороться съ полиціей, стремившейся лишить меня заработка и, такимъ образомъ, заставить удалиться изъ Орла. Не дождавшись этого, она обезпokoилась и какъ-то прислала околоточнаго узнать, — чѣмъ я занимаюсь? — Литературою, — отвѣтилъ я. — Чѣмъ? — переспросилъ полицейскій чинъ. — Ли-те-ратурою... — Но развѣ это занятіе? — Представьте, что да. — Нѣтъ ужъ, простите, я запишу, что вы не имѣете опредѣленнаго занятія. — Ваше дѣло... Взглядъ околоточнаго надзирателя на литературу являлся точнымъ отраженіемъ взглядовъ на нее и Шидловскаго и Дудкина, и всѣхъ другихъ губернаторовъ и жандармовъ, до главы ихъ — министра внутреннихъ дѣлъ включительно. Литература, дѣйствительно, не только не считалась «занятіемъ», заслуживающимъ вниманія, «опредѣленнымъ», но она еще являлась несомнѣнною характеристикою неблагонадежности. Конечно, такое отношеніе къ литературѣ полицейскихъ невѣждъ и высокопоставленныхъ Фамусовыхъ только поднимало значеніе печатнаго слова и ея представителей, но въ то же время эти невѣжды могли отравить существованіе. При полномъ произволѣ, при неограниченной власти администраціи послѣдняя могла, указывая на отсутствіе «опредѣленныхъ» занятій, выслать меня изъ Орла. По крайнѣй мѣрѣ, такіе случаи бывали съ бывшими ссыльными. Надо было поскорѣе куда-нибудь пристроиться, чтобы было на что сослаться помимо литературы. Я сталъ надѣяться Е. И. П—ву и въ концѣ 1887 г. кое-какъ просунулся въ статистическое бюро.

Положеніе послѣдняго было въ высшей степени шаткое. Земская статистика, возникшая впервые въ Вятской губерніи, въ 1870 г., черезъ шесть лѣтъ послѣ введенія земскихъ учреждений,

представляла чрезвычайно оригинальное, вполне самобытное русское явленіе, подобнаго которому не было въ другихъ странахъ. Въ основу ея было положено сплошное изслѣдованіе на мѣстахъ жизни населенія, изученіе всѣхъ факторовъ народнаго богатства. Въ 1871 г. приступлено было къ экспедиціоннымъ работамъ въ Тверскомъ земствѣ, въ 1874 г. въ Херсонскомъ. Но закрѣпленіе земской статистики, право гражданства она получила, на мой взглядъ, лишь въ 1875 г., когда возникли статистическія бюро въ Московскомъ и Черниговскомъ губернскихъ земствахъ. Рѣшающую роль здѣсь сыграли выдающіеся завѣдующіе бюро:—въ Московскомъ земствѣ В. И. Орловъ, въ Черниговскомъ—П. П. Червинскій. Они выработали своеобразные методы статистическихъ работъ, которые приняты были другими земствами, при чемъ южныя земства, черноземныя, въ общемъ, руководились Черниговскимъ методомъ, а сѣверныя,—суглинистыя,—Московскимъ. Въ нашу задачу не входитъ разбираться въ статистическихъ методахъ, а потому мы прямо перейдемъ къ Василию Ивановичу Орлову, организовавшему статистическое бюро, помимо Московскаго земства, еще въ земствахъ—Воронежскомъ, Курскомъ, Тамбовскомъ и Орловскомъ. По его указаніямъ названныя земства приглашали и завѣдующихъ, при чемъ въ Орловскомъ земствѣ ставленникомъ Орлова былъ кандидатъ правъ Е. П. П.—въ. Уже это одно обстоятельство гарантировало полную добросовѣстность Орловскаго статистическаго бюро—Василій Ивановичъ завѣдующими рекомендовалъ лицъ, вполне просвѣщенныхъ и вообще достойныхъ¹⁾. Самъ Орловъ по окончаніи Московскаго университета по юридическому факультету былъ оставленъ при университетѣ для подготовленія къ профессорскому званію по кафедрѣ общественнаго права. Но Василій Ивановичъ былъ слишкомъ живой человѣкъ, чтобы запереть себя въ кабинетъ. Его природа болѣе склонна была къ широкой общественной дѣятельности, и онъ избралъ земское поприще. Когда въ 1875 г. Московское земство обратилось къ Орлову, читавшему статистику въ Александровскомъ военномъ училищѣ, съ предложеніемъ организовать бюро при губернской управѣ, онъ охотно

¹⁾ Е. И. П.—въ происходилъ изъ духовнаго званія и былъ даже священникомъ. Овдовѣвъ, онъ рѣшилъ разстричься. Этотъ актъ сопровождался чрезвычайно тяжкою процедурою. По обычаю его сначала «увѣщевало» епархіальное начальство. Затѣмъ «разстригали», т.-е. публично сняли рясу, подрясникъ и т. д. и облекли въ простое «мірское одѣяніе». Наконецъ П.—въ лишенъ былъ на нѣсколько лѣтъ права проживанія на своей родинѣ и поступленія на государственную службу. Разстригшись, П.—въ поступилъ въ московскій университетъ и окончилъ его кандидатомъ правъ. Вообще это былъ способный и талантливый человѣкъ, но очень мягкій и слабохарактерный, что имѣло для него много тяжелыхъ послѣдствій.

взялся за это, а потомъ, какъ мы уже говорили, организоваль работы и въ другихъ земствахъ. Въ 1885 г. Орловъ скончался, и въ Московскомъ Статистическомъ «Ежегодникѣ» обширный некрологъ о немъ заканчивался такъ: «... Земство лишилось съ его смертью одного изъ наиболѣе дѣятельныхъ своихъ работниковъ, общество потеряло въ немъ одного изъ рѣдкихъ общественныхъ дѣятелей, русское крестьянство лишилось въ немъ выразителя своихъ интересовъ, его товарищи-сотрудники потеряли одного изъ лучшихъ своихъ друзей, но созданное имъ дѣло земской статистики и результаты этого дѣла живутъ и не умрутъ, какъ и все, являющееся созданиемъ крупной нравственной личности, каковъ былъ покойный». Однако, въ 80-хъ годахъ земская статистика близка была къ полной гибели, какъ, впрочемъ, и самое земство. У насъ, въ Россіи, каждое учрежденіе, не имѣющее бюрократической окраски, существуетъ въ своемъ первоначальномъ видѣ самое короткое время. Для такихъ учреждений является, обыкновенно, весьма непродолжительная, — выражаясь фигурально, — «весна», затѣмъ — прямо наступаетъ хмурая «осень», а потомъ — «зима», которая своими выюгами и морозами и убиваетъ учрежденіе. И такого рода явленія объясняются весьма просто. Хотя въ 1861 г. и пало у насъ крѣпостное право, но крѣпостничество осталось неприкосновеннымъ. Оно прячется, когда государственный организмъ проникается хотя небольшимъ свѣтомъ свободы, и подымаетъ голову, при наступленіи реакціоннаго мрака. А такъ какъ свобода у насъ явленіе рѣдкое, возникающее случайно и на самое короткое время, то реакція, за малымъ исключеніемъ, царитъ почти постоянно.

Для земской статистики послѣ короткой «весны» въ первой половинѣ 70-хъ годовъ въ 80-хъ сразу настала зима. Холодомъ повѣяло и отъ крѣпостниковъ дворянъ, и отъ правительства. Первые испугались, что статистики, разъѣзжая по селамъ и деревнямъ и спрашивая каждого домохозяина, вскроютъ всю подноготную экономическаго положенія крестьянства, а полиція боялась пропаганды среди народа. Реакціонное дворянство съ удовольствіемъ восприняло эту послѣднюю точку зрѣнія, и на статистиковъ посыпались доносы какъ со стороны помѣщиковъ, такъ и со стороны полицейскихъ властей.

И было не мало формальныхъ данныхъ, чтобы «бояться» статистиковъ. Первые кадры ихъ, несомнѣнно, образовались изъ активныхъ народниковъ, тѣхъ, что или «ходили» ранѣе въ «народъ», или видѣли въ экспедиціонныхъ работахъ осуществленіе ихъ мечты — проникнуть легально въ народную среду и детально изучить ее. Вообще, въ первое время земскими статистиками дѣла-

лись люди принципиальные, искренно стремившіеся принести народу пользу, какъ они ее понимали. Въ этотъ періодъ русской жизни, пожалуй, и не было среди интеллигенціи лицъ иного направленія, и только этимъ обстоятельствомъ можно объяснить быстрое развитіе земской статистики при самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ для статистиковъ. Въ самомъ дѣлѣ, служба въ статистическомъ бюро не только не дѣлала карьеры, но, наоборотъ, компрометировала каждое лицо, вступившее въ него, накладывая неизгладимое клеймо неблагонадежности. Затѣмъ, оплата статистическаго труда была нищенская, а онъ требовалъ массы времени и силъ, не говоря уже о тѣхъ лишеніяхъ, которыя приходилось претерпѣвать статистику во время объѣзда селъ, деревень и хуторовъ.

Но идейные люди все это выносили, не замѣчая даже трудности своего пути. Сплошь да рядомъ бывали такіе случаи, что статистики, отправившись раннею весною на изслѣдованія, такъ увлекались подворною переписью, что въ теченіе всего лѣта не возвращались въ городъ за полученіемъ жалованья, перебиваясь въ селеніяхъ, чѣмъ Богъ послалъ. Завѣдующіе бюро нерѣдко вынуждены были «розыскивать» служащихъ, пропавшихъ, какъ говорится, безъ вѣсти, чтобы снабдить ихъ деньгами. И часто поиски эти были тщетны. Только къ концу лѣта возвращались статистики, исполнивъ свои работы.

Орловское статистическое бюро напоминало, по отношеніямъ къ нему губернской земской управы, заразный баракъ. Водворенное въ третьемъ этажѣ, оно было совершенно изолировано отъ губернской земской управы. Ни предсѣдатель, П. П. Шеншинъ, ни члены управы не переступали порога бюро, а служащіе боялись посѣщать его, чтобы не скомпрометтировать себя въ смыслѣ благонадежности. Управа сносила лишь съ завѣдующимъ и знать не хотѣла остальныхъ служащихъ. Только при полученіи жалованья приходилось имѣть дѣло съ членомъ управы, Римскимъ-Корсаковымъ, котораго далеко нельзя было упрекнуть въ любезности по отношенію къ статистикамъ, а нерѣдко онъ былъ до неприличія грубъ съ ними. Е. И. П.—въ, повидавшись съ членами управы, ежедневно сообщалъ сюрпризы для статистическаго отдѣленія. То «полиція требуетъ списокъ всѣхъ его служащихъ», то «губернаторъ указываетъ на неблагонадежность статистиковъ», то «полученъ доносъ» изъ какого нибудь уѣзда, то «не утвердили» такого-то, а у такого-то «былъ обыскъ и отобраны статистическіе матеріалы». Завѣдующему сплошь да рядомъ приходилось «выручать» у жандармовъ отобранныя при обыскахъ данныя изслѣдованія. Но особенно тяжкое положеніе создавалось въ

моментъ приготовленія къ экспедиціоннымъ работамъ и при объѣздахъ. Для подворныхъ переписей, помимо постоянныхъ служащихъ, необходимо было приглашать временныхъ «регистраторовъ» для переписи. Вотъ тутъ и начиналась процедура. Невзирая на существованіе опредѣленнаго закона, что администрація обязана въ теченіе не болѣе двухъ недѣль дать положительный или отрицательный отвѣтъ о посланныхъ на ея утвержденіе лицахъ, орловскій губернаторъ, какъ вѣроятно и всѣ губернаторы, не обращалъ на этотъ законъ никакого вниманія. Для земства создавалось невозможное положеніе, весьма часто грозившее серьезною опасностью для населенія. Вспыхнетъ, напримѣръ, эпидемія въ какомъ-либо уѣздѣ, а губернаторъ ничего не отвѣчаетъ на бумаги, въ которыхъ земство, прилагая документы медицинскаго персонала (врачей, фельдшеровъ, сидѣлокъ и т. п.), проситъ разрѣшить имъ ѣхать для борьбы съ эпидеміей. Населеніе мретъ, а администрація, «выясняя благонадежность», не позволяетъ лѣчить его! Со статистиками возни было еще больше. Земству поэтому приходилось воровскимъ образомъ производить работы. Оно на свой страхъ и рискъ посылало неутвержденныхъ лицъ впредь до отвѣта губернатора. Благодаря этому обстоятельству, и мнѣ впервые въ 1888 году удалось конспиративно побывать на переписи. Безъ преувеличенія скажу, что я трепеталъ отъ радости, когда мнѣ предложено было отправиться въ одинъ изъ уѣздовъ для переписи нѣкоторыхъ деревень. До ссылки я не имѣлъ почти представленія о земствѣ, хотя, какъ радикаль, относился свысока къ этому «буржуазно-дворянскому учрежденію».

Лишь сдѣлавшись народнымъ учителемъ, когда, какъ я писалъ въ I части, воочию убѣдился въ глубочайшемъ невѣжествѣ неграмотной деревни, я пришелъ къ сознанію въ необходимости, во-первыхъ, детальнаго изученія народной жизни и, во-вторыхъ,—въ неотложности просвѣщенія. Тогда я понялъ громадное значеніе земства, но ссылка прервала мою дѣятельность въ этомъ направленіи. Однако взгляды мои не измѣнились, и легальное изученіе деревни осталось моею мечтою. И вдругъ мечта эта сбылась! Къ своей работѣ я приступилъ со священнымъ благоговѣніемъ. Въ первый же день въ моихъ рукахъ очутились неоцѣненные матеріалы, подлинныя человѣческіе документы, настоящая, какъ она есть, крестьянская жизнь, въ раны которой, выражаясь фигурально, я вложилъ свой перстъ! Почти одновременно стали налаживаться и литературныя мои дѣла. Въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ» то и дѣло появлялись мои обширныя корреспонденціи, а въ концѣ 1888 года былъ принятъ въ этомъ ува-

жаемомъ органѣ мой первый фельетонъ: «Среди сибирскихъ инс-родцевъ». ¹⁾

Въ то же время надо мною собиралась гроза, разразившаяся весною 1889 г. Въ этомъ году въ Орлѣ арестованъ былъ маститый революціонеръ-якобинецъ Петръ Григорьевичъ Зайчневскій. Землевладѣлецъ Орловской губ., Мценскаго уѣзда, сынъ генерала и княгини Юсуповой, на которой былъ женатъ отецъ, Зайчневскій уже въ раннемъ юношескомъ возрастѣ вступилъ на революціонный путь, съ котораго не сходилъ до самой кончины. Впервые арестованный 19-ти лѣтъ, Зайчневскій былъ сосланъ на каторгу²⁾.

Отбывъ послѣднюю, онъ былъ водворенъ на поселеніе въ Забайкальской области, а въ 1869 г. получилъ разрѣшеніе на возвращеніе въ Россію, при чемъ былъ возстановленъ во всѣхъ правахъ. Въ періодъ времени между первымъ возвращеніемъ и орловскимъ арестомъ Зайчневскій былъ административнымъ порядкомъ, срокомъ на пять лѣтъ, высланъ въ сѣверныя губерніи Европейской Россіи.

Возвращаясь къ орловскому дѣлу Петра Григорьевича, скажу, что съ нимъ я былъ очень мало знакомъ и рѣшительно никакихъ дѣловыхъ отношеній у меня съ нимъ не было. Встрѣчалъ я его разъ пять-шесть у общихъ знакомыхъ. Высокаго роста, съ громадной шевелюрою сѣдыхъ волосъ на большой головѣ, съ крупными чертами лица, Зайчневскій производилъ впечатлѣніе высокопросвѣщеннаго, искренняго, сердечнаго и чрезвычайно добродушнаго человѣка. Трудно было повѣрить, что онъ былъ когда-то сторонникомъ беспощадной кровавой революціи, какъ это значилось въ извѣстной прокламации 1860 г.—«Молодая Россія», въ составленіи которой Петръ Григорьевичъ участвовалъ. Тѣмъ большее сомнѣніе возбуждало увѣреніе его сторонниковъ, что и «теперь онъ остался такимъ же»³⁾. Но во всякомъ случаѣ для Дудкина Петръ Григорьевичъ представлялъ болѣе чѣмъ лакомый кусокъ. Вымыслить «дѣло» съ участіемъ лица столь извѣстнаго, еще разъ «спасти» Россію отъ такого крупнаго «разрушителя основъ»,—

¹⁾ Подробныя воспоминанія мои о сотрудничествѣ въ «Русск. Вѣдом.» напечатаны въ изданномъ въ Москвѣ въ 1913 г. по случаю 50-ти лѣтняго юбилея «Русскихъ Вѣдомостей» Сборникъ: «Русск. Вѣдом. 1863—1913».

²⁾ Студентъ московскаго университета, Петръ Зайчневскій за произнесеніе публично рѣчей возмутительнаго содержанія въ г. Подольскѣ къ крестьянамъ и въ оградѣ московской римско-католической церкви къ полякамъ и распространеніе запрещенныхъ фотографированныхъ и печатныхъ сочиненій былъ приговоренъ къ ссылкѣ въ каторжныя работы на заводы на 2 года и 8 мѣсяцевъ. Резолюцію Государя 1 ноября 1862 г., которой срокъ работъ былъ уменьшенъ до одного года. «О минувшемъ. Историческій сборникъ». 1909 г., стр. 178. *Ред.*

³⁾ О Зайчневскомъ въ это время въ Орлѣ см. «Быль» 1906 г. № 11, стр. 57. *Ред.*

для жандармовъ было болѣе чѣмъ заманчиво, ибо такого рода «государственное дѣло» сулило, конечно, великія милости. Дудкинъ долго подкрадывался къ Петру Григорьевичу и, наконецъ, въ 1889 году, набросился на свою добычу. Одновременно онъ произвелъ обыскъ и арестовалъ знакомыхъ Зайчневскаго. Конечно, какъ и при всякихъ обыскахъ, кое-что было найдено. Между прочимъ, у кого-то въ Саратовѣ, что ли, было найдено письмо, въ которомъ кто-то писалъ изъ Орла, что я нисколько не измѣнился въ ссылкѣ, возвратившись бодрымъ и энергичнымъ. А при обыскѣ въ Петербургѣ у В—скаго найдено было письмо, въ которомъ говорилось, что я думаю издавать газету. Еще въ какомъ-то письмѣ я назывался не Бѣлоконскимъ, а литературнымъ псевдонимомъ моимъ—«Петровичъ», проставленнымъ, къ слову сказать, рядомъ съ моею фамиліею на выше названной книгѣ моей—«По тюрьмамъ и этапамъ». Вотъ этихъ-то писемъ было совершенно достаточно, чтобы произвести у меня обыскъ, при которомъ найдены были письма ко мнѣ Кеннана на англійскомъ языкѣ и нѣсколько главъ изъ его статей,—«Siberia and the exile system», печатавшихся въ это время въ американскомъ «The Century Magazine», редація котораго посылала Кеннана въ Сибирь. Скажу здѣсь къ слову, что когда этотъ американскій публицистъ получилъ письмо отъ моей жены съ извѣщеніемъ о постигшемъ меня бѣдствіи, то, какъ мнѣ тогда передавали читавшіе, прислалъ въ лондонское «Times» телеграмму, гласившую: «мой другъ Бѣлоконскій арестованъ». И долженъ сказать, что слово «другъ» не было пустымъ звукомъ. Кеннанъ называлъ меня «своимъ другомъ» еще когда уѣзжалъ изъ Минусинска. Но, по правдѣ сказать, я думалъ, что это простая любезность. Полагаю, что большую роль въ моемъ сомнѣніи сыграло впитанное съ молокомъ матери недовѣріе къ «хитрымъ англичанамъ и янки». Какъ, вѣроятно, и всякій народъ, мы только самихъ себя считаемъ верховъ сердечности, довѣрія и искренности, чего, въ дѣйствительности, конечно, нѣтъ. Оказалось однако, что Жоржъ Кеннанъ не пускалъ словъ на вѣтеръ. Какъ только сообщилъ я ему о своемъ освобожденіи и пріѣздѣ въ Европейскую Россію, онъ тотчасъ же завелъ со мною переписку. Но, какъ гражданинъ свободной страны, Кеннанъ, невзирая на знаніе Россіи, все же никакъ не могъ освоиться съ русскимъ безправіемъ, произволомъ, полнымъ отсутствіемъ гарантіи личности и жестокими преслѣдованіями за проявленіе малѣйшаго свободомыслія. Поэтому первыя письма его были до такой степени неосторожны, что я, уничтожая ихъ, поспѣшилъ попросить писать съ опаскою. Онъ, извиняясь, обѣщавъ «исправиться», но не могъ свободный человѣкъ унижаться

до уровня полицейскаго государства и продолжалъ писать такого рода письма, что пришлось подавляющее большинство ихъ съ великимъ горемъ предавать огню. И хорошо я сдѣлалъ: если бы ихъ нашли у меня,—не миновать бы мнѣ вторично Сибири.

Дружба Кеннана проявилась и въ томъ, что онъ предложилъ мнѣ сотрудничать въ «The Century Magazine», при чемъ брался безвозмездно переводить мои статьи на англійскій языкъ. Я и хотѣлъ воспользоваться этимъ въпольѣ дружескимъ и крайне важнымъ для меня предложеніемъ, но арестъ не позволилъ мнѣ сдѣлать это.

Перехожу къ обыску. Помимо печатныхъ оттисковъ статей Кеннана, найдены были переводы ихъ, чѣмъ занималась жена. У нея же отобрали прибрѣтенную въ одномъ изъ московскихъ книжныхъ магазиновъ книгу Леруа-Болле «L'Empire des Tsars et les Russes». Одну главу изъ этой книги, относящуюся къ Сибири, перевелъ я, остальные переводила жена. Все это забрали. Наконецъ, у меня нашли матеріалы по устройству вечера въ пользу литературнаго фонда. Они то и послужили къ сочиненію Дудкинѣмъ высоко-комичнаго «дѣла», о которомъ въ свое время я писалъ въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ»¹⁾. Жандармскій полковникъ лелѣялъ мечту, что оно, это избрѣтенное имъ «дѣло», сулитъ главному дѣйствующему лицу, быть можетъ, каторгу, а остальнымъ—ссылку на поселеніе или, во всякомъ случаѣ, административную ссылку въ Сибирь. Но вышло нѣсколько иначе. Если Дудкинъ и добился, что Зайцевскаго ни-за-что—ни-про-что выслали на пять лѣтъ въ Восточную Сибирь²⁾, то для меня дѣло закончилось гласнымъ надзоромъ въ Орлѣ же.

Долженъ однако признаться, что когда опять, ровно черезъ десять лѣтъ послѣ перваго ареста, захлопнулась за мною дверь камеры, меня охватило тяжелое чувство. Быть можетъ оно вызывалось и тѣмъ, что за нѣсколько дней до ареста я былъ охваченъ горемъ, которое пережила вся мыслящая Россія: 28 апрѣля 1889 г. скончался великій русскій сатирикъ, Михаилъ Евграфовичъ Салтыковъ-Щедринъ. Съ трудомъ удалось мѣстной интеллигенціи отслужить по писателѣ панихиду, на которой, въ качествѣ соглядатаевъ, Дудкинъ прислалъ нѣсколько нижнихъ жандармскихъ чиновъ. Казалось, что служилась панихида не только по Щедринѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и по русскому слову, русской мысли, русской общественности. Въ могилу сошелъ бичъ по-

¹⁾ № 22 за 1910 г.: какъ я поплатился за устройство вечера въ пользу «Литературнаго фонда».

²⁾ 11. 1 р. Зайцевскій умеръ въ 1895 г. въ Смоленскѣ. *Ред.*

лицейско-бюрократическаго строя, мощное перо котораго заставляло трепетать насильниковъ и проходимцевъ, властвовавшихъ надъ измученною страню. И некому, думалось, теперь защитить ее... Жандармы, казалось, злорадно улыбались... Оставался еще одинъ геніальный и въ то же время грозный русскій писатель — гр. Л. Н. Толстой. Но носились опредѣленные слухи, что Побѣдоносцевъ ждетъ не дожидается, когда, наконецъ, возможно будетъ избавиться и отъ него. Говорили, что лишь «боязнь передъ Европою» ограждала Л. Н. отъ ссылки. Россійскій Торквемада еще въ самомъ началѣ 80-годовъ точилъ на него зубъ, когда гр. Толстой обратился къ верховной власти съ письмомъ о помилованіи участниковъ событія 1-го марта. А что писатели вообще не гарантированы были отъ административной ссылки за дѣйствіе только словомъ, тому доказательствомъ служить ostracismъ 54-хъ лѣтней извѣстной писательницы М. К. Цебриковой, за обнаруженіе въ 1889 г. весьма корректнаго открытаго письма съ совѣтомъ объ улучшеніи государственнаго строя. Помимо такого рода тяжелыхъ мыслей, въ моемъ настроеніи немалое значеніе имѣли, конечно, и годы. Впервые я былъ ввергнутъ въ тюрьму почти юношей, а теперь мнѣ исполнилось уже тридцать четыре года. Къ этому прибавилось еще чувство досады, что арестованъ я ни-за-что—ни-про-что. Наконецъ, третье и самое ужасное чувство, охватившее меня, это было чувство безпомощности. Мракъ реакціи былъ такъ безпросвѣтенъ, произволь такъ ужасенъ, что терялась вѣра въ самое элементарное правосудіе, и мучила мысль о возможности вторичной ссылки, уже безъ всякаго основанія, и о полной необезпеченности всего семейства. «Что будетъ дѣлать мой вѣрный другъ, моя дорогая жена?» — терзался я вопросомъ. Но первое же свиданіе съ Валеріей Николаевной не только успокоило, но окрылило меня. Подавивъ горе, затаивъ муки, она, бодрая и веселая, явилась ко мнѣ въ сопровожденіи адъютанта Дудкина, молодого жандармскаго офицера Кравченко, не безъ гордости, къ слову сказать, заявившаго, что онъ—родственникъ извѣстныхъ князей П. А. и А. А. Кропоткиныхъ, изъ которыхъ Алексѣй Александровичъ былъ со мною въ ссылкѣ въ Минусинскѣ, и о немъ я довольно подробно писалъ въ I части воспоминаній.

Жена немедленно стала утѣшать и ободрять меня. «Боже мой,—при этомъ думалъ я,—что бы было при такихъ условіяхъ съ женою-мѣщанкою (конечно—не по происхожденію, а по внутреннему содержанію), съ женою-обывательницею! Сцены, жалобы на судьбу,—какъ жить? что дѣлать?». Но ничего подобнаго не

было съ Валерією Николаевною. Свое экономическое положеніе она представляла въ блестящемъ состояніи. Въ доказательство принесла мнѣ, помимо предметовъ первой необходимости, еще и много лакомствъ. И въ теченіе всѣхъ 9-ти мѣсяцевъ моего заточенія я не только ни въ чемъ не нуждался, но всего, что дозволялось имѣть въ тюрьмѣ, было у меня въ изобиліи. Валерія Николаевна снабжала меня и книгами. Наконецъ, въ одно изъ свиданій, она сказала: «помни, мой другъ, что какая бы ни постигла тебя судьба—я, какъ и раньше, раздѣлю ее съ тобою и уѣду, если нужно будетъ, туда, куда тебя пошлютъ».—А семья?—спросилъ я, еле сдерживая слезы благодарности.—«Какъ-нибудь устроимся,—вѣдь жили-же какъ-то до сихъ поръ». Словомъ, жена опять и опять являлась для меня ангеломъ-хранителемъ, моею отрадою и незыблемою поддержкой. Только по выходѣ изъ тюрьмы узналъ я, что, во-первыхъ, по ея письму, мнѣ высланъ былъ авансъ изъ «Русскихъ Вѣдомостей», а во-вторыхъ, и это главное,—Валерія Николаевна, получая тайно сдѣльную работу изъ статистическаго бюро, трудилась отъ зари до зари, чтобы обставить мою тюремную жизнь всѣми возможными удобствами. Я сказалъ, что жена получала работу «тайно». Почему?—можетъ возникнуть вопросъ у лицъ, не переживавшихъ 80-хъ годовъ—вѣдь она же не совершила никакого преступленія? Да, но это взглядъ европейскій, а у насъ руководствовались азіатскими обычаями: если даже неосновательно обвиняютъ кого-либо въ государственномъ преступленіи, то отвѣчаетъ не только онъ самъ, но и всѣ родственники и даже знакомые. Поэтому статистическое бюро подлѣ страхомъ большихъ непріятностей, включая закрытіе, не имѣло права «женѣ преступника» давать работу.

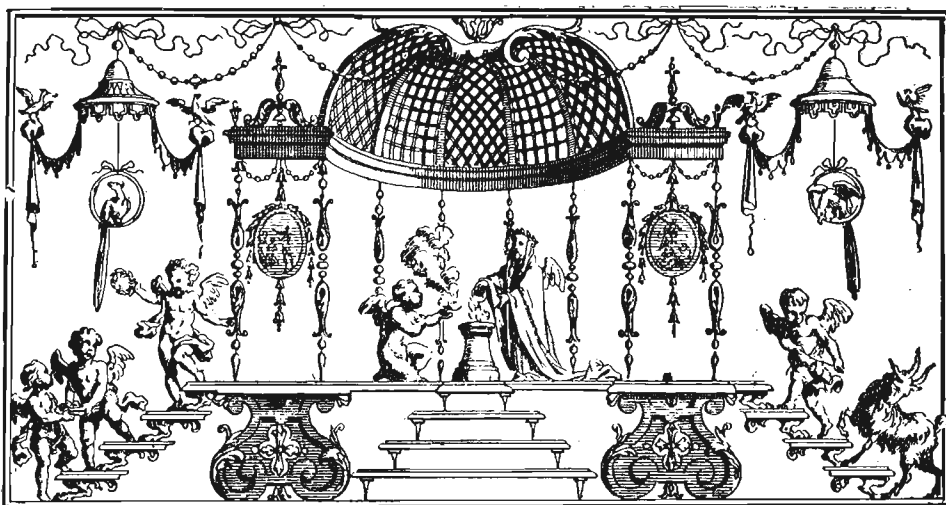
Дико, но это фактъ. Противовѣсомъ такой дикости, граничащей со звѣрствомъ, была тайная, но упорная оппозиція со стороны общества, изобрѣтавшего всѣ способы, чтобы бороться со свирѣпостью административной оргіи. Между прочимъ мои знакомые нерѣдко присылали черезъ жену все, что только принималось въ тюрьмѣ. Благодаря всему сказанному, я безъ труда перенесъ 9-ти-мѣсячное одиночное заключеніе.

Вышелъ я изъ тюрьмы въ декабрѣ 1889 г., какъ разъ наканунѣ окончанія 80-хъ годовъ. Въ теченіе всей жизни я не переживалъ болѣе томительнаго, сѣраго, пошлаго и жестокаго періода. Онъ былъ крестомъ для 60-хъ и 70-хъ годовъ. Все думающее, мыслящее, стремившееся къ свѣту, истинѣ, знанію—все это было загнано въ подполье. На поверхности царили ничтожные, жалкіе «чеховскіе» типы, принижавшіе и осквернявшіе всѣ высокіе мечты и идеалы, къ которымъ только прикасались. Пресса

была окончательно придушена. Царили лишь три газеты: «Московскія Вѣдомости» Каткова, «Кіевлянинъ» Шульгина и «Южный Край» Іозефовича. Въ обѣихъ столицахъ нашихъ нерѣдко бывали реакціонные органы. Что же касается провинціи, то пресса ея всегда была оппозиціонная, протестовавшая [даже изъ-подъ самыхъ жестокихъ цензурскихъ тисковъ. Поэтому «Кіевлянинъ» и «Южный Край» являлись исключеніемъ. Нѣтъ ничего удивительнаго, что поскольку лѣляла ихъ реакція, постольку презирало общество. Но ловкіе дѣльцы и ренегаты, не имѣвшіе никакихъ взглядовъ, пользовались благопріятнымъ моментомъ и энергично ловили рыбу въ мутной водѣ, набивая карманы и строя дома. Если бы какимъ-либо образомъ измѣнился режимъ и явился спросъ не только на либерализмъ, но на социализмъ, даже, пожалуй, на анархизмъ, съ солиднымъ, конечно, доходомъ отъ перемѣны курса, они, конечно, немедленно продали бы свои перья и перемѣнили бѣлыя одежды даже на ярко-красныя. Въ то же время подавляющее большинство провинціальной прессы, стремившееся бороться съ мрачною реакціею, желавшее отстоять права человѣка и гражданина, не гнувшее спины и не лакействовавшее—влачило жалкое существованіе, вѣчно находясь подъ дамокловымъ мечомъ цензуры, губернаторовъ, вице-губернаторовъ и всѣхъ вообще властей духовныхъ и свѣтскихъ.

И все это вмѣстѣ взятое, т.-е. гнетъ, произволъ, беззаконіе, закрѣпощеніе народа и т. д.—назвали потомъ «умиротвореніемъ» страны. Къ «миротворческимъ актамъ, вѣроятно, относили возвращеніе въ 1883 году и поселеніе въ Астрахани знаменитаго русскаго писателя Н. Г. Чернышевскаго, пригвореннаго въ 1864 г. къ семилѣтнимъ каторжнымъ работамъ послѣ двухлѣтняго предварительнаго заключенія въ Петропавлевской крѣпости, да представленіе права въ 1888 г. эмигранту, участнику событій 1-го марта, Льву Тихомирову, возвратиться въ Россію послѣ того, какъ вышла въ свѣтъ на русскомъ и французскомъ языкахъ его брошюра «Почему я пересталъ быть революціонеромъ». Нужно ли послѣ этого говорить, что «умиротвореніе» была одна фикція. Но, какъ рѣка, задержанная въ своемъ теченіи или разливаясь, или ищетъ иныхъ ходовъ, такъ и жизнь многомилліоннаго народа не могла быть обращена въ вѣчное прозябаніе. Я уже говорилъ, что все протестующее ушло въ подполье.

И. П. Бѣлоконскій.

Духоборы въ Якутской области (1897—1905 г.).

Эта, еще совсѣмъ недавняя, страница во «внѣшней исторіи» русскаго гонимаго сектантства даетъ возможность наглядно познакомиться съ тою системой репрессій, путемъ которой надѣялись побороть духоборческое движеніе. Какъ извѣстно, духоборы были сначала насильственно водворены въ Закавказьѣ. Затѣмъ, доказавъ на военной службѣ и въ дисциплинарныхъ батальонахъ свою полную неискоренимость, духоборы, во имя все той же «государственной идеи», должны были отправиться этапнымъ порядкомъ со стариками родителями, женами и дѣтьми въ «приполярную окраину» (какъ называютъ они Якутскую область въ своихъ прошеніяхъ на Высочайшее имя). Здѣсь имъ предстояло пробыть 18 лѣтъ и въ качествѣ вынужденныхъ колонистовъ пропагандировать среди мѣстнаго населенія (тунгусы и якуты)—«раціональные приемы земледѣлія».

Въ августѣ мѣсяцѣ 1896 г. министръ внутреннихъ дѣлъ Горемыкинъ и военный министръ Ванновскій во всеподданнѣйшемъ докладѣ испрашивали соизволеніе на высылку духоборовъ въ административномъ порядкѣ въ Сибирь: «въ минувшемъ году —говорилось въ докладѣ—среди духоборовъ и послѣдователей нѣкоторыхъ другихъ, такъ называемыхъ, раціоналистическихъ сектъ, возникло движеніе, выразившееся въ отказахъ, подъ предлогомъ религіозныхъ воззрѣній, отъ исполненія воинской повинности во всѣхъ ея видахъ, вслѣдствіе чего многіе изъ означенныхъ сектантовъ по приговорамъ Военныхъ Судовъ присуждены къ отдачѣ въ дисциплинарные батальоны. *По имѣющимся, однако, свѣдѣніямъ наказаніе это не достигаетъ своей цѣли, такъ какъ*

упомянутые сектанты, состоя въ дисциплинарныхъ батальонахъ, продолжаютъ упорно отказываться отъ исполненія всякихъ требованій начальства, а если и подчиняются затѣмъ извѣстнымъ требованіямъ, то лишь уступая силѣ, а не по собственному убѣжденію.

При наличности такихъ условій, пребываніе сектантовъ въ дисциплинарныхъ батальонахъ, создавая серьезныя затрудненія для военнаго начальства, *можетъ оказать весьма вредное вліяніе* на поддержаніе столь необходимой въ этихъ воинскихъ частяхъ дисциплины. Изыскивая наиболѣе подходящій исходъ изъ такого нежелательнаго положенія вещей, Министерство Внутреннихъ Дѣлъ остановилось на мысли о замѣнѣ нынѣ практикуемаго порядка преслѣдованія сектантовъ, отказывающихся отъ исполненія воинской повинности, высылкою ихъ административнымъ порядкомъ въ отдаленныя мѣстности Имперіи, напримѣръ, въ Якутскую область, подъ надзоръ полиціи. Военный министръ, со своей стороны, признавая проектируемую мѣру вполне цѣлесообразной, находитъ, что, несмотря на достигнутые результаты, примѣняемые нынѣ относительно нижнихъ чиновъ духоборовъ мѣры, представляются вообще нежелательными, *тѣмъ болѣе, что, въ концѣ-концовъ, при закоренѣломъ упорствѣ сектантовъ,—эти мѣры могутъ оказаться вполне не достигающими своей цѣли, а примѣняющее ихъ начальство—безсильнымъ поборотъ заблужденія неповинующихся*, что несомнѣнно можетъ подать поводъ другимъ сектантамъ поступать такъ же, какъ и ихъ предшественники, а на остальныхъ нижнихъ чиновъ имѣть дурное вліяніе. Далѣе, находя, что въ интересахъ военнаго вѣдомства, желательно освободиться отъ сектантовъ, которые, за полнымъ отказомъ нести военную службу, становятся для вѣдомства лишнимъ бременемъ, ген.-адъютантъ Ванновскій, относительно срока проектируемой ссылки, полагаетъ, что срокъ таковой, для достиженія желательнаго результата, долженъ соответствовать не только сроку дѣйствительной службы нижнихъ чиновъ подъ знаменами, но и сроку пребыванія ихъ въ запасѣ, т.-е. 18 годамъ, ибо, въ противномъ случаѣ, ссылка на менѣе продолжительный срокъ можетъ послужить лишь поводомъ къ уклоненію отъ воинской повинности. Министръ юстиціи, со своей стороны, не встрѣчаетъ препятствій къ осуществленію вышеуказанныхъ предположеній. Въ виду сего представляется вполне цѣлесообразнымъ духоборцевъ и другихъ сектантовъ, находящихся нынѣ за отказъ нести военную службу въ дисциплинарныхъ батальонахъ, и не подающихъ надежды на исправленіе, и также тѣхъ, которые при послѣдующихъ призывахъ къ исполненію воинской повинности откажутся по тѣмъ же причинамъ отъ исполненія таковой подѣ

знаменами или въ запасѣ, высылать въ административномъ порядкѣ подъ надзоръ полиціи въ Якутскую область на полный срокъ ихъ службы, т.-е. на 18 лѣтъ, безъ права отлучки въ теченіе этого времени изъ предѣловъ области».

Коллективный доклад министровъ 5 августа 1896 года получилъ Высочайшее утвержденіе.

Департаментъ полиціи въ разъясненіе порядка примѣненія Высочайшаго повелѣнія «5-го августа 1896 г.» и по соглашенію съ военнымъ министромъ циркулярно увѣдомилъ губернаторовъ, что «упомянутое Высочайшее повелѣніе относится только до тѣхъ нижнихъ чиновъ, которые, по принятіи военнымъ вѣдомствомъ всѣхъ мѣръ къ вразумленію, не будутъ подавать надежды на исправленіе. Слѣдовательно, эта мѣра никоимъ образомъ не можетъ быть примѣнена къ новобранцамъ, которые при призывѣ заявляютъ о нежеланіи отбывать воинскую повинность, и такихъ слѣдуетъ, несмотря на ихъ заявленіе, принимать на службу и зачислять въ части войскъ, и только въ послѣдствіи сектанты эти, при извѣстныхъ условіяхъ, могутъ быть представлены войсковымъ начальствомъ къ высылкѣ въ Якутскую область».

Озабочиваясь устройствомъ духоборовъ въ новомъ мѣстѣ ихъ ссылки и желая имѣть въ своемъ распоряженіи необходимыя предварительныя свѣдѣнія, иркутскій генералъ-губернаторъ Горемыкинъ, въ сентябрѣ 1896 г., обратился къ якутскому губернатору Скрыпицину съ предложеніемъ произвести изслѣдованіе мѣстностей по р.р. Алдану и Маѣ, «какъ пригодныхъ для хлѣбопашества, на предметъ поселенія тамъ ссыльныхъ духоборовъ».

Якутскій окружной исправникъ представилъ по этому поводу докладъ въ областное правленіе, въ которомъ, между прочимъ, говорить: «Берега Алдана» заселены исключительно якутами, занимающимися, главнымъ образомъ, скотоводствомъ. Опыты земледѣлія, производимые причтами церквей, нѣкоторыми ссыльными и немногими якутами, столь незначительны, что не даютъ еще матеріала для заключеній о степени пригодности этихъ районовъ для земледѣльческой культуры. Слѣдуетъ упомянуть, что въ 180 верстахъ отъ устья Маи, вверхъ по Алдану, въ урочищѣ *Белькеча* были поселены 9 скопческихъ семействъ¹⁾, которыя

¹⁾ Единичная ссылка въ Якутскую область началась съ 1705 года, когда сюда были сосланы и поселены по Индигиркѣ астраханскіе стрѣльцы; надо полагать, что единичная ссылка скопцовъ, точно также практиковалась издавна. (Въ 1838 г. въ Якутск. обл. числилось скопцовъ 12 душъ, въ 1849 — 49 душъ). Въ 1860 году министромъ внутреннихъ дѣлъ якутская область была назначена единственнымъ мѣстомъ ссылки для скопцовъ. Къ 1894 г. по официальнымъ даннымъ въ Якутской обл. насчитывалось до 1322 скопцовъ обоего пола (776 мужч., 563 женщины), разселенныхъ въ трехъ округахъ (Якутскомъ, Вилюйскомъ и Олекминскомъ) и составлявшихъ 11 селеній.

построили русскія избы и, не безъ успѣха, занимались земледѣліемъ, но впослѣдствіи все-таки исходатайствовали разрѣшеніе переселиться въ сел. Мархинское Якутскаго округа. По берегамъ р. Май, какъ на мѣста болѣе или менѣе пригодныя для земледѣлія или скотоводства, можно указать лишь на нѣкоторыя станціи Аянскаго тракта». Всѣ эти свѣдѣнія были сообщены иркутскому ген.-губернатору.

Ссылка духоборовъ на крайній сѣверо-востокъ Сибири, съ точки зрѣнія министерства внутреннихъ дѣлъ, наиболѣе удачно разрѣшала вопросъ о прекращеніи «возможности вреднаго вліянія духоборовъ на окружающее населеніе». Но иркутскій ген.-губернаторъ, въ свою очередь, долженъ былъ озаботиться тѣмъ, чтобы даже въ Якутской области ссыльные сектанты находились въ наиболѣе изолированномъ положеніи.

... «Обсуждая способы исполненія Высочайшаго повелѣнія 5 августа 1896 года, *безъ вреда для коренного населенія области*», писалъ онъ якутскому губернатору, «я не могъ не принять во вниманіе, что *водвореніе сектантовъ въ якутскихъ поселеніяхъ можетъ повести къ пагубнымъ послѣдствіямъ*. Крайне неразвитые и неустойчивые въ своихъ понятіяхъ якуты легко могутъ поддаться вреднымъ внушеніямъ сектантовъ по вопросамъ, доступнымъ ихъ пониманію, каковымъ является вопросъ объ отбываніи воинской повинности, отъ которой якуты пока свободны. Настанетъ, однако, время, когда съ развитіемъ въ гражданскомъ и экономическомъ отношеніяхъ возникнетъ вопросъ о привлеченіи якутовъ къ исполненію означенной повинности, и очень можетъ случиться, что къ тому времени якуты, подъ вліяніемъ сектантовъ, усвоятъ убѣжденіе, что отбываніе воинской повинности является дѣломъ, противнымъ совѣсти и долгу христіанскому. Въ этихъ соображеніяхъ, я призналъ цѣлесообразнымъ водворять духоборцевъ и другихъ сектантовъ *отдѣльными поселеніями* по рр. Маѣ и Алдану, гдѣ, по имѣющимся у меня свѣдѣніямъ, есть мѣста, пригодныя для хлѣбопашества. При этомъ я также имѣлъ въ виду, что сектанты, отличающіеся вообще трудолюбіемъ и трезвостью, могутъ принести существенную пользу для области развитіемъ хлѣбопашества и сельскаго хозяйства. Принявъ за симъ во вниманіе, что при тяжелыхъ условіяхъ земледѣльческаго труда въ Якутской области, въ особенности на новыхъ, или давно оставленныхъ мѣстахъ, сектанты стануть переходить изъ мѣста водворенія въ города, для болѣе легкихъ заработковъ, или, еще хуже, на золотые пріиски, гдѣ найдутъ благопріятную почву для зловреднаго своего ученія о грѣховности отбыванія воинской повинности, — ученія столь понятнаго и заманчиваго для самыхъ неразви-

тыхъ умовъ,—я признаю необходимымъ воспретить духоборамъ и другимъ сектантамъ, подобно скопцамъ, всякія отлучки изъ мѣста водворенія, на что, какъ изволите видѣть изъ предложенія моего отъ 20 марта 1897 года, послѣдовало Высочайшее соизволеніе».

Въ декабрѣ 1896 г. двинулась первая партія духоборовъ изъ Терской области. За отказъ нести воинскую службу, они содержались въ Екатериноградскомъ дисциплинарномъ батальонѣ¹⁾.

Устройство партіи на мѣстѣ въ Якутской области было поручено губернаторомъ чиновнику Кондакову. Изъ полицейскаго правленія, кромѣ собственныхъ денегъ духоборовъ, ихъ было 945 руб. 13 к.,²⁾ ему были выданы кормовыя деньги на 31 человѣка (по 1 января 1898 года). «Деньги эти должны служить единственнымъ средствомъ для пріобрѣтенія ими необходимой одежды, инструментовъ и припасовъ для продовольствія и обѣмненія полей», писалъ губернаторъ въ своей инструкціи Кондакову. «Партія отправляется подъ конвоемъ 2 казаковъ основывать новое поселеніе при устьѣ Ноторы». 3-го сентября Кондаковъ принялъ въ Якутскомъ тюремномъ замкѣ партію духоборовъ изъ 30 человѣкъ. Закупокъ въ общей сложности было сдѣлано на 1345 руб. 19 коп. (на собственные и кормовыя деньги).

Въ путь партія тронулась 6-го сентября. Ъли въ 12 часовъ дня хлѣбъ съ солью, а вечеромъ на стоянкѣ лапшу, изрѣдка картофель или кашу, иногда инородцы давали бесплатно молоко. *Чаю по бѣдности не имѣли.* Шли въ распутицу среди непрерывныхъ дождей. Наибольшія трудности пришлось испытать 16-го сентября, на пути между станціями Мачылахской и Хатыгнахской, гдѣ на разстояніи въ 31 версту была сплошная грязь; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ пришлось буквально идти по колѣно въ ледяной водѣ и грязи. *Громадныя кочки не давали возможности быкамъ везти телеги, и духоборамъ приходилось нести ихъ, приподнявъ на рукахъ.* Въ ночь на 17-е наступилъ сильный холодъ, выпала «крупа». Пріобрѣли напрокатъ 2 лодки вмѣстимостью до 500 пуд.; *у скопцовъ купить на наличныя деньги стѣмянной запасъ оказалось невозможнымъ,* такъ какъ на одежду, инструменты и жизненные припасы было израсходовано 1335 рублей, а оставшіеся 13 руб. 19 коп. истрачены на закупку въ скопческихъ селеніяхъ

¹⁾ Первую партію ссыльныхъ предполагалось поселить близости къ Шелкер-ву въ урочищѣ «Холботто».

²⁾ Не надо забывать, что духоборы полные вегетаріанцы. Подобное воздержаніе особенно трудно исполнимо въ Якутской области, гдѣ огородничество только теперь принимаетъ болѣе или менѣе широкіе размѣры, и гдѣ пудъ картофеля въ настоящее время стоитъ 2 рубля.

необходимыхъ хозяйственныхъ мелочей (нити, иголки, платки и т. п.). Къ моменту отправки изъ Усть-Май у духоборовъ было: 1100 штукъ луку, 4 пуд. 15 фун. капусты, 3 пуд. 35 фун. гороху, 16 пуд. ячной крупы, $10\frac{1}{2}$ пуд. картофеля, около 7 пуд. масла, 2 пуда пшеничной муки. Для пропитанія 30 человѣкъ, и при томъ до весны, это количество не могло быть достаточно, и, по существу своему, не могло быть пищей, а только *приправой* къ единственной ѣдѣ духоборовъ—хлѣбу. Норму потребленія хлѣба на человѣка духоборы считаютъ $2\frac{1}{2}$ фун., и запасъ въ 400 пуд. могъ хватить только до конца апрѣля; послѣ долгихъ торговъ купили у скопцовъ муки по 1 р. 50 к. за пудъ. Къ утру 23-го сентября вся погрузка была кончена и въ 11 часовъ утра партія тронулась изъ селенія Петропавловскаго. Поселить духоборовъ при устьѣ Ноторы оказалось невозможнымъ. Мѣстность эта сплошь заливная; она покрыта кочками и смѣшаннымъ лѣсомъ и для поселенія, а тѣмъ болѣе для хлѣбопашества, совершенно непригодна. Поэтому духоборы были водворены въ 4-хъ верстахъ отъ устья вверхъ по теченію, по лѣвому берегу Ноторы. По прибытіи на мѣсто, духоборы немедленно принялись за работу. Приобрѣтенный духоборами, имѣвшійся на мѣстѣ, жилой срубъ съ хотономъ (помѣщеніе для скота), оказался требующимъ ремонта и перестройки; сначала углубили земляной полъ и укрѣпили подпорками потолокъ; хотонъ обмазали глиной, устроили завалину, почти во всю его высоту, и обсыпали кругомъ стѣны и крышу чуть не на аршинъ землею и глиной. Кромѣ того, рѣшено было къ срубъ сдѣлать пристройку полусрубомъ, которая служила бы сѣнями и кладовой. При этомъ соблюдалось идеальное раздѣленіе труда. Матеріалы, бревна, камни и т. п. приходилось таскать на большомъ разстояніи на себѣ (около версты). *Тунгусы приходили смотреть на ихъ работу, поражались ея энергіей и быстротой и для облегченія труда безвозмездно предложили на время до весны одного быка съ достаточнымъ запасомъ сѣна.* Закончивъ амбаръ, духоборы намѣрены были строить баню и навѣсъ, гдѣ можно было бы варить пищу на такую большую артель. Съ 26 по 30 сентября чиновникъ Кондаковъ съ 4 выборными отъ тунгусовъ и духоборовъ былъ занятъ осмотромъ мѣстности. Для хлѣбопашества и сѣнокоса выбрали площадь по обоимъ берегамъ Ноторы 35 десятинъ, и до 500 десятинъ покосу, на которомъ тунгусы ставили до 400 воезовъ, выкашивая не всю площадь. 4-го октября Кондаковъ уѣхалъ обратно въ Якутскъ, поручивъ тунгусскому старостѣ наблюдать за духоборами, которые сами обѣщали не нарушать своего обѣщанія объ отлучкахъ. Для леченія духоборамъ были оставлены безвредныя лекарства: хина, антифибринъ, карболка, іодъ,

сода, винно-каменная кислота, липкій пластырь и т. д. Въ заключеніе Кондаковъ продиктовалъ имъ нѣсколько общеупотребительныхъ якутскихъ словъ. На прощаніе духоборы просили передать губернатору, что, такъ какъ они не въ состояніи обзавестись собственнымъ инвентаремъ, то желали бы получить отъ казны 3 сохи, 3 бороны, 15 литовокъ, 2 отбоя, 2 молотка, 2 бруска, 6 лошадей, 4 коровы, 50 пудовъ ядрицы, 20 пуд. ржи озимой, 50 ячменя (все для посѣва). Затѣмъ они просили губернатора разрѣшить имъ отлучки въ городъ Якутскъ по хозяйственнымъ надобностямъ по одному или по два человѣка. И, наконецъ, разрѣшить имъ отлучки, хотя бы и подъ наблюденіемъ, въ Петропавловское и Троицкое селенія для работы по найму у скопцовъ.

Признавая, со своей стороны, что указанные ходатайства духоборовъ заслуживаютъ уваженія, Кондаковъ въ заключительной части своего доклада губернатору пишетъ: «По всѣмъ тѣмъ даннымъ, какія встрѣчаются въ литературѣ о духоборахъ, можно предполагать, что устройство духоборческаго поселка создастъ въ предѣлахъ области новый крупный и прочный центръ земледѣлія, предназначенный въ ближайшемъ будущемъ стать до сихъ поръ небывалымъ разсадникомъ культуры. *Прочный*, потому что и сами духоборы, сосланные сюда на 18 лѣтъ, едва ли захотятъ впослѣдствіи уходить съ насиженныхъ мѣстъ, тѣмъ болѣе, что они намѣрены немедленно выписать сюда свои семьи. За 18 лѣтъ ими будетъ здѣсь выращено *цѣлое поколѣніе, для котораго Якутская область будетъ уже родиной и утратить всѣ непріятныя стороны ссылки* (курсивъ мой А. И.). Въ ближайшемъ будущемъ сюда должны притти крупныя партіи такихъ же ссыльныхъ духоборовъ; *небывалый* потому, что такого, какъ бы специально созданнаго для практической пропаганды земледѣлія, трезваго, честнаго (по сравненію съ уголовными ссыльными) и трудолюбиваго колонизаціоннаго элемента, Якутская область еще не знала; лучшими колонизаторами здѣсь до сихъ поръ считались скопцы, но при всѣхъ своихъ достоинствахъ, они имѣютъ и свои крупныя недостатки. Это, прежде всего, сильно развитыя инстинкты кулачества, крайняя склонность къ торговлѣ, презрительно-высокомѣрное отношеніе къ якутской массѣ. Эти именно качества скопцовъ перекрывали собою результаты выгоды земледѣлія; на скопцахъ не видно, что они получили отъ земли и что отъ кулачества. Давая примѣръ для подражанія своимъ хозяйствомъ, они въ значительной мѣрѣ сами же отнимали у окружающихъ средства послѣдовать ихъ примѣру своимъ кулачествомъ. Результаты ихъ вліянія были бы совершенно иные, если бы не было налицо этихъ отрицательныхъ чертъ. Совершенно

другіе люди духоборы: они фанатики личнаго труда и земледѣльцы до мозга костей, а артельное веденіе хозяйства даетъ имъ возможность обходиться безъ сомнительныхъ способовъ пріобрѣтенія»...

Якутскій Областной Совѣтъ 16 декабря 1897 г. постановилъ: ходатайство духоборовъ о ссудѣ имъ инструментовъ, въ видѣ денежнаго пособія въ суммѣ 600 руб., признать заслуживающимъ удовлетворенія, и выдать эти деньги изъ суммы «на поощреніе нѣкоторыхъ отраслей сельскаго хозяйства, состоящихъ въ депозитахъ губернатора» съ условіемъ постепеннаго возврата.

На слѣдующій годъ якутскій окружной исправникъ Поповъ совершилъ поѣздку по Алдану съ цѣлью пріисканія мѣстъ, годныхъ подъ будущія поселенія сектантовъ и вообще ссыльныхъ. Попутно онъ посѣтилъ и Ноторское поселеніе и слѣдующимъ образомъ резюмируетъ свои впечатлѣнія:

«Поселенные на Ноторѣ въ сентябрѣ минувшаго года, духоборы (32 чел.) перезимовали въ юртѣ, купленной ими у тунгусовъ рыболововъ, приспособивъ подъ спальное помѣщеніе хлѣвъ, примыкавшій къ юртѣ. Въ спальнѣ они поставили большую битую изъ земли кухонную печь, въ которой пекутъ хлѣбъ; она же служить и для согрѣванія помѣщенія, для вентиляціи и освѣщенія. Въ юртѣ помѣщаются мастерскія,—столярная, портняжная и сапожная; здѣсь же отправляется общая молитва. Къ юртѣ со стороны входа пристроены 3 стѣны, образовавшія большія сѣни. Тутъ хранится все имущество духоборовъ, начиная *отъ продуктовъ и кончая различными зимними принадлежностями платья*. Однако всюду все въ полномъ порядкѣ. За сѣнями слѣдуетъ большой навѣсъ на 8 столбахъ, гдѣ помѣщается разборный ящикъ для храненія муки, а также 2 стола для общей трапезы. Передъ домомъ небольшой сарай—лѣтняя кухня для варки чаю, каши и прочаго. Невдалекѣ баня, три стѣны которой врыты въ землю, съ сѣнцами и *каменкой*. Кромѣ жилыхъ и другихъ построекъ духоборы за зиму сработали: необходимую мебель, 2 огромныхъ ларя для муки и картофеля изъ скопческихъ селеній; вывезли изъ лѣсу зимой сосновыхъ бревенъ и наготовили тесу, плахъ, брусевъ, рѣшетинъ для постройки новаго дома; выкопали подполье для дома въ 8 сажень длины и 3 сажени ширины; сшили платье, бѣлье и обувь на большую половину людей. Позднѣе, въ 5 верстахъ выше по Ноторѣ порубили и наготовили на берегу сосновыхъ бревенъ для новаго дома и, когда Нотора разыгралась, сплотили ихъ и сплывили подъ самое селеніе.... Теперь съ прібытіемъ новыхъ 40 человѣкъ (въ томъ числѣ 2 семейныхъ), домъ будетъ увеличенъ до 13/5 сажень. Прибывъ на Нотору 10 іюня, я засталъ слѣдующую картину: 20 человѣкъ духо-

боровъ стояли на расчисткѣ неподалеку отъ дома, 2 человѣка пилили бревна, 2 пахали пары, 1 кашеварилъ, 2 больныхъ и 5 человѣкъ на работѣ въ Троицкомъ скопческомъ селеніи. Въ числѣ отведенной духоборамъ земли, чистой, годной подъ хлѣбопашество очень мало, поэтому посѣвы ихъ будутъ расширяться путемъ расчистокъ. Лѣсу для этого много, но онъ крупенъ и требуетъ большой борьбы. Однако такая молодая, сплоченая и сильная семья, какъ духоборы, въ состояніи будетъ справиться съ этимъ препятствіемъ, въ особенности, если хлѣбъ будетъ родиться. Посѣвъ, сдѣланный духоборами въ нынѣшнее лѣто, самый ничтожный, всего около $\frac{1}{2}$ десятины; по случаю поздняго прибытія осенью прошлаго года на Нѣтору, уже по снѣгу, они не успѣли приготовить земли для посѣва, а воспользовались маленькимъ чистымъ полемъ; въ видѣ опыта вспахали его весною и посѣяли до 5 пудовъ ядрицы. Такимъ образомъ, до урожая будущаго лѣта, духоборы должны будутъ продовольствоваться покупнымъ хлѣбомъ изъ скопческихъ селеній. Между тѣмъ скопцы при отсутствіи конкуренціи устанавливаютъ произвольныя цѣны на хлѣбъ, малодоступныя для духоборовъ, которые только и кормятся имъ однимъ. Кромѣ хлѣба, духоборамъ нужна крупа на кашу, масло и картофель. Послѣдняго они посѣяли нѣсколько пудовъ на земляхъ у скопцовъ, купивъ у нихъ же сѣмена. Рабочаго скота у духоборовъ было сначала 3, а потомъ 5 лошадей. Коровами, по отсутствію женщинъ, не обзаводились совсѣмъ. Молоко и масло они покупаютъ у сосѣднихъ тунгусовъ, что обходится не дешево. Въ Алданѣ, и даже въ Нѣторѣ, столько рыбы, что духоборы могли бы кормиться ею цѣлый годъ, но изъ 32 человѣкъ только 3 ѣдятъ рыбу. Во всемъ хозяйственность, порядокъ и веселый видъ самихъ духоборовъ производитъ прекрасное впечатлѣніе. Трудолюбіе, трезвость и вообще порядочность, присущія этимъ сектантамъ, служатъ ручательствомъ за то, что Нѣторскій поселокъ можетъ имѣть будущность. Съ окружающимъ населеніемъ (тунгусы Кюнскаго и Эженскаго родовъ) духоборы сохраняютъ добрыя отношенія. На мое убѣжденіе выбрать изъ своей среды старосту или старшину, однимъ словомъ лицо, которое могло бы быть посредникомъ между духоборами и администраціей, для передачи распоряженій, различныхъ свѣдѣній и т. п. они отвѣтили отказомъ, мотивируя это тѣмъ, что подобный выборъ противорѣчитъ правиламъ ихъ секты. Но мнѣ удалось склонить ихъ указать мнѣ на одного изъ товарищей, съ которымъ полиція могла бы сноситься во всѣхъ случаяхъ, касающихся ихъ надобностей. Такимъ посредникомъ избранъ духоборъ Василій Шерстобитовъ, грамотный, ведущій у нихъ вообще всѣ пись-

менные дѣла. Одно изъ неудобствъ новаго поселенія,—это отдаленность отъ населенныхъ пунктовъ: до селенія Усть-Майскаго 150 верстъ, до скопческихъ поселеній Троицкаго и Петропавловскаго 158 верстъ, до Амгинской слободы 315 в., до города Якутска (черезъ Усть-Майское)—500 верстъ. Такимъ образомъ, крайне затруднено сообщеніе съ мѣстами для покупки разныхъ хозяйственныхъ предметовъ, съ пунктами отхожихъ промысловъ, и точно также въ будущемъ крайне неудобно сбыть продукты земледѣлія и скотоводства. Благодаря Алдану, облегчается сообщеніе только съ двумя скопческими селеніями и Усть-Майскимъ. Затруднена также передача различныхъ распоряженій, касающихся духовоборовъ, въ особенности установленный порядокъ отлучекъ на заработки, требующій на каждый отдѣльный случай разрѣшенія Окружной Полиціи.»

По мѣрѣ того, какъ низшая администрація глубже и нагляднѣе знакоилась съ укладомъ жизни духовоборовъ, эти послѣдніе все болѣе и болѣе завоевывали ея симпатіи и уваженіе. Если, такъ называемые, государственные ссыльные ¹⁾ имѣли громадное моральное вліяніе на населеніе и сыграли выдающуюся культурную роль въ дѣлѣ изслѣдованія и просвѣщенія Сибири,—то мѣстное населеніе прекрасно знало, что «судьба» посылаетъ имъ наиболѣе активный элементъ страны. Духоборамъ, фанатикамъ идеи «непротивленія злу», для которыхъ отказъ отъ воинской службы былъ только частнымъ выводомъ изъ ихъ общаго религіознаго міровоззрѣнія, пришлось раздѣлить равную участь съ представителями «Народной Воли». Департаментъ Полиціи изъ Петербурга и генераль губернаторъ изъ Иркутска все время неукоснительно требовали, чтобы ихъ инструкція относительно духовоборовъ соблюдалась самымъ строгимъ и детальнымъ образомъ, чтобы эти послѣдніе жили совершенно изолированно, и чтобы мѣстная полиція слѣдила за каждымъ ихъ шагомъ. Но, если для Петербурга и Иркутска духовоборы были «вреднѣйшей сектой»,—то мѣстная якутская администрація, помимо какихъ-либо гуманныхъ соображеній, должна была считаться съ тѣмъ фактомъ, что на ея отвѣтственности лежитъ предохранить сосланныхъ къ ней сектантовъ отъ голодной смерти. Поставленные въ невозможныя климатическія условія, удаленные отъ человѣческаго жилья, съ ничтожными денежными средствами (кормовыя—въ размѣрѣ «арестантской дачи») духовоборы не могли существовать безъ внѣшней помощи, безъ постороннихъ заработковъ, а «инструкція» приковывала ихъ къ Ноторскому поселенію. Съ другой

¹⁾ Какъ извѣстно въ Якутской области жили еще декабристы.

стороны въ первый же годъ своей ссылки духоборы блестяще зарекомендовали себя въ смыслѣ нравственности и трудоспособности. Въ результатѣ, формальныя соображенія высшей власти, преслѣдовавшей карательныя и предупредительныя цѣли, стали въ неразрѣшимое противорѣчіе съ жизненной необходимостью; одержавъ моральную побѣду надъ мѣстной администраціей, духоборы пріобрѣли себѣ нѣкоторую защиту въ своемъ безправіи, и въ цѣломъ рядѣ конкретныхъ случаевъ (какъ-то право отлучекъ, денежныя ссуды, переселеніе на лучшія мѣста), якутскія власти неизмѣнно высказывались въ ихъ пользу.

Въ январѣ мѣсяцѣ 1899 года ¹⁾ якутскій губернаторъ обратился съ официальной бумагой къ главноначальствующему на Кавказѣ кн. Голицыну, въ которой сообщалъ ему о желательности «предоставленія женамъ духоборовъ возможности прослѣдованія къ мужьямъ на казенный счетъ, особою партіей, отдѣльно отъ уголовныхъ арестантовъ и не одновременно съ ними. «При самомъ водвореніи партіи на Нѣторѣ», пишетъ дальше губернаторъ, «духоборы заявили сопровождавшему ихъ чиновнику Кондакову свое сожалѣніе относительно отсутствія женъ. Дѣйствительно, застройка поселка и хлѣбопашество на мѣстахъ, требующихъ расчистки изъ-подъ лѣса, еще надолго отвлекутъ мужскія силы, между тѣмъ налицо всѣ данныя для успѣха въ огородничествѣ, весьма необходимомъ по самому роду пищи, которой держатся духоборы (не ѣдятъ ни рыбы, ни мяса). Окружному исправнику Попову, бывшему на Нѣторѣ лѣтомъ 1898 г., духоборы повторили свое желаніе устроиться здѣсь съ семьями. Во второй партіи прибыли только двѣ женщины. Духоборы отклонили сопровожденіе женъ, вслѣдствіе трудностей этапнаго передвиженія и *тѣхъ значительныхъ неудобствъ и непріятностей*, которыя, дѣйствительно существуютъ при совмѣстномъ слѣдованіи съ уголовными арестантами, въ большинствѣ въ крайней степени развращенными и опасными. Помимо естественности выраженного желанія жить съ семьями, нельзя не признать, что поселокъ на Нѣторѣ, при наличности этого благопріятнаго условія, способнаго прочно обезпечить земледѣльческій бытъ и осѣдлость духоборовъ, трудолюбіе и выносливость которыхъ внѣ всякихъ сомнѣній можетъ сыграть весьма важную культурную роль для общаго успѣха земледѣлія въ области и наглядно ознакомить сѣверное населеніе съ раціональными пріемами труда на артельныхъ началахъ и болѣе совершенными способами обработки земли для хлѣбопашества». Главноначальствующій гражданскою частью на Кавказѣ г.-л.

¹⁾ Къ 7 февраля 1899 года духоборовъ по донесенію мѣстной полиціи числилось 69 человекъ.

Фрезе «изволилъ признать возможнымъ» разрѣшить 28 духовоборкамъ съ дѣтьми отправиться въ Сибирь изъ Тифлиса до конечной открытой для общественнаго пользованія станціи Сиб. ж. д. на общемъ основаніи съ другими пассажирами по переселенческому тарифу и въ сопровожденіи одного изъ чиновъ тифлисской полиціи. Остающуюся до Якутска часть пути, духовоборки могутъ сдѣлать на казенный счетъ этапнымъ порядкомъ съ образованіемъ изъ нихъ особой отдѣльной партіи.

Къ этому времени относится любопытный документъ, въ которомъ упоминается имя Толстого.

24-го марта 1899 г. иркутскій ген. губ. Горемыкинъ обратился къ иркутск. губ. Моллеріусу со слѣдующей бумагой: «Сегодня я получилъ отъ гр. Льва Николаевича Толстого записку отъ 22-го марта, въ которой онъ сообщаетъ, что 20 марта выѣхали изъ Батума, направляясь въ Якутскую область жены духовоборовъ; онѣ ѣдутъ съ дѣтьми и на свои средства до Александровской тюрьмы ¹⁾. Здѣсь, по словамъ записки гр. Толстого, онѣ намѣрены «арестоваться» для слѣдованія далѣе, изъ чего заключаю, что отъ села Александровскаго до мѣста поселенія духовоборовъ онѣ разсчитываютъ слѣдовать на казенный счетъ, что едва ли правильно. Женщинъ сопровождаетъ врачъ Сокольниковъ ²⁾ якутъ родомъ, получившій назначеніе на врачебный участокъ въ якутской обл. Графъ проситъ, чтобы Сокольниковъ былъ допущенъ слѣдовать вмѣстѣ съ этими женщинами, и чтобы вообще имъ оказана была помощь, въ которой онѣ такъ нуждаются. Передавая В. П. это ходатайство графа Л. Н. Толстого, прошу облегчить, въ чемъ представится возможность, слѣдованіе этихъ семействъ и особенно переѣздъ ихъ въ Якутскую область, если онѣ не имѣютъ права доставки туда на казенный счетъ. О томъ же (поскольку это окажется нужнымъ) я прошу васъ сообщить и як. губ».

Жены и дѣти духовоборовъ и, отправившійся вмѣстѣ съ ними, старикъ Ник. Еф. Чивильдѣевъ (всего 41 чел.), прибывъ въ Иркутскъ, заявили, что въ помощи отъ казны не нуждаются и поѣхали въ Якутскъ на частныя средства. Администрація пароходовъ А. И. Громовой изъявила согласіе безвозмездно перевезти изъ Якутска до Нѣторы всѣхъ духовоборовъ, какъ мужчинъ такъ и женщинъ. Духобору карской области Петру Озерову г.-л. Фрезе не разрѣшилъ сопровождать духовоборокъ.

Ссылка сектантовъ въ Сибирь продолжалась безостановочно; 8 іюня прибыло 13 человѣкъ. 2 сентября прибыла новая партія

¹⁾ Въ 75 верстахъ отъ Иркутска.

²⁾ Врачъ Сокольниковъ, одинъ изъ первыхъ якутовъ, получившихъ высшее образованіе и понынѣ служить въ якутск. обл.

изъ 11 человѣкъ. Изъ числа доставленныхъ въ сентябрѣ до навигаціи будущаго года оставлены для заработковъ на Мархѣ (скопческое селеніе въ 8 верстахъ отъ города), въ Кильдемскомъ и Новониколаевскомъ селеніяхъ.

Это распоряженіе мѣстной власти вызвало протестъ со стороны иркутскаго ген. губ., который настойчиво напоминалъ, что по точному смыслу ст. 498 Устава о ссыльныхъ, изд. 1890, отлучки ссыльныхъ изъ мѣстъ водворенія не могутъ быть допускаемы, и что разрѣшеніе духоборамъ временныхъ отлучекъ на заработки, было указано имъ, генераль-губернаторомъ, какъ мѣра чрезвычайная, которую онъ призналъ возможнымъ допустить только лишь въ уваженіе къ ходатайству якутскаго губернатора, изложеннаго въ донесеніи отъ 10 іюля 1899 г. о необходимости предоставить духоборамъ заработокъ въскопческихъ селеніяхъ и въ городѣ въ виду трудности первоначальнаго устройства ихъ на мѣстѣ новаго водворенія, и онъ въ высокой степени счастливъ, что Е. И. В. было благоугодно одобрить эту чрезвычайную мѣру. Въ виду всего этого ген. Горемыкинъ просилъ як. губернатора о точномъ соблюденіи указанной статьи о ссыльныхъ, допуская отлучки духоборовъ на заработки въскопческія селенія и въ городъ, лишь на время дѣйствительной ихъ потребности въ пріобрѣтеніи средствъ, въ видахъ первоначальнаго домообзаводства, а затѣмъ неуклонно водворять названныхъ сектантовъ въ назначенныя имъ мѣста жительства.

Само собой разумѣется, что духоборы не могли примириться со своею участію и дѣлали цѣлый рядъ попытокъ добиться смягченія суроваго приговора.

Спрошенные по этому поводу духоборы *единогласно* заявили, что не желаютъ нести военную службу, а потому были оставлены въ Якутской области.

Чрезвычайно интереснымъ, своеобразнымъ языкомъ написаны прошенія духоборовъ на Высочайшее имя; чисто библейскимъ стилемъ рассказываютъ они о своихъ горестяхъ и считаютъ себя жертвами несчастнаго недоразумѣнія.

Приводимъ одно изъ нихъ:

Прошеніе.

Ваше Императорское Величество, Великодержавный Мировладелецъ, приносимъ просьбу сію и великодушно умоляемъ васъ удѣлить нѣсколько минутъ обращеніемъ вашего дорогаго вниманія на нашу просьбу. Не станемъ утруждать васъ длинными рассказами о причинѣ высылки насъ сюда. Мы просители изъ числа закавказскихъ духоборцевъ, которымъ Вы, милостію Божіей благодѣтельный Государь, даровали свободу выселиться

изъ предѣловъ Вашей Имперіи въ Сѣверную Америку въ Канаду. Осмѣливаемся сказать Вамъ Ваше Величество, преступность наша нисколько не превышаетъ преступности, выселившихся въ Канаду нашихъ собратій (8000 душъ). Въ религіозныхъ убѣжденіяхъ мы всѣ равны и, если правительство сочло наши убѣжденія противозаконными въ дни возникновенія духоборческаго вопроса по докладу властей, если Вашему Величеству во гнѣвѣ и было угодно наказать насъ высылкой сюда на неопредѣленный срокъ,—то мы уже довольно времени несемъ наказаніе лишь за свои убѣжденія ученія Христова. Со дня заключенія нашего въ тюрьму и высылки сюда истекаетъ 5 лѣтъ. Взываемъ къ тебѣ, миролюбивый и могучій государь, Николай Александровичъ, и великодушно умоляемъ во имя Христова дать мѣсто просьбѣ нашей въ добродѣтельномъ сердцѣ вашемъ. Даруйте и намъ таковую свободу выселиться къ родству. Семьи наши выселились туда въ Канаду, а потому желанія наши влекутъ насъ къ родству по опредѣленію Божию въ любви и жалости. Большая половина изъ насъ престарѣлые старики, личнымъ трудомъ добывать себѣ хлѣбъ не можемъ и по сравненію съ умѣреннымъ климатомъ нашего мѣсторожденія на югѣ, здѣшній суровый климатъ намъ не сроденъ и по несвычкѣ съ жестокостью морозовъ, переходящихъ за 50°, мы за этотъ короткий промежутокъ времени почти всѣ усвоили физическую боль. Земля же съ великимъ трудомъ молодыхъ рукъ и силъ поддается разработкѣ отъ густоты таежныхъ и болотистыхъ мѣстъ. Матеріальныхъ же средствъ мы не имѣемъ и такъ живя тутъ мы рѣшительно приходимъ въ нищенство и голодовку и пользы какъ государству, такъ и себѣ принести не можемъ. Просимъ васъ, Великій Государь, благоволите намъ свободу выселиться въ Канаду, къ родству, гдѣ мы найдемъ поддержку отъ дѣтей своихъ и тѣмъ положимъ конецъ нашему бѣдственному печальному положенію нашего странничества. Въ такую полосу суроваго климата, если ссылались и ссылаются на года, такъ называемые, политическіе преступники,—то лишь потому имъ сносно живется, что многіе изъ нихъ со средствами, да къ тому же изъ государственной казны имъ выдается опредѣленное денежное пособіе для существованія даже и на одежду. Поэтому они отживаютъ назначенный имъ урокъ времени, сносно, въ питаніи, лишь скорбя по родинѣ и родству въ малолюдныхъ мѣстахъ дальняго сѣверо-востока. Просимъ васъ, миролюбивый Государь, Николай Александровичъ, не оставьте нашей просьбы милостивымъ воззрѣніемъ благоволите. Отъ полной души просимъ Господа о долгоденствіи Вашемъ и благополучіи Вашей миролюбивой семьи. Подписуемся христіане всемірнаго братства» (слѣдуютъ подписи).

Канцелярія Е. И. Величества извѣстила въ августѣ мѣсяцѣ 1903 г. якутскаго губернатора, что прошенія ссыльныхъ духовоборовъ Ивана Веригина и Ивана Усачева оставлены безъ удовлетворенія, точно такъ же какъ и предыдущія аналогичныя ходатайства.

Духоборческій поселокъ на Нѣгорѣ, несмотря на оптимистическія предсказанія администраціи и громадную энергію и работоспособность ссыльныхъ духовоборовъ, въ самомъ скоромъ времени обнаружилъ свои отрицательныя стороны, и общее присутствіе якутскаго областного правленія уже въ іюнѣ 1900 г. должно было рѣшить вопросъ объ образованіи новыхъ селеній для ссыльныхъ духовоборовъ. При этомъ были установлены слѣдующія обстоятельства: число ссыльныхъ въ Нѣгорскомъ поселкѣ въ 1898 г. значительно увеличилось, и вмѣстѣ съ тѣмъ пропорціонально возросла и потребность на содержаніе поселка. Особенно неблагопріятна, не только для устройства земледѣльческаго быта сектантовъ, но и для обезпеченія ихъ насущнаго пропитанія, была ссылка неспособныхъ къ труду по возрасту и состоянію здоровья¹⁾. Къ этому необходимо добавить, что цѣны на ржаную муку, (главную пищу духовоборовъ), въ ближайшихъ скопческихъ селеніяхъ въ зиму 1898/1899 стояли выше 2 руб. за пудъ. Молочными продуктами, за неимѣніемъ скота и женщинъ для ухода за нимъ, духовоборы пользоваться не могли. При наличности всѣхъ этихъ условій, особенно же соображая потребности ссыльныхъ со средствами пропитанія, администрація была вынуждена распределить вновь прибывшихъ духовоборовъ точно такъ же, какъ была устроена первая партія, т.-е. часть духовоборовъ, и, въ томъ числѣ, всѣхъ неспособныхъ къ труду, помѣстить на Нѣгорѣ, часть же уволить на заработки въ скопческія селенія и даже въ городъ на строительныя работы. 8 іюня 1899 г. прибыла третья партія. Съ увеличеніемъ ссыльнаго элемента снова пришлось сдѣлать учетъ средствъ и, сообразуясь съ полученными выводами, разрѣшить нѣкоторымъ духовоборамъ остаться на заработкахъ на Маганѣ и на Мархѣ.

«Тяжелыя условія земледѣльческаго труда въ Якутской области обязываютъ меня», доноситъ якутскій губернаторъ 10 іюня 1899 г. иркутскому генералъ губернатору, «предусмотрѣть всѣ способы къ облегченію Нѣгорскаго поселка на случай неурожая хлѣбовъ, когда духовоборы могутъ очутиться въ чрезвычайно кри-

¹⁾ Общее число духовоборовъ: 31 авг. 1897 г. прибыли—31 мужчина, 1 женщина; 10 іюня 1898 г. прибыла вторая партія: 40 мужчинъ въ томъ числѣ 9 человекъ выше 50 лѣтъ, 9 выше сорока, 9 хронически больныхъ и неспособныхъ къ труду. 8 іюня 1899 г. прибыли—13 молодыхъ солдатъ, 24 женщины, 14 малолѣтнихъ.

тическомъ положеніи. Обсуждая эти способы, я остановился, во-первыхъ, на необходимости предложить предоставленіе духовоборамъ заработковъ въскопческихъ селеніяхъ и въ городѣ, такъ какъ среди скопцовъ пропаганда ихъ ученія не можетъ имѣть значенія, а въ городѣ духовоборы находятся подъ ссбодительнымъ надзоромъ, исключаяющимъ возможность пропаганды; во-вторыхъ, на необходимости прекратить временно высылку духовоборовъ, престарѣлыхъ и неспособныхъ къ физическому труду или съ явно сомнительнымъ здоровьемъ, такъ какъ подбныя явленія весьма тормозятъ, особенно на первыхъ порахъ, устройство земледѣльческаго быта ссыльныхъ сектантствъ; было бы весьма желательно получить разрѣшеніе на увольненіе ихъ въ Канаду, вслѣдъ за ушедшими туда семьями; въ-третьихъ, на необходимость устройства другихъ поселковъ духовоборствъ на земляхъ, уже испытанныхъ въ смыслѣ пригодности къ хлѣбопашеству, напримѣръ, въ Намскомъ или одномъ изъ Канчаласкихъ улусовъ».

Исторія первоначальнаго духовоборческаго селенія на Нотерѣ представляется, по официальнымъ даннымъ, въ слѣдующемъ видѣ: «Въ 1897 г. ирк. ген. губ. категорически указалъ, что духовоборствъ слѣдуетъ водворять по рр. Алдану и Маѣ. Первая партія (34 чел.) была водворена по Алдану при устьѣ Нотеры. Указанный участокъ по своимъ топографическимъ условіямъ подавалъ надежду на упроченіе земледѣльческаго хозяйства. Въ первсе же лѣто пригодность этого участка оказалась условною; изсбилуя поксами (277 десятинъ), онъ былъ болѣе благоприятенъ для скотсводства, нежели для хлѣбопашества; чистой безлѣсной земли для посѣва во всемъ отводъ (2226 дес.) оказалось лишь $8\frac{1}{2}$ десятинъ. Затѣмъ, хотя и имѣется годнаго подъ пашню лѣса сксло 500 десятинъ, но лѣсъ этотъ вѣковой, едва проходимый, требующій приложенія большихъ трудовъ и энергіи. Для того, чтобы приготовить пашню изъ-подъ такого лѣса необходимо выкорчевать стрсмья деревья и убрать вѣками накопившійся валежникъ, сбрать мхъ, которымъ заросли всѣ промежутки между деревьями, дать оттаять ледяному слою, что лежитъ подъ мохомъ и, благодаря постоянной тѣни, представляетъ собою настоящую ледяную кору; наконецъ, надо дать время для оттаянія самой почвы, и уже послѣ всего этого приступить къ пахотѣ. Въ скорсмъ времени пришлось убѣдиться, что такая борьба непосильна для духовоборствъ, какъ новоселовъ, не обеспеченныхъ средствами; за 2 лѣта (1898—1899) расчищено ими не болѣе $4\frac{1}{2}$ десятинъ, и посѣвъ ихъ въ текущемъ году не превышаетъ 13 десятинъ. Помимо трудности подготовки пашни изъ-подъ лѣса, духовборамъ приходится считаться здѣсь

съ непостоянствомъ урожаевъ, зависящихъ отъ засухи, инеевъ и преждевременныхъ заморозковъ. Весенніе и лѣтніе разливы р. Алдана точно также вредятъ иногда посѣвамъ, расположеннымъ частью по берегу рѣки. Конечно неблагопріятныя для земледѣлія атмосферическія явленія наблюдаются не только на Алданѣ, а повсемѣстно въ округѣ, и съ этимъ духоборы могли бы примириться. Главное неудобство вытекаетъ изъ того, что въ Нотское поселеніе, разсчитанное по количеству первоначально прибывшихъ сюда въ 1897 г. 34 человекъ, ежегодно приселяются новыя партіи духоборовъ (въ 1898 г.—42 чел., въ 1899—24 ч., въ 1900—8 ч.); а вмѣстѣ съ семействами общая численность духоборовъ достигла 153 душъ обоего пола. На продовольствіе такой артели въ годъ одного только хлѣба нужно сколо 2000 пудовъ (считая 12 пудовъ на душу). Пока при счастливомъ урожаѣ духоборы могутъ получить со своего поля только 800—1000 пудовъ и не голодаютъ только благодаря отхожимъ промысламъ. Хлѣбъ, пріобрѣтаемый у скопцовъ, обходится до 2 р. за пудъ, а городской до 1 р. 80 к. Въ виду всѣхъ этихъ данныхъ общее присутствіе Як. обл. правленія 25-го іюня 1900 г. постановило: 1) предложить обл. правленію распорядиться скорѣйшимъ обмежеваніемъ мѣстности на урочищѣ Маганъ подъ новое поселеніе духоборовъ; 2) утвердить подъ поселеніе духоборовъ «Отрадное» (въ 119 вер. отъ Якутска); 3) предложить якутскому окр. исправнику принять мѣры (съ постепенностью, необходимой для пользы дѣла) къ распредѣленію означенныхъ въ спискахъ духоборовъ по тремъ поселкамъ; 1) Нотскому, 2) Маганскому, 3) Амгинскому, оставивъ при этомъ братьевъ Веригиныхъ и Конкина на Нотскѣ ¹⁾. Новый иркутскій генералъ-губернаторъ Пантелѣевъ одобрилъ постановленіе общаго присутствія и, вмѣстѣ съ тѣмъ, запросилъ, могутъ ли быть приселены къ названнымъ духоборческимъ деревнямъ прелназначенные къ высылкѣ въ Якутскую область *духоборы изъ мѣстныхъ крестьянъ старожилы (23 чел.) Иркутской губ. и уѣзда*, всбуждившіе ходатайство о переселеніи ихъ наравнѣ съ ихъ единоверцами изъ Евр. Россіи на жительство въ Якутскую область. По донесенію мѣстныхъ властей никакихъ препятствій къ этому не оказалось, такъ какъ, по приблизительному подсчету, на Маганѣ можно было поселить 133 человекъ (2000 дес.) и на Амгѣ 43 чел. (652 дес.). Въ конечномъ итогѣ на Маганѣ было распределено 36 человекъ, преимущественно изъ числа работавшихъ въ городѣ на казенныхъ постройкахъ и ремесленниковъ; при нихъ 12 женъ и 10 дѣтей. Въ «Отрадное» было назначено 32 духобора,

¹⁾ Какъ духоборовъ, находившихся на особомъ замѣчаніи за свое вредное вліяніе на другихъ.

находившихся на частныхъ заработкахъ въ городѣ и ближайшихъ скопческихъ селеніяхъ; при нихъ женщинъ 10, дѣтей 15. Маганская группа была наиболѣе зажиточная. Амгинскій поселекъ, большая часть котораго состояла изъ недавно прибывшихъ духоборовъ, былъ значительно бѣднѣе. На Нѣторѣ осталось 37 духоборовъ, женъ 15 и дѣтей 15. Здѣсь находились бывшіе на «особомъ замѣчаніи» Григорій, Василій и Иванъ Веригины, Иванъ и Варвара Конкины. Имущественное положеніе поселка къ этому времени представлялось въ слѣдующемъ видѣ: 2 большихъ деревянныхъ дома, конная мельница, различныя сельско-хозяйственныя орудія, столярные и плотничьи инструменты, рыболовная сѣть, 10 лошадей, 15 коровъ, 5 телятъ годовыхъ и 6 двухгодовыхъ. Снято Нѣгорскими духоборами въ лѣто 1900 г. — 6000 сноповъ пшеницы (около 450 пудовъ); 5600 сн. ядрицы (около 500 пуд.), 400 сн. ячменя (20 пуд.), 400 пуд. картофеля, 40 пуд. капусты, 350 возовъ сѣна. На 1901 г. распахано земли до 20 десятинъ, а всего расчищено лѣса подъ пашню—9 десятинъ.

Въ іюнѣ 1901 г. иркутскій ген.-губернаторъ Пантелѣевъ лично посѣтилъ духоборческое селеніе «Прохладное» (на Маганѣ) и, убѣдившись въ «затруднительности положенія мѣстнаго населенія, назначилъ пособіе—200 рублей. Жители с. Отраднаго получили 300 руб». Духоборы «Прохладнаго» просили имъ выдать деньги поровну на всѣхъ по 5 рублей на человѣка.

По докладу Министра Внутреннихъ Дѣлъ 4 іюня 1902 г. послѣдовало Высочайшее повелѣніе, чтобы высланнымъ духоборамъ и другимъ сектантамъ въ случаѣ выраженій ими раскаянія и желанія исполнять воинскую повинность было предоставлено право отбыть на общемъ основаніи обязательный срокъ службы въ войсковыхъ частяхъ, по указанію Главнаго Штаба, съ разрѣшеніемъ затѣмъ по зачисленіи въ запасъ избрать мѣсто жительства по собственному желанію ¹⁾.

¹⁾ Мы можемъ дать здѣсь нѣсколько примѣровъ ренегатства среди духоборовъ: 1) Семень Михайловъ Морозовъ, 36 лѣтъ, прибылъ 10 іюня 1898 г.; въ январѣ 1903 г. подалъ прошеніе «о полномъ и чистосердечномъ раскаяніи въ своей сектантской дѣятельности и отрѣшеніи отъ прежняго образа мыслей, съ обязательствомъ подчиняться всѣмъ общимъ государственнымъ законамъ и установленіямъ, а также впредь не нарушать своихъ обѣщаній. Получилъ Высочайшее помилованіе въ іюнѣ 1903 года. 2) Федоръ Васильевичъ Салыкинъ, 39 лѣтъ, прибылъ въ 1898 году; въ мартѣ 1901 года заявилъ о своемъ полномъ раскаяніи и желаніи присоединиться къ православной вѣрѣ. Въ январѣ 1902 г. получилъ помилованіе съ запрещеніемъ жительства въ предѣлахъ Кавказскаго края. 3) Василій Семеновъ Жихаревъ (онъ же Семеновъ) 35 лѣтъ, въ апрѣлѣ 1903 г. получилъ помилованіе безъ всякихъ ограниченій. 4) Алексѣй Фофановъ, 58 лѣтъ, раскаялся черезъ 4 года, помилованъ въ 1903 г. 5) Иларіонъ Тереховъ вмѣстѣ съ Иларіономъ Тараповымъ дали слѣдующую подписку: «...впредь обязуюсь не нарушать обѣщаній, буду усердно защищать, какъ вѣрнопопеченный, наше отечество и желаю навсегда остаться полноправнымъ кре-

Изъ отдѣльныхъ духоборческихъ дѣлъ заслуживаютъ вниманія письма бѣглаго Егора Егорова къ якутскому губернатору и переписка о запрещенныхъ изданіяхъ, адресованныхъ на имя Петра Ольховика.

3 октября 1901 г. якутскій окр. исправникъ донесъ на имя губернатора, что духоборъ селенія «Прохладное» Егоръ Егоровъ *не извѣстно куда скрылся*. Предварительное разслѣдованіе выяснило, что Егоровъ, въ началѣ сентября отдѣлившись отъ своего товарища Ольховика, продалъ лошадь и ушелъ изъ селенія въ городъ на заработки, гдѣ его и видѣли около половины сентября; послѣ этого онъ могъ выѣхать на пароходѣ въ Иркутскъ, гдѣ долженъ былъ остановиться у знакомаго своего баптиста Григорія Солодкина. По этому дѣлу Ольховикъ, конечно, былъ заподозрѣнъ въ соучастіи въ побѣгѣ, но представилъ начальству вполнѣ удовлетворительныя объясненія своей невиновности. Скрывшись благополучно за границу, Егоровъ прислалъ изъ Лондона слѣдующее любопытное письмо на имя губернатора Скрыпицына:

«Ваше Превосходительство. Я считаю своимъ долгомъ сообщить вамъ о себѣ, хотя, можетъ быть, вы вовсе не нуждаетесь въ моемъ сообщеніи и забыли про меня, но я не могу забыть васъ и вашу оказанную мнѣ добродѣтель. Вы, по первости, поступили со мной не по-Божьи: посылали меня далеко въ якутскія и тунгусскія юрты и вы не подумали обо мнѣ, что я тамъ буду страдать отъ холода и голода. Или вы все это знали, что со мной такъ и будетъ, а потому и послали меня по Охотскому тракту на Алданъ, гдѣ я переносилъ разнаго рода недостатки. Но вотъ послѣдніе года вы много сочувствовали моему страданію, т.-е. не только моему страданію собственно, но всѣхъ друзей моихъ духоборцевъ. Вы стали признавать насъ, какъ за самыхъ хорошихъ и мирныхъ людей, за что чувствительно вамъ благодаренъ, и послѣдніе дни жизни моей въ Якутскѣ заставили меня забыть первые трудные дни и вашу первую притѣснительность надъ нами. Ваше Превосходительство! Я бралъ изъ благотворительнаго капитала деньги 50 рублей взаимнообразно, которыя до сего времени такъ много меня тревожатъ, и какъ я удалился, но не хотѣлось быть никому должнымъ, такъ я васъ прошу, если вы найдете нужнымъ возратить ихъ назадъ, такъ увѣдомляю васъ, что мои деньги есть оставленные у Ольховика и Середы; они за меня заплатятъ. За мою отлучку, прошу васъ, ради Бога, не тревожьте ихъ: они не имѣли никакого участія въ моемъ намѣреніи; я ушелъ съ ра-

стѣяниномъ Якутской области и округа». Получилъ помилованіе въ томъ же году. Имѣются еще свѣдѣнія о Василии Щербаковѣ, Иванѣ Дергоусовѣ, Кузьмѣ Пугачевѣ, Ильѣ Морозовѣ.

боты, и они ничего не знали объ этомъ. А вотъ еще хочу напомнить вамъ о присланныхъ мнѣ 13 рубляхъ, о которыхъ я васъ беспокоилъ. Вы помогали мнѣ ихъ разыскивать, наводили справки въ Александровской тюрьмѣ, но ничего мы не могли найти; не оказались ли они въ вашемъ управленіи? А если нѣтъ,—то удивляюсь, что такъ часто научились отъ бродяжекъ воровать служащіе чиновники, что нигдѣ не нашли ни конца, ни начала этой пропажи. Я предполагаю, что деньги укралъ начальникъ Александровской тюрьмы П... или въ городѣ Якутскѣ. Я бы объ этихъ тлѣнныхъ деньгахъ никогда не говорилъ бы, если бы это укралъ какой-нибудь бѣдный воръ и только сказалъ бы: «на добро ему!» Но вотъ жалко, что воруютъ тѣ, которые поставлены воровство уничтожать, и это мнѣ трудно перенести. Проживши семь мѣсяцевъ въ Россіи, я такъ полюбилъ свое родное отечество, о которомъ раньше до якутской ссылки не имѣлъ никакого понятія, такъ что съ большою скорбью покинулъ я родимый край и милыхъ русскихъ людей! Что могло бы со мною быть, если бы я не могъ найти на дальней чужбинѣ своихъ русскихъ людей! Я думаю, что пришлось бы вернуться къ вамъ; но въ настоящее время не могу общать вамъ о пріѣздѣ. Какъ Богъ мнѣ положить на сердце, такъ и буду поступать. Извините, что я беспокою васъ своимъ письмомъ, но я хочу исполнить свой долгъ. Да благословитъ васъ Господь Богъ исполнять Его одну Святую волю! Отъ сердца любящій васъ Егоръ Егоровъ. Прошу васъ, пожалуйста, пришлите мнѣ отвѣтъ» (слѣдуетъ лондонскій адресъ) ¹⁾.

Переписка по дѣлу Ольховика заключалась въ слѣдующемъ: въ мартѣ 1903 г. начальникъ почтово-телеграфной конторы «совершенно секретно», «въ собственныя руки» доносилъ якутскому губернатору, что 24-го сего числа съ иркутскою почтою получено простое закрытое международное письмо на имя прсживающаго въ селѣ «Прохладномъ» духобора Петра Ольховика. Указанное письмо было препровождено губернатору, и по вскрытіи его оказалось, что внутри находится приложеніе къ періодическому обзорѣ «Свободное Слово» (Л. Н. Толстого. «О вѣротерпимости» № 72). Вслѣдствіе этого исправнику было предписано имѣть за Ольховикомъ особо бдительный надзоръ, не распространять ли онъ эти запрещенныя изданія среди населенія и среди ссыльных

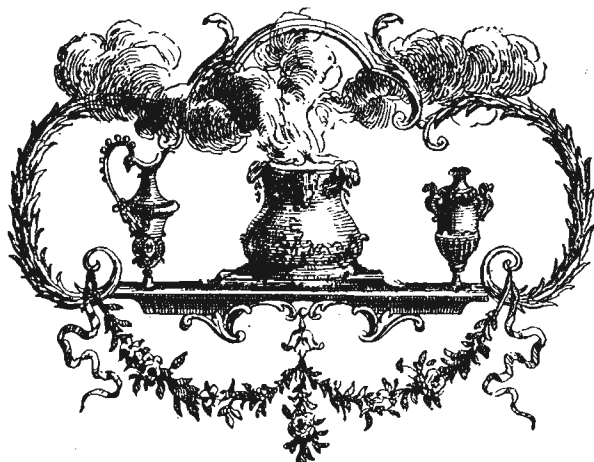
¹⁾ Духоборы вообще имѣли крайне наивное представленіе о взаимоотношеніяхъ между «властью» и «населеніемъ». Вотъ, напримѣръ, прошеніе къ губернатору духобора Федора Верещагина, умершаго 58 лѣтъ отъ роду въ селѣ Мархинскомъ: «Высокоуважаемый и добрый генералъ Владиміръ Николаевичъ, великодушно прошу васъ дайте мѣсто моей просьбѣ въ тайникахъ вашего добраго сердца. Вы, будучи добродѣтельны, удовлетворили просьбу игорскихъ стариковъ выдавать имъ денежное пособіе» и т. д.

одной съ нимъ категоріи. Конфискованный на почтѣ экземпляръ Скрипицынъ препроводилъ въ Департаментъ Полиціи, при чемъ въ донесеніи своемъ указывалъ, что за послѣднее время участились случаи присылки разнымъ лицамъ изъ поднадзорныхъ изданій преступнаго содержанія и просилъ Департаментъ принять соотвѣтствующія мѣры. Производя обыскъ у духоборовъ Ольховика и Алексѣя Верещагина, исправникъ отправилъ подробное донесеніе губернатору, въ которомъ, между прочимъ, говорилъ, что «всѣ представляемые при семъ изданіи письма и списки были переданы мнѣ духоборами Ольховикомъ и Верещагинымъ добровольно послѣ вопроса моего въ ихъ квартирахъ, не получаютъ-ли они какихъ-нибудь изданій изъ-за границы. При этомъ они заявили, что большая часть изданій присылается имъ безъ просьбъ съ ихъ стороны, а по указанію, какъ они полагаютъ ихъ адресовъ находящимися за границей ихъ товарищами; въ послѣднее время присылаемыя заграничныя изданія, въ виду необходимости усиленно заниматься сельскимъ хозяйствомъ, уже потеряли для нихъ тотъ интересъ, какой имѣли ранѣе до ссылки ихъ въ якутскую область, до опредѣленія ихъ постоянного мѣстожителства, кромѣ того оба они заявили, что теперь они желали бы вовсе не получать заграничныхъ изданій, такъ какъ въ данную минуту вся жизнь ихъ заполнена лишь заботой о лучшемъ устройствѣ своихъ семей и имѣющагося у нихъ сельскаго хозяйства, и прежнее ихъ «взгляды и убѣжденія значительно измѣнились». По всеподданѣйшему докладу министра юстиціи Муравьева дѣло Ольховика и Верещагина было рѣшено въ административномъ порядкѣ (арестъ при полиціи на 3 мѣсяца).

Въ февралѣ 1905 г. послѣдовало Высочайшее повелѣніе объ освобожденіи духоборовъ изъ ссылки.

Такъ завершилось въ 1905 г. семилѣтнее сибирское плѣненіе духоборовъ. Но якутскую ссылку приходится считать только отдѣльнымъ эпизодомъ въ исторіи злополучнаго духоборческаго вопроса.

Анатолій Ильинскій.

Матеріалы для исторіи русской общественности и журналистики.

1. Изъ переписки Н. И. Костомарова съ В. И. Лапманскимъ.

1.

Генваря 21. 1858.

— Отъ души благодарю за Ваше одолженіе. Вы меня очень обязали, Владимиръ Ивановичъ, присылкою выписокъ о Стенькѣ изъ книги *Stenko Razinus cosacus donicus perduellis*¹⁾. Я уже обработалъ свое сочиненіе о Бунтѣ Стеньки Разина, но печатать погжу, пока самъ не приѣду въ Питеръ. Рукопись, мнѣ принадлежащую, храните у себя до моего приѣзда. Попрошу Васъ еще: достаньте чешское стихотвореніе, присланное Ганкой, и пришлите мнѣ списокъ съ него: очень интересно узнать, какъ выразились въ Прагѣ чувства, возбужденныя нашими событіями. Признаюсь, я не раздѣляю увлеченія, которое овладѣло благородными сердцами, истомленными долгимъ ожиданіемъ и потому довольными малымъ осуществленіемъ давно желаннаго. Поближе рассмотримъ дѣло. Можетъ быть правила, напечатанныя съ нѣкоторыми незначительными либеральными выраженіями, присланныя губернскимъ предводителямъ, и годятся для литовскихъ губерній, но для великорусскихъ они не подходятъ, въ особенности для земледѣльческихъ. На бѣднаго крестьянина навязываютъ усадьбу, которую оцѣнить—кто? дворяне. Большею частію въ малоземельныхъ губерніяхъ (а ихъ много) усадьба мало что стоитъ, а крестьянину за нее придется выплачивать столько, сколько велятъ. Помѣщикъ отдастъ ему землю въ пользованіе, но оброкъ

¹⁾ Точнѣе заглавіе этого сочиненія *Schuttfleisch, Martius. Stephanus Razin Donicus Cosacus Perduellis* (т.-е. бунтовщикъ) *W. Hebergae. 1674.*
Ред.

за нее положить дворяне. Разумѣется, они установятъ отношенія такъ, чтобы какъ можно было выгоднѣе для дворянъ и невыгоднѣе для крестьянъ, ибо у этихъ двухъ сословій интересы противоположны. Крестьянинъ не выкупаетъ этой земли—онъ остается какъ бы всегдашнимъ должникомъ, отданнымъ во власть своему заимодавцу. Вотчинная полиція въ рукахъ помѣщиковъ тягость и для владѣльцевъ и для крестьянъ. Какъ, напримѣръ, я могу исполнять обязанность становаго пристава въ мелкопомѣстномъ имѣніи, когда нахожусь на службѣ? При всякомъ удобномъ случаѣ крестьяне будутъ противодѣйствовать помѣщикамъ, а помѣщики будутъ стараться возвысить свою власть. Комитеты положатъ высокую цѣну оброка за землю, или назначать отягчительныя работы; крестьяне станутъ уклоняться отъ взноса денегъ и отъ работъ—что дѣлать будетъ помѣщикъ? Онъ обратится къ посредствующимъ началамъ, къ суду, къ полиціи и т. д. А эти посредствующія начала станутъ нагрѣвать руки посредствомъ тренія противныхъ между собою элементовъ. При томъ, крестьяне не поймутъ такой сложности и неясности права: земля крестьянская и никогда не можетъ быть присоединена къ господской, но составляетъ собственность господина! Это ни то, ни се, оно не склеится не только въ крестьянской головѣ, но даже и въ головѣ, начиненной римскими пандектами и *legibus barbarorum*. Знаете ли, что говорятъ крестьяне? Это, батюшка, такая воля—что хуже неволи; это зеленая воля; нѣтъ, ужъ лучше намъ оставаться барскими! Это говорятъ крестьяне: думайте, какъ хотите. Русский человѣкъ не любитъ сложностей, недоговоровъ да переходностей. Ему говори напрямикъ: воля, такъ воля; неволя, такъ неволя! Вотъ иное дѣло, если бы ему сказали, что проработаетъ онъ за эту землю столько то лѣтъ и станетъ вольный съ землею: это другое дѣло. Онъ бы понялъ, что эта земля его, только надобно за нее выплатить деньгами или работою.

Не правда ли, эта данная дворянамъ *иниціатива*, какъ выражается *Русскій Вѣстникъ*, эти комитеты, которые будутъ собирать благородное дворянство, напоминаютъ басню Крылова, гдѣ волки собираются толковать о благополучіи овецъ, и когда сдѣланъ былъ повальный обыскъ о ихъ поведеніи, то всѣ звѣри отпеслись о нихъ удовлетворительно: не спросили однѣхъ овецъ! Впрочемъ такъ или иначе, только эти волки не останутся безъ потерь. Здѣсь въ провинціи дворяне принимаютъ этотъ вопросъ различно, смотря по выгодамъ или невыгодамъ своихъ имѣній. Вообще же они не довольны переходнымъ состояніемъ, но боятся высказать это недовольство отъ лица всего сословія высочайшей власти. Замѣчу Вамъ, что люди, знакомые практически съ сельскимъ

бытомъ, ужасно вооружаются противъ общиннаго владѣнія (безотносительно къ своимъ выгодамъ или невыгодамъ) и не жалуютъ особенно статьи Чернышевскаго. Недавно я познакомился съ очень гуманнымъ и образованнымъ помѣщикомъ, прѣхавшимъ сюда на выборы; его голосъ можетъ тѣмъ болѣе имѣть авторитета, что онъ уже заранѣе освободилъ своихъ крестьянъ. Онъ съ неистовствомъ возстаетъ противъ поземельной общинности и бранитъ Николая Гавриловича, на чемъ свѣтъ стоитъ. Онъ говорилъ: кто жилъ съ крестьянами, кто практически знаетъ сельское хозяйство, кому знакомъ духъ русскаго поселанина, для того статьи Чернышевскаго указываютъ въ немъ отсутствіе самыхъ первоначальныхъ по(нятій?) ¹⁾ о предметѣ, за который онъ взялся ²⁾. Я не берусь судить объ этомъ, ибо не знаю. Мнѣ и самому нравились доказательства Чернышевскаго (хотя не нравились тонъ), но не можетъ быть, чтобъ люди практическіе, знающіе конечно лучше его дѣло, положительно обманывались. Читалъ я Кошелевскую апологію общинъ. Но нельзя не согласиться, что тамъ много фразъ, ничего не доказывающихъ. Такъ напримѣръ, помните ли, какъ онъ рисуетъ(?) ³⁾ общительность между членами общины и приписываетъ ее общинному пользованію землею? Но тѣ же самые признаки общежительности видимъ и въ Малороссіи, гдѣ нѣтъ общиннаго пользованія землею. Еще пока это темный вопросъ. Много надобно переверачивать его съ разныхъ сторонъ, пока дойдутъ до какого-нибудь результата! ⁴⁾.

Вы балуете мое авторское самолюбіе похвалами моему Богдану и особенно извѣстіемъ, что Ваша матушка и сестра читаютъ его съ восторгомъ; передайте имъ хотя часть того удовольствія, какое оставляетъ во мнѣ снисходительное ихъ вниманіе къ моему труду. Я намѣренъ его издать, но только окончивши, т.-е. доведши до Мазепы, и назову «Руина», какъ въ народѣ называется эта эпоха половины XVII вѣка. Остановка за Бодянскимъ, когда онъ издастъ дѣла, относящіяся къ Малороссіи и хранящіяся въ Архивѣ Иностранныхъ Дѣлъ.

А между тѣмъ я хочу изготovitъ сочиненіе о домашнемъ бытѣ русскаго народа въ XVI и XVII вв. и теперь тружусь надъ нимъ,

¹⁾ Прорвано въ этомъ мѣстѣ.

²⁾ Собесѣдникъ Костомарова очевидно осуждалъ Чернышевскаго за его горячую защиту интересовъ крестьянъ. *Ред.*

³⁾ Въ подлинникѣ: рисуется.

⁴⁾ Позднѣе Костомаровъ рѣшительно не одобрялъ общинное землевладѣніе и обнаружилъ въ своихъ трудахъ непониманіе его великаго значенія для русскаго народа. См. статью о немъ въ «Русск. Стар». 1886 г. № 1, стр. 204—205. *Ред.*

елико возможно, выбирая изъ актовъ разныя мѣста, относящіяся къ предмету. Прощайте, до свиданія. Пришлите же стихи чешскіе Вамъ Преданный душевно

Н. Костомаровъ.

2.

Многоуважаемый Владимиръ Ивановичъ.

Вы меня звали въ комитетъ для совѣщанія о предполагаемой встрѣчѣ славянскихъ депутатовъ. Я получилъ двѣ повѣстки съ подобнымъ приглашеніемъ отъ г. Погребова. Хочу откровенно объяснитья собственно съ Вами.

Ровно двадцать лѣтъ назадъ я былъ обличенъ въ идеяхъ о соединеніи Славянъ и за то потерпѣлъ годичное заключеніе въ крѣпости и потомъ девятилѣтнюю ссылку. Послѣ этихъ горькихъ послѣдствій неблагоразумія моей молодости, стоявшихъ мнѣ незамѣнимыхъ утратъ, надлома нравственныхъ силъ и здоровья, мнѣ слишкомъ тяжело соприкасаться съ тѣмъ, что имѣетъ такое прямое и ощутительное (конечно, собственно для меня) сближеніе съ причиною порчи всей моей жизни, и Вы, безъ сомнѣнія, поймете умомъ и сердцемъ мою рѣшимость отстранить себя отъ всякаго участія въ этомъ дѣлѣ, сохраняя чувства глубокой признательности за честь, которую мнѣ оказали этимъ приглашеніемъ.

Глубоко уважающій Васъ
и душевно преданный

Н. Костомаровъ.

Апрѣля 9 1867 г.

Сообщила О. В. Покрвская.

II. Письмо барона А. А. Дельвига В. И. Григоровичу.

Почтеннѣйшій Василій Ивановичъ, посылаю вамъ двѣ пьесы Ѳедора Николаевича. Онѣ выдержали цензурныя испытанія и оказались безгрѣшны. Но друзья мои—увы! Развѣ васъ онѣ послушаетъ, а мнѣ никакъ не удалось оправдать ихъ. Онѣ стоятъ на своемъ, увѣряетъ, что они развратны и соблазнительны да и полно. Нельзя ли прибѣгнуть къ просвѣщенному покровительству министра. Нынче апелія отъ авторовъ, кажется, принимается и иногда бываетъ не безплодна, впрочемъ въ руки ваши предаю поэтическій духъ мой. Похлопочите лучше о вашей статѣ, а съ Красовскимъ мы какъ нибудь да сочинимъ для васъ Идиллію. Будьте здоровы и любите

Дельвига.

10-го октября
1825 года.

Автографъ находится въ извѣстномъ собраніи Э. П. Юргенсона; письмо печатается нами съ любезнаго разрѣшенія владѣльца подлинника. Оно относится къ цензурованію «Сѣверныхъ Цвѣтовъ» на 1826 г., въ которыхъ В. И. Григоровичъ ¹⁾ помѣстилъ («Проза», стр. 3—100) большую статью «О состояніи художествъ въ Россіи». Федоръ Николаевичъ, о которомъ говорится въ письмѣ,—Глинка; въ названной книжкѣ альманаха напечатаны три его стихотворенія: «Смерть Фигнера», «Черты осени» и «Степная жизнь». Идиллія Дельвига «Друзья» появилась лишь въ слѣдующей книжкѣ «Сѣверныхъ Цвѣтовъ» (на 1827 г.). Альманахъ 1826 г. появился съ надписью цензора А. С. Бирукова. Этотъ цензоръ и упоминаемый Дельвигомъ А. И. Красовскій были тогда грозой литературы: Пушкину приходилось «справляться въ умѣ съ таблицей умноженія глупости Бирукова, раздѣленнаго на Красовскаго», и онъ посвятилъ имъ эпиграмму (1824 г., «Гимновскій царствовалъ»...), а много лѣтъ спустя (1836 г.) вспоминалъ, что «въ послѣднее пятилѣтіе царствованія императора Александра вся литература сдѣлалась рукописною, благодаря Красовскому и Бирукову». Въ сатирическихъ куплетахъ Дельвига «Петербургскимъ цензорамъ» этой парѣ посвящена первая строфа («вы, по совѣсти поповской цен: у,уя, жмете насъ»...) В. И. Григоровичу Дельвигъ дѣйствительно посвятилъ идиллію «Изобрѣтеніе ваянія» (напечатана въ «Сѣверныхъ Цвѣтахъ» на 1830 г.).

Сосбщилъ Н. Лерьеръ.

II. Письма А. А. Бестужева-Марлинскаго.

1. Н. И. Гречу.

Г. Дерб.

1833. 9 марта.

Милостивый Государь,

Николай Ивановичъ,

Я съ большимъ удовольствіемъ получилъ письмо Ваше отъ 28 янв. и очень жалѣю, что оно подоспѣло немного поздно, ибо я уже на щетъ сотрудничества сдѣлалъ свои распоряженія. Я отказался отъ него, но не подумайте будто изъ ращетовъ денежныхъ, нѣтъ—это изъ ращетовъ досуга, которсй хочется мнѣ употребить на что нибудь подѣльнѣе летучихъ журнальныхъ статей. Коротко и прямо я задумалъ Романъ, и если Богъ дастъ ума, а служба время: въ этотъ годъ полипъ нашей словесности наростетъ еще однимъ рогомъ.

Я не думалъ винить васъ въ разрушеніи замысловъ Смирдина; но признаюсь немного подосадовалъ, что вы такъ поздно объ этомъ увѣдомили. Понадѣясь на будущее я жилъ съ отстегнутыми карманами;—вы знаете поэтовъ—деньгамъ у нихъ не водъ: я же къ этому солдатъ, и не надѣясь буду ли имѣть *завтра*, не собираю манны впрокъ. Къ этому же отказался я отъ предложеній московскихъ—и сѣлъ на мѣль долговъ.—Но это всё дѣло наживное, а старый другъ лучше новыхъ двухъ, и потому хоть я и посердился—протягиваю вновь руку.

¹⁾ О немъ см. С. Эрнстъ, «Журналъ изящныхъ искусствъ 1823—1825 гг.» («Русскій Библіофилъ» 1914 г., № 3).

За изданіе вамъ очень благодаренъ. Оресту моему тоже: я и не зналъ, что онъ не забылъ меня: это утѣшительно. Впрочемъ ошибки есть—и разрядка не вездѣ ровна. Не постигаю, отъ чего не помѣстили многихъ повѣстей, которые конечно занимательнѣе тыла? И потомъ умолчаніе даже имени Марлинскаго; и потомъ вашъ молчокъ о выходѣ книги—всѣ это для меня санскритская грамата.

Сестры не правлю; но не извинить ее—нельзя; ибо источникъ ея дѣйствій привязанность къ братьямъ, что она доказала не словами а жертвами всякаго рода. Да кажется Господа вы и затронули ея гордость. Ну объ этомъ кончимъ. Сдѣлано, кончено.

За Сына Отечества очень благодарю васъ, ибо получилъ его довольно исправно; зато Сѣверную Пчелу никогда не читалъ во время; ибо не смотря на прозбы мои вы всё адресовали ее въ Кизляръ откуда лишь при оказіи доходить она въ Дербентъ; и въ этотъ годъ тоже самое. Фрегатъ Надежда давно выслана вся въ 3 разрѣза. Это, если не лучшая то одна изъ лучшихъ моихъ повѣстей. Если угодно—возмите ее—объ условіяхъ я писалъ. Впередъ если угодно я порой буду присылать статьи—но не иначе какъ за 100 руб. листъ. Увѣдомте согласны ли вы. Это дѣло коммерческое.

За прошлое полугодіе, не желая брать незаслуженнаго, я просилъ уплатить 300 руб. Ар. М. Андреева, а 250 получите съ сестры.

Я нездоровъ. Судьба гонитъ меня неумоимо, клевета и злоба людей преслѣдуютъ—вотъ мои новости.

Впрочемъ ничто не изгонитъ изъ моей памяти, изъ моей благодарности людей, котсыря не забываютъ несчастливца. Привѣтъ Ѳаддѣю—а всему семейству вашему, доброму, умному, почтенному семейству тысячу желаній счастья.

Сердцемъ вашъ *Александръ Бестужевъ*.

А. Корниловичъ въ Графскомъ полку: хвала и честь Государю! За Шекспира чохъ, чохъ Саг-оль. Онъ будетъ со мной неразлученъ.

2.

Неизвѣстному.

Цебельда. 12 мая 1837 г.

Очень и премного благодарю Васъ, любезнѣйшій Михаилъ Васильевичъ, за письмо ваше—получихъ, прочтохъ, и уразумѣхъ, яко отъ сердца писано бысть. Если у васъ въ Тифлисѣ пусто и

скучно; у насъ скучно и шумно—вотъ вся разница. Ведутся переговоры—а между тѣмъ всякой день у насъ ранять солдатъ, изъ подтишка, разбойнически. Покуда вся война отзывается на гусяхъ, которыхъ щиплютъ для канцеляріи. Кажется скоро пойдемъ назаць въ Келасуры—а тамъ что Богъ дастъ.

Пріятно узнать, что Миницкая не пѣла вмѣстѣ съ хоромъ..... какова Краковская—пѣсно злословія. Желалъ бы знать что взводять они на бѣдную К. П.—ну и на азъ многогрѣшнаго?

Съ дуракомъ ея супругомъ имѣлъ я объясненіе и онъ ото всего отрицается и увѣряетъ меня что клеветѣ лакеевъ своихъ не вѣрить. Онъ у насъ играетъ ролю шута и ничѣмъ не командуетъ также какъ Щепкинъ. Трудно повѣрить что это за глупая башка—и золь и трусь и нелѣпъ.

Пишите пожалуйста обо всѣхъ вашихъ городскихъ сплѣтняхъ—это будетъ развлеченіе—а то хотъ умирай со скуки.—Виды здѣсь прелесть, но людишки гадость. Бѣдны и трусоваты—выдали челсвѣкъ 70 плѣнныхъ—дрянь ужасную—говорятъ еще до 300 тамъ осталось. Сегодня ждуть присяги — будетъ ли? Сомнѣваюсь да и къ чему она?

Будьте щастливы и ¹⁾

Сердцемъ вашъ *Александръ Бестужевъ*.

Se que je Vous écris—reste entre nous.

Письма Бестужева-Марлинскаго печатаются нами съ автографовъ, хранящихся въ извѣстномъ собраніи Э. П. Юргенсона, съ любезнаго разрѣшенія владѣльца.

Первое адресовано въ Петербургъ, Н. И. Гречу. Бестужевъ жилъ тогда въ Дербентѣ, гдѣ ему пришлось провести въ ссылкѣ, простымъ солдатомъ, нѣсколько мучительныхъ лѣтъ (1830—1834), которыя его біографъ Н. А. Котляревскій называетъ «почти сплошнымъ терзаніемъ и духа, и плоти» («Декабристы» кн. А. Одсевскій и А. Бестужевъ», СПб., 1907 г., стр. 177). Письмо писано подъ осбенно тяжелымъ настроеніемъ. Двѣ недѣли тому назадъ въ квартирѣ Бестужева нечаянно тяжело ранила себя выстрѣломъ изъ пистолета дѣвушка, съ которой онъ былъ близокъ, Ольга Нестерцева. Она умерла черезъ двое сутокъ, и, хотя, разслѣдованіемъ не была обнаружена виновность Бестужева, на него легло подозрѣніе въ убійствѣ, которое такъ и не разсѣялось вполнѣ. Даже расположенный къ Бестужеву Грець писалъ впоследствии («Записки о моей жизни», СПб., 1886, стр. 396): «подсѣрѣвали и обвиняли въ умерщвленіи ея ревность Бестужева;

¹⁾ Здѣсь густо вымарано около двухъ строкъ.

дѣло это извѣстно Богу» (подробности см. у Котляревскаго, 180—184). Всѣ письма Бестужева въ этомъ году наполнены жалобами на гоненія, которыя навлекло на него это печальное происшествіе.

Около того же времени вышло въ Петербургѣ первое собраніе повѣстей и рассказовъ Бестужева, безъ имени ссыльнаго автора, безъ его наблюденія, подъ присмотромъ Ореста Сомова; потомъ изданіе продолжалось (въ Москвѣ) и было пополнено пропущенными повѣстями. Заботу о продолженіи изданія Бестужевъ высказалъ въ письмѣ къ Н. А. Полевому, написанномъ въ одинъ день съ нашимъ, 9-го марта 1833 г. Въ тотъ же день Бестужевъ писалъ Ксен. Полевому: «я просилъ васъ о Шекспирѣ—не присылайте его; я уже получилъ прекрасное изданіе въ одномъ томѣ» («Русс. Вѣстн». 1861 г., т. 32, стр. 435, 436).

Въ письмахъ Бестужева немало говорится о его денежныхъ дѣлахъ съ Гречемъ и Смирдинымъ. У Греча онъ работалъ въ «Сынѣ Отечества». Гречъ же, вмѣстѣ съ упоминаемымъ здѣсь Ард. Мих. Андреевымъ, взялся, по порученію сестры Бестужева, Елены Александровны, за изданіе его повѣстей, но при этомъ денежные интересы автора были такъ плохо соблюдены, что сестра вынуждена была разрушить условіе и взяла продажу въ свои руки. «Издатели сердятся и мстятъ на книгѣ»—жаловался Бестужевъ К. А. Полевому 23 февраля:—«вотъ уже три мѣсяца, какъ книга готова, а они не извѣстили о готовности, ни о выходѣ, и этимъ много замедлили продажу въ провинціи и повредили оной вездѣ... Но это еще не все. Смирдинъ черезъ Н. И. (Греча) забалилъ меня въ годъ за пять тысячъ, но его журналъ не состоялся, и Н. И. извѣщаетъ меня лишь теперь объ этомъ, предлагая по-прежнему сотрудничать за 1500 въ годъ. Я отказался, и теперь вольный казакъ. Прошу васъ при извѣстіи о книгѣ бросить словцо о молчаніи Сына Отечества и Сѣверной Пчелы». И Бестужевъ предлагаетъ Полевому свое сотрудничество (въ «Моск. Телеграфѣ») по 100 р. за листъ («Русс. Вѣстн», ib., 432—434.). 5 октября Бестужевъ пишетъ ему же: «товарищество Смирдина сдѣлало все, что могло, чтобы замедлить мои повѣсти, разсердясь на сестру мою за разорваніе съ ними контракта. Я смѣюсь этому и рѣшительно отказался хоть строчкой помогать имъ. Довольно, что за годъ они уже сыграли со мною штуку, извѣстивъ уже въ мартѣ о несостояніи новаго журнала и выманивъ тѣмъ за безцѣнокъ повѣсть» (ib., 449—450). Однако Смирдинъ рѣшилъ тѣмъ временемъ издавать новый журналъ («Библіотеку для чтенія»), и въ перечнѣ будущихъ сотрудниковъ назвалъ также имя Бестужева, но безъ его позволенія. Это возмутило Бестужева, и 9 ноября

онъ пишетъ К. А. Полевому о поступкѣ Смирдина: «мерзавецъ! какъ смѣлъ онъ играть мною? Или думалъ, не извѣстя меня даже о своемъ изданіи, купить мое слово или мое молчаніе деньгами? Деньгами! когда я за двусмысленность не купилъ бы даже и свободы, перваго, единственнаго блага и желанія души моей»... И Бестужевъ проситъ Полевого напечатать въ «Моск. Телеграфѣ» его заявленіе, что онъ не желаетъ, чтобы его «вздѣвали господа спекуляторы на уду для приманки подписчиковъ», и что въ журналѣ Смирдина онъ участвовать не намѣренъ (ib., 452—453). Но 23 ноября онъ проситъ Полевого не печатать протеста противъ Смирдина: «онъ писалъ ко мнѣ; говорить, что сестра моя завѣрила его въ моемъ содѣйствіи, а мнѣ не хочется впутывать этого чистаго имени въ каверзы петербургской журналистики» («Русск. Архивъ» 1874, II, 9—10). Вмѣшался въ дѣло и товарищъ Греча Булгаринъ. 21 февраля 1834 г. Бестужевъ пишетъ К. А. Полевому: «получилъ я диковинку—письмо, и отъ кого вы думаете? отъ Фаддея! Оправданіе Греча и Смирдина, обвиненіе сестры Елены (которую несчастіе точно сдѣлало черезчуръ подозрительною) и, наконецъ, выходки противъ васъ»... («Русск. Вѣстн», ib., 453). Тѣмъ дѣло и кончилось. «Московскій Телеграфъ» вскорѣ былъ закрытъ, а Бестужевъ сошелся съ Смирдинымъ и сталъ усерднымъ сотрудникомъ «Библіотеки для чтенія».

«Фрегатъ Надежда», одну изъ самыхъ удачныхъ повѣстей своихъ, Бестужевъ написалъ въ концѣ 1832 г. (см. его письма къ роднымъ—«Русск. Вѣст.» 1870 г., т. 87, стр. 521, 523; т. 88, стр. 48).

Романъ, о которомъ сообщаетъ Гречу Бестужевъ, давно былъ имъ задуманъ и даже начатъ. Онъ не разъ упоминаетъ о немъ въ письмахъ. «Я колеблюсь теперь, писать ли трагедію, писать ли романъ, а сюжетъ есть богатый, гдѣ я каждой силѣ изъ разрывающихъ свѣтъ могу дать по представителю, каждому чувству по поступку» (К. А. Полевому, 26 января 1833 г.—«Русск. Вѣст.» 1861, т. 32, стр. 430). «Съ 1 февраля принялся за романъ; канва въ головѣ натянута: надобно изузорить ее получше», и онъ обѣщаетъ прислать отрывки въ «Моск. Телеграфъ» (ему же, 2 февр.—ib., 432). Это обѣщаніе онъ повторилъ еще раза два, но тревоги, возникшія изъ-за несчастной кончины Ольги Нестерцевой, лишили Бестужева необходимаго для работы спокойствія. «Едва я пытался было на дѣльную вещь (романъ), судьба одѣла меня грозвою тучей; я не имѣю ясности духа вылить на бумагу, что кипитъ въ душѣ» (ему же, 5 апрѣля—ib., 439). Наконецъ «романъ положенъ въ долгій карманъ» (ему же, 28 іюля—«Русск. Обозрѣн.» 1894, октябрь, 828). Объ этомъ романѣ онъ рассказывалъ Я. И. Костенецкому («Русск. Стар.» 1900, ноябрь, 450—451).

Корниловичъ—Александръ Осиповичъ (1800—1834), декабристъ и писатель, издатель альманаха «Русская Старина» (1825 г.), былъ приговоренъ верховнымъ судомъ къ 15 годамъ каторги и поселенію въ Сибири, но, пробывъ очень недолго въ каторгѣ и затѣмъ просидѣвъ нѣсколько лѣтъ въ Петропавловской крѣпости, былъ въ ноябрѣ 1832 г. зачисленъ рядовымъ въ пѣхотный полкъ фельдмаршала князя Варшавскаго, графа Паскевича-Эриванскаго и отправленъ на Кавказъ (см. о немъ записки кн. М. Н. Волконскій, СПб., 1904, стр. 78, 80, 82, 158; В. Богучарскій, «Изъ прошлаго русскаго общества», СПб., 1904—«Декабристъ-литераторъ А. О. Корниловичъ»). Бестужевъ съ радостью писалъ 2 февраля 1833 г. К. Полевому: «скажу вамъ пріятную для литературы новость: Александръ Корниловичъ—рядовымъ въ графскомъ полку» («Русск. Вѣст.» 1861 г., т. 32, стр. 431).

Второе письмо адресовано какому-то тифлисскому знакомому. Нѣкоторыя военныя подробности Бестужевъ изложилъ въ другомъ письмѣ, посланномъ оттуда же и въ тотъ же день К. А. Полевому. «Вотъ уже три недѣли, какъ я шляюсь по новому для меня краю Мингреліи, Абхазіи и новому для русскихъ вообще краю Цебельды. Виды—прелестъ, но люди гадость, разбойники и не воины. Бѣдны какъ нельзя болѣе въ краю, роскошномъ дарами природы. Мы пришли сюда освободить кучу плѣнниковъ русскихъ, похищенныхъ или бѣжавшихъ и ставшихъ рабами туземцевъ. Понемногу ихъ выдаютъ безъ бою. И странно, и жалко взглянуть на этихъ мучениковъ, такъ они оборваны, грязны, истощены голодомъ и работой! Иные провели тутъ до 35 лѣтъ, женились, вывели дѣтей на новыя униженія. Около 1 іюня мы двинемся за Гагры, тамъ народъ боевой, и природа ужасна трудностями... (ib., 485). Другая часть письма относится къ сердечнымъ дѣламъ Бестужева, который былъ усерднымъ Донъ-Жуаномъ въ самомъ подлинномъ «стилѣ Марлинскаго» (см. ст. С. А. Венгерова «Бестужевъ-Марлинскій» въ его «Критико-біографич. словарь русск. писателей и ученыхъ», т. III, воспом. Я. И. Костенецкаго въ «Русск. Стар.» 1900, ноябрь, 451—453).

Не прошло мѣсяца, и Бестужевъ палъ въ бою съ черкесами на мысѣ Адлерѣ.

Сообщилъ Н. Лернеръ.

IV. Къ історіи возникновенія «Московского Наблюдателя».

Въ 1834 году совершенно ясно стало, что издававшійся въ Москвѣ Н. И. Надеждинымъ журналъ «Телескопъ», съ прибаловленіемъ еженедѣльнаго приложенія подъ заглавіемъ «Молва»,

перешелъ въ руки тѣхъ молодыхъ и новыхъ силъ, которыя не могли удовлетворить вкусамъ группы профессоровъ московскихъ, въ родѣ С. Шевырева и М. Погодина. Этотъ-то кружокъ и порѣшилъ основать новое изданіе въ Москвѣ, начавшее выходить въ 1835 г. подъ заглавіемъ «Московский Наблюдатель». Первымъ редакторомъ этого журнала былъ ученый статистикъ Вас. Петр. Андроссовъ, ставшій извѣстнымъ въ литературномъ и ученомъ мірѣ своей статьей въ «Вѣстникѣ Европы» «Разсужденіе о Кантовой философіи». Литературною частью «Московск. Наблюд.» заведывалъ Шевыревъ. Нѣкоторыя подробности о возникновеніи этого журнала выясняются изъ письма В. П. Андроссова къ М. А. Максимовичу, писаннаго подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ только что состоявшагося факта разрѣшенія издавать журналъ: 9 декабря 1834 г. разрѣшено было изданіе, а 29 декабря написано письмо. Письмо это, находящееся въ моемъ рукописномъ собраніи, настолько характерно для тогдашнихъ московскихъ литературныхъ теченій, что считаю умѣстнымъ напечатать его цѣликомъ.

В. Науменко.

Къ сказанному выше считаю необходимымъ добавить нѣсколько чертъ для характеристики научной фizioноміи Андроссова. Хотя о дѣятельности Роберта Оуэна были освѣдомлены наши высшія сферы, а также и нѣкоторыя, наиболѣе интеллигентныя члены русскаго общества еще въ царствованіе Александра I (такъ напр., его систему воспитанія изучалъ по сочиненію, посвященному этому предмету, декабристъ кн. Ѳ. П. Шаховской), но впервые по-русски наша читающая публика могла ознакомиться съ дѣятельностью въ Нью-Ланаркѣ знаменитаго социалиста изъ письма Пиктета (швейцарскаго профессора Пиктэ), извлеченіе изъ котораго было напечатано статистикомъ и политико-экономомъ Вас. Петр. Андроссовымъ, человѣкомъ вполне прогрессивныхъ взглядовъ, въ издаваемомъ извѣстнымъ московскимъ профессоромъ М. Павловымъ журналѣ «Атеней» подъ заглавіемъ «Нью-Ланарская бумаго-прядильня въ Шотландіи» (1828 г. ч. 5, стр. 239—256). Написанный на конкурсъ, объявленный московскимъ университетомъ трудъ Андроссова по политической экономіи, который С. А. Венгеровъ считаетъ не напечатаннымъ, появился въ «Телескопѣ» 1833 г. ч. XVI. Въ немъ авторъ обнаружилъ очень большую начитанность. Между прочимъ онъ сочувственно отзывається здѣсь объ извѣстномъ произведеніи Сисмонди «Nouveaux principes d'économie politique». Сочиненіе это, по словамъ Андроссова, «можно назвать исковою въ пользу

того класса общества, который все производит... и съ каждымъ днемъ ближе къ тому, чтобы ничѣмъ не пользоваться». (стр. 157). Ему извѣстно и сочиненіе англійскаго социалиста В'л. Томпсона о принципахъ распредѣленія богатствъ (стр. 159—161).

«Московскій Наблюдатель» подъ редакціей Андрossoва успѣха не имѣлъ. Въ 1837 г. право на изданіе того журнала хотѣлъ приобрѣсти у него К. А. Полевой, но не получилъ на то разрѣшенія. Весной 1838 г. изданіе этого журнала перешло въ руки Н. С. Степанова, имѣвшаго въ Москвѣ собственную типографію, который пригласилъ Бѣлинскаго въ качествѣ негласнаго редактора журнала.

Въ послѣдніе годы своей жизни Андрossoвъ занимался собираніемъ матеріаловъ для історіи цивилизаціи въ Россіи. По словамъ Погодина, «цивилизція было любимое слово... любимое занятіе... Андрossoва. Успѣхи цивилизаціи... приводили его въ восторгъ».

Андрossoвъ былъ человѣкъ благороднаго и независимаго характера.

Онъ умеръ въ Москвѣ въ 1841 г. на 39-мъ году жизни ¹⁾.

В. Семевскій.

Москва 29 декабря 1834 г.

Кинувши Москву, ты вѣрно не оставишь пріятелей своихъ, всегда тебя любившихъ и уважающихъ, любезнѣйшій другъ Михаилъ Александровичъ ²⁾. Какъ старый твой товарищъ, Богъ знаетъ, когда бы я собрался написать тебѣ: корреспонденція наша такъ непрочно; но какъ редакторъ «Московского Наблюдателя» заповѣдію считаю поспѣшить увѣдомить тебя о нашихъ затѣяхъ, о которыхъ ты, вѣроятно, уже слышалъ и въ которыхъ ты вѣрно берешь дружеское участіе. Мы тебя просимъ и молимъ не отказать намъ въ содѣйствіи. Изъ газетъ ты узналъ программу, цѣль и содержаніе журнала, но вотъ тебѣ домашнія подробности. Имѣть свой журналъ, свое мнѣніе, свою литературную совѣсть

¹⁾ Некрологи Андрossoва см. въ «Москвитянинѣ» 1841 г. т. VI, кн. 11, стр. 272—274 (М. П. Погодина) и въ «Отечеств. Запискахъ» 1841 г. т. XIX, стр. 96—98. См. также о немъ «Критико-біограф. словарь рус. писателей и ученыхъ» С. А. Венгерова, т. I, СПб. 1889, стр. 568—571, «Русскій біографическій словарь», СПб. 1900 г., Бѣлинскій, «Письма», т. I подъ ред. Е. А. Ляцкого; *Пыпинъ* «Бѣлинскій», изд. 2, 1908 г., стр. 203—207; «Записки Ксенофонта Полевого», изд. Суворина, стр. 86, 89.

²⁾ М. А. Максимовичъ—бывшій профессоръ ботаники въ Московскомъ университетѣ, только въ іюль мѣсяцъ того же 1834 г. покинувшій Москву, такъ-какъ получилъ назначеніе на кафедру профессора русьской словесности во вновь открывавшійся Кіевскій университетъ, гдѣ ему поручено было исполненіе должности ректора.

было для всѣхъ насъ крайне ощутительно. Мы дожили до того наконецъ, что не находили ни привѣту, ни суда, ни расправы въ нашихъ журналахъ. Объединѣли до того, что некуда было пристроить мелкотравчатое свое издѣліе. Не говорю уже о направленіи духа и смысла критикъ Библіотеки и сужденій Молвы, въ которей Н. И. позволилъ хозяйничать студентамъ и раболѣпному уничиженію: эта амальгама такую произвела гадость, что всѣхъ отогнала отъ него ¹⁾. При томъ всѣмъ хотѣлось имѣть изданіе красивое, роскошное. Потолковали и приняли мою мысль: устроить журналъ общественный, который, не принадлежа кому-либо лично, исключительно, былъ бы выраженіемъ мнѣнія неподкупныхъ, а тѣмъ менѣе пошлыхъ, зубскальных. По общему согласію всѣхъ участвующихъ редакцію журнала поручили мнѣ: дѣло трудное, особенно въ настоящее время, и которое я принялъ единственно изъ преданности общему дѣлу. Чтобы дать прочное основаніе журналу и не зависѣть на первыхъ порахъ отъ подписки, мы составили небывающей еще у насъ *фондъ* журнальный, состоящий изъ 22 тысячъ. Сумма эта предназначена, во 1-хъ, на изданіе, какого у насъ также никогда не бывало, и на плату за статьи, допускаемая въ журналъ, назначивъ 150 руб. ²⁾ за печатный листъ оригинала и 40 за переводъ. Весьма трудно было получить разрѣшеніе, но, благодаря князя Дмитрія Владиміровича ³⁾ и министра Сер. Сем. ⁴⁾, принявшаго это дѣло горячо, мы выхлопотали наконецъ на мое имя въ такомъ видѣ, какъ ты ужъ вѣрно прочелъ въ программѣ. Теперь нашъ журналъ составляетъ общій предметъ разговоровъ въ московскихъ гостиныхъ: у насъ впутано столько разныхъ самолюбій, предпріятіе наше связано съ такимъ большимъ количествомъ различныхъ желаній и сужденій, что въ успѣхѣ сомнѣваться нельзя ⁵⁾. Въ жизни и судьбѣ журнала берутъ участіе всѣ известныя иія въ Москвѣ лица, даже *дамы* называютъ журналъ *нашимъ*. Мы не пропускаемъ

¹⁾ Въ пѣломъ рядѣ писемъ къ М. А. Максимовичу изъ Москвы попадаются рѣзкія нагальки на Н. И. Надеждину, и не только за его издательство журнала. Ефгояно, къ этому періоду относится то четверостишіе, которое нашли въ замѣткѣ Максимовича. Вотъ оно:

Къ «Молвѣ» названье не пристало,—
У ней чтецовъ ужъ очень мало.
Мы будемъ звать ее отнынѣ
Гласъ вопіющаго въ пустынь.

²⁾ Напоминаемъ, что счетъ идетъ на ассигнаціи. *Ред.*

³⁾ Кн. Д. В. Голицынъ—московскій генералъ-губернаторъ.

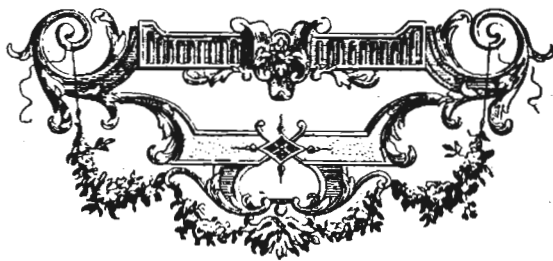
⁴⁾ Серг. Сем. Уваровъ—министръ народнаго просвѣщенія.

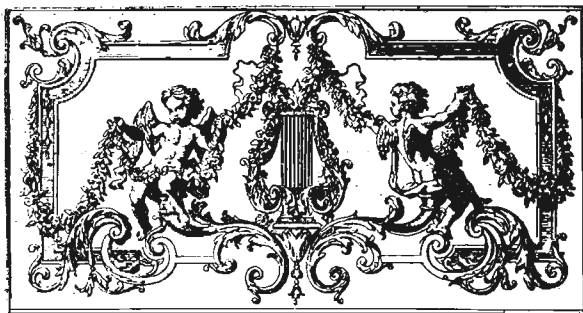
⁵⁾ Ожиданія успѣха не сбылись: подписчиковъ было мало, велось изданіе съ литературной стороны слабо, такъ-что черезъ три года (въ 1838 году) пришлось журналъ передать въ фактическое завѣдываніе Бѣлинскому.

нашимъ приглашеніемъ ни одной литературной извѣстности, и, съ помощію Божьей, дѣло, кажется, идетъ ладно. Получивши поздно разрѣшеніе, мы не могли прежде марта приступить къ изданію: опытъ покажетъ, хорошо ли мы сдѣлали. Если тебя можетъ интересоватъ списокъ внесшихъ деньги для основанія журнала, то, по желанію, сообщу. А теперь прошу только объ одномъ: при пособіи теперешнихъ твоихъ средствъ, распространи возможно болѣе извѣстность о журналѣ, возьми самъ участіе столько, сколько позволяютъ тебѣ настоящія занятія, безъ сомнѣнія обременительныя. Мы на тебя надѣемся. Деньги будутъ присылаемы не позже недѣли по отпечатаніи статьи: такое мы приняли правило. Много бы порадоваль нашихъ неотлагаемымъ отвѣтомъ и присылкою для первыхъ книжекъ чего-нибудь.

Благодатенъ ли для тебя Кіевъ? Старина и Днѣпръ вѣютъ ли для тебя вдохновеніемъ? Откликнись-ка на призывъ дружбы, дай волю, просторъ твоему чувству, всегда стройному, чистому! Въ сторону принужденіе! Будь ректоръ у себя и Максимовичъ, оригинальный, у насъ въ журналѣ. Никто, можетъ быть, такъ искренно не цѣнитъ тебя, какъ я, а потому откровенно прошу тебя убирать нашъ журналъ твоими прекрасными симфоніями слога. Кромѣ услуги журналу, участіе твое я приму и за личное къ себѣ вниманіе и во всякомъ случаѣ не останусь въ долгу. Ни о чемъ больше на этотъ разъ не пишу, думая, что ты въ перепискѣ со многими въ Москвѣ и слѣдственно aux courants des affaires нашихъ шашней. Если прошлый годъ былъ для тебя счастливъ, желаю, чтобы и наслѣдникъ его не измѣнялъ тебѣ; если же нѣтъ, то прими искреннее желаніе получить все доброе въ наступающемъ. Вѣрь душевному чувству всегда тебя уважающаго

Андрossoва.

Мелочи прошлаго.

I. Пѣсня о Павль I.

Въ одномъ рукописномъ сборникѣ историческаго содержанія, относящемся къ первой половинѣ XIX вѣка, намъ попало стихотвореніе неизвѣстнаго автора, характеризующее царствованіе Павла I.

К. Сивковъ.

Нѣту свободы
Днесъ на земли:
Цѣпи, оковы,
Душу и тѣло,
Вѣчно стѣсня, къ гробу
гнетуть.

* * *

Жалобно стонетъ
Бѣдный въ плѣну;
Плачетъ, рыдаетъ—
Кто помощь даетъ?
Руку протянетъ—слезы
сотретъ?

Въ лонѣ распутства
Дремлетъ деспотъ;
Алчетъ ли крови—
Льютъ для него.
Мстѣщую руку кто вознесетъ?

* * *

Бѣдный, несчастный
Слезы сотри!
Извергъ могущій!
Насъ трепещи:
Мы равновѣсье въ мірѣ
блудемъ.

1799 г.

II. Сосѣдская любезность въ эпоху крепостного права.

Милостивый Государь
Иванъ Васильевичъ ¹⁾.

Хотя до сихъ поръ я лишень удовольствія познакомиться съ Вами по причинѣ разстроеннаго моего хозяйства, требующаго почти безвыѣзнаго моего присутствія, но въ настоящее время приведя его сколько нибудь въ лучшее положеніе, я поспѣшу

¹⁾ Письмо адресовано И. В. Малиновскому, изюмскому помѣщику Харьковскій губ.

осуществить мое желаніе и лично передамъ Вамъ тѣ условія о замужествѣ двухъ Вашихъ дѣвокъ, которыя получилъ отъ Константина Николаевича Озерова. Теперь же, позвольте мнѣ Вамъ сказать, что я готовъ Васъ удовлетворить ни деньгами, какъ говорить Вашъ посланный, а поссѣдски. Извольте присылать жениховъ, которыхъ я допущу выбирать невѣсть не только въ Вѣтровкѣ, но и въ деревнѣ Чепель. Ежели въ деревнѣ Вашей найдется охотниковъ жениться, числомъ, превосходящимъ мой долгъ, то и тогда я согласенъ на тѣхъ условіяхъ сосѣдскихъ не препятствовать счастью моихъ крестьянъ.

Съ истиннымъ моимъ уваженіемъ, имѣю честь быть

Милостивый Государь

готовый къ услугамъ

Николай П...

1857 г. 16-го декабря. С.-Чепель.

III. Стологаданіе въ 1853 году.

Конецъ царствованія имп. Николая I, какъ извѣстно, былъ эпохой самой тяжелой реакціи; настроеніе общества было подавленное, и наиболѣе яркимъ выраженіемъ его были скорбныя слова Грановскаго: «Благо Бѣлинскому, умершему во время!» Такія эпохи представляютъ собой благодатную почву для развитія мистицизма, оккультизма, спиритизма и т. п. Такъ было и наканунѣ Крымской войны, которая, подобно освѣжительной грозѣ, очистила политическую атмосферу и привела къ «эпохѣ великихъ реформъ»: мы имѣемъ нѣсколько свидѣтельствъ, что въ 1853 году получило большое распространеніе «стологаданіе». Въ «запискахъ о жизни и времени святителя Филарета, митрополита мсковскаго» Н. В. Сушкова говорится (стр. 260), что «нѣсколько лѣтъ назадъ—Сушковъ писалъ въ 1863—67 гг.,—движущіеся столы и столотвореніе забавляли праздное любопытство легковѣрныхъ людей», а затѣмъ приведена (стр. 65—68, прилож.) выписка изъ письма отъ 29 октября 1853 года, въ которомъ говорится: «О стологаданіи печально слышать, что многіе, какъ будто дѣти какою-нибудь новою игрою, съ жаромъ занялись онымъ, не подумавъ, чѣмъ играютъ и чѣмъ кончиться можетъ игра. Раздѣляю ваше мнѣніе, что занятіе сіе непозволительно». Далѣе въ письмѣ говорится (между кѣмъ шла переписка по вопросу о стологаданіи, установить нельзя, но, повидимому, авторъ письма—митр. Филаретъ), что «одному гадателю столъ далъ предсказаніе о нѣкоторомъ происшествіи, которое должно было возбудить ожиданіе, и могло расположить къ нѣкоторымъ приготовленіямъ», но предсказаннаго не случилось, а передъ другимъ «страстнымъ столо-

гадателемъ, столь оклеветалъ близкую къ нему особу». Письмо заканчивается такъ: «Для васъ сіе не нужно; но, можетъ быть, симъ возбудится ваше вниманіе, что ближнему, могущему принять, подать совѣтъ премудраго: вышихъ себѣ не ищи, и крѣпшихъ себе не испытуй». Стологаданіе получило такое распространеніе, что, по словамъ Сушкова, еще въ 1853 г. митрополитъ напечаталъ въ типографіи Готье нѣсколько словъ «о стологаданіи».

Въ томъ же году митрополитъ Филаретъ говорилъ съ амвона Успенскаго собора въ Москвѣ особую увѣщательную проповѣдь по вопросу о «верченіи столовъ».

О распространенности «стологаданія» въ аристократическихъ кругахъ Москвы свидѣтельствуесть фактъ устройства спиритическихъ сеансовъ у графини Ростопчиной (извѣстной въ то время поэтессы), которая сама считалась «сильнымъ медиумомъ». Какъ говоритъ П. И. Бартеневъ (см. его примѣчаніе къ письму А. С. Стурдзы къ М. П. Сумароковой о столоверченіи, «Р. Архивъ», 1892 г. № 8, стр. 482), въ Петербургѣ, какъ и въ Москвѣ и въ другихъ мѣстахъ, «столоверченіе во время Крымской войны было въ полномъ ходу». «Мы помнимъ, говоритъ онъ дальше, какъ въ 1853—55 годахъ въ Москвѣ почти въ каждомъ сколько-нибудь барскомъ домѣ до поздней ночи засиживались за вертящимися столами, а въ магазинахъ продавались особая приспособленія карандаша для таинственныхъ начертаній. Занятія эти внушили Ѳ. И. Тютчеву его пророческіе стихи: «Стоимъ мы слѣпо предъ судьбою» въ декабрѣ 1854 г.)».

Другое свидѣтельство такого же рода даетъ Д. Н. Философовъ, который писалъ въ 1853 г. своимъ сынсвѣямъ: «А насчетъ отвѣчающихъ столовъ полагаю, что не худо бы запретить сіи штуки, потому что сначала вопросы могутъ быть, не имѣющіе никакихъ вредныхъ видовъ, но въ послѣдствіи, могутъ быть отвѣты вредные въ религіозномъ отношеніи, или возмутительные насчетъ самодержавной власти» (см. «Сборникъ памяти А. П. Философовой» Т. I, стр. 160).

Наконецъ, довольно интересный рассказъ о стологаданіи въ 1853 г. мы находимъ въ «Памятной книгѣ» Сергѣя Городилова¹⁾. Авторъ ея—молодой человѣкъ изъ духовнаго званія, все время вращавшійся въ духовной средѣ. Его рассказъ любопытенъ между прочимъ, какъ показатель, что и въ эту среду проникло увлеченіе стологаданіемъ. Приводимъ рассказъ Городилова съ нѣкоторыми сокращеніями—изъ его собственныхъ разсужденій на эту тему.

К. Сивковъ.

¹⁾ Архивъ Московскаго Историческаго Музея. Собраніе Щукина.

(1853 года) *Ноября 14 дня. Суббота.*

Въ прошломъ мѣсяцѣ у насъ движущіеся столы и тарелки преобразовались въ пишушіе. Сила, которая приводитъ въ движеніе столы и тарелки, есть животный магнетизмъ. Давно извѣстно, что въ человѣкѣ есть какая-то сила, которая до сихъ поръ еще не опредѣлена вполне. Такъ какъ эта сила, подобно магниту, имѣетъ способность притягивать къ себѣ другія тѣла, то она и называется магнетизмомъ, а какъ находится она въ тѣлахъ животныхъ, то—животнымъ. (Далѣе авторъ приводитъ доказательства существованія магнетизма, а потомъ говоритъ):

Наконецъ, движущіеся столы и тарелки болѣе всего доказываютъ дѣйствительность существованія въ человѣкѣ силы, которая по его произволу можетъ приводить въ движеніе другія тѣла. Чтобы привести въ движеніе какую-нибудь вещь, положимъ, тарелку, для сего нужно разобщить между собою пальцы и наложить ихъ на тарелку, прикасаясь къ ней слегка. Магнетизируемыя вещи приходятъ въ движеніе различно, начиная отъ 1-й минуты до 3 четвертей часа, что зависитъ отъ количества магнетизма тѣхъ лицъ, которыя производятъ опытъ...

Если въ человѣкѣ есть сила, которая, подобно магниту, можетъ приводить въ движеніе другія тѣла, то можно предположить, что эта сила (животный магнетизмъ) такъ же, какъ и простой магнитъ, можетъ быть сообщаема другимъ тѣламъ, т.-е. и другія тѣла, будучи ею намагнетизированы, получаютъ всѣ ея свойства. Однимъ только этимъ сравненіемъ животнаго магнетизма съ обыкновеннымъ можно объяснить, какимъ образомъ движущіеся столы и тарелки преобразовались въ пишушіе.

Здѣсь невольно рождается вопросъ: какимъ образомъ намагнетизированныя вещи могутъ отвѣчать?—Если основаться на томъ, что въ человѣкѣ есть способность предугадывать свое будущее. Такъ душа человѣческая иногда заранѣе узнаетъ свое будущее, но только неясно, и потому не можетъ сообщить это другимъ, что мы можемъ видѣть изъ того, что иной за годъ предъ смертію и болѣе начинаетъ тосковать, какъ бы что предчувствуя; впадаетъ въ меланхолію, страдаетъ и во всемъ этомъ не можетъ самъ себѣ отдать отчета и наконецъ—умираетъ. Конечно, все это происходитъ не безъ причины и не такъ себѣ, однако душа можетъ предугадывать только свое будущее, а не чужое, и то не всегда. Нѣкоторые хотятъ для поясненія этого вопроса осуществить такъ называемое «царство тѣней», т.-е. будто бы души умершихъ, будучи для насъ невидимы, живутъ еще съ нами и чрезъ посредство пишущихъ намагнетизированныхъ вещей входятъ къ намъ въ сообщество и извѣщаютъ насъ о томъ, что имъ извѣстно. Предпо-

ложенеіе это образовалось вслѣдствіе отвѣтовъ пишущихъ столовъ и тарелокъ, которые на вопросъ: «кто отвѣчаетъ» писали имена умершихъ. Но оно несправедливо, потому что есть аксіома, что души по смерти грѣшить не могутъ, между тѣмъ какъ эти же самыя души писали ложь. Слѣдовательно, одно остается предположить, что существо, которое намъ отвѣчаетъ въ стологаданіи, есть или діаволь—врагъ нашего спокойствія, или нашъ собственный духъ, но находящійся болѣе или менѣе подъ властію діавола¹⁾. Во всякомъ случаѣ участіе діавола въ стологаданіи неопровержимо,—это видно изъ того, что стологадаіе было извѣстно древнимъ язычникамъ, какъ говоритъ пророкъ Осія, въ IV главѣ, въ 12 стихѣ: «въ знаменіяхъ вопрошаху и въ жезлѣхъ своихъ повѣдаху тѣмъ». Тертулліанъ въ 23 главѣ апологіи христіанства, обличая язычниковъ, прямо говоритъ, что у нихъ помощію демоновъ козы и столы обыкновенно производятъ гаданія.

Вотъ представляю здѣсь нѣсколько отвѣтовъ тарелки, свидѣтелемъ коихъ мнѣ пришлось быть. Едва только были наложены руки на тарелку, она менѣе чѣмъ черезъ минуту пришла въ движеніе и начала чертить, какъ видно было, нисколько не располагаясь писать. Тутъ черченія ея прервали и поставили ее въ началѣ листа, требуя, чтобы она отвѣчала на задуманные вопросы. Но тутъ тарелка, видно, разсердилась и не трогалась съ мѣста. Спустя минутъ 5 тарелка отвѣчаетъ на задуманный вопросъ, какъ можно разборчивѣе—«дуракъ», потомъ «оселъ» и такъ далѣе начала ругаться. Видно, тошно чертушкѣ пришлось, а слушаться не смѣетъ... Потомъ мало-по-малу чертушка обошелся, т.-е. наругавшись, какъ говорится, досыта надъ гадающими, онъ сталъ имъ отвѣчать, почти какъ надо. Одинъ изъ гадающихъ спрашиваетъ: «Какъ зовутъ мою невѣсту?»—«Ольгою».—«Отчество?»—«Ив.»—«Фамилія?»—«Буде цвѣт...»—«Пиши фамилію яснѣе».—«Цвѣт...»—остановилась. «Доканчивай».—«.....» «Кто отвѣчаетъ?»—«Мининъ».—«Ты врешь, напиши по-латыни».—«....». «Ну по гречески напиши это же».—«Не отвѣчаетъ; что жъ, не знаешь?»—«Нѣтъ». НВ. Изъ гадающихъ также никто не зналъ этого по гречески.

«Пиши по гречески, кто отвѣчаетъ?»—«Μῆνῃς».—«Скоро ли выйду на мѣсто?»—«Не твое дѣло».—«Кѣмъ я буду?»—«Божіе

¹⁾ Интересно, что и по мнѣнію А. С. Стурдзы (см. выше названное его письмо), «подобныя упражненія (съ верченіемъ столовъ) ставятъ любопытствующаго человѣка и грѣшника въ непосредственное сообщеніе съ *духами злобы подлѣею*, о существованіи которыхъ прямо свидѣтельствуєтъ св. апостолъ Павелъ».

зніе» (знаніе)—не уписалось.—«Кто же ты?»—«Не знаю судьбы».—«Чьей?»—«Твоей».

Послѣдніе отвѣты тарелка писала очень медленно, вслѣдствіе чего и былъ данъ вопросъ: «будешь ли еще отвѣчать?»—«Завтра». «Гдѣ?»—«Здѣсь».

На другой день, дѣйствительно, тарелка отвѣчала; вотъ ея отвѣты, изъ которыхъ прямо можно видѣть, что существо, отвѣчающее на задаваемые вопросы, есть діаволь.—Задаютъ вопросъ, тарелка не пишетъ, спрашиваютъ: почему?—«Боюсь».—«Кого?»—«Христа».—Дѣйствительно, одинъ изъ державшихъ тарелку, потому что у него очень силенъ магнетизмъ въ рукахъ, но не гадавшій, только что пришелъ отъ обѣдни.

Задаютъ другой вопросъ, и опять не отвѣчаетъ, спрашиваютъ: «Почему?»—«Боюсь».—«Нѣтъ, чертушка, скажи, почему не отвѣчаешь, говенникъ (?) не знаешь?»—«Связанъ».—«Такъ ты подлецъ, негодай?»—«Ты».—«Чѣмъ докажешь».—«Не ругай».—«Кого?»—«Духа».—«Чьего?»—«Твоего».—«Кто же я то?»—«Песъ».—«А ты умникъ?»—«Такъ».—«Грѣхъ гадать?»—«Да».—«Какое будетъ за это наказаніе?»—не отвѣчаетъ. «А будетъ?»—«Да».—«Дома ли такой-то?»—«Нѣтъ».—«Гдѣ же онъ?»—«На землѣ».—«Что такой-то дѣлаетъ?»—«Куритъ».—«А такая-то?»—«Шьетъ».—Послѣднее было справедливо сказано.

Тарелка можетъ отвѣчать на всѣхъ языкахъ, на какихъ только знаютъ гадающіе, также рисовать, на примѣръ, вотъ она нарисовала портретъ одного изъ гадавшихъ.

Далѣе Городиловъ рассказываетъ, что тогдашній митрополитъ Филаретъ выпустилъ особую брошюру, «которая и послужила къ прекращенію вкрадшагося къ намъ съ Запада зла—стологаданія».

III. Сатура на Каткова.

Помѣщаемъ стихотвореніе, имѣющееся въ архивѣ «Глосса Минувшаго» въ копіи за подписью извѣстнаго поэта пушкинской плеяды кн. П. А. Вяземскаго (1792—1878) и, судя по стилю, несомнѣнно, ему принадлежащее. Въ этомъ удостовѣряетъ и пошибъ стиха и нѣкоторыя детали, на примѣръ, упоминаніе о Добчинскихъ и Бобчинскихъ: какъ извѣстно, кн. Вяземскій видѣлъ въ этихъ гоголевскихъ герояхъ типы широкаго обобщенія и любилъ ими пользоваться въ своихъ сатирическихъ стихахъ. См. на прим., «Литературную исповѣдь» 1854 года и стихотвореніе «Добчинскій гласности, онъ хочетъ» 1862. Въ «Полное собраніе сочиненій кн. И. А. Вяземскаго» это стихотвореніе не вошло.

Отношеніе кн. П. А. Вяземскаго къ Каткову не всегда было отрицательно: въ 50-хъ годахъ, при основаніи «Русскаго Вѣстника», онъ оказывалъ даже Каткову поддержку, но тонъ публицистическихъ статей «Московскихъ Вѣдомостей» въ 60-хъ годахъ возстановилъ противъ Каткова нѣкоторыхъ изъ прежнихъ его покровителей. Въ числѣ ихъ долженъ былъ оказаться и кн. Вяземскій, который хотя постепенно всю свою жизнь и «правѣлъ», но до конца жизни оправдывалъ характеристику, данную ему въ молодости Пушкинымъ: «язвительный поэтъ, острякъ замысловатый».

Въ стихотвореніи упоминаются Шелс-Ферроти и Мазадъ. Шело Ферроти—псевдонимъ писателя-публициста барона Ѳедора Ивановича Фиркса (1812—1872), Шарль де Мазадъ (1821—1893)—французскій публицистъ, писавшій въ 60-хъ годахъ о Россіи и Польшѣ.

Ив. Розановъ.

Каткову.

Нѣтъ, Хлестаковъ еще не умеръ:
Вамъ стоитъ развернуть любой
«Московской вѣдомости» номеръ,
И онъ получится живой.

* * *

Все тѣльце хлещетъ самохвальствомъ,
Полнѣтъ онъ отъ самохвалъ.
За панибрата онъ съ начальствомъ
И самъ начальство всѣхъ началъ.

* * *

Его и министерство просить,
Чтобъ онъ вступился въ ихъ дѣла;
Ему и адреса подносятъ,
И нѣтъ тѣмъ адресамъ числа.

* * *

Патріотизма мы не знали,—
Его онъ первый изобрѣлъ.
Всѣ крѣпкимъ сномъ въ Россіи спали,
Онъ пробудить лишь насъ умѣлъ.

* * *

Имъ писанъ «Юрій Милославскій»,
Онъ «Россіаду» сочинилъ.
Наитьемъ тайнымъ въ день Полтавскій
Петра бить шведовъ научилъ.

* * *

Въ двѣнадцатомъ году французовъ
Кто отщелкалъ безъ дальнихъ словъ?
Пожалуй, скажете: Кутузовъ?
Анъ нѣтъ! все тотъ же Хлестаковъ.

* * *

До нашихъ дней, начать съ Батыя,
Онъ насъ отъ вражьихъ силъ спасалъ;
А потому и есть Россія,
Что онъ ее застраховалъ.

* * *

Лишь погрозится онъ мизинцемъ:
Шедо-Феротти и Мазадъ,
Полякъ съ остзейцемъ и грузинцемъ
Предъ нимъ съ стыдомъ бѣгутъ назадъ.

* * *

Все знаетъ, всѣхъ всему онъ учитъ;
Кого невзлюбить, страшень онъ.
Когда листокъ его получить,
Блѣднѣетъ самъ Наполеонъ.

* * *

Все это вздоръ—но встѣ въ чемъ горе:
Бобчинскихъ и Добчинскихъ родъ,
Съ тупою вѣрою во взорѣ,
Предъ нимъ стоятъ, разинувъ ротъ.

* * *

Развѣсятъ уши и внимаютъ
Его хвастливой болтовнѣ.
И въ немъ Россіи величаютъ
Спасителемъ внутри и внѣ.

* * *

О Гоголь, Гоголь, гдѣ ты?—Снова
Возьмись за мастерскую кисть
И, обновляя Хлестакова,
Скажи: да будетъ смѣхъ!—и бысть.

* * *

Смотри, какъ онъ балясы точить,
 Какъ разыгрался въ немъ задоръ;
 Онъ не уѣздъ теперь морочить,
 Онъ—«всероссійскій ревизоръ».
Князь Петръ Вяземскій.

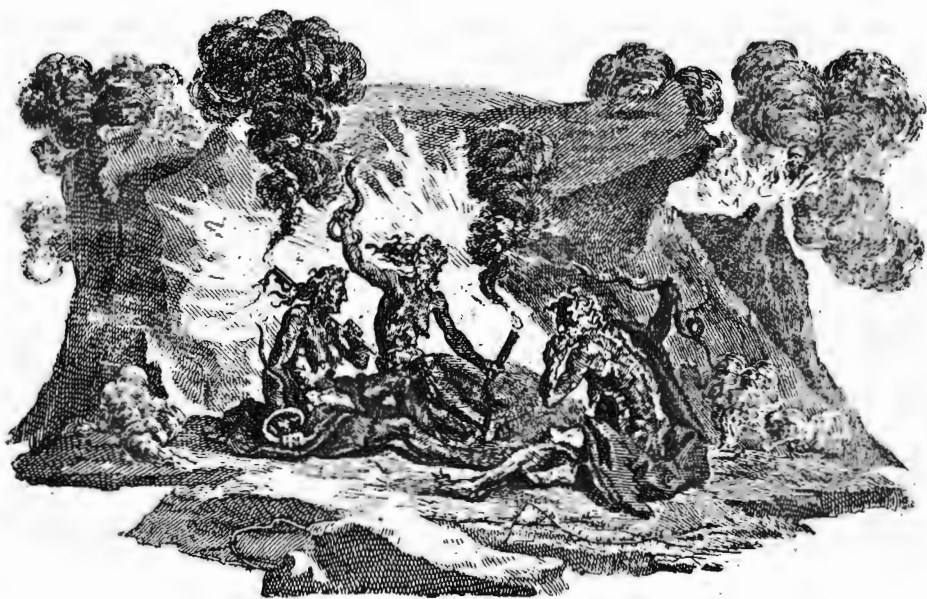
27 января 1867 г.

И. Антонъ Горемыка.

(Стихотвореніе 90 г.г.).

Другъ, не вѣрь пустой надеждѣ,
 Говорю тебѣ, не вѣрь,
 Горе мыкали мы прежде,
 Горе мыкаемъ теперь.
 Графъ Валуевъ горе мыкалъ,
 Мыкалъ горе Маковъ-Цвѣтъ,
 Но немного онъ намыкалъ и увялъ во цвѣтъ **лѣтъ**.
 Всей Россіей заправляя
 Горе мыкалъ Лорисъ самъ
 И въ Европѣ угасая,
 Горемыкой умеръ тамъ.
 Графъ Игнатьевъ изъ-за моря
 На Лориса мѣсто сѣлъ,
 Повернулъ, помыкнулъ горе
 И недолго усидѣлъ.
 А Игнатьеву на смѣну
 Горе мыкать сталъ Толстой.
 Отъ усердья лѣзъ на стѣну
 И намыкалъ ой-ой-ой!
 Но Толстой сошелъ въ могилу,
 Дурново смѣнилъ его;
 Дурно, во, какъ дурно было
 И прогнали Дурново.
 И во всѣхъ министрахъ этихъ,
 Хороша не хороша,
 Пребывала неизмѣнно
 Горемычная душа.
 Да, обманчивой надеждѣ,
 Говорю тебѣ, не вѣрь,
 Горемыки были прежде
 Горемыкинъ сталъ теперь.

Сообщ. А. А. Г.

А. И. Герценъ въ оцѣнкѣ цензора Кассовича.

Въ настоящее время готовится къ печати новое изданіе сочиненій А. И. Герцена. Хочется думать, что на этотъ разъ русское общество будетъ имѣть *полное* собраніе сочиненій опальнаго писателя.

Какъ извѣстно, первое изданіе сочиненій, выпущенное душеприказчиками Ф. Θ. Павленкова, очень далеко отъ должной полноты, но и оно могло появиться лишь въ 1905 году, послѣ десятилѣтнихъ хлопотъ о разрѣшеніи на печатаніе.

Въ предисловіи къ первому тому сочиненій издатели знакомятъ читателя съ исторіей этого разрѣшенія. «Первый рѣшительный шагъ къ возвращенію великаго изгнанника на родину,—писалъ В. И. Яковенко,—сдѣлалъ покойный издатель Ф. Θ. Павленковъ. Онъ приобрѣлъ въ 1894 г. право собственности на изданіе сочиненій А. И. Герцена въ Россіи отъ наслѣдниковъ: его сына, лозанскаго профессора А. А. Герцена и дочерей. Тогда же многіе удивлялись: какъ такой опытный издатель, какъ Ф. Павленковъ, и поступаетъ такъ непрактично,—покупаетъ то, что по условіямъ реализаціи, съ издательской точки зрѣнія, не стоитъ ничего. И, дѣйствительно, всѣ попытки Ф. Павленкова разбивались о цензурныя условія, и онъ умеръ въ 1899 г., не доживъ до осуществленія своей завѣтной мечты. Душеприказчики его, въ лицѣ Н. Розенталя, В. Черкасова и В. Яковенко, сочли одной изъ своихъ главнѣйшихъ обязанностей довести это дѣло до конца. Къ тому времени, благодаря многочисленнымъ статьямъ

и замѣткамъ, появившимся въ періодической печати и разъяснявшимъ значеніе Герцена, почва была уже болѣе подготовлена для снятія запрещенія, тяготѣвшаго надъ его сочиненіями, и въ концѣ 1900 г. послѣдовало Высочайшее разрѣшеніе на изданіе сочиненій Герцена въ Россіи подъ отвѣтственностью главнаго управленія по дѣламъ печати и съ указаніемъ въ главнѣйшихъ чертахъ того, что изъ написаннаго Герценомъ должно быть издано изъ изданія, печатаемаго въ Россіи. Теперь, казалось, дѣло было поставлено на рельсы, и ему оставалось быстро катиться къ нетерпѣливо ожидавшему читателю. Казалось... Но тутъ Герценъ, его нетлѣнные останки, бережно переносимые нами, были подхвачены вихремъ событій, переживаемыхъ Россіею съ вступленіемъ въ 20-ый вѣкъ. Всякое, сколько-нибудь крупное, событіе изъ нашей внутренней жизни за это время отражалось на ходѣ пересмотра цензурнымъ вѣдомствомъ сочиненій Герцена.

А смѣна министровъ внутреннихъ дѣлъ, смѣна главныхъ начальниковъ по дѣламъ печати... У каждаго свой взглядъ, свои соображенія, и въ результатъ безконечная затяжка дѣла. Наконецъ, издателями было получено въ концѣ 1904 г. разрѣшеніе отъ главнаго управленія по дѣламъ печати приступить къ печатанію сочиненій Герцена».

Дополненіемъ къ этому можетъ служить сохранившаяся въ бумагахъ Павленкова копія съ «доклада цензора Кассовича по просмотру полнаго собранія сочиненій «Герцена» на предметъ дозволенія ихъ печатанія въ Россіи». Этотъ въ высшей степени характерный докладъ, занесенный въ журналъ засѣданія петербургскаго цензурнаго комитета 18-го августа 1893 г., непосредственно знакомитъ насъ съ тѣми «условіями», о которыхъ разбивались попытки Павленкова и которыя въ теченіе многихъ лѣтъ мѣшали появленію въ Россіи сочиненій великаго публициста-изгнанника. Насколько тяжелы были эти условія, видно изъ того, на примѣръ, что по мнѣнію автора помещаемаго ниже «доклада» въ русскомъ изданіи сочиненій Герцена подлежало уничтоженію или помѣщенію, но съ исключеніями, свыше 3000 страницъ, а признавались «безусловно возможными, безъ всякихъ модификацій» всего лишь... 1000 страницъ....

Б. Оедоровъ.

Докладъ Кассовича.

Лѣтъ 30—40 тому назадъ имя Герцена пользовалось громкою извѣстностью въ интеллигентныхъ кружкахъ русской молодежи. Къ его голосу, раздававшемуся откуда то издалека, прислушались иные со страхомъ, другіе съ напряженнымъ вниманіемъ.

Но это продолжалось недолго. Нарождалось молодое поколѣніе, быстро обогнавшее своего учителя—появился вскорѣ, такъ удачно схваченный Тургеневымъ, типъ Базарова. Межъ тѣмъ Герценъ круто повернулъ вспять. Одурачившій чадъ быстро слѣдовавшихъ одна за другой европейскихъ революцій испарился и пересталъ дѣйствовать на крайне воспріимчивую голову эмигранта. Исполнь сталъ онъ явно порицать насильственные мѣры вообще и зло посмѣиваться надъ корифеями революціи. Несчастное увлеченіе польскимъ возстаніемъ 1863 года нанесло окончательный ударъ популярности нѣкогда любимаго публициста. Всѣ отвернулись и отъ него самого, и отъ его вычурно витіеватыхъ проповѣдей: патріотическое чувство большинства русскихъ людей было слишкомъ глубоко уязвлено.

Нѣтъ ничего удивительнаго поэтому, что въ настоящее время, при чтеніи полнаго собранія сочиненій Герцена, такъ и кажется, что всколыхнулся міръ дѣтскихъ, юношескихъ грезъ. Когда-то казался онъ и грандіознымъ и обаятельнымъ, теперь же, прислушиваясь къ этимъ старымъ, давно отзвучавшимъ напѣвамъ, трудно воздержаться отъ полупрезрительной, полуснисходительной улыбки. Да иначе какъ же и могло бы быть! Главные мотивы, разрабатываемые Герценомъ съ такою до утомительности, тщательностью и подробностью, для современнаго читателя вѣдь всѣ или разрѣшены или сданы въ архивъ. Таковы, напримѣръ: крѣпостничество, гегеліанизмъ, индивидуализація личности, вредъ революцій республиканскаго оттѣнка перерождающихся фатально въ грубѣйшій деспотизмъ, назрѣваніе новаго четвертаго сословія рабочихъ и т. д.

Но сочиненія Герцена представляютъ собою весьма назидательное чтеніе и для современниковъ. Объ этомъ писателѣ, недоступномъ для русскаго средняго читателя, сложились цѣлыя легенды. Многіе считаютъ его за передового радикальнаго бойца, за отчаяннаго анархиста. На самомъ же дѣлѣ, судя по крайней мѣрѣ по тому, о чемъ онъ такъ краснорѣчиво докладываетъ чуть не на каждой страницѣ своихъ статей о самомъ себѣ, выступаетъ на историческую сцену образъ слабого, одареннаго при томъ безграничнымъ самолюбіемъ, тунеядца. Сынъ извѣстнаго богача, живетъ онъ на распашку. Всю его университетскую жизнь можно охарактеризовать двумя лишь словами: оргіи и либеральничанья на словахъ. Сболтнулъ что-то невзначай—посылаютъ чиновникомъ въ Вятку. Баричу не понравилось. Облекается въ мученическій вѣнецъ. А когда снисходительное правительство снимаетъ съ него полицейскій надзоръ, онъ удираетъ за границу. Тамъ продолжается все та же исторія. Сначала пристраивается къ

революціи,—чина демагогическаго ему никакого не преподносятъ. Опять новая, кровная обида для барчука. Скитается разочарованный по столицамъ Европы. Ему снова мерещится, что всѣ правительства преслѣдуютъ несчастнаго эмигранта. Удаляется въ Лондонъ, сходитя съ корифеями европейской эмиграціи. Пробуетъ играть между ними роль, раздаетъ похвальные листы тѣмъ изъ нихъ, которые явно льстятъ, остальныхъ ругательски ругаетъ. Доходитъ наконецъ, до того, что всѣхъ эмигрантовъ, чуть не огуломъ, начинаетъ костить направо и налево—кого обзываетъ воромъ, кого шпіономъ. Наступаетъ окончательный переломъ. Революція по боку. Европа гніетъ. Соціализмъ—вотъ гдѣ спасеніе. Наступаетъ чередъ социальнымъ мечтаніямъ, самымъ неопредѣленнымъ, прерываемымъ блѣдными письмами къ старому товарищу, отзывающимися почти полнымъ квіетизмомъ.

У этого безхарактернаго самолюбца есть однако нѣсколько, къ слову сказать, крайне неприличнаго свойства, коньковъ. Императора Николая и все его царствованіе онъ не выноситъ, любитъ кстати и не кстати посплетничать насчетъ такъ называемыхъ дворцовыхъ переворотовъ, додымается иногда на котурны народнаго трибуна и наконецъ норовитъ зачастую хвастнуть умѣреннымъ атеизмомъ. Вообще же болтливъ, болтливъ безъ конца и часто поэтому повторяется. Всѣ эти коньки, просто ради приличія, легко устранить. Почти всѣ мѣста въ подобномъ родѣ отмѣчены во всѣхъ одиннадцати томахъ скобками и чертами на поляхъ синимъ карандашомъ.

Такимъ образомъ, разбирая съ вышеизложенной точки зрѣнія сочиненія Герцена, можно ихъ распредѣлить по слѣдующимъ категоріямъ:

А) Безусловно возможные, безъ всякихъ молификацій. (Громадное бблшинство было помѣщено въ различныхъ періодическихъ изданіяхъ, выходившихъ въ Россіи):

1. Диллетантизмъ въ наукѣ (I, стр. 279—351). 2. Буддизмъ въ наукѣ (I, стр. 351—383). 3. Гофманъ (II, стр. 1—26). 4. Рѣчь, сказанная при открытіи Вятской публичной библіотеки (II. 27—30). 5. Письма объ изученіи природы (II. 33—307). 6. По поводу одной драмы (II. 308—338). 7. Кто виноватъ (III. 1—276). 8. Ссрока-воровка (III. 297—326). 9. Докторъ Круповъ (III. 327—364). 10. Мимоѣзломъ (III. 365—368). 11. Записки одного молодого человѣка (VIII. 1—80). 12. Лициній и Вильямъ Пенъ (VIII. 81—90). 13. Капризы и раздумье (VIII. 91—130). 14. Статьи полемическія (VIII. 131—177). 15. Нѣсколько замѣчаній объ историческомъ развитіи чести (VIII. 178—210). 16. Осепано пох. (IX. 89—103). 17. С. Ворцель (Собрн. посмертн. стат. 123—138)..

Б) Возможныя, съ указанными въ текстѣ исключеніями:

1. Долгъ прежде всего (IV. 1—69).
2. Поврежденный (IV. 87—116).
3. Письма изъ Франціи и Италіи. (IV. 127—393).
4. Дѣтская и университетъ (IV. 1—203).
5. Владиміръ на Клязьмѣ (VII. 1—108).
6. Москва; Петербургъ и Новгородъ (VII. 109—266).
7. Не наши (VII. 290—381).
8. Парижъ—Италія—Парижъ (VIII. 211—372).
9. Еще разъ Базаровъ, письмо первое (IX. 417—431).
10. Былое и думы, часть пятая гл. XL (IX. 12—88).
11. Русскія тѣни: Н. И. Сазоновъ (IX. 113—127).
12. Русскія тѣни: Энгельсоны (IX. 127—174).
13. Англія. (IX. 175—271).
14. Робертъ Оуэнъ (IX. 272—279).
15. Два процесса—дуэль (IX. 334—356).
16. Безъ связи (X. 1—46 и 46—100).
17. Лондонская больница 50-хъ годовъ (X. 100—132).
18. Концы и начала (X. 191—280).
19. Еще варіаціи на старую тему (X. 281—297).
20. Н. Х. К. (Кетчеръ) (Сборн. посмертн. стат. 1—40).
21. Базиль и Армансъ (Ibd. 41—83).
22. Нѣмцы въ эмиграціи (Ibd. 51—83).
23. Горныя вершины (Ibd. 84—112).
24. Бартелели (Ibd. 113—122).
25. Апогей и перигей (Ibd. 139—159).
26. Обшій фондъ (Ibd. 177—191).
27. Къ старому товарищу (Ibd. 288—312).

В) Возможныя, но представляющія собою нѣкоторыя, хотя въ иныхъ случаяхъ и не особенно значительныя, неудобства по политическимъ мотивамъ:

1. Тюрьма и ссылка (VI. 204—377). (Авторъ слишкомъ подчеркиваетъ свое quasi—политическое мученичество).
2. Робертъ Оуэнъ (IX. 279—334). (Встрѣчается довольно много социалистическихъ идей).
3. Два процесса, II Not guilty (IX. 35—377). (Оправданіе англійскимъ судомъ подозрѣваемаго въ покушеніи на цареубійство).
4. Comitia rossa. (Красная рубаша). (IX. 356—377). (Апофеозъ Гарибальди народною толпой въ Англіи).
5. Императоръ Александръ I и В. Н. Каразинъ (X. 133—190). (Представленіе Каразина въ роли маркиза Позы).
6. Княгиня Екатерина Романовна Дашкова (X. 313—395). (Много сплетень о дворцовыхъ переворотахъ).
7. Смерть Станислава Ворцеля (X. 396—404). (Мученикъ за Польшу).
8. В. И. Кельсievъ. (Сб. посм. стат. 161—176). (Дѣятельность его за границей).
9. М. Б. и польское дѣло (Ibd. 192—221). (Въ сущности шутовское участіе Бакунина въ польскомъ возстаніи).
10. Пароходъ Word Sackson (Ibd. 222—237).
11. Докторъ, умирающій и мертвый (Ibd. 238—283). (Описаніе послѣднихъ минутъ якобинца).

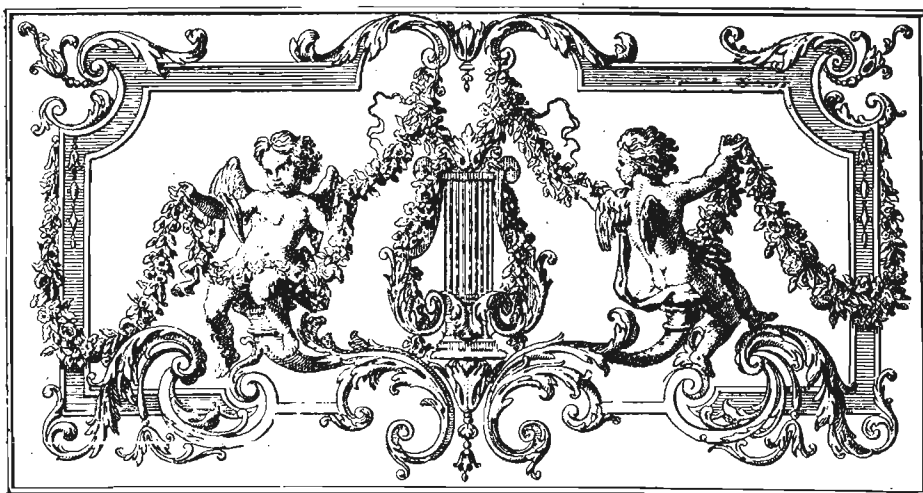
Г) Неудобныя безусловно:

1. Дневникъ (I. 1—276).
2. Москва и Петербургъ (III. 277—289).
3. Новгородъ Великій и Владиміръ на Клязьмѣ (III. 289—296).
4. Письма изъ Франціи и Италіи, вступленіе (IV. 117—126).

и 385—393). 5. Съ того берега (V. 1—172). 6. Русскій народъ и социализмъ (V. 173—216). 7. Крещеная собственность (V. 217—248). 8. Старый міръ и Россія (V. 249—296). 9. Вольное русское книгопечатаніе (не помѣчено, гдѣ). 10. Юрьевъ день! Юрьевъ день! (V. 301—309). 11. Поляки прощаютъ насъ! (V. 310—319). 12. Вольная русская община (V. 320—326). 13. XXIII годовщина польскаго возстанія (V. 327—335). 14. Народный сходъ (V. 336—351). 15. Глава XXX, Не наши (VII. 266—290). 16. Глава XXXIX (VIII. 372—395). 17. Былое и тумы, часть пятая (IX. 1—12). 18. Русскія тѣни (IX. 104—112). 19. Безъ связи. III. Цѣты Минервы (X. 42—45). 20. Лишніе люди и желчевики (X. 298—312). 21. Aphorismata (X. 405—416). 22. Еще разъ Базаровъ, письмо второе (X. 431—437). 23. За кулисами (сборн. посм. стат. 160). 24. Даніилъ Тьеръ (Ibd. 284—287). 25. Долгъ прежде всего (IV. 69—86).

Въ заключеніе необходимо замѣтить, что почти всѣ сочиненія Герцена, изданныя за границей, не могутъ по многимъ весьма понятнымъ причинамъ стать достояніемъ большинства публики, и кругъ читателей въ данномъ случаѣ слѣдуетъ по возможности ограничить. Сдѣлать же это весьма не трудно. Стоитъ только обязать издателя: 1) печатать разрѣшенныя ему сочиненія этого публициста въ общемъ сборникѣ, состоящемъ изъ нѣсколькихъ томовъ, 2) назначить этому сборнику цѣну приблизительно не менѣе 10 рублей, 3) не выпускать въ продажу отдѣльныхъ томовъ, а тѣмъ паче отдѣльныхъ самостоятельныхъ статей, и 4) разрѣшенныя такимъ образомъ сочиненія Герцена слѣдуетъ изъять изъ числа книгъ, допускаемыхъ въ частныя публичныя библіотеки, такъ какъ этимъ послѣднимъ путемъ сочиненія Герцена могутъ пріобрѣсти самый обширный кругъ читателей.

Критика и библиографія.

Алексѣй Веселовскій. Западное вліяніе въ новой русской литературѣ. Пятсе значительно дополненное изданіе. М. 1916. VII+259 стр. Ц. 2 р. 50 к.

Выпуская въ 1910 г. четвертое изданіе свей книги, А. Н. Веселовскій писалъ въ предисловіи къ этимъ «сравнительно-историческимъ очеркамъ», что «ихъ замѣнить, быть можетъ, современемъ обширное изслѣдованіе, съ инымъ планомъ. Они же достигли предѣла свей жизни. Пусть настоящее ихъ изданіе будетъ послѣднимъ, *édition définitive*». Нетрудно было тогда же предсказать, что четвертое изданіе не будетъ послѣднимъ. Порокою тому были достоинства и особое положеніе книги въ нашей литературной историографіи.

Книга акад. Веселовскаго какъ была при первомъ своемъ появленіи, такъ и осталась дсѣнѣ единственнымъ общимъ обзоромъ западныхъ вліяній въ русской литературѣ. И до нея, и особенно въ позднѣйшее время появлялись и появляются спеціальныя изслѣдованія западныхъ вліяній—въ примѣненіи къ отдѣльнымъ писателямъ, напр., Пушкину, Лермонтову. Но ни одинъ изслѣдователь не рѣшился предложить новаго пересмотра всей эволюціи русской литературы подъ этимъ угломъ зрѣнія—въ виду выдающихся достоинствъ труда А. Н. Веселовскаго. Чтобы выполнить этотъ трудъ, требовалось быть литературнымъ утравкистомъ, одинаково ослѣдственнымъ и въ русской, и въ западныхъ литературахъ. Таксвымъ именно и былъ А. Н. Веселовскій. Уже въ первомъ изданіи (1883 г.) его книга была насыщена обильными данными своихъ порядковъ. Въ дальнѣйшихъ изданіяхъ авторъ неустемимо пополнялъ фактическіе матеріалы и перерабатывалъ изложеніе. Постепенно книга становилась не только общимъ обзоромъ съ огромнымъ захватомъ, но и справочникомъ по самымъ разнообразнымъ вопросамъ литературной исторіи. Она уже давала гораздо больше, чѣмъ обѣщало заглавіе. Кромѣ новой русской литературы, въ ней

обозрѣвалась (въ обширномъ введеніи) и древняя литература, отчасти и устная словесность; кромѣ литературы привлекались и факты общекультурныхъ взаимодействій Запада и Россіи. Насколько ревностно авторъ слѣдитъ за разработкой въ наукѣ интересующихъ его явленій, наглядно показываетъ сравненіе четвертаго и пятаго изданія книги. Лежащій между ними промежутокъ въ шесть лѣтъ былъ полонъ оживленной научной работы и далъ много новыхъ сравнительно-историческихъ изученій по литературѣ; укажемъ, напр., юбилейную литературу о Лермонтовѣ 1914—1915 гг. Все лучшее изъ этого новѣйшаго научнаго движенія, оказывается, воспринято и систематизировано въ пятомъ изданіи книги; въ библиографическихъ примѣчаніяхъ отмѣчены новинки даже истекшаго 1916 года. Богатство и свѣжесть матеріаловъ наряду съ широтою историческаго и эстетическаго пониманія, несомнѣнно, вновь обезпечатъ книгѣ долготѣнную жизнь. Ея широкому распространенію среди читателей будетъ способствовать и стиль, какимъ она изложена—оригинальный, изящный, хотя нѣсколько приподнятый и чопорный.

Однако, у А. Н. Веселовскаго были основанія говорить о возможности новаго, «обширнаго изслѣдованія, съ инымъ планомъ». Дѣло, конечно, не въ томъ, чтобы раздвинуть хронологическія границы обзора. Въ разбираемой книгѣ изложеніе доведено только до шестидесятихъ годовъ прошлаго вѣка, и, разумѣется, вполне возможенъ и необходимъ обзоръ западныхъ вліяній за послѣднее пятидесятилѣтіе. Возможно было бы ввести въ изложеніе цѣлыя группы явленій, обойденныя или только бѣгло упомянутыя въ книгѣ А. Н. Веселовскаго. Понимая литературу, вмѣстѣ съ авторомъ, въ широкомъ смыслѣ, можно было бы детальнѣе прослѣдить западныя вліянія въ русской литературной критикѣ. Въ этомъ направленіи уже дѣлаются любопытныя изученія (сошлемся, напр., на статью Е. В. Аничкова «Эстетика реализма» въ Собраніи сочиненій Добролюбова, изданіе «Дѣятеля», т. 3-й). Западныя вліянія бывали замѣтны и сильны и въ самой научной разработкѣ исторіи русской литературы; это будетъ ясно, если мы упомянемъ имена Буслаева, Сухомлинова, Пыпина. Длѣе, возможны были бы большія вставки въ обзоръ вліяній на русскую литературу обойденныхъ А. Н. Веселовскимъ отдѣльныхъ иноземныхъ авторовъ или цѣлыхъ направленій. Такъ, говоря о «Словѣ о полку Игоревѣ», слѣдовало бы изложить мнѣніе проф. Абихта о вліяніи на этотъ памятникъ поэзіи скальдовъ (см. объ этомъ статью проф. В. И. Рязанова въ «Журн. Мин. Народ. Просвѣщенія» 1908 г., июнь). Въ обзорѣ XVIII вѣка едва затронутъ Оссианъ, оказавшій сильное воздѣйствіе на созрѣваніе русскаго преромантизма. Въ XIX вѣкѣ осталось совершенно неразработаннымъ вліяніе Жанъ-Поль-Рихтера, а вѣдь этотъ писатель бывалъ властителемъ думъ и Бѣлинскаго, и Бакуниныхъ, и другихъ литераторовъ и читателей тридцатыхъ годовъ. Упоминанія о вліяніи на русскую мысль Фейербаха въ книгѣ А. Н. Веселовскаго совершенно случайны; между тѣмъ обильные факты здѣсь могли бы легко сложиться въ цѣлую поучительную главу. Но всѣ эти и подобныя вставки только количественно могли бы дополнить книгу, и безъ того весьма

обширную, нисколько не измѣняя ни ея общей схемы, ни самихъ пріемовъ изученія.

Говоря объ «изслѣдованіи съ инымъ планомъ» акад. Веселовскій, очевидно, разумѣлъ другое.

Многое измѣнилось съ тѣхъ поръ, какъ онъ впервые (35 лѣтъ тому назадъ) задумывалъ и начиналъ свои «сравнительно-историческіе очерки». Тогда приходилось еще отстаивать самое право изслѣдователя на изученіе чужеземныхъ вліяній въ родной литературѣ, и первыя изданія книги появлялись въ «условіяхъ борьбы» съ литературными націоналистами, когда «полемическое возбужденіе не остывало». Потомъ «уваженіе или хотя приличное отношеніе къ европейской культурѣ постепенно возстановилось» (не безъ вѣдѣйствія именно разбираемой книги А. Н. Веселовскаго, — въ чемъ и состоитъ ея общественно-историческое значеніе). Однако слѣды прежней полемики сохранились въ книгѣ, несмотря на послѣдующія переработки, и теперь какъ-то странно читать въ предисловіи къ пятому изданію, что изслѣдователь одинаково въ правѣ изучать вліянія и восточныя византійскія, и западныя, что «если бы за западнымъ нашимъ рубежомъ разстилались необозримыя степи, и оттуда неслась къ намъ унылая пѣсня кочевника или аскетическая буддійская притча, противъ перехода ихъ въ русское народное достояніе, никто бы не высказался»... Естественно, что въ отпоръ былымъ предубѣжденіямъ вся книга А. Н. Веселовскаго строилась въ особомъ уклонѣ, культурно-общественномъ. Современная же литературная исторіографія, уже освобожденная отъ необходимости защищать элементарныя права изслѣдованія, должна ставить вопросъ о «вліяніяхъ» въ иномъ направленіи, не общественномъ или культурно-историческомъ, а въ историко-литературномъ, даже литературно-психологическомъ. Она должна, прежде всего, опредѣлить самое понятіе «литературнаго вліянія», изучить и систематизировать весьма разнообразныя виды этого вліянія (въ языкѣ, стилѣ, поэтическихъ формахъ, сюжетахъ, образахъ, композиціи, идейности и проч.), проникнуть въ психологическую сущность воспріятія поэтомъ чужого возбужденія. Рисуя широкую картину западныхъ вліяній на протяженіи многихъ вѣковъ и эпохъ, А. Н. Веселовскій не могъ, конечно, углубляться въ эти вопросы и даже не формулировалъ ихъ какъ методологическую задачу. Между тѣмъ именно морфологія и психологія литературныхъ вліяній становятся теперь очереднымъ предметомъ изученія. Кое-что ужъ дѣлается у насъ въ этой области. Укажу двѣ небольшія работы, произведенныя почти одновременно: 1) *И. Н. Розановъ*. Кн. Вяземскій и Пушкинъ. Къ вопросу о литературныхъ вліяніяхъ. «Бесѣды», сборникъ Общества исторіи литературы въ Москвѣ. М. 1915; 2) *А. Л. Бемъ*. Къ уясненію понятія историко-литературнаго вліянія. «Пушкинъ и его современники», вып. XXIII—XXIV. П. 1916 (ср. его же статью о вліяніи Шатобріана на Пушкина, тамъ же, вып. XV. П. 1911). Но многое еще предстоитъ сдѣлать въ будущемъ. Между прочимъ, примѣняя болѣе дифференцированныя и строгіе методы анализа «вліяній», придется многое, прежде относимое къ заимствованіямъ, подражаніямъ, вліяніямъ, признать просто совпаденіемъ, случайнымъ сходствомъ,

простой аналогіей, одинаковымъ слѣдствіемъ совсѣмъ независимыхъ причинъ. Таксе смѣшеніе явленій разныхъ порядковъ мы не разъ наблюдаемъ и въ книгѣ А. Н. Веселовскаго, хотя въ свсемъ изслѣдованіи онъ вообще очень остороженъ и сдержанъ. У новѣйшихъ же, особенно начинающихъ изслѣдователей это часто переходитъ допустимую мѣру. Наконецъ, выясняется необходимость еще одного методологическаго приема: изслѣдованіе литературныхъ вліяній должно быть двухстороннимъ; чтобы опредѣлить размѣръ и характеръ воспринятаго поэтомъ извнѣ въздѣйствія, необходимо одновременно отчетливо опредѣлить и черты его оригинальнаго творчества (примѣръ такого приема можно видѣть въ статьѣ М. О. Гершензона о вліяніи «Ангела» Пушкина на лермонтовскаго «Демона»—въ журн. «Ссфія» 1914, № 3).

Таковы черты «инога плана», въ которомъ будутъ слагаться дальнѣйшія изслѣдованія литературныхъ вліяній. Замѣнить книгу А. Н. Веселовскаго они, однако, не смогутъ. Какъ общій обзоръ, она останется трудомъ классическимъ и незамѣнимымъ.

Н. Пиксановъ.

Памяти Измаила Ивановича Срезневскаго. Книга 1. Петроградъ. Типографія Императорскѣй Академіи Наукъ. 1916. VIII+420.

Цѣна 2 р. 50 к.

Торжественное собраніе Отдѣленія Русскаго языка и словесности 20-го января 1913 года и устренная одновременно съ нимъ въ залахъ Академіи памятная выставка въ ознаменованіе столѣтней годовщины дня рожденія И. И. Срезневскаго послужили для этой превосходно изданной книги основнымъ матеріаломъ, вошедшимъ въ нее, частью въ переработанномъ и дополненномъ видѣ, съ добавленіемъ еще нѣсколькихъ статей.

Послѣ краткаго вступительнаго слова А. А. Шахматова сборникъ начинается біографическимъ очеркомъ, принадлежащимъ перу Всев. Изм. Срезневскаго и являющимся нѣсколько расширеннѣй переработкой выпущенной къ юбилею брошюры (СПБ. 1913); примыкающіе къ нему «Матеріалы для біографіи И. И. Срезневскаго» (609 номеровъ) представляются шедевромъ бібліографической тщательности. Данныя біографіи и описаніе памятной выставки даютъ возможность судить о богатствѣ архива Срезневскаго и въ равной мѣрѣ должны заинтересовать и историковъ украинской литературы, и этнографовъ, и представителей русской филологіи, и славистовъ. «И. И. былъ однимъ изъ центровъ, къ которому сходились ученые силы Россіи и славянскихъ земель; благодаря его живому, общительному характеру, отсутствію замкнутости—обычной черты ученаго,—сношенія его были въ высшей степени обильны и разнообразны. До конца жизни онъ сохранилъ живой интересъ ко всему, что касалось движенія науки и литературы, къ развитію и распространенію просвѣщенія,—и до конца его жизни не прекращалась его оживленная переписка съ людьми мысли. Число писемъ къ нему, хранящихся въ его архивѣ, можетъ считаться тысячами, число корреспондентовъ сотнями (свыше 900)».

Уже изъ сравненія перечня архивныхъ матеріаловъ (даннаго

въ описаніи выставки) относящихся къ харьковскому періоду дѣятельности Срезневскаго, съ данными статьи—рѣчи проф. Сумцова, характеризующей этотъ періодъ, видно, какой громадной цѣнности матеріалы хранятся въ «украинской скарбницѣ» Измаила Ивановича: неизданныя письма и произведенія украинскихъ писателей и этнографовъ: Квитки—Оснєвьяненка, Гулака—Артемовскаго, Л. Бєрєвиовскаго, бр. Евєцкихъ, Росковшенка, Ає. Шпигоцкаго и др., этнографическія записи 30-хъ годовъ.—все это, конечно, дастъ новыя данныя для освѣщенія исторіи украинской этнографической школы и ея романтическихъ увлеченій. Поэтому нельзя не пожелать, чтобы въ послѣдующія книги, очевидно, предположенной въ память Срезневскаго серіи (это первая книга, какъ значитъ на облсжкѣ), вошло изданіе его «Скарбницы» и переписки, прсектированное уже въ 90-хъ гг., о чемъ еще тогда сынъ покойнаго заявлялъ въ историческихъ журналахъ, собирая къ ней всѣ матеріалы. Прсф. Сумцовъ лишь вскользь касается чрезвычайно любопытнаго вопроса о фальсифицированныхъ украинскихъ думахъ, опубликованныхъ Срезневскимъ въ «Запорожской Старицѣ» и сыгравшихъ громадную роль въ развитіи украинскаго историческаго романтизма, отвергая указаніе біографа на то, что Изм. Ив. «раньше критиксвъ увидѣлъ недостатки своей работы и понялъ, что среди его корреспондентовъ были люди недобрсовѣстные». «Несправедливо,—говоритъ прсф. Сумцовъ,—перекладывать всю вину на корреспондентовъ». Быть можетъ опубликованіе всѣхъ записей и черновиновъ, относящихся къ этому предмету (напр., записи тетради Изм. Ив.; см. стр. 314) прольетъ свѣтъ на эту интересную страничку его жизни. Зная, что самъ Срезневскій записывалъ думы и съ голоса (ср. стр. 265), мы бы склонны были стать на точку зрѣнія біографа, если бы не категорическое свидѣтельство Костомарова, что Срезневскій «представлялъ и сосблалъ и фальшивилъ лѣтописныя псѣвствованія». (ср. стр. 78 и 79); подрсбнѣ Русскій Архивъ 1890 г., кн. 3-я стр. 218—219).

Въ живомъ и яркомъ очеркѣ «И. И. Срезневскій и славянство» прсф. В. Францевъ описываетъ путешествіе Изм. Ив-ча по славянскимъ землямъ, попутно дѣлая критическія указанія на труды его, такъ или иначе связанные съ печальными «открытіями» Ганки (въ которыя Срезневскій вѣрилъ до смерти, даже «пслѣ сокрушающихъ аргументовъ противъ ихъ подлинности») и рисуетъ полно и подробно картину обширнѣйшихъ связей Изм. Ивановича со славянскими учеными и писателями, выясняя послжительное вліяніе его на возбужденіе и укрѣпленіе въ кругахъ интеллигенціи различныхъ славянскихъ народовъ идей національнаго самосознанія и развитія. Очеркъ прсф. Францева показываетъ, какъ велико значеніе сокровищъ архива Срезневскаго особенно для историка славистики въ Россіи.

Образъ этого неутомимаго работника на поприщѣ излюбленной науки еще ярче выступаетъ изъ воспоминаній о немъ академика В. Ягича и покойнаго проф. Цеѣтаева, сливаясь гармонически съ образомъ рѣдкаго семьянина и обязательнаго въ личномъ общеніи человѣка, одареннаго богатомъ и развитомъ художественнымъ вкусомъ и поэтическими склонностями, оха-

рактизованными статьей О. И. Срезневской: «Художественныя произведенія И. И. Срезневскаго и его отношеніе къ поэзіи вообще». Зато академикъ А. И. Соболевскій въ своей рѣчи «Заслуги И. И. Срезневскаго» выполнилъ только часть поставленной ему задачи. Если при произнесеніи ея передъ утомленной уже публикой и умѣстно было высказывать опасеніе «утомить ея вниманіе», то въ статьѣ, вышедшей въ свѣтъ три года спустя, это представляется просто смѣшнымъ: перечисливъ громадныя труды Срезневскаго, главнымъ образомъ, по собиранію, описанію и изданію научныхъ матеріаловъ, акад. Соболевскій, упоминая объ уклоненіи Изм. Ивановича «отъ рѣшенія болѣшихъ вопросовъ» и несклонности его къ обобщеніямъ и выводамъ, какъ разъ умолкаетъ тамъ, гдѣ онъ, какъ спеціалистъ по исторіи русскаго языка, долженъ дать отзывъ о значительныхъ, отличающихся широтой постановки вопроса и для своего времени замѣчательныхъ въ этой области трудахъ Измаила Ивановича, каковы особенно «Мысли объ исторіи русскаго языка», кое-что относящееся къ оцѣнкѣ которыхъ по счастью находимъ въ біографическомъ очеркѣ.

Изданіе снабжено прекраснымъ портретомъ Срезневскаго и многочисленными репродукціями автографовъ его и его друзей.

Нельзя только не пожалѣть, что въ этомъ сборникѣ слабо и лишь вскользь охарактеризованной оказалась *идеологія* славянскихъ симпатій Срезневскаго и совсѣмъ неохарактеризованными его политическіе взгляды—весьма существенный пробѣлъ для возможности ясно создать цѣльный образъ этого разносторонняго дѣятеля. Чрезвычайно бы любопытно было уяснить себѣ, какъ въ Срезневскомъ сочетались широкія славянскія симпатіи и тенденціи панслависта съ отсутствіемъ «славянофильскаго» политиканства, какъ и почему вышло такъ, что онъ, несомнѣнно крупнѣйшій знатокъ славянства, при этомъ человѣкъ чуждый узости кабинетныхъ ученыхъ, не примкнулъ ни къ представителямъ украинскаго панславизма, ни къ московскимъ славянофиламъ, въ своемъ «славянскомъ романтизмѣ» оставаясь нѣсколько въ сторонѣ и отъ западниковъ? Почему онъ, рѣшительный сторонникъ самостоятельнаго литературнаго развитія Украины, еще въ 60-хъ гг. поддерживавшій мысль о полномъ надеждѣ будущемъ ея словесности, въ 70-хъ гг. пришелъ къ мысли объ отсутствіи «необходимости дѣлать эту письменность самостоятельной, отдѣльной литературой, принадлежащей какъ бы отдѣльному народу». Не повліяли ли на эту смѣну взглядовъ измѣнившіяся политическія убѣжденія?

Нѣтъ сомнѣнія, что архивныя матеріалы, бывшіе доступными авторамъ очерковъ, посвященныхъ его біографіи и различнымъ сторонамъ его дѣятельности, даютъ отвѣтъ и на этотъ вопросъ. Печатныя же матеріалы только возбуждаютъ любопытство къ тому, какъ Срезневскій, врагъ «приказныхъ» и человѣкъ, какъ будто, чуждый офіціального патріотизма, въ самую мрачную пору политическаго застоя вызвалъ обвиненія въ проявленіяхъ этого патріотизма (ср. Д. Л. Мурдовцева о кievск. археологич. съѣздѣ 1874 г. въ «Русск. Старинѣ» за 1885 г., № 6, стр. 644—645).

Желательно бы было для полноты суждений о разносторонности дарований и занятий Срезневскаго найти въ этомъ сборникѣ и характеристику его работъ изъ области наукъ экономическихъ, относящихся къ началу его профессорской дѣятельности, когда онъ въ 30-хъ гг. занималъ въ Харьковѣ кафедру статистики; къ тому же мы вообще мало знаемъ о томъ, что давали въ этой области университеты (матеріалъ для этого см. на стр. 315).

Каковы бы ни были ошибки и недостатки научныхъ трудовъ Срезневскаго, о которыхъ любятъ говорить, передъ нами всегда останется образъ человѣка громадной научной энергіи, завѣщавшаго всѣмъ «любить науку не въ себѣ одномъ, а во всѣхъ ей преданныхъ, вездѣ и во всемъ, и теплить любовь эту въ юношахъ». Академія, получившая въ даръ его неоцѣнимыя собранія рукописей и книгъ, справедливо увѣнчаетъ его заслуги, если издастъ всѣ матеріалы, относящіеся къ его жизни и дѣятельности.

Пав. Зайцевъ.

Борисъ Рапгофъ. К. Павлова. Матеріалы для изученія жизни и творчества. Из-во «Трирема». Петроградъ 1916. Цѣна 1 р. 50к.

Въ концѣ прошлаго года книгоиздательствомъ В. Р. Некрасова выпущено было двухтомное собраніе сочиненій К. Павловой («Стихотворенія», изданныя ею при жизни, М. 1861, давно стали библиографической рѣдкостью), оживленный обмѣнъ мнѣній вокругъ котораго сейчасъ же вызвалъ нѣсколько замѣтокъ (Н. О. Лернера въ «Рѣчи», № 281, «Нов. жур. для всѣхъ», № 10, В. М. Жирмунскаго въ «Сѣвер. Запискахъ» и мн. др.), а нынѣ располагаемъ мы уже специальнымъ экскурсомъ Б. Е. Рапгофа, посвященнымъ «матеріаламъ для изученія жизни и творчества» нашей поэтессы. Искусно сводя всюду разбросанныя упоминанія и оцѣнки, старательно освѣщая впервые собранный матеріалъ, г. Рапгофъ свою работу концентрируетъ, однако, лишь въ области біографическихъ разысканій, а творчество ея оставляетъ необслѣдованнымъ. Рѣдкія попытки «разобраться въ творчествѣ и эволюціи мировоззрѣнія» К. Павловой въ книгѣ, правда, встрѣются, но дальше наивной интерпретаціи поэтическихъ открытій, какъ біографическаго источника, онѣ не идутъ, и даже въ этомъ смыслѣ до конца не исчерпаны: двойственный обликъ русской Сафо остается по-прежнему загадочнымъ и далекимъ. Узкія заданія монографіи г. Рапгофа невольно повышаютъ требованія, предъявляемыя къ ней, какъ къ изслѣдованію специальному. Пропуски и недочеты, вообще неизбежные, здѣсь становятся особенно досадными: тонко разбираясь въ сложившихся оцѣнкахъ жизни и личности Павловой, удачно вплетая въ извѣстный матеріалъ, доселѣ недоступныя данныя рукописнаго отдѣленія Имп. Публичн. Библіотеки и архива проф. И. А. Шляпкина, г. Рапгофъ часто упускаетъ изъ вида любопытнѣйшіе источники: такъ, цитируя восторженные критич. отзывы журналовъ 40-хъ годовъ, онъ не знаетъ о весьма неблагоприятномъ отзывѣ В. Г. Бѣлинскаго о произведеніяхъ Павловой въ письмѣ къ В. П. Боткину, 16 апрѣля 1840 г. (Письма Бѣлинскаго 1914 г., т. II, стр. 107). Характеризуя отношеніе К. Павловой къ современной ей поэтической традиціи, г. Б. Рапгофъ не привлекаетъ сюда

большое посланіе М. А. Дмитріева—К. К. Павловой, 6 ноября 1843 г.» (Стихотворенія М. А. Д., М. 1865 г. ч. I).

Неизвѣстными, къ сожалѣнію, остались ему и весьма цѣнные записи въ двухъ дневникахъ—Е. А. Штакеншнейдеръ («Голосъ Минувш.», 1915, XI, 172) и М. С. Сабининой («Рус. Архивъ», 1901, II, 580—4).—24 апрѣля 1856 г. первая изъ нихъ между прочимъ пишетъ о К. Павловой—«странно только и жаль, что она, будучи писательницей, не знакома ни съ Толстыми, ни съ Глинками, ни съ нами. Она, кажется, ведетъ жизнь уединенную и только по извѣстнымъ днямъ собираются у нея нѣсколько чело-вѣкъ мужчинъ, и она читаетъ имъ свои произведенія. Изъ нашихъ знакомыхъ бываютъ у нея Жадовскіе, Вигель, Щербина и Бенедиктовъ. Бенедиктовъ только рѣдко: находитъ, что она слишкомъ много говорить. Зато Щербина отъ нея въ восторгѣ: «Павлова, Каролина, замѣчательная женщина» говсрить онъ».

Что касается Веймарскихъ впечатлѣній М. Сабининой, то набрасываемый ею житейскій обликъ Павловой является единственнымъ по своей колоритности—онъ относится тоже къ 1854 г.: «Пришла къ намъ съ сыномъ своимъ и съ С. А. Рачинскимъ К. К. Павлова, извѣстная своимъ дарованіемъ писать стихи одинаково хорошо по-русски, по-нѣмецки, и по-французски. Ей было за 60 лѣтъ; она странствовала по Европѣ, избѣгая домашняго очага... Она была очень честолюбива и занята собой. Выраженіе ея блѣднаго исхудалаго лица и темныхъ глазъ очень живое; она была очень нехороша собой, но это не мѣшало въ нарядѣ предпочитать розовый и другіе цвѣта, предназначенные для молодежи. Я находила, что въ ней одного недостаетъ—это чувства женственности, тонкаго и изяшнаго вообще. Она много и хорошо рисовала и неоспоримо была женщина очень даровитая. Она охотно и образно рассказывала и говорила интересно, хотя часто повторялась; къ сожалѣнію голосъ ея былъ утомителенъ... При этомъ она говорила неустойчиво много».

Разумѣется, указываемые нами матеріалы сколько-нибудь существенно положеній г. Раппгофа не мѣняютъ, но въ громаднѣйшій литературѣ, привлеченной имъ для своей работы, и они должны были бы занять свое мѣсто.

Характеръ и значеніе книги лучше всего уясняетъ ея построеніе. Основной біографическій сводъ замыкается «хронологической канвой», выполненной очень внимательно—мы замѣтили въ ней—несчитая указанныхъ, выше—одинъ лишь пропускъ—посѣщеніе Павловыхъ В. Бѣлинскимъ и проф. И. М. Снѣгиревымъ 21 октября 1839 г. (Дневникъ Снѣгирева, Р. Арх. 1902, III, 480). Затѣмъ слѣдуютъ «Списокъ произвед. К. К. П. по времени перваго появленія въ печати» и библіографія. Въ Приложеніяхъ впервые опубликованы письма К. Павловой къ С. П. Шевыреву, Н. А. Мельгунову, О. А. Кирѣевой и даны стихотворенія, упущенныя редакторомъ послѣдняго «Собранія сочиненій». Изъ неизвѣстныхъ доселѣ произведеній напечатанъ «Экспромтъ во время урока стихосложенія». Сознательно ограничивъ свою работу лишь общимъ сводомъ біографическихъ матеріаловъ, заранее отказавшись отъ критическихъ выводовъ и историческихъ оцѣ-

нокъ, Б. Е. Рапгофъ своимъ изслѣдованіемъ все же заполнилъ давнишній пробѣлъ. Какъ бы документируя «предисловіе» В. Брюсова къ собранію сочиненій Каролины Павловой, трудъ г. Рапгофа несомнѣнно явится исходнымъ пунктомъ для изслѣдованія объ ея творчествѣ.

Юліанъ Оксманъ.

Н. Долговъ. Александръ Евстафьевичъ Мартыновъ. Очеркъ жизни и опытъ сценической характеристики. Изд. Имп. Русск. Театрального О-ва. Ц. 75 к.

«По силѣ и творчеству на русской сценѣ, съ самаго начала ея существованія до сей минуты, не было ни одного актера, подобнаго Мартынову»—писалъ въ 1860 году въ «Современникѣ» И. И. Панаевъ. Если даже признать эту оцѣнку, подсказанную моментомъ (смерть артиста), пресувеличенной, все же покажется страннымъ, что знаменитому «грустному комику», обозначившему эру въ развитіи русскаго сценическаго искусства, ставшему для новаго бытового репертуара тѣмъ, чѣмъ былъ Щепкинъ для Гоголя и Грибоѣдова, до сихъ поръ историками русскаго театра удѣлялось такъ мало вниманія. Получается впечатлѣніе, что блескъ «театральной революціи» великаго артиста-крестьянина ослѣпилъ изслѣдователей, хотя самъ Щепкинъ (можетъ быть изъ излишней скромности) говаривалъ, что считаетъ Мартынова талантливѣе себя.

Литература о петербургскомъ артистѣ-новаторѣ чрезвычайно скудна: замѣтки и очерки 60-хъ годовъ, справки въ словаряхъ, немногія страницы въ чужихъ біографіяхъ—вотъ и все, что можно найти о «Златомъ самородкѣ творческаго таланта», какъ называлъ Мартынова Бѣлинскій... А вѣдь именно этому артисту, а не Щепкину (вообще долго сторонившемуся репертуара Островскаго и Тургенева) отвѣсилъ черезъ десятилѣтія низкій земной поклонъ авторъ «Холостяка», когда въ предисловіи къ изданію своихъ драматическихъ произведеній писалъ: «Мартыновъ удостоилъ играть въ четырехъ изъ этихъ пьесъ, и, между прочимъ, передъ самымъ концомъ своей блестящей, слишкомъ рано прерванной карьеры, превратилъ, силою великаго дарованія, блѣдную фигуру Мошкина (въ «Холостякѣ») въ живое и трогательное лицо»...

Именно со смертью этого артиста «потерялъ все на петербургской сценѣ» Островскій (письма къ И. И. Панаеву), именно къ Мартынову, не искавшему, не имѣвшему духовной опоры, пришла сама, «какъ гора къ Магомету», семья русскихъ писателей-новаторовъ 40—50-хъ годовъ и въ горячихъ стихахъ Некрасова привѣтствовала того, кто собралъ вокругъ себя «свободную семью людей свободныхъ».

Работа г. Долгова, написанная къ юбилейнымъ днямъ, стремится заглядѣть вину передъ замѣчательнымъ, но скоро забытымъ человѣкомъ и дать достойную его біографію и характеристику.

Чрезвычайно благодарная задача не вполне удалась автору. «Безалаберная», богатая трагическими и комическими эпизодами жизнь гениальнаго неудачника—яркая страница въ серіи

біографій русскихъ самородковъ отъ Ломоносова до Горькаго. Изъ «проектоера» черезъ нужду и вѣчную тревогу; съ нѣжной, «младенческой», кроткой душой черезъ шипы и терніи сценической рутины и безпросвѣтности гедеоновской эпохи—къ вѣнцу «мученика искусства» и «народнымъ» похоронамъ!.. Кажется, достаточно яркій и богатый матеріалъ. Г-нъ Долговъ довольно обстоятельно «докладываетъ» о многомъ, но хочется спросить, гдѣ тотъ «свѣтъ луны, который замѣнялъ догорѣвшій салыный огарокъ», гдѣ цѣлый рядъ другихъ характерныхъ эпизодовъ, рассказываемыхъ Гр. Данилевскимъ, Панаевымъ и др.? Гдѣ, наконецъ, картина тѣхъ «невыносимыхъ условий», которымъ, по словамъ А. В. Дружинина, Мартыновъ шелъ «честно наперекоръ». Всѣ острые и яркіе углы къ сожалѣнію сглажены и затушеваны въ книгѣ г. Долгова, изданной *Императорскимъ Русскимъ Театральнымъ Обществомъ*, и она не увлекаетъ читателя, не дѣлаетъ его близкимъ интересной и трагической судьбы «бытового Мочалова».

Удачныѣ тѣ страницы работы г. Долгова, гдѣ авторъ, въ свое время высказывавшійся по этому же поводу въ «Ежег. Имп. Театровъ», анализируетъ сценическое творчество Мартынова и видитъ, между прочимъ въ артистѣ, предшественника «Театра настроеній»... Интересная параллель съ Живокини, представителемъ беззаботной буффонады, довольно убѣдительно показываетъ, что М. много лѣтъ назадъ сумѣлъ подойти къ такому пустячному, казалось бы, водевилю, какъ «Левъ Гурычъ Синичкинъ» такъ, какъ въ наши дни подходитъ къ чеховскому «Предложенію». Студія Художественнаго театра. Получилась не только яркая картина быта, но порой, говоря словами В. Курочкина, посвященными Мартынову, былъ слышенъ «смѣхъ, вызванный слезами». Не даромъ этотъ же актеръ заставлялъ не только смѣяться, но и приходилъ въ ужасъ отъ семейнаго деспота—героя водевиля «Азъ и фертъ», гдѣ любилъ такъ «дурить» недавно умершій комикъ-буффъ К. Варламовъ. Однако не въ водевилѣ, а въ болѣе серьезномъ репертуарѣ особенно ярко сказывалось у Мартынова то «великое внутреннее», которое дѣйствительно позволяетъ считать его предшественникомъ «Театра настроеній»...

Если Тургеневъ, какъ драматургъ, намѣтилъ пути къ чеховской драмѣ, то естественно, что у Мартынова въ пьесахъ Тургенева «заговорило молчаніе», заволновали и стали нѣжными и значительными—паузы, во время которыхъ, по рассказу современника, «залъ погружался въ напряженное молчаніе», а вмѣстѣ съ артистомъ «за сцену уходила непередаваемая грусть».

Интересный для историковъ сцены вопросъ, затронутый г. Долговымъ, нуждается въ большемъ углубленіи... Автору слѣдовало бы, пользуясь матеріаломъ воспоминаній, указать на такія стороны творческаго процесса у Мартынова, которыя сблизили бы можетъ быть «практику» знаменитаго артиста съ «теоріей (и практикой) переживаній» Станиславскаго. Позволимъ себѣ напомнить о характерномъ въ этомъ отношеніи рассказѣ Мартынова, какъ онъ «переживалъ», какъ онъ глубоко страдалъ, тре-

пеша душой Расплюева, когда въ «Свадьбѣ Кречинскаго», при гомерическомъ смѣхѣ недостаточно чуткой публики, сидѣлъ подѣ столомъ въ ожиданіи грознаго господина. Не мѣшало бы для характеристики воздѣйствія Мартынова на зрителя привести рассказы иностранцевъ (Лаблашъ и др.), не знавшихъ ни слова по-русски, какъ они «безъ словъ понимали» исполненіе замѣчательнаго артиста и наслаждались имъ. Это помогло бы выясненію вопроса о роли Мартынова въ борьбѣ новаго бытового репертуара (Тургеневъ, Потѣхинъ, Островскій, Чернышевъ и др.) съ «бульварнымъ водевилемъ» и фальшивой трагедіей, еще державшимися въ 50-хъ годахъ на русской сценѣ. Вслѣдъ за И. Ф. Горбуновымъ авторъ указывалъ, что М. «убилъ» старый каратыгинскій репертуаръ, но читатель, зная изъ рѣчи Островскаго (стр. 52), что артистъ былъ «соратникомъ» молодыхъ драматурговъ въ борьбѣ за «новое направленіе», за «самостоятельность русской сцены», не получаетъ изъ книги г. Долгова яснаго и, главное, яркаго впечатлѣнія о мѣстѣ «грустнаго комика» въ этой борьбѣ. А между тѣмъ, хотя бы бѣглый рассказъ о гнетѣ театральной традиціи, имѣвшей свои корни въ «духѣ времени», могъ бы въ сопоставленіи, напр., съ панаевской характеристикой Мартынова («первый настоящій живой русскій человекъ на сценѣ, первый русскій помѣщикъ» и т. д.) намѣтить путь къ живому пониманію роли артиста въ дѣлѣ петербургской «реформы».

Вѣдь онъ, по словамъ того же Панаева, «обновилъ сцену, придавъ ей популярность, далъ ей смыслъ и значеніе, далъ ключъ къ новой жизни». А вѣдь это было тогда, когда за плечами стояли такъ ярко изображенные Бѣлинскимъ петербургскіе театральные нравы 40-хъ годовъ: «безсмысленныя» пьесы, «пошлыя» эффекты, «ложныя» положенія, «надутая фразеологія, «бездушныя» возгласы, всѣмъ довольная «патріархальная» (чтобы не сказать больше) публика и, добавимъ мы отъ себя, официальная и неофициальная, низко и высоко поставленная цензура.

Работа г. Долгова безусловно будетъ имѣть нѣкоторое значеніе для историковъ русскаго театра, но о Мартыновѣ, его «реформѣ» и его «откровеніяхъ» можетъ быть сказано еще многое.

Ал. Фовицкій.

Россія и ея союзники въ борьбѣ за цивилизацію. Вып. I—III. Изд. Д. Я. Маковского. Цѣна по подпискѣ 26 руб.

«Роскошное художественно иллюстрированное изданіе», предпринятое издательствомъ Д. Я. Маковского при участіи «виднѣйшихъ литературныхъ и художественныхъ силъ Россіи и союзныхъ съ нею государствъ». Изданіе будетъ разбито на три части—первая—«Россія и ея союзники передъ Великой войной»; вторая—«Исторія войны»; третья—«Итоги». Пока издательство печатаетъ лишь первую часть, такъ какъ вторую часть «невозможно» еще изложить въ «безпристрастной и достовѣрной формѣ». Что касается «итоговъ», которые, по мнѣнію составителей, «явятся новой эпохой въ міровой исторіи», то здѣсь, пожалуй, дѣло обстоитъ еще хуже, чѣмъ это представляется редакціи и сотруд-

никамъ изданія—ни историческое предвѣдѣніе, ни политическая прозорливость не предугадаютъ «итоговъ» міровой катастрофы, которая каждому рисуется нынѣ по собственному его разумѣнію ¹⁾. Можетъ быть поэтому издательство Маковского напрасно поторопилось предпринимать большое «художественное» изданіе, посвященное «великой войнѣ». Это преждевременно и съ точки зрѣнія общественной, и съ точки зрѣнія художественной, ибо при теперешнихъ условіяхъ печатанія «художественныя» воспроизведенія получаютъ лубочный характеръ.

«Къ изданію привлечены ученые, объединившіеся въ согласованной коллективной работѣ». Этому М. М. Ковалевскій въ небольшомъ предисловіи, сопровождающемъ изданіе, придавалъ большое значеніе: «отнимая у нашихъ ученыхъ специалистовъ часть ихъ времени,—говоритъ предисловіе,—заставляя ихъ отказаться отъ обычнаго занятія изслѣдователя, отъ непосредственной работы по источникамъ, требуя отъ нихъ, такимъ образомъ, нѣкотораго самопожертвованія, мы находимъ оправданіе себѣ въ той высокой и полезной цѣли, какую преслѣдуетъ предпринимаемое нами изданіе».

Учитывая всю силу и значеніе «самопожертвованія» ученыхъ специалистовъ, все же думаемъ, что изданіе и первой исторической части лучше было бы сейчасъ не предпринимать. Повидимому, хладно-безстрастными не могутъ быть въ наше время и авгуры. Недавно, проф. Савинъ въ журналѣ «Историческія Извѣстія» высказывалъ удивленіе передъ научнымъ объективизмомъ своего товарища по редактированію названнаго журнала проф. Егорова, который сумѣлъ сохранить безпристрастіе въ своей работѣ «Колонизація Мекленбурга въ XIII в.», столь близкой по темѣ къ злободневнымъ вопросамъ переживаемого момента. Это безпристрастіе рецензентъ ставилъ въ особую заслугу автору, двое друзей котораго погибли на полѣ брани, гдѣ яко бы разрѣшаются нынѣ вѣковыя славяно-германскія распри. Казалось бы въ дѣйствительности трудно даже не быть объективнымъ, говоря въ очень спеціальной, сказалъ бы, чрезмѣрно узко-спеціальной работѣ о славяно-нѣмецкихъ отношеніяхъ много столѣтій назадъ. Какое это имѣетъ отношеніе къ событіямъ нашихъ дней?—рѣшительно никакого. Гораздо труднѣе сохранить, какъ оказывается, элементарно-научную объективность для авторовъ, хотя и «ученыхъ специалистовъ», когда рѣчь даже косвенно заходитъ о славяно-нѣмецкихъ отношеніяхъ болѣе близкой къ намъ эпохи. Яркимъ примѣромъ можетъ служить статья проф. Тураева «Россія и христіанскій Востокъ», напечатанная въ третьемъ выпускѣ настоящаго изданія. Проф. Тураевъ, какъ извѣстно, большой спеціалистъ въ области египтологіи, но данная статья, написанная не по спеціальности (слѣ-

¹⁾ Какія могутъ быть вообще наши времена неожиданные «культурные» итоги показываетъ тотъ фактъ, что М. М. Ковалевскій, предпринимая редактированія этого изданія съ проф. Гриммомъ, едва ли могъ предполагать, что его соредакторъ окажется однимъ изъ руководителей протопоповской газеты. Мы не вѣримъ въ такъ называемое «научное» безпристрастіе, не связанное съ политическими и общественными взглядами.

довательно неподходящая для изданія, какъ можно судить по процитированному предисловію М. М. Ковалевскаго) производитъ странное впечатлѣніе, такъ какъ мѣстами сбивается просто на плохую публицистику.

Современныя событія авторъ оцѣниваетъ въ такихъ словахъ: «въ наши дни—кровавые дни,—говоритъ онъ,—рѣшается судьба восточно-христіанскаго міра—быть ли ему возглавляемымъ православною Россіей или войти въ составъ протестантско-іезуитско-мусульманской имперіи отъ Нордкапа до Багдада, съ центромъ въ Берлинѣ». Авторъ въ ужасѣ отъ «идеи этого чудовища». Мы думаемъ, что съ подобной трактовкой экономическихъ, политическихъ и историческихъ причинъ современной войны едва ли согласится много *ученыхъ*, не согласится, вѣроятно, за исключеніемъ проф. Погодина—автора статьи «Россія и Балканскіе славяне» и сотоварищи по изданію (напр., Савинъ, Тарле, А. Н. Веселовскій), согласованность «коллективной работы» которыхъ, повидимому, сводится къ признанію только тезиса, устанавливаемого въ вводной статьѣ проф. Гримма—«зло, сопутствующее войнѣ, искупается благими послѣдствіями». Приведенный тезисъ проф. Тураева сопровождается еще болѣе удивительными научными гипотезами или вѣрнѣе въ его изложеніи, аксіомами. Негодуя на «политическое предательство» и «племенное отступничество» Болгаріи (кстати, почему въ сущности проф. Тургаевъ считаетъ болгаръ соплеменниками русскихъ?), авторъ клеймитъ ихъ «гнусностью», больше которой не было «со времени Геосиманской ночи». Въ современной борьбѣ народовъ авторъ, кромѣ того, видитъ борьбу «лучшихъ представителей трехъ вѣтвей христіанства противъ мнимо-христіанской Германіи, іезуитской Австріи и отброса православнаго міра—Болгаріи». Было бы необычайно любопытно, если бы извѣстный египтологъ сумѣлъ доказать свою новую теорію историческими данными. Почему, напр., Болгарія—«отбросъ православнаго міра»? какъ разъ положеніе церкви тамъ, пожалуй, наиболѣе идеальное изъ всѣхъ православныхъ церквей. Въ извѣстномъ лагерѣ Франція всегда представлялась страной «безбожной» (по крайней мѣрѣ въ томъ лагерѣ, къ которому принадлежали церковные авторитеты, на которые ссылается авторъ статьи)—теперь она рисуется въ иномъ свѣтѣ: лучшей представительницей истиннаго христіанства. Любопытнѣе всего, что проф. Тураевъ Константинополь, да, пожалуй, и весь Ближній Востокъ считаетъ «истинными русскими областями». Такое научное мнѣніе основывается на національно-церковныхъ традиціяхъ—еще бы, вѣдь Олегъ прибавлялъ свой щитъ на вратахъ Царьграда! «Наши мудрые предки»—московскіе люди XVI—XVII вв., «обладавшіе цѣльнымъ и стойкимъ міровоззрѣніемъ» прекрасно понимали, какъ утверждаетъ, въ свою очередь, проф. Погодинъ, великія традиции, которыя утеряли «неразумные потомки». Потеряли, конечно, подъ вліяніемъ нѣмцевъ. Послѣдняго мнѣнія держится и египтологъ Тураевъ и славистъ Погодинъ. Оба, между прочимъ, обвиняютъ Александра I, который принесъ «въ жертву Священнаго Союза исконныя русскія области» (Тураевъ), который «отвернулся отъ сербовъ» послѣ побѣды надъ Наполеономъ,

подведя «сербскія освободительныя стремленія подъ понятія мятежа» (Погодинъ). Нѣмцы, открывавшіе Александра,—утверждаетъ г. Погодинъ,—подсказали ему «эту идею». «Интрига Австрии,—добавляетъ г. Тураевъ,—заставила отказаться Александра I отъ активнаго выступленія» въ пользу грековъ въ 1821 г. Повидимому въ данномъ случаѣ оба автора вообще плохо освѣдомлены въ новѣйшей исторіографіи александровской эпохи, хотя бы въ любопытнѣйшихъ донесеніяхъ Лебцельтерна, изданныхъ в. кн. Николаемъ Михайловичемъ. Во всякомъ случаѣ «ловкій маэстро европейскаго концерта», т.-е., Метернихъ совершенно вѣрно опредѣлилъ настроеніе Александра въ своей секретной депешѣ Лебцельтерну 6 октября 1821 г.: «L Empereur Alexandre ne veut pas de guerre, ce fait est certain et très simple, on le sentiment éclairé de ce Monarque, sur les risques inséparables d'une guerre entreprise en alliance avec les seuls radicaux de l'Europe ¹⁾». Александръ боялся революціи вовсе не подъ влияніемъ своихъ совѣтниковъ изъ нѣмцевъ—едва ли даже надо это доказывать при теперешнихъ нашихъ знаніяхъ: научность и состоитъ въ томъ, чтобы устранять изъ обихода устарѣвшіе взгляды и устарѣвшія данныя. Въ заключеніе еще два слова: «Западная Европа,—говоритъ г. Тураевъ,—для достиженія политическихъ цѣлей, никогда не гнушается прибѣгать къ помощи религіи и науки». Дѣйствительно эксплуатировать религію въ цѣляхъ политическихъ не слѣдуетъ, ибо религія и политика должны исключать другъ друга. И приходится пожалѣть, что проф. Тураевъ «не погнушался», въ свою очередь, опереться на религіозные идеалы и традиціи. Привлекать же подлинную науку всегда полезно. Но не слѣдуетъ обывательскія мнѣнія облекать въ научную тогу. Всякій гипнозъ не способствуетъ разъясненію истины. Если проф. Тураевъ своей статьей приносилъ «самопожертвованія», то приходится лишь пожалѣть объ его отвлеченіи отъ египтологіи: такія статьи во всякомъ случаѣ мало способствуютъ осуществленію тѣхъ задачъ, которыя ставитъ рецензируемое изданіе—дать безпристрастное и достовѣрное объясненіе «великой войны», выяснить роль «Россіи и ея союзниковъ въ борьбѣ за цивилизацію».

С. Мельгуновъ.

Е. В. Тарле, проф. Юрьевск. Университ. «Экономическая жизнь королевства Италіи въ царствованіе Наполеона I». Съ приложеніемъ неизданныхъ документовъ. Юрьевъ. 1916.

Трудомъ, названіе котораго здѣсь выписано, проф. Тарле дѣлаетъ первый шагъ къ осуществленію того плана специальныхъ историко-экономическихъ работъ по отдѣльнымъ странамъ, который былъ имъ намѣченъ въ его основномъ изслѣдованіи о континентальной блокадѣ, вышедшемъ въ 1913 г. Тогда имъ были разсмотрѣны общія условія, при которыхъ возникла блокада, и выяснено было вліяніе, оказанное ею на промышленность

¹⁾ «Императоръ Александръ не желаетъ войны, это несомнѣнно и очень просто въ виду того, что монархъ этотъ ясно сознаетъ опасности, связанныя съ войной, начатой въ союзѣ единственно съ радикалами Европы».

и внѣшнюю торговлю Франціи. Нынѣ объектомъ своего изслѣдованія авторъ избираетъ «королевство Игалію»—бывшую Цизальпинскую, затѣмъ Игалійскую республику, переименованную 18 марта 1805 г. въ королевство, получившее «короля Игаліи» въ лицѣ самого Наполеона, возложившаго на себя ломбардскую корону. Въ виду тѣхъ совершенно исключительныхъ условий, которыми опредѣлялась зависимость королевства отъ Франціи и которыми обезпечивалось наиболѣе строгое, чѣмъ въ другихъ странахъ, примѣненіе въ королевствѣ правилъ блокады, должно согласиться съ авторомъ, что «изслѣдованіе, начатое съ Франціи, естественно было прежде всего продолжать королевствомъ Игаліей». Но въ виду тѣхъ же условий, по отношенію къ которымъ сама блокада являлась моментомъ подчиненнымъ и второстепеннымъ, приходится признать естественнымъ также то, что трудъ проф. Тарле оказывается на самомъ дѣлѣ посвященнымъ не только, я сказалъ бы даже, не столько «анализу вліянія континентальной блокады на экономическую жизнь королевства Игаліи», какъ заявляетъ авторъ въ своемъ введеніи, сколько изображенію экономической жизни королевства въ связи почти со всѣмъ вліявшимъ на нее комплексомъ политическихъ и финансово-экономическихъ отношеній, которыя желѣзною волею Наполеона установлены были между его королевствомъ и Франціей. Авторъ такимъ образомъ даетъ гораздо больше того, что входило въ его намѣренія и составляло его прямую задачу, поскольку то и другое опредѣляется приведеннымъ заявленіемъ автора и первымъ, основнымъ заглавіемъ его труда. Читателю, однако, объ этомъ жалѣть не приходится, тѣмъ болѣе, что такимъ образомъ передъ нимъ довольно широко, хотя бы и неожиданно, раскрывается совершенно новая и неизвѣданная область.

Экономическая жизнь Игаліи въ эпоху наполеонидовъ представляетъ собою совсѣмъ дѣвственную почву, которой почти не коснулся еще плугъ историческаго изслѣдованія. Литература по этому вопросу чрезвычайно скудна. Тутъ все приходится начинать съ самаго начала—съ собиранія сырого матеріала при полномъ почти къ тому же отсутствіи печатныхъ источниковъ. И проф. Тарле построилъ свой трудъ на официальномъ рукописномъ матеріалѣ—донесеніяхъ, рапортахъ, докладахъ правительственныхъ лицъ, и учреждений, торговыхъ и промышленныхъ камеръ и т. п. документахъ, обрѣтенныхъ имъ въ миланскомъ государственномъ архивѣ, въ національномъ архивѣ въ Парижѣ и во французскомъ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ. Въ какой мѣрѣ богаты содержаніемъ эти документы, имѣющіе нерѣдко значеніе не для одной только экономической исторіи эпохи, тому нагляднымъ доказательствомъ служитъ та небольшая часть ихъ, которая дана авторомъ въ приложеніи. Высокимъ качествомъ матеріаловъ, которые автору посчастливилось добыть и использовать, опредѣляется богатство предлагаемыхъ имъ вниманію читателя фактическихъ данныхъ, рисующихъ политическую, административную и социальную обстановку, въ которой протекала экономическая жизнь страны—характеризующихъ состояніе отдѣльныхъ отраслей промышленности, организацію различныхъ производствъ и положеніе въ нихъ

труда,—выясняющихъ размѣры и характеръ внѣшней торговли королевства и т. д. Въ сбиліи такого рода фактическаго, частью цифрового матеріала, до сихъ поръ остававшагося неопубликованнымъ и не использованнымъ, заключается главная цѣнность разсматриваемаго труда,—цѣнность, вполне самостоятельная, независимая отъ характера и удѣльнаго вѣса тѣхъ обобщеній и выводовъ, для которыхъ матеріалъ этотъ послужилъ основаніемъ. Такую оговорку необходимо сдѣлать, потому что въ конечномъ итогѣ—въ обобщеніяхъ и выводахъ—трудъ проф. Тарле даетъ не на много болѣе того, что въ общихъ, главныхъ и основныхъ чертахъ имѣется уже въ литературѣ предмета, но даетъ въ формѣ несравненно болѣе конкретной, детальной и объективно обоснованной. Тому, кто помнитъ, напр., что о наполеоновскомъ управленіи и объ отношеніи Наполеона къ Италіи писалъ, хотя бы, Канту (*Cesare Cantù: Della indipendenza italiana. Cronistoria. Torino, 1872, vol 1*),—соотѣтствующія страницы въ книгѣ проф. Тарле покажутся чрезвычайно знакомыми; но на этихъ представляющихъ большой интересъ страницахъ читатель найдетъ много весьма важныхъ и характерныхъ дополнительныхъ чертъ и черточекъ, которыхъ не далъ и не могъ дать итальянскій историкъ, писавшій болѣе сорока лѣтъ тому назадъ. Читателю, знакомому, напр., съ книгой Пеккіо (*Giuseppe Pecchio: Saggio storico sull'amministrazione finanziaria dell'ex regno d'Italia dal 1802 al 1814. Torino, 1852*), производимая профессоромъ Тарле оцѣнка установленныхъ между королевствомъ и Франціей отношеній и вліянія ихъ на промышленность королевства,—эта оцѣнка въ существѣ своемъ не покажется новой: но тогда какъ работа Пеккіо—не столько изслѣдованіе, сколько свидѣтельство современника, дѣляшагся своими готовыми выводами и заключеніями, элементы которыхъ большей частью остаются читателю неизбѣстными, проф. Тарле производитъ свою оцѣнку, такъ сказать, на виду у читателя, имѣющаго возможность фактически проверить правильность сдѣланныхъ выводовъ¹⁾.

Только что сказанное, очевидно, свидѣтельствуетъ о томъ, что существующая литература предмета, при всей ея скудости, все-таки не такъ уже абсолютно пуста, чтобы слѣдовало совершенно игнорировать ее, какъ то дѣлаетъ авторъ, по крайней мѣрѣ, когда дѣло идетъ о содержащихся въ ней чисто фактическихъ указаніяхъ. Рукописный матеріалъ, которымъ пользовался проф. Тарле, по его собственному сознанию, не имѣетъ исчерпывающей полноты: многихъ явленій и фактовъ онъ не касается и по самому характеру ихъ—касаться не можетъ. Представляется поэтому непонятнымъ то обстоятельство, что авторъ пренебрегъ существующей литературой, поскольку она могла бы помочь ему восполнить фактическіе пробѣлы, неизбежныя при пользованіи одними рукописными матеріалами. О су-

¹⁾ Въ примѣчаніи, на стр. 293, авторъ глухо, не приводя названія, упоминаетъ о «книжкѣ Pecchio, служившаго при Евгеніи Богарнѣ», дающей нѣкоторыя цифры ввоза, при чемъ «эти цифры, какъ разъ относятся къ 1811 году и взяты имъ, повидимому, изъ официальныхъ бумагъ». Почему «повидимому», когда у Пеккіо прямо указанъ (стр. 21) тотъ официальный источникъ, изъ котораго онъ беретъ свои цифры?

шественности же пробѣловъ легко судить по слѣдующему. Характеризируя безпощадную эксплуатацію Наполеономъ итальянской казны для общеимперскихъ надобностей, авторъ отмѣчаетъ между прочимъ субсидію въ 30 мил. фр., которую королевство ежегодно выдавало имперской казнѣ. Но читатель оставляется въ неизвѣстности относительно того весьма важнаго съ народно-хозяйственной точки зрѣнія факта, что эта огромная сумма, систематическое выкачиваніе которой за предѣлы страны могло бы быстро разорить ее, на самомъ дѣлѣ оставалась въ странѣ, ибо расходовалась Франціей въ *королевствѣ*, во 1-хъ на содержаніе въ немъ французскаго войска, которое изъ Франціи получало только часть вооруженія (огнестрѣльнаго), а всѣмъ остальнымъ снаряжалось и снабжалось на мѣстѣ, и во 2-хъ на работы въ венеціанскомъ арсеналѣ по сооруженію фрегатовъ и т. д. (См. объ этомъ у Тиварони—Carlo Tivaroni: *L'Italia durante il dominio francese*. Torino, 1889, vol. 1, pag. 258, а также у *Ресшіо*, въ примѣч. на стр. 89). Другой примѣръ. «Наполеонъ,—сообщаетъ на основаніи своихъ документовъ прсф. Тарле,—не проявлялъ ни малѣйшаго вниманія къ снабженію машинами промышленниковъ своего королевства» (стр. 83). Въ отношеніи всякихъ машинъ и усовершенствованій этимъ промышленникамъ «со стороны французскаго правительства приходилось даже прямо испытывать недоброжелательство». (Тамъ же). А между тѣмъ существуютъ хотя бы такого рода не упоминаемые авторомъ и остающіеся неизвѣстными читателю факты, какъ назначеніе премии въ 1 миллионъ лиръ за изобрѣтеніе лучшей льнопрядильной машины или ассигновка 50 тыс. лиръ на поощреніе въ королевствѣ свекловичнаго сахароваренія! (См. у Тиварони, стр. 265). А вотъ пробѣлъ, уже совсѣмъ серьезный, который нельзя трактовать иначе, какъ крупный недостатокъ разсматриваемой работы. Изслѣдуя экономическую жизнь страны и дѣйствующіе въ ней факторы, немыслимо игнорировать роль и значеніе ея финансово-экономическаго законодательства, особенно, тѣхъ частныхъ, спеціальныхъ законовъ, которыми нормируются различныя отрасли производства или стороны народно-хозяйственной жизни. Между тѣмъ въ тщетно стали бы искать въ соответствующихъ главахъ разсматриваемой книги хотя бы только упоминанія о такихъ актахъ крупной практической важности, какъ законъ объ охотѣ 13 февраля 1804 и декретъ о томъ же 31 сентября 1805 г., какъ законъ о рыболовствѣ 17 іюля 1805 и декретъ о томъ же 22 іюня 1808 г., какъ урегулировавшіе лѣсное дѣло декреты 18 мая 1808 и 28 мая 1811 г., какъ урегулировавшій горное дѣло наполеоновскій эдиктъ 9 августа 1808 г. и т. д. При такомъ игнорированіи экономическаго законодательства не удивительно, если авторъ дѣлаетъ серьезные промахи въ родѣ слѣдующаго. Говоря объ искусственной ирригаціи въ Ломбардіи, авторъ отмѣчаетъ, что «французскіе наблюдатели дивились сѣти каналовъ въ Ломбардіи». Указавъ затѣмъ въ нѣсколькихъ строкахъ на капиталистически - предпринимательскую организацію дѣла, авторъ продолжаетъ: «Вообще, это явленіе стоитъ (?) отмѣтить. Мы видимъ, что старая традиція сохранилась въ Ломбардіи до временъ Наполеона отъ XV—XVI вв.,

когда тамъ отмѣчается уже нѣкоторое развитіе искусственнаго орошенія» (стр. 137). И болѣе ни слова!.. Читателю предоставляется заключить, что къ этому дѣлу, которое въ условіяхъ Апеннинскаго полуострова имѣетъ первостепенное народохозяйственное значеніе, Наполеонъ также «не проявлялъ ни малѣйшаго вниманія», что въ его царствованіе ничего не было предпринято въ интересахъ улучшенія и развитія ирригаціоннаго дѣла, такъ что явленіе и «стоило отмѣтить» единственно, какъ продуктъ любопытнѣй «старой традиціи»... Въ дѣйствительности же и въ этой важнѣйшей области сдѣланъ былъ тогда серьезный шагъ впередъ: законснъ 20 нсября 1810 г., сыгравшимъ свою совсѣмъ не безразличную роль въ тсей экономической жизни, которую авторъ избралъ предметснъ свсего изслѣдованія... Такихъ прсбѣлсвъ не было бы, если бы, прсф. Тарле не полагалъ себя вынужденнымъ «молчать тамъ, гдѣ документъ молчитъ» (стр. 12). Конечно, репозволительно «догадками и домыслами заполнять пропуски» (хотя, замѣчу, иногда и догадка мсжетъ быть научно построена и обоснована), но псчему бы не заполнить пропусковъ путемъ справокъ въ соотвѣтствующей литературѣ? Мы видѣли, что это было бы вполнѣ возможно, вопреки чрезмѣрно пессимистическому завѣренію автора, будто бы эта литература неспособна была оказать ему «даже минимальной псмоши»...

Гр. Шрейдеръ.

Фукидидъ. Исторія. Переводъ Ѳ. Мишенка въ переработкѣ, съ примѣчаніями и вступительнымъ очеркомъ С. Жебелева, т. I (LXX+404) и т. II (LXXXVI+447). Москва 1915 г. Изд. Сабашниксвыхъ (Памятники мірсвсй литературы). Цѣна по 3 р.

Едва ли много мсжно найти историческихъ сочиненій, которыя могли бы въ постскѣ время стель же блестяще отстоять свсе право на вниманіе читателя, какъ исторія Фукидида. Не говсримъ о значеніи его исторіи, какъ ученой работы, нерѣдко по несбхсдимости замѣняющей для насъ утраченный документальный матеріалъ: это значеніе ссается за нимъ наравнѣ съ другими историками древности. Но Фукидидъ со своимъ «исканіемъ истины» (I, 20, 3) сумѣлъ, какъ никто другой, возвыситься до урсвня ученаго изслѣдсвателя нашего времени. «Я не считалъ согласнымъ съ свсею задачей», говсритъ онъ (I, 22, 2), «записывать то, что узнавалъ отъ перваго встрѣчнаго, или то, что я могъ предполагать, но записывалъ ссбытія, очевидцемъ которыхъ былъ самъ, и то, что слышалъ отъ другихъ, послѣ точныхъ, насколько возможно, изслѣдованій относительно каждаго факта, въ отдѣльности взятаго». Такъ и чувствуется въ этихъ словахъ скептикъ-раціоналистъ, современникъ первыхъ ссфистовъ, вѣрный сынъ свсего времени—эпсхи Прссвѣщенія въ Греціи. «Быть мсжетъ, изложеніе мсе, чуждое басенъ, покажется менѣе приятнымъ для слуха; зато его ссчтутъ достаточно полезнымъ всѣмъ тѣмъ, которые псжелаютъ имѣть яснсе представленіе о минувшемъ, могущемъ, по свсйству чловѣческой природы, повториться когда-либо въ будущемъ въ томъ же ссамомъ или подсбномъ видѣ. Мой трудъ разсчитанъ не столько на то, чтобы послужить предметомъ словеснаго состязанія въ данный моментъ, сколько на то, чтобы

быть достояніемъ на вѣки (I, 22. 4)». Эти слова, оказавшіяся пророческими для дальнѣйшей судьбы произведенія, какъ нельзя лучше, характеризуютъ серьезный, вдумчивый обликъ самого историка. И ни одна эпоха греческой исторіи не засвидѣтельствована столь надежно, какъ время, описанное Фукидидомъ.

Фукидидъ прослѣдилъ событія Пелопоннесской войны за 21 годъ. За это время произошелъ глубочайшій переворотъ во внутреннемъ настроеніи Греціи. Глубочайшая внутренняя драма захватываетъ, пожалуй, еще болѣе, чѣмъ перипетіи внѣшнихъ событій. Это та роковая борьба, въ которой надламывается крѣпкая и здоровая Греція эпохи греко-персидскихъ войнъ. Знаменитая рѣчь Перикла, рисуемая идеаль Аѳинъ эпохи расцвѣта, описаніе чумы въ Аѳинахъ, возстаніе Лесбоса, смута на Керкирѣ съ разгуломъ партійныхъ страстей, эпизоды взятія Сфактеріи, политика Аѳинъ на Мелосѣ съ грубымъ провозглашеніемъ права сильного, Сицилійская катастрофа—все это картины, настолько живыя, полныя тонкаго психологическаго наблюденія, что захватываютъ вниманіе и современнаго читателя; авторъ придалъ имъ столько глубины и драматизма, что забывается отдѣляющее ихъ время; онъ затронулъ такія струны, которыя будутъ находить себѣ откликъ «всегда, пока человѣческая природа останется тою же». (III, 82, 2). Вотъ почему всякая новая попытка дать возможность читать это произведеніе широкимъ кругамъ заслуживаетъ полной признательности.

Новый переводъ проф. С. Жебелева является переработкой вышедшаго въ 1887—88 гг. перевода нашего заслуженнаго переводчика, глубокаго знатока древности и рѣдкаго гуманиста Ѳ. Г. Мищенко. Переводъ Мищенко давно уже сталъ у насъ библиографической рѣдкостью. А между тѣмъ со времени его изданія научная работа надъ этимъ авторомъ естественно подвинулась впередъ. Поэтому требовалось уже не простое перензданіе его, но и нѣкоторая переработка тѣмъ болѣе, что Фукидидъ, какъ справедливо замѣчаетъ и г. Жебелевъ (Предисловіе, т. I, стр. VII), «считался и прѣдполагается считаться однимъ изъ самыхъ труднопереводимыхъ писателей». Это и не удивительно. Какъ одинъ изъ первыхъ по времени аттическихъ прозаиковъ, онъ знаменуетъ собой періодъ исканій, когда приходилось еще только вырабатывать литературную прозаическую рѣчь. На каждомъ шагу такъ и чувствуется богатство мыслей и краткость рѣчи, цѣлая игра намековъ и противопоставленій—начало той техники, которую изобрѣтали первые риторы и софисты. «Я не для всѣхъ вѣдъ доступенъ»—вотъ эпиграфъ новаго перевода (на заглавной страницѣ), цитирующій изъ Палатинской Антологіи (IX, 583).

Трудъ Мищенко, конечно, не представляетъ собой идеала. Помимо отдѣльныхъ частей, гдѣ его переводъ можно или даже должно оспаривать, онъ обладаетъ однимъ общимъ недостаткомъ—это его, такъ сказать, безличность: читаемъ ли его Геродота, Фукидиды, Полибія, Демосфена, Страбона—всѣ писатели у него какъ будто на одно лицо, подъ равной вылощенностью перевода сглажены стилистическія особенности авторовъ. Переводъ нерѣдко слишкомъ далекъ отъ оригинала, многія частности

слишкомъ обще выражены и оттого блѣдны. Несомнѣнная заслуга новаго переводчика и состоитъ въ томъ, что онъ значительно приблизилъ переводъ къ оригиналу; во многихъ мѣстахъ онъ буквально не оставилъ отъ прежняго текста камня на камнѣ. Только особенное благоговѣніе къ памяти Мищенко и къ его труду удержало г. Жебелева отъ рѣшительнаго разрыва съ работой предшественника. «Мнѣ хотѣлось», говоритъ онъ (Предисловіе, стр. VIII), «*продолжить ту работу надъ переводомъ Фукидида, какую произвелъ Ѳ. Г. Мищенко*. Въ результатѣ появилось то, что переводъ его послужилъ какъ бы *основой* для моей работы».—«Я пытался при своей работѣ», говоритъ онъ далѣе (стр. IX), «не замѣнить, а замѣстить Ѳ. Г. Мищенко». Такое соединеніе двухъ специалистовъ само по себѣ служить гарантіей высокаго качества работы. Правда, оно же вноситъ и нѣкоторый разладъ, стилистическую пестроту, отнимаетъ единство формальной отдѣлки. Въ смыслѣ гладкости новый переводъ, пожалуй, даже уступаетъ прежнему.

Но помимо этого общаго наблюденія, можно сдѣлать немало возраженій противъ отдѣльныхъ частныхъ перевода. Приведемъ для примѣра нѣкоторые мѣста. VII, 48, 3: «Вѣдь въ Аѳинахъ, продолжалъ Никій, будутъ постановлять рѣшеніе о нихъ (дѣло идетъ объ аѳинскомъ войскѣ въ Сициліи) не тѣ люди, которые подобно имъ, видятъ, въ какомъ положеніи находится дѣло, и *рѣшатъ будутъ не на основаніи толковъ хулителей, но такіе*, которые легко поддаются клеветѣ, обличенной въ красивые слова». Въ такомъ переводѣ очевидное противорѣчіе: не на основаніи толковъ хулителей, но такіе, которые легко поддаются клеветѣ, т.-е. опять-таки со словъ хулителей. У Мищенко смыслъ переданъ правильно, и конецъ этой фразы таковъ: «не тѣ люди, которые подобно имъ видѣли бы самое положеніе дѣла и рѣшали бы не на основаніи толковъ хулителей, но такіе»... и т. д. VIII, 90, 4: «Новое укрѣпленіе настолько сближалось съ прежнимъ, находившимся со стороны материка, что *значительный* гарнизонъ, помѣщенный на немъ, не могъ господствовать надъ проходомъ въ гавань и выходомъ изъ нея». У Мищенко совершенно правильно: «достаточно было незначительнаго гарнизона для того, чтобы господствовать»... VII, 19, 5: «...отвлечь вниманіе аѳинянъ *отъ тріеръ къ ластовымъ судамъ*». Въ текстѣ совершенно ясно, что на ластовыхъ судахъ перевозились войска, и спартанцы опасались, чтобы аѳиняне не подстерегли ихъ. III, 82, 7: «выше считалось отмстить кому-либо за обиду, *лишь бы не подвергаться обидѣ самому*». Срв. у Мищенко: «отмстить за обиду предпочтательнее тому, чтобы не подвергаться обидѣ *гдѣ-либо*». III, 21, 3: «черезъ каждые *десять брустверовъ* были огромныя башни»... Греч. слово *epalxis* можетъ обозначать не только брустверъ, но и зубецъ на крѣпостной стѣнѣ, какъ это переведено и у Мищенко. Но есть и такія мѣста, гдѣ наоборотъ не исправленъ неудачный переводъ Мищенко—II, 13, 7: «*отъ Фалерской стѣны до обводной городской 35 стадій*»—выраженіе совершенно непонятное, такъ какъ Фалерская стѣна упирается въ окружающую стѣну города Аѳинъ, а въ текстѣ смыслъ: *длина* Фалерской стѣны 35 стадій. Совершенно непонятное недоразумѣніе II, 83, 3: «ко-

ринояне.... замѣтили, что аѳиняне идутъ параллельно берегу *Аттики*... Между тѣмъ описываемыя событія происходятъ около Навпакта въ Коринѳскомъ заливѣ, и въ текстѣ здѣсь вовсе не называется Аттика! Во многихъ мѣстахъ новаго перевода бросается въ глаза тяжеловѣсность языка. Вотъ примѣръ—VII, 18, 2: «въ прежней войнѣ, думали лакедемоняне, вина за нарушеніе договора падала больше на нихъ, такъ какъ тогда ѳивяне вошли въ Платею въ мирное время и такъ какъ, хотя по прежнему договору возбранялось братья за оружіе въ томъ случаѣ, если другая сторона предложить рѣшить дѣло судомъ, они, лакедемоняне, отвергли требованіе аѳинянъ явиться на судъ». Встрѣчаются и такія двусмысленныя выраженія: «дѣятельность Алкивіада... заставляла его побаиваться лакедемонянъ (VI, 88, 9)». Кто кого боялся? Или еще VIII, 72, 1: «аѳиняне, говорили они, вслѣдствіе военныхъ походовъ и занятій въ чужихъ странахъ, никогда еще не *рѣшались на такое важное дѣло, чтобы собираться* въ числѣ пяти тысячъ человѣкъ». Смыслъ мѣста долженъ быть такой: ни разу не представлялось настолько важнаго дѣла, чтобы для рѣшенія его собралось 5 тысячъ человѣкъ. У Мищенко слишкомъ коротко: «никогда ни по одному дѣлу не собирались для рѣшенія въ числѣ пяти тысячъ человѣкъ» Встрѣчаются и прямо неестественныя для русскаго языка выраженія въ родѣ: «мы будемъ одолѣны осадой (VII, 14, 3)».

Конечно, указанные нами недочеты не умаляютъ общаго достоинства изданія. А оно, надо признать, обставлено всѣми данными, способными сдѣлать изъ него цѣнное пособіе и для широкой публики и для специалиста-филолога: въ немъ находимъ очерки «Фукидидъ и его твореніе» (въ I томѣ) и «Творчество Фукидида» (во II томѣ), гдѣ вкратцѣ разобраны и біографическія данныя (дается полный переводъ древнихъ біографій Фукидида), и научныя проблемы, касающіяся Фукидида; далѣе, приложены объяснительныя и критическія примѣчанія, хронологическія таблицы, замѣчательно наглядныя карты съ обозначеніемъ всѣхъ военныхъ передвиженій, обстоятельный указатель именъ и предметовъ, 4 фототипіи съ античныхъ бюстовъ Фукидида, наконецъ, новый переводъ 29—33 главъ изъ Аѳинской Политіи Аристотеля для освѣщенія олигархическаго переворота въ Аѳинахъ въ 411 г. Нечего и говорить, что этимъ изданіемъ сдѣланъ цѣнный вкладъ въ нашу литературу о древнемъ мірѣ.

С. Радцигъ.

«Вѣнокъ Врангелю отъ Общества защиты и сохраненія въ Россіи памятниковъ искусства и старины.»

Прекрасная книга и по замыслу, и по глубинѣ проникновенія въ личность безвременно скончавшагося извѣстнаго дѣятеля и пріятеля въ области искусства и художественной культуры въ Россіи. Одушевленные дружбой и любовью къ почившему, авторы этого «вѣнка» Врангелю дали тонкій всесторонній очеркъ его личности и дѣятельности. Сборникъ, составившійся изъ рѣчей, произнесенныхъ на собраніи въ память Н. Н. Врангеля (род. 2 іюля 1880 г. † 15 іюня 1915 г.) въ Обществѣ защиты и сохраненія памятниковъ искусства и старины, открывается

статьей П. П. Вейнера, выдержанной въ строгомъ, почти официальномъ тонѣ, за которымъ тѣмъ сильнѣе чувствуется скрытая, подавленная грусть. Въ очеркѣ П. П. Вейнера данъ перечень многообразныхъ заслугъ покойнаго передъ русскимъ обществомъ и искусствомъ. «Какъ мало прожито, какъ много пережито!» думаешь невольно, когда быстрой смѣной проходитъ въ этомъ перечнѣ рядъ статей, книгъ и художественныхъ выставокъ, созданныхъ Врангелемъ. По инициативѣ Врангеля или при его ближайшемъ участіи были устроены: «Выставка русскихъ портретовъ за 150 лѣтъ»; выставка «Старый Петербургъ», портретная выставка въ Таврическомъ Дворцѣ въ 1904 г., выставки: «Старинныхъ картинъ», (устр. «Старыми Годами») въ 1908 г., «Сто лѣтъ французской живописи» въ 1910 г., «Ломоносовъ и Елизаветинское время» въ 1912 г., выставки: произведеній Венеціанова, Кипренскаго, наслѣдія В. К. Маріи Николаевны, собранія П. П. Семенова-Тянь-Шанскаго, изъ которыхъ каждая представляла шагъ впередъ въ изученіи искусства въ Россіи. На интересномъ и богатомъ матеріалѣ, собрать который удавалось лишь неутомимой, поразительной энергіи Н. Н. Врангеля, практически, наглядно знакомились съ исторіей родного и общеевропейскаго искусства и ученые специалисты и большая публика. Выставки Врангеля были сразу и огромной важности научнымъ предпріятіемъ и эстетической и историко-художественной школой, вліяніе которой распространялось на самые широкіе круги русскаго общества. Научная работа Врангеля была не менѣе значительной по широтѣ задачъ и вліянія. Достаточно назвать такіе труды бар. Н. Н. Врангеля какъ: «Каталогъ Русскаго Музея Императора Александра III. Живопись и скульптура», «Портретная выставка въ Таврическомъ Дворцѣ», «Живописецъ И. В. Ступинъ», «Вѣнокъ Мертвымъ», «Каталогъ Старинныхъ Произведеній Искусства, хранящихся въ Импер. Академіи Художествъ», и рядъ его работъ въ «Старыхъ Годахъ», какъ напр., «Забытыя могилы», «Искусство помѣщицъ Россіи», «Романтизмъ живописи. Александровской эпохи и Отечественная война», «Бытовая живопись и портреты нидерландскихъ художниковъ XVII и XVIII в.», «Очерки по исторіи миниатюры въ Россіи», «Иностранцы въ Россіи XVIII и XIX в.», рядъ статей и замѣтокъ въ «Аполлонѣ», напр. «Вермеръ Дельфтскій», «Французскія картины въ Куселевской Галлерей», «М. В. Добужинскій» и др., «Исторія скульптуры» (въ «Ист. Русск. Иск.» И. Грабаря) и отдѣльно изданныя книги и статьи: «Борисовъ-Мусатовъ», «А. Г. Венеціановъ въ частныхъ собраніяхъ», «О. А. Кипренскій въ частныхъ собраніяхъ», «Русская женщина въ гравюрахъ и литографіяхъ», «Ө. С. Рокотовъ» (неизд.), Путеводитель по Музею Александра III (готовится къ печати), чтобы понять, какой богатый вкладъ внесъ онъ за свою короткую жизнь въ исторію русскаго искусства. Онъ одинъ изъ первыхъ началъ собирать и обрабатывать матеріалы по исторіи новаго русскаго искусства, и послѣдняя не можетъ быть теперь написана безъ самаго широкаго использованія трудовъ Врангеля.

Работая необычайно много какъ писатель, Врангель находилъ время и для практической работы въ области искусства и худо-

жественной культуры въ Россіи. Онъ несетъ хранительскую службу въ Императорскомъ Эрмитажѣ и является душою нѣсколькихъ, возникшихъ отчасти по его иниціативѣ, учреждений, служащихъ интересамъ искусства. Таковы «Институтъ Исторіи Искусства» гр. В. П. Зубова, «Музей Стараго Петербурга», «Общество защиты и сохраненія памятниковъ искусства и старины», довершающіе подготовкой новыхъ изслѣдователей, собираніемъ и поддержаніемъ художественныхъ памятниковъ, дѣло утвержденія и развитія художественныхъ интересовъ въ Россіи, которому такъ разнообразно и широко служилъ Н. Н. Врангель. Къ этому же роду дѣятельности Врангеля относится его участіе въ «Старинномъ Театрѣ» и увлекавшая его въ послѣдніе годы мысль о возрожденіи, при содѣйствіи лучшихъ художественныхъ силъ, народныхъ развлеченій и масляничныхъ балагановъ Марсова Поля.

Объ этомъ новомъ интересномъ начинаніи Н. Н. Врангеля упоминаетъ С. Л. Бертенсонъ въ другой статьѣ сборника: «Баронъ Врангель въ «Обществѣ защиты» и на войнѣ».

Въ сильномъ, глубокомъ очеркѣ характеризуетъ А. Θ. Кони бар. Н. Н. Врангеля какъ писателя. Знанія и ученость Н. Н. Врангеля вели свое начало не изъ книгъ, но возникли изъ непосредственнаго опыта, какъ плодъ его личныхъ воспріятій. Онъ умѣлъ найти путь къ сердцу читателя, потому что обладалъ въ высокой степени даромъ интуиціи, способностью объединять разнообразныя детали въ цѣльную картину, возстановливать по камешкамъ мозаику жизни и угадывать тайну минувшаго. Въ этомъ прошломъ помѣщицѣй и крѣпостной Россіи Врангель всюду находилъ, наряду съ невыразимой прелестью и красотой отцвѣтшей жизни, противорѣчія непоследовательности, вычурности и простоты, гениальности и убожества и, въ особенности, самодурства, какъ наиболѣе типичнаго явленія всей русской жизни. Для Врангеля эта черта опредѣляетъ всю нашу исторію, весь характеръ русской культуры, объясняетъ и поступки и творчество русскаго человѣка. Весь этотъ бытъ удаляется отъ насъ на нѣсколько столѣтій, но сердце еще плачетъ и прощается, по выраженію Герцена, когда холодный разсудокъ уже приговорилъ и казнить, и потому такъ нѣжно ласкаетъ и манитъ насъ, по словамъ Врангеля, старая повѣсть о дѣдушкахъ и бабушкахъ, съ арапахъ и сѣнныхъ дѣвушкахъ, о мебели изъ краснаго дерева и о домахъ съ колоннами на берегу сонныхъ прудовъ.

Какъ историкъ и художникъ прошлаго Врангель не способенъ смотрѣть спокойно «на правыхъ и виновныхъ» и не остается «къ добру и злу постыдно равнодушенъ». А. Θ. Кони отмѣчаетъ односторонность общеисторическаго взгляда и пристрастій Врангеля. «Его «Вѣнки мертвымъ» иногда переплетены излишними розами или скрываютъ въ себѣ больно вонзающіеся шипы».

О статьѣ Врангеля «Забытыя Могилы», которой началъ онъ свое сотрудничество въ «Старыхъ Годахъ», дѣлится своими впечатлѣніями В. А. Верещагинъ. «Забытыя Могилы» кладбищъ Лазаревскаго и Смоленскаго, украшающія ихъ трогательныя надписи и скульптуры Козловскаго, Мартоса, Рашетта и Демута,

жизнь непробудно спящихъ здѣсь придворныхъ Елисаветы, Екатерины, Павла, составляютъ содержаніе этой первой серьезной работы Врангеля—символа всей дальнѣйшей его дѣятельности, посвященной изученію и сохраненію заброшеннаго и скрытаго художественнаго прошлаго нашей родины.

Въ статьѣ А. Н. Бенуа говорится о значеніи бар. Н. Н. Врангеля въ русской художественной жизни. Авторъ указываетъ, что своей дѣятельностью Врангель вызвалъ оживленіе художественныхъ интересовъ и художественной науки въ Россіи. Но прошлое не поработило Врангеля. Онъ остался свободнымъ и живо чувствовалъ всегда интересы и запросы современности.

Объ энтузіастахъ «Старыхъ Годовъ», въ кругу которыхъ бар. Н. Н. Врангель былъ однимъ изъ главныхъ участниковъ, говоритъ С. О. Ольденбургъ въ статьѣ «Бар. Врангель и истинный націонализмъ».

Движеніе «Старыхъ Годовъ» и помѣщенные въ нихъ работы Н. Н. Врангеля помогли создать въ нашей жизни вмѣсто ложнаго націонализма, ослѣпленнаго властолюбіемъ и самовосхваленіемъ, основу для истиннаго націонализма, для сознательной любви къ тому вѣчному и истинному, что было въ прошломъ.

Сборникъ заключается воспоминаніями о бар. Н. Н. Врангелѣ кн. С. М. Волконскаго. Въ изящномъ очеркѣ воскрешаетъ передъ нами авторъ образъ Врангеля, его манеру говорить, держаться, живое впечатлѣніе его личности, ея сложности и противорѣчій.

Цѣннымъ приложеніемъ къ сборнику является перечень печатныхъ трудовъ бар. Н. Н. Врангеля. Въ книгѣ данъ и снимокъ съ портретной статуэтки Н. Н. Врангеля работы бар. К. К. Рауш-фон-Траубенберга. Изданіе отличается большимъ изяществомъ. Общему художественному впечатлѣнію содѣйствуютъ графическія композиціи Е. Е. Лансере, предваряющія каждую отдѣльную статью сборника.

Н. Р.

Новѣйшій опытъ обзора правительственной дѣятельности Павла I.

Въ 1916 г. вышло въ свѣтъ два изданія: *одно* изъ нихъ книга подъ заглавіемъ «Очерки правительственной дѣятельности времени Павла I» (in 8-vo. Стр. 4 нен. + IV + 628 + 4 нен. Ц. 4 руб.), *другое* брошюрка «Императоръ Павелъ Первый.—Опытъ примѣненія принциповъ православія къ историческимъ изслѣдованіямъ» (in 8-vo. Стр. 16. Ц. 25 коп.). Первое принадлежитъ проф. Харьковскаго университета М. В. Ключкову и, какъ докторская диссертация, напечатано въ «Запискахъ» историко-филологическаго факультета *Петроградскаго* университета на основаніи постановленія 28 апрѣля 1916 г.; второе принадлежитъ Влад. Вишнякову и напечатано среди брошюркъ Петропавловскаго придворнаго собора согласно постановленію *Петроградскаго* духовнаго цензурнаго комитета отъ 22 апрѣля 1916 г. Оба изданія вышли въ Петроградѣ и оба разрѣшены, если такъ можно выразиться, въ апрѣлѣ указаннаго года. Какъ ни странно, а между этими двумя

изданиями какъ будто есть какая-то внутренняя связь. Оба вышли въ одномъ и томъ же году въ Петроградѣ, оба разрѣшены въ апрѣлѣ, хотя одно—докторская диссертация безъ определенныхъ методовъ изслѣдованія, а другое—сборная листовка съ подзаголовкомъ на стр. 3 «о методахъ изслѣдованія». Какъ будто *ученый* за методами изслѣдованія отсылаетъ къ *поэту*, ибо г. Вишняковъ пишетъ прежде всего стихи и въ предисловіи къ послѣднимъ трактуетъ въ прозѣ о методахъ историческаго изслѣдованія. Пишущій настоящія строки не поэтъ и не можетъ высказываться о поэтическомъ творествѣ г. Вишнякова, который восклицаетъ:

«Я снова жду святого часа,
Когда въ молящейся толпѣ,
У православнаго) иконостаса
Я миръ почувствую въ себѣ».

Можетъ быть это стихотворное упражненіе г. Вишнякова и похуже на что-то сверхъ-поэтическое,—пусть о томъ судятъ соборные старцы,—но въ вопросѣ «о методахъ изслѣдованія» названный поэтъ можетъ только бредить... Вотъ отрывокъ изъ этого бреда. Поэтъ пишетъ (на стр. 4), что цѣль его листовки «сослѣдовать въ томъ, чтобы на конкретномъ примѣрѣ въ конкретной области показать, что принципы православія вполне примѣнимы къ жизни» и что «исторія не есть такая привилегированная область, чтобы нельзя было примѣнять при историческихъ изслѣдованіяхъ, для установленія историческихъ выводовъ, эти великіе принципы; болѣе того, къ исторіи не только можно, но и должно ихъ примѣнять». По словамъ поэта какъ исторія, такъ и нравственность «должны быть разсматриваемы прежде всего съ точки зрѣнія православія и въ предпосылкѣ его принциповъ». Обращаясь затѣмъ къ жизни и дѣятельности героя докторской диссертации г. Ключкова, поэтъ продолжаетъ: «Богъ нынѣ видимо прославляетъ человека жившаго и умершаго. Мы заключаемъ, что сей христіанецъ чѣмъ-нибудь заслужилъ эту посмертную награду отъ Бога. Но, при проверкѣ съ его жизнью, намъ извѣстною, намъ смущаетъ то, что общее мнѣніе, судъ исторіи, осуждаетъ покойнаго. Это недоумѣніе есть лишь плодъ нашего, людскаго недоразумѣнія. Это судъ исторіи ошибся: Судъ Божій безошибоченъ! И намъ надлежитъ только искать и искать нашу, человѣческую ошибку, ошибку такъ называемаго суда исторіи. Да и заранее можно сказать, въ чемъ и какъ сдѣлана людьми ошибка. Достаточно знать, что это такое современная исторія; кто—эти люди, которые создаютъ общественное мнѣніе. Да примѣняютъ ли они принципы православія, какъ критерій для всѣхъ сужденій, какъ методъ при всѣхъ изслѣдованіяхъ?» Достаточно приведенной выдержки, чтобы понять, съ чѣмъ мы тутъ имѣемъ дѣло и какъ надлежитъ квалифицировать листовку г. Вишнякова²⁾. Итакъ,

¹⁾ Курсивъ принадлежитъ самому поэту.

²⁾ Тому же автору въ томъ же изданіи Петропавловскаго собора принадлежитъ сборникъ стихотвореній «Вънокъ на гробницу императора Павла I» (стр. 16).

послѣдній нашелъ истинный методъ, призналъ необходимымъ искать «нашу человѣческую ошибку». Перчатку, брошенную такимъ поэтомъ, поднялъ современный *ученый* г. Ключковъ и принялся «искать ошибку такъ называемаго суда исторіи». Подобно г. Вишнякову (стр. 8) онъ начинается съ недовольства книгою Н. К. Шильдера. Г. Ключковъ усвоилъ себѣ и православный методъ изслѣдованія г. Вишнякова. Отрывокъ со стр. 583 докторск. и диссертациі въполнѣ можно сопоставить съ листовкой послѣдняго. «Сохранилась одна легенда, которая распространена среди простого народа и до настоящаго времени. Послѣ трагической кончины Павла распространилась молва, что императора Павла удавили генералы да господа за его справедливость и за сочувствіе простому народу, что онъ — мученикъ, святой; молитва на его могилѣ — спасительна: она помогаетъ при неудачахъ по службѣ, когда обходить назначеніями, повышеніями и наградами, въ судебныхъ дѣлахъ, помогая каждому добиться правды въ судахъ, — въ неудачной любви и несчастливой семейной жизни. Такая молва черезъ столѣтіе дошла до нашихъ дней и на могилѣ Павла больше, чѣмъ на чьей либо другой въ Петропавловскомъ соборѣ, горятъ приносимыя свѣчи и служатся почти ежедневно многочисленные панихиды». Всего курьезнѣе, что здѣсь не только *entente cordiale* съ листовкой г. Вишнякова, но и то, что самъ же г. Ключковъ нѣсколько далѣе (на стр. 603 и 604) приводитъ изъ архивнаго матеріала цитаты, которыя совершенно уничтожаютъ его предшествующее заявленіе и которыхъ невозможно даже воспроизвести особо по соображеніямъ деликатнаго свойства. Все предисловіе докторской диссертациі г. Ключкова есть ничто иное, какъ воспріятіе мысли г. Вишнякова, что «намъ надлежитъ только искать и искать нашу, человѣческую ошибку, такъ называемаго, суда исторіи» съ помощью, конечно, православнаго метода.

Цѣль автора «Очерковъ правительственной дѣятельности времени Павла I», по его собственнымъ словамъ (стр. 91), «дать обзоръ правительственной дѣятельности Павла I въ ея главнѣйшихъ направленіяхъ» и при томъ обзоръ (стр. 92), «основанный не на однихъ разсказахъ современниковъ, а на *чисто* фактическомъ ознакомленіи со всѣмъ тѣмъ, что было сдѣлано правительствомъ за это время». Непонятно формулированная цѣль въполнѣ соответствуетъ неграмотному заключенію книги, которое гласитъ, что «простой народъ» цѣнилъ Павла I за его «справедливость» и «строгость», благодаря которымъ «установлено было правосудіе и быстрое рѣшеніе дѣлъ, устранялись злоупотребленія и притѣсненія и нѣсколько улучшалось положеніе низшихъ классовъ общества» (стр. 584.). Во второмъ раздѣлѣ второй главы, озаглавленномъ «Павелъ I какъ правитель» (?!), г. Ключковъ пишетъ: «Умомъ Павла владѣли призраки революціи и пугали его. Чтобы оградить себя отъ опасности, сохранить самодержавіе и установившійся порядокъ, необходима была, по его убѣжденію, строгость во всемъ. Отсюда былъ введенъ военный режимъ въ управленіе государствомъ» (стр. 121). Нѣсколько выше (стр. 117) авторъ утверждалъ нѣчто иное, говоря, что лозунгомъ Павла I

были законность и порядок. Сколько извѣстно, законность и военная диктатура не одно и то же. Вторая должна исключать первую: ужиться рядомъ онѣ никакъ не могутъ. Тутъ жедано указаніе, что «скорость власти одного» ставилась Павломъ очень высоко, равно какъ система «править желѣзной лозой» и что «вообще Павелъ съ большой симпатіей относился къ простому народу» (стр. 123). Поговоривъ о красотѣ «желѣзной лозы» и вахтъ-парадовъ, сообщивъ о запрещеніи ввоза иностранной литературы въ Россію и поѣздокъ русскихъ людей за границу, установленіи строжайшей цензуры и вскрытія частной переписки и другихъ мѣропріятіяхъ деспотическаго свойства, г. Ключковъ пишетъ поистинѣ классическую фразу: «Таковы были основные взгляды Павла, какъ правителя; въ существѣ дѣла онъ ихъ и проводилъ въ своей государственной дѣятельности. Эти взгляды рисуютъ намъ Павла человѣкомъ вполне умнымъ, съ высокими и разумно обоснованными принципами» (стр. 135). Не говоря уже о томъ, что приведенной фразѣ не мѣсто быть въ ученой диссертациі, она поражаетъ столь значительнымъ отсутствіемъ логики, что становится неловко за одобреніе книги г. Ключкова для напечатанія въ ученыхъ университетскихъ запискахъ. Чего смотрѣлъ факультетъ, выдавая одобреніе, или можетъ быть никто изъ членовъ онаго не удосужился просмотрѣть книгу? Очевидно, понятію ума, понятію высокихъ и разумныхъ принциповъ соответствовали тѣ поступки Павла I, о которыхъ нашъ авторъ сообщаетъ нѣсколько далѣе (стр. 137): Павелъ I могъ «послать дурака по адресу генерала, явившагося ко двору не въ формѣ», могъ «фыркать» по адресу того сановника, который ему чѣмъ-нибудь не угодилъ, и т. п. При этомъ г. Ключкову измѣняетъ и память, ибо на стр. 12 онъ самъ же опровергаетъ записки А. М. Тургенева, говоря, что даже «въ минуты раздраженія» Павелъ I не допускалъ «оскорбительныхъ выраженій», а на стр. 138, что офицеръ Тутолминъ едва спасся отъ избіенія, убѣжавъ отъ бросившагося на него съ тростью Павла I. Броситься на кого-либо съ палкою въ рукахъ—это, по мнѣнію г. Ключкова, есть «высокій и разумный принципъ», при чемъ на стр. 138 онъ утверждаетъ такой фактъ, а на стр. 12 споритъ противъ возможности такого факта.

Остановимся, однако, въ подборѣ подобныхъ *мелочей* изъ «обзора» г. Ключкова, который онъ имѣлъ смѣлость предъявить, какъ ученую диссертацию... Наборъ фразъ, фактовъ, эпитетовъ и морализирующихъ оцѣнокъ еще не ученая работа, которая прежде всего должна обнаруживать опредѣленность историческаго направленія и наличность метода. Методъ обыкновенно не виситъ въ воздухѣ, а естественно опредѣляется историческимъ міровоззрѣніемъ ученаго. У нашего автора нѣтъ ни міровоззрѣнія, ни метода; у него есть лишь извѣстная техника написанія и, несомнѣнно, особый интересъ къ профессорской карьерѣ. Безъ наличности міровоззрѣнія и метода ему не подѣ силу выставить опредѣленную научную тему; онъ пишетъ диллетантски, развязно, не вдумываясь и, въ сущности, не изучая своего первоисточника, не анализируя явленій. Г. Ключковъ, повидимому, никогда не задавалъ себѣ вопроса о томъ, что онъ понимаетъ подѣ истори-

ческимъ процессомъ и что такое исторія, какъ наука; ни откуда не видно, чтобы онъ ясно разрѣшалъ для себя вопросъ о роли научнаго метода. Безъ міровоззрѣнія и метода, безъ опредѣленной школы и пониманія задачъ исторической работы, авторъ безпомощно разбросался среди мертваго пересказа прочитаннаго, но не усвоеннаго съ извѣстнымъ сознаніемъ историческаго матеріала литературы и первоисточниковъ. Уже въ I-й главѣ (стр. 2) мы встрѣчаемся съ указаніемъ автора на мемуаристовъ, «которые отрицательно смотрятъ на Павла и его правительственную дѣятельность и съ большимъ вниманіемъ останавливаются на *темныхъ* сторонахъ его характера и его правленія, какъ бы не замѣчая *свѣтлыхъ* или удѣляя имъ слишкомъ незначительное мѣсто въ своихъ разсказахъ и характеристикахъ». Эта невѣроятная тема о темныхъ и свѣтлыхъ сторонахъ безконечное количество разъ маячитъ въ книгѣ г. Ключкова (см. стр. 15, 31, 43, 60, 80, 93, 100, 139, 107, 108, 289, 293 и др.). Авторъ, во-первыхъ, нигдѣ не объясняетъ, что онъ понимаетъ подъ свѣтлыми и что подъ темными сторонами; во-вторыхъ, ни откуда не видно, чтобы подобная формулировка вытекала у него изъ опредѣленнаго историческаго воззрѣнія. Темное или свѣтлое каждый понимаетъ по-своему, ибо нельзя же представлять себѣ эти понятія абсолютными и разъ навсегда опредѣленными; трудно представить себѣ дспустимость абсолютныхъ оцѣнокъ въ научной исторической работѣ и вообще какихъ-либо морализирующихъ оцѣнокъ. Авторъ взялъ эти quasi ученые выраженія изъ дѣлопроизводства канцеляріи министерства народнаго просвѣщенія, которая когда-то писала въ циркулярахъ, что казенные преподаватели въ казенной средней школѣ при прохожденіи курса отечественной исторіи обязаны преимущественное вниманіе обращать на свѣтлыя стороны нашего прошлаго и замалчивать темныя. Предписывая различать свѣтлое и темное, канцелярія не давала себѣ труда выяснитъ толкомъ, что именно надлежитъ понимать подъ тѣмъ и другимъ; это предоставлялось публицистическому такту самого преподавателя.

Интересы бюрократической канцеляріи и ученой исторической диссертации, надо думать, расходятся между собою. Не дѣло преподавателя заниматься какой бы то ни было публицистической пропагандой: это—задача періодической печати. Не дѣло профессора увлекаться канцелярской фразеологіей; его дѣло—овладѣть наукой, и въ данномъ случаѣ г. Ключковъ доказалъ только, что его научная грамотность по меньшей мѣрѣ подвергается сомнѣнію. Изученіе историческаго процесса научное есть прежде всего принципиальное отрицаніе морализирующихъ оцѣнокъ. Къ какимъ выводамъ могъ притти г. Ключковъ въ результатѣ своего изложенія на длинномъ рядѣ страницъ? Да, ни къ какимъ. Основная его задача реабилитировать Павла не есть задача научная: и здѣсь автору дѣлать нечего. Прошлое нельзя и нѣтъ нужды реабилитировать. Если въ такой задачѣ можетъ быть публицистическій смыслъ, то автору здѣсь ничего не удалось сдѣлать, скорѣе удалось дискредитировать вовсе свою попытку. Авторъ столь же мало грамотенъ какъ историкъ, сколько мало опытенъ

какъ публицистъ. Его критическій тактъ стоитъ не выше, чѣмъ его историческій анализъ.

Двѣ первыхъ главы ученой диссертациі г. Ключкова—пустое мѣсто и демонстрація критической слабости съ напрасными претензіями на новое слово; глава восьмая равносильна двумъ первымъ. Главы 3—7 имѣютъ значеніе по выдержкамъ новыхъ данныхъ изъ архивнаго матеріала, вкрапленныхъ въ сообщеніе свѣдѣній, давно извѣстныхъ. Несомнѣнно, научно интересны двадцать страницъ приложений сырого матеріала. Крахъ изслѣдованія г. Ключкова опредѣляется еще и тѣмъ, что это—изслѣдованіе безъ опредѣленной темы. Какому историческому вопросу посвящены «Очерки правительственной дѣятельности времени Павла I», сказать невозможно. Политикъ ли названнаго момента или органической работѣ? Павлу Первому, какъ лицу и представителю тогдашняго правительства, или извѣстному историческому моменту, или исторіи учреждений? Или наконецъ всему указанному? Можно ли въ самомъ дѣлѣ современное историческое изслѣдованіе строго посвящать одному царствованію, понимаемому лично и хронологически? Въ книгѣ все время борются фиктивный историкъ съ неопытнымъ публицистомъ: первому недостаетъ научно-историческаго пониманія и метода, второму блеска живого пропагандиста и ясности общественно-политическихъ убѣжденій. Въ книгѣ поэтому историкъ компрометируетъ публициста, а публицистъ—историка; историкъ не пришелъ и не могъ придти ни къ какимъ выводамъ; публицистъ не произвелъ никакихъ опредѣленныхъ впечатлѣній. Нельзя придти ни къ какимъ научно-историческимъ выводамъ, не имѣя опредѣленной научной темы для изслѣдованія, не владѣя методомъ, не прибѣгая къ анализу и критикѣ, построеннымъ на теоретическихъ предпосылкахъ. Нельзя было публицистически произвести впечатлѣніе, не выдвигнувъ опредѣленнаго широко общественнаго мотива, составляющаго злобу момента. Книга вышла тощей и убогой для историческаго изслѣдованія, черезчуръ толстой и скучной для памфлета и едва ли сколько-нибудь цѣнной для русской исторіографіи. Если сравнивать публицистическую диссертацию г. Ключкова съ листовкой г. Вишнякова, то сравненіе будетъ невыгодно для г. Ключкова. Г. Вишняковъ знаетъ, кого онъ хочетъ уловить и пишетъ именно листовку; знаетъ онъ и какъ уловлять и пишетъ не безъ нѣкотораго мужества:

«Отъ одного къ другому
Идетъ молва.
И въ избы, и въ хоромы
Проникла вѣсть одна».

Г. Вишняковъ передаетъ и молву. «Вотъ, пишетъ онъ (стр. 8), двѣ содержательницы учебнаго заведенія для дѣвочекъ, получившія совершенно неожиданно *поддержку изъ бюджета* на другой день, какъ онѣ, тоже по совѣту, отслужили панихиду у гробницы; вотъ и жена капитана I ранга, уже испытавшая помощь въ своихъ дѣлахъ послѣ *краткой* молитвы у гробницы Павла, и теперь постоянно прибѣгающая къ ней въ трудныхъ

случаяхъ своей жизни». Тутъ все ясно, просто, неприкрыто, публицистически выразительно. Всего этого недостаетъ, правда, въ книгѣ г. Ключкова, которому слѣдовало бы «тоже по совѣту отслужить панихиду у гробницы». Во второмъ раздѣлѣ второй главы авторъ сообщаетъ давно всѣмъ извѣстный матеріалъ о военныхъ интересахъ Павла, о томъ, что «къ военному дѣлу Павелъ имѣлъ пристрастіе съ дѣтскихъ лѣтъ» (стр. 129). «Капральскій духъ» и безграничное увлеченіе прусскимъ королемъ и нѣмецкой арміей дали г. Ключкову возможность вмѣсто живой и яркой характеристики написать нѣсколько безцвѣтныхъ страницъ, а въ главѣ 5-й, гдѣ рѣчь идетъ о коллегіяхъ, авторъ не потрудился, какъ надо было бы серьезно и основательно разработать матеріалъ, касающійся военной и адмиралтейской коллегій. Къ чему тогда былъ разговоръ о военныхъ интересахъ Павла I, всѣмъ хорошо извѣстныхъ, разъ вмѣсто серьезнаго очерка военной коллегіи авторъ предлагаетъ канцелярскую отписку? Какъ надлежитъ понимать наборъ такихъ фразъ, что въ арміи екатерининскаго времени Павелъ I «видѣлъ много *тѣневыхъ* сторонъ», а въ работѣ его самого «были и *отрицательныя* стороны преобразованій, которыя зависѣли не столько отъ коллегій, сколько отъ увлеченій Павла системой Фридриха II, а также отъ личныхъ свойствъ императора». Эти *тѣневые* и *отрицательныя* стороны вносятъ невѣроятную путаницу въ пониманіе текста г. Ключкова, прикрывая его безсодержательность. Четвертый раздѣлъ 5-й главы, посвященный коллегіи иностранныхъ дѣлъ, прямо непозволителенъ даже для элементарной компиляціи, и надо очень мало дорожить своимъ именемъ, чтобы рисковать опубликованіемъ такихъ школьныхъ упражненій. Второй раздѣлъ 6-й главы «дворянское самоуправленіе въ царствованіе Павла I» (со стр. 434) начинается ссылкой на статью барона С. А. Корфа въ «Гол. Минув.» за 1913 г. (№ 7, стр. 5—18), при чемъ г. Ключковъ галантно замѣчаетъ, что «въ ней онъ, однако, ничего новаго не сказалъ, кромѣ того, что допустилъ нѣсколько не вполне корректныхъ выраженій по адресу моей работы о дворянскомъ самоуправленіи, первоначально напечатанной въ Ж. М. Н. П.».

Г. Ключковъ любезно сообщаетъ такимъ образомъ, что этотъ раздѣлъ въ его диссертациі никакого интереса новизны не представляетъ и что въ свое время онъ былъ встрѣченъ печатью въ мало корректныхъ выраженіяхъ. Мы позволяемъ себѣ надѣяться, что наше отношеніе къ «диссертациі» проф. М. В. Ключкова вполне корректное, ибо читать подобныя диссертациі и писать о нихъ въ высокой степени неблагодарное дѣло. Мы позволяемъ себѣ вмѣстѣ съ тѣмъ выразить убѣжденіе въ томъ, что наукѣ непозволительно, а для ученаго не вполне корректно заниматься дутыми реабилитациями¹⁾.

¹⁾ Проф. Ключковъ защитилъ недавно свою диссертацию въ петроградскомъ университетѣ. Надо сказать, что за исключеніемъ благопріятныхъ отзывовъ официальныхъ оппонентовъ (между прочимъ проф. Платонова) и отзыва г. Поліевктова въ «Бирж. Вѣд.», усмотрѣвшаго въ его работѣ даже большую застугу, изслѣдованіе г. Ключкова встрѣтило до сихъ поръ въ печати всеобщее осужденіе, какъ со стороны методологической, такъ и по существу. *Ред.*

Можемъ успокоить, однако, читателя, что у г. Ключкова не получилось ни «ученой диссертации», ни *malgré lui* сколько нибудь быющей на публицистическій эффектъ «реабилитации». Одной скучной хроникой стало больше, и эта послѣдняя не въ силахъ пересоздать прочно установившуюся публицистическую оцѣнку великаго магистра ордена св. Іоанна Іерусалимскаго и величайшаго поклонника прусскаго короля Фридриха II.

В. Сторожевъ.

Письмо въ редакцію.

Милостивый Государь,
Сергѣй Петровичъ!

Съ большимъ изумленіемъ прочиталъ я Вашу гнѣвную реплику по своему адресу въ ноябрьской книжкѣ *Голоса Минувшаго* (см. стр. 262—263). «Маленькая критическая замѣтка» о книгѣ Н. А. Котляревскаго «Канунъ освобожденія», помѣщенная на обложкѣ *Русскаго Архива*, въ дѣйствительности принадлежит не мнѣ.

Приписывая ее мнѣ, Вы основывались на «Историческихъ Извѣстіяхъ», издаваемыхъ Историческимъ Обществомъ при Императорскомъ Московскомъ Университетѣ. Но почему «Историческія Извѣстія» сочли меня авторомъ этой замѣтки—мнѣ не понятно. Одинъ изъ руководителей «Извѣстій» былъ хорошо освѣдомленъ, что означенный отзывъ о книгѣ Н. А. Котляревскаго написанъ не мною. Почему же онъ допустилъ подобную оплошность? Единственной причиной является здѣсь та общая небрежность, съ которой вообще ведется дѣло въ «Извѣстіяхъ»¹⁾.

Очень прошу Васъ, Милостивый Государь, дать мѣсто настоящему письму въ ближайшемъ выпускѣ издаваемого Вами журнала.

Прошу принять увѣреніе въ моемъ искреннемъ уваженіи
Николай Высоцкій.

29 декабря 1916 г.

¹⁾ Недоразумѣніе основывалось на томъ, что на обложкѣ «Рус. Арх.» напечатано нѣсколько рецензій, изъ которыхъ послѣдняя подписана Н. Г. Высоцкимъ. Подпись автора была отнесена ко всѣмъ рецензіямъ.

Фондъ имени В. И. Семевского.

(Письмо въ редакцію).

21 сентября 1916 года умеръ Василій Ивановичъ Семевскій, крупный ученый и общественный дѣятель, отдавшій свою жизнь на изслѣдованіе исторіи русскаго крестьянства и русской общест-венности.

Среди друзей и почитателей покойнаго родилась мысль учредить въ память его при одномъ изъ ученыхъ обществъ премію за изслѣдованіе по исторіи русской общественности и стипендію его имени на историко-филологическомъ факультетѣ Петроградскаго Университета. И всѣхъ, кто пожелалъ бы принять участіе въ пожертвованіи на эту цѣль, нижеподписавшіеся просятъ направлять свои взносы въ редакціи слѣдующихъ журналовъ и газетъ:

«Голосъ Минувшаго». Москва, М. Никитская, 29, кв. 6.

«Русскія Записки». Петроградъ, Баскова ул., 9.

«Русскія Вѣдомости». Москва, Б. Чернышевскій пер., 7.

«Рѣчь». Петроградъ, Ул. Жуковского, 21.

«День». Петроградъ, Невскій, 69.

С. А. Венгеровъ, А. Н. Веселовскій, Максимъ Горькій, М. С. Грушевскій, Н. И. Карѣвъ, А. А. Кизеветтеръ, В. Г. Короленко, А. С. Лаппо-Данилевскій, И. А. Линниченко, Г. А. Лопатинъ, С. П. Мельгуновъ, П. Н. Милуковъ, В. А. Мякотинъ, Г. Н. Потанинъ, А. В. Пышихоновъ, Н. С. Русановъ, С. А. Савенкова, В. Н. Фигнеръ.

Редакторъ-издатель С. П. МЕЛЬГУНОВЪ.

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО и КНИЖНЫЙ СКЛАДЪ

Т-ва „ОГНИ“.

Петроградъ, Фонтанка, 80.

Московское отд.: Книгоизд. «ЗАДРУГА»; М. Никитская 29.

НОВЫЯ КНИГИ:

В. В. Ведъзовъ. На Балканахъ. Статьи. Путевые очерки съ приложеніемъ карты Македоніи. 1917 г. Ц. 1 р. 50 к.

Д. С. Мережковский. Будеть радость. Пьеса въ 4 дѣйств. 1916 г. Ц. 1 р. 25 к.

Е. Е. Колосовъ. Русскіе волоштеры во Франціи. 1916 г. Ц. 60 к.

Г. Гриммъ. Микель-Анджело Буонарроти. Иллюстрир. изданіе, выходящее по подпискѣ. Выпускъ V, заканчивающій собою I-й томъ. Ц. 2 р. 25 к.

З. Гиппиусъ. Зеленое кольцо. Пьеса въ 4-хъ дѣйствіяхъ съ послѣсловіемъ «Зеленое-Бѣлое-Алое». 1916 г. Ц. 1 р. 25 к.

Е. Гинзбургъ-Гальперина. Міровая война и судьбы международного права. 1916 г. Ц. 50 к.

О. Э. Озаровская. Бабушкины старинны. Сказительница бывшій М. Д. Кривополѣнова. Съ портретами сказительницы и нотными прилож. 1916 г. Ц. 1 р. 20 к.

Л. Н. Модзалевскій. Для дѣтей. Стишки. Съ иллюстраціями Г. И. Нарбута. 1916 г. Ц. 80 коп.

А. Н. Пыпинъ. Русское масонство. XVIII и первая четверть XIX в. Редакція и примѣчанія Г. В. Вернадскаго. 1916 г. Ц. 4 р. 75 к.

А. Н. Пыпинъ. Религіозныя движенія при Александрѣ I. Предисловіе и примѣчанія Н. К. Пиксанова. 1916 г. Ц. 4 р.

В. М. Хижняковъ. Воспоминанія земскаго дѣятеля. Предисловіе В. Я. Богучарскаго. 1916 г. Ц. 2 р. 25 к.

Р. Эшеръ. Пангерманизмъ. Переводъ В. Я. Фанъ-деръ-Флитъ. 1916 г. Ц. 1 р.

Н. А. Бородинъ. Сѣверо-Американскіе Соед. Штаты и Россія. 1915 г. Ц. 2 р. 50 к., въ папкѣ 2 р. 75 к.

О. Генри. Сердце запада. Разсказы. Перев. съ англійскаго. 1916 г. Ц. 1 р. 50 к.

А. А. Корниловъ. Русская полтика въ Польшѣ со времени раздѣловъ до начала XX вѣка. 1915 г. Ц. 80 к.

Э. Леви. Греческая скульптура. Перев. Вѣры Конради. 1916 г. Ц. 3 р. 50 к.

А. С. Пушкинъ. Собраніе сочиненій въ 4 томахъ. Редакція и вступ. статья П. О. Морозова. 1915 г. Ц. 1 р. 60 к., въ папкѣ—2 р.

Сказки. Утѣхи и досужія. Тексты избралъ Е. А. Ляцкій при участіи М. Н. Чернышевскаго. 1915 г. Ц. 2 р.

Литературно-художественные сборники «ОГНИ».

Книга первая. **С. Нондурушкинъ.** Въ солнечную ночь. Ц. 1 р. 25 к.

Книга вторая. **Г. Гребенчиковъ.** Змѣй горынычъ. Ц. 1 р. 25 к.

Книга третья. **Латышскій сборникъ** современной художественной литературы подъ ред. Авг. Деглавъ. Ц. 1 р. 75 к.

Книга четвертая. **Вяч. Шишковъ.** Сибирскій сказъ. Ц. 1 р. 25 к.

Складъ высылаетъ всѣ книги, имѣющіяся въ продажѣ; каталоги—бесплатно.

ИЗДАНИЯ М. и С. САБАШНИКОВЫХЪ.

Серія учебниковъ по биологiи подъ общей редакціей проф. **М. А. Мензбира**. Собрание иллюстрированныхъ руководствъ по всѣмъ отдѣламъ науки о жизни для студентовъ, преподавателей, врачей, ветеринаровъ, агрономовъ, любителей естествознанiя и для самообразованiя. Каждая отдѣльная книга представляетъ законченное цѣлое, все же собраніе составляетъ полную **энциклопедію биологiи**.

Борисякъ, А. Курсъ палеонтологiи. Ч. I. Безпозвоночныя. 2 р. 40 к. Ч. II. Позвоночныя. 2 р. 40 к.

Вейсманъ, А. Лекціи по эволюціонной теорiи. Пер. Г. Риттера и В. Елпатьевскаго, подъ ред. проф. В. Львова. 2 р. 40 к.

Веттштейнъ, Р. Руководство по систематикѣ растений. Пер. проф. С. Ростовцева. Т. I. Низшія растенія. 1 р. 20 к. Т. II, ч. I. Высшія растенія. 1 р. 40 к. Т. II, ч. II. Высшія растенія. 2 р. 60 к.

Видергеймъ. Строеіе человѣка. Пер. проф. М. Мензбира. 1 р. 50 к.

Гексли, Г. Ракъ. Введеніе въ изученіе зоологiи. Пер. Г. Ярцева. 1 р. 50 к.

Гексли-Розенталь. Основы фیزیологiи. Пер. проф. В. Львова. 2 р.

Гребнеръ, П. Географія растений. Пер. съ многочисл. передѣлками и дополненіями проф. М. Голенкина. 2 р. 50 к.

Карпентеръ, Г. Насѣкомыя, ихъ строеіе и жизнь. Пер. В. Герда. 1 р. 75 к.

Клебсъ, Г. Произвольное измѣненіе растительныхъ формъ. Пер. проф. К. Тимирязева. 1 р. 60 к.

Лехе, В. Человѣкъ, его происхожденіе и эволюціонное развитіе. Пер. проф. М. Мензбира и С. Усова. 2 р. 60 к.

Маршалъ, М. Развiтіе человѣческаго зародыша. Пер. проф. В. Львова. 1 р. 25 к.

Маршалъ, М. Руководство къ эмбриологiи. Пер. Н. Кольцова, подъ ред. проф. В. Львова. 2 р. 50 к.

Мейеръ, А. Практическій курсъ анатомiи растений. Пер. Г. Риттера. 80 к.

Ньюманъ, Д. Бактерiи. Пер. Е. Гурвичъ, подъ ред. В. Воронина. 1 р. 75 к.

Паркеръ, Т. Лекціи по элементарной биологiи. Пер. проф. В. Львова. 2 р. 50 к.

Розенталь, И. Общая фیزیологiя. Введеніе въ изученіе естественныхъ наукъ и медицины. Пер. подъ ред. акад. кн. Тарханова. 3 р.

Уоллзъ, А. Дарвинизмъ. Изложеніе теорiи естественнаго подбора. Пер. проф. М. Мензбира. 2 р. 40 к.

Шиплей, А. Мэкъ-Брайдъ, Э. Курсъ зоологiи для высшихъ учебныхъ заведеній. Пер. проф. В. Львова и проф. М. Мензбира. 3 р.

Новая книга: **Н. КАБАНОВЪ.**

УЧЕБНИКЪ—АТЛАСЪ АНАТОМІИ.

Съ 600 рис. въ текстѣ. 4 р. 50 к.

Проф. **М. А. МЕНЗБИРЪ.**

ЗООГЕОГРАФИЧЕСКІИ АТЛАСЪ.

30 таблицъ цвѣтныхъ рисунковъ, иллюстрирующихъ животное населеніе суши земного шара по зоологическимъ областямъ, съ **объяснительнымъ текстомъ и картой зоологическихъ областей.**

Рисунки исполнены подъ руководствомъ проф. М. А. Мензбира художникомъ

В. А. Ватагинымъ.

Цѣна въ папкѣ 16 руб.

Складъ у издателя: Москва, Тверской бульв., 6.

ИЗДАНИЕ Л. Э. БУХГЕЙМА.

Отрывки изъ воспоминаній М. К. Рейхель и письма къ ней А. И. Герцена. Съ 4 портр. М. 1909. Цѣна 1 руб.

А. Н. Пыпинъ. Мои замѣтки. Съ приложеніемъ статей: «Два мѣсяца въ Прагѣ» и «Вячеславъ Ганка». Подъ редакціей В. А. Ляцкой. Съ портретомъ и факсимиле А. Н. Пыпина. М. 1910. Цѣна 2 руб.

К. С. Аксаковъ. Воспоминаніе студентства (1832—1835 гг.). Съ приложеніемъ портрета К. С. Аксакова, неизданнаго стихотворенія и отклика А. И. Герцена на его кончину. Спб. 1911. Цѣна 60 коп.

А. С. Грибоѣдовъ. Горе отъ ума. Комедія. Текстъ Жандровской рукописи, хранящейся въ Историческомъ Музеѣ въ Москвѣ. Съ 2 портретами и 5 снимками съ рукописи. Редакція, введеніе и примѣчанія Н. К. Пиксанова. М. 1912. Цѣна 3 руб.

У. Г. Иваскъ. Григорій Николаевичъ Геннади. Обзоръ жизни и трудовъ. Съ 2 фототипич. портретами. М. 1913. Цѣна 2 р. 75 коп. (Распродано).

У. Г. Иваскъ. Жизнь и труды Василія Ивановича Соболевскаго, старшаго бібліотекаря и архитектора Императорской Публичной Библіотеки. Съ гравир. портретомъ. М. 1914. Цѣна 1 руб. 50 коп.

Н. Синявскій и М. Цявловскій. Пушкинъ въ печати 1814—1837. Хронологическій указатель произведеній Пушкина, напечатанныхъ при его жизни. М. 1914. Цѣна 3 руб.

М. Цявловскій. Два автографа Пушкина. Съ двумя снимками М. 1914. Цѣна 1 руб.

Три письма В. Г. Бѣлинскаго къ Н. М. Щепкину. Съ неизданнымъ портретомъ Бѣлинскаго. М. 1914. Цѣна 50 коп.

Письма И. С. Аксакова, Н. П. Барсукова, П. С. Билярскаго, О. М. Бодянскаго, кн. П. А. Вяземскаго, В. П. Гаевского, Г. Н. Геннади, Н. В. Гербеля, Г. З. Елисеева, П. А. Ефремова, Н. И. Костомарова, М. А. Максимовича, В. И. Межова, М. П. Погодина, А. Н. Пыпина, М. М. Стасюлевича, М. И. Сухомлинова, Н. С. Тихонравова и А. А. Хованскаго къ бібліографу С. И. Пономареву. Съ 1 гравюрой и 14 иллюстраціями. М. 1915. Цѣна 5 руб.

(Осталось небольшое количество экземпляровъ).

Сочиненія Михаила Николаевича Лонгинова. Томъ первый. (1850—1859). Съ портретомъ М. 1915. Цѣна 4 руб. 50 коп.

В. П. Семенниковъ. Когда Радищевъ задумалъ «Путешествіе». М. 1916. Цѣна 1 руб.

СКЛАДЪ ИЗДАНІЙ:

Москва, Покровка, Введенскій пер. 28. Л. Э. Бухгеймъ. Тел. 5-13-63.

Книжный магазинъ И. М. ФАДЪЕВА. Моховая, д. 26

цѣна		цѣна	
	р. к.		р. к.
Орловъ, А. Лекціи по русской древней литературѣ. . .	3.—	Винклеръ. Гербы городовъ.	10.—
Лихачевъ. Матеріалы для исторіи русскаго иконописанія. 2 тома въ листъ.	275.—	Книга Калила и Димана. Сборникъ арабскихъ басенъ.	3.—
Щедровский. Альбомъ типовъ Москвы 50-хъ гг. XIX в. .	75.—	Дмитріевъ. Взглядъ на мою жизнь.	2.—
Луи Бланъ. Исторія французской революціи. 12 т. .	15.—	Дмитріевъ. Мелочи изъ за- паса моей памяти. . .	1.50
Соловьевъ. Исторія Россіи. 7 т. .	20.—	Рѣшетилло. Лѣченіе лучами Рентгена.	3.—
Батюшковъ, К. Сочиненія 3 т. Лучшее издан. съ рис. .	40.—	Болотовъ. А. Памятники протекшихъ временъ (изъ временъ Павла I.) .	1.50
Веберъ. Всеобщая исторія т. 5, 6, 7, 8, 9.	15.—	Пастуховъ. Разбойникъ Чур- кинъ. 4 части.	4.—
Лилеевъ. Исторія раскола на Вѣткѣ въ Старо- дуби.	4.—	Фойгтъ. Возрожденіе клас- сической древности или вѣтъ итальянскаго гу- манизма. 2 т.	6.50
— Новые матеріалы по расколу.	2.—	Магаффи. Греческая литера- тура (пер. классич.) 2 т. .	6.—
Вегеле. Данте.	3.—	Саади. Гюлистанъ.	1.—
Гюбаръ. Современная испан- ская литература.	1.—	Селивановъ. Видѣнное и слышанное.	1.50
Тьюкъ. Духъ и тѣло. . . .	2.50	Обольяниновъ. Н. Каталогъ русскихъ иллюстр. из- даній 1725—1860 г. 2 т. .	15.—
Давидъ Саважо. Реализмъ и натурализмъ.	2.—	Ровинскій, Д. Русскія народ- ныя картинки 2 т. съ указ.	8.—
Пелисье. Французская лите- ратура XIX в.	2.—	Собко, Н. Словарь русскихъ художниковъ т. I. в. 1. А. (500 именъ) т. II в. 1. I. II (400 именъ) т. III. в. 1. П. (700 именъ). . .	5.—
Дмитріевъ-Мамоновъ. Пуга- чевцы.	2.50	Праховъ, А. Альбомъ истори- ческой выставки пред- метовъ искусства. . . .	20.—
— Декабристы въ Сибири. .	2.50	Дройзенъ. Эллинизмъ. 3 т. .	11.—
Болотовъ. Исторія церкви т. I. Ц. 2 р. 25 к.—т. II Ц. 3 р.—т. III.	2.—	Тикноръ. Испанская лите- ратура 3 т.	9.50
— Сиро-персидская цер- ковь.	3.50	Крижаничъ. Сочиненія въ изданіи Безсонова. . .	5.—
— Церковная исторія Еги- пта. День и годъ муче- нической кончины св. евангелиста Марка. . .	1.25	Элихенъ. Греческій и рим- скій театръ.	1.—
Веберъ. Исторія всемірной торговли 3 т.	7.50	Забѣлинъ. Опыты изученія русской жизни 2 т. . .	5.—
Куглеръ. Исторія живописи. .	7.—	Максимъ Грекъ. Сочиненія. 3 т.	6.—
Любке. Исторія пластики. . .	5.—	Чернышевскій. Матеріалы для біографіи Добро- любова	2.—
Каррьеръ. Исторія искусства. т. 2, 3, 4. Перев. Корша .	12.—	Мережковский. Трилогія 3 т. 5 р. 75 к., лучшее изд. .	50.—
Семевскій. Слово и дѣло. . .	2.—		
— Царица Екатерина Але- ксѣевна и Анна Монсъ. .	2.50		
Дневникъ Храповицкаго. . .	3.—		
Стасовъ. Сочиненія 3 т. съ атласомъ.	10.—		
Лабуле. Балканскій полуо- стровъ.	2.—		

Покупка книгъ цѣлыми домашними бібліотеками и отдѣльными сочиненіями, также книгъ церковной старой славянской печати и древнихъ рукописей по хорошей цѣнѣ.

Книгоиздательство „ЖИЗНЬ и ЗНАНИЕ“.

Петроградъ, Поварской пер., д. 2, кв. 9 и 10. Телеф. 227-42.

I. Беллетристика.

Сочинения М. Горькаго.

Томы съ X по XX. Вышли:

- Т. X. Жизнь неузнаваемого человека. Ц. 1 р., в пер. 1 р. 60 к.
Т. XI. Городок Окуровъ. Ц. 1 р., в пер. 1 р. 60 к.
Т. XII. Матвѣя Кожемякинъ. Ц. 1 р. 75 к. Ч. I.
Т. XIV. Лѣто. Ц. 1 р. 50 к.
Т. XVI. Пожаръ. Ц. 1 р. 50 к.
Т. XVII. Сказки. Ц. 1 р. 50 к.
Т. XVIII. Хозяинъ. Ц. 1 р. 50 к., в пер. 2 р. 10 к.
Т. XIX. По Руск. Ц. 1 р. 50 к.
Т. XX. Дѣтство. Ц. 2 р.

О писателяхъ самоучкахъ. Ц. 25 к.

Собрание сочинений С. И. Гусева-Оренбургскаго.

Томы съ I по XVI. Вышли:

- Т. I. Рассказы. Ц. 1 р.
Т. III. Страпа отцовъ. Ц. 1 р.
Т. IV. Въ приходѣ. Ц. 1 р. 25 к., в пер. 1 р. 85 к.
Т. V. Золотой совъ. Ц. 1 р.
Т. VI. Надъ Поемой. Ц. 2 р.
Т. VIII. Недоумѣніе. Ц. 1 р.
Т. IX. Мгла. Ц. 1 р.
Т. X. Курычанскіе прихожане. Ц. 1 р., в пер. 1 р. 60 к.
Т. XI. Враги. Ц. 1 р.
Т. XII. Въ глухомъ уѣздѣ. Ц. 1 р., в пер. 1 р. 60 к.
Т. XIII. Люти. Ц. 1 р.
Т. XIV. Призракъ. Ц. 1 р. 25 к., в пер. 1 р. 85 к.

Собрание сочинений Семена Юшневича.

Томы съ I по XIV. Вышли:

- Т. I. Распадъ. Ц. 1 р.
Т. IV. Наши сестры. Ц. 1 р. 25 к.
Т. VIII. Очерки дѣтства. Ц. 1 р.
Т. XIII. Леонъ Дрей. Ц. 1 р.
Т. XIV. Леонъ Дрей. Ц. 1 р.
Человѣкъ воздуха. Комедія въ 4 дѣйствіяхъ. Ц. 1 р.

Собрание сочинений Скитальца.

Томы съ I по VIII. Вышли:

- Т. I. Сквозь строй. Ц. 1 р. 50 к.
Т. II. За тырской стѣной. Ц. 1 р. 25 к.

Сочинения Д. Айзмана.

- Дѣти. Ц. 1 р. 25 к.
Вѣрность. Ц. 1 р. 25 к.

Сочинения А. М. Оедорова.

- Утро. Ц. 1 р.
Весенній вѣтеръ. Ц. 1 р.
На востокъ. Ц. 1 р. 20 к.
За океанъ. Ц. 1 р.

Сочинения Муйжеля.

- Хуторъ № 16. Ц. 1 р. 40 к.

Опустошеніе. Ц. 2 р. 50 к.

Сочинения О. П. Руновой.

Томы съ I по V. Вышли:

- Т. I. Лунный свѣтъ. Ц. 2 р.
Т. II. Мудрость Жизни. Ц. 1 р. 50 к.
Т. V. Летящія тѣни. Ц. 1 р.

Сочинения В. В. Бруснынина.

- Темный лѣсъ. Романъ. Ц. 2 р.
Въ рабочемъ кварталѣ. Ц. 1 р.
Часть смертный. Ц. 1 р. 25 к.
Въ странѣ озеръ. Ц. 1 р. 25 к.

Кромѣ названныхъ, къ-воу „Жизнь и Знание“ издаются романы и рассказы Н. и О. Новальскихъ,

Книжный магазинъ и складъ „Жизнь и Знание“ принимаетъ на себя выполнение всѣхъ книжныхъ заказовъ какъ для частныхъ лицъ, такъ и для городскихъ, земскихъ, общественныхъ и правительственныхъ учреждений.—Выполняетъ заказы по пополненію и устройству новыхъ книжныхъ складовъ и магазиновъ.—Выскалываетъ регулярно всѣ новинки книжнаго рынка.—Составляетъ новыя и пополняетъ уже существующія библиотекы и читальни. Подробные каталоги высылаются бесплатно.

Выписывающіе въ провинцію изданія книгоиздательства „Жизнь и Знание“ не мѣше чѣмъ на два рубля непосредственно изъ нашего магазина, за пересылку не платятъ. Заказы исполняются скоро и аккуратно. Всѣ заказы, письма, рукописи и пр. по дѣламъ склада и издательства „Жизнь и Знание“ просятъ адресовать такъ: Книжный складъ и магазинъ (или книгоиздательство) „Жизнь и Знание“, Петроградъ, Поварской пер., д. 2, кв. 9 и 10.

А. А. Богданова, С. Нарасевичъ, В. В. Мйжеля, А. Н. Лозина-Лозинскаго, Адама Бѣльскаго, Сельмы Лагерлефъ, Генриха Сенкевича, А. Нѣмевскаго, А. Грушецкаго и др.

II. Библиотечка Обществѣднія.

- Б. Авилловъ. Настоящее и будущее народнаго хозяйства Россіи. Ц. 65 к.
Н. Тахтаревъ. Соціологія какъ наука. Ц. 1 р.
П. Масловъ. Капитализмъ. Ч. I. Наемный трудъ и заработная плата. Ц. 2 р.
П. Масловъ. Исторія народнаго хозяйства. Ц. 2 р.
П. Масловъ. Аграрный вопросъ въ Россіи. Т. I и II. Ц. за оба тома 5 р. 50 к.
А. М. Коллонтай. Общество и материяство. Государственное страхование материнства. Ц. 3 р. 50 к.

Ю. Наменевъ. Экономическая система имперіализма. Ц. 1 р.

Ю. Наменевъ. Объ А. И. Герценѣ и Н. Г. Чернышевскомъ. Ц. 1 р.

С. Т. Семеновъ. Двадцать пять лѣтъ въ деревнѣ. Ц. 2 р.

И. П. Покровский. Государственный бюджетъ Россіи за послѣдніе 10 лѣтъ (1901—1910). Ц. 1 р. 50 к.

А. Деборинъ. Введеніе въ философію діалектическаго матеріализма, съ предисловіемъ Г. Плеханова. Ц. 3 р.

Исторія социализма въ монографіяхъ К. Каутскаго, П. Лафарга, К. Гуго и Э. Бернштейна. Ч. I и II. Ц. 2 р. 50 к. за обѣ части.

Влад. Бончъ-Бруевичъ. Значеніе времени. (Дѣло Бейлеса). Ц. 1 р.

М. С. Александровъ. Государство, бюрократія и абсолютизмъ въ исторіи Россіи. Ц. 1 р. 50 к.

III. Матеріалы къ исторіи и изученію религіозно-общественныхъ дѣиствій въ Россіи, подъ редакц. Владимира Бончъ-Бруевича.

Вып. I. Баптисты—Вѣгуны—Духоборцы. Ц. 2 р.

Вып. II. Животная книга духоборцевъ. Ц. 2 р.

Вып. III. Штупидисты. Духовные скопцы. Постники.

Вып. IV. Новый Израиль. Ц. 5 р.

Вып. V. Полное собраніе сочиненій Т. С. Сквороды, т. I. Ц. 4 р.

Вып. VII. Ченреки (отъѣзденіе стараго Израиля) Ц. 8 р.

IV. Общеобразовательная библиотечка.

Книги В. Величинной, Н. Андреева, М. Горькаго, Влад. Бончъ-Бруевича, Е. Чирикова, д-ра Вигдорчика и др.

V. Дешевая библиотечка.

Дешевыя иллюстрированныя изданія русскихъ классиковъ: Лермонтова, Пушкина, Л. Толстого, Н. Гоголя и др., а также современныхъ русскихъ беллетристовъ и публицистовъ.

VI. Дѣтская библиотечка.

Книги М. В. Новорусскаго, В. Величинной, Н. и Е. Емельяновыхъ и др.

VIII. Библиотечка для юношества.

Книги Герм. Вагнера, В. Величинной, Г. Мале, А. Хирьятова, Мольденгауза, И. Абрамова, С. Павловича, Н. Ягодоаскаго, А. Алтаева, П. Сурожскаго, С. Аржанова и др.

VIII. Учебники.

Учебники и учебныя пособія, составленные: С. Аржановымъ, А. Пинкевичемъ, Н. Ягодовскимъ, С. Павловичемъ, д-ромъ Якутой и др.

Продолжается подписка на изданія Т-ва „МІРЪ“:

ИТОГИ НАУКИ

въ теоріи и практикѣ ЭНЦИКЛОПЕДІЯ СОВРЕМЕННОГО ЗНАНІЯ. Подъ ред. проф. М. М. Новаковского (*), проф. Н. Н. Ланге, Николая Морозова и проф. В. М. Шимкевича. Изданіе распадается на четыре большихъ отдѣла: I. Мертвая природа. II. Жизнь. III. Психическій міръ. IV. Общественная жизнь. 12 томовъ. Цѣна въ переплетѣ (безъ перес.) 110 р. Вышло 9 томовъ (I, II, III, V, VI, VII, IX, X и XI).

ИСТОРИЯ ЗАПАДНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ (1800—1910)

Подъ ред. В. Д. Батюшкова. При близк. уч. проф. В. А. Брауна, акад. Н. А. Нотляревскаго, проф. Д. Н. Петрова, пр.-доц. Е. В. Аничкова и пр.-доц. Н. В. Тиандера. Около 5 т. въ переплетѣ. Цѣна по подпискѣ—9 р. за томъ въ переплетѣ (безъ пересылки). Вышли I, II и III томы.

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА XX ВѢКА (1890—1910)

Подъ ред. С. А. Венгеровъ. Около 15 книгъ, въ 7—8 листовъ каждая. Условія подписки: при подпискѣ уплачивается 2 р. 50 к. и при получении каждой книги (безъ переплета)—по 2 р. 20 к. (включая пересылку) и, сверхъ того, по 10 к. за перев. платежъ. Вышли I—VII книги.

Г. В. Плехановъ.

ИСТОРИЯ РУССКОЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ МЫСЛИ.

Около 7 томовъ. Условія подписки: при подпискѣ уплачивается 2 р. 50 к., при получ. кажд. тома въ перепл.—3 р. 60 к. (включая пересылку) и за переводъ платежъ—10 коп. Вышли I и II томы.

ИСТОРИЯ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ДО XIX ВѢКА

Подъ ред. А. Е. Грузинскаго. Изд. составятъ 4 т. (3 т.—«Исторія русской литературы до XIX в.»

и 1 т.—«Устное творчество») по 22—24 л. въ каждомъ; многочисл. иллюстрац. Ц. въ перепл. безъ перес.—32 р. Вышелъ I томъ.

ИСТОРИЯ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ XIX ВѢКА.

Подъ ред. акад. Д. Н. Овсяннико-Куликовскаго. при близк. участ. А. Е. Грузинскаго и проф. П. Н. Сакулина. 5 том. въ перепл., безъ перес.—43 р. ИЗДАНИЕ ЗАКОНЧЕНО.

М. Н. Покровский.

Русская исторія съ древнѣйшихъ временъ.

При уч. Н. М. Никольскаго и В. Н. Сторожева. 5 т. въ перепл. (безъ перес.)—35 р. ИЗДАНИЕ ЗАКОНЧЕНО.

ИСТОРИЯ ЕВРЕЙСКОГО НАРОДА.

Изд. сост. 15 т. по 30—35 л. въ каждомъ, около 1500 рис., 18 географич. картъ и плановъ. Цѣна 15 томовъ въ издѣл. перепл. (безъ перес.)—143 р., на целен. бум.—175 р. Вышелъ I томъ («Древнѣшая эпоха еврейской исторіи») и XI т. (I т.—«Исторія евреевъ въ Россіи»).

Карусъ Штерне.

ЭВОЛЮЦИЯ МІРА.

НАУЧНО-ПОПУЛЯРНАЯ ИСТОРИЯ МИРОЗДАНІЯ. Пер. съ изд., перераб. В. Бельше, подъ ред. В. К. Агафонова. Съ доп. статьями проф. Н. А. Умова и Н. А. Морозова. 2-е улучшенное изданіе. 3 тома 1424 стр., 724 рис. Ц. изданія безъ пересылки въ издѣл. переплетѣ—27 р. ИЗДАНИЕ ЗАКОНЧЕНО.

Ю. И. Айхенвальдъ.

СИЛУЭТЫ РУССКИХЪ ПИСАТЕЛЕЙ.

3 тома въ переплетѣ безъ пересылки—9 руб

Допускается разсрочка платежа.

Другія изданія Т-ва «МІРЪ»:

Проф. Титченеръ. Учебникъ психологіи, въ 2-хъ частяхъ (Универс. курсъ) 3.—

Проф. Ерузалемъ. Учебн. психологіи. 2-е изд. 1.20
О. Рабсъ и Э. Левенгартъ. Учебникъ биологіи 1.50

Д-ръ Е. А. Аркинъ. Физиологія человѣка, 2-е изд. 1.50

Л. В. Васильева и Б. П. Нащенко. Руководство къ преподаванію начальнаго природовѣднія. Ч. I 1.25

М. Н. Покровский. Очеркъ исторіи русской культуры. Ч. I. Экономическій и государственный строй 2.—

М. Н. Коваленскій. Хрестом. по рус. ист. Т. I. 1.30
» » » Т. II. 2.—
» » » Т. III. 3.50

Д. А. Жариновъ, Н. М. Никольскій, С. И. Радцигъ и В. Н. Стерлиговъ. Древній міръ въ памятникахъ его письменности. Ч. I. Востокъ. 1.30
Ч. II. Греція. 3.75

Н. М. Никольскій. Древній Вавилонъ. 2.30

Д. А. Жариновъ, Н. М. Никольскій и С. И. Радцигъ. Культурно-историческій путеводитель по Музею изящныхъ искусствъ имени Имп. Александра III въ Москвѣ. 80.

Э. Мейеръ. Экономическое развитіе древняго міра. 3-е изд. 50

Ч. Оманъ. Крестьянское возстаніе въ Англіи. — 50

А. Г. Горнфельдъ. На Западѣ. Литературныя бѣды (Нидше Гюго, Гейне, Тэнъ, Курье) (въ переплетѣ). 1.60

Избранныя произведенія англійской литературы въ обработкѣ для школъ и самообразованія. № 1. Tales by Ruskin, Wilde a. Kipling. 2-е изд. 1.20

№ 2. The Cricket on the Hearth by Dickens. 1.20

Полный англо-русскій словарь С. Г. Займовскаго. (въ переплетѣ). 2-е изд. 2.60

Б. Бухвальдъ. Техника банковаго дѣла (въ переплетѣ). 3.75

В. Мейеръ. Происхожденіе міра. 2-е изд. 45

Его же. Габель міра. 2-е изд. 45

В. Бельше. Происхожденіе человѣка. 2-е изд. 50

Э. Тейхманъ. Наслѣдственность. 50

Его же. Половое и бесполое размноженіе. 50

Проф. Д. Грегори. Начатки геологіи. 50

Проф. В. Тилденъ. Начатки химіи. 40

Проф. Р. Гринъ. Начатки ботаники. 60

Проф. Гибсонъ. Начатки биологіи. 40

Каталоги и проспекты бесплатно.

Главная контора изданій Т-ва «МІРЪ»: Москва, Знаменка, 9. Телеф. 1-37-31.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА
на 1917-ый годъ
НА НОВЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ
научно-популярнаго характера
ПСИХОЛОГІЯ и ДѢТИ,

посвященный вопросамъ воспитанія, основаннаго на изуче-
ніи природы ребенка.

Вышла первая книжка: Отъ редакціи.—Пр-Доц. П. Блонскій. Личность ребенка и вос-
питаніе.—Н. Корниловъ. Лѣтопись дѣтской жизни.—Р. Эфрусси. Психологія и реформа
школы.—М. Пичета. Французскія дѣти и война.—П. Бѣльскій Преступность и дѣти.—
Нс. Спасская. Феденька (Этюды съ натуры). II. Отклики жизни. Научная и общественная
работа на съездахъ, въ лабораторіяхъ, школахъ, кружкахъ. III. Критическіе обзоры.
И. Соловьевъ. Изученіе дѣтства.—Н. Рыбниковъ. Творчество дѣтей. Дѣтскіе рисунки и
ихъ изученіе. Отдѣльныя рецензіи.

Издатель: Т-во «Задруга».

Редакторъ И. М. Соловьевъ.

Журналъ выходитъ 8 разъ въ годъ, книжками 5—6 листовъ. Подписная плата съ до-
ставкой и пересылкой 6 руб. въ годъ, на полгода 3 р. 50 к., отдѣльная книжка 1 р.

Контора и редакція журнала помѣщаются—Москва, Малая Никитская, 29, Книго-
издательство «ЗАДРУГА». Отд. конторы въ Петроградѣ, кн.-во «ОГНИ», Фонтанка, 80.

Открыта подписка на 1917 годъ

(Четвертый годъ изданія)

на ежемѣсячный историческій журналъ

„НАША СТАРИНА“.

Журналъ, чуждый сухого педантизма, является органомъ живой истор. мысли, освѣщающимъ вопросы, какъ нашей старины, такъ и ближайшаго прошлаго. Мировая исторія затрагивается въ предѣлахъ взаимоотношенія ея съ исторіей русской. Литература, искусство, бытъ, наука, политика находятъ отраженіе на страницахъ журнала. Безпри-
страстіе и правда—основной принципъ его, занимательность на основѣ серьезнаго трактованія затрагиваемыхъ вопросовъ—общія заданія. Журналъ пдается изяшно, иллюстрируется портретами, рисунками, худож. старинными заставками и концовками и проч., печатается стариннымъ (елизаветинскимъ) шрифтомъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: за годъ 11 р., полгода—5 р. 50 к. Допускается и большая разсрочка. Проспекты высылаются по первому требованію. **ПОДПИСЫВАТЬСЯ СЛѢДУЕТЪ ЗАБЛАГОВРЕМЕННО.** Адресъ для почтовыхъ переводовъ и писемъ: Петроградъ, Каменноостровский пр., 26. Въ Москвѣ подписка принимается въ книжныхъ магазинахъ Вольфа, въ Петроградѣ—въ Конторѣ: ул. Жуковского, 24.

Редакторъ-издатель Н. Н. Сергіевскій.

Издательство К. Ф. НЕКРАСОВА. Москва, Цветной бульв., 12.

КНЯЗЬ АДАМЪ ЧАРТОРИЖСКІЙ. Мемуары. Пер. А. Дмитриевой. Ред. и вступит. статья А. А. Кизеветтера. Т. I. Ц. 2 р. 50 к.; т. II. Ц. 2 р. **П. МОРАНЪ.** Павелъ I до восшествія на престолъ. Пер. съ франц. Н. Ширяевой. Ц. 3 руб.

ГР. ШУАЗЕЛЬ ГУФФЬЕ. Историческіе мемуары объ императорѣ Александрѣ и его дворѣ. Пер. З. Мировичъ. Вступит. статья А. А. Кизеветтера. Ц. 1 р. 50 к.

МЕМУАРЫ Г-ЖИ ДЕ-РЕМЮЗА. Пер. О. Рудченко. Редакция и вступит. статья С. Ф. Фортунатова. Т. I. Ц. 2 р.; т. II, ц. 1 р. 25 к.; т. III, ц. 1 р. 25 к.

«Мемуары г-жи де-Ремюза» продолжают ту интересную и изысканную библиотечку мемуаровъ, какую безъ шума и вступительной рекламы выполнитъ книгоиздательство Некрасова. Ремюза была прадворной дамой при дворѣ Жозефины, жены Наполеона. Это былъ внимательный, тонкій, немного злой умъ, одинъ изъ тѣхъ, которыми превосходно удаются записки. Кто хотѣлъ бы изучать личность Наполеона, этого человѣка, «поднявшаго корону изъ грязи конякомъ своей шпаги», тотъ не долженъ пройти мимо записокъ Ремюза.

(Р. С. № 233. 1912.)

АББАТЬ ЖОРЖЕЛЬ. Путешествіе въ Петербургъ въ царствованіе императора Павла I. Перев. Н. Соболевскаго. Ред. и вступит. статья А. А. Кизеветтера (Ц. 1 р. 20 к.).

Аббатъ Жоржель направился въ Петербургъ сопровождать депутацію великой пріоріи германской мальтийскаго ордена къ новому громеистеру послѣдняго—императору Павлу I. Наблюдательный, уже много повидавшій ранѣе аббатъ рѣшилъ ознакомиться съ впечатлѣніями своего путешествія и почти полугодоваго пребыванія въ Петербургѣ, какъ тѣхъ, которые намѣревались бы совершить ту же побѣдку, такъ и прямо интересующихся страной и ея жизнью. Вѣроятно считался именно съ первыми онъ такъ пѣнно для насъ описалъ свой путь, отмѣчая и состояніе дорогъ и стоимость проѣзда, давалъ свѣдѣнія о мимоѣзжемъ городѣ, его гостиницахъ и условіяхъ жизни въ немъ вообще, обращалъ вниманіе на денежный курсъ, и при всемъ этомъ не забывалъ упомянуть о гастрономической новосте русскаго обѣда. Скорѣе для вторыхъ написана еще болѣе интересная часть книги, посвященная Петербугу и его жизни, а вѣ�тъ и современному правительству

Интересная и содержательная и отношеніемъ къ нему автора книга должна найти широкій кругъ читателей. («День» № 285—1913).

А. КИЗЕВЕТТЕРЪ. Историческіе отклики. Ц. 2 р. 50 к.

Въ книгу талантливаго историка вошли статьи и замѣтки, напечатанныя за послѣдніе годы въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ. Наиболѣе крупной изъ статей явился мастерски сдѣланный на широкомъ историческомъ фонѣ портретъ Ф. В. Ростопчина. Чрезвычайно ярко написанный этотъ портретъ получаетъ въ свѣтѣ персиковаго событія особую рельефность и жизненность.

Этуль г. Кизеветтера, посвященный знаменитому патріоту дѣтальнѣатаго года, является безспорно лучшую характеристикой Ф. В. Ростопчина, освѣщая многія оставшіяся въ тѣни черты его характера и дѣятельности. Очень содержательна маленькая замѣтка объ «Избраніи на царство Михаила Осодоровича Романова». Большая статья посвящена Николѣю Алексѣю Милютину. Но эта статья менѣе удалась автору, принявъ односторонній апологическій характеръ.

Остальныя статьи посвящены «Русскому обществу и реформѣ 1861 г.», «Борьба за земство при его возникновеніи», «Московскому университету и его традиціи», Т. П. Грановскому, А. Герцену, В. Ключевскому.

Всѣ статьи написаны съ большимъ публицистическимъ подъемомъ и по всѣхъ «историческихъ откликахъ» А. Кизеветтера чувствуется горячая пульсация публицистической мысли, широта, однако, не искажающей исторической перспективы и строгихъ историческихъ чертъ, лицъ и событій. Книга А. Кизеветтера читается съ большимъ интересомъ, давая и знаніи, уча и пониманію историческихъ событій и историческихъ уроковъ.

Издана книга К. Некрасовымъ превосходно.

(«День» № 109—1916).

РОССІЯ И РУССКІЕ. Николая Тургенева. Томъ I. Воспоминанія изгнанника. Пер. Н. И. Соболевскаго подъ ред. А. А. Кизеветтера. Ц. 2 р. 50 к. (Постановленіемъ Моск. Судебн. палаты отъ 29 Апр. 1916 г. арестъ снятъ).

РУССКАЯ ИСТОРИЯ ВЪ КУЛЬТУРНО-БЫТОВЫХЪ ОЧЕРКАХЪ подъ общей редакціей В. Я. Уланова.

М. Н. Коваленскій. Русскій ученый XVIII вѣка. Страницы изъ жизни Ломоносова. Ц. 45 коп.

Мин. Нар. Прос. допущена въ ученич. библіотеки высш. нач. училищъ и признана заслуживающей вниманія при пополненіи бесплатныхъ народныхъ библіотекъ и читаленъ. (Увѣдомл. отъ 1 сентября 1915 г. за № 40086).

Н. Д. Шаховская. Въ монастырской вотчинѣ XIV—XVII вѣка. (Св. Сергій и его хозяйство) Ц. 40 коп.

Мин. Нар. Просв. внесена въ списки сочиненій, заслуживающихъ вниманія при пополненіи ученическихъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній и бесплатныхъ народныхъ читаленъ и библіотекъ. (Увѣдомл. отъ 4 ноября 1915 г. за № 180).

П. П. Кащенко. Судъ въ Моск. государствѣ (XVI—XVII столѣт. Ц. 30 к.

Н. Д. Комовская. Въ странѣ великаго хана. (Картины изъ жизни монголовъ.) Ц. 40 коп.

Н. Н. Коваленская. Вельможи въ фаворѣ и ссылкѣ (кн. Долгоруки) Ц. 40 коп.

М. Н. Коваленскій. Путешествіе Екатерины II въ Крымъ. Ц. 50 коп.

ИЗДАТЕЛЬСТВО
**СВОБОДНОЕ
ИСКУССТВО**

ПЕТРОГРАДЪ, Б. КАЗАЧІЙ ПЕР., № 9. ТЕЛЕФОНЪ 684-36.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЗАКАНЧИВАЮЩЕЕСЯ ПЕЧАТАНІЕМЪ
НОВОЕ ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ИЗДАНІЕ

**СОВРЕМЕННАЯ
РУССКАЯ ГРАФИКА**

подъ редакціей СЕРГѢЯ МАКОВСКАГО

при участіи:

А. АРНШТАМА, АЛЕКСАНДРА Н БЕНУА, И. БИЛИБИНА, М. ДОБУЖИНСКАГО, Е. ЛАНСЕРЕ, В. ЛЕВИТСКАГО, Д. МИТРОХИНА, Е. НАРБУТА, Н. РЕРИХА, К. СОМОВА, С. СУДЕЙКИНА, С. ЧЕХОНИНА и др. Текстъ Н. РАДЛОВА.

Изданіе выходитъ въ свѣтъ въ 500 нумерованныхъ экземплярахъ на лучшей бумагѣ въ переплетѣ съ большимъ количествомъ красочныхъ воспроизведеній и репродукціями, исполненными всевозможными способами графическаго искусства. Вся книга исполнена въ Художественно-Графическомъ Заведеніи «УНИОНЪ» въ Петроградѣ.

Для любителей отпечатаны 50 именныхъ экземпляровъ изданія.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА ИЗДАНІЯ:

НУМЕРОВАННЫЙ ЭКЗЕМПЛЯРЪ 25 руб
ЛЮБИТЕЛЬСКІЙ ИМЕННОЙ ЭКЗЕМПЛЯРЪ 35 »

По выходѣ въ свѣтъ стоимость изданія будетъ повышена.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ ВЪ КОНТОРѢ ИЗДАТЕЛЬСТВА—Б КАЗАЧІЙ ПЕР., 9. ТЕЛ. 684-36 И ВЪ ЛУЧШИХЪ ХУДОЖЕСТВЕННЫХЪ И КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ.

Тамъ же продѣтся дѣтская художественная книжка

„НАШЪ ЖУРНАЛЪ“

исполненная дѣтьми Цѣна 3 руб. 25 коп.

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЕ ПРОСПЕКТЫ ВЫСЫЛАЮТСЯ БЕЗПЛАТНО.

ВЫШЛИ НОВЫЯ КНИГИ:

МОРОЗОВЪ, Н. А. Повѣсти моей жизни. Ч. I.
Ц. 2 р. 50 к. Ч. II. печатается, ч. III и
IV готовятся къ печати.

БЛОНСКИЙ, П. П. пр.-доц. Педагогическая пси-
хологія. (Введеніе къ изученію ребенка).
Ц. 2 р. 25 к.

ЕЛЬЧАНИНОВЪ, Н. В. Простѣйшіе методы по
фізіологіи растений. (Для школьной прак-
тики) съ 35 рис. ц. 1 р.

СОКОЛОВЪ, Д. Н. Оренбургская губернія. Гео-
графическій очеркъ, съ рисунками и кар-
той. (Изданіе Отдѣла Народнаго Образо-
ванія Оренбургскаго Губернскаго Земства).
Ц. на 1 р. 25 коп.

РОЗЕНБЕРГЪ, В. А. Крестьянскій вопросъ въ
наши дни. Ц. 35 к.

ОРЛОВА, Е. В. Прописи. Пособіе при обученіи
письму. Съ предислов. и подъ ред. д-ра
мед. В. Е. Игнатьева. Ц. 50 к.

ПРУГАВИНЪ, А. С. Бунтъ противъ природы.
(О хлыстахъ и хлыстовщинѣ). Ц. I р.
25 к.

Москва, Книгоиздательство „ЗАДРУГА“, М. Ни-
китская, 29, отдѣленіе въ Петроградѣ: Книго-
издательство „ОГНИ“, Фонтанка, 80.

ПОЛНЫЙ КАТАЛОГЪ БЕЗПЛАТНО.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1917 г.
и ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА на 1916 г.
на литературный, научный и политический журнал
„РУССКІЯ ЗАПИСКИ“
ВЫШЕЛЪ № 12 (ДЕКАБРЬ).

СОДЕРЖАНІЕ: Въ родномъ краю. **Пантелеймона Романова.**—Послѣ Шлиссельбурга. I. Въ Архенгельскѣ. II. Нѣпокса. III. Настроеніе. **Вѣры Фигнеръ.**—Увяданіе. Стихотвореніе. **Зинаиды Тулубъ.**—Новый договоръ. Разсказъ **Рене Базена.** Пер. съ французскаго **А. Э. Манизьеръ.**—Переписка миссъ Мэри О'Лэнджъ. Разсказъ **Шарля Мориса.** Пер. съ французскаго **В. Н.**—Марксизмъ и славянство (Къ вопросу о внѣшней политикѣ социализма) **Винтора Чернова.** (Окончаніе).—Доминиканецъ. Разсказъ **Н. Г. Оссіанъ-Нильсона.** Переводъ со шведскаго. **М. П. Благовѣщенской.**—Стихотвореніе. **Зинаиды Тулубъ.**—Очерки социальной исторіи Малороссіи. 4. Образованіе крестьянскаго сословія въ лѣво-бережной Малороссіи XVII—XVIII вв. (Окончаніе). **В. Мякотина.**—Группа Б. Силуэты. (Окончаніе). **В. Крюкова.**—Пѣз Англіи. Упрощенная социологія. **Діонео.**—Внутренняя лѣтопись. I. О настроеніяхъ. Ноябрьскіе дни въ Думѣ. —II. О тактикѣ Б. В. Штюрмера. —III. До перерыва сессіи. —IV. Во время перерыва сессіи. —V. По возобновленіи сессіи. **А. Петрищева.**—Шахтовладѣльцы и шахтеры. **Льва Либермана.**—Иностранная лѣтопись. 1. Военный социализмъ и его положительныя и отрицательныя стороны. —2. Всесобная трудовая повинность въ Германіи. —3. Экономическія мѣры и политическія перемѣны въ Англіи и Франціи. —Положеніе дѣлъ въ началѣ 30-го мѣсяца войны. **Н. С. Русанова.**—Библиографія. Отчетъ конторы редакціи. Объявленія.

Подписная цѣна съ доставкою и пересылкою: на годъ—15 р., на 6 мѣс.—7 р. 50 к., на 4 мѣс.—5 р., на 1 мѣс.—1 р. 25 к.; за границу: на годъ 18 р., на 6 мѣс.—3 р. Отд. книжка 1 р. 50 к.

Подписчиковъ просятъ адресовать деньги и корреспонденцію исключительно по адресу редакціи «Русскихъ Записокъ»—Петроградъ. Баскова, 9. Телеф. 20-83.

Редакторъ **В. Н. Цѣховская (Ольнемъ).**

Издатель **Н. С. Русановъ.**

XXVIII г.
декабря.

Открыта подписка
на журналъ

1917г.

„ВѢСТНИКЪ ВОСПИТАНІЯ.“

Журналъ ставитъ своею задачею выясненіе вопросовъ образованія и воспитанія на основахъ научной педагогикѣ, въ духѣ общественности, демократизма и свободнаго развитія личности. Съ этою цѣлью журналъ слѣдитъ за развитіемъ педагогическихъ идей, за современнымъ состояніемъ образованія и воспитанія въ Россіи и за границей и даетъ отзывы о новыхъ книгахъ по педагогикѣ, естествознанію, общественнымъ наукамъ, о дѣтскихъ журналахъ, общедоступныхъ и дѣтскихъ книгахъ и друг. Кроме того, въ журналѣ помѣщаются научно-популярныя статьи по различнымъ отраслямъ знанія и искусства, литературно-педагогическіе очерки, разсказы, воспоминанія и проч.

Журналъ выходитъ 9 разъ въ годъ (въ теченіе лѣтн. мѣсяцъ журналъ не выходитъ).

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: въ годъ безъ доставки—9 р., съ доставкой и пересылкой—10 р., въ полгода—5 р., съ пересылкой за границу—12 руб., для недостаточныхъ людей. Цѣна въ годъ съ доставкой и безъ доставки—8 р.

Земствамъ, городскимъ самоуправленіямъ, просвѣтительнымъ и учительскимъ обществамъ при подпискѣ не менѣе чѣмъ на 5 экземпляровъ дѣлается уступка въ размѣрѣ 5% подписной цѣны, при подпискѣ болѣе чѣмъ на 10 экземпляровъ—въ размѣрѣ 10% и при подпискѣ болѣе чѣмъ на 100 экземпляровъ—15%. Уступки эти дѣлаются при непосредственномъ условіи высылки денегъ непосредственно въ редакцію.

Плата за объявленія въ журналѣ: 30 руб. за страницу и 15 руб. за полстраницы.

Подписка принимается: въ конторѣ редакціи (Москва, Арбатъ, Старо-Конюшенный пер., домъ № 32), во всѣхъ почтовыхъ и почтово-телеграфныхъ учрежденіяхъ и во всѣхъ крупныхъ книжныхъ магазинахъ. Гг. иногороднихъ просятъ обращаться прямо въ редакцію.

Редакторъ-издатель д-ръ **Н. Ф. Михайловъ.**

Подписчики на 1917 годъ имѣютъ право приобрести въ конторѣ журнала на льготныхъ условіяхъ слѣдующія историческія книги изданія «ЗАДРУГА».

	Цо цѣнѣ.	Вмѣсто.
Масонство въ его прошломъ и настоящемъ. Худож. иллюстр. трехтомное изд. подъ ред. С. П. Мельгунова и Н. П. Сидорова. (Вышло два тома)	18 р. — к.	21 р. — к.
Бѣлоконскій, И. П. Земское движеніе, 2-е изд. исправл. 260 портр. земск. и обществ. дѣятелей.	съ пере	сылкой.
Война и Миръ. Сб. ориг. ст., посвящ. пам. Л. Н. Толстого подъ ред. В. П. Обнинскаго и Т. И. Полнера Съ иллюстр.	2 р. — к.	3 р. — к.
Галичина, Буковина и Угорская Русь. Сборникъ, составл. сотрудн. журнала «Украинская Жизнь».	2 р. 10 к.	3 р. 50 к.
Горбачевскій, И. Записки декабриста	1 р. — к.	1 р. 40 к.
Джаншиевъ, Г. А. Сборн. статей. Со вступит. статьей акад. А. О. Н. и	1 р. 50 к.	2 р. — к.
Ложье, Ц. Д. вникъ офицера великой арміи въ 1812 году. Перев. съ франц. подъ редакціей и съ предисловіемъ А. М. Васютинскаго. Мельгуновъ, С. П. Студенческія организаціи 80—90 гг. въ Моск. унив. По архивнымъ даннымъ.	2 р. — к.	3 р. — к.
Обнинскій, П. Н. Сборникъ статей. Со вступительной статьей акад. А. О. Н. и	50 к.	80 к.
Огановскій, Н. П. Очерки по исторіи земельных отношеній въ Россіи. Удост. поч. отз. Имп. А. Н.	25 к.	50 к.
Розановъ, И. Н. Очерки по исторіи русской лирики XIX в.	1 р. — к.	1 р. 60 к.
Россія и Наполеонъ. Сборн. съ иллюстрац., сост. Н. Л. Бродскимъ, П. Е. Мельгуновой, Н. В. Сивковымъ, Н. П. Сидоровымъ. 2-е изданіе.	1 р. 75 к.	2 р. 50 к.
Русскій бытъ по воспоминаніямъ современниковъ XVIII в. Сб., сост., П. Е. Мельгуновой, Н. В. Сивковымъ, Н. П. Сидоровымъ.	1 р. 75 к.	2 р. 50 к.
Смутное время. Сборн. ориг. ст. подъ ред. В. Н. Бочкарева, Ю. В. Готье и В. И. Пичеты. Съ иллюстр.	75 к.	1 р. 25 к.
Тарле, Е. В. Континентальная блокада.	1 р. — к.	1 р. 25 к.
Французы въ Россіи. 1812 годъ по воспоминаніямъ современниковъ-иностранцевъ. Сборн. сост. А. М. Васютинскимъ, А. Н. Дживелеговымъ, С. П. Мельгуновымъ. 3 части.	1 р. 25 к.	1 р. 50 к.
Книга для чтенія по древней исторіи, ч. I. Греція. Сборн. ориг. ст. подъ ред. А. М. Васютинскаго, М. Н. Новаленскаго, В. Н. Перцева, Н. В. Сивкова.	2 р. — к.	4 р. — к.
То же, ч. II. Римъ—Республика.	2 р. — к.	3 р. 50 к.
То же, ч. III.	1 р. 80 к.	2 р. 25 к.
Мельгуновъ, П. П. Первые уроки исторіи. Древній Востокъ. 10-е изданіе.	1 р. 20 к.	1 р. 60 к.
Мельгуновъ, С. П. и Петрушевскій, В. А. (редакція). Разсказы по русской исторіи. Изд. 3-е.	1 р. 75 к.	2 р. 10 к.
Наше Прошлое. Разск. по русск. истор. Сборн. подъ ред. Е. И. Вишнякова, С. П. Мельгунова, Б. Е. и В. Е. Сыроѣчковскихъ.	1 р. — к.	1 р. 25 к.
То же, ч. II.	1 р. — к.	1 р. 20 к.
Семевскій, В. И. Политическ. и обществ. идеи декабристовъ. Украинскій вопросъ. Сборн., составл. сотрудн. журнала «Украинская Жизнь».	1 р. 50 к.	2 р. — к.
Игнатовъ, И. Н. Театръ и зрители.	1 р. 20 к.	1 р. 50 к.
Фриче, В. М. Итальянская литература XIX в., ч. I.	2 р. 50 к.	3 р. 50 к.
Его же. Германскій империализмъ въ литературѣ.	75 к.	1 р. — к.
Перцевъ, В. Н. Учебн. по древней исторіи. Ч. I. Греція.	2 р. 25 к.	3 р. — к.
То же. Ч. II. Римъ.	1 р. 50 к.	2 р. — к.
Фишеръ, В. М. Учебникъ по исторіи русской литер.	75 к.	90 к.

ПЕРЕСЫЛКА ЗА СЧЕТЪ ПОДПИСЧИКОВЪ.

**Въ 1917 г. „ГОЛОСЪ МИНУВШАГО“ будетъ издаваться
при прежнемъ составѣ сотрудниковъ.**

Въ 1916 году были напечатаны статьи слѣдующихъ авторовъ:

В. Я. Адарюкова, Ш. Аскеназы, А. С. Архангельскаго, Е. Бакуниной, В. В. Берви, В. Д. Бончъ-Бруевича, В. П. Бузескула, И. П. Бѣлоконскаго; А. В. Васильева, Н. П. Василенко, А. М. Васютинскаго, А. Н. Веселовскаго, М. В. Веселовской, Г. В. Вернадскаго, П. И. Власова, Е. Н. Водовозовой, В. В. Водовозова, Р. И. Выдрина, И. Гинцбурга, М. Н. Гернета, В. А. Гордлевскаго, Ю. В. Готье, Н. К. Гудзія, М. С. Грушевскаго, Н. В. Давыдова, А. Б. Дермана, С. М. Дубнова, В. Евгеньева, С. А. Ефремова, П. И. Зайцева, И. Н. Игнатова, Н. М. Иорданскаго, А. І. Калишевскаго, А. А. Кауфмана, А. Е. Кауфмана, Е. П. Карпова, Н. П. Карѣва, С. А. Качіони, В. Керженцева, А. А. Кизеветтера, М. М. Клевенскаго, Н. С. Клестова, П. С. Когана, Л. С. Козловскаго, Е. Колосова, А. И. Колмогорова, В. Коляри, В. Кордта, А. А. Корнилова, М. Я. Королькова, П. А. Кропоткина, Е. Д. Кусковой, И. О. Левина, И. А. Линниченко, Г. А. Лопатина, А. С. Лыкошина, Н. Г. Мардарьева, С. П. Мельгунова, Н. М. Мендельсона, В. В. Міаковскаго, С. Р. Минцлова, Н. А. Морозова, В. П. Науменко, Б. В. Неймана, А. П. Новицкаго, В. Н. Перцева, Н. К. Пиксанова, В. И. Пичета, Н. Н. Полянскаго, М. Н. Покровскаго, Т. И. Полнера, А. З. Попельницкаго, И. И. Попова, В. П. Потемкина, А. П. Прибылевой, Н. И. Проферансова, С. И. Радцига, С. И. Раппопорта, В. О. Ржига, В. А. Розенберга, И. Н. Розанова, И. С. Рябинина, И. Е. Рѣпина, В. И. Семевскаго, К. В. Сивкова, Н. П. Сидорова, Б. М. Соколова, И. Е. Степанова, В. Е. Сырогѣчковскаго, Б. Е. Сырогѣчковскаго, Е. И. Тарасова, К. Ф. Тиандера, Ф. Ф. Тищенко, Г. М. Туманова, К. Н. Успенскаго, В. Н. Фигнеръ, В. А. Филиппова, Н. Н. Фирсова, В. М. Фишера, А. В. Флоровскаго, А. Л. Фовицкаго, М. О. Фроленко, В. М. Фриче, И. М. Хераскова, М. П. Чубинскаго, М. А. Цявловскаго, Н. І. Шатилова, Г. Н. Шрейдера, Е. Е. Якушкина.

ОТКРЫТА ПОДЛИСКА на 1917 г.

(ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА на 1916 г.)

— НА ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ —

ИСТОРИИ И ИСТОРИИ ЛИТЕРАТУРЫ

„ГОЛОСЪ МИНУВШАГО“

(5-й годъ изданія).

Журналъ посвящается разработкѣ вопросовъ исторіи и исторіи литературы русской и всеобщей.

ПРОГРАММА ЖУРНАЛА:

I. Статьи по вопросамъ русской и всеобщей исторіи, исторіи литературы, философіи, искусства и археологін.	V. Біографіи русскихъ и иностранныхъ дѣятелей.
II. Мемуары, записки, дневники и письма современниковъ.	VI. Кратика и библіографія.
III. Матеріалы по исторіи, исторіи литературы и т. д.	VII. Новости русской и иностранной науки.
IV. Историческая беллетристика.	VIII. Обзоръ журналовъ русскихъ и иностранныхъ
	IX. Хроника.

Журналъ ИЛЛЮСТРИРУЕТСЯ картинками изъ прошлаго и портретами дѣятелей русскихъ и иностранныхъ.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ съ доставкой и пересылкой въ Россіи: на годъ 17 руб., на 1/2 года 9 руб., на 3 мѣсяца 4 руб. 50 к., за графику 20 руб.

————— Перешлите адреса 40 коп. —————

Въ **ОТДѢЛЬНОЙ ПРОДАЖѢ** книга журнала 2 руб.

Комплекты за прежніе годы по 8 руб.: 1913 г. (безъ № 1), 1914 г., 1915 г. (безъ №№ 4, 5). На пересылку накладывается платежъ.

ПОДПИСЧИКИ на 1917 г. имѣютъ право пріобрѣсти на льготныхъ условіяхъ историческія изданія „ЗАДРУГИ“.

Подписка принимается:

Въ **Москвѣ:** въ конторѣ журнала (складъ книгоиздательства «Задруга», Малая Никитская, д. № 29; тел. 4-50-61).

Въ отдѣленіи конторы: **Петроградъ**, Фонтанка, 80. Книгоиздательство «ОГНИ».

Адресъ редакціи: Москва, Гранатный, 2, кв. 31.

ПРИЕМЪ ПО ДѢЛАМЪ: вторникъ, отъ 3 до 5 час.

Редакторъ-издатель **С. П. МЕЛЬГУНОВЪ.**

Тип. Т-ва Рябушкинскихъ, Москва.